

МАГНЯ ФЭНТЕЗИ

Феликс НЕИЗВЕСТНЫЙ
НИШИЙ КОРОЛЬ

САМИЗДАТ

Обнаруженная новая рукопись неизвестного автора оказалась ни чем иным, как прямым продолжением антиутопии «Закатиглазка»! Но здесь роль главного героя принимает на себя муж Принцессы — Его несравненное величество Король Многоземельный! Потерявший своё королевство, дерзновенный государь, оставшись наедине со своим горем, не поддаётся отчаянию, а твёрдо решает, что жизнь простолюдина — это не для него и вступает на нелёгкий путь по восстановлению себя на престоле! Интриги, погони, схватки — во что только не вляпывается Его Величество! Теперь ему доводится испытать на собственной шкуре те самые законы, кои он же и принимал, будучи во главе государства. Социальный абсурд и жестокая сатира, бурлящие в водовороте безумия — вот краткая характеристика происходящего на страницах романа! В книге всё так же проявляются пороки общества в их неприглядной наготе и поддаются беспощадному бичеванию! Всё то о чём предпочитают не вспоминать и не думать, принимая за неизбежный, и естественный ход вещей — выступает в своих самых уродливых, гипертрофированных формах (или нет?). Но суровая реальность романа обильно сдобрена острым вездесущим юмором. Сами же герои, имеют под собой основу из реально существующих личностей, коих неизвестный автор имел счастье наблюдать в действительности, благодаря чему их образы так сочны и содержательны, и, несомненно, читатель тоже может узнать в действующих лицах и своих «добрых знакомых», что делает произведение особо притягательным и запоминающимся, но, в случае чего, все совпадения — абсолютно случайны...

Феликс Неизвестный

Нищий Король

Глава 1

Король Многоземельный заливался богатырским храпом, расплоставшись в гуще тёплых пахучих трав. Густые чёрные, с редкой проседью, борода и усы, были перепачканы варёными рисовыми зёрнами, привлекавшими крупных рыжих муравьёв, которые, в поисках пищи, борздили заросли королевских волос, мешая Его Величеству спать, и Король, не просыпаясь, хлопал себя ладошкой по отвислым щекам и, вполголоса, матерился.

Проснулось Его Величество, не от нежного покачивания, как обычно, а от грубого пинка по мягкому месту. Еле разлепив глаза Король непонимающе уставился на посмевшегося потревожить его сон незнакомца. Вернее, двух незнакомцев. Обое были одеты в рыбацкие пятнистые штаны и чёрные футболки с большой надписью: «охранное агентство Я — ВОР».

— Чего развалился? — беспардонно поинтересовались, склонившиеся над Величеством охранники и Король получил ещё один пинок по сахарным ягодицам.

— В чём дело? — пробормотал монарх, пытаясь прикрыть ладонью пострадавший зад — Сплю я, отстаньте от меня...

Увы, ладони было слишком мало, что бы уберечь роскошный королевский зад и новый пинок потряс покой благородного седалища.

— Хлоп! — взвизгнул Король — Поди прочь! Оставь своего повелителя в покое!

— Это частная территория, — сообщил охранник — вход посторонним строго воспрещён, так что, давай, проваливай, пока цел!

— Разве ж так полагается обходиться с королевской персоной? — августейший перевернулся на спину, надёжно спрятав от побоев мягкое место.

— А ты знаешь, что полагается за нарушение границ частных владений? — вопросом на вопрос ответил охранник.

— Что? — с наивной надеждой полюбопытствовал Король, припоминая, что обычно королям за нарушение границ полагались трофеи, золото и рабы.

— А вот что! — к огромному разочарованию Его Величества, вместо золота и рабов к его носу был подставлен большой волосатый кулак.

Король внимательно оглядел кулак и, даже, понюхал, а вдруг в кулаке зажато что —нибудь вкусненькое, но нет, волосатые пальцы пропахли гадким табачным дымом и солёной рыбой. Его Величество непонимающе перевело взгляд с самого кулака на его владельца.

— И в чём фокус? — спросил Король.

— А в том, что вот этим самым, — охранник потряс кулаком — и тебе в рыло!

— Мне? — изумился Король, он мог понять когда он кому — то хлопнет по физиономии, но что бы ему! Подобное не укладывалось у Короля в голове.

— Так как? Хочешь? — охранник настойчиво совал кулак пред царственные очи.

— Э, нет! — поспешно отказался от предложения Его Величество — Я на это не согласен!

— Ну, так, проваливай! Да поживее!

Его Величество, пыхтя как ёжик, таки, встал на ноги, запахнул расхриставшееся рубище, и потуже затянул верёвку на пузе.

— Это моё! — Король властно наложил руку на мешок с гречневой крупой, показывая, что от своего он отказываться не намерен.

Охранники не стали оспаривать права собственности на гречу, а Король, подсев, было

взвалил мешок себе на спину, но, лишь, ощутив на плечах неподъёмную тяжесть, крикнул и сбросил груз на землю.

Величество встал, задумчиво рассматривая подлый мешок, посмеявшийся давить Короля.

Охранники, ехидно ухмыляясь, наблюдали за манипуляциями монарха, не выказывая ни малейшего желания помочь.

Король ухватил мешок двумя руками и попытался волочь его по земле, но ступив два шага, упыхался и бросил эту гиблую затею, под нескрываемый глумливый смех бессовестных охранников.

Его Величество обладал большим умом и, уже, понял, что мешок с гречей — это тяжело, что не могло не вызывать королевского удивления. Ещё бы! Ведь, Королю доводилось наблюдать как холопы разгружали целые вагоны вот таких же мешков, и делали это часов по двенадцать к ряду, бойко и шустро, а зная, что все холопы — лодыри и бездельники, Король искренне был уверен, что таскать эти самые мешки — одно удовольствие.

Смех охранников становился всё более назойливым и Его Величество не мог больше слышать этого, но и бросать гречу не хотелось.

Король нагнулся, развязал мешок и стал, загребая полные жмени крупы, рассыпать гречу по карманам, пока не набил их доверху. Монарх гордо выпрямился, постоял с минуту, грустно глядя на фундамент оставшийся от его когда — то великолепного дворца, вздохнул, развернулся и зашагал прочь, шурша босыми пятками по траве.

Король Многоземельный покидал владения, некогда своей, летней резиденции, а, не обладая транспортным средством, это было делом не простым. Почти восемь тысяч гектаров заповедных земель были отведены под королевское имение. Леса и луга, всё это нужно было покинуть как можно быстрее, ибо новый владелец земли имел, по — закону, полное право расправиться с нарушителем любым способом.

Вначале Его Величество бодро промаршировал через пустошь, оставшуюся от его парка, перешёл через иссохшее озеро, и вышел через ворота, от которых осталась одна рама, на широкое шоссе, идеально ровное, выстеленное исключительно для королевских кортежей. Его Величество стало на белую линию разделявшую шоссе пополам и, как по путиводной нити, зашагало по этой линии.

Хорошо было Королю идти под августовским солнышком, вдыхая свежий воздух, наполненный хвойным ароматом реликтового леса. Тёплый ветерок озорно играл густыми королевскими кудрями, временами беспардонно раздувая полы хламиды, в которую был облачён Его Величество, обнажая тучные, ничем не прикрытые бёдра.

Монарх, обретя доброе расположение духа, даже стал тихонько напевать песенку «Всё могут короли», он ожидал, что сейчас, ему навстречу, должна выйти, посланная им, Принцесса Закатиглазка и принести съестного, новую одежду и денег.

Но, по мере того, как солнце начало близиться к закату, а температура воздуха снижаться, Королём стало овладевать беспокойство. Дурные мысли ворохом закружились у него в голове. А что, если сегодня Принцесса, вообще, не явится? От неё можно ожидать любой гадости! Это, что же, королю придётся остаться без ужина? Спать натошак? Погодите, а как же спать? Ни кровати, ни перин в наличии не имеется, а мешковина, наброшенная на плечи, тепла не держит. Карул!

И тут же Король пожалел, что вспомнил об ужине. Эта мысль быстро вытеснила все прочие и полностью завладела королевской сущностью. Есть хотелось нестерпимо, а надежды на Принцессу таяли.

Не в силах более сносить муки голода, Его величество свернул с шоссе в лесную чащу, в надежде отыскать пропитание. В конце концов звери лесные же что — то едят, ягоды какие —нибудь или грибки. Король, уже, был на всё согласен.

Но, вопреки ожиданиям, под деревьями не обнаружилось ни зарослей спелых ягод, ни колоний белых грибов, и булки, на ветвях, почему — то не росли, видать не сезон...

Король, в поисках, забредал всё глубже в лес, но ничего питательного найти не мог. По пути ему попался холмик муравейника, Король хорошо помнил, как противные муравьи крали у него продукты на пикниках, что же, настал момент расплаты, сейчас Его Величество вернёт своё!

Король запустил руку в гущу муравейника, рассчитывая найти в нём пару бутербродов с сыром, но наткнулся, только, на гадкие белые личинки, а в придачу к этому, его больно искусали муравьи.

От такого приёма Его Величество впал в ярость и попыталось растоптать муравейник, но муравьи не побрезговали, голыми королевскими пятками и повпивались в них как бульдоги. Поняв, что сражение с муравьями проиграно, Король дал себе команду к отступлению и спешно ретировался.

Битва с муравьями и затраченная на неё энергия обострили чувство голода до невозможного, и тут, о радость, Король увидел тучу жирных мух, кружившихся над густым кустом.

— Мухи любят сладкое! — подумал монарх — А судя по тому как их много, в кустах спрятан, не иначе как, бочёнок с вареньем!

Король затрусил к кусту, нетерпеливо раздвинул ветки, но варенья в кустах не обнаружил. Там было кое что получше! Кто — то пролил хороший ковш чёрного шоколада, а шоколад Король любил. Он сорвал один листочек, обильно политый шоколадом, и, блаженно, слизал тёмную массу. Это оказался не шоколад.

Король скривился, трижды плюнул и отёр язык рукавом.

Эх, видно доведётся, Королю Многоземельному героически погибнуть без ужина.

Уже, совсем отчаявшись, Король поднял с земли, перепачканную песком, шишку и положил её в рот. Разгрызаемая шишка издала хруст. Король усиленно заработал челюстями, размалывая шишку, но и это яство не пришлось августейшему по вкусу.

— И что белки находят в этой гадости! — заплевался Король и, вдруг, услышал за своей спиной человеческий голос.

— В лесу все шишки мои!

Король испуганно обернулся. Перед ним стояли три хорошо откормленных типа, мерзкой наружности, в охотничьих костюмах. Позади них был припаркован пикап тойота тундра, на котором они незаметно подкрались к оголодавшему монарху.

— Ну чё? — промурчал самый мордастый из троих — В моих угодьях браконьерствуешь, скотина?!

— Нет, я просто это... — промямлил Его Величество, ещё, не придя в себя от неожиданного появления хозяев леса.

— Да, даже, за «просто это», я могу тебя на сосне вздёрнуть! — мордастый оскалился — Здесь всё моё! Сюда не то, что заходить, смотреть в эту сторону запрещено!

— Кто же это такое выдумал? — нелепость претензий возмутила Его Величество.

— Ясно кто, — сказал один из друзей мордастого — наш предыдущий правитель Король Многоземельный и, хотя, он и лишился власти, но указы его никто не отменял. Дело

его живёт!

Голос говорившего показался Королю знакомым, он подставил ладонь ко лбу козырьком и внимательно взгляделся в троицу. Ба! Это же всё родные лица!

— Господин сенатор верхней палаты, — Король, милостиво улыбаясь, хлопнул мордастого по плечу — да и вы королевский прокурор и главный королевский полицеймейстер, так — то вы встречаете своего короля? — при этих словах Его Величество горделиво выпятил пуздо.

Три охотника застыли в изумлении.

— А, ведь, и правда — он! — тихо прошептал тот кого Король назвал прокурором.

— Точно он! — расхохотался, прямо, в лицо Королю сенатор — Тебя, Твоё Величество, в таком платье и не признать! Что последняя коллекция из Милана?

Лицо Короля побагровело от гнева.

— Как смеешь, холуй! — выкрикнул Его Величество — Забыл ты, что ли, как вот эти самые руки целовал! — Король ткнул сенатору в глаза свои перепачканные ладони.

— Помню. Не забыл, — сенатор брезгливо оттолкнул королевские перста — все мы их, тогда, целовали, потому что ты был королём. А нынче ты кто? Никто! Вот, как сядешь, снова, на престоле, опять мы ручки твои выцеловывать будем. А сегодня, ты — смерд! Говно и сволочь!

— Говори-говори, да не заговаривайся! — надменно молвил Его Величество — Ставший единожды государем, остаётся им навечно!

Ответом Королю был издевательский смех бывших лизоблюдов.

— Ах так! — грозно прокричал Его величество — На колени псы шелудивые, паскудные! На колени перед вашим королём!

Все трое продолжали стоять, самым дерзким образом не выполняя требование монарха. Тогда, не стерпев такой наглости, Король хлестнул тыльной стороной ладони по отвислой щеке сенатора.

— Ну всё, — сенатор потёр запыхавшую огнём щеку — я давно мечтал на полу в моём кабинете постелить твою королевскую шкуру! — не говоря больше ни слова, он развернулся и зашагал к пикапу.

С трудом взобравшись в кузов машины, сенатор поднял тёмно — зелёный чехол и расстегнул на нём молнию. Из чехла вынырнул блестящий ствол снайперского ружья.

— Ща я тебя, прямо, меж рогов! — сенатор, кряхтя, установил ружьё на крышу машины.

Но не тут — то было, Его Величество, как истинный лидер нации, был крайне чувствителен к подобным моментам и, уже, сверкая пятками, нёсся во весь опор, забираясь поглубже в лес.

— Ну что стали, как на митинге! — гаркнул сенатор на прокурора и полицеймейстера — Скорее за руль, пока не ушёл наш кабанчик!

Прокурор и полицеймейстер, трясая солидными животами, забрались в кабину пикапа, прокурор сел за руль, полицеймейстер высунулся из окна, взяв на изготовку табельное оружие.

Заревел двигатель, из под колес полетели гроздьё мокрого лесного песка, автомобиль рванул, быстро набирая скорость.

Охота началась!

Замешательство среди высокопоставленных охотников дало Его Величеству хорошую фору, он летел, как молодой олень, не чуя ног, то и дело перескакивая корни деревьев,

предательски торчавшие из — под земли и обминая буреломы. Никогда король и не мог представить, что человек способен развить такую скорость, а уж от себя он такого не ожидал и подавно. Карманы набитые гречей оказались, не только, лишним грузом, но, ещё, и сильно били по ногам, Король, было, хотел их вывернуть, но тут, услышал сзади гул двигателя, а следом, сразу же, прогремел выстрел, пуля срезала ветку над самой головой Его Величества и к своему безмерному удивлению Король побежал быстрее прежнего. В догонку ему, из табельного оружия, открыл огонь полицеймейстер. Король побежал зигзагами, скрываясь за стволами сосен, по которым били пули, предназначенные для августейшего тела. Сосновые иголки больно впивались в голые королевские пятки, а треклятые шишки, которыми была усыпана земля, трижды чуть не свалили с ног благородного беглеца. Спасали Короля начинавшиеся сумерки, делая затруднительным прицельный огонь из едущего автомобиля, да и сами охотники, перед поездкой хорошо выпили в местном кабачке, ибо, что это за охота на трезвую глову? Да и с собой у них было. Прокурор крутил одной рукой баранку, а второй держал изрядную бутылку виски, к которой ежесекундно прикладывался, да и не забывал подливать, прямо в рот, полицеймейстеру. От чего и палили они во все стороны, куда Бог пошлёт.

Его Величество стал задыхаться, силы убывали, а преследователи не отставали, лишь иногда буксовали, врезаясь в стволы деревьев. Впереди был крутой высокий холм, Король стал взбегать на него, и исчез из поля зрения охотников, но случилась неудача, в потьмах Его Величество не заметил шипастых веток густого кустарника и со всего разбегу врезался в них. Хламида из грубой мешковины крепко зацепилась за треклятые ветки и, как не брыкался Король, вырваться не получалось.

Преследователи, уже, повывлезали из машины. Они ели держались на ногах, так успели нажраться во время погони, и светили фонариками во все стороны, разыскивая свою добычу.

Сенатор осветил лучом фонарика тёмную громаду, барахтавшуюся под кустом на вершине холма, он тут же, не целясь, вскинул ружьё и выстрелил в сторону Короля.

Пуля полетела куда — то вверх, распугав птиц спящих на кронах деревьев.

Но Король, поняв, что из кустов ему не вырваться, решил воспользоваться этим выстрелом и рухнул как подкошенный, притворившись убитым.

— Попал! — радостно прокричал сенатор, клюнув на уловку.

Охотники, поддерживая друг дружку и распевая во всё горло блатные песни, забрались на холм.

— Готов, — сенатор осветил фонариком бездыханное тело Короля, распростёртое поверх жёстких веток куста, глаза на выкате, язык вывалился.

— Может, давай, я контрольный сделаю, — предложил полицеймейстер и гуляющей рукой приставил дуло табельного пистолета ко лбу его величества.

— Дурак! — выкрикнул сенатор и, как раз вовремя, успел оттолкнуть руку с пистолетом.

Прогремел выстрел — пуля срезала Королю волосы на левом виске.

— Ты же шкуру мог попортить! — сенатор дал зычного подзатыльника полицеймейстеру, от чего тот, ещё раз выстрелил, на этот раз, чуть не ранив прокурора.

— Пьяная свинья! — обругал полицеймейстера прокурор и, тоже, отвесил ему затрещину, из — за чего полицеймейстер, по своему старому обычаю, снова выстрелил.

Сенатор отобрал у него пистолет и зашвырнул во тьму.

— Что вы сделали! — запричитал полицеймейстер — Это же табельный пистолет,

подотчётный! С меня за него спросят!

— Кто с тебя спросит? Ты же главный! — сенатор вытянул нож и принялся освобождать Короля от пленивших его веток.

— Точно! — обрадовался полицеймейстер — Это же я со всех спрашиваю! — он заулыбался как младенец — Со всех спрашиваю, а сам, ни за что не отвечаю!

Прокурор, тоже, взялся помогать снимать королевский трофей с кустов.

— Вроде бы, только, пристрелили, а уже, как воняет, — прокурор брезгливо морщил нос, орудуя ножом в потьмах.

Наконец работа была закончена и громоздкая туша свалилась на землю. Сенатор с прокурором упёрлись ногами в Короля и толкнули его вниз. Его Величество, шурша песком и иголками, покатился вниз с холма. Следом за ним, не удержавшись на ногах, скатился полицеймейстер.

Пока всё шло, именно, так, как запланировал Его Величество. Сейчас его загрузят в кузов пикапа, а там, вовремя поездки, можно будет незаметно выскочить и быть таковым!

Но пришла беда откуда не ждали.

Даже втроём, со всем надрывом, охотники не могли оторвать королевское тело от земли и на дюйм. Они пытались сложить из веток, которые смогли найти, пандус, что бы хоть как — то приподнять монарха, но, едва, они втащили его на импровизированную конструкции, ветки, под весом Короля переломались и вгрузли в песчаную почву.

Пытались затянуть Короля, обвязав его верёвкой под мышками, один тащил за верёвку, стоя в кузове, а двое поддавали снизу — звонко лопнув, не выдержала верёвка.

— Может и хрен с ним! — не выдержал, обливаясь потом, прокурор — Ну на что тебе его шкура?

— Нужна! — не сдавался сенатор — У меня на округе через три месяца выборы, и если черни показать, как я с людьми расправляюсь, они меня, со стопроцентной явкой, на следующую каденцию переизберут. Любят они, что бы над ними строгий хозяин был, не могут без этого.

— Я могу его прямо тут освежевать! — отозвался из кузова полицеймейстер — Я крови никогда не боялся и не жалел! Чужой...

От услышанного у Короля задёргался глаз, благо в темноте никто этого не заметил.

— Э — эх, — призадумался сенатор — видать придётся, — он посмотрел на шатающийся силуэт полицеймейстера — хотя я видал, уже, твою работу, от человека после тебя одно месиво остаётся, фарш. Да и шкуру ты лохмотьями снимаешь.

— Давай лучше так, — предложил прокурор — у меня с собой хороший фотоаппарат, со вспышкой, мы снимков наделаем, как ты изголяешься над телом невинноубиенного. Завтра журналистов с репортажем закажем, ты там можешь любых баек им нарасказывать, а репортаж этот, по центральным каналам, неделю покрутим и готово!

— А я, ик! Тебе орден за мужество вручу! Ик! — добавил полицеймейстер.

— Да! Он тебе, ещё, и орден вручит, — зацепился за идею полицеймейстера прокурор, которому совсем не улыбалось сидеть в лесу ночью — это, ещё, один репортаж доснять можно будет. Всё — равно мы втроём эту тушу не поднимем, — из кузова донёсся храп полицеймейстера и прокурор поправился — уже вдвоём.

— Ладно, — махнул рукой сенатор — будь по — твоему!

Прокурор быстренько достал из машины фотоаппарат, Королю, для виду, подложили ружьё, а в каждую руку вставили по ножу.

Началась фотосессия.

Сенатор позировал и так и эдак. Ставил ногу на грудь поверженному монарху, садился рядом на корточки, делал Королю рожки.

Его Величество, совсем перестал дышать, и лицо его приобрело очень подходящий картине фиолетовый оттенок.

Изображались элементы схватки. Сенатор протягивал руки Короля к своему горлу, имитируя попытку удушения, залезал верхом на Его Величество, как — бы одолевая, брал королевские ноги на болевой захват, выворачивая суставы самым беспощадным образом. Король же проявлял доблестную стойкость, ни разу не охнув и не вскрикнув.

Наработав вдосталь фотоматериала, сенатор и прокурор распили бутылку водки, и собрались было уезжать, но сенатор зачем — то подвесил включённый фонарь на дерево.

— Комарам светить? — не понял задумки прокурор.

— Сейчас в именье вернусь, — еле проговорил сенатор — прикажу холопам пускай берут лебёдку и за трофеем едут, фонарь маяком будет. Я такую холёную шкуру бросить не могу...

Наконец они уселись, и автомобиль, с охотниками, шарахаясь бампером о стволы деревьев, покотил в направлении шоссе.

Король вдохнул полной грудью, со свистом втянув воздух через ноздри. У Его Величества кружилась голова, в висках стучало, в ушах шумело. Не имея сил встать, он продолжал лежать на спине, ощущая через изорванное на спине рубище, холод влажного песка.

Внезапно Его Величество почувствовал, что к его, бессильно вытянутой руке, прикоснулось что — то мягкое и влажное. По быстро зациркулировавшему возле руки воздуху, Король понял, что его обнюхивают. Длинные колючие усы неприятно кололи королевскую кожу, а чей — то нос пару раз, нерешительно, толкнул королевскую ладонь. Монарх не реагировал. Как, вдруг, слюнявый рот с тупыми зубами, заглотил большой палец Короля и стал его жевать.

— Ай! — вскрикнул Король и, перевернувшись, встал на четвереньки.

В свете фонарика он разглядел перед собой старого, в проплешинах, зайца.

Чёрные глаза Короля встретились с красными раскосыми глазами зверька.

— Чего разорался? — недовольно просипел Заяц.

— А чего ты мне палец откусывал? — вопросом на вопрос ответил Король.

— Я думал ты пристреленный, — Заяц почесал задней лапой подбородок.

— Нет, — опроверг Его Величество — не попали.

— Жаль, — раздосадованно сказал Заяц — я бы тебя съел.

— Не смей меня есть, гадкое животное! — Король на всякий случай отполз немного назад — Я тебе не какой — то обычный человечиска. Я — великий и грандиозный Король Многоземельный! Кланяйся!

Заяц склонил голову набок, старательно изучая королевские черты.

— А и вправду — ты, — удивлённым шёпотом произнёс Заяц — тебя и не узнать.

— Богатым буду, — подметил Король.

— Правда я и видел — то тебя один раз в жизни, — Заяц не отрываясь глядел в глаза Королю — но, уж, этот раз я крепко запомнил.

— Ещё бы, — Его Величество гордо вскинул голову — лицезреть самого Короля Многоземельного — это событие в жизни каждого!

— А, вот, ты — то меня, небось, и не помнишь? — едко спросил Заяц.

— Ещё чего, — хмыкнул Его Величество — я не опускаюсь до того, что бы запоминать каждого смерда, я на вас плевать хотел.

— А, ведь, это я помог добыть для тебя горшочек с золотом, — надулся Заяц — мне твоя супруга представление в министры клятвенно обещала, а ты, вместо этого, приказал приготовить из меня рагу и подать к ужину!

— В таком случае, — Король надменно сложил руки на груди — я, вообще, не понимаю, как ты можешь находиться здесь, если, королевским приказом, тебя стушили с овощами. Как смел ты не быть приготовлен?

— Повезло мне, — криво усмехнулся Заяц — повар, как только, увидел меня, чуть не расплакался. Стал причитать, что такую старую животину, как я, ни каким автоклавом не разварить. Придумал он, для начала, меня в маринаде подержать, может помягче стану. Посадил меня в кастрюлю, залил, я покис пару часиков, тогда он меня общупал и, снова, в слёзы — не помог маринад, а как же он меня к столу подаст? Король за такое казнить велит!

— Да, — кивнул Его Величество — именно так бы я и сделал.

— Тогда предложил я повару сделку, — продолжал Заяц — он мне — свободу, а я ему вместо себя приведу другого молодого зайчика. Повар сразу согласился. Взял я у него качан капусты, да три сладких морковки и отправился в лес, велев повару нарезать овощей для рагу в большую кастрюлю. В лесу я разыскал три заячих гнезда, в двух зайчата сидели с матерью и меня от туда погнали, но в третьем зайчата были одни, мать ушла за клевером. Я стал их выманивать морковкой. Они долго боялись выходить, но когда я уселся перед их гнездом и стал чавкать капустой, они не выдержали и вылезли ко мне, семь пушистых комочков. Я, для начала, угостил их морковкой, а когда они съели её, отдал и кочан капусты. Им очень понравилось и мне они, уже, доверяли, ведь, я в конце концов, тоже, заяц. Зайчата стали спрашивать, где я такими вкусностями разжился, они, дескать, такого ни разу в жизни и не пробовали. Я рассказал им, что знаю место, где таких деликатесов целые горы — ешь сколько душа пожелает и предложил отвести их туда. Маленькие глупые зайчата, так обрадовались и вприпрыжку пустились за мной следом. Скоро мы были на кухне и я показал им грудку нарезанных овощей, плававших в большой кастрюле. Зайчата, с радостным визгом, позапрыгивали в кастрюлю, а я, тотчас, накрыл их тяжёлой крышкой, что бы они не могли выскочить, да включил огонь на плите пожарче, так и сварились зайчата живьём, а ты, Король, получил к ужину рагу, но вместо меня, там было мясо пяти зайчат.

— Как пяти? — не понял Его Величество — Ты же говорил, что их было семеро.

— А двоих я сам схрумкал, — Заяц, даже, замурчал, припомнив сладость молодого мяса.

— Заяц — каннибал? — Король был поражён — Я про таких никогда не слышал.

— А ты меня в министры брать не захотел, — упрекнул Короля Заяц.

— Не факт, что ты бы справился, — сказал Его Величество — у меня все министры были людоеды первосортные. Они народу извели, больше чем война убила.

Неожиданно непроглядную лесную тьму прорезал яркий свет галогенных фар, ослепив собеседников.

— Похоже это за мной, — Король припомнил, как следовательно грозился прислать своих холопов.

— Надеюсь ты в хороших отношениях с теми, кто тебя ночью в лесу ищет? — просипел Заяц, щурясь от света.

— С холопами? — монарх скривился — Фу! У короля не может быть никаких отношений с таким отребьем.

— Так чего же они за тобой едут? — полюбопытствовал Заяц.

— Думают, презренные, шкуру сять с меня, — усмехнулся августейший.

— А чего же ты стоишь? — Заяц непонимающе поглядел на Короля.

— Хочу полюбоваться на их хари, когда мы встретимся и я сообщу им, что перед ними их король, — Его Величество величаво расправил плечи — то — то они испугаются!

— Испугаются... — повторил Заяц и покрутил пальцем у виска — ну, веслой встречи! — косой помахал на прощанье лапкой и поскакал прочь.

Что — то в этом скором прощании насторожило Короля и, даже, немного напугало. Ой не зря косой так скоро ретировался, видать местные хлопы, особенно омерзительны, а, уж, коли так, то и Великому Королю Многоземельному незачем печалить свои взоры о ничтожных смердов.

Король снял с дерева фонарик и, освещая им путь, бросился за Зайцем, он — то места здешние знает и не даст в лесу заблудиться.

Широки шаги Великого Короля и под ними земля сотрясается, так что услышав королевскую поступь, Заяц, не оглядываясь, рванул, что было мочи, он, уже, вообразил, что это стадо слонов — мутантов преследует его и нёсся, пока, Король не окликнул его.

— Твою же за ногу, хе — хе, — Заяц совсем захекался — ты что, сразу, не мог отозваться, меня чуть кондратий не разбил.

— Боишься короля? — Его Величество лихо закрутил ус — Правильно делаешь!

— Да я думал — это землетрясение, — Заяц наклонился к пробегавшему в овражке грязному ручейку и долго жадно лакал воду.

Король, который, тоже, за день не мало побегал, припал к ручью, рядом с Зайцем, и макнув бороду в воду, пил из ручья.

— Фу, — поморщился Заяц и поглядел на монарха — чем от тебя так воняет?

— Это потому, что находятся негодяи, которые справляют нужду, прямо, в лесу, — Король выжал намокшую бороду — а золотые унитазаы, спрашивается для чего существуют?

— А — а — а... — протянул Заяц, припоминая — точно, это меня утром прослабило.

— А чего ты здесь окалачивался? — спросил Король.

— Так у меня сестра, Зайчиха, здесь участок прикупила и домик на нём отбабехала. Когда ты разорился, столько желающих на бывшие королевские земли оказалось, хоть отбавляй.

— А, ещё, говорили, что я плохо правил! — подметил Его Величество.

— Клевещут! — согласился Заяц — В твоё правление всё лазурное побережье в Каннах и Ницце было выкуплено подданными Королевства Многоземельного, и, уж, только те, которым не хватило пляжей Франции и Испании, они вынуждены покупать надельки на исторической родине, вернее они давно всё раскупили, но тут, по счастью, королевские именья пошли с молотка. А у сеструхи моей пенсия немалая, она пятьдесят лет на должности хорошей стояла, палец о палец не била, вот и заработала солидный пансион, да с тех пор как её с местечка тёплого попросили, сама бы ни в жизнь не ушла. Она пенсию подкапливала, так что к моменту грандиозного земельного дерибана, то бишь приватизации королевских земель, смогла приобрести себе небольшой надел и, нынче, на нём, полноправная хозяйка. Меня, обездоленного, к себе приняла, взамен, я ей по хозяйству помогаю. Когда домик строили, я строителям ни секунды покоя не давал, рулеткой мерял,

отвесы выставлял, хотя, ни хрена в этом не понимаю. В итоге, когда, они дом достроили, я заявил, что работа — не годится, и мы, с сестрой, их выгнали, ни гроша не заплатив жадным ленивым плебеям!

— Ай, молодцы! — в восторге Король хлопнул себя по ляжкам.

— А сегодня сестра дала мне денег и отправила харчей закупить, — Заяц, вдруг, поник — да строго — настрого приказала деньги на водку и девок не тратить. Можно подумать это возможно! Раньше — то, когда я должность занимал, у меня это всё за даром было, а, теперь, за всё деньги требуют, за «так» никто ничего не даёт. Короче прогулял я все деньги, как, теперь, к сестре возвращаться? — Заяц огорчённо потёр носик — Я хотел, было, пару дней в лесу отсидеться, что бы она поостыла, да голод к ночи так придавил, сил нет, стал я бродить в потёмках, вынюхивал, может чего найдётся пожевать, и, о удача, наткнулся на хорошую тушу неведомого зверя, думал ондохлый, стал кусать, тут ты и проснулся. Вот же не свезло!

— Да я и сам по лесу с теми же целями бродил, — поделился в свою очередь Король — ничего не нашёл, — он вздохнул — есть, правда, у меня с собой кое — что, но я понятия не имею, как это готовить.

— Что там у тебя? — спросил Заяц.

— А вот, — Король набрал из кармана крупы и показал Заяцу.

— Да это же греча! — воскликнул Заяц.

— Ты можешь её приготовить? — спросил Его Величество, быстро спрятав крупу в карман.

— В принципе могу, — задумался Заяц — а много её у тебя? — косой, без спроса ощупал королевские карманы — Ого!

— Так что? Приготовишь? — снова спросил Король.

— Приготовлю, — кивнул Заяц — только для этого нужны спички и посуда. Так что идём к сестре, у неё всё есть. За гречу она меня простит!

— Ладно, веди, — Король передал косому фонарик.

Долго ли коротко ли, но пришли Заяц и Король к лесному дому Зайчихи.

Дом был одноэтажный, невысокий, целиком сложенный из вырубленных здесь же деревьев. Дом неприветливо таращился во все стороны тёмными окнами в бежевого цвета рамах с облупившейся краской. Крыша покрыта старой черепицей, засыпанной жёлтыми прошлогодними сосновыми иголками и старыми шишками. На широкой веранде, освещённой бледно — жёлтым светом керосиновой лампы подвешенной над дверью, в скрипучем кресле — качалке сидела сурового вида старая Зайчиха с седыми редкими волосами на макушке, завязанными в гулю, и в больших очках с толстыми стёклами, а лапах у неё лежало старое помповое охотничье ружьё «Ремингтон» и она нервно барабанила пальцами по ореховому прикладу.

Король, заметив, что Зайчиха вооружена, остановился, не рискуя подходить ближе, но Заяц бодро поманил его за собой, и Король, неспеша, пошёл к дому, прячась за спиной косога.

— Сестрица, дорогая, как я истосковался! — завопил Заяц едва подойдя к ступенькам на веранду, но, пока, не решаясь подниматься.

— Что, скотина старая, опять деньги прогулял? — сквозь зубы процедила Зайчиха.

— Кто? Я!? — изумился Заяц — Да с чего ты взяла? — затем он поскрёб лапой затылок — Ну, то есть, да, прогулял немного... то есть — всё...

Глаза Зайчихи сверкнули, она схватилась за ружьё.

— Но всё делал, как ты сказала! — Заяц вытянул вперёд лапки, успокаивая сестру — Ты же запретила на водку и девок тратить, так что я на них и не тратил, ни копейки, честное слово!

— А где ты весь день пропадал? — маленькие злобные глазки Зайчихи впились в брата — Почему от тебя перегаром разит?

— Нигде я не пропадал, — оправдывался Заяц — просто знакомого встретил, он меня и угостил стаканчиком пива, всего — то...

— Уж не это ли твой знакомый? — Зайчиха покосилась на Короля — Мало того, что ты сам бухаешь, так ты, ещё, и собутыльников в дом тащишь? Кто этот нищий оборванец и почему у него такое выражение рожи, как будто ему здесь все должны?

— Это не собутыльник, — опроверг догадку сестры Заяц — и не оборванец.

— Да неужели? — саркастически усмехнулась Зайчиха.

— Да — да, не смейся, — заверял Заяц — у нас сегодня такой высокий гость, это... — он запнулся не зная, что сказать.

— Великий и грандиозный, могучий и потрясающий, хитроумный и многомиллионный Его Величество Король Многоземельный! — прогремел раскатистым басом Король и, поглядев из — под мохнатых бровей на Зайчиху, приказал — Кланяйся!

— Иди ж ты! — прищёлкнула языком Зайчиха, слезла с кресла и, перекинув ружьё через плечо, зашла в дом.

Заяц и король растерянно переглянулись.

Зайчиха вернулась, всё так же неся ружьё на плече, в лапках она держала какую — то бумажку. Это оказался казначейский билет номиналом в один многоземельный доллар. Зайчиха растянула купюру в лапках, и поглядела на профиль изображённый на банкноте,

затем поглядела на Короля, сравнивая.

— Да, действительно, он, — хмыкнула Зайчиха и, свернув купюру трубочкой, спрятала за ухо — так и что же? Король вознаградит нас, хоть, одним сундуком с золотом, коих у него было неисчислимое множество? Один — то он смог утаить при конфискации? Может, даже, и не один?

— Нет у меня ничего! — Королю не понравилось корыстолюбие старой Зайчихи — Разве явился бы я в такую дыру будь у меня золото — бриллианты? Так что, считай — повезло тебе, что нету у меня средств, и я снизошёл до того, что бы осчастливить своим визитом твою жалкую лачугу.

Зайчиха прокашлялась и, внезапно, ухватила братца за ухо, да так, что тот, аж, запищал.

— Так на кой ты привёл мне этого оборванца? Какой с него прок? — зашипела Зайчиха брату в ухо — Как это оправдывает твой загул и просиране моих денег?!

— Но — но! — вмещался Король — Разве ж можно отказывать человеку в ужине и ночлеге, только, из — за того, что у него нет денег? — он осёкся, поняв, что сказал сущую глупость — Ну, человеку — то, конечно, можно, но я же — король!

— Бывший, — заметила Зайчиха, не отпуская братцево ухо.

— Бывших королей не бывает! — насупился Его Величество.

— Ага, — усмехнулась Зайчиха — мотоцикл продал, а привычка осталась! Короче, — снова зашипела она в ухо брату — разбирайся как хочешь, но что бы этого нищего здесь не было, а ты — получишь розог и пойдёшь спать голодный!

— Зачем же голодный? — Заяц аккуратно высвободился из лап сестры — Мы же не с пустыми руками пришли, — он бесцеремонно сунул лапу в карман Его Величества и вытянул щепотку гречи — гляди! — Заяц показал крупу сестре.

Глаза старой Зайчихи алчно сверкнули.

— Заходи, дорогой, гостем будешь! — пригласила она Короля.

Тот было сделал шаг на веранду, но тут же был остановлен резким окриком хозяйки:

— Куда прёшься! Идите, для начала дров наколите! — зайчиха зашла в дом и захлопнула за собою дверь.

— Это она мне? — спросил Его Величество у Зайца — Дрова колоть?

— Та не, — объяснил косой — не надо ничего колоть, у нас бензопила есть, пойдём!

Заяц и Король зашли за дом, где обнаружился маленький деревянный сарайчик. Они вошли внутрь. Было темно и воняло бензином и маслом.

— Подсветика мне, — попросил, передавая монарху фонарик, Заяц.

Король щёлкнул фонариком и осветил на Зайца, который крутился у, стоявшего в углу сарая, генератора, изо всех сил дёргая за стартер. Генератор долго упорствовал, не желая подчиняться косому, пока, сам, Его Величество, уставший от ожидания, дёрнул за стартер — агрегат сразу же заурчал, подскакивая на месте и ожесточённо вибрируя.

В сарае, под балкой крыши, засветилась лимонным светом электрическая лампочка. Стало видно.

— Сейчас такие тарифы на электричество, — Заяц прошёл между верстаком с тисками и полками с инструментом — что его позволить себе могут, лишь, избранные слои общества.

— Я знаю, — сказал Король — это был мой указ. Иначе, чего доброго, холопы начнут по вечерам книжки читать и, как следствие, бунтовать и бузотёрить.

— И то верно, — согласился Заяц, вытягивая с нижней полки бензопилу — а мы с сеструхой от генератора подсвечиваем. Нормально. Он нам, как и весь остальной

инструмент, от строителей остался. Мы, когда их выгоняли, заявили, что это всё наш инвентарь, а если они не согласны, могут идти в суд!

— В суд! — усмехнулся Король.

— Ага! — хохотнул в ответ Заяц — Прямо туда!

Они вышли из сарая, Заяц тащил бензопилу. Король, наотрез, отказался что — либо делать и Заяц, трясаясь от передаваемой пилой вибрации, повалил ближайшую сосну, едва не придавив ею Его Величество. Отпилив от ствола пару увесистых чубуков, Заяц покатил их к входной двери.

Король ничем не помогал, так что Заяц пришлось позвать сестру, что бы она помогла внести дрова в дом.

Его Величество вошёл без приглашения.

Он оказался в довольно большой комнате, служившей и гостиной и кухней одновременно. Стены гостиной, оклеянные пожелтевшими обоями, были увешаны головами убитых животных — кабанья голова, медвежья, волчья и, даже, олень с ветвистыми рогами — настоящая обитель заядлого живодёра.

— Интересно у вас тут, — Король, скрипя половицами, ходил по комнате, осматривая головы животных.

— Умею я пользоваться этой штучкой, — Заячиха, заноса второе полено, покосилась на висевшее на двух крючках ружьё.

— Но, я же, помнится запретил владение огнестрельным оружием, — заметил Король — во избежание актов неповиновения и гражданской непокорности. Я, даже, ножи с вилками запретил.

— Так ты же, это, плебеям запретил, — уточнила Заячиха, запихивая полено в топку, большой печи, сложенной из красного кирпича.

— А вы, стало быть, патрицианского рода? — лицо Его Величества выразило сомнение.

— Всё — то тебе интересно, — Заячиха взяла большой чугунный казан и, поднеся, его к Королю сказала — давай, высыпай гречу.

Его Величество вытряс содержимое кармана в казан.

— И второй выворачивай, — Заячиха облизнулась.

— Хватит! — отрезал Король — Ступай стряпать!

Зайчиха, с непередаваемой злобой, поглядела на августейшего, но смолчала и вернулась к печи.

Король, в ожидании ужина, уселся на длинный, чёрного цвета, диван, стоявший, посреди гостиной.

— Отведи его помыться, — бросила Заячиха брату — а то он тут весь дом собой перепачкает.

— Идём, скупнёшься, — выполняя приказ сестры Заяц, взял Короля за полу хламиды и повёл в ванную комнату.

Зайчиха бросила взгляд в спину уходящему Королю и увидела, что, от пят и до затылка, королевское рубище совершенно изодрано, и в дырах сияют августейшие телеса.

— И дай ему, что —нибудь из твоих старых костюмов! — крикнула вслед брату Заячиха — Пусть срамоту прикроет!

Заяц завёл Короля в ванную, комнату тесноватую, не к таким масштабам привык Его Величество, но всё необходимое имелось в наличии — душевая кабинка, глубокая чугунная ванна, унитаз с биде.

— Полежай под душ, — сказал Заяц — водичка подогретая, мыло там есть.

Король, тут же, сбросил одежды, представ перед Зайцем во всей красе, и стал под лейку душа.

— Мой король! — приказал Зайцу Его Величество.

— Да ты не охренел? — поинтересовался Заяц.

Но Его Величество поглядел на косоного таким взором, что у Зайца сработал древний инстинкт чиновничества и он, намылив мочалку, как загипнотизированный, стал натирать душистой пеной королевской тело.

— Пой! — приказал Король.

Заяц завыл:

Раз пошли на дело!

Выпить захотелось!

— Нет! — оборвал его Король — Исполни арию Каварадосси перед расстрелом!

— Чего? — Заяц, аж, поперхнулся — Я из всех этих слов, только, что такое «расстрел» знаю.

— Пой, холуй! — не принимал оправданий Король.

И, сам даясь диву, Заяц затянул:

E lucevan le stelle...

e olezzava la terra...

stridea l'uscio dell'orto

e un passo sfiorava la rena... [1]

Когда омовение монарха было завершено и Заяц обтёр Его Величество махровым полотенцем, Король сказал:

— Желаю облегчиться!

— Надеюсь это — то ты сам сможешь сделать? — поинтересовался Заяц.

— Думаю да, — секундочку поразмыслив сказал Король.

Заяц освобождённо вздохнул и вышел из ванной комнаты. Рядом находилась маленькая комнатка — спальня самого Зайца, войдя туда, Заяц, порывшись в сундуке, вытянул свой старый костюм, когда — то он любил в нём щегольнуть, но давно минули те счастливые времена, Заяц сильно спал с тела и костюм стал ему безразмерно велик, да и моль изрядно обглодала его, вообще, отдать, уже, не жалко.

Заяц свернул костюм, сунул под мышку и вернулся к ванной комнате. Он постучал в дверь.

— Ты, уже, справился? — крикнул через дверь Заяц.

Вместо ответа распахнулась дверь и Король, в костюме Адама, появился на пороге, в руках он держал, своё изорванное рубище.

— Можешь промыть, — сказал Его Величество.

— Что промыть? — не сообразил Заяц.

— За королём, — сказал Его Величество.

— Ты что же и смыть за собой не можешь?! — обозлился Заяц.

— Не для того у меня ручки королевские, — хмыкнул Король — это дело для всякого отребья, для холопов и прочего быдла.

— Вот же гад... — сквозь зубы процедил Заяц — на тебе тряпки, — он сунул Королю костюм — иди меряй, пока я промою.

Заяц зашёл в ванную комнату и, вдруг, застыл, выпучил косые глаза и громко выругался.

— Ты какого ляда в ванну наложил! — орал Заяц.

— А я унитаза не нашёл, — Король заглянул в приоткрытую дверь.

— А это что?! — Заяц подбежал к унитазу и похлопал по крышке — Даже ёршик есть! — он поднял ёршик над головой.

— Это, разве, унитаз? — удивился Его Величество — Не знал, что они бывают не из золота. А настоящий ёршик, вообще, не может быть дешевле семисот евро, что б ты знал, — Король закрыл дверь.

Заяц снова выругался, но ничего не поделаешь, пришлось ему идти за лопатой, разгрести «золотые горы».

Король прошёл в комнату Зайца и принялся за примерку костюма.

Его Величество, уж, тридцать с гаком лет не приходилось одеваться самому, так что примерка вызвала у него невообразимые трудности. Король долго разглядывал выцветший пиджак с платочком в кармане, прикидывая какую руку нужно совать в рукав первой, левую или правую или, может, какую другую конечность... Его Величество хотел кликнуть Зайца, но косой бездельник, зачем — то, убежал на улицу. Пришлось натягивать пиджак как получится.

Кое — как справившись, Король поглядел на себя в висевшее на стене овальное зеркало. Пиджак, был явно маловат, так как руки по локоть торчали из рукавов, да и скроен, по всей видимости, не правильно, из — за чего спина пиджака оказалась у короля на груди.

Пришёл черёд брюк.

Две штанины! А Король, только, один! Как он один наденет две штанины, их же на то и две, что бы вдвоём одевать. Его Величество плюнул и отбросил брюки.

Оказалось, был ещё и жилет. Что с ним делать? Король надел его на голову, посмотрел в зеркало — вроде ничего, красивый получился.

Вошедший в этот момент Заяц обмер от восхищения.

Король стоял перед ним, выпятив бочкообразное пузцо из под одетого наоборот пиджака, с жилетом, застёгнутом на лице и без штанов.

— Не твой фасон, — констатировал Заяц — снимай.

Снимать, оказалось не проще чем одеть, хорошо что рядом был Заяц, он помог монарху разоблачиться и пообещал найти одежду посподручней.

Сбежав в спальню к сестре, Заяц вернулся с просторным белым балахоном из грубого льна.

— Сеструха в отелье специально размер побольше заказала, — Заяц надевал балахон Королю через голову — а когда пришла за ним и померяла — большое на неё оказалось, так она такой скандал устроила, что ей бесплатно отдали. Тебе должно впору быть.

Балахон, действительно подошёл Королю по ширине, а, вот, в длину, едва, прикрывал колени. Но ничего выбирать не приходилось.

— Вот ещё, кое что имеется, — Заяц вытянул из сундука пару обуви — пынеходы! Я купил, когда твоё имущество распродавали. Ну как купил — украл, когда аукционист отвернулся, только мне они велики, на ты померяй.

Его Величество обул пынеходы и стал, будто бы, на пол головы выше и вдвое чванливей.

Заяц и посвежевший приодетый Король, державший подмышкой свою старую хламиду, вышли в гостиную и сели к столу.

Зайчиха смерила монарха взглядом, узнала свой балахон, но промолчала.

Наконец, Зайчиха начала подавать на стол. Яичница с салом в большой сковородке,

голубцы со сметаной, салат из заячьей капусты с клевером, чёрный хлеб и банка варенья.

— Скучновато, — пожаловался Король.

— Не жри, — равнодушно посоветовала Зайчиха и запустила вилку в сковороду с яичницей.

— Нет, уж, позвольте, король ест первый! — Его Величество поддел вилкой голубец и закинул в рот, перепачкав усы и бороду сметаной — Фи! — скривился Король — рис и капуста — пища бедняков!

Зайчиха чуть не подавилась со смеху.

— Пища бедняков! Ха! — она утёрла усы — Разве, что эти бедняки у тебя во дворце побираются!

Король иронии не понял, но заметил за столом недостачу.

— А где моя греча? — спросил Его Величество с набитым ртом.

— Назавтра оставила, — Зайчиха не отрывалась от яичницы — на завтрак тебе подам.

— Ага, на завтрак всё будет, — поддержал сестру Заяц.

— А ты, братец, — обратилась она к Зайцу — давай — ка, отвернись харей от стола, а то, мне не очень — то охота жрать салат заправленный твоими слюнями.

Дело было в том, что Зайчик был жутко слюняв и при разговоре умудрялся всё орошать своей мокротой, что за столом являлось делом не самым приятным и нарушало гигиену.

Заяц, прихватив свою миску, недовольно развернулся на табурете спиной к столу, но спохватившись, скоро молвил:

— Сестрица, разреши нам, по — поводу гостя, макнуть по писюрику?

— Не надо мне писюрик макать, — отказался Король — я же, только, искупался!

— Я имею в виду, накатить по пятьдесят грамм освежительного напитка, — разъяснил Заяц.

— Ладно, — согласилась Зайчиха — сиди тут, не подсматривай! — она слезла с табурета и, сходя, куда — то в комнаты, вернулась, неся четверть наполненную прозрачной жидкостью, горлышко бутылки было заткнуто бумажной пробкой.

У Зайца засверкали глазёнки, он радостно потёр ладоши, принял у сестры бутылку, сбегал в буфет принёс две рюмки, поставил одну Королю, одну себе и откупорил бутылку.

Едучий тяжёлый запах самогона разнёсся по гостиной. Заяц налили себе и Королю по полной рюмке, они цокнулись и Заяц мгновенно проглотил свою порцию.

Король не спешил. Он внимательно разглядывал содержимое рюмки, потом осторожно поднёс рюмку к носу, слегка вдохнул, сморщился, перекривился...

— А у вас нет, хотя бы, Хенесси? — спросил Его Величество, ответом ему было молчание — Я эту отраву пить не буду, — он отставил рюмку, разливая самогон по столу.

— Как хочешь, — сказал Заяц — а мы не гордые, — он одним движением опорожнил рюмку Короля и занюхнул лапой.

— А как же тебя с моим братом судьба свела? — завела разговор Зайчиха.

— Случайно, — отвечал Король, не забывая, уплетать голубцы — я дал указание моей шалапутной супруге, в виду, утраты мною королевства, пойти добыть для меня другое, сроку я ей дал до вечера, но какие — то разбойники меня изгнали с моей же земли и я пошёл куда глаза глядят, надеясь, естественно, что по пути супруга догонит меня и бросит новое царство к моим ногам, — он тяжело вздохнул — но она так и не появилась. Предала меня. Она всегда такая была, негодница. Меня, ещё, до свадьбы предупреждали, что хлебну с нею горя. Так и случилось. Никогда она доброты королевской не ценила. Понимала, что я — человек

тонкого душевного состояния, чувствительный и ранимый, — Король громко срыгнул — и, постоянно, этим пользовалась, а я, по добросердечию, всё ей прощал. Вот и допрошался — остался сам один, без королевства... — Король ещё раз тяжело вздохнул — а в лесу мне встретились, трое моих преданных слуг и составили против меня заговор, с целью покушения на мою священную особу. Гонялся за мной на танке с пулемётами! Ой — йо — йо!. — Его Величество быстро посмотрел на Зайца и Зайчиху и, изменившимся тоном, грозно забасил — Власть короля в такой ограде божьей,

Что, сколько враг на нас ни посягай,

Руками не достать!

— Да мы и так поняли, что убежал, — лениво зевнула Зайчиха — иначе бы ты тут не сидел. Дальше — то, чем ты заниматься намерен? Как будешь себе на пропитание добывать?

От наглости вопроса Король подавился голубцом, пустив из ноздрей сметану.

— Что значит «на пропитание добывать»? — негодовал монарх — Я — король! Короли ничего не добывают, им всё холопы подносят! Вот я, к примеру, у вас могу расквартироваться, а вы будете мне верно служить. Как вам идея?

— И не мечтай! — коротко отрезала Зайчиха.

— Не пойму? — удивился Его Величество — Что случилось? Я тридцать лет так жил, на иждивении у всей страны. Никто мне ни в чём не отказывал, а тут, вдруг, все как сговорились, никто прислуживать не хочет. Что с вами произошло? Я, ведь, тот же король, что и был, не узнаете что — ли?

— Ну как тебе объяснить? — призадумалась Зайчиха — Вот как ты отличаешь призрачного хлопа от достойного господина?

— Ясно как, — усмехнулся абсурдности вопроса Король — уж точно не по воспитанию, что те что те, когда козюли в носу ищут, руку по локоть в ноздрю запихивают, матерятся, тоже, одинаково, а как налакаются, в портки мочатся. Но я их не по этому различаю, а по вольво — мерседесам, коли есть свой выезд — значит господин, человек уважаемый.

— Ну, хотя бы, так, — кивнула Зайчиха — и где твои вольво — мерседесы?

— Нету, — шёпотом признался Король.

— Значит кто ты теперь?

Его Величество на секунду задумался и выдохнул:

— Король!

— Тьфу на тебя! — Зайчиха решила прекратить бесполезный спор.

— Это на вас тьфу! — обиделся Король — Я бы, между прочим, у вас бы и не остался. Не хватало мне в эдакой землянке гостевать! Я к тестю своему отправлюсь!

— Думаешь он тебя приютит? — Зайчиха лениво ковырялась в зубах.

— На что мне его приют? — разгорячился Его Величество — Он — правитель соседнего государства и он мне должен!

— За что? — спросила Зайчиха — В карты, что ли, тебе проиграл?

— За то, что я его дочь, негодницу, соизволил замуж взять! И терпел от неё все эти годы! А, нынче, по её вине, я своё королевство потерял! Пускай, взамен, своё мне отдаёт!

— Ты уверен, что он своё королевство, вот так, за здорово живёшь, тебе отдаст? — усомнилась Зайчиха.

— Почему же не отдаст? — вмешался в разговор, молчавший до этого Заяц — Переписал же он, до этого, целое Многоземельное королевство на зятя. Может и сейчас не откажет. Даже, если целое королевство и не даст, то может, хоть, половину пожалует.

— Целое! — Его Величество ударил кулаком по столу.

— Да, хоть, два! Это твои проблемы, — сказала Зайчиха — мебель, только, не ломай.

— Я и так шёл к нему, заявить своё право на корону! — не унимался Король.

— Что же не в ту сторону? — Зайчиха, уже, зевала и начала убирать со стола.

— Для короля нет значения в какую сторону идти, — огрызнулся монарх — куда я ни приду, там и будет то, что я пожелаю!

— Удачи тебе, — равнодушно пожелала Зайчиха.

Король, вдруг, поник, что — то в его плане, почему — то, показалось ему не совсем надёжным.

— Моё Величество, — заговорил он тихим, но одновременно важным голосом — благоволит предложить вам честь помочь мне прибыть ко двору моего тестя, за что вы будете вознаграждены по — королевски!

— Мой братец знает какова, она, королевская награда, — сказала Зайчиха — Верно я говорю, братец?

Но Заяц молчал, его глазёнки загорелись алчным блеском.

— А можно поточнее? — с жаром спросил он — По — королевски это как?

— Титул и земли! — свысока бросил Король.

— Одумайся, братец, — взывала Зайчиха — он тебя, уже, один раз наградил, хочешь ещё?

— Да ну, — отмахнулся Заяц — тогда мне Его Величество лично ничего не обещал. Это всё Принцесса языком намолочила. А кто она такая? Да никто! А в этот раз — у нас королевское слово, оно, как известно, дороже золота!

— Тогда снеси весь его трёп за сегодня в ломбард, — рассмеялась Зайчиха — на большие деньги потянет!

— Ни хочешь — не участвуй, — сварливо отозвался Заяц — а я вступаю в эту кампанию!

— Ну и дурак же ты братец! — сделала вывод Зайчиха — На какие шиши ты кампанию вести собираешься?

— У тебя в долг возьму, — нашёлся Заяц — под процент, как ты любишь.

— Не дам я тебе ни гроша, — сразу отказала Зайчиха — потому, что знаю — отдавать тебе нечем.

— Тогда отдай мою пенсионную карточку! — потребовал у сестры Заяц.

— На! — Зайчиха ткнула брату кукиш — Подавись!

— Ах так! — взвизгнул Заяц — Ну ничего, я и без тебя обойдусь! Я знаю, где можно денег позичить!

— И где же это занимать собрался? — Зайчиха насторожилась.

— Кредит возьму! — решительно заявил косой.

— Как? Кто тебе ссудит? У тебя же ни паспорта, ни прописки, ты в этой стране — нелагал!

— А я возьму там, где не нужно ни паспорта предъявлять, ни справки о доходах, и, даже, самому приходить не нужно! — ликующе сказал Заяц.

— Не поняла... — Зайчиха пристально поглядела на брата — ты о чём?

— Я о том, — Заяц немного стусевался — я о том смс — сообщении, что тебе на мобильный пришло. Я его прочитал. Мгновенный кредит, стоит, только, на кнопку нажать и ссуда одобрена, иди получай!

— Во — первых:, — Зайчиха выражалась чётко и доходчиво — никогда не лезь в моём телефоне, тебе это запрещено. Во — вторых: никаких кредитов ты брать нигде не будешь, тебе это тоже запрещено! Мною!

Зайчиха встала, показывая, что разговор окончен и вопрос дальнейшему обсуждению не подлежит.

— Уберёшь со стола и вымоешь посуду! — приказала Зайчиха брату на прощанье и пошла спать.

— Ишь какая, — бормотал себе под нос Заяц, опорожня рюмку за рюмкой — из — за этой старой дуры титула лишаясь. Титул — это лучше, чем должность. С должности могут снять, а титул — пожизненный! Барон Заяц! Нет, герцог Заяц! Сиятельнейший Заяц!

Король, тщательно, хлебной корочкой вымокал весь жир в сковороде, вылизал подливу от голубцов, и принялся за никем не тронутую, к его радости, банку варенья, заливая его, прямо, из банки в рот.

Заяц продолжая терзаться несбыточными мечтами, тянул себя в приступах безумия за уши, и, даже, выпитая половина четверти не пьянила его.

— Что же ты намерен дальше делать? — внезапно спросил у Короля Заяц — Как будешь престол приобретать?

— А что тут думать? — Его Величество выскребал варенье со дна банки — Завтра найду кого — нибудь желающего вложится в дело реставрации монархии, желающих раскатывать с герцогской короной на лимузине знаешь, как много?

— Знаю, — просипел Заяц — у нас народец такой, хотят ни хрена не делать и как в сыр в масле кататься!

— Вот — вот! — подзадоривал Зайца Король.

— Бездельники, лодыри и тунеядцы, — в злобе Заяц заплевал весь стол — и, ведь, все в герцоги хотят! Никто в поле пахать не рвётся или на заводе работать. Нет, им роскошества подавай! Но я этого не допущу! — он шлёпнул мягким кулачком по столу — Герцогство — моё! Я — заслужил! Я — достоин!

Король молча, из — под полуприкрытых век, наблюдал за Зайцем.

— Жди меня здесь, — сказал Заяц Королю, который и, так, никуда не собирался уходить.

Косой, на цыпочках, прокрался в комнаты. Перед дверью в спальню сестры, он замер, приложился ухом к замочной скважине, прислушался, и, только, затем, приоткрыв дверь, на пузе, как червь, пролез в комнату.

Зайчиха, накрывшись тремя одеялами, спала богатырским сном. От её чудовищного храпа в окне дрожали стёкла, но благодаря этому храпу Заяц мог оставаться незамеченным, ибо все его шпионские ухищрения сводились на нет пронзительным скрипом половиц.

Перед окном, на маленьком письменном столике, в лунном свете, лежало, именно, то что и искал Заяц. Мобильный телефон, длинный, тяжёлый с маленькой чёрной антенкой.

Косой затаил дыхание, утёр, капающие слюны и осторожно поднёс обе лапки к телефону. Он долго не решался дотронуться до запретного аппарата, наконец, набравшись смелости, Заяц схватил мобильный. Его всего передёрнуло, как будто, телефон ударил током.

Спящая Зайчиха заворочалась, ругаясь во сне, чем до холодного пота напугала брата. Заяц, парализованный от страха, покосился на сестру. Нет, спит, старая сука. В этот момент, Заяц почувствовал в себе неодолимое желание взять одну из толстых подушек сестры и

придушить её, но, вдруг, в лапах у него засветился бледно — зелёный огонёк. Это он, по неосторожности, нажал кнопку на телефоне, включив подсветку экрана. Заяц вспомнил зачем пришёл и, припав к полу, выполз из комнаты.

Король, уже, развалился на диване, подложив под голову вместо подушки, свою изорванную хламиду и, закинув ногу на спинку, готовился отойти ко сну, когда к нему, как привидение, подскочил Заяц.

— За мной! — прошептал косой на ухо Его Величеству и поманил лапкой.

Король, нехотя, оторвался от дивана и пошёл за Зайцем. Косой вёл на улицу.

Только, выйдя на веранду и плотно затворив за собой дверь, Заяц посмел заговорить во весь голос.

— Достал! — он потряс телефоном — Теперь у нас будут деньги на предприятие.

Король смотрел с полным безразличием.

— А ты уверен в своём тесте? — Заяц с сомнением поглядел на Короля — Точно он тебе королевство отдаст?

— Я настолько уверен, — Его Величество зевнул — что мне, абсолютно, наплевать получиться у тебя что —нибудь или нет. Не ты, так другой. Мне без разницы кого герцогским титулом пожаловать.

— Не надо никого другого! — Заяц задрожал от волнения — У меня всё получиться! Да и что тут сложного? Гляди! — он заклацал кнопками телефона, снимая блокировку — Где же эта смска? Ага, нашёл! — Заяц радостными глазами поглядел на Короля — Вот она родимая! И знаешь, что удивительно? У нас же в лесу никакого покрытия нет. Да и глушилки у всех господ стоят, что бы их спецсвязь не могли прослушать. А, вот, это сообщение как — то прорвалось. Как говорится: на ловца и зверь бежит!

— Давай скорее, — попросил Король, которому, после пережитых треволнений, сильно хотелось спать.

— Ладно, — согласился Заяц — Так — с, что тут пишут. Уважаемый Зай Филлипыч, — ты смотри и имя моё знают, видать сурьёзная контора, — прокомментировал Заяц и продолжил чтение — спешим сообщить вам радостную новость, специалисты нашего ростовщического агентства одобрили мгновенный кредит на ваше имя, никаких документов для оформления кредита не требуется, у нас, уже, всё есть! Что бы принять наше предложение — отправьте бесплатное смс на этот номер и приходите в ближайший филиал нашей организации за деньгами! Спешите! Предложение действует, только, в течении двадцати четырёх часов! — у Зайца перекошло морду — Вот же гадство! — расстроился он — Этой смске, уже, неделя... Мы всё просрали...

— Да уж, — лаконично произнёс Король и собрался заходить в дом.

— погоди! — с надеждой остановил его Заяц — Здесь ещё какие — то смски есть! — он заклацал телефоном — Это от них! Пишут: для вас продлена акция на мгновенный кредит! Спешите! Блин, это за позавчера! А, вот! Есть! Сегодня вечером пришла, свежая! — Заяц приплясывая от радости пропел:

Нажми на кнопку — получишь результат!

Твоя мечта осуществится — а — а!

Заяц выбрал в меню смс — отправить и нажал на ок.

Заяц и Король молча стояли на веранде, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Ну как? — прервал молчание Заяц — Есть денежные ощущения? У меня есть. Такой мерзкий холодок по затылку и шерсть дыбом встала. К деньгам!

— Чепуха, — ответил Его Величество — никаких денежных ощущений не чувствую, а я в них хорошо разбираюсь, не даром же я тридцать лет в золоте купался. А то, что у тебя, так это от холода. Чувствуешь как похолодало?

Действительно, пусть и не очень тёплый, ночной августовский воздух, резко посвежел, в нём появились резкие морозные нотки.

— Да, заябковато, — согласился Заяц.

Внезапно, налетел порыв холодного ветра, обдал Заяца с Королём, задрал подол Его Величеству. Ветер принёс гадкий сырой, с гнильцой, запах, от которого обоих кампаньонов передёрнуло.

— Главное, — заговорил Заяц, повернувшись спиной к промозглому ветру — что бы сеструха ничего не проведала. Надеюсь ростовщики не пришлют ответное сообщение. А завтра, с позаранку, двинемся в город, за деньгами, половину прокутим, а на вторую к тестю твоему поедем.

— Спозаранку, — повторил Король — спозаранку, это будет не просто. Ты в лесу хорошо ориентируешься?

Заяц сделал удивлённую рожицу.

— Я про то, — говорил монарх — что туман утром будет сильный. Сам погляди.

Заяц покрутил головой. Он, только, сейчас заметил, что и без, того бледный свет керосиновой лампы освещающий веранду, совсем поблек.

Густые сизо — молочные клубы тумана поглотили всё.

Заяц еле различал силуэт стоящего перед ним Короля, из — за белого одеяния, будто растворившийся в воздухе.

— Пойдём — ка лучше спать, — предложил Заяц и нервно сглотнул.

Король, наощупь, отыскал ручку входной двери и надавил на неё.

— Погоди, — задержал его Заяц — Не ложись спать в гостиной. Лучше в ванной.

— Спятил, ты что ли, косою? — возмутился Его Величество — В гостиной диван имеется, а в ванной, я что, на полу валяться буду?

— Ты пойми, — тараторил Заяц — в ванной дверь на цепочку запирается, а в гостиной ты будешь совершенно незащищен.

— А кого мне опасаться? — спросил Король с подозрением — Я — Король Многоземельный в своём королевстве, особа моя — священна и неприкосновенна. Неужели есть на свете глупец, что посмеет покуситься злоумышлять против меня?

— Нет, конечно! — заверил Заяц, почесал за ухом и добавил — В смысле — да.

— Одумайся! — ужаснулся Его Величество — Ты на что смеешь намекать?

— Да так, безделица, — самым невинным тоном произнёс Заяц — сетра приказала, как ты заснёшь, помочь ей тебя укокошить.

Король дёрнулся бежать, но Заяц успел схватить его за подол.

— Но ты не подумай плохого, — успокаивал монарха Заяц — мы это не за просто так. Нет! Ты же сам не захотел отдавать гречу, вот за неё мы тебя и хотели, пока будешь спать,

порезать. Но, раз мы с тобой затеяли кампанию, то убийство отменяется.

— Что вы за изверги такие? — возмущению Его Величества не было предела — Даже за такое к казни никого не приговаривал! Только плебеев и пролитариев, их и за один колосок можно. Но что бы досточтенную особу, самого короля...

Он не успел договорить, его прервало лёгкое постукивание.

Тук — тук — тук... Что — то, неразличимое в тумане, ритмично отбивало о стену дома. Это что — то было совсем рядом.

Король и Заяц, словно зачарованные, пошли на звук и чуть не столкнулись с креслом — кочалкой старой Зайчихи. Оно слабо покачивалось и легонько постукивало спинкой о стенку дома.

— Должно быть ветер, — предположил Заяц и почувствовал, что у него пересохло во рту, что бывало, только, на большое похмелье.

— Нет никакого ветра, — почти прошептал Король — стих. Нагнал туман и стих...

— Тогда и кресло не может раскачиваться, — заявил Заяц.

Но кресло наперекор словам косо стало раскачиваться ещё быстрее, загнув спинкой о стену, как будто хотело пробить её.

— Останови его, — дрожащим голосом сказал Заяц — сестра проснётся!

— Сам останавливая, — отказался Его Величество — я — король, мне не почину.

Удары разносились в лесу как раскаты грома, но ни Король, ни Заяц не решались, даже, подойти к креслу.

Бух — Бух — бух!!!

И, вдруг, кресло замерло, словно остановленное невидимой рукой.

Король и Заяц одновременно развернулись и, наперегонки, поспешили в дом.

Но там их ждал неприятный сюрприз. Зайчиха. Она стояла перед ними, сложив руки на костлявой груди.

— Вы что, уроды! — прорычала она — Совсем ополоумели? Лупите среди ночи в стену! Вам, что четверти самогона для сна мало! Головами следующий раз побейтись — полегчает!

— Это не мы... — пискнул Заяц и осёкся.

Зайчиха бросила не него быстрый взгляд и сразу узнала свой мобильный.

— Это у тебя что?! — задыхаясь от ярости просипела она — Ты как его достал! Вор косоглазый! Дай сюда! — она вырвала телефон у брата — Если ты посмел взять кредит я тебя на куски разгрызу! — она страшно щёлкнула зубами, дабы не было сомнений в серьёзности её намерений.

— Нет! Нет! Что ты! — кинулся уверять сестру Заяц — Я — никогда! Ты ж меня знаешь!

— Вот, именно, что знаю, — Зайчиха рылась в меню телефона — всю жизнь от тебя одни убытки! Но то было государству! На должности! То положено! Но ты же, скотина, не уймёшься, ты и меня разорить хочешь!

— Не в коем случае! — отпирался Заяц — Я — хороший заяц! Не наговаривай на меня!

— Да — а — а, — ехидно протянула Зайчиха — а зачем же ты телефон у меня утащил?

— Действительно зачем? — Заяц задумался, наморщил лоб, поковырял пальцем в ухе — А! Вспомнил! Хотел время посмотреть! Точно!

— На улице? — спросила Зайчиха.

— Ух, ты какая вредная, — пожаловался Заяц — что тебе не ответь, всё не так, во всём ты подвох ищешь.

— Так и что? — настаивала на своём Зайчиха.

Заяц, опять, задумался, бегая глазёнками по потолку.

— А может ты сама кредит взяла? — наконец, выдал он — А на меня хочешь спихнуть!

Наглость сработала — Зайчиха впала в ступор.

Вывело её из этого состояния, событие доселе, в доме зайцев, не виданное — зазвонил телефон.

Зайчиха, ошарашенно поглядела на загоревшийся экран мобильного. Телефон трясся и вибрировал, настоятельно требуя ответить.

Зайчиха нажала на кнопку «принять» и медленно поднесла телефон к отвислому уху, даже, забыв сказать «алло».

— Да... я... известен... — коротко отвечала в трубку Зайчиха — Не поняла? Зачем тебе моя дата рождения? Ты что — гадалка? — Зайчиха занервничала — Ты там карты таро разлаживаешь? Нет? Ну тогда мне не интересно с тобой разговаривать! — Зайчиха сбросила звонок — Тебя спрашивали! — сказала она брату — Коллектора!

— Враньё! — упирался Заяц — Не брал и баста!

— Что вы делали с телефоном на улице? — Зайчиха переключилась на Его Величество.

— Я — великий Король Многоземельный, — монарх уселся на диван, неприлично раскинув ноги — и мои действия никому неподотчётны!

— Ах вы ж два мудака! — заорала Зайчиха — Понабирались долгов и строите из себя...

Её прервал телефонный звонок. Зайчиха сбросила. Через секунду звонок повторился. Зайчиха психанула, вынула из телефона аккумулятор, а сам аппарат швырнула на стол, на котором стояла, так и не убранная Зайцем, посуда.

Зайчиха подняла вверх указательный палец и раззявила пошире рот, собираясь разразиться тирадой оскорбительного тона, но, вдруг, снова зазвонил мобильный.

Зайчиха уставилась на телефон, даже, забыв закрыть рот, который ей, аккуратненько прикрыл братец и полушёпотом сказал:

— Наверное, лучше ответить, — и не дожидаясь, что решит по этому поводу сестра, на цыпочках, подошёл к столу и дрожащим пальцем нажал на клавишу с изображением зелёной трубки.

В аппарате загудело, сама собой включилась громкая связь, и все услышали мерзкий гнусавый тягучий голос, будто царапали ногтями по стеклу.

— Должни — и — ик... — шипел голос, который никак не могла исторгнуть человеческая гортань — дожни — и — ик... — звало адское отродье на том конце — я знаю, ты здес — с — с — сь, я слышу, как ты дышиш — ш — шь...

— Что тебе от меня нужно! — взвизгнул Заяц, зажимая лапами уши.

— Должни — и — ик, — отозвалось существо — верни долг, верни сейчас — с — с...

— Сколько ты хочешь!? — вмешалась Зайчиха, она пыталась казаться смелой, но голос её дрожал.

— Мы хотим вс — с — сё... — был ей ответ.

— Нет! — выкрикнула Зайчиха — Иди в суд! В суд!

Из трубки раздалось хихиканье гиены, а на заднем фоне послышался чей — то душераздирающий крик.

— Есть ли у тебя маленькие детки? — отсмеявшись, продолжил разговор вымогатель — Мы их заберём, мы их повесим на ржавые крючья, мы выпьем их кровь!

— Забирайте, только, от меня отстаньте! — закричал Заяц, который будучи в свою бытность на высокой должности времени не терял и наклепал подчинённым особам

женского пола детей два вагона.

— А родители? — шипело существо из телефона — У вас есть родители? — никто не отвечал — Я чую с вами Король Многоземельный, что он скажет, если мы нагрянем к его отцу — Королю Малоземельному? — монарх равнодушно повёл бровью — Нет, мы не тронем старого короля. Мы отберём у него королевство и он придёт к своему сыну, что бы сын содержал его...

Король вскочил, его густая борода дрожала от ужаса, он схватил недопитую бутылку самогона и, с размаху, обрушил ее на телефон.

Бутылка разлетелась вдребезги, заливая стол самогоном, но и мобильный, треснув пополам, что — то прохрипел и смолк.

Король стоял весь пунцовый и страдальчески утирал широкой ладонью со лба пот.

— Ну, вроде, отделались, — неуверенным тоном произнёс Заяц, натужно пытаясь улыбнуться.

Мобильный снова зазвонил.

— Не бери! — остановила брата Зайчиха.

Но это не помогло, телефон сам принял вызов.

— Должны — и — к... — позвал голос, ещё, более мерзостный, чем предыдущий — отказываешься оплачивать долг?

— Да я, даже, самих денег в руках не держал, — чуть не расплакался Заяц.

— Ожидайте выездную группу! — заорало из трубки — Мы заберём ваши души!!!

Экран мобильного мигнул и погас.

Заяц, Зайчиха и Король продолжали молча стоять, не шевелясь, и тяжело дыша.

— Они не посмеют, они не посмеют, — затараторила Зайчиха.

— Посмеют, — Король нервно хихикнул — я тайный указ подписывал о наделении ростовщических кампаний неограниченными возможностями по выколачиванию денег.

— Ну, спасибо тебе, — Зайчиха отвесила Королю иронический поклон.

— Можешь не благодарить, — Его Величество горделиво надул щёки — это был мой долг по отношению к подданным.

— А они тебя об этом просили? — поинтересовалась Зайчиха.

— Просили, — кивнул Король — пришли ко мне, пали ниц и молили, дозвожь нам, о Величайший, карманы у черни выворачивать...

— Я имела ввиду чернь, — поправилась Зайчиха.

— А чернь — это не подданные, — разъяснил Его Величество — чернь — это ресурс, вроде, как нефть или руда, чернь нужно обрабатывать, что бы на ней зарабатывать...

— Тихо! — оборвал Короля Заяц — Слышите?

Зайчиха и Король смолкли, прислушиваясь.

Кто — то или что — то поднималось на веранду, было слышно как скрипят под ним доски, мучительно протяжно...

— Дверь, — прошептала Зайчиха и все трое бросились к входной двери, и как раз вовремя, кто — то нажал на ручку и начал медленно приоткрывать дверь.

Король, всей своей непомерной массой, навалился на дверь, громко захлопнув ею. Снаружи раздалось возмущённое булькающее повизгивание и в дверь ударили, да с такой силой, что Король еле удержался на ногах, затем последовал ещё один удар, на этот раз Его Величество не выстоял и отлетел в сторону. К счастью этого времени хватило, что бы Зайчиха успела запереть дверь на засов. Снаружи, ещё, несколько раз толкнули дверь, и всё

затихло.

Зайчиха, с трудом переводя дух, подобрала спавшие очки и дрожащей лапой водрузила их на нос.

Король, никак не мог подняться, ноги стали, словно ватные, и не слушались.

— Надо бежать отсюда! — панически запричитал Заяц — Мы здесь как в западне!

— Куда ты побежишь? — Король, собрав силы, всё — таки поднялся и доковыляв до дивана рухнул на него — Ты же видел какой там туман, ты через два шага заблудишься, а, ещё, эта тварь, тоже, где там сейчас бродит. Нет, выходить до утра нельзя ни в коем случае.

— До утра мы не дотянем! — завыл Заяц.

— Но так легко мы не дадимся! — Зайчиха взяла стул, поднесла его к стене, где висело ружьё и встав на стул протянула лапы к оружию. В эту секунду, кабанья голова висевшая справа от ружья повернула своё рыло к Зайчихе, подмигнула ей и прохрюкала:

— Должни — и — ик!

Зайчиха, вместе с ружьём, рухнула со стула, причём приклад ударил её точно по лбу, отчего она аж пискнула.

Заяц весело захихикал, пряча улыбку лапкой, но один резкий взгляд сестры вернул ему серьёзность.

Зайчиха вытянула из буфета с посудой коробку патронов с дробью и начинив ими ружьё, грозно передёрнула цевье.

— Пусть, только, попробуют сунуться, — просипела она — я им кредит досрочно погашу!

В ответ ей снаружи завыл ветер, чудовищной небывалой силы, он налетал на дом со всех сторон, тряс его, разметая на крыше черепицу. Ревя от злобы, он бился в двери, как таран, на секунду отлетал от дома, ломая ветки деревьев, и, вновь, набрасывался на жилище с удвоенной силой.

Заяц, Зайчиха и Король присели на пол, испуганно глядя на болтавшуюся под потолком лампочку. Мебель скакала, как при сильной качке на судне в штормовую погоду. Тарелки и стаканы вываливались из буфета, и с жутким звоном падали на пол, разбиваясь вдребезги.

Ветер стих так же внезапно, как и начался.

— Вроде прекратилось, — прошептал в тишине Заяц.

— Вроде да, — согласилась Зайчиха и повертела головой — но что — то мне в спину засквозило... — она замерла — окно!

Король и Заяц обернулись к окну, ветер распахнул ставни и через открытое окно в дом врывался холодный ночной воздух и сизые клубы тумана лениво заполняли гостиную.

Все трое бросились к распахнутому окну, Король и Заяц взялись за ставни и, было, начали их сдвигать, как, вдруг, из черноты проёма вынырнуло ужасающее существо, с синего цвета лицом, ввалившимся носом, истлевщие губы обнажали оскалившиеся клыки в широко раззинутой пасти, лишённые зрачков глаза сочились гноем.

Чудовище жутко завыло в упёрлось в ставни своими, воскового цвета, когтистыми руками.

Заяц и Король завизжали от страха, их обоняние поразил жуткий смрад исходящий от чудища, а уши позаложило от надрывного воя. Они почувствовали, что не могут противостоять силе монстра и сейчас он ворвётся внутрь.

— Стреляй! — заорал не своим голосом сестре Заяц.

— Это же — злобучий коллектор! — проорала в ответ Зайчиха.

— Стреляй! — гаркнул Король.

Зайчиха упёрла приклад в плечо и навела мушку на уродливую голову коллектора.

— Должни — и — ик!!! — заревел коллектор и распахнул ставни, отшвырнув Короля с Зайцем.

Зайчиха выстрелила. Мимо! Дробь, только, посекала, стоявшие дыбом волосы на голове вымогателя, а саму Зайчиху, отдачей, отбросило шага на три.

Коллектор запрыгнул внутрь, его голова неестественно дёргалась, зубы клацали, пальцы с длинными жёлтыми когтями, извивались, как змеи.

Зайчиха, беспомощно, расплосталась по полу, при падении она ушибла копчик, и у неё онемели лапы. Заяц, совершенно поддался ужасу, он лежал закрыв голову лапами и трясся.

Его Величество, на четвереньках, пополз за диван, надеясь спрятаться и тут наткнулся на ружьё. Король быстро схватил его, передёрнул цевье, и тут же почувствовал, как его за щиколотки схватили ледяные мерзкие ладони, влажные и липкие.

Коллектор, с урчаньем, потащил Короля к себе, и даже, повышенная упитанность не спасала Его Величество, вымогатель с лёгкостью тянул августейшее тело пузом по полу, от чего новая блуза Короля скатилась под мышки.

Коллектор, уже стоял над Величеством и его зелёная слюна, водопадом истекающая из чёрной пасти, ляпала Королю на спину, когда монарх развернулся благородным ликом к коллектору и выставил перед собой дуло ружья. Король зажмурил глаза и нажал на спусковой курок.

В этот раз выстрел был удачным. Дробь снесла чудовищу две трети головы, забрызгав потолок и стены чёрно — зелёными ошмётками.

Безголовое чудище принялось метаться по комнате, размахивая руками, пока, сослепу, не наткнулось на обеденный стол, опрокинулось через него и безжизненно замерло на полу.

— Королевская рука разит без промаха, — прокряхтел Его Величество, и, опираясь на ружьё, поднялся на ноги.

— Нужно выкинуть это из дому, — Зайчиха потирала ушибленный копчик — а то вонь от него нестерпимая.

Так как Заяц, всё ещё находился в припадке, то Королю и Зайчихе пришлось самим тащить мерзкие останки до окна, где они, с большим облегчением, перебросили коллекторскую тушу через подоконник на улицу и крепко заперли окно.

— Надо забаррикодироваться, — предложила Зайчиха.

— Нет, нет, нет!!! — пропищал Заяц, продолжая сжимать голову лапками — Я не буду кодироваться, ни за что!

— Вот же скот, — Зайчиха презрительно посмотрела на брата — чуть малейшая опасность — с него толку никакого.

— Почему же ты тогда просила его помочь в покушении на твоего короля? — подловил Зайчиху Его Величество.

— Я хотела что бы он, всего лишь, тебе ноги держал, — просто, не тушуясь, ответила Зайчиха — а я бы сама удавкой придушила.

— Теперь — то тебя саму удавят, — усмехнулся Король — в петле из пеньковой верёвки.

— Ты, что ли, удавливать будешь? — любопытствовала Зайчиха.

— Зачем же я, — Король подошёл к столу и вытащил из стоявшей на нём коробки два патрона — мною был подписан указ, что за противление действиям сотрудников

ростовщических организаций полагается повешение за шею, — Его Величество пополнил магазин ружья и передёрнул цевье — а тут не просто сопротивление, тут — убийство, за такое и колесовать могут.

— Так я не убивала, — ошарашенно сказала Зайчиха.

— Но присутствовала, — подметил Король — а это — соучастие.

— А — ты?! Ты же убил!

— А король ни перед каким законом неответственен! Неприкасаем!

— Хрен с тобой, — плюнула на это дело Зайчиха — до уголовной ответственности, ещё, дожить надо, давай — ка окна баррикадировать.

В этот раз, Король не побрезговал чёрной работой и помогал Зайчихе, он решил, что дешевле будет, на время, поступиться монаршими привилегиями, чем, ещё, раз встретиться со злопротивным коллектором.

Буфетом с кухонной посудой они перекрыли окно с левой стороны гостиной, а диваном, поставленным на попу, заблокировали окно с права.

— Осталось комнаты позапирать, — Зайчиха протёрла лапкой запотевшие стёкла очков — пошли со мной, — сказала она Королю — прикроешь если, что.

Король молча кивнул, а про себя подумал: «Буду я твою шкуру прикрывать — чуть что не так, убегу, каждый сам за себя!»

Они пошли, сопровождаемые зловещим скрипом половиц, Зайчиха впереди, Король, выставив вперёд дуло ружья, на шаг позади.

В коротеньком коридорчике, разделявшем комнаты, Зайчиха клацнула выключателем — загорелась лампочка, её резкий свет, на секунду ослепил Короля, и он замахал ружьём, протирая глаза.

— Ты потише с этим! — Зайчиха придержала одной лапой, болтающееся по сторонам, дуло, а второй лапой приотворила дверь в свою спальню.

Открываясь, дверь тяжело завывла, Зайчиха, сначала оглядела тёмное помещение, вроде никого, только, туман, пугающий своей неестественной густотой, словно живой, прижимался к окну снаружи, контрастируя своей белизной с темнотой комнаты.

Зайчиха быстро заскочила в спальню, вытащила из под подушек большое ржавое металлическое кольцо с нанизанными на него ключами и, мгновенно, вынырнула из комнаты.

Она выбрала самый длинный ключ и, вставив его в замочную скважину, заперла дверь на три оборота.

Спальню Зайца, даже, осматривать не стали, не к чему зря рисковать, Зайчиха так же крепко заперла дверной замок, как и в своей комнате.

— Сортир можно и не закрывать, — рассудила Зайчиха — там окон нет, — она заглянула в ванную, будто хотела проверить, не появились там внезапно окна — а хорошее убежище, однако, — подметила Зайчиха — только дверь ванной подпереть и всё — полная изоляция, может нам тут оборону и держать? — она обернулась к Королю и вопрошающе поглядела на него.

Вдруг, совершенно неожиданно, подлетел Заяц, он всё внимательно прослушал прячась за углом, выхватил у сестры из лап связку с ключами, заскочил в ванную комнату и, захлопнув за собой дверь, заперся изнутри.

— Братец, ты что, сбрендил окончательно? — Зайчиха постучалась в дверь.

— Я здесь буду в безопасности, — пропищал в ответ Заяц.

— Отопри, скотина! — крикнула Зайчиха, злобно щёлкнув зубами.

— Ни за что! — был ей ответ — Я не хочу погибнуть вместе с вами. Пропадайте сами!

— Ну, разве не урод? — беспомощно спросила у Короля Зайчиха.

— Дурак, — всего — то и ответил Его Величество.

— Не скажи, — не согласилась Зайчиха — он самое надёжное место приватизировал.

— И ты, тоже, дура, — сказал Король покрутив стволом ружья у виска.

— Нет, не дура! — не согласилась Зайчиха — Разве дуры так делают? — она выкатила

косые глаза, сложила губы дудочкой и стала брынькать по ним пальцем, издавая звук — пру

— пру — пру!

Его Величество, даже, заслушался и начал притопывать в такт.

— Звучит красиво, — оценил Король — с этим не поспоришь.

— Тогда плати деньги за концерт! — потребовала Зайчиха.

— Я — король Это мне все платят!

— Плати! Кому говорю!?

В это время, их препирательство, с обратной стороны двери, приложив ухо к скважине, слушал Заяц. Он довольно усмеялся, нахваливая себя за находчивость, ведь, когда коллектора прорвутся в дом, то растерзают Короля и Зайчиху, которую примут за него, Заяца, а его самого не найдут. От радости Заяц пустил скупую слезу, которая, прокатившись по мохнатой щеке, застыла на длинном грубом усе. Заяц, хотел было смахнуть слезинку, но у него ничего не вышло, она крепко примёрзла к усу, превратившись в ледяной хрусталик.

— Надо же, как похолодало, — промямлил Заяц, только сейчас заметив, что из ноздрей и рта вырывается пар — надо чем —нибудь прикрыться, — защёлкал он зубами и осмотревшись, заметил занавеску на душе.

Дуя на мёрзнувшие лапки, Заяц подскочил к душе, вцепился в занавеску и начал отрывать её от колец, но его внимание привлекло какое — то странное хлюпанье. Хлюпало в унитазах. Заяц бросил наполовину сорванную занавеску и, как зачарованный подошёл к унитазу. Уши у него сами прижались к затылку, он почувствовал, что именно, здесь холод пробирает его до мозга костей. Трясущейся лапкой Заяц взялся за крышку сиденья и, быстрым движением, откинул её.

Внутри санитарного приспособления всё было тихо и спокойно. Заяц облегчённо выдохнул, уши его, снова, приняли веритакльное положение. Но, тут же, из тёмных глубин унитаза вынырнула отвратительная, фиолетово — чёрная рука с десятью длинными, костистыми пальцами и вцепилась Заяцу в морду.

Заяц, задёргался, истошно мыча. Его нос и рот были плотно прижаты к слизистой, нестерпимо смрадной, ледяной ладони. Заяц пытался лапками разжать стальные пальцы сомкнувшиеся у него на затылке. Ничего не получалось, и он стал чувствовать, что окончательно задыхается, тогда, напрягая всю силу челюстей, Заяц, насколько смог приоткрыл рот и вгрызся в ладонь зубами. В рот хлынула горькая, похожая на болотную тину жижа, но Заяц не сдавался, он рвал резцами мерзкую плоть, глотая куски холодной рыбьей кожи, которые не куда было выплюнуть.

Когда Заяц, почти прогрыз ладонь насквозь, и в просветах рваной плоти показался жадный заячий рот, чудовищные пальцы — присоски вздрогнули и разомкнулись, отпустив свою жертву.

Заяц попятился и тут же поскользнулся на выложенном плиткой полу, ставшем мокрым от чёрно — зелёной крови.

Воя от ужаса, не в силах подняться, Заяц пополз на четвереньках к двери, оставляя за собой тёмные разводы.

Преследуя его, из унитаза, за рукой, начало вылезать остальное существо, неестественно сжатое, что бы преодолеть узкую трубу, оно поднималось на ободком унитаза, издавая звук схожий со стрекотом гигантской цикады.

Вытянувшись во всю длину, коллектор ляпнулся на пол, забрызгав комнату тёмно — грязными пятнами, и, загребая, руками как пловец кролем, пополз за Зайцем.

Заслышав завывания Зайца, Зайчиха и Король прекратили торговаться, замерли на секунду, в ванной комнате, явно, происходило неладное. Зайчиха припала глазом к замочной скважине и, как ужаленная, отпрянула от двери.

— Чего? — Короля не на шутку испугала побледневшая морда Зайчихи.

— Там злопротивный коллектор, — пропищала она — мой брат в беде! — она истерично заломила лапы, и истошным, срывающимся голосом, закричала — Держи дверь! Не дай ему выйти!

В этот момент послышался звук вставляемого в замок ключа, тройное клацанье, и в проёме, открывающейся двери, показалась, перекошенная от ужаса, заячья морда.

Король и Зайчиха навалились на дверь.

— Пустите! — жалобно голосил Заяц.

— Нет! — горланила Зайчиха — Не пустим! С тобой коллектор!

Заяц почувствовал как холодные пальцы, обхватывают его тощую лодыжку, но страх предал ему сил и, каким — то чудом, Заяц, истошо визжа, протиснулся в узкую щель, почти закрытого дверного проёма, оставив на лутке изрядный клок седой шерсти.

Следом за Зайцем из щели вырвались две коллекторских клещи, в разнобой шевеля длинными пальцами, они, как змеи изгибались, стараясь схватить державших дверь Короля и Зайчиху.

— Скорее, стреляй! — прокряхтела упиравшаяся изо всех сил Зайчиха и подтолкнула ногой ружьё к брату.

— Сейчас — сейчас, — пробормотал Заяц, нагнулся и поднял с пола, вместо ружья, связку дверных ключей.

Он, быстренько отомкнул дверь в свою спальню и, спрятавшись там, крепко заперся.

— Как неожиданно... — прокомментировала поступок брата Зайчиха и предупредила Короля — Держись, Твоё Величество!

Она, отпустив дверь, прыгнула к ружью.

Его Величество, оставшись в обороне один, отставил одну ногу назад, благо коридорчик был узкий, и упёрся пяткой в стену, но силы его сдавали, и дверь, медленно, но верно, стала отворяться и в королевский нос ударила удушливая вонь исходившая от коллектора.

Вытянутая, грушеобразная голова вымогателя, протиснувшись через щель, белёсая с зелёными пятнами кожа на его лысом черепе блестела от влаги, большие выпученные глаза, полностью заполненные чёрным зрачком злобно уставились на Короля, чёрный рот оскалился в хищной улыбке и зашипел:

— Долж — ж — ж — ни — и — к...

Уродливая голова поплыла навстречу Его Величеству, шея вымогателя растягивалась, как пластелиновая, приобретая непостижимую длину.

Глаза вымогателя стали вровень с, зажмуренными от страха, глазами Его Величества, Король почувствовал на лице смрадное дыхание чудовища, которое прошипело ему в самое

ухо:

— Долж — ж — жн — и — и...

Грохот выстрела прервал коллектора.

Это Зайчиха, уперев ствол ремингтона, в костистую, покрытую волдырями грудную клетку коллектора, торчащую из — за двери, произвела выстрел, который отшвырнул её к стене, а вымогатель, обливаясь чёрно — зелёной кровью, завалился, обратно, в ванную комнату.

Король, облегчённо, отпустил дверь и поглядел на распростёртую на плиточном полу тушу коллектора, плавающую в собственной крови.

Зайчиха, потирая ушибленную о стену спину, постучала в дверь Зайцевой спальни.

— Уходите, — был ей ответ.

— Выходи, опасность миновала, — позвала брата Зайчиха.

— А ты меня не обманываешь? — не верил Заяц.

— Когда это я тебя обманывала? — искренне возмутилась Зайчиха.

— При первой же подходящей возможности, — припомнил Заяц.

— Ну ты же сам слышал, пристрелили мы вымогателя, выходи, пока к тебе, ещё кто —нибудь не влез.

Последние слова предупреждения подействовали на Зайчишку, он отпер дверь, и, опасливо, выставил из — за двери голову, оглядываясь по сторонам. Его медлительность была, вовсе, не к месту и сестра, схватив, опасливого братца за уши, выволокла из комнаты, предварительно отобрав ключи.

— Ух, какая образина, — не переступая порога ванной комнаты Заяц разглядывал тушу поверженного вымогателя — ещё чуток и освежевал бы меня, как дичь. Хорошо, что я не робкого десятка...

Король смерил Заяца пессимистическим взглядом.

— Чё сомневаешься? — агрессивно отреагировал на взгляд Заяц и, пытаясь, доказать своё бесстрашие, смело перешагнул порог ванной комнаты.

Осторожно переступая лапками, что бы не поскользнуться на крови чудища, Заяц подошёл к самой голове вымогателя.

— И где такое, только, берётся? — прошептал шокированный Зайчик, разглядывая длинный пупырчатый язык, фиолетового цвета, вываленный из чёрной пасти коллектора.

Зайцу, почему то, страшно захотелось потрогать тушу вымогателя. Он боязливо поднёс к страшной морде дрожащий указательный палец и, легонько ткнув в остекленевший чёрный глаз, сразу же отдернул лапу. Коллектор не шевелился.

— Видал как я могу, — с напускной небрежностью сказал Заяц обращаясь к Королю — а ты сомневался...

Его прервал внезапный жуткий вой. Голова коллектора, извиваясь на длинной шее подлетела с полу, чудовищный язык замахал, пытаясь ударить Заяца.

Заяц заверещал, перекрыв по мощности, вой восставшего коллектора, и в один прыжок вылетел из ванной.

Коллектор подскочил на четыре конечности и, по — крабьи, кинулся за Зайцем, но врезался в, вовремя, захлопнутую Его Величеством дверь. Тут же, оказалась Зайчиха с ключами и умелой хозяйской лапой, она вставила ключ в замочную скважину, заперев злопротивного коллектора.

Король и зайцы, ещё, постояли под дверью, слушая как бьётся изнутри коллектор, и при

каждом его ударе, в маленьком затхлом коридорчике содрогались стены. Наконец чудище затихло и троица тихим шагом вернулась в гостиную.

Они расселись за столом, больше сидеть было не на чем, и, с подавленным видом, переглядывались между собой, не говоря ни слова.

Заяц хотел было налить себе самогону, но лапы не слушались, и он, только, расплескал алкоголь по столу.

Мерная тяжёлая поступь заставила всю троицу задрать головы вверх. Что — то бродило по чердаку, и сейчас оно проходило как раз над обеденным столом гостиной, даже через толстые доски потолка, слышалось его свистящее дыхание, и все понимали, что чудище вынюхивает, именно, их.

— В доме есть спуск с чердака? — встревоженно спросил Король.

Зайчиха молча покачала головой, но всё же заложила палец на курок ружья, водя глазами за звуком шагов коллектора и, только, когда шаги стали удаляться, она осторожно сняла палец с курка.

— Может нам его отдать? — предложила Зайчиха покосившись на брата — Это же он кридит взял, его они ищут.

Заяц, хотел было опротестовать, но Король успел высказаться раньше его.

— Бесполезно, денег — то у него нет, — сказал монарх — в указе о ростовщическом промысле, который я подписал, значилось, что в случае не возможности должником выплачивать кредит, его долг переходит к родственникам, как ближним, так и дальним, если таковых не имеется, то к знакомым, соседям, или к любому другому, кто, хотя бы видел, должника раз в жизни, и таковой считается поручителем.

— Как ты мог такие указы подписывать? — возмутилась Зайчиха — Ты, совсем, о подданных не думал?

— А я, что, обязан про всех думать, — обиженно всхлипнул Его Величество — мне, между прочим, за то что бы я этот указ подписал, целый камаз денег подогнали, а я же не каменный! — он нервно потряс бородой — Думал ли я о подданных... да, думал! Думал как мне с ними не повезло. Никак, понимаешь ли, не хотели они своего законного правителя обогащать, всегда — то норовили, сволочи, от оброка увернуться, и от десятины, и подушный платить не желали, армейский налог, милицейский налог и налог на строительство дорог — всё из них приходилось с боем выколачивать. А налог на бедность? Нежелали платить, хоть ты тресни! Хотя в законе ясно сказано, если бедняк — плати! Так нет же, кочевряжились, ну были бы миллионщиками, тогда, пожалуйста — никаких тебе налогов, мои мытари к миллионщикам никогда и близко не подходили — всё по — закону! А барщину как холопы отработывали, совсем из рук вон плохо! Чуть, только, солнце за горизонтом скроется — тут же побросали инвентарь и по домам! А то все считают, что мне жилось легко, попробуй с таким народцем поживи!

— Это да, — сочувственно вздохнула Зайчиха — меня, когда с должности попросили, так ни одна мразь холопская попрощаться не пришла, ни один мне в ноги не упал с благодарностью за всё. А, разве, мало я для них делала? Сколько я их запорола и не сосчитать! А благодарности — нуль без палочки. Вот такие наши смерды — скоты неблагодарные.

— А я, всё — равно, им прощаю, — великодушно молвил Его Величество — и готов ими, снова, править не смотря ни на что, такой уж мой удел и судьба королевская — тяготы претерпевать во имя отечества!

Лампочка в плафоне под потолком, бывшая сосредоточением туч жирных лесных кровасисей, стала мигать как цветомузыка на дискотеке.

— Хоть бы не сгорела, — сказал Король, прикрыв руками глаза.

Свет тут же погас.

В потёмках послышалось клацанье и луч света ударил в потолок — это Заяц включил фонарик.

— Генератор заглох, — определила Зайчиха — надо пойти перезапустить.

— Конечно, нужно, — поёжился Заяц, играясь светом фонарика, направляя его то в лицо Королю, то сестре — только, где мы найдём такого дурака, который отважится на это?

Запертый в ванной комнате коллектор, снова, дал о себе знать. Вымогатель начал издавать жуткие стрекочущие звуки, а на чердаке, вновь, раздались шаги, особо гулко раздававшиеся в воцарившейся тьме.

— На это отважишься, именно, ты, — сухим, безапелляционным тоном, сказала брату Зайчиха.

— Что?! Я?! — изумился Заяц — А вот это ты видала! — в темноте неясно было, что же такое показывал сестре Заяц, но, по всей видимости, это был кукиш.

— Ты, сам, погляди — ка лучше сюда, — Зайчиха приставила дуло ружья ко лбу Заяца.

— Ай, холодное, — оробел Зайчишка.

— Не пойдёшь, будет горячее! — Зайчиха передёрнула цевье.

— А чего, сразу, я?! — Заяц никак не хотелось выходить из дому в такую ночь — Вон, пускай гость идёт, — он направил луч фонарика на Его Величество.

— Я не могу, — отверг предложение монарх — мне нельзя, я — король.

— Вот у нас всегда так, — злобно прошипела Зайчиха — как работать — так все короли!

— Не все, — угрюмо сказал Его Величество — вы двое — холопы, а значит вам и идти.

— Быстро, встали и пошли! — не выдержала Зайчиха, которую здорово нервировал стрекот коллекторов, как будто переговаривающихся друг с другом — Я не хочу, что бы ко мне в темноте подкралась одна из этих тварей! Хотя я никакого отношения ко всему этому не имею. Один — указы подписывал, другой — кредитов понабирал. Вот вам и карты в руки!

Под угрозой немедленной расправы Король и Заяц были вынуждены пойти на уступки Зайчихе, и привели эти уступки их за входную дверь, а когда за их спинами клацнул, запираемый замок, им стало совсем весело.

Какое — то время они так и стояли — прижавшись спинами к двери, не смея, даже, пошевелиться. Всё вокруг, по — прежнему окутывал густой непроглядный туман. Свет фонарика, практически не пробивался сквозь его толщу, тогда Король снял со стены керосиновую лампу, что бы, хоть как — то, добавить освещения в пути.

Они шли, чуть ли не наощупь, вплотную прислонясь друг к дружке, не смея опржегать партнёра ни на шаг.

Когда они спустились с веранды и пошли по земле, Королю под ногу попала ветка, громко хрустнувшая под широкой королевской стопой. От резкого звука, Заяц аж подпрыгнул, кинул фонарь, и, уже, бросился на утёк, но Король успел схватить косога за уши и, с трудом, привёл во вменяемое состояние.

Если бы не Заяц, Его Величество, даже несмотря на то, что был Король, никогда бы не сумел найти сарай в таком тумане.

Размахивая во все стороны керосинкой, Король ввалился в сарай, но тут же застрял

между верстаком и шкафом с инструментами.

— Чего ты туда полез? — прошептал Заяц — Генератор здесь, — он осветил фонариком на краснобокий генератор, стоящий в углу, у входа.

— Хотел проверить не прячется ли кто — нибудь за шкафом, — соврал Король, который не хотел признаваться, что это он, на самом деле, от страха хотел забиться поглубже в сарай.

Заяц, понимая, что без Короля будет весьма непросто завести генератор, принялся вытаскивать монарха из западни. Его Величество втягивал живот, как мог, но сказывались негативные последствия плотного ужина, увеличившего, и без того, немалый объём королевской талии.

Заяц с Королём пыхтели, тужились, стараясь не шуметь, и, наконец, королевское тело, высвободилось из тисков, и по инерции, завалилось на живот, подмяв под себя Зайца.

Косой пискнул и, сразу, стал задыхаться под агустейшими телесами.

— Тихо ты... — прошипел Король — коллекторов накличешь, — Величество вытянул Зайца из — под живота, тот был чуть жив, с посиневшей от удушья мордой.

Король встряхнул зверька, и Зайчишка со свистом втянул в себя воздух, закашлялся, и вдохнул, ещё, глубже.

— Отошёл? — спросил шёпотом Король.

Заяц кивнул, пытаясь сдерживать спазмы в гортани и подняв с полу фонарик осветил на генератор.

— Заводи, — прошептал Заяц.

— Не могу, — прошептал в ответ Его Величество — я — король.

В этот момент возле сарайчика послышался неясный шорох.

Король, сразу же, схватился за ручку стартера, и, одним, резким движением запустил генератор.

Агрегат загрохотал, в сарае засветилась лампочка.

Заяц и Король выбрались из сарая, просвечивая туман маленькой белой точкой фонарика и тусклым жёлтым пятном керосинки.

Сделав два прыжка Зайчишка перевернулся, через невидимый в тумане ствол, недавно поваленной им же, сосны.

Заяц громко выругался. Его Величество, тут же, зашикал на него, призывая к тишине, но косой не утихал, громко перемежёвывая жалобы нецензурными словами.

— Похоже лапу вывернул! — пищал Заяц — Понеси меня, — простонал он и протянул лапки к Королю.

— Ты же знаешь, что я не могу, — насупился Его Величество — я...

Договорить Король не успел, ибо оказалось некому слушать — Заяц, рванул со всех четырёх, чудесным образом исцелившись.

— Воистину, я, Король — целитель, — восхитился собой Его Величество — это вам не золотуху наложением рук исцелять! Ай, да я!

Но к разочарованию монарха, вовсе не его целительное присутствие подняло косоного на ноги.

Коллектор, худой и длинный, похожий на освежаванный кусок мяса, стоял за спиной Его Величества. Лишённая ушей и глаз, обтянутая восковой кожей голова пригнулась к шее Короля и монарх почувствовал на себе ледяное дыхание вымогателя.

Король бросился, было, бежать, но было поздно, вымогатель запрыгнул на спину

августейшего. Обхватив тучные бёдра Короля ногами, коллектор принялся шарить руками по одежде монарха, разыскивая карманы. Прикосновения коллекторской кожи, влажной, с удушающим запахом, вызвало спазм омерзения у Короля, он принялся кружиться на месте, пытаясь сбросить с себя алчное создание, пытался бить коллектора керосинкой по голове, пока, перецепившись через ствол поваленной сосны, кубарем не покатился по земле, и коллектор, не удержавшись, слетел с Короля.

Величество быстро поднялся на три конечности, светя перед собой лампой.

Коллектор, с глухим стоном, схожим со скрипом сухого дерева, поднимался, неестественно поддёргивая конечностями, как марионетка на ниточках, увлекаемая невидимым кукловодом.

В свете лампы Король различил, брошенную Зайцем после заготовки дров, бензопилу. Его Величество поставил керосинку на землю и, подтянув бензопилу левой рукой, схватил правой ручку стартера и, резко рванул её на себя. Как и полагается в таких ситуациях — пила не завелась.

Коллектор, вытянув вперёд руки с шевелящимися узловатыми пальцами, издал ужасный рёв, извергая из багровой пасти хлопья пузырящейся пены и бросился на августейшего.

Король отчаянно дёргал стартер, двигатель каждый раз отвечал издевательским уханьем и подло смолкал. Пот заливал королевские очи, рубаха вся промокла и липла к разгорячённому телу.

Коллектор уже стоял над Его Величеством, тяжело, со свистом, втягивая воздух через две узких щели бывших у него вместо носа. Вымогатель схватил Короля за горячие уши и завыл:

— Должни — и — и — ик!!!

В этот момент треклятый двигатель, наконец завёлся, зубчатая цепь пилы закрутилась, Король, встав на колено, преодолевая боль в выкручиваемых ушах, вонзил направляющую шину пилы в грудь чудовища.

Захрустели размалываемые кости, ошмётки гнилостной плоти, вперемешку с тёмной кровью забрызгивали Его Величество с головы до пят, оставляя невыводимые следы на белой рубахе.

Тем временем, Заяц, вывалив язык на бок, не помня себя от ужаса, удирал, что было мочи. В тумане, он пару раз, приложился о стволы сосен, подбив себе синяк под глазом, но страх гнал Зайчишку, заставляя забыть о боли.

Задыхаясь и отхаркиваясь, будто после марафона, косой взбежал на веранду и забарабанил по входной двери.

— Чего надо? — грубо ответила из дому Зайчиха.

Зайчик пропищал:

Ай, сестрица, моя милая,
Ты — родная и любимая,
Попал братец твой в беду,
Сейчас получит по ебл... по лицу!

А Зайчиха ему и отвечает:

Ах, ты ж братик, ты косатик мой,
Разгребайся со своей бедой,
В домик не стучись ты так,
Не впусти тебя, дурак!

Собственно электрификация в доме была налажена, а судя по срывающемуся голосу Зайца, у него были большие неприятности, так что Зайчиха пришла к мудрому умозаключению, о бессмысленности впускать брата в дом.

Косой прижался мордой к лутке двери и жалобно сопел в щель, взывая к милосердию сестры.

— Помнишь, когда ты маленькая была я тебе морковь с огорода таскал, — плакался Заяц.

— Ты себе её таскал, а когда тебя поймали, что бы разжалобить крестьян, ты мной прикрылся, — припомнила детали Зайчиха.

— Разве же это так важно? — увещевал Заяц — Мы же с тобой единственные родственники друг у друга, и никого в мире больше у нас нету.

— Ещё бы им быть? — восклицала Зайчиха — Нас в выводке девятеро зайчат было, и в первый же раз, когда родители оставили нас самих, мы с тобой всех остальных зайчат передушили.

— А тебя — то я не задушил, — всплакнул косой.

— Не смог, потому что, не успел! — Зайчиха оставалась безразличной к взовам брата — Мамка в гнездо вернулась, а ты сказал ей, что это я всех братиков и сестричек погубила, хотя, я, только, троих удавила.

— Жалко я и тебе тогда шею не свернул, — тихо пробурчал Заяц.

— Что ты сказал? — переспросила Зайчиха, которая несмотря на преклонный возраст отличалась острым слухом.

— Говорю, что люблю свою сестричку, — Заяц не терял надежды попасть в дом — нупусти же меня, пошутила и будет, а здесь холодно, я совсем один, Короля коллектор задрал... — Заяц осёкся, поняв, что сболтнул лишнего — но за мной он не погнался, — попытался загладить ситуацию косой — я его спугнул и он убежал.

Но из дому больше не отвечали.

Заяц взялся за ручку двери и, в безумной надежде, подёргал, но без толку, Зайчиха не отомкнула.

Косой повесил было уши, но скрип половиц на веранде, заставил его, снова, наострить их. Неужели Король смог выжить? Вероятно. Но, тогда почему он идёт с противоположной стороны дома.

Заяц направил луч фонарика в сторону, откуда доносились шаги. Картина была шокирующая. Коллектор, которому Его Величество недавно отстрелил голову, брёл по веранде, выставив перед собой руки, словно ища что — то.

— Ничего страшного, без паники, — прошептал, на смерть испуганный Заяц — он не может не увидеть, не услышать меня.

Но всё же косой, на всякий случай выключил фонарик, и вжавшись спиной в дверь затаил дыхание.

Безголовый коллектор медленно продвигался вдоль веранды, по пути ощупывая то стену, то перила, иногда резко приседая и проводя рукой по полу. Когда вымогатель поравнялся с Зайцем, у косого, уже не хватило сил сдерживаться и он задышал, тяжело и часто, да так громко, что услышала Зайчиха.

— Ты всё, ещё, здесь? — недовольно спросила она — Я кому сказала — убирайся! Вон!

— Не — не шуми... — зашептал Заяц, перед самыми глазами которого остановилась нога коллектора, в изодранной штанине, из — под которой была видна, воского цвета,

покрытая струпами, голень, на которой кишели черви.

— Почему это? — обозлилась Зайчиха и, вдруг, до неё дошло — Братец, ты там не один? Кто там с тобой?

— Коллектор, — прошептал в ответ Заяц — пожалуйста, сестрица, тише, а то он меня обнаружит...

— Хорошо, — тоже зашептала Зайчиха и, взявшись за ствол ружья, ударила прикладом о пол.

— Что ты делаешь! — ужаснулся Заяц.

Но Зайчиха продолжала тарабанить по половице половиной своей выходявшей на веранду и, сейчас, находившейся под ногами коллектора.

Безголовый мгновенно среагировал на вибрацию и бросился к её источнику.

Туша сослепу натолкнулась на дверь, а Заяц, изловчившись проскочил между ног вымогателя, но когтистая лапа успела ухватить косога за ухо. Заяц не успел и пискнуть, как коллектор, не выпуская уха, вцепился ему второй рукой в горло и, повалив на спину, стал душить.

У Зайца заложило уши, виски налились кровью до предела, перед глазами поплыли синие пятна, он уже ничего не чувствовал, кроме холодной руки вымогателя на своём горле. Жужжащий звук, долетевший до него откуда — то сверху, он, уже, воспринял как галлюцинацию.

А тем не менее, в реальности, звук показавшийся Зайцу лёгким жужжанием, оказался рёвом двигателя бензопилы, ставшей грозным оружием в руках Его Величества.

Король взмахнул пилой, и рука коллектора душившая Зайца, отделённая от туловища, упала на впалый живот, почти задохнувшемуся зверьку. Оставшейся рукой коллектор, сразу, вцепился в пухлое бедро Его Величества, вогнав когти в нежную плоть.

Король вскрикнул от боли и вторым взмахом отнял оставшуюся руку у чудовища. Коллектор, лишившись опоры, упал на, едва пришедшего в сознание Зайца.

А Его Величество продолжал кромсать на куски вымогателя, извивавшегося, как гигантский червь.

Заяц, на своё счастье, успел выскочить из — под коллектора, иначе быть бы и ему разделанному на куски вместе с ним.

Король орудовал задорно, не жалея сил и не гнушаясь чёрной работы, пока вся туша коллектора не превратилась в кучу перемолотых останков.

Монарх стоял, широко расставив ноги, весь забрызганный внутренностями коллектора, так, что на белой рубахе не осталось ни одного чистого места, а керосинка, ручку которой Король держал в зубах, освещала, почерневше, от покрывавшей его крови, лицо августейшего, на котором, только, светились белки глаз.

Король перехватил лампу рукой, и перекрикивая рёв двигателя спросил у Зайца:

— А ты чего здесь?

— Я, когда заметил, что тебя нет, — закричал Заяц — сразу же хотел бежать тебе на выручку, — косога почесал нос и добавил — а, ещё, сестрица никого в дом не пускает.

— Как не пускает? — прогремел разгневанный Король и пяткой грохнул в дверь.

— Вы кто такие? — отозвалась Зайчиха — Я вас не звала! Идите куда подальше!

— Я, Король — победитель коллекторов! — объявил Зайчихе монарх — Отворяй, сука старая!

— Сам такой! — нагубила Зайчиха, явно не намереваясь исполнять королевскую волю.

Такая дерзость привела Его Величество в бешенство. Король, не взирая на град ругательств, которые обрушила на него Зайчиха, стал вырезать бензопилой замок в двери. За две секунды дело было сделано, Его Величество отёр опилки с глаз и ударом огромной стопы вынес дверь.

Внутри, перекрывая вход, с ружьём на перевес, стояла Зайчиха, седые волосы всклокоченны, глаза безумные.

— Идиоты! — от злости у неё аж пена пошла изо рта — Что вы наделали!

Заяц бочком подкрался к Королю и прошептал:

— По — моему, её сознание взяли под контроль! Она под находится под управлением коллекторов, не иначе...

От услышанной новости Король не растерялся и, в очередной раз, применил свою, большую, как у снежного человека, стопу, на этот раз она прилетела в лоб Зайчихе.

Зайчиха перекувыркнулась на месте и растянулась ковриком у ног Его Величества.

Заяц склонился над сестрой, заглядывая ей попеременно, то в левый, то правый глаз, после чего он многозначительно хмыкнул и отпустил сестре щелбана.

— А, на вроде, и не под контролем, — сделал заключение косой.

— Ах, ты ж косоглазый мудозвон! — Зайчиха начала медленно подниматься, не сводя полный ненависти и не предвещающий ничего хорошего взгляд с брата.

— Ай, нет! — взвизгнул Заяц и спрятался за ноги Короля истошно завопив — Она под контролем! Всё таки под контролем!

Гигантская пятка человекоподобного Йети, обутая в пынеход, обратно повалила Зайчиху на пол.

— Придурки, — прохрипела Зайчиха, решив не подниматься, во избежание недоразумений, лоб, в конце концов, не железный — как мы с выбитой дверью оборону держать будем? Вы об этом подумали?

— Я не для того король, что бы думать, — немного смущённо оправдывался монарх.

— А мы тебя на улицу выставим, — предложил Заяц, он, уже, успел поднять ружьё, что придало ему уверенности перед сестрой — и, пока, коллектора будут за тобой по лесу гоняться, мы что — нибудь придумаем. Как тебе идея?

— Так же, как и твой мозг — мертворождённая, — Зайчиха поднялась на задние лапы.

Она подобрала очки и поглядела через них на свет керосинки, которую держал в руке Король.

— Разбил, козёл, — подытожила она, разглядывая трещину в левом стекле.

— Чего — то у нас штукатурка посыпалась, — тихим, настороженным голосом заметил Заяц.

Это высказывания было настолько не в тему, что Король с Зайчихой уставились на косого, как на полоумного.

— Да вот же, — Заяц указал лапкой — сами поглядите.

С потолка, действительно, спускалась тонкая струйка белёсых крупинок, образуя маленький холмик на полу.

— Ну давай, что — ли, ремонтом займёмся, — предложила Зайчиха — как раз самое время!

— Ты — болван! — поставил Заяцу диагноз монарх и, без всякого стеснения, стянул с себя рубаху, оставшись в костюме Адама.

Когда — то белой сорочкой, Его Величество отёр лицо и бороду. Брезгливо отшвырнув

изгаженную вещь, Король, сверкая роскошными телесами прошёлся по комнате, подобрал свою старую хламиду и, с важным видом, не теряя достоинства, через голову, натянул её на себя.

— Может, давайте, дверь гвоздями забьём? — предложила Зайчиха, прикрыв дверь и подперев её лапой.

— А гвозди мы где возьмём? — раздражённо фыркнул Заяц — А молоток?

— В сарае, — подсказала Зайчиха.

— А кто туда пойдёт? — взвизгнул Заяц — Опять мы с Королём?!

— А почему бы и нет? — с невинным видом спросила Зайчиха — Вы же там уже бывали. Дорогу, значит, знаете.

— Нет уж, старуха, — величаво забасил Король — нынче ружьё у нас! Значит тебе идти!

Заяц угрожающе ткнул стволом ремингтона в грудь сестре и приказал:

— Живо за инструментом!

— Как тебе не стыдно? — припозорила Зайчиха брата — родную сестрёнку ружьишком страшась, ай — яй — яй!

Заяц замялся и, нерешительно, поглядел на Короля.

— Выполняй, что велено! — гаркнул Его Величество — Это тебе мой королевский приказ!

— Как тебе не стыдно? — попыталась провернуть тот же фокус и с Королём Зайчиха.

— Короли стыда не имеют! — оборвал её монарх.

Зайчиха, ещё, раз обвела всех молящими глазами, но получив в ответ холодное молчание Короля и смущённо — трусливо отведённые глаза брата, она плюнула на пол и распахнула дверь.

С улицы повеяло холодом. Зайчиха осторожно высунула ушастую голову за дверь и поглядела по сторонам, что, в общем, не имело смысла, так как из — за тумана, да, ещё, и с разбитым стеклом в очках, они, всё — равно, толком ничего не могла видеть.

Зайчиха прокашлялась, засунула голову обратно, сняла очки, протёрла их, снова выглянула за дверь, поправила седые волосы, постучала задней лапкой по полу.

— Давай, иди уже! — Заяц ткнул сестру стволом ружья в спину.

— Вы, хоть, фонарик, что ли, дайте, — смиренно попросила Зайчиха.

— На! — Заяц подал ей фонарик.

— Спасибо, — поблагодарила Зайчиха.

— Иди! — Заяц был лаконичен.

— Раз, уж, я иду, вы, хоть, ружьицо мне дайте, — ещё более смиренно попросила Зайчиха.

— На! — Заяц, уже, протянул оружие сестре, но резкий окрик Короля остановил его — Опять хотела меня провести! — спохватился Заяц и наставил ружьё на сестру — Да не в этот раз! Уж очень я умён для тебя!

— Гениален, — усмехнулась Зайчиха.

— Рад, что наконец — то это признала, — от гордости морда у Заяца расплылась в улыбке — но ты мне зубы не заговаривай, — он попятился от сестры на несколько шагов назад — и, пока, ты будешь ходить за инструментом, я, как умный, здесь посижу, в тепле и безопасности, где мне ничего не грозит...

Договорить Заяц не успел. С грохотом и тучей пыли на него обвалился потолок, засыпав косого горой обломков.

Не успели король и Зайчиха прийти на помощь Зайцу, хотя не особо и рвались, как из чёрной дыры, образовавшейся в потолке, выпрыгнуло безобразное создание покрытое редкой чёрной шерстью, на шести, по — паучьи изогнутых, длинных конечностях, каждая из которых заканчивалась человеческой ладонью. Чудовище быстро крутило вытянутой безволосой головой на тонкой шее, выпученные, белёсые глаза дико вращались, пока, не остановились на Его Величестве, и, тогда, вымогатель, разинув пасть, жутко завыл:

— Должни — и — и — ик!!!

От воя у Короля и Зайчихи заложило уши, а четверть с самогоном лопнула, как воздушный шарик, разбрызгав остатки горячительного напитка.

— Пиляй его! — закричала, зажав лапами уши, Королю Зайчиха.

Его Величество схватил бензопилу, завёл одним рывком, и, выставив перед собой направляющую шину, стал наступать на коллектора.

Вымогатель же, оскалив жёлтые клыки, бросился на монарха, но один взмах бензопилы раскроил ему пол морды. Заливаясь гнилью из разодранной раны, коллектор, сразу отпрянул от Короля, хрипя и закрывая морду лапами.

— Вот тебе ласка королевская! — процедил августейший, потрясая своим грозным орудием.

Пила редела и визжала, и вот — вот, Король наматывает кишки вымогателя на зубчатую пильную цепь.

Коллектор вжался брюхом в пол, шипя и корча безобразные гримасы, он чувствовал, что сейчас получит полное погашение кредита, последнее в его жизни.

Король поднял пилу, целясь коллектору в темя, и тут агрегат, испустив тяжёлый хрип, умолк. Его величество нервно подёргал стартер, но тщетно, бензин кончился.

Коллектор оскалился, уставился на Короля уцелевшим глазом, и стал медленно наступать.

Король отшвырнул, ставшую бесполезной, бензопилу и попятился. Коллектор приближался. Его Величество, в поисках помощи, поглядел на Зайчиху, но той, уже и дух простыл.

Неожиданно Король почувствовал что его лодыжки коснулось что — то тёплое. Он поглядел вниз, это была керосиновый фонарь, которую он поставил на пол, пока переодевался. Величество схватил лампу за ручку и замахал ей, пытаясь отпугнуть вымогателя, но, к несчастью, коллектор оказался не из пугливых и продолжал подбираться к монарху. Тогда Король, со всего маху, запустил фонарь в голову чудовища.

Снаряд угодил точно в лоб вымогателю, стекло разбилось, керосин выплеснулся из резервуара, залил морду коллектора и толстый короткий коврик, и тут же вспыхнул.

Коллектор заревел, стал кататься по полу, пытаясь сбить с себя пламя. Ковёр, оказавшийся синтетическим, полыхнул как порох, чадя клубами чёрного дыма, под ним затрещали, загораясь, сосновые доски пола.

— Спасайте короля! — призвал Его Величество по старой привычке, но поняв, что делать это некому, собственными ножками рванул вон из дома.

В тумане, Король, не увидел ступенек, и скотился с веранды, как гигантский колобок, который от коллекторов ушёл.

Величество поднялся, держась за сосну, и огляделся назад. Пламя, уже, било из дверного проёма, сияя рыже — красным светом сквозь туман, и пускало искры сквозь загорающуюся крышу.

Чья — то мерзкая шершавая лапа, вцепилась Королю в ляжку и тот подпрыгнул от неожиданности.

— Ты что, мою усадьбу поджжёг? — спросил Короля кто — то и он узнал скрипучий голос Зайчихи.

— Дура! — обругал августейший Зайчиху — Разве можно так к своему королю подкрадываться?

— Это ты дом поджжёг? — спросила ещё раз Зайчиха.

— Что? — Его Величество не сразу расслышал — Поджжёг? Да я. Юность вспомнил Любил я в юные годы так развлекаться. Налечу бывало с друзьями на холопский хутор и спалю его до тла. Вместе со скотиной и крестьянами, если убежать не успеют. Я, тогда, даже орден себе вручил «За храбрость!».

— А я, ведь, сразу хотела тебя прогнать, — Зайчиха в бессилии села на землю — если бы не эта сраная греча, — она всхлипнула — и угораздило же моего братца тебя в дом притащить. Ты всей стране жизни не давал, ясно же было, что ничего хорошего от тебя не жди...

— Кстати, интересно, где твой брат подевался? — отрешённо, будто сам у себя, спросил Король.

— Должно быть поджарился, выродок, — равнодушно прикинула Зайчиха — хоть что — то хорошее от твоего появления, — она злобно взглянула на монарха.

Но радость Зайчихи оказалась преждевременной.

Из пожара выпрыгнул маленький горящий комочек, и спрыгнув с веранды, упал на землю и стал котаться. Потушив на себе пламя, комочек поднялся и заметив Короля с Зайчихой, слегка прихрамывая, подскочил к ним.

Это, конечно, был не кто иной как Заяц.

— Спасибо, что не бросили! — поприветствовал он Короля с сестрой.

— А ты, оказывается, в огне не горюшь! — ответил Зайцу августейший.

— Самое главное, что он и в воде не тонет, — прибавила огорчённая Зайчиха.

Подул ветер. Свежий, слегка прохладный. Порывы воздушных масс поразгоняли тяжёлый удушливый туман. Над верхушками сосен стало видно небо, ещё тёмное, но, уже, в предрассветных голубых тонах, а далеко на востоке, линия горизонта окрасилась розовым цветом, близилось утро.

— Смотрите! — первым встрепенулся Заяц, оглядываясь вокруг.

В темноте леса, отражая отсветы пожара, блистели десятки пар злобных хищных глаз.

— Злобучие коллектора! — взвизгнула Зайчиха.

Безобразные вымогатели, жутко воя, окружали троих товарищей по несчастью, их белёдые фигуры, передвигающиеся на четвереньках, уже видимые в предрассветных сумерках, металась между деревьев.

Но как известно, счастья не бывает много, пламя из горящего дома, таки смогло перебросится на ветки сосен, и под порывами ветра, допрыгало до самых верхушек. Огонь загудел перескакивая с дерева на дерево. Короля и Зайцев обдало жаром.

Коллектора, освещённые жёлтыми тоннами пожара, замерли, задирая подслеповатые морды и нюхая воздух. Они кружились на месте, о чём — то перекликиваясь между собой высокими гортанными звуками. Но когда горящая ветка упала на покрытую бородавками спину одного из вымогателей, опалив её, вся стая бросилась в рассыпную.

— Они бегут! — радостно встрепенулся Заяц — Бегут! Мы спасены! Ура!

— Мы поджаримся! — влил ложку дёгтя Король.

А Зайчиха ничего не сказала, она, тихонько сделав два шага назад, побежала со всех четырёх. Но этот манёвр не остался незамеченным.

— За ней! — пискнул Заяц — Она выведет нас! — и он бросился вслед за сестрой.

За Заяцем побежал и Король, ужасаясь открывавшейся перед ним перспективе, в виду участвовавших физических нагрузок — похудеть!

— Чего увязались, придурки! — кричала преследователям Зайчиха — Бегите сами по себе!

Она петляла между деревьями, путая следы, стараясь оторваться, делала петли, пряталась за стволами, но Заяц не отставал, так хотел, ещё, пожить.

И куда было бы Его Величеству угнаться за зайцами, если бы не пынеходы, воистину — царская вещь! Король в них, просто, не чуял земли под собой, еле разминаясь с встречными деревьями, он до того разгонялся, что временными обгонял и саму Зайчиху, и не зная куда бежать дальше, был вынужден дожидаться её.

А Зайчиха знала, что делала, её целью было добраться до свежей вырубki, на которую она наткнулась недавно гуляя по лесу. Какой — то важный господин расчищал площадку под застройку, там — то Зайчиха и надеялась спастись от пожара.

Весёлая тройца мчалась подгоняемая пламенем, огонь, уже, стоял сплошной стеной за их спинами.

— Прекрати вилять, карга старая! — прокричал Король поравнявшись с Зайчихой — Мы же время теряем!

Отвлечшись на разговор, Его Величество не успел разминуться с деревом и на всём ходу врезался в него, да так, что с вытянувшихся вперёд ног слетели пынеходы.

— Ха — ха! — не удержалась от смеха Зайчиха и от радости, тоже, вписалась в дерево.

Заяц, ругая товарищей на чём свет стоит, вынужден был помогать сестре встать на ноги, попутно хлопая её по щекам, дабы привести в сознание, но нужно признать, делал он это не без удовольствия.

Король же, который обладал воистину дубовым лбом, быстро вскочил, натянул на ноги слетевшие пынеходы, и принялся помогать Заяцу с сестрой, не скупясь на пощёчины с обеих рук.

Короче, вместо того что бы вернуть Зайчихе сознание, они, переусердствовав, окончательно выбили его из неё.

— Дольше нельзя оставаться, — Король утёр со лба пот и с опаской поглядел на приближавшуюся волну пожара.

— Но мы не знаем куда бежать! — простонал Заяц.

— Ну и оставайся если хочешь, — буркнул Его Величество.

— Погоди одну секунду, — Заяц опять склонился над тушкой сестры.

— Брось её, — сказал Король — она, уже, в себя не придёт!

— Да у этой, старой суки, коронки золотые, — Заяц запустил сестре в рот пятерню, да по самый локоть.

Зачиха, лишённая кислорода, закашлялась, и задней лапой лягнула брата в хилую грудь, от чего он покотился кубарем.

— Чё, полегчало? — спросил косой, глядя на то как бодро сестра вскочила на четыре лапы.

— Да от вас, мудаплясов, разве отделаешься, — буркнула Зайчиха и без разогрева

припустила со всех четырёх.

Король, бывший на чеку, побежал за Зайчихой, Заяц, с некоторым отрывом, следовал за Королём.

Старая хитрая тварь, уже, поняла, что не сможет отвязаться от преследователей и бежала по прямой, отбросив ухищрения.

Лес, внезапно, кончился и неугомонная троица вылетела на обширную вырубку, тысячи коротеньких пенёчков, свежеспиленных деревьев, обступили наших героев.

Зайцы и Король остановились и, с трудом переводя дух, пошли вглубь лесоповала. За их спинами пылали деревья, заслоняя голубеющее небо сплошной пеленой чёрного дыма.

Его Величество присел передохнуть на широкий пенёк, оставшийся от двухсотлетнего дуба.

— Сколько же горя ты принес мне за один вечер, — сказала Королю Зайчиха, смахнув с морды долетавший до неё пепел — моё именье, доставшееся мне такой ценой, погибло, все сбережения, что бы обеспечить мне безбедную старость — ничего не осталось. Сорок лет я гнобила подчинённых, не из одного удовольствия, я мечтала, что на склоне лет не буду жить, как они, нищенствовать и побираться по помойкам. И стоило, только, появиться твоей королевской роже, как всё пошло прахом!

— Не заводись, сестрица, попытался успокоить родственницу Заяц.

— Заткни пасть! — гаркнула на него Зайчиха — Это ты притащил в дом это чудо! Хотел на грече обогатиться! И где теперь воя греча? — Зайчиха ткнула пальцем в направлении пылающего лесного массива — Там она! Вся сгорела!

— Нет, не вся, — спокойно промолвил Король и презрительно поглядев на Зайчиху, убедительно похлопал себя по карману, который отозвался нежным щорохом ядрышек гречи.

— Отдай! — навзрыд завыла Зайчиха и вцепилась в карман, но Король пинком ноги отшвырнул от себя алчное животное.

— Я вижу эта крупа для вас очень ценна, — Его Величество закинул ногу за ногу, поигрывая пынеходом — я готов вам её пожаловать, дабы вы доставили мою особу к моему тестю, королю сопредельного государства.

— Ценна? — прошипела Зайчиха, облизнув пересохшие губы — Хороша ложка к обеду. Настоящую цену греча приобретает во время избирательной компании, за ту дозу, что у тебя в кармане можно приобрести деревеньку, душ на пятьдесят крепостных, только вот незадача, сейчас август, а ближайшие выборы в октябре и то, следующего года! — на последних словах Зайчиха заплевалась, уподобившись брату — Так что, Величество, маловатую награду обещаешь!

— Да, маловато! — запищал и Заяц — Больше хотим! Миллион давай, золотом! И министество!

— Во тебе! — Король свернул косому кукиш — Смотри не подавись.

— Так и добирайся, тогда, сам, — насупилась Зайчиха.

— Могу и сам, — Король широко зевнул — а вы оба останетесь здесь, и не сегодня, так завтра, коллектора настигнут вас.

Зайчиха с ненавистью поглядела на монарха, но ничего не сказала, понимая, что он прав.

— Но если же вы удостоитесь милости быть моими верными слугами на время пути, — продолжал Король — то так уж и быть, если тесть отдаст мне своё королевство, я пожалую вам подданство и разрешу жить в моих новых владениях, а если же тесть наскребёт денег и

купит мне моё прежнее королевство, то я издам указ о долговой амнистии, специально для вас.

— И всё? — разочаровано выдохнул Заяц — А как же титул и земли?

— Это я предлагал вчера, — Его Величество растянулся на пне — а сегодня, я меняю условия. Советую соглашаться, хоть, на такие.

— А как же королевское слово? — пискнул Заяц, всё ещё надеясь на титул.

— Королевское слово — крепче гороха! — объявил Его Величество — Сказал не дам, значит — не дам!

— Что же делать? — сама у себя спросила Зайчиха — Выбора у нас нет. Придётся согласиться, — она запрыгнула на пень и заглянула Королю в его чёрные, налитые злобой ко всему живому, глаза — хрен с тобой, — произнесла она глухим голосом — мы поможем тебе, а за это ты избавишь нас от коллекторов.

— Так уж и быть, — сделал вальяжный жест рукой Король — я принимаю твоё нижайшее прошение, — он повернулся на бок, выставив на обозрение разорванную на спине хламиду — а сейчас я повелеваю тебе заткнуться и дать своему повелителю часочек отдохнуть.

Августейший едва успел договорить, как из его груди вырвался богатырский храп и Величество забылся глубоким сном.

Непростительно безразмерная столица Многоземельной народной республики распласталась, как жирная свиная котлета на сковороде, истекая непомерно накопленными жирами и издавая смесь запахов подгорающего масла и полусырого мяса.

Цетром столицы являлась площадь Свободы и Рабства, увенчанная гранитными статуями изображавшими упомянутых Свободу и Рабство. Композиция представляла Рабство в виде крупного симпатичного, с правильными чертами лица, и волевым подбородком мужчину с ошейником на шее, крепко прижимавшего к себе хрупкую, с впалыми щеками девчущку, надпись под изваянием гласила: Рабство путь к Свободе!

В центре площади возвышался дворец парламента республики исполненный в стиле древнеримского сената.

О том, что сегодня был один из дней сессионного заседания парламента можно было догадаться по милицейскому оцеплению периметра площади, на территорию которой простым смертным вход был воспрещён. Да и при желании никто бы и не смог бы протиснуться на эту площадь, до того плотно она была забита личным автотранспортом парламентариев. Дороговизна и новизна автомобилей свидетельствовала о том, что банкротство мировому автопрому в ближайшие годы не грозит, ибо парламентарии Многоземельной народной республики имеют сурьезную покупательскую способность и не стесняются её использовать.

Но перенесёмся же скорее в сессионный зал. Его, полукругом в двенадцать рядов, заполняли ряды кресел с горностаевой обивкой, в центре зала возвышалась трибуна для спикера. Эта самая трибуна в данный момент была центром свалки из беспрестанно толкающихся и бранящих друг друга депутатских тушек с трёхскладчатыми затылками.

Главной целью каждого было, будто бы, дорваться до трибуны и успеть выкрикнуть что — нибудь в микрофон, пока коллеги не успели стащить его за ноги.

Вот какой — то бородавчатый, на вид приличный дедушка, с хитрожопым прищуром, неожиданно для самого себя добрался до микрофона, и, совершенно, не зная, что говорить, запел пахабную песенку из своей молодости:

А я любил монашку!
И Любу и Палашку,
Их целовал я в грудь и в лоб,
Но как — то раз застукал поп!

На втором куплете маразматического исполнителя таки стянули с трибуны, и, дабы, разъяснить дедуле, что с концертом пора заканчивать, так как тот по — прежнему продолжал петь, даже, без микрофона — разбили стулом голову, и, уже, повели сражение, подобно древним ахейцам, за тело Патрокла, не гнушаясь в процессе нещадно топтать павшего дедушку туфельками из крокодилей кожи.

Практически бесшумно, за креслами президиума отворилась маленькая дверца, но, это заставило парламентариев разом смолкнуть, неотрывно следя за тем, что появится из — за двери.

Появилась гладко выбритая голова с сероватого оттенка лицом, покрытым морщинами и глубоким шрамом на правой щеке, маленькие бесцветные глазки уставились в зал.

— Заглохните, гниды! — обругала парламентариев голова и скрылась за дверью.

Народные представители не заставили просить себя дважды, и тряся откормленными задами, упакованными в дорогие брючки с отливом, тихо, как мышки, разбежались по своим местам. И сидели, не шевелясь, до самого конца сессионного дня, даже на горшок ни один не попросился... хотя после появления неприятной головы в штаны сделали все.

Так что же делалось за маленькой дверцей, малейшего окрика из — за которой было достаточно, что бы народные избранники стали тихими и послушными?

А была за ней небольшая, «тайная комната», где собрался весь цвет молодой республики.

В обитой бархатом комнате царил приятный интимный полумрак. За круглым дубовым столом, в креслах мастерски обтянутых человеческой кожей сидело двадцать человек, довольно зрелого возраста, и, все как на подбор имели мёртвые рыбы глаза. Население Многоземельной республики могло бы легко опознать в этих «рыцарях круглого стола» отцов и благодетелей народа, меценатов и учредителей бесчисленных благотворительных фондов имени себя. Фонды эти, постоянно, приносили богатые пожертвования, не меньше сотни жертв за раз, а то и более...

Кстати, по какому — то удивительному совпадению, народные благодетели, одновременно, были и самыми богатыми людьми республики, да, пожалуй, и всего мира. Самый выдающийся благодетель в республике был Амтих Амтихович, и, несмотря на изрядный капиталец, на сходку он пришёл в простеньком спортивном костюме и сидел, небрежно перекатывая маленький чёрный шарик для игры в «напёрстки».

На столе, грудой, были составлены большие спортивные сумки, до того плотно набитые, что молнии на них не застёгивались, и из распухших сумок торчали пачки, плотно спрессованных американских долларов.

Амтих Амтихович сделал небрежный жест рукой, указав пальцем, украшенным золотой печаткой с бриллиантом, на сумки и, тот час, откуда — то из тёмного угла вышел широкомордый здоровяк в чёрном костюме, и аккуратненько, по одной, перегрузил все сумки на приготовленную заранее тележку, поклонился Амтиховичу, и так же тихо исчез.

— Вот же мы молодцы! — загомонели благодетели — И тут народу помогаем, как можем. Он, народец, навывбирал себе депутатов, а мы им зарплату платим! Должно нас за это отблагодарить как полагается! Да — да, пускай подают благодарность!

— Всё будет, — тихим голосом заговорил Амтих Амтихович — благодарность будет внесена в бюджет, как первейшая статья расходов. Но сегодня у нас есть гораздо более важный вопрос. Речь пойдёт о нашем бывшем вседержителе Короле Многоземельном. Помните такого?

— Помним — помним, — загомонели благодетели — как же не помнить! Славный король был. Ни в чём нам не отказывал! О чём не попроси, на всё соглашался. Хоть налоги на откуп, хоть мосты в частную собственность, хоть крестьян закрепостить — любой указ подписывал не глядя. Правда, предварительно, нужно было ему мешок золота занести, ну так, а кто без греха?

— Вот как? — Амтих Амтихович удивлённо приподнял бровь — Может вы были бы и не против его возвращения на престол? Ведь Величество жив и здравствует, а значит — реставрация монархии вполне возможна.

— Пускай возвращается, если сможет, — хором отвечали благодетели.

— А как насчёт королевских земель и имений? — любопытствовал Амтих Амтихович — Как я помню, после, низложения Его Величества, многие из вас переоформили их на

себя. А королевские крепостные души, что с ними стало? Тоже между собой разделили. Так вы готовы вернуть всё в зад? — Амтихович обвёл холодными змеиными глазками присутствующих.

Благодетели растерянно умолкли. Они хорошо помнили, что большую часть королевских владений присвоил себе, именно, Амтих Амтихович, особенно золотиносные рудники и серебряные шахты, но говорить об этом вслух не решались, да и всё же, каждому из них удалось оторвать кусочек и для себя, а отдавать добытое было не в их правилах.

— Нас может спасти, только одно, — решили благодетели — королеубийство!

— По счастью для всех нас, — сказал Амтих Амтихович — я, заранее, побеспокоился о нашем экс — монархе, — он щёлкнул пальцами и из темного угла, вновь, вынырнул широкомордый здоровяк — я выдал тебе сотню тысяч на устранение Короля Многоземельного — напомнил Амтих Амтихович — доложи нам о успехах.

— Докладываю! — отчеканил широкомордый — Из полученных ста тысяч, семьдесят я взял себе, а оставшиеся тридцать вручил моему помощнику и приказал ему на эти деньги организовать ликвидацию Короля.

— Ну что же, это разумно, рационально, — кивнул Амтих Амтихович — мы бы все так поступили.

Благодетели одобрительно загудели.

— Продолжаю доклад, — вёл дальше широкомордый — мой помощник из полученных тридцати тысяч взял себе двадцать пять, а за оставшиеся пять тысяч договорился с братом жены, что бы тот взял устранение Кроля на себя.

— И что же из этого получилось? — нетерпеливо спросил Амтих Амтихович.

— Совершенно ничего! — победно произнёс широкомордый — Потому, что брат жены был знаком с охранниками территорий бывшей летней резиденции Его Величества и договорился с ними за две бутылки водки, что они убьют Короля. И те, уже, было собрались расправится с монархом, но заприметили на объекте мешок гречи, и поняли, что смогут выручить за него гораздо больше, чем две бутылки водки, потому просто прогнали Короля, а мешок с гречей похитили, и подались с ним в город, но по пути их встретил тот самый брат жены моего помощника, и увидав у них в руках мешок гречи, не удержался и зарезал обоих, а гречу присвоил. Но когда он отвёз эту гречу домой, что бы прикопать в огороде до лучших дней, к нему приехал мой помощник, что бы разузнать как продвигается устранение Короля и застал его с мешком гречи, тоже, не удержался и застрелил его, а гречу погрузил в свой джип, где в этот момент находился и я. Мы с ним гречу разделили пополам, так как обое планировали баллотироваться в депутаты на местных выборах, а, по пути, я пырнул его заточкой в бок и выбросил на дорогу, прямо под колёса проезжавшего самосвала с щебнем. Вот такие дела!

— И как по — твоему, можно ли назвать такое исполнение поручения положительным? — спросил Амтих Амтихович.

— Конечно! — ни секунды не сомневаясь ответил мордастый — Я нажился, значит всё прошло удачно!

— Далекo пойдёшь, — похвалил подчинённого Амтихович.

— Стараюсь, — зарделся тот.

— Итак, — подытожил Амтих Амтихович — выходит на данный момент нам ничего не известно о нашем Короле.

— Позвольте, — вмешался мордастый — кое что нам, всё же, удалось разузнать. Всё,

опять же, благодаря вам! — он отвесил благодетелям низкий поклон — Все вы, на благо родины, обзавелись множеством ростовщических контор и их отделений. Вот в одном таком богоугодном заведении и засветился наш любимейший монарх.

— Неужели ссуду взял? — воскликнул один из благодетелей.

— Ещё нет, — ответил мордастый — но близко. Король был поставлен на учёт, как поручитель у закредитовавшегося, некого Зай Филипповича Зайца, который, даже, не является гражданином нашей республики, а нелегально пересёк границу вместе с Принцессой Закатиглазкой, прибыв с исторической родины нашей Принцессы. Вторым поручителем является родная сестра Зайца, эта, уже, наша гражданка, недавно приобретшая участок земли в бывших королевских угодьях. Естественно, их след тут же взяли коллектора, гнездовье которых находилось в гнилом болоте поблизости.

— Фух! — радостно выдохнули благодетели — Если коллектора взяли след, можно считать, что Король и все его сообщники, уже, мертвы.

— И, снова — нет, — огорчил честное собрание мордастый — уж и не знаю, что там произошло, но в результате всё гнездо коллекторов вместе с маточным корнем было сожжено, сгорел и жилой дом Зайчихи, но ни тел зайцев ни самого Короля в доме обнаружено не было, только обгорелые туши коллекторов, некоторые были буквально разорванны на куски.

Благодетели приуныли, опасливо переглядываясь между собой, почему — то каждому представилось, как их бывший повелитель во главе банды бешенных зайцев врывается в их дворцы и беспощадно придаёт их всяческим истязаниям.

Амтих Амтихович, один, не потерял хладнокровия и поспешил воодушевить остальных:

— Всё не так плохо, — заявил он — да на этот раз Его Величество вышел победителем, но, главное, что коллектора, — его передёрнуло от мерзкого слова — что они, таки, взяли его след, и теперь, стоит Королю вступить в любые товаро — денежные отношения, эти твари сразу почуют его. Меня настораживает присутствие этого загадочного Зайца, возможно, что Величество попытается прорваться к своему тестю.

— Не извольте беспокоиться, — обнадёжил мордастый — для тех, кого преследуют коллектора — границы нашей республики закрыты.

— Это хорошо, — кивнул Амтих Амтихович — но, для надёжности, нужно подать Короля в розыск тайной полиции.

— Будет сделано! — поклонился мордастый и исчез из поля зрения собравшихся.

— Итак, высокочтимые господа, — Амтих Амтихович поднялся, давая понять, что собрание окончено — я буду следить за делом по устранению Его Величества и при необходимости соберу вас вновь.

* * *

Яркое августовское солнце было в зените, когда один из его лучей, самым бесцеремонным образом, вонзился в сомкнутые очи Великого Короля Многоземельного, видевшего десятый сон, и вырвал монарха из мира сновидений.

Бурча проклятья, Король сел, щуря глаза от, больно резавшего их, света.

— С пробуждением, Ваше Величество, — произнёс рядом чей — то нежный голос.

Король поглядел и глазам своим не поверил. Прямо рядом с ним, на пне, поджав под

себя изящные ножки, сидела Фея, играя указательным пальчиком в небрежно струившихся по плечам белокурых локонах.

— Ты!? — ахнул Король.

— Нюхаю цветы, — рассмеялась Фея.

— Гадюка! — выругался Его Величество и добавил несколько нецензурных слов — Неужели в тебе совесть выиграла и ты вернулась ко мне!?

— Не выдумывай глупостей! — скорчила брезгливую гримаску бывшая королевская фаворитка — Что с тебя, теперь, взять? Кому ты такой нужен? Кроме, разве, твоей супруги. Кстати, ты же, вроде, отправил её добывать для тебя новое королевство? Хочешь узнать, что с ней случилось?

— Не хочу, — кратко ответил Король — я давал ей срок до вечера, она не уложилась, значит я снимаю с себя всякую ответственность за её судьбу. Теперь мне глубоко безразлично, что с ней будет!

— Только теперь? — вкрадчиво спросила Фея — А до этого, что, было иначе?

— Да нет, — ответил монарх, слегка задумавшись — всегда так было.

— Умеешь ты вскружить голову, — Фея коснулась покрашенным ноготком до широкого приплюснотого носа августейшего — честное слово, будь бы у тебя королевство, я бы, наверное, снова не устояла перед тобой.

— Ты мне зубы — то не заговаривай! — Король отстранился от Феи — Верни мне моё королевство! Всё до последнего клочка земли, до самого распоследнего крепостного! Возврати немедленно!

— Ты же сам всё переписал, — возмутилась Фея.

— Ну и что! Хочу переписую — хочу взад возвращаю! Я — король! Мне всё можно!

— Скажу тебе по секрету, ты не первый правитель, который стоит на таких позициях, — Фея провела пальчиком по укрытой чёрной шерстью шерстью щиколотке Короля и коснулась натянутого на огромную медвежью ступню пынехода — а ты знаешь откуда это взялось?

— Что взялось? — не понял Король — Ноги? Я с ними и родился, что бы ты знала.

— Нет, глупенький! — хихикнула Фея — Я про твою обувь, эти дивной работы туфли, — она щёлкнула пальчиком по пынеходу — ведь задолго до твоего рождения, когда — то давно, когда мир был ещё юн, а самые высокие горы были крошечными холмиками...

— И когда тебе было всего сорок два годика? — вставил тонкую придворную остроту Его Величество.

Фея бросила на Короля недобрый взгляд и продолжила свой рассказ:

— Так вот в те времена на далёком — далёком севере было царство, которого давно, уж, нет и, даже, как оно звалось никто не помнит. И правил в этом царстве один царь.

— Логично, — подметил Кроль — какое же царство может обходиться без царя!

— И как положено настоящему царю, — вела рассказ Фея — он своих подданных, с завидной регулярностью, обворовывал.

— Правильно делал, — одобряющее кивнул Его Величество.

— Но в один зловещий день подданные, по наущению иноземных врагов государства, приняли решение, что больше не позволят царю наживаться за счёт их разграбления. Взяли, хорошо смазынный жиром кол и пошли к царскому дворцу.

— Вот же негодяи! — покачал головой Король.

— А царь, что бы его не нашли, вырыл себе норку и забился там. Долго, в крошечной

тьме он обдумывал, как ему покарать неблагодарных подданных и, наконец, придумал. Провёл он грандиозную чёрную мессу и призвал себе на помощь силы тьмы, и те сразу ему ответили, ибо царь глубоко закопался, добравшись практически до самой преисподней и его призывы были хорошо слышны. А надо сказать, что этот царь был у повелителя тьмы на хорошем счету, ибо многих своих подданных он доводил до отчаяния и те впадали во грех, и потому их душами обильно наполнялись круги ада. Не хотел повелитель преисподней терять такого помощника и послал, к своему коллеге — царю, суккуба, приказав порочному духу выручить царя из беды.

— Это была ты? — проявил смекалку Король — Это тебя прислали к царю?

— В каком — то смысле, да, — неохотно согласилась Фея — но не в этом суть. Царь, уже, был загнан в угол, бунтовщики пригнали экскаватор и начали выкапывать его убежище. И тогда я заколдовала домашние тапочки царя, единственное, что у него осталось, и стал он в этих тапочках неуловим ни для какого наказания, к тому же, ещё, он попросил, что бы эти волшебные туфельки делали его на голову выше. Я выполнила и это его пожелание, но при условии, что за это, в будущем, он расплатится со мной средствами из государственного бюджета. И вот, как только, царь обул волшебные пынеходы, в это самое мгновение ковш экскаватора поднял последний ком земли и чернь, радостно заревев, было кинулась на своего государя, да не тут — то было! Хватают — хватают царя, а ухватить не могут. А царь показал им язык и бросился наутёк. Ну, холопы за ним и погнались, а царь до того шустрый стал, что пока они за ним гнались, он успел землю кругом оббежать и зайти им за спину, и пока они искали его, царь все дома холопы обобрал до чиста, а благодаря тому, что он высок стал, то смог, даже, до верхних полок шкафов дотянуться, где хлопы всегда от него свои гроши прятали, ибо знали, что не сможет он до них дотянуться. Зацарствовал царь с удесятёрённой слой, ни войны, ни трибунала больше не боится. Никакие враждебные ноты иноземных государей ему, уж, не страшны — всё его обтекает! Шли годы, уже внуки тех кто бузатёрил против власти царской, сами дедами стали, а царь всё правит и правит, и нет тому конца.

— Это как же он столько прожил? — удивился Король.

— Известно, что настоящий царь живёт вечно, до тех пор пока его кто —нибудь не убьёт, и потому надеяться на царскую смерть бессмысленно, — пояснила Фея — так же было и тогда. Множество поколений сменилось, а царь всё один, врагам на зависть — себе на радость. Царство же потихоньку хирело, чахло, многие холопы в чужие страны сбегали — счастья искать, а те что оставались потомства давали мало, да всё больше хилое, болезненное, подверженное вредным привычкам. В конце концов никого во всём царстве не осталось кроме самого царя. А он за эти века успел вырыть себе огромную пещеру и всё своё богатство спрятал в ней. Но с гибелью царства, сам царь стал более не нужен повелителю тьмы и он потерял всякий интерес к своему бывшему любимцу. А это означало, что пора выжать насосавшуюся пиявку, — Фея игриво выставила плечико из под каскада белых локонов — и я, в лучшем своём наряде, явилась перед царём, — она невинно похлопала ресницами — он любезно предложил мне чаю с икрой и блинами, а после, уже, я, сама, предложила ему покувыркаться в люле. Царь на всю державу слыл большим любителем этого дела, девкам крепостным от него покою не было, так и в этот раз, царь не упустил своего. Правда, оказалось, что он и в люлю волшебных пынеходов не снимает. Проблемка. Но, уж, я смогла изгнаться, и туфельки с царя стащила. Как он понял, что лишаю я его чудодейственного средства, расплакался, как маленький мальчик, стал пынеходы назад

выклянчивать, жалеться, что как только враги родины узнают, что царь, теперь, босый — несдобровать ему. А я, всегда жалостливая была, никогда в просьбе не отказывала, ну и тут, решила горемычного пожалеть. Согласилась ему волшебные пынеходы возвратить, но попросила за них самую малость, что бы царь мне все свои богатства передал. Он, сначала, пытался поторговаться, но жизнь показалась ему дороже, и всё — всё, что у него было он переписал на моё имя.

— Ай, дурак! — выдохнул Король — Суций болван! Разве ж так можно?

— Кто бы говорил, — звонко рассмеялась Фея — ты — то, помнится, и без угроз, мне всё отдал.

— А ты не ровняй! — вспылил Его Величество — Я могу себе это позволить. Мне новое королевство добыть, как раз плюнуть. Так что шикую, на то моя воля!

— Возможно и так, — согласилась Фея, хотя, лукавый огонёк в её бирюзовых глазах выдавал несерьёзное отношение к словам Короля — но у того царя таких резервов не было, потому он попытался схитрить и один офшор в далёкой Панаме, оформленный на царского холуя, от меня скрыть. Я такого отношения к себе не прощаю! Сделка была расторгнута. Пынеходы остались у меня. Богатства царские тоже. Наконец я могла покинуть тот неприветливый северный край, страну льда и холода. Первым делом я улетела отогреться на Мальдивы, а волшебные туфли отдала на хранение своей сестре, к ней бы никто не решился сунуться, она та ещё ведьма. Но в один прекрасный вечер твоя супруга и моя крестница, в одном лице, явилась в дом к моей сестре и заполучила эти самые пынеходы, в которых ты, теперь, щеголяешь. Что это как не судьба?

— К чему ты мне рассказываешь эти байки? — раздражённо спросил Король — Зубы мне заговариваешь?

— Просто, думала, что тебе полезно знать о нелёгкой доле своего, пусть и очень далёкого, но коллеги. Говорят, что и по сей день, он грызёт земные недра, прорывая тунели, словно червь, и ищет, одержимый безумным вожделением, свои волшебные пынеходы. Задумайся, Король, не повтори его участи, пока не поздно.

— А что я тоже в этих пынеходах могу быть неуловимым? — любопытствовал Король.

— Можешь, — кивнула Фея — если, хотя бы, пуда три — четыре весу скинешь.

— И что же тогда от меня останется? — возмущился монарх — Дистрофик семипудовый!

— Да я, вообще, не это имела ввиду! — опомнилась Фея — Я тебе в назиданье привожу трагическую судьбу такого же государя, как и ты сам!

— Тот царь был круглый бован, а я не такой, я — умный. И, уж, со мной ничего такого не случится!

— А, разве, ты не замечаешь, что уже случается? — с придыханием произнесла Фея.

— Ты это на что намекаешь? — Король нахмурился — Уж не морали ли учить меня вздумала? Может хочешь предложить мне исправиться? Покаяться и впредь вести благую жизнь?

— Я ни на чём не настаиваю, — отвергла подозрения Короля Фея — Только — то говорю о том, что у тебя, ещё, есть выбор.

— Ага, есть выбор, — повторил Его Величество — вот такой прожил я полвека, и тут на тебе, исправлюсь! Да никогда! Как тиранил чернь и прочих бездельников — так и дальше буду! Так Бог установил, один рождается господином, а другой рабом! И господин обязан

раба всячески утешать, что бы ему жизнь малиной не казалась. Да — да, не ухмыляйся! Мне про это всё верховный патриарх королевства рассказывал. И что все правители попадают в рай, если, конечно не забывают про патриаршие нужды, на кортежи им жертвовать и возводить дворцы у моря. Меня, лично, святейший заверил, что за мои пожертвования мне забронированно в раю отдельное облачко, повыше прочих, где я смогу и богатства свои хранить, и на нижних, потехи ради, поплёвывать.

— А преисподней патриарх тебя не пугал? — спросила Фея.

— Для правителей такого не бывает, мы — есть, по природе своей, формы высшей сущности.

— А может ты, уже, в аду? — глаза Феи сверкнули недобрым блеском — И будешь ты вечно гнаться за своим королевством, в призренном обличьи последнего из своих подданных, и на пути познаешь много горя и страданий, но так и не сможешь королевства своего обрести и будешь разыскивать его до скончания времён!

— Не смей на короля святотатствовать! — вспыхнул Его Величество — Возвращай моё королевство, стерва ненасытная!

Король схватил своими ручищами лебединую шейку Феи, увитую нитями бриллиантовых ожерелий, и принялся трясти, что было сил.

Шея Феи оказалась, на удивленье, лохматой, колючей, населённой стадами плотоядной живности, которая тут же больно вгрызлась в королевские пальцы.

— Ай! — выкрикнул Король и... проснулся.

В его руках, вместо нежной Феи, оказалась злобная старая Зайчиха, которую, будучи в сонном состоянии, Величество и прихватил за горло.

— Фе! — скривился Король и выпустил задыхающуюся Зайчиху — Ты чего это столько блох развела? — монарх стряхивал с пальцев обсевших его паразитов — Кто позволил?

— Это, — Зайчиха прокашливалась жадно глотая воздух — что бы всякие уроды руками ко мне не лезли... кхе — кхе...

— Я и представить не могу, что бы существовал такой человек, который, увидев тебя, ещё, захотел бы и потрогать, — Король слез с пенька и потянулся — так что никакие средства защиты тебе не нужны. Я в жизни такой образины не видал.

— Спасибо за комплимент, — просипела Зайчиха.

— Плевать я хотел на твои благодарности, — отмахнулся Король — а, вот, от завтрака я бы не отказался.

— Завтрак ты можешь найти в моём доме, том доме который ты сжёг, — огрызнулась Зайчиха.

— Злопамятность — это привилегия королей! — назидательно молвил Его Величество — Тебе же полагается безропотно принимать всё, что я только не устрою.

В этот момент Король заметил Зайца за соседним пнём, тот что — то аппетитно жевал, размазывая по морде слюни.

— Эй ты, хам! — крикнул косому монарх — Что ты там жрёшь? Немедля прекрати и отдай еду своему повелителю!

Не дожидаясь Король самолично подскочил к Зайцу и, схватив животное за шиворот, поднял над грешной землёй. К разочарованию Величества в лапках у Зайца оказался всего лишь кусочек дубовой коры, которую он, с трудом, пытался пережёвывать.

Король, в сердцах, отшвырнул Зайца, поддав ему ногой, как в футболе.

Послышались голоса. Король покрутил головой, отыскивая источник шума, это

оказалась бригада дорожных рабочих, расположившаяся шагах в ста от королевского привала. Рабочие прокладывали взлётную полосу для персонального господского Аэробуса и хотели сделать обеденный перерыв, расположившись на одном из пней, но прораб, заметивший это действие, поспешил прервать его, в самых доходчивых выражениях разъясняя, что тут им не пикник и жрать дома надо. Эти — то крики и услышал Король.

Величество, меряя землю широким шагом, поспешил в сторону рабочих, зайцы молча поскакали за ним следом.

Появление столь высокой особы ввело рабочих в некоторое замешательство, даже прораб умолк.

Король высокомерно оглядел рассеявшихся вокруг пня рабочих, все в грязных оранжевых жакетах, лица и руки чёрные от загара, они разложили на пне скудные яства, в центре стояла пол — литра мутного самогона, уже, откупоренная и распространяла резкий удушливый запах.

Король отпихнул худого, престарелого дорожника и взял с импровизированного стола ломоть хлеба с сыром и, сразу, откусил от него добрую половину. Вкус был ужасный. Оно и немудрено, хлеб был выпечен из опилок, а сыр сварен из чистого пальмового масла. Но, что поделаешь, голодный Король был вынужден удовлетвориться этой грубой пищей.

Пока рабочие продолжали ошарашенно глазеть на Величество, Заяц стянул с пня бутылку с самогоном и жадно пригубил горлышко, не иначе как верблюд на водопое. Это, уже, было перебором, покусится на святое — рабочие недовольно заэкали.

— Молчать плебеи! — гаркнул на них Король и, взяв с пня палку варёной колбасы впился в неё зубами, колбаса оказалась из грубой туалетной бумаги, сдобренной приправами.

Тут же и Заяц стащил, на закуску, плавленый сырок, из низкокачественной резины.

— Мужик, ты чё творишь!? Ты кто такой? — первым пришёл в себя прораб — Это частная территория, ты здесь не то что находиться не имеешь права, но, даже, глядеть в эту сторону, без спросу — смерти подобно!

— Молчать, скот! — крошки из рта Короля полетели во все стороны, монарх сурово нахмурил брови и смерял дерзкого прораба взглядом — Ты, лучше, следи за качеством работы, — приказал Король — вон там, почему у тебя не ровно?

Все обернулись, что бы посмотреть на указанный изъян, а Король схватил с пня красный помидор и закинул себе в рот. Ягода была, словно из папье — маше, сухая и безвкусная.

Гул негодования нарастал, рабочие, поначалу напуганные манерой общения незнакомца в изорванной хламиде, присущей, только, особам высокого происхождения и должности по отношению к нижестоящим, стали подозревать, что перед ними, просто, безумный бродяга. Но всё ещё могло обойтись без скандала. Могло. Если бы не привычка.

Под общее молчание Король доел варёную колбасу, и так как ни воды, что бы помыть руки, ни, даже, полотенца ему никто не предложил, он обтёр засаленные пальцы о жакет ближайшего рабочего, и, по старой привычке, отвесил тому, в награду, звонкую пощёчину.

Нужно признать, что челядь, прислуживавшая в королевском дворце, относилась к подобным шалостям монарха с полным пониманием, чего, к сожалению, нельзя сказать о дорожных рабочих. Разразившись матом, они, с самым недружелюбным видом повскакивали с земли.

— Чего разорались? — презрительно спросил Король у рабочих — Вы все — гавно!

Ясно вам? — Король окинул их таким грозным взглядом, от которого в былые времена чернь толпами на колени валилась, но в этот раз, что — то не сработало, вместо коленопреклонения рабочие стали поднимать лопаты — Что это вы надумали? — спросил монарх — Неужели вы осмелитесь бить своего короля?

Вместо ответа перед самым королевским носом просвистел держак, чуть не раскроив августейшему голову.

Заяц, крутившийся в ногах у Короля, запаниковав первым, крикнул:

— Атас! — и бросив недопитую бутылку самогона, бросился бежать.

— Мы не должны отступать перед плебеями! — храбро воскликнул Король и побежал быстрее Зайца.

Но, увы, Заяц был, уже, стар, а Король крайне упитан, что не позволяло им на корокой дистанции оторваться от гнавшихся за ними рабочих.

— Смотри — машина! — крикнул Король Зайцу.

На заасфальтированной полосе стоял старый каток, покрытый облупившейся жёлтой краской, а в кабине не было стёкол.

— Скорее в неё! — приказал Его Величество.

Заяц и Король одновременно запрыгнули в машину, Король, сразу, занял единственное сиденье и дал команду Зайцу:

— Трогай!

Косой, впервые, оказался за штурвалом подобного чудища, он стал клацать все кнопки подряд.

— Ай! — вскрикнул Его Величество после очередного нажатия на рандомную кнопку — Это что, ещё, за херня?

Заяц прислушался и удивлённо ответил:

— По — моему — это печка... Печка в эдакой — то колымаге, да здесь и так дышать не чем, какой же мог придумать впихнуть сюда печь?

— Должно быть какой — то гений! — предположил Король — Что бы холоп, сидящий здесь, страдал по — максимуму, что бы десять потов с него сходило. И как я сам до такого не додумался! Нет, ну замораживать чернь зимой, это я всегда делал. Но подогревать их, сволочей, летом — это гениально! Верну королевство — первым делом обяжу хлопков летом печки топить!

Пока Король рассуждал, Заяц наконец обнаружил маленький ключик, повернул его и агрегат завёлся, Заяц надавил на рычаг и каток лениво пополз вперёд.

— Ха — ха! — издевательски засмеялся Король высунувшись из кабины, что бы подразнить преследователей — Глотайте пыль, отбросы!

Но рабочие почему — то, не только не отставали, а наоборот, сокращали расстояние.

— Ты бы скорости подбавил, — тихо сказал Король Зайцу.

— Выжимаю, что могу! — Заяц изо всех сил навалился на рычаг.

— Продолжай в том же духе, — похвалил Его Король — а я, ещё, этих скотов подразню.

Но реализовать задуманное монарху было не суждено, в этот самый момент держак от лопаты осенил изнеженную королевскую спину, точно, между лопаток.

Рабочие нагнали каток и, потрясая лопатами, всей гурьбой напрыгнули на кабину.

Зайчиха же, с самого начала, поняла, что дело может обернуться неприятностями, что, зная характер Его Величества, можно было было ожидать, а Короля Зайчиха, уже, знала. Поэтому она тихонько утащила сумку одного из рабочих, вырыла из неё четверть чёрного

чёрствого хлеба, и зажав её подмышкой, быстро поскокала подалее от неминуемого конфликта.

Достигнув берёзовой рощицы, чудом ещё не вырубленной, Зайчиха услышала звонкий ляск выданной Королём пощёчины и последовавший вслед за этим град нецензурных выражений.

— Дело пошло, — догадалась Зайчиха и присев под куст принялась грызть хлеб.

Естественно, совершенно не удивило её и скорое появление Короля с братом, бегом ворвавшихся в рощу, под свист и улюлюканье дорожных рабочих. Вслед беглецам, в рощу полетела лопата, но, по всей видимости, рабочие, всё же, решили поберечь силы, ведь солнце было ещё высоко и работать предстояло немерено, потому преследование было прекращено.

Король и Заяц остановились, что бы отдышаться, тогда — то Зайчиха, убедившись, что погони больше нет, вышла из своего убежища.

— Ну что, два придурка, как позавтракали? — она, радостно улыбаясь, разглядывала монарха с братом, у Его Величества был подбит глаз и в бороде, местами, были выдраны волосы, а Заяц был измят, как старый ботинок.

— Я, вообще, не понял, что это было, — пробурчал Король находясь, как — будто, в лёгком помутнении — это бунт?

— Нет сир, — отвечал ему Заяц — это — революция!

Зайчиха, аж, покатила со смеху.

— Здорово же вас попотчевали! — она залилась грубым бабьим хохотом.

— Я им всем ещё покажу! — Король погрозил кулаком в неизвестном направлении — Вот погодите вернись на престол, уж, вы у меня все попляшите!

— Похвальное желание, — согласилась Зайчиха и поправила на носу очки — и, главное, ты верно подметил — когда вернёшься на престол, — она многозначительно прокашлялась — а до того ты мог бы воздерживаться? Пойми, путь у нас не близкий, и хорошо бы тебе поумерить свой королевский гнев, как говорится — тише едешь дальше будешь.

— Ты это, что мне предлагаешь? — возмутился Король — Что бы я холопы морды не поротыми оставлял? Как ты смеешь обращаться со столь дерзновенной просьбой к своему государю? Да знаешь ли ты насколько я велик, да я, да мне... — Король немного сбился, от злости у него перехватило дыхание — да про меня, даже, целую книжку написали, во как! Так и называется «Государь»!

— С чего ты взял, что это про тебя? — удивилась Зайчиха — Ты — то, хоть, читал про что там написано?

— Что же я — дурак, книжки читать? — изумился Король — Тем более в названии, уже, всё сказано, «Государь» — это, значит, я!

— Хорошо, пусть будет так, — Зайчиха поняла, что спорить с Королём бесполезно — но я очень прошу, Ваше Превеликое, — она с трудом выговаривала комплименты монарху — набиритесь терпенья. Я понимаю, что холопы морда сама кирпича просит, но так мы не далеко дойдём. Подожди, о Великий, хотя бы когда мы гречу сдадим и у нас появятся деньги.

— Не у нас, — поправил Король — а у меня. Ну ладно, я попытаюсь, из милости, быть немного помягче, но ничего не обещаю.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — Зайчиха сделала реверанс, радуясь хоть такой договорённости, ведь, она уже успела убедиться, что неприятностей от Короля может быть с большим избытком.

И разудалая троица направилась в сторону дороги, стремясь как можно быстрее покинуть частные владения и не попасться многочисленным разъездам охраны.

Заяц шёл впереди, насвистывая блатной мотивчик, за ним следовал Величество, мощно вдавливая во влажную песчанную почву подошвы пынеходов, замыкала шествие Зайчиха, ей выпало удовольствие наслаждаться видами, просвечивавших сквозь разорванную хламиду, королевских ягодиц, больших, как сахарные горы и величественных, как Эверест.

— С таких вершин, хоть, на санках катайся, — пробурчала себе под нос Зайчиха.

— Не напоминай о санях, — отозвался Заяц, длинными своими ушами, таки расслышавший слова сестры — как вспомню, так и вздрогну.

— Боишься саней, глупое животное? — без лишней скромности поинтересовался Король.

— Я бы поглядел, как бы ты не боялся, — насупился Заяц — если бы тебя в санки, размером с танк, запрягли и гоняли бы так по миру полвека.

— Я в танки хлопков запрягал и они, на ипподроме, наперегонки бегали, — сказал Его Величество — так что я саней не боюсь!

— Это тут при чём!? — не понял Заяц — Я тебе про то, что меня пятьдесят лет принуждали, как тягловую силу, сани по всему земному шару таскать, правда, в шею никто не гнал, но в случае промедления хлыстом стимулировали исправно.

— Что за бред? — Король тряхнул бородищей — Даже я знаю, что зайцы столько не живут.

— Там живут, хоть и не рады, — Заяц тяжело переживал воспоминания — в Лапландии, у Святого Николая, нам с сестрой довелось саночки потаскать, как он сказал, это нам вместо повышенной пенсии, за труды наши. Вот как вознаградил. Несправедливо!

— Святой Николай всегда мне много подарков под ёлочку ложил, — похвастался Его Величество — всё потому, что я весь год хорошим королём был.

— Вот, как раз, что бы мы к тебе ездили, — призадумался Заяц — что — то не припомню.

— Это потому, что такое грязное животное к дворцовой ёлке не подпускали! — нагрубил Заяцу Его Величество.

— Он правду говорит, — подтвердила слова брата Зайчиха — ни разу мы к тебе не ездили, твоё личное дело я видела у Санты в нужнике, когда чистила его. А подарки тебе, небось, дарили твои подхалимы, выдавая за святониколайские.

— Молчать! — приказал Король, который отлично знал откуда на каждое Рождество брались подарки под главной королевской ёлкой, потому что сам, на тайном совете, приказал организовать регулярные подношения даров для себя от имени Святого Николая. И, когда, чернь по прямой трансляции видела, как щедро одаривает ихнего государя Святой Николай, то убеждалась, что всё, что Величество творит с ними есть правильно и бунтовать нельзя. Кроме того, для вяшего убеждения, под ёль ложилось письмо, писанное самим Святым Николаем, где правление Короля Многоземельного всячески нахваливалось и поощрялось. Письмо зачитывалось телеведущими на первом правдивом канале (он же единственный), что приводило подданных в неопикуемый восторг и радость. Находились, конечно, такие, кто смел усомниться в подлинности послания, то им казалось, что каждый год у писем стиль разный, да и подчёрк, тоже. Что же, на таких смутьян и существовали милиция и тайная полиция, которые быстро находили за такими сомневающимися длинную руку мировой закулисы, пытающуюся подорвать благоденствие и процветание, возможные,

только, под правлением Величайшего Короля Многоземельного.

После пары часов пути Король и Зайцы выбрались на шоссе и, наконец, зашагали по прямой. К тому времени дорожное покрытие успело достаточно нагреться, и Зайцу с Зайчихом, что бы не поприпекать пятки, всё же пришлось идти по обочине, при чём очень строго её придерживаясь, дабы, не приведи, не заступить в лесную полосу, вся линия которой пестрила угрожающе — воспрещающими знаками и была обтянута колючей проволокой под электрическим напряжением.

— Боюсь, что до вечера мы в город не доберёмся, — сказала Зайчиха.

— За лесом будет хуторок, — Заяц поскрёб проплешину за ухом — можно будет у местных за жменю гречи переночевать и пожрать.

— Не дам, — коротко выразился Король.

— Там живут одни бедняки, — припомнила Зайчиха — они могут и за даром впустить.

— Ха! — выдавил из себя презрительный смешок Король — потому — то эти дураки и бедные. Я, вот, стал самым богатым королём в мире не оттого, что на халяву всяких бродяг кормил — поил.

— Только, я тебя сразу попрошу, о Великий, — с притворной угодливостью произнесла Зайчиха — как прийдём в хутор, ты больше молчи и все переговоры позволь мне вести, если хочешь под крышей ночевать и не с пустым брюхом.

— Позволяю, — милостиво согласился монарх, который давно успел переварить скудную пищу отнятую у дорожных рабочих и был не против оттрапезничать ещё разок.

Но Зайчиха сильно переоценила свои силы, до вечера троица, не то что до города, но ели — ели смогла добраться до безымянного хуторка, чёрным пятном втиснувшегося между бескрайних господских полей, обтянутых колючей проволокой, и, охраняемыми, торчавшими через каждые двести шагов, пулемётными вышками, на которых были установлены прожектора, с первыми сумерками, включавшими свои ослепительные лучи, бороздившие густо поросшие соей и подсолнухом поля.

Пару раз под свет прожекторов попали и наши герои, Зайцы спешно, перебежали на середину дороги, что бы у снайперов не возникло ненароком подозрений, что они хотят полакомиться господскими бобами. За такое расстреливали без предупреждения.

Король и Зайцы на извилистой тропинке, как раз столкнулись с возвращавшимися с барщины хуторянами, которые мрачно жевали сою, которую, не смотря на тщательный обыск по завершению работ, они смогли похитить с господского поля. Такое позднее возвращение объяснялось тем, что в хуторе было всего — то пять дворов, людишек с них набиралось всего — ничего, а работы на полях, как водится, море, и пока всё, что управляющий на день запланировал не выполнят — домой никого не отпускали. Барщина, обязанность холопа три дня в неделю отработать на господской земле, вообще, была одной из сократительных скреп, на коих зиждилась Многоземельная держава, введённая в первый день правления Великого Короля Многоземельного она продержалась в неизменном состоянии более тридцати лет, но, теперь, когда Король был низложен, новая народная власть заявила, что с этим пережитком гнилой монархии нужно что — то срочно делать. По старому жить было нельзя! И сделали! Трёхдневные работы на феодала были упразднены. На замену этому позорному пережитку монархического режима была внедрена пятидневная барщина. Ура! Ура!

Зайчиха придержала брата и Короля, что бы пропустить измождённых хуторян вперёд, она объяснила это тем, что сначала нужно приглядеться, все ли дома обитаемы, а тогда, уже, попроситься попить, поесть и всего остального, хотя, на самом деле, она боялась, как бы в Короле не выиграла благородная кровь нувориша.

Хуторские хатки представляли собой жалкое зрелище: полопавшиеся, покрытые трашинами стены, скособоченные крыши, местами дырявые, маленькие чёрные окошки — электричество отключили за неуплату, ещё, на второй день после коронации Великого Короля Многоземельного, то есть больше тридцати лет назад. К каждому домику прилегал крошечный огорожок, с непригодной, песчанной почвой — то чем наделили крестьян при распоевании сельскохозяйственных земель.

— Да — а — а... — уныло протянула Зайчиха — прямо одни пятизвёздочные отели, выбирай любую, не ошибёшься, хуже, уже, не будет.

Зайчиха стала стучаться во все дома по порядку, причитая о своей нелёгкой доле и взывая хуторян к милосердию, но ей, просто, нигде не открывали, даже, не отозвался никто.

Только во дворе последнего дома, они застали старуху, тащившую от колодца ведро с водой.

— Бабушка, — Зайчиха легко перескочила через завалившийся штакетный забор — не откажи, пусти нас переночевать. Сами мы паломники, по святым местам странствуем, благую жизнь ведём, добрые люди нам в пути помогают, и ты, не грехи, дай голову

преклонить. И накорми. Сильно тебя не объедем, ибо постимся непрестанно.

Старуха, ошарашенная таким напором, поглядела на просителей. Король, облачённый в рваную хламиду, действительно походил на странствующего монаха, правда, будь старуха неподслеповата, возможно королевские объёмы показались бы ей подозрительны, как для непрестанно постящегося, но на глаза бабка была давно слаба, да и вечерние сумерки удачно скрывали роскошь королевских телес.

— Заходите, люди добрые, — прошамкала старуха — если не брезгуете.

Зайчиха, тут же заскочила в дом, за ней, быстрым шагом, проследовал Король, обогнав старуху, еле тянущую ведро, только Заяц задержался возле неё, что бы спросить:

— А что, бабка, сама живёшь или ещё кто в доме есть?

— Сама, сама, — ответила старуха — давно одна осталась, и помочь некому.

— Мы тебе поможем, не сомневайся, — усмехнулся Заяц и поскакал в дом.

— Спасибо тебе, сынок, — поблагодарила Заяца старуха и перехватив ведро в другую руку, потащилась к дому.

Заскочив первыми внутрь, Король и зайцы рассчитывали чем — нибудь поживиться, как минимуму хорошими продуктами, которые бабка, без сомнения, от них спрячет, но тут их постигла неудача. В доме стояла такая темень, хоть, глаз выколи, и сам поиск наживы оказался невозможен, так они и простояли, прижавшись, друг к другу, пока старуха не вошла в дом, и почиркав в темноте отсыревшими спичками, разожгла, торчавшую в подставке, лучину.

Зайцы и Король обнаружили себя в тесной комнате с глинозёмным полом, среди старой, допотопной мебели, состоявшей из двух шифоньеров, комода, и древнего дивана — кушетки, а за старыми занавесками чернел вход в следующую комнату.

— Ну, давай, старая, — не церемонясь сказала Зайчиха — накрывай на стол, угощай гостей дорогих.

— А в доме нечего и на стол поставить, — прошамкала старуха — и крошки хлеба не найдёте.

— Так какого рожна... — вспыхнула было нетерпеливая Зайчиха.

Но старуха добавила:

— В погреб нужно спускаться, там и картошка прошолгодняя и капуста квашенная в бочке, и яблочки кислые есть.

— И где у тебя здесь погреб? — чуть поостыла Зайчиха.

— Тута нету, — извиняющимся тоном сказала бабка — на улице он.

— Ух, ты ж мымра старая! — не удержалась Зайчиха — А раньше сказать не могла?

— А, раньше, вы и не спрашивали, — пожала плечами старуха — как из дому выйдешь, на лево поварачивай, увидишь дверцу — это вход.

Зайчиха бросилась на выход.

— погоди, — окликнула её бабка — ты ключ забыла, погреб под замком, иначе всё давно бы вычистили.

Зайчиха, скрипя зубами от раздражения вернулась, приняла от старухи длинный ржавый ключ, и поспешила на выход, но только, она захлопнула за собой дверь, бабка опять позвала её.

— Вернись, не спеши! — она подошла от лучины другую щепку и подала Зайчихе — Там же темно, ни рожна не видать.

Зайчиха, трижды выругавшись, ухватила разожжённую лучину и скрылась за дверью.

Пока старуха переливала воду в треснувший глиняный кувшин, Заяц поджёт, ещё, одну щепу и стал осматривать помещение.

— Не понял! — он остановился подле стены на которой висели какие — то изображения в рамках — Бабка ты же говорила, что одна живёшь, а чьи, тогда, это фотографии?

— Ась? — переспросила та, будучи туговатой на ухо.

— Это кто такие? — во весь голос переспросил Заяц и ткнул пальцем на фото с двумя молодыми людьми, лет двадцати, стоящими в обнимку со старухой.

— Внушки мои родные, — старуха подковыляла поближе и подслеповато уставилась на снимки.

— И где они сейчас? — ей в самое ухо спросил Заяц, и с лёгкой тревогой покосился на вход в смежную комнату, словно опасаясь, что те самые внушки, сейчас, выскочат из неё.

— А кто же, теперь, их знает, — грустно ответила старуха — тяжёлая им выпала судьба и всё по моей вине.

— Чего же ты натворила? — поинтересовался Заяц, уже, успокоившись.

— Дело было зимним вечером, — зашамкала старуха — тогда внучата жили со мной, так как никого больше на всём белом свете у них не было, постучалась к нам в дом нищенка, вся укутанная в лохмотья, и попросила приютить её на ночь. А зима выдалась холодная, метели заметали дома по самую крышу, а от мороза, даже, стены лопались. И стало мне жалко эту несчастную, да и внучата мои жалостливые, давай меня упрашивать, что бы пустить бедняжку, а то ведь пропадёт в такую ночь. И мы её завели в дом, усадили у огня, хоть, у нас и почти не оставалось угля, но не пожалели последнего ведра, решили, что дальше, как — нибудь, навозом, что запасли мои внучата, когда ходили за господским стадом, протопимся. Отогрелась бедная нищенка у печи, перестала дрожать, расправила плечи. Внучата заварили ей чай из сущённой меллисы и испив его, она совсем согрелась, и запросила поесть. Дали мы ей краюху чёрного хлебца и соли на прикуску. Она покрутила, понюхала, поинтересовалась, а нет ли у нас свежих пирожных, и когда, мы, к сожалению, сообщили ей, что больше, совсем, ничего нет, она проглотила и то что было. Для сна я ей предложила собственную постель, где у меня и мягкий матрац, набитый сеном, и подушка из тюка соломы, но она, вдруг заупрямилась, затребовала постелить ей двенадцать перин, и подложить под них горячую грелку. Я вынуждена была сказать, что ничего лучшего предложить ей не могу, что за этим ей нужно в господское именье обращаться. Как она прогневилась! Как вскочила! Сбросила с себя рваные лохмотья и оказалось, что была это могущественная Белая Фея. Как закричит она на нас. Как смели, мол, отправлять её в господское именье, когда она, только, оттуда и там её и на порог не пустили, даже, в амбаре не разрешили переночевать. И она осталась всем этим довольна, ибо это есть священо право господское. Но нам прощенья от неё не будет! Мало того, что мы сами лодыри и пьяницы, не хотим трудиться для собственного благосостояния, так мы, ещё, и ей достойный приём оказать отказываемся. И, тогда, она пригрозила, сли я ей, сейчас же не дам миллион, то она напустит на нас суровую кару.

— И чё? Дала миллион? — выдохнул заинтригованный Заяц.

— Да где там! — махнула иссохшей рукой старуха — в миллионах у меня, только, долги исчисляются. Разгневалась от этого Фея оканчательно. И в наказание наложила страшное заклятье на внучков моих, — старуха всхлипнула — превратила их: одного в коллектора; а второго в милиционера...

— Ух! — от ужаса воскликнул Король.

А Заяц перекрестился и продолжил осмотр комнаты. Бесцеремонно пооткрывал ящики комода, запуская лапу в стопки старых, сильно поношенных, панталон и не находя ничего полезного выбрасывал бельё на пол.

Старуха либо совсем ничего не видела в скупом свете лучин, либо заснула, мгновенным старческим сном, сидя на кушетке. Или и то и другое.

— Агоу, старая! — Заяц запрыгнул на кушетку и ткнул старуху кулачком в плечо — Очнись! Открой сомкнуты негой взоры!

— Ась? — та замигала на косоного сонными глазами.

— Слушай, бабка, — заговорил Заяц — я, конечно, понимаю, что у тебя нет миллионов, но обычно такие старые карги имеют заначку, какие — то копейки, которые они с пенсии постоянно откладывают, сами голодать будут, но в заначку положат, знаю я вас. Так ты, лучше, по — хорошему, покажи, где твоя заначка и останешься цела — невредима.

— Что ты! — всплеснула морщинистыми руками старуха — Нету у меня никаких заначек, и не было никогда. У меня и пенсии — то никакой нету!

— Что значит нету пенсии! — вскипел Заяц, лучина в его лапке затряслась — Ты кого дурить надумала, кляча старая!

— Это правда, — глухо отозвался из тёмного угла Король — народец постоянно жаловался, что я плачу им постыдные пенсии, жалкие поправки, как они выражались. Вот я пенсии, для черни, и отменил. Теперь ничего постыдного нет.

— Вот те раз, — расстерялся Заяц.

— Так и не в этом, даже, дело, — старуха испуганно глядела на гостей — мне, ведь, пенсия по возрасту, ещё, не положена.

— А со сколько у вас полагается? — спросил Заяц у Короля.

— Для людей благородных, — августейший потянулся и зевнул — с тридцати годиков, а для плебеев с семидесяти пяти была.

— Ну, бабка, что же ты врешь! — воскликнул взбешённый Заяц — Тебе же лет под сто, идёшь — труха сыплется.

— Что ты! — отмахнулась старуха — Я до столько — то и сосчитать не умею.

— Так сколько же тебе? — Заяц терял терпение.

— Сорок девять, — коротко ответила старуха.

— Ты меня сейчас доведёшь! — пригрозил старухе косой.

— Истинную правду говорю, — старуха положила ладонь на сердце — а ты, что же, милоч, не знал, что на барщине день за два идёт?

— погоди! — спохватился Заяц — Я же твоих внуков на фотографии видел, им не меньше чем по двадцать лет.

— Говорю же тебе, — стояла на своём старуха — на барщине время идёт день за два! И двадцать лет, моим внукам, даже, вместе сложи — не будет. Старшенькому девять было, а младшенькому — седьмой шёл. Они же, почитай, с рождения на барщине, вот и казались с виду вдвое старшими.

— Короче, — психанул Заяц — либо ты отдаёшь мне сейчас деньги и ценности, либо мы поговорим с тобой по иному!

Старуха бестолково уставилась на Заяца.

— Всё! — топнул ножкой тот и предложил Королю — Давай её вязать!

— Давно пора, — согласился Его Величество — старая карга совсем охамела, какой

приём оказала она своему королю и повелителю?

— Ну так давай поскорее её свяжем, — Заяц в нетерпении потирал лапки — и проведём допрос с пристрастием, — видно было, что ему хотелось поскорей приступить к процессу.

— Сам вяжи, — сказал монарх — ты же знаешь, что я — король.

— Тьфу на тебя! — рассердился косой, поняв что от Величества помощи ждать не приходится.

Заяц, опять полез в комод, собираясь сплести верёвку из панталон, но, по счастью, ему попалась бельевая верёвка, связанная из отрезков разной длины и толщины. Он быстро опутал несопротивляющуюся старуху по рукам и ногам, а в рот ей вставил кляп, сооружённый, из пары панталон.

Когда вернулась Зайчиха, обтирая морду перепачканную квашенной капустой, она увидела связанную старуху, уложенную на кушетке и брата копавшегося в шифоньерах, Король стоял, как истукан.

— Почему бабка связана? — ошарашенно спросила Зайчиха.

— Я связал, — не отвлекаясь от работы ответил Заяц.

— На... — Зайчиха чуть не подавилась — на зачем? Вас, что, и на секунду нельзя одних оставить!

— Вот, сеструха, какая же ты всё — таки глупая! — Заяц вытащил длинный, поеденный молью шарф и обмотал его себе вокруг шеи, после чего погляделся в треснувшее зеркало на дверце шифоньера и констатировал — Вылитый Аллен Делон!

— Ты что же из — за этой тряпки всё устроил? — Зайчиха подошла к брату и, потянув за концы шарфа, сжала ему горло.

— Нет конечно! — Заяц закашлявшись, вывернулся из лап сестры — Разве ты не знаешь, что у старух всегда есть заначка, на чёрный день?

— Конечно знаю! — огрызнулась Зайчиха — у самой была такая, до вчерашней ночи. Но так же я хорошо знаю, что никакая старуха не признается, где находится эта самая заначка.

— Просто так, конечно, не признается, — согласился Заяц — но вот тут я кое — что нашёл, — он ткнул сестре под нос какой — то тяжёлый громоздкий предмет и подсветил его лучиной — это был покрытый ржавчиной утюг — вот сейчас я эту штуку ей на пузо поставлю — она мне всё покажет, как миленькая, — сказал Заяц.

— Ай, дурак! — выдохнула Зайчиха — Это же электрический утюг, — она потянула за провод торчавший из утюга — к чему ты его подключать собираешься?

— Зараза! — выругался косой, поняв, что в его план прокралась катастрофическая ошибка — А, ведь, почти удалось!

— Ты пожрать принесла? — глухо спросил у Зайчихи Его Величество.

— Я тебе, что — официант? — фыркнула Зайчиха — Сам иди.

Монарх было хотел ответить, что ему нельзя самому и всё такое прочее, но припомнив поговорку о большой семье, бывшую для него весьма актуальной в юные годы, молча встал, взял себе лучину и вышел из дому, следом за ним поскакал Заяц, собираясь основательно заесть нервное расстройство.

В глубинах сырого погреба, выложенного из булыжника, они нашли мешок вялой картошки, оказавшийся им совершенно не пригодным, так как никакого топлива для разведения огня, всё — равно, не было, да и не стал бы этим никто утруждаться, Так, что пришлось удовольствоваться кислыми яблоками с квашенной капустой, да ещё нашёлся

глиняный кувшин с искусственным мёдом, сваренным из одуванчиков, его Король выпил единолично, а кувшин разбил.

Наевшись, Король и Заяц, перевернули бочонки, высыпав их содержимое на пол и потоптали остатки ногами.

Когда они вернулись в дом, Зайчиха, уже, дрыхла растянувшись на кушетке, предварительно спихнув с неё связанную старуху. Заяц переступил покорно лежавшую пленницу и, взобравшись на кушетку, пристроился в уголку, что бы не мешать сестре.

Его Величество прошёл в маленькую комнатку, где обнаружил пружинную полуторную кровать с парой тонких подушек. Король увалился на скромное ложе, которое после сна в траве и на дубовом пне, показалось ему не хуже перин дворцовой опочивальни. Пусть пружины, с тяжким скрипом, прогнулись почти до самого пола, а ноги августейшего, заложенные на перила кровати, задрались выше головы, Король впал в крепкий, восстанавливающий сон, без сновидений, и открыл глаза, только, когда его пробудил луч солнечного света, проникший через маленькое оконце с потемневшими стёклами.

Первое, что почувствовал Его Величество — это желание приступить к завтраку. В животе у него жалобно заурчало.

— Я за последние дни похудел не меньше чем вдвое, — подумалось Королю — вон, даже, одежда не держится, — он с трудом стянул края хламиды на громадном, как гора, животе, и вдохнув поглубже, подвязался верёвкой, которой еле — еле хватило, что бы сделать маленький узелок.

Выйдя из спальни, Король застал Зайцев, всё ещё, спящими и тихонько, что бы их не будить, выскользнул из дому. Величество хотел спокойно позавтракать в одиночестве, что бы не делиться с нахлебниками, но спустившись в погреб увидел, что все уничтожено и вспомнил, как вечером, они с Зайцем весело скакали на мочёных яблоках.

— Плебеи худародные, что б им пусто было! — выругался Король — Не могли больше запасов сделать, что бы я мог их портить и ещё оставалось.

Голодные Зайцы подоспели вскорости за монархом.

— От вас следовало этого ожидать, — оглядев разгром, процедила сквозь зубы Зайчиха.

— Ничего страшного, сестрица, — попытался приободрить её Заяц — вот на картоху, погрызи...

Зайчиха молча вырвала у брата вялый клубень и зарядила картофелиной ему в глаз, а затем, так же молча ускакала из погреба.

— Это всё холопы виноваты, — вынес решение Король и сжал кулаки.

— Да, точно они, — ухватился за идею Заяц.

— Как они приняли своего повелителя? Я такого негодного приёма за всё жизнь не получал, — Величество грозно сверкнул чёрными глазами — за такую дерзость хлопы должны быть наказаны!

— Всесторонне поддерживаю! — Заяц захлопал лапками.

— А тебя и не спрашивали, — Король бросил презрительный взгляд на косого и, обиженно выпятив нижнюю губу, поднялся по лестнице из погреба на поверхность.

Зайчиха, уже, поджидала своих спутников. Она нашла на грядке, плюгавенький пожелтевший огурец и хрустела им, выплёвывая семена. Когда из погреба выбрался Его Величество, Зайчиха воровато, спрятала лапу с недоеденным огурцом за спину и спросила:

— Вы уже готовы? Здесь нечего задерживаться, до города осталось рукой подать, там ресторанов много, будет где брюхо набить, уж как — nibудь дотерпим.

Но Король, не обратив на Зайчиху никакого внимания, прошёл мимо и вошёл в дом, громко хлопнув дверью.

— Что он затеял? — спросила Зайчиха у появившегося на поверхности брата.

— Да кто его знает, у этих монархов с мозгами точно не всё в порядке. Что жёнушка его с приветом, что он сам, потомственный, — Заяц покрутил пальцем у виска и, вдруг, принявшись, учуял огуречный дух — дай, что у тебя там, — он потянулся сестре за спину, но та грубо отпихнула его и быстро проглотила остатки перезрелого овоща.

Король вышел из дому, такой же нахмуренный, оглядел домишко, и подойдя к его углу, вынул из кармана коробок спичек.

— Ты что затеял? — крикнула Зайчиха.

— В наказание за недостойный приём своего короля, — ответил Величество не оборачиваясь — я приговариваю этот хутор к сожжению!

— Ура! — воскликнул Заяц и подсказал поближе к монарху, что бы непосредственно поучаствовать в исполнении приговора.

— Дай я! Нет я! Ты не умеешь! — активно заспорили Король и Заяц, поочерёдно чиркая спичками.

Зайчиха, глянув на это дело, тихонько покинула дворик и пошла по тропинке между убогих хат, заглядывая сквозь щели плетённых заборчиков во дворы на предмет того не найдётся ли чего приватизировать, но, увы, из ценного во дворах попадались, только, хлопы, собиравшиеся на барщину и вышедшие во двор до ветру.

Зайчиха почти вышла из селения, когда в крайнем дворике, на потрескавшейся от сухоты земле она увидела оранжевобокую тыкву обрамлённую хилыми засохшими листочками.

Недолго думая Зайчиха перемахнула через плетень и, обхватив тыкву лапами, втянула сладковато — медовый аромат плода. Зайчиха, уже, раззявила поганую пасть, нацеливаясь в бок ничего неподозревающей тыкве, как услышала людской гам, перекрываемый такой отборной матерщиной, изрыгнуть которую были способны, только, королевские уста.

— Началось в колхозе утро! — вздохнула Зайчиха и отпустив тыкву подошла к забору, что бы поглядеть, что делается на улице.

Первым, высоко поднимая ноги, что бы не споткнуться, бежал Его Величество, за ним драпал Заяц с выпученными от страха глазами, следом за ними гнались разъярённые хуторяне, некоторые не успели, даже, накинуть рубаху и светили загорелыми рёбрами. Но, зато, все успели схватить виллы и факелы, и угрожающе потрясали ими вслед убежавшим Королю и Заяцу.

Зайчиха быстро сориентировалась и выскочив на тропу впереди всех — возглавила гонку.

Бегущие скоро преодолели солончаки на которых был расположен хутор, начались господские чернозёмы, и они понеслись по узенькой тропинке меж обширных полей пшеницы, ограждённых колючей проволокой.

Подлые хлопы, ноги которых были приучены к длительным изнурительным переходам, а тела не скопили ни грамма жирку, бессовестно пользовались своим преимуществом и быстро нагоняли беглецов.

Зайчиха, уже, почувствовала, как тощие мазолистые пальцы с грязными ногтями, хватают её за шерсть на загривке. Терять было нечего, она резко повернула, и поднырнув под колючую проволоку, больно ободрашует ей спину. Хорошо, ещё, что к заграждению не был

подключён ток! Зайчиха нырнула в море золотых пшеничных колосьев.

Сразу же, её примеру последовал и Заяц, перепрыгнув через колючку, он камнем упал в, мгновенно скрывшую его, пшеницу.

Король бежал впереди всех, и последним заметил исчезновение товарищей, и, возможно, он так бы и не догадался куда они исчезли, если бы не различил среди колосьев две пары серых заячьих ушей, сначала двигавшихся с ним параллельно, а затем взявших курс на углубление в поле.

Его Величество развернулся на пятке, взмахнул ручками и прыгнул. То ли волшебные пынеходы сыграли свою роль, то ли пинок, который успел отпустить один из хлопов под широкий королевский зад придал стартовую скорость, но августевший полетел как ракета, со свистом рассекая воздух и пуская выхлопы пламени сзади. Он мгновенно перелетел через ограждение, пронёсся, лоскоча осями пшеничных зёрен пятки и ягодицы, обогнал зайцев, и шлёпнулся на землю, переломав немало колосьев.

Король, моментально, вскочил на ноги и понёсся безоглядки, перепуганным насмерть зайцам, тоже, не пришло в голову оглянуться, а зря. Хлопы замерли перед господским полем, как вкопанные, не решаясь переступить запретную черту, один из них, было, подхватил камешек что бы бросить вслед убежавшим, но его тут же остановили товарищи, так они и стояли, беспомощно наблюдая как мощная фигура Его Величества удаляется от них, растворяясь в море пшеничных колосьев.

Пробежав, ещё, с сотню шагов, Король почувствовал крайнее истощение, и, наконец, оглянувшись, обнаружил позади себя, только, тихое бескрайнее море пшеницы, да две пары заячьих ушей — никаких хлопов нигде не было.

— Видать побоялись своего короля, — тяжело дыша, констатировал Его Величество — но я всё равно им не прощу, они у меня своё получают, я зла не забываю и добра не помню!

— Шёл бы ты, лучше, — откуда — то из пшеницы посоветовала ему Зайчиха — поле — то, всё же, господское, если нас засекут, страшно и подумать, что будет.

— Как солнце на небе — главное светило, — Король обтирал полую хламида запотевшее лицо — так и король — первейший господин в своём государстве.

— Ай, дурак! — покачала головой Зайчиха.

— Не сметь... — только и успел вымолвить монарх в ответ на дерзость, как по полю разнёсся пулемётный треск и трассирующая очередь, срезав налитые колосья со стеблей, взрыла землю перед стопами Его Величества.

Король и Заяц понеслись во весь опор, спасаясь от смертоносных очередей, но навстречу им заплывало свинцом орудие со встречной вышки, завывла сирена.

Король и Заяц заметались по кругу, пулемётные очереди ложились всё ближе.

— Они по тебе целятся! — в истерике провизжала Зайчиха, обращаясь к Королю.

— Это потому что я самый красивый! — уверенно заявил Его Величество.

— Нет, это потому что, только, тебя видно! — Зайчиха отскочила в сторону, уворачиваясь от пуль — Пригнись!

— Никогда Король Многоземельный не встанет на колени! — выдал августейший, исполненный гордости и чувства собственного величия.

Пулемётная очередь прошла над самой головой монарха, и он собственным скальпом ощутил, как горячая пуля срезала ему волосы на макушке.

Король рухнул как подкошенный и замер, зарывшись лицом в стебли пшеницы.

Пулемёты продолжали строчить, но теперь, уже, наугад.

Зайцы, на четвереньках, проскакали мимо растянувшегося Короля, спеша покинуть пристрелянное место. Его Величество пополз на пузе, стараясь не отставать от Зайцев, что было весьма непросто. Косые неслись, абсолютно не дожидаясь своего государя и, малодушно, помышляя только о собственной шкуре.

Король пёр, как гигантский жук — навозник, загребая руками землю и оставляя за собой глубокую борозду, которую он прокладывал своим шаром — пузом.

Наконец всем троиц удалось вырваться из — под обстрела, пулемёты смолкли, только натужно выли тревожные сирены.

— Вроде прорвались, — прошептала Зайчиха — сейчас главное не шуметь, отлежимся до ночи, а там, как — нибудь, выберемся. Только, что бы ни звука и не шевелиться! Уяснили? — она сурово поглядела на Короля с братом.

Заяц, набивший полный рот пшеничных зёрен, покорно кивнул, а Король просто промолчал, уж очень ему не хотелось подчиниться Зайчихе, но пулемёты на вышках не оставляли других вариантов.

— Почему же у них сирены не затыкаются? — пробормотала Зайчиха с подозрением — Как бы они собаками нас искать не стали.

— Не должны, — оптимистично предположил Заяц, проглотив зёрна — они же тогда пшеницу потопчут.

— И я на это надеюсь, — прошептала Зайчиха, не смея оторвать от земли морду.

Так они пролежали минут с десять, Заяц разморенный летним солнышком, уже клевал носом и, иногда, всхрапывал, как вдруг воздух разрезал гул такой страшной силы, что вся троица, чуть не подскочила и только руководительский навык старой Зайчихи выраженный в окрике:

— Лежать, паскуды! — удержал Короля и Зайца от паники.

Гул перерос в оглушительный рёв. Зайцы и Король зажали уши, казалось что барабанные перепонки вот — вот лопнут. Земля завибрировала, предсказывая приближение чего — то гигантского и на бешеной скорости.

Серая стальная громада пронеслась над полем почти касаясь колосьев и взмыла вверх, путив ветром волну по пшеничному морю.

— Это самолёт! — закричала Зайчиха — Бомбардировщик! — она подскочила на лапы.

— Ты куда? — крикнул Его Величество — Засекут же!

— Теперь без разницы! С воздуха всё одно накроет! — махнула лапой Зайчиха и скрылась в море колосьев.

Король с Зайцем тоже подскочили и ринулись на прорыв, в просвет между двумя вышками охранявшими межу поля. Заработали пулемёты. Целились преимущественно в широкую фигуру Короля, но волшебные пынеходы, чудом, выносили монархическую персону из под свинцового града.

А бомбардировщик, круто спикировав, пошёл на снижение. Жутко воя он пронёсся над полем, выпустив из своего чрева шлейф чёрных бомб с напалмом, которые одна за одной накрывали поле, разрываясь, выплёскивали облако липкого тёмно — рыжего пламени. Спелые колосья вспыхнули, как порох. Огонь мгновенно охватил поле, чёрный едкий дым столбом заслонил солнце, но порывом налетевшего ветра его понесло на Короля и Зайцев, скрыв их от пулемётного обстрела, вёвшегоя, уже, практически в упор и, по счастливой случайности, спасшего их от верной гибели.

Его Величество, содрогаясь от кашля, вызванного попаданием в королевские лёгкие

дыма, заметил, что оказался у колючей проволоки, только, когда шипы больно врезались ему в ногу. Король громко выругался, в ответ ему, на звук голоса, вслепую, просвистела пулемётная очередь. Тут, прямо между ногами Короля, проскочила Зайчиха, упав возле ограждения она, бешено работая лапками, быстро сделала подкоп и через него вынырнула из поля. Следом за ней, воспользовавшись готовым подкопом, как выпущенная торпеда, вылетел Заяц. Пулемёты продолжали огонь, в надежде, хоть наугад, поразить цель. Тянуть время было некуда и Король, упав на пузо, полез заячьим подкопом. Государь не рассчитал свои габариты и их совместимость с заячьим ходом. Проволочные шипы рвали на спине и без того изрядно потрёпанную хламиду, полосуюя сквозь мешковину нежную складчатую кожу на королевской спине, больше же всего досталось самой выпирающей части королевского тыла, благородному заду, торчавшему из — под хламиды, как два переспевших арбуза. И время, пробираясь заячьим подкопом, Король орал благим матом, иногда перекрывая стрекот пулемётов, огонь которых, сам же и привлекал.

Когда Величество, с изодранной, как у хлопа после хорошей, спиной, выбрался с поля, то увидел зайцев, уже, вдалеке, распознав их едва различимые фигурки по длинным ушам. Брат с Сестрой неслись со всех ног к светлому лесочку, надеясь укрыться под его сенью.

Король бросился за зайцами, но, один раз оглянувшись, что бы проверить не преследует ли его бомбардировщик, он таки, разглядел самолёт высоко в небе, на другой стороне пылающего поля. Бомбардировщик, казавшийся на таком расстоянии чёрной птицей, можно было опознать, только по рокоту двигателя. Он, снизившись, пролетел над печными трубами хлопских хат, только их и мог разглядеть Король на таком расстоянии, а через секунду, там всё запылало, по всей видимости решили, что это хуторские людишки посмели проникнуть на господское поле и покарали их по всей справедливости.

— Ха — ха! — Король обрадованно закрутил ус — Получили, что заслужили! Будете впредь знать, как иметь дело с Великим Королём Многоземельным!

* * *

Зайцы, наткнулись в леске на маленький, но кристально чистый прудик, в котором весело шныряли стайки рыбок, поблёскивая серебрянными чешуйками, сквозь водную пелену.

Брат и сестра с разбегу вскочили в пруд, погрузив в воду свои почерневшие от дыма и грязи тушки и стали обтираться лапками, вымывая из шерсти комья земли. Вода из прозрачной превратилась в тёмно — коричневую с неприятным серным запахом, а рыбки всплыли кверху брюхом, утки и цапли разлетелись, спеша убраться из ставшего гиблым места. Было непостижимо видеть, что два маленьких зловредных существа смогли, за считанные секунды, загадить целый пруд, чистый, полный жизни и благоденствия, с их появлением он превратился в зловонную клоаку. Но как это не поразительно, именно так оно в жизни и бывает.

Король застал семейство зайцев плескающимися в протухшей от контакта с ними водой и, хоть, и сам был изрядно измазан, но мыться в пруду после зайцев он, конечно, не стал, а грустный, повесив голову, сел на бережку, прислонившись спиной к гладкому стволу старой берёзы и, вдруг, несдержавшись, разразился горькими слезами.

Зайцы, давившие в это время жопами жаб, замерли.

— Чего разревелся? — равнодушно поинтересовалась Зайчиха, пытаясь разузнать у Его Величества причину истерики — Ты что палец занозил?

— Ну — ну, — Заяц попытался утешить плачущего Короля и мягко похлопал его лапкой по плечу.

— Отвали, косой! — захлёбываясь соплями, еле выговорил Король — Ты — скотина!

— Ты бы потише рыдал, — попросила Зайчиха — лесок между прочим, тоже, господский.

— И пруд, — добавил Заяц, указав на табличку возле водоёма с надписью «Рыбная ловля и купание запрещено! Частная собственность!»

— Так что ты лучше успокойся, — попросила монарха Зайчиха — а то ведь, если, нас тут застукают, то ой что будет!

— Да как же тут успокоюсь? — Король размазывал слёзы по физиономии — Это что же в этой стране происходит?!

— Что? — не поняла Зайчиха — По — моему всё как и было, стабильность.

— А вот не было такого раньше! — Король зарыдал с новой силой — Не было! Я же точно помню, что не было!

— Чего не было? — спросила Зайчиха, что бы хоть разговором унять Его Величество.

— Королефобии! — взвыл августейший — Вот чего!

Зайцы переглянулись и развели лапами, Король говорил какими — то загадками.

— Я всего — то два дня путешествую по королевству и за эти два дня я такого натерпелся, чего за тридцать лет моего правления ни разу не было, — жаловался Его Величество — каждый встречный так и норовит меня ущемить, принизить. Вот, хоть эти хуторские хлопы, за что они на меня накинулись! Что я плохого им сделал? Я, всего лишь, хотел сжечь их хутор до тла, всего — то, а они набросились на меня, как стая гиен! Почему? За что? — Король громко высморкался в подол хламиды — Как люди, вдруг, стали такие злые? Кому в морду не дай — всем не нравится! Тридцать лет мы прожили душа в душу, я и мой народ, мы были как семья, отец и дети. Что случилось, отчего все стали королефобами?

— Не знаю, — Зайчиха сплюнула в траву — может это враги государства, иностранные иноагенты, инопланетяне инопланетные?

— Точно! — обрадовался Король, такому лёгкому и очевидному решению — Это они тут королефобию разводят. Хотят страну продать с потрохами! — монарх погрозил пальцем невидимым врагам — Продать и со мной не поделиться! Ну я им этого так не оставлю! Они думают я не знаю, как дать им достойный ответ!

— Кому им? — Зайчиха немного запуталась в хитросплетениях геополитических заговоров.

— Мировой закулисе! — Король страшно выпучил глаза.

— Точно! — поддержал его Заяц — Паркетам!

— Чему? — интриги всё более озадачивали Зайчиху.

— Ламинатам, — ответил Заяц, но, призадумавшись, испрился — иллюминатам, во!

— Какие, ещё, иллюминации? — раздражённо произнёс Король — Вы что совсем рехнулись?! — он встал, истерика у него прекратилась так же внезапно, как и началась — Иллюминация будет, только, когда я на престоле восстановлюсь! И вас я на неё, всё равно, не приглашу!

— И не надо, — не испугалась королевской угрозы Зайчиха — надеюсь ты, уже, проревелся? Мы и так достаточно на поле задержались, а до города ещё топать и топать.

— Они в своего короля пулемётами стреляли! — сказал Его Величество с таким видом, как будто, обстреливали его одного и Зайчиха, совершенно, не в курсе событий.

— Так это же твоё детище, — заявила Королю Зайчиха — кто придумал закон о земле?

— Я ничего не придумывал, — насупился августейший — я, только, подписал то, что мне подали. Это была необходимая реформа. Я хотел, что бы селянин крепко стоял на своей земле!

— Но как — то её из под него, всё же, выдернули, — заметила Зайчиха.

— Конечно выдернули, — подтвердил Король — в этом же и была задумка. Но стояли — то крепко! Не хотели отдавать. Не одну сотню хлопских голов проломали, пока, землю у них отобрали. Всё прошло по плану.

— Хорошо бы в твои планы входило вести себя потише, — пожелала Зайчиха.

— Но тогда у меня не было бы этого, — Его Величество поторохтел коробком со спичками перед носом Зайчихи.

— И какая нам с этого польза? — недоумённо спросила Зайчиха — Или ты и здесь хочешь пожар устроить?

— Дура! — Король постучал согнутым указательным пальцем по лбу Зайчихи, вызвав характерный звук полого сосуда — Я позволю вам воспользоваться одной спичкой для разведения костра, а вы, взамен, насобираете вон тех карасей, — он указал на помутневший пруд на поверхности которого плавали, только что, приставившиеся рыбки — и пожарите их, вы же хотите жареной рыбки?

— Продолжай, — Зайчиха сглотнула, а у Зайца слюни капали с подбородка на рахитичный живот.

— А за эту спичку, — Король вытащил одну спичку из коробка и держа её большим и указательным пальцами поднёс к глазам Зайчихи, спичка была тоненькая, хлипкая, серы на головке было, как кот наплакал — вы отдадите мне половину всей рыбы, которую нажарите.

— Это — грабёжь! — возмутилась Зайчиха.

— Это — рыночная экономика, — мягко заметил Король — у кого в руках рынок, тот на других и экономит. Так как, вы — согласны?

Зайчиха хмуро смотрела на тощую спичку, ей очень хотелось послать величайшего из государей, но пустой желудок выразил ей протест громким урчанием.

— Хрен с тобой, — сквозь зубы процедила Зайчиха — мы согласны, — она повернулась к брату — ныряй за рыбой!

Заяц, капая слюной, помчался к пруду, споткнувшись три раза на мокрой траве, он кубарем скатился в воду и погрузился с головой, так что пошли пузыри. Через пару секунд Заяц вынырнул и принялся прыгать за рыбками, но вместо того что бы собирать их, только гонял тушки по всему пруду, поднимая со дна муляжу.

Зайчиха, поглядев на потуги брата, тяжело вздохнула и полезла в воду, там она выдала родичу оплеуху и принялась сама вылавливать рыбу, а Заяц, только, сносил её на берег.

Собрав всю рыбу, какую смогли найти, зайцы набрали её в охапки и перетасили подальше от пруда, что бы не быть пойманными господином — хозяином водоёма на браконьерстве, ежели он пожелает проверить своё имущество.

Король, дремавший всё это время в тени под деревцем, лениво потянувшись, встал и вальяжной походкой пошёл за зайцами, те же по пути насобирали хвороста, так что когда они расположились в безветренном овражке, меж двух зелёных холмиков, топливо для костра у них, уже, было. Пришло время получить спичку.

Король выдал Зайчихе долгожданную спичку, и подставил ей коробок, чиркалом, что бы она могла зажечь спичку. Зайчиха чиркнула спичкой, головка выпыхнула, испустив клубы ароматного дыма, и, так как спички были из разряда противопожарных, то сразу же погасла.

— Давай другую, — сказала Зайчиха, выбросив спичку в траву.

— Мы договаривались на одну, — Король приоткрыл коробок и глазами пересчитывал спички.

— Ты же видел — она не зажглась, — Зайчиха было сама потянулась за новой спичкой, но Король отдёргнул коробок.

— Это меня, уже, не волнует, — отрезал он — я условия договора выполнил, подавайте мою часть жареной рыбы.

— Да как... — Зайчиха запнулась — как мы её зажарим, если у нас нету спичек?

— Я могу выдать вам, ещё, одну, — подозрительно ласково предложил Король.

— Так давай, не тяни, — вмешался в разговор Заяц, которому, уже, не терпелось поскорее приступить к обеду.

— Но вы мне отдадите не половину, а две трети рыбы, — заявил Его Величество и поглядев на перекосившиеся морды зайцев, добавил — это получается, что вторую спичку вы получите со скидкой, очень выгодно, советую согласиться.

Предложение крайне не понравилось зайцам, но ничего не поделаешь, рынок есть рынок, пришлось соглашаться, но в этот раз Зайчиха, когда августейший открыл коробок, углядела одну толстенькую спичку с нормальным количеством серы на головке — видно произошёл брак на фабрике, и выхватила, не дожидаясь, чего же предложит сам Король.

Спичка удачно разожглась, всё таки это был брак, и зайцы быстро развели костёр, а Король прилёт в пушистую травку, но теперь он, уже, не спал, что бы зайцы видели — королевское око бдит, и у них не возникло желания покусятся на монаршью долю.

Заяц, пуская слюни в тлеющие головешки, переворачивал палочки с нанизанной на них рыбой, норовя подлизнуть капающий с них жирок, отчего пару раз обпёк язык, под довольный смех сестры и Короля.

Когда рыба достаточно подрумянилась, Король внимательно, дважды пересчитав, отделил свои две трети, остальное досталось зайцам.

Королевская доля оказалась так велика, что он, даже не смог с ней справиться, но нашёл остаткам достойное применение.

Заяц, на долю которого пришлось меньше всех, так как сестра высчитывала с него за принесённые ей убытки, получил подряд от Его Величества на исполнение шутовских обязанностей за королевской трапезой.

Заяц, ведь голоду не прикажешь, взялся за работу. Он выполнял различные увеселительные трюки, как то: стояние на голове, танцы в присядку, исполнение юмористических куплетов и, даже, хождение по раскалённым углям.

Его Величество задорно хохотал над заячьими фортелями и, вдоволь натешившись, как вознаграждение, швырял в Заяца недоеденными рыбьими останками.

После плотного обеда троица развалилась, громко отрывивая, от сытости все пришли в мягкое расположение духа.

— Ты мудро поступил со спичками, сразу виден настоящий государь, крепкий хозяйственник, — похвалила Короля Зайчиха — но я бы, на твоём месте, вообще бы, всё затребовала, — призналась она.

— Так я и чувствовал, что сгруппил, — сказал Его Величество, глаза его слипались,

переполненный желудок неумолимо клонил в сон, чему Король и не стал противиться.

Заснули и зайцы. Так бы проспать им до самого следующего дня, но, вскоре, их разбудил лай собак невдалеке.

Заяц, имевший нехорошую историю взаимоотношений с лучшими друзьями человека, вскочил первый и взобрался на холмик, поглядеть откуда доносится лай.

Оказалось это приехала охрана пруда, наёмники из федерации бокса и кикбоксинга, и застав объект в беспорядке прочёсывала лес. Все были вооружены автоматами Шмайсера и ручными гранатами, хорошо натасканные немецкие овчарки мелькали между деревьев, чей — то грубый голос отдавал отрывистые команды, свистели в свистки.

Заяц тут же вернулся к Королю и сестре, и в двух словах предупредил их об опасности, так что, так и не отдохнув, наши герои были вынуждены поскорее убраться и продолжить свой нелёгкий путь к богатству и почестям.

Все, без исключения, города Королевства Многоземельного носили гордое имя своего короля и каждое утро, ровно в пять часов, в каждом городе включались громкоговорители и спящий город будился гимном во славу Великого Короля Многоземельного, и все подданные были обязаны, встав на одну ножку, громко вторить словам гимна, при этом люди зорко следили друг за дружкой, и если кто — то увиливал от почётной обязанности или пел недостаточно восторженно, об этом сразу же становилось известно в правоохранительных органах, в особом отделе уважения и почитания величества.

Но, с отходом Короля Многоземельного от власти, государство вступило в эпоху декорализации. Прежние названия населённых пунктов были отменены, а новых, ещё, не успели придумать. Почитания отдел оказался не удел, и ввиду того, что сотни тысяч служащих отдела стали не нужны, то их штат пришлось утроить, заодно утроив и их оклады. Но была, ещё, одна особенность отжившего королевского режима — это монументы, каждый городок был обязан иметь на своей территории не меньше пяти статуй изображавших Короля Многоземельного, а столицы провинций не меньше десяти изваяний, обязательно из лучшего гранита, но, уже, на второй день низложения монархии был издан приказ о демонтаже статуй, за счёт местных бюджетов, что, естественно, было совершенно невыполнимо, так как местные бюджеты разделялись между местными князьями. Вот так вот! Монархия ушла, а аристократия осталась, оказывается бывает и так! Но, всё же, с монументами нужно было что — то делать. Их пытались свалить при помощи техники, что бы они не торчали над городом, а стали, как бы деталью урбанистического ландшафта, но из техники, князья соглашались оплатить не больше, чем трёх хлопков с верёвкой, причём хлопы были прописаны в фирме принадлежавшей князю и работали за ломоть хлеба и стакан водки, но из бюджета им выделялась сумма эквивалентная стоимости целого ликёро — водочного завода, но невзирая на траты, свалить королевские статуи так и не смогли — держались они крепче самого монарха. Разрабатывались ещё планы по расстрелу статуй из пушек, для коей цели, за тридевять земель, заключались контракты на поставку орудий и боеприпасов к ним, но дело заглохло на фазе освоения бюджета, как всегда...

И вот Его Величество Король Многоземельный, собственною персоной, стоял задра голову перед гранитным колоссом, созданным по образу и подобию величайшего, хотя если не знать этого факта, то узнать в изваянии Короля было бы невозможно, до того разительно расходились во внешнем виде оригинал и его копия.

Статуя имела удивительно тонкую талию, широко расправленные плечи, пышные кудри и, вместо трёх подбородков, только один — скудновато...

— М — да... — выдавил из себя Его Величество, детально изучив монумент — не достигли ещё наши скульпторы такого уровня мастерства, что бы передать, хотя бы часть, моей совершенной красоты и непревзойдённой грациозности фигуры, — он поскрёб ногтями заросшие длинными чёрными волосами, подбородки.

Зайчиха же, вместо того, что бы наслаждаться красотой скульптуры, внимательно изучала клочок бумаги наклеенный на постаменте монумента.

— Эй, — поманила она Короля — поди сюда, королевская морда!

— Что тебе надобно, старая? — монарх неохотно подошёл.

— Гляди! — Зайчиха ткнула пальцем в бумагу, которая оказалась ни чем иным, как

объявлением о розыске.

Король внимательно изучал объявление с которого на него глядела собственная нахальная физиономия в профиль и анфас.

— Какая неприятная рожа! — скривился Король — Стоп! — он аж подпрыгнул — Да это же я!

— Угадал, — кивнула Зайчиха — а что написано под фотографией?

— Ну — у — у... — протянул Король и, водя указательным пальцем по буквам, забормотал — тут написано, что это изображение Основателя сущего мира и национального единства — Лидера нации...

— Что ты несёшь?! — оборвала Короля Зайчиха — Кого сущего? Я такого как раз, сейчас, вижу, — она указала на брата, который без лишней скромности справлял малую нужду за углом постамента — только ты — то здесь при чём?

— Как при чём? — удивился Его Величество — Это всё мои официальные титулы!

— А это здесь при чём?! Я спросила, что там написано, а ты начал... А — а — а! Да ты не умеешь читать! — поняла Зайчиха — Как же ты безграмотный государством управлял!?

— А в этом деле грамотность и не требуется, — насупился Его Величество — короли не читают историю — они её создают!

— Вот ты и досоздавался, — съязвила Зайчиха — тут написано, что ты объявлен в розыск!

— Это неудивительно, — хмыкнул агустейший — попробовали людишки как жить без меня, теперь, спохватились. Ищут. Плачут за мной. Оно и понятно, без короля государство, сразу, впало в неурядицы и хаос.

— А при тебе, разве, не так же было? — саркастически усмехнулась Зайчиха — Кризис и хаос тридцать лет без перерыва!

— Нет! — Король зажал уши — Я тебя не слышу! Это неправда, ты наговариваешь!

— Да неужели? — Зайчиха скривила удивлённую рожу — Да при тебе такое творилось, что, даже, такая как я — всю жизнь на руководящих должностях грелась, пальцем о палец не ударила, а на досрочную пенсию вышла, повышенную, с доплатой за интеллектуальный труд! Да что там я! — она схватила брата за уши и повернула его придурковатую морду к Королю — Даже вот это! — она потрясла головой брата, от чего зрачки его глаз разошлись в разные стороны — Вот оно — оформило себе нехилый пансион, да с надбавками за награды, которые он получил за выдающийся вклад в развитие трудовых отношений! Он, даже, кандидатскую защитил!

— Это наглая ложь! — упорствуя, Король закрыл лицо руками.

— Нет! Смотри, не отводи глаза, вот порождение твоей деятельности за тридцать лет на троне! — Зайчиха тыкала бестолковой мордой брата в лицо Его Величеству — Вот плод зерна, что ты посеял!

Король бессильно опустился на бетонный бордюр.

— Но было же и хорошее, — пробормотал он — хотя бы крепостное право взять.

— А что с ним? — спросила Зайчиха выпустив уши брата и тот, как ни в чём не бывало, принялся скакать вокруг Короля.

— Я же реформировал его, усовершенствовал, — ответил Его Величество.

— Наверное я на тот момент, уже, на пенсию вышла, — сказала Зайчиха, немного поостыв — так что суть реформы не уловила.

— А я, между прочим, там очень сильно людям жизнь облегчил, — похвастался

августейший — вот раньше оно как было? Имеет какой —нибудь господин в собственности душ, эдак, с две сотни, и нет ему с ними ни сна ни отдыха. Неровен час, случись что с ними, эпидемия какая, наводнение или, просто, с голоду помрут и что тогда будет с господином? Это же, в хорошем случае, тратиться придётся, новых покупать или, хуже того, полное разорение по причине вымирания трудовых резервов и как следствие — банкротство и, последующий за этим, ужас полуроскошной жизни. Я же сделал всех крепостных, всю эту холопскую массу, общей! И, больше, ни один господин не должен тревожиться из — за пустяков! Ну вымрет деревенька — другая и что? Да пусть, хоть, целый город, вся провинция откинет копыта — пожалуйста, дохните сколько душа пожелает, на ваше место придут новые хлопы, а передохнут, их место займут другие!

— Да, но с демографической точки зрения, эдак холопское поголовье значительно оскудеет, — заметила Зайчиха.

— Ничего катастрофического в этом нет, — заверил августейший — вот подсчитай сама сколько господских задниц может подтереть за день один холоп? Если не будет лодырничать, то не меньше тысячи. Вот и делай вывод — зачем нам такая уйма дармоедов, когда, для комфортного существования достаточно самого малого их количества.

— Ну это ты хорошо придумал, — Зайчиха присела рядом с Королём и, даже, по — дружески, похлопала его по колену, прокашлялась и, вкрадчивым голосом, предложила — а может ну его, все эти хлопоты с реставрацией тебя на престоле? Дело — крайне ненадёжное, рискованное, шансы минимальные, я бы, даже, сказала — никаких. Шут с этим королевством! Давай, лучше, до осени как —нибудь дотянем, а там, с гречей, в сельсовете выборы на пост головы выиграем, крепостных местных, поровну, на двоих, поделим и заживём.

— А ему? — Король кивнул на гонявшегося за бабочкой Зайца.

— А что ему? — засуетилась Зайчиха — Там и на двоих в самый обрез будет, так что он обойдётся. Тем более мы его в надзиратели возьмём, тоже, пристроен будет.

— Нет, — покачал головой Его Величество — кто правил народами, тот, уже, не сможет быть обычным плантатором.

— Ты, давай, Марину Мнишек из себя не строй, — покачала головой Зайчиха — помнишь чем она закончила?

— При чём тут она, — Король встряхнул чёрным вихрастым чубом — я как Наполеон!

— Ты как идиот, — не удержалась Зайчиха — ну чего тебе неймётся? И обычным плантатором быть, тоже, неплохо. Да штук семь крепостных за пару месяцев тебе на джип заработают. А у тебя этих хлопов будет под полсотни, нормально будешь жить, чаёк из самовара прихлёбывать, да с конфеткой шоколадной вприкуску, заграничной, из настоящего какао, а не из того песка, что у нас делают.

— Нет! — резко отказал Король и поднялся — Я не для того столько вытерпел от жены — негодницы, что бы, теперь, мой тествюшка на лаврах почивал! Пускай башляет!

Зайчиха тяжело вздохнула.

* * *

Монумент Великого Короля Многоземельного находился в самом сердце парка имени всё того же Короля, вернее это место было парком в градоустроительных чертежах, на самом

же деле столь лакомый участок земли в самом центре города был отдан под застройку торговыми павильонами.

Ларьки и ларёчки, просто лотки, и крошечные, как собачьи будки магазинчики завалили территорию парка, как груда мусора. Они плотно лепились один к одному, и, даже, поверх друг друга.

Как ласточкины гнёзда, ярусами, лотки громоздились на близлежащих жилых многоэтажных домах. Всё это наполнялось ароматами поджаривавшихся неизвестных животных, обильно сдобренных специями, да потом толпы, с трудом передвигающейся по узким закоулкам.

Король и зайцы влились в общее столпотворение, гул голосов вперемешку с плохой музыкой, во всю оравшей, из каждого ларька лишил троих путешественников возможности слышать друг друга и что бы не потеряться в толпе, Король держал обоих зайцев за уши. Зайчиха обещала показать ломбард, где за королевскую гречу могли дать неплохую, как на этот сезон, цену, но добраться до заветного ломбарда было непростым делом. Людская масса двигалась со скоростью земляного червя, да и по пути постоянно попадались напёрсточники, окружённые толпой зевак и уголовников.

Активно работали щипачи — карманники, Зайчиха была вынуждена спиной прижиматься к округлой королевской ляжке, что бы прикрыть карман с гречей от настырных ручонков расписанных синими татуировками.

Ломбард под названием «Добро», в который вела Зайчиха, состоял из строительного фургончика разрезанного напополам и эти половины были нагромождены одна на другую. На первом этаже все желающие могли приобретать заинтересовавшие их вещи, а на втором велась скупка.

Король и Заяц поднялись вслед за Зайчихой по хлипкой винтовой лестнице, тонкие проржавевшие металлические ступени которой с визгом прогибались под увесистыми стопами Его Величества, вся лестница ходила ходуном и зайцы, то и дело, перепуганно хватались за перила. Добравшись на верх они увидели узкую пластиковую дверь с маленьким окошком. Зайчиха постучалась, и в окошке появилось небритое лицо, с видом равнодушного ожидания оно уставилось на Зайчиху, а та, прижавшись к окошку вплотную, прошептала так тихо, что её спутники могли расслышать только:

— У мя эсть греча, ва фунта...

Лицо за окошком сказала что — то, что расслышать могла только Зайчиха, она быстро подскочила к Королю и выставив ладонь сказала:

— Нужно несколько ядрышек на проверку качества.

Король бросил Зайчихе в ладонь несколько гречичных ядрышек и она вернулась к окошку.

Пока зайчиха занималась торговыми махинациями, Заяц любовался открывавшимися с высоты архитектурами города, а вернее тем единственным, что было видно из любой его точки — невероятно высоким зданием, сложенное целиком из чёрного гранита, оно, неодолимым чёрным пиком, взмывало в небо, теряясь своей вершиной в, беспрестранно кружащих подле него, тёмно — фиолетовых тучах, выбрасывавших синие полосы молний и всё это не смотря на ясный день.

— Какая любопытная конструкция, что это за учреждение? — спросил у Короля Заяц.

— Канцелярия тайной полиции, — Его Величество опёрся на перила и они, застонав, склонились под величием государя.

— Тайной? — Заяц удивлённо прищёлкнул языком — Так какая же она тайная, если, её видно за десять лиг?

— Всё правильно, — ответил Король — нужно, что бы все видели и боялись, в этом же и есть суть, а тайная она потому, что, когда тебя забирают, то ты, совершенно, исчезаешь и, что с тобой произошло, для всех, полнейшая тайна. Был человек и нет человека!

— Нет человека — нет проблемы, — хихикнул Заяц — ну всё же, а как иностранные разведки? Они же всё видят. Это же получается вся агентура засвеченна?

— И что? — Его Величество поглядел на Зайца, как на бестолкового ученика, не способного понять простейших вещей — Тайная полиция предназначена не для того, что бы противостоять разведкам иностранных держав, а для запугивания своих граждан. Ну узнают иностранные службы, что я и мои ближайшие соратники — опора трона, крадём всё что под руку попадётся? И что с того? Это мне никак не помешает грести миллионы и миллиарды. А вот, если, внутри державы начнётся брожение и начнут поднимать голову разные бузотёры, вот тогда, у меня могут начаться финансовые трудности, тогда у всех этих люмпенов и прочего отребья так легко денежки не заберёшь. Вот на них то я и завёл тайную полицию, и денег на неё не жалел, хотя вроде, на первый взгляд, что с них толку? Ни сеять, ни пахать, ни на войне воевать — не хотят! Ан, нет! Не так всё просто! Тайная полиция — важнейший слой на который опирается каждый настоящий тиран. Без тайной полиции — нет тирании. А как бояться, то чего не видишь? Эдак людишки, ещё, сомневаться начнут. Потому каждый день, прямо у них перед глазами — смотрите, мерзавцы, вот они мы — тайные, за любым из вас прийдём, хоть днём, хоть ночью и, даже, не ваджно виновен ты или нет, если попал в лапы тайной полиции — исчез для всего мира!

— Ух ты как! — восхитился Заяц — Тонко!

— А ты думал, что мы — деспоты, только и делаем, что проводим время в роскоши и разврате? — Король зажал бороду в кулак и глубокомысленно поглядел в даль.

— Ага, — признался Заяц.

— Ну и правильно думал, — подтвердил Его Величество и лицо его стало, воистину, одухотворённым и наполненным смыслами.

Подошла Зайчиха и сообщила, что скупщики согласны взять королевскую гречу, правда цена не лучшая, но ничего не поделаешь, греча наиболее ценна в избирательный период, как говорится — хороша ложка к обеду. Король подошёл к окошку и выгрузил гречу в предоставленную стеклянную тару. Греча тут же исчезла за окошком, небритое лицо вставило себе в глаз ювелирную лупу и, быстро, оглядев гречу, выдало Королю толстую пачку банкнот.

Его Величество, поплевав на палец принялся пересчитывать купюры, не отходя от кассы.

— Отойди, — оттащила монарха за полу Зайчиха — здесь этого не любят.

— А, вдруг, не додали? — возмутился Король.

— Всё равно ничего, уже, не сделаешь, — просипела на ухо Королю Зайчиха — сколько дали, столько и дали. Теперь нужно побыстрее уходить отсюда, — она подтолкнула государя к лестнице и он, с недовольным видом, стал спускаться, Зайцы семенили следом.

— Может за помощь что — нибудь подкинешь? — спросила у Короля Зайчиха, прыгая со с тупеньки на ступеньку — За копытные расходы.

Его Величество встал, долго рылся в кармане перебирая купюры, наконец выбрал одну и, смяв в комок, швырнул Зайчихе. Та жадно схватила подачку и лихорадочно развернув,

поднесла поближе к очкам, что бы разглядеть номинал купюры.

— Один многоземельный доллар, — сухо процедила она и, резко, перешла на крик — один доллар!

— Не промотай всё сразу, — чванливо посоветовал Король — для нас, людей высшей касты — это, конечно, ничто, но я знаю, что для вас — хлоп и грош, за счастье, скаредные мерзавцы.

— А можно и мне? — попытал удачу и Заяц.

— Это было вам на двоих, — Король подал зайцам руку для благодарственного поцелуя. Зайцы переглянулись.

— Давай ты первый, — сказала Зайчиха.

Зяец смачно приложился к руке и, с звонким чмоком, оторвал липкие губы от королевской кожи.

— И второй раз за меня, — Зайчиха подтолкнула брата под затылок.

— Нет уж, достаточно! — Король брезгливо отёр липкую руку о хламиду, и уже, было занёс ногу, что бы ступить на грешную землю, недостойную носить величайшего, но пронзительный вой сирены и визг тормозов заставил его остановиться, и вовремя!

По узкой улочке между ларьками нёсся автомобиль Toyota Land Cruiser Prado золотого цвета, тараня толпу, которой некуда было подеться. Тела перекатывались через крышу машины и, падая одно на другое, оставались лежать бездыханными.

Автомобиль затормозил у самой лестницы и, напротив, ларька с апельсинами. На крыше авто стояли две мигалки, синяя и красная, а на кузове был изображён герб — раскинувшая перепончатые крылья чёрная летучая мышь — вампир с окровавленными клыками.

Обе передних дверцы разом открылись и из транспорта выскочила странная пара, обряженных самым дивным образом. На огромных толстых животах еле сходились золотые пуговицы серо — зелёных мундиров, с эполетами. Грудь в орденах, да не в простых, а с подсветкой. На каждом бедре по маузеру в деревянной кобуре из ореха. Толстые ножки были одеты в брюки галифе, заправленные в высокие сапоги из крокодильей кожи с серебряными подковами на каблуках.

На головах, не смотря на жару, водружены высокие медвежьи шапки времён наполеоновской гвардии, под ними, чёрные солнцезащитные очки, прикрывавшие всё лицо до самого рта, а лица, нужно сказать, были немаленькие. И что бы, уже, никто не сомневался, на толстых красных шеях висело по длинной массивной золотой цепи с бейджиком на котором цветными лампочками мигала надпись — «секретный сотрудник тайной полиции».

Оба агента осматривали учинённое ими побоище, некоторые из пострадавших были ещё живы и издавали слабые стоны.

— Что здесь произошло? — спросил один из сотрудников.

— По всей видимости массовое ДТП, — ответил ему второй.

— А кто же это сделал? — снова осведомился первый.

— Я думаю пострадавшие попали под поезд, — предположил второй — или, даже, самолёт. Сейчас мы допросим свидетелей — они нам всё подтвердят. Так, где свидетели?

Но свидетелей не было. Торговый ряд мгновенно опутел, ларьки позахлопывали окошки, магазинчики позапирали двери, ни где ни звука, ни шороха.

— Если свидетелей нет, — подытожил секретный сотрудник — значит пострадавшие

попали под теплоход по собственной халатности, должно быть в гребной винт затянуло, и те, которые выживут, будут привлечены к ответственности за злостное нарушение правил дорожного движения повлекшее за собой порчу служебного транспорта кровью и кишками, — он стёр рукавом красное кровавое пятно на лобовом стекле.

Затем обое подошли к лотку с апельсинами и, перещупав с пару десятков оранжевых фруктов, выбрали один, показавшийся им самым спелым и, уже, пошли к машине, как из под прилавка им вслед тоненько пискнуло:

— Вы забыли оплатить! — это был продавец, лежавший накрыв руками голову, как при бомбардировке.

Гневу секретных сотрудников не было предела.

— Негодяй, как ты посмел! — они вытащили продавца на дорогу и принялись топтать каблуками с серебряными подковами — Ты что же не видишь, что мы из тайной полиции! Совсем ослеп!

— Вижу! Вижу! — пищал продавец.

— Ах, так ты видишь и всё — равно своё делаешь! — пуще прежнего обозлились тайные полицейские — Умышленно подрываешь порядок в стране! На какую разведку работаешь! Иноагент!

Из — под лохматых медвежьих шапок градом катился пот, пуговицы на мундирах поотскакивали, выпустив между пол грузные волосатые животы — сотрудники работали не жалея себя, но всё — же они были не железные и, поняв, что больше нет сил бороться с предателем родины, расчехлили маузеры и из двух рук каждый, открыли огонь на поражение.

Король наблюдал всё действие, стоя на лестнице и оставаясь незамеченным тайными полицейскими, зайцы прятались за королевскими ногами. На лице Его Величества изобразилось холодное равнодушие, ему часто доводилось наблюдать подобные сцены и произошедшую расправу над смутьяном он находил, довольно таки, пресной и, откровенно, слабой. Происходящее, вообще, мало трогало монарха, его, сейчас гораздо больше заботило другое — длинный путь пройденный до города и духота торговых рядов вызвали у Его Величества сильнейший приступ жажды.

Король углядел в руке у тайного полицейского пухлый сочный апельсин и, смело, сошёл с лестницы, несмотря на уговоры вцепившихся в подол хламиды зайцев, умолявших монарха не высовываться, но сил заячьих лапок не хватило, что бы остановить Короля, бывшего в исполнении желаемого безудержным, как стихия. Зайцам ничего не оставалось как отпустить августейшего, а сами они взбежали вверх по лестнице и, уже, с безопасного расстояния наблюдали за подвигами Его Величества.

Король, несколько не брезгуя ступать по трупам, решительно подступил к тайным полицейским, выхватил у одного из них апельсин и, не очищая, откусил большой кусок от цитрусового плода. Сок потёк по чёрной густой бороде, Король жадно чавкал, поглащая апельсин. Тайные полицейские пришли в совершенный ступор, их обомлевшие глазёнки, даже, забыли моргать под тёмными стёклами очков.

А Король тем временем доел апельсин, обтёр покрытые липким соком руки о бока и, хорошо размяв широкую ладонь, залепил одному из сотрудников звонкую пощёчину.

Именно этого и боявшаяся, Зайчиха зажала глаза ушами.

— Ты это видел? — ошарашенно спросил тайный полицейский у своего напарника, повернув к нему пылающую багрянцем щёку.

— Это немисливо, — глухо пробормотал тот — такого не бывает...

— Не бывает говоришь? — усмехнулся Король и отвесил вторую пощёчину усомнившемуся.

— Ты кто такой?! — выпалили оба сотрудника, заподозрившие, что обычный бродяга не может позволить себе подобного обращения с тайной полицией и, возможно, это какой — то знатный господин с перепоя.

И они не ошиблись.

— Я — Великий и могучий, повелитель вселенной и господин всего сущего, Король Многоземельный! — объявил себя августейший, высоко задрал нос — Падите ниц перед величайшим!

— Величество, неужели, правда ты?! — ахнули тайные полицейские.

У одного из них был золотая монета с выгравированным профилем Короля Многоземельного, он вынул её из кармана и сравнил оригинал с чеканкой. Сходство было, но на деньгах Короля изображали, как и в изваяниях, с неполной передачей неземной красоты государя, зауживали ему лицо и срезали подбородки, потому утверждать что — либо опираясь на столь некачественную работу было невозможно.

— Стоп! — тайный полицейский хлопнул себя по лбу — Нам же сегодня выдали плакаты для расклейки с рожей этого самодержца, они в машине ещё остались! — он полез в машину и, вытащив пачку плакатов, вернулся к напарнику.

И тут, уж, тайные полицейские с одого взгляда признали Его Величество, но, только, вместо того что бы припасть к стопам монарха, они закричали:

— Именем Беззакония, ты арестован! — и набросились на Короля.

— Прочь, псы шелудивые! — ревел Его Величество, но сотрудники ничего и слушать не желали, они заломили королевские руки за спину и заковали их в наручники.

— Клятвопреступники! — рычал, силясь вырваться Король — Вы кому присягу давали!

— Кому давали — у тех и забрали, — насмехались над монархом тайные полицейские.

— Не имеете права, холопы! — не унимался августейший — Это, только, мне — Королю, позволено от своего слова отказываться!

Тайные полицейские подтащили, упиравшегося монарха, к багажнику машины и, без церемоний, погрузили августейшее тело на дно багажника, совершенно не подготовленного для приёма такой знатной особы.

Король завалился в кучу рабочего инвентаря, столь необходимого в службе тайной полиции — моток верёвки с привязанным к одному из концов камнем, наполовину пустой мешок с цементом, штыковая лопата и лопата — грабарка, две бейсбольных биты, удавка из нейлоновой лески, кастет с шипами, пара чёрных лайковых перчаток, пять балаклав, противогаз со следами крови, да вообще, всё самое необходимое в борьбе с вражеской подрывной деятельностью.

Не забыли тайные полицейские и зайцев, несмотря на их отчаянные крики:

— Нет, мы его не знаем! Мы не с ним! — зайцев за уши стащили с лестницы, в назидание ударив пару раз головами о ступени. Лапки у зайцев оказались слишком маленькими для наручников и находчивые тайные полицейские замкнули их одной парой наручников, надев по браслету на шею каждого, а после, забросили в багажное отделение к Королю.

Ни зайцы, ни Его Величество не могли видеть какой дорогой их везут, лишь по ударам о корпус автомобиля, они догадывались, что кого — то сбивают, и за весь путь таких ударов

было немало, один раз, даже, удалось протаранить пассажирский автобус, это арестованные поняли из той цензурной части слов, что выкрикивали из окон тайные полицейские, прежде чем открыть стрельбу. Стреляли, тоже, предостаточно, иногда, просто в воздух. Вобщем поездка выдалась насыщенной.

О том, что наконец приехали, Король и зайцы поняли, когда открылся багажник и несколько десятков рук вытащили арестованных из автомобиля.

По всей видимости о прибытии особо важных арестантов в тайной полиции были оповещены заранее, ибо Короля и зайцев поджидал надёжный эскорт из несколько сотен тайных полицейских и, даже, спецназа со шмайсерами. Хотя, скорее всего, им, просто, было нечем заняться.

Толпа служивого народа обступила арестованных, топча им ноги и давя их грузными пузами со всех сторон. Король задрал вверх голову, что бы сделать глоток свежего воздуха и увидел, что они находятся у подножия чёрной башни. Близо, тучи окружавшие вершину башни выглядели, ещё, более грозно, молнии так и сверкали, иногда попадая в кондиционеры закреплённые на каждом из окон сотен этажей, и, по всей видимости, служившие громоотводами. Внизу же кружили стаи летучих мышей, они носились с диким визгом, задевая головы тайных полицейских, а одна, даже, угодила Королю Многоземельному, прямо, в рот, когда он пытался глотнуть воздуха. Король не растерялся и откусил рукокрылому голову.

Арестованных протянули по лестнице из чёрного мрамора и затащили в холл здания, просторный, уставленный кадками с завявшими цветами, бильярдными столами, столами для покера и автоматами со сладкой ватой. Тут же Короля и зайцев втокнули в кабину лифта, обитого изнутри алым шёлком и повезли на двухсотый этаж в кабинет начальника тайной полиции.

Когда арестованных втокнули в кабинет, то, даже, выдавший виды Король ахнул. Кабинет начальника занимал полностью весь этаж и в нём было всё чего душа не пожелает. Первым в глаза бросалось настоящее футбольное поле с аккуратно подстриженным газоном, начальник сам в футбол не играл, но любил вместе с друзьями скоротать часик другой за просмотром матчей, специально для которых привозились заграничные команды уровнем не ниже серии А. Был тут и теннисный корт, в него — то начальник любил поупражняться самолично, но достойных соперников, опять же, приходилось искать за рубежом, как правило среди призёров Большого шлема или финалистов Уимблдона. Имелся олимпийский бассейн для соревнований на большой воде, и, даже, сейчас в его водах весело плескались модели из журнала Hustler. Короче говоря, начальник тайной полиции был заядлым спортсменом, а как же после таких нагрузок да не расслабиться, восстановить истраченные силы? На этот случай, тоже, было всё предусмотрено — ванны джакузи, массажный стол, креосауна и, даже, соляная шахта, построенная итальянскими мастерами, из неё — то и вышел сам начальник, отдыхавший от трудов праведных, и на плоском лице его с приплюснутым носом и крошечным ртом, обросшим, модно подстриженной бородкой, читалось раздражение от того, что он был прерван на самом интересном месте.

Появившийся из неоткуда лакей поднёс начальнику розовый шёлковый халатик и тот, расставив руки, позволил одеть своё морщинистое тельце, похожее на лысого зверька с коротеньким хвостиком.

— Что это за голодранцы? — начальник тайной полиции сквозь полуприкрытые веки покосился на приведённых арестантов — Не могли с ними без меня разобраться, что ли?

Задушили бы их шарфиком и вся недолга, прошло бы как самоубийство.

— Никак не могли! — отрапортовал тайный полицейский приложив указательный палец к виску — Дело требует вашего личного рассмотрения, — он подал начальнику плакат с фотоизображением Короля Многоземельного.

— Это меняет дело, — задумчиво произнёс начальник тайной полиции, полностью открыв веки, он пристально поглядел на Короля и повелел — следуйте за мной, — сам начальник уселся в гольф — кар и плавно покатил по кабинету.

Арестованных потащили следом. Зайцев несли за уши, а вот Короля пришлось поставить на ноги, так как, даже, десяток мордастых тайных полицейских не могли долго нести бесценное королевское тело, и теперь, августейший был вынужден идти рысью, регулярно подгоняемый в спину ударами электрошокеров.

Они пересекли мини — аллею из, растущих в кадках, фиговых пальм, с весело скачущими по ним озорными мартышками, подвергшими арестованных и их конвой мощному фекальному обстрелу, и достигли рабочего стола начальника.

Огромный стол красного дерева на толстых ногах — колодах, покрытый зелёным сукном был уставлен Недопитыми бутылками шампанского и хрустальными бокалами. Рядом со столом стоял чёрный рояль за которым восседал прокурор во фраке. Начальник тайной полиции подал ему сигнал рукой и прокурор мягко коснулся клавиш, заиграв лайт — версию знаменитой композиции «Мурка».

— Что ж, — начальник тайной полиции вальяжно развалился в кресле обтянутом мехом белого медведя — начнём, пожалуй, с обыска. Выверните этим оборванцам карманы!

— Не смей, обыскивать короля! — Его Величество забился в руках тайных полицейских, пытаясь не дать им обшарить карманы.

— Это кто у нас тут такой недотрога? — нахмурился начальник тайной полиции — Хочешь в пыточную попасть, раньше времени?

— Меня в пыточную?! — Король расхохотался — По закону не имеешь права! Я знаю закон, ведь это я его придумал! Благородных и состоятельных господ пытать строго запрещается! Пыточные цеха предназначены, исключительно, для черни!

— Ну а ты кто, по — твоему? — начальник дерзко усмехнулся в лицо Королю.

— Я — Король Многоземельный! — крикнул разозлённый монарх — Господин всех господ, повелитель сей земли и помазанник божий! Пади же на колени пре виде меня!

Тайные полицейские едко, по — гиеньи, захихикали.

— Что вы такое говорите? — притворно взволновано заговорил начальник — Король? А мы, знаете ли, вас за холопа приняли, чуть, уж, вас пытать не начали, а вы — то, оказываетесь, — король!

— Да — это я! — Его Величество не понял салдафонского юмора и ждал, что сейчас все начнут целовать ему ноги, вымаливая пощады.

— А доказать как — то можете? — вкрадчиво спросил начальник тайной полиции и его тонкие губы расплылись в улыбке — Где ваш королевский кортеж из пятидесяти автомобилей? Или, может быть, вы прибыли к нам на собственном аирбасе?

Королю стало доходить, что над ним насмеются и королевские щёки залило румянцем гнева.

— Или вы, как истинный диктатор — клептоман, прибли на боевом истребителе? — продолжал потешаться начальник — А где ваши самосвалы, гружённые долларами США? Уж не попали ли они в затор? А почему на вас нет шубы из шкурок детёньшей нерпы и шляпы

из медвежонка панды? Где ваше сопровождение из уголовников, под видом охранного агентства? Они, уже, готовы штурмовать наше скромное учреждение?

Король не имея, что ответить, потупил взгляд.

— Ах, у вас ничего этого нет! — всплеснул пухленькими ручками начальник — Так выходит, голубчик, что ты есть самый обычный холоп, представитель низшего сословия, смерд и плебей! Так что дыба тебе светит, абсолютно, законно.

— Нет! Никогда! — вспенился Король, не в силах стерпеть таких оскорблений — Никогда я не был и не буду призренным хлопом, нищим наймитом! В моих жилах течёт благородная кровь! Кровь — богача и мота, не знающего ни скромности, ни ограничений!

— Где доказательства? — гнул своё начальник.

— Да у меня миллион доказательств! — не сдавался Его Величество — Чем угодно могу доказать, что не холоп! Если меня ударить — мне будет больно, если обругать — обидно, разве холоп способен такое чувствовать? Налейте мне дорогого шампанского и я выпью, подайте белужьей икры и, сами увидите, я её съем! А холоп бы не знал, что с этим делать. И откуда у меня желание отдыхать на Мальдивах и Сейшелах? Могут ли быть такие желания у гадкого хлопа? Конечно нет! У них одно желание — работать и обеспечивать мне и другим господам комфортное существование и больше ничего!

— Тебе бы в институте для благородных и состоятельных лекции читать, — хмыкнул начальник тайной полиции — но это всё философия — пустые слова. А вещественных доказательств, по факту, у тебя никаких и если ты будешь здесь выламываться, как сдобный пряник, я тебя на полчаса в пыточную отправлю, только тебе эти полчаса покажутся, как полгода, ты меня понял?

Король, узнавший за последние дни много нового, чего и не представлял, сразу же покорно кивнул, уж очень он не хотел попадать в пыточную, хотя, сам, отправлять туда любил и часто.

У Его Величества стали изымать содержимое карманов, а один тайный полицейский, вооружившись пером и бумагой составлял список изъятого.

Первыми вытащили несколько пшеничных зёрен, которые запали в королевский карман во время приключений Короля на поле.

— Что это? — спросил начальник и ему поднесли зёрна поближе — Ага! Разорял господские поля! Сосчитайте количество зёрен, если окажется больше семи, то ему не сдобровать!

Тут у Короля вынули коробок спичек.

— Так ты ещё и поджигатель?! Пироман? — воскликнул начальник — Признавайся — хотел поджёги устраивать?

— Конечно хотел! — гордо сознался Король — И устроил бы, но, мерзавцы, помешали.

— А знаешь ли, что тебе за это полагается? — спросил, перегнувшись через стол начальник.

— Знаю, — уверенно ответил Король — звание героя и именной биографический фильм.

— Действительно знаешь законы, — начальник было опустился в кресло, но тут из королевского кармана извлекли толстую пачку банкнот.

Начальник быстро схватил деньги и спрятал их в верхний ящик стола.

— Не записывай этого, болван! — одёрнул он тайного полицейского ведшего опись изъятого и собиравшегося занести в список и обнаруженные у арестованного денежные

средства.

У зайцев при обыске не было найдено ничего важного и начальник тайной полиции снял трубку служебного телефона. Когда из трубки ответили, начальник весь преобразился, мгновенно у него ни стало ни надменности, ни барского высокомерия, он привратился в мягкого, обходительного, скорее не человека, а миленького котёнка.

— Да — да, разлюбезнейший Амтих Амтихович, — заливался соловьём начальник — он у меня. Да, абсолютно, точно — это он. Да, он предоставил неопровержимые доказательства, нет никаких сомнений — это наш потерянный государь. Хи — хи! Чего изволите с ним произвести? Я бы его в пожизненное батрачество определил, это будет похуже смертной казни. А вы что предлагаете? Ага, вот так! Ну что же, всё исполню в лучшем виде не извольте беспокоиться, вы же знаете у нас богатый опыт. Не, беспокойтесь, не засветимся, мы не в Англии, никто ничего не узнает. Хи — хи! Всего доброго, искренне ваш! — начальник положил трубку и его лицу вернулось прежнее выражение и голос обрёл былую хамовитость — Расковать арестованных! — приказал он.

Тут же с Короля и Зайцев сняли наручники и, даже, любезно подали три курульных кресла времён директории, на которых бывшие арестанты, с удовольствием разместились, предвкушая неожиданное улучшение ситуации.

— Ваше Величество, — обратился к Королю начальник тайной полиции — к счастью для всех, мы убедились в подлинности вашей личности, что есть, лично для меня, огромным счастьем. Мы вас объявили в розыск, но не просто так, а с целью просить вашего восстановления на престоле.

Король поглядел на Зайчиху с выражением — «А я тебе говорил!»

— Народ жаждет, алчет, покорности своему исконному государю, — тараторил начальник — прямо сейчас, если вы не откажите, мы специальным рейсом доставим вас в столицу, где все феодалы страны, вновь, присягнут вам на верность!

— Разрешаю, — благосклонно произнёс Его Величество.

— Ваши спутники отправятся с вами? — справился начальник у Короля.

— Нет, — ответил монарх — они мне более без надобности.

— Очень хорошо, — начальник потирал ручки — а теперь, по случаю такого праздника, разрешите поднести вам бокал шампанского, — и не дожидаясь ответа он, с хлопком, откупорил бутылку.

Игристый напиток был разлит по трём высоким бокалам, но начальник не спешил, подносить их гостям. Он, надев медицинские перчатки, порывлся в нижнем ящике стола, извлёк из него большую стеклянную банку, заполненную порошком сероватого оттенка и столовую ложку. Скрутив с банки крышку, начальник набрал полную, с горкой, ложку порошка и насыпав его в бокал, тщательно размешал.

— Это, что бы было вкусней, — улыбнулся он Королю и положил, ещё, по ложке в каждый бокал и, собственноручно, роздал гостям.

Королю банка почему — то сразу не понравилась. На ней была наклеена этикетка с надписью большими буквами, но Его Величество, никогда не тратил времени на изучение грамоты и потому надпись была для него загадкой, спрашивать у зайцев было бесполезно, так как обое были близоруки, а очки у Зайчихи были с треснутым стеклом. Но, помимо надписи, на этикетке были изображены череп и две перекрещенных кости — это и насторожило Короля. Должно быть порошок был сделан из толчённых костей. А кто знает проходили ли они санитарную обработку? И если проходили, то какого качества? Потому,

приняв бокал, монарх не спешил его пригубить, и поглядел на зайцев, тоже получивших шампанское.

Для Зайчихи, само добавление вкусовых добавок было достаточным аргументом, что бы воздержатся, а вот Заяц, в виду того, что имел страсть к алкогольным напиткам, оказался не так брезглив и сразу уткнулся носом в бокал, но выпить не успел, так как сестра зарядила ему крепкую затрещину.

— Чего!?! — возмутился Заяц, потирая ушибленный затылок.

— Не трогай его, — остановил Король Зайчиху — пускай выпьет, — и стал внимательно глядеть на Зайца.

Тут, уж, и косой заподозрил неладное.

— Только после Вашего Величества, — со всей скромностью предложил он.

— Пей, я тебе приказываю! — гаркнул на Зайца Король.

— Простите, я — непьющий, — соврал в ответ Заяц.

— Хватит! — оборвал их выкрик начальника тайной полиции — Не хотите не пейте, — успокоившись добавил он — но, хоть, пирожных откушайте, — на столе стояла фарфоровая тарелочка с десятком брауни из тёмного шоколада, начальник вынул из кармана халатика маленький шприц с тоненькой иглой и проткнув верхнее пирожное, начинил его содержимым шприца, потом взял тарелочку и, с поклоном поднёс Королю.

Его Величество занес ладонь над пирожными, немного покружил и, было, схватил толстый брауни из нижнего слоя, но начальник ловко перехватил королевскую руку за запястье и положил на верхнее пирожное, которое он, только что, начинил секретным снадобьем.

— Не хочу, — буркнул Король, который начинал чувствовать и здесь какой — то подвох.

— Дайте мне! — вскочил со своего стула Заяц и потянулся за брауни, но сестринский подзатыльник вернул ему разум, и он, бормоча под нос, мол, не выпить, не закусить не дают, — вернулся на место.

Король продолжал хмуро смотреть на протянутое ему угощение и расплывшегося в улыбке подобострастия начальника, как, вдруг, в голову ему пришла блестящая идея, он резко выдернул, упорно настраиваемую начальником в нужном направлении, руку и, наотмашь, хлестанул того по щеке.

Начальник тайной полиции побагровел от злости и ударил тарелочкой об пол, хрупкий фарфор разлетелся на тысячу осколков, разбитые брауни расплзлись тёмно — коричневыми пятнами. Только сейчас, посмотрев на зря погибшие пирожные, Король и зайцы разглядели, что пол под их ногами был, из совершенно прозрачного толстого стекла, под которым в огромном, заполненном голубоватой водой бассейне, плавала стая белых акул, их спинные плавники то и дело выныривали из под ног Короля, этот элемент интерьера был перенят начальником тайной полиции у министра доходов и сборов.

— Вы что думаете — перехитрили тайную полицию!?! — заорал в бешенстве начальник — Думаете мы тут зря свой хлеб едим!?! У нас есть все наработки, разработки, находки! За нами многолетний опыт тайной службы, видимой всеми! Именно мы изобрели абсолютный метод, работающий всегда и везде, это — венец наших способностей, квинтэссенция тайного мастерства и ответ на все проблемы, разрешение любых оперативных задач, — начальник прижался своим приплюснутым носом к горбату мясистому носу Короля и злобно прошипел — и ты, сейчас, испробуешь его на себе! — он отскочил к столу и трижды

нажал на незаметную кнопочку вмонтированную сбоку стола.

Завыла сирена, замигали красные огни, в центре кабинета открылась круглая крышка люка, и, покрытый клубами, визжа и сыпля снопы искр, из него поднялся титановый лифт, его дверцы с лязгом распахнулись и выпустили шесть фигур в жёлтых костюмах изолирующей химзащиты и свинцовых жилетах.

— Теперь ты не выкрутишься! — ликовал начальник тайной полиции, от радости он пританцовывал перед Королём, невольно демонстрируя августейшему все свои прелести, выскакивавшие из — под короткого халатика.

Но заплясал не один начальник, шесть фигур в химзащите, тоже, начали выдавать грациозные па, к ним присоединились и сотрудники тайной полиции, трясая медвежьими шапками. Все они пустились хороводом вокруг Короля и зайцев, подкидывая ноги выше головы, не хуже чем в каком — нибудь кабаре, Заяц, даже, принялся аплодировать в такт, изо рта, обильней обычного, потекли слюни и он стал радостно приговаривать:

— А где девочки? Когда будут девочки?

Но танцами дело не ограничилось — это было, только, начало.

Начальник, высоким фальцетом, затянул песню, а остальные подхватили её хором басов, это был гимн тайной полиции:

На страже Родины стоим,
Не пьём, не спим и не едим!
На мерседесах и в версаче,
Ведь нам никак нельзя иначе!
Покой отчизны бережём,
Мы год за годом, день за днём!
Проникнем мы во вражий дом,
И угостим его ведром!
Да не простым и не пустым,
А полным ядищем густым!

Начальник тайной полиции запрыгнул на стол, залихватски топнул ногой и по этой его команде сотрудники дружно затянули припев:

Эй, не ссы! Эй не ссы!
Яду всыпь ему в трусы!
Нас прикроют, не сдадут,
Травим мы и там и тут!

И, нужно признать, их слова не разошлись с делом — в руках у химзащитников замелькало пластиковое ведро до краёв наполненное серым порошком, они перекидывали ведро друг другу, просыпая порошок на стеклянный пол, в котором он с шипением и дымом проедал дырки.

Тайные полицейские, внезапно, всем скопом навалились на Короля, схватив его за ноги и за руки, подняли с кресла и понесли к столу.

— Сюда его драгоценного! — начальник радостно подскакивал.

Августейшего разложили на поверхности стола, как на андреевском кресте и, уже, занесли над ним ведро с отравой.

— В гульфик, главное, сыпьте побольше, не промахнитесь, а не то всё пойдёт насмарку, — напутствовал начальник своих подчинённых.

Тайные полицейские задрали подол королевской хламиды до самого пупа и в ужасе

ахнули. На короле не было исподнего!

— Батюшки! — простонал начальник — Он без трусов! Как жить!

Все тайные полицейские в отчаяньи отпрянули от Короля и, сбившись в кучу, дрожали как листочки на ветру.

Что — то звякнуло — это агент в химзащитном костюме, нечаянно, опрокинул ведро с ядом. Отрава высыпалась на пол, прожигая стеклянный пол, как весеннее солнце залежалый снег. Со скрипом и хрипом по полу побежали трещины и, вся агентура, с плеском, провалилась в подпольный бассейн. Акулы набросились на бултыхавшихся, как в ополонке, сотрудников. Вода закипела, окрасившись тёмно — красными тонами.

Король слез со стола, поправил подол хламиды и, поглядев на зайцев, имевших крайне угнетённый вид, сказал:

— Глупцы, со мной вам нечего бояться, ибо я — Король! — утешив таким образом косых, он открыл верхний ящик стола, вытянул конфискованую у него пачку денег и вернул обратно в карман.

Порывшись, ещё, в стопках документов, в поисках чего — нибудь полезного, Его Величество нашёл ключи от личного автомобиля начальника тайной полиции, позвеневав ими в воздухе, монарх швырнул их Зайцу со словами:

— Назначаю тебя персональным извозчиком Короля!

Автомобиль PORSCHE Cayenne S чёрного цвета летел по вечерней улице, ни светофоры ни полицейские не смели прервать полёт стальной громады. Пассажирские автобусы, маленькие, как собачьи будки, спешили дать дорогу, не сбрасывавшему скорости PORSCHE, трусливо съезжали на обочину таксисты, да и все остальные участники дорожного движения, тоже, старались не оказаться на пути у машины с номерами тайной полиции.

Громкая музыка, орущая из салона PORSCHE, заблаговременно предупреждала о его приближении. Играло радио «Шансон», сидевший за рулём, Заяц выкрутил громкость на полную и высунув левую лапу по плечо, из окна, показывал всем встречным неприличные жесты, в зубах косою пожёвывал кончик кубинской сигары, целую коробку которых он нашёл в машине, так что вид у него был самый, что ни на есть солидный, да и как тут может быть иначе, за рулём PORSCHE любое говно будет выглядеть солидно. Возможно оттого данная марка автомобили и пользуется повышенным спросом у определённой категории граждан.

Что бы, по — настоящему, порадовать душу Заяц выехал на тротуар и погнался за пешеходами. Его забавляло как на аналоговом табло ночного видения в момент опасного приближения человеческие фигурки загорались красным цветом, словно в игре.

— Дави их, гадов! — визжала от восторга, сидевшая рядом Зайчиха и в окно громко крыла матом трусливо разбежавшихся людей, призывая их быть смелее и не бояться страшной смерти.

Такое интересное времяпровождение могло бы, ещё, долго не наскучить зайцам, но, развалившийся на заднем сидении Король велел везти к ресторану.

Заяц и сам был не против, ни ел он с самого утра и в животе, уже, гулко урчало, пора было подкрепиться.

Ресторанов в центре города было хоть отбавляй, Заяц выбрал тот, у которого была самая яркая иллюминация и парковка забита автомобилями не хуже ихнего.

Стоило Заяцу остановиться, к машине тут же подбежали швейцары и парковщик. Швейцары с поклоном открыли приехавшим дверцы и из машины вышел Его Величество, одетый с иголочки, он только что купил в модном бутике новенький дорогуший ярко — красный костюм, спортивный. Король гордо поглядел по сторонам, затем на угодливую физиономию швейцара, уже, пожилого, с седой бородкой, лишённый пенсии, он вынужден был пойти в швейцары, что бы хоть как — то, впроголодь, дожить оставшиеся годы. Его Величество дал швейцару в протянутую ладонь медный грошик и, в придачу, хорошую пощёчину, что у того, аж, фуражка с головы слетела, обнажив полысевшую голову.

Швейцар пробормотал слова благодарности, поднял упавшую фуражку и просил дорогих гостей следовать за ним.

Под дверями ресторана паслась стайка ярко разодетых дам, у каждой между пальчиков по тонкой сигарке, завидев подходящую группу гостей, только вышедших из PORSCHE Cayenne, дамы оживились и обступили их полукругом.

— Ах, какие красавцы! — чирикали дамы — Глаз не отвести!

Заяц выпучил маслянные глаза, от такого внимания у него выпала изо рта сигара, и чуть не прожгла новый жилет, небесно — голубой в фиалках, который Король, только что купил ему, так как Величество не мог терпеть, что бы его лакеи не имели должного вида, одна ливрея королевского лакея должна стоять, как две деревни вместе с хлопями, и, пока, на

такую ливрею, временно, не имелось средств, Король обрядил Зайца в самый дорогой жилет, который нашёлся в бутике, да ещё, в машине были золотые карманные часы на цепочке, теперь ставшие аксессуаром к костюму Зайца.

Окружённый дамами, Заяц принялся отпускать плоские шуточки, помахивая цепочкой, свисающей из кармана. Дамы кокетливо хихикали над шутками Зайца, а когда он вынул золотые часы, якобы поглядеть который час, дамы просто пришли в восторг от его остроумия.

Зайчиха, наоборот, оказалась недовольна повышенным вниманием к брату со стороны женского пола. Король не оставил и её без обновы, вместо разбитых очков Зайчиха получила позолоченный лорнет с костянной ручкой и на цепочке. Этот самый лорнет Зайчиха прикладывала к глазам, когда хотела выказать кому — либо высшую степень признания. Сейчас она, вообще, не отрывала лорнет от глаз, негодующе осматривая порхающих, как бабочки дам.

Тем временем дамы, обступив Короля, щебетали:

— Ах, какой! Ах, какой!

Хочешь мы пойдём с тобой?

Отвечал на то Король:

— Хорошо идите,
мой ужин оплатите!

Дамы возмутились,

Аж перекинулись:

— Не согласны мы платить,
Можем только есть и пить!

И о большем не проси —

По домам нас развези!

Тут подбежал, ещё, один швейцар, вооружённый пульверизатором с водой, и пшикая, стал отгонять дам от Короля.

— Кыш! Кыш! — покрикивал он — Пропустите! Сей господин не желают вас брать с собой! Подождите, вечер, только, начался, ещё много гостей будет, кто —нибудь вам да попадётся!

Король поспешил проскочить за дверь ресторана, пока назойливые поклонницы, снова не обсели, и один Заяц высказывал сожаление:

— Эх, надо было взять хотя бы парочку!

— Успокойся! — унимала его сестра — Тебя и так за твою жизнь должны были сто раз на алименты поставить, так ты хочешь на старости лет всё же влететь?

— Детки мои детки, — вздохнул Заяц — где — то вы теперь? Небось совсем большие стали...

— Хочешь увидиться с ними? — удивилась Зайчиха.

— Что ты! — отмахнулся Заяц — Просто пара десятков здоровых лбов, уже, повыростали, могли бы и старому отцу материально помогать.

— Ну да, ты же им так помогал, когда маленькие были, — усмехнулась Зайчиха — мамок ихних, с мужьями, с работы не выгнал, благодетельствовал! А они о тебе и не вспоминают.

— Неблагодарные, — снова вздохнул Заяц.

Перед входом в банкетный зал Короля и зайцев встретил официант.

— Мы очень рады видеть вас в нашем заведении! — приветствовал он гостей и отвесил низкий поклон каждому, а Его величество в ответ отвесил ему смачную пощёчину и потребовал:

— Подать мне лучший столик!

— Прошу, — официант, потирая ушибленную щёку, распахнул дверь пред гостями.

Банкетный зал был погружён в интимный полумрак, из развешенных по стенам колонок гремела музыка, на пилонах, под одобрителный гул, крутились стриптизёрши. Посетители ресторана, седые и лысые, с большими животами и в дорогих костюмах, а иные, уже и без них, громко орали, стараясь прекричать друг друга и музыку, обливали шампанским своих спутниц, плясали на столах, подбрасывая в воздух пачки стодолларовых купюр, которые медленно, как осенние листья, осыпались на пол, где их быстро подбирали проворные дамы, подбадривавшие своих разгулявшихся кавалеров.

Короля и зайцев усадили у высокого окна, обрамлённого снаружи мигающими лампочками, из которого были видны редкие прохожие возвращавшиеся домой после дневной рабочей смены, серые и безжизненные их фигуры, забавляли Короля, место ему понравилось.

От чтения меню Его Величество отказался, приказав:

— Неси всё самое лучшее!

— И водку не забудь, паршивец! — крикнул вслед убежавшему официанту Заяц.

— Сильно — то на водку не налягай, — посоветовала ему сестра.

— Не учите! — отмахнулся от неё Заяц — Под закусон почему бы и не напитокся? Жалко, мы тех девок не взяли, могли бы устроить хорошую оргию. Может я сбегать позову? — он с надеждой посмотрел на Короля.

— Мне достаточно и двух дармоедов за моим столом, — огорчил отказом Король.

Кушанья за королевский столик были поданы моментально — лобстеры, фуа — гра из печени садистски уморенного гуся, морские гребешки, устрицы, алмазная икра и, даже, язык краснокнижного зубра — стол ломился от изобилия, а, к вящей радости Зайца, был подан большой запотевший графин с водкой. Зайчиха присёрбывала крепкий бразильский кофий, разбавленный пополам с пятизвёточным коньяком. Король, вообще, спиртного не употреблял, и без того был дурак.

— Стой перед столиком! — приказал Его Величество, уже, собравшемуся бежать по своим делам официанту — Я люблю, что бы во время трапезы мне в рот смотрели голодными глазами!

Официант, было, пытался оправдаться, что не может этого исполнять в виду высокой загруженности, но тут в дело вмешалась Зайчиха. Она вызвала администратора и глядя на него, через лорнет, потребовала немедля вышвырнуть дерзкого официанта, или как она выразилась «провести сокращение штата». И никакие уговоры, попытки уразуметь и как — то смягчить строгую Зайчиху не помогли. Официанта вышвырнули, даже, не дав забрать свои вещи, при чём Зайчиха не поленилась лично это проконтролировать.

После разрешения проблем с персоналом, наконец приступили к ужину, хотя Заяц, уже, успел опрокинуть пару рюмок.

Кушали с большим аппетитом, чавкали, громко срыгивали, приставленный к столику официант не успевал утирать Зайцу слюни, и за нерасторопность получил от Короля с десяток пощёчин.

— Ты — славный король! — Заяц, изрядно охмелев, пустился в разговоры — Но

затеянное тобой дело не выгорит! Это я тебе точно говорю! В королевстве твоего тестя произошла революция, так что он уже давно не король, как и ты...

Полученная информация насторожила августейшего, так что он, даже перестал жевать, и с раздутыми щеками уставился на Зайца, а тот продолжал:

— Да, вот такие дела, извини, что сразу тебе не сказал, как — то из головы вылетело, да и дел других у нас хватало, — он выдохнул и накатил полную рюмку, поморщился и закусил ложечкой крупнозернистой икры — тесть — то твой, он — не дурак, хоть и тебе целое королевство пожаловал, он собирался выборы купить и на престоле реставрироваться, но мы с твоей жёнкой, по — твоему, между прочим заданию, выкрали деньги предназначенные на это мероприятие. Так что остался твой тестюшка без средств, вот так — то!

— А я тебе, дураку, говорила — не продавай гречу, попредержи до осени, могли бы крепостниками стать, — проворчала злопамятная Зайчиха и презрительно поглядела на Короля через лорнет.

Его Величество с трудом проглотил непережёванное мясо лобстера, в животе заурчало, он почувствовал, что из — за стресса съеденное подошло к выходу раньше положенного.

— Проводи меня в сортир, мерзавец! — приказал Король официанту и швырнул на пол батистовую салфетку — Я надеюсь у вас там имеется в наличии человек, который будет смотреть как я справляю нужду, ибо, даже, за отправлением естественных надобностей нужно давать понять хлопам кто они есть в этой жизни!

Официант заверил Его Величество, что такой человек в сортире имеется, и, поддерживая Короля под локотки, повёл августейшего в туалет. По пути Король надавал пощёчин попадавшим под руку официантам, из — за чего один из них выронил поднос с супницей полной горячего бульона и обварил себе ноги, но при этом не забыв принести Королю извинения за свою неаккуратность.

Когда Король с сопровождавшим его официантом исчез из поля зрения, Зайчиха сказала брату:

— Это наш последний шанс урвать, хоть, что — то. На деньги, уже, надеяться не приходится, но остаётся ещё Porsche, мы можем его продать, выручку разделим пополам, нам этого хватит на безбедное существование до конца дней, — она залпом допила свой кофий и пристально поглядела на брата — но нужно уходить сейчас, пока Его Величество заседают в уборной. Как ты на это смотришь?

— Очень замечательно смотрю, — Заяц еле ворочал языком — чего и вам желаю, сестрица, — он щёлкнул устрицей сестре по носу и глупо захихикал.

— Так ты идёшь? — раздражённо спросила Зайчиха.

— Всенепременно! — Заяц опустошил рюмку водки и вытянув из кармана окуроч сигары полез его прикуривать от свечи, стоявшей в центре столика, но поскользнулся, перевернул соусницу, перецепился через неё задней лапой и рухнул на пол, уцепившись за скатерть, от чего блюда стоявшие на столике посыпались вслед за ним.

— Нализался скотина, — пробурчала Зайчиха, поняв, что утрачена последняя возможность поправить материальное состояние, сама она, увы, водить не умела.

Заяц сидел на полу с самым довольным видом, весь облитый подливами и соусами с клешней лобстера на голове.

Официанты, едва заметив такую неприятность, бросились поднимать Зайца и очищать его от объедков, специальным раствором пытались вывести жирные пятна на жилете.

Заяц же им на это отвечал, тараща глаза и жуя не прикуренную сигару:

— Я не позволю так с собой обращаться, я этого не потерплю! Вы все будете у меня писать объяснительные!

Но тут внимание Зайца привлекли трое дамочек, сидевших за столиком неподалёку, весь вечер cedивших одну чашечку чаю на троих, и бросавших на косого роковые манящие взгляды. Заяц оттолкнул от себя суетившихся вокруг него официантов и вальяжной походкой, покручивая на пальце золотые часы, отправился на поиски амурных приключений.

Официанты быстро убрали беспорядок, застелили столик новой свежей скатертью и подали десерт — трёхярусный бисквитный торт и шарики мороженого в шоколадных стаканчиках, да, в придачу, бутылку французского ликёра Кюве дю Сантенер.

Зайчиха, уже, изрядно переевшая лениво ковыряла шарик мороженого, когда в банкетный зал вернулся Король. Она сразу заметила его громадную фигуру шагающую между столиками в сопровождении официанта.

Один из посетителей, изрядно набравшийся, разделся по пояс, и, потрясая телесами, исполнял какой — то активный танец, на свою беду он нечаянно преградил дорогу Его Величеству. Даже со своего места Зайчиха смогла разглядеть как карающая длань августейшего опустилась на круглую хомячью щёку полуобнажённого наглеца, но наглец на то и был наглецом — не задумываясь ни секунды, он дал Королю кулаком в глаз.

Его Величество, по всей видимости, расценил произошедший обмен любезностями невыгодным для себя и поспешил удалиться.

— А где второй делся? — спросил Король у Зайчихи, занимая своё место за столиком.

Зайчиха молча указала пальцем на брата — тот задорно выплясывал вприсядку, не выпуская изо рта неприкуренную сигару, вокруг него, как можно сильнее прижимаясь к старческому телу, пританцовывали три юных дамы.

— Развратничает холуй, — оценил ситуацию Его Величество и приложил шарик мороженого к подбитому глазу.

— Это нам на руку, — Зайчиха постаралась проникновенно поглядеть Королю в глаза, вернее в один глаз, так как второй был скрыт за шариком мороженого и спросила — ты водить умеешь?

— Всё что угодно! — ответил монарх катая ледяной шарик по скуле — Самолёты, дерижабли, даже космические шатлы имею право пилотировать, у меня и почётная грамота заслуженного астронавта есть, мне её при посещении королевской академии космических наук вручили за развитие мирового космопланеризма.

— Автомобиль ты умеешь водить? — уточнила свой вопрос Зайчиха.

— Конечно, я — почётный гонщик и бессменный чемпион гоночного ралли Королевства Многоземельного.

— Очень хорошо, — Зайчиха зачерпнула десертной ложкой белковый крем с торта и отправила себе в рот, проглотив взбитую массу она продолжила — мой брат, он, хоть и дурак, но в данном случае мы должны отнестись к его словам со всей сурьёзностью.

— Ты это о чём? — не понял Король — Тоже считаешь, что нужно было тех девок с улицы с собой взять и устроить оргию?

— Что? — Зайчиха похлынулсь кремом, который она объедала с торта — Нет! Я про то, что твой тесть, уже, не государь в своей державе и прёмся мы к нему совершенно напрасно. Гречу мы, уже, потеряли, но у нас, ещё, остался Porsche — он стоит хороших денег. Давай, пока, этот идиот — мой братец, занят — сбегим! Машину продадим, деньги поделим

пополам. Там, если, у тебя такое неодолимое желание, можешь на них и к тестю поехать, поездом.

Но Зайчиха не знала, что в уборной комнате с Королём произошли такие вещи, которые здорово подняли его дух, начисто убив в нём упаднические настроения, начавшие было поднимать голову, а именно, в туалете, таки, был специальный холоп, смотрящий на то как клиенты заведения справляют естественные потребности и Король заставил его внимательно посмотреть! И сопровождавшего официанта, тоже, заставил! А, самое главное, по окончании, Его Величество велел им хорошенько себя подтереть и куда они девались — подтёрли как миленькие! Ничего в мире не даёт большего осознания собственного величия, чем подтирание хлопами твоего зада! Они морщатся, кривятся, плачут, но трут, и в этот самый момент — ты на вершине мира! Короче говоря — Король, вновь, был настроен по — боевому.

— Ты моего тестя плохо знаешь, — сказал Король Зайчихе.

— Да я его, вовсе, не знаю, — напомнила та.

— То — то и оно! — Король надкусил шарик мороженого, которым растирал ушиб — Это такой скряга и скупердяй, ты и представить себе не можешь! Он сразу же не захотел отдавать мне королевство, как только меня увидал!

— Удивительно, кто бы мог такое представить! — усмехнулась Зайчиха.

— Его скудость довела меня до того, что мне пришлось дать согласие на брак с его дочкой, лишь бы он раскошелился! — вспоминал Его Величество — Так, даже, тогда он упирался, не отдавал королевства. Довелось мне, по — настоящему, идти с Закатиглазкой к попу и обвенчаться по всем правилам, вот до чего довёл меня этот скаред. Но он всё равно не сдавался! Я соизволил взять за себя его дочь, а с него выхлопу — нуль! Я уже его и так и эдак, и по матери, и в три этажа! Короче ели из его жадных ручонки вырвал своё королевство, аж поседел! — Король погладил свои седые виски — Так что зная моего тестя, можно уверенно предполагать, что, уж, золотой запасец он — то где — то припрятал.

— Если бы у него был золотой запас — он бы выборы купил, — заметила Зайчиха.

— Ну значит, на росказни твоего брата, и внимания обращать нечего, — как неоспоримый аргумент заявил Король свою догадку — кроме того, я не могу ехать, как холоп, в общем вагоне. А вот на Porsche — это по — королевски! Это для меня!

Гуляли наши герои до полуночи. Заяц осушил бутылку ликёра вместе со своими новыми подружками, которые нахваливали косоногого, и целовали во все щёки, пытались они и Короля пригласить на танец, но Величество, после съеденного, был тяжёл на подъём, потому милостиво отказал.

Король стал чувствовать, как начали слипаться глаза и было решено ехать в отель.

— В нумера! — прокричал Заяц, так и невыпустивший изо рта неприкуренную сигару, и поглядел на циферблат карманный часов, хотя с пьяных глаз, уже ничего не различал.

Официант, принёсший счёт, имел неосторожность справиться, как понравилось Их Вличеству в заведении, в ответ на, что, августейший обматерил и его и всех служащих ресторана, призывая кары небесные на их головы.

— Скоты! — высказывал Король — Крохоборы! За такое дрянной сервис это вы мне платить должны, за то, что я всё это вытерпел! А вы, мерзавцы, ещё мне и такой счёт выкатили! За что? За жалкие просроченные объедки, котрыми побрезгует последний холоп! А мне, между прочим, деньги не с неба падают, я их зарабатываю в поте лица, не то что вы — лодыри и паразиты, привыкшие жить за чужой счёт!

Так что расплатился Король с официантом не одними банкнотами, но и тремя звонкими пощёчинами.

Швейцар проводил гостей до машины, на прощанье Король выдал и ему пощёчину, а Зайчиха высказала пожелание, что бы такой негодный швейцар был сокращён.

Заяц же напротив, покидал ресторан в самом развесёлом настроении, он шёл, еле переставляя лапы и лопоча что — то нечленораздельное, обеими лапами о прижимал к себе юных дам, а третья повисала у него на шее. Подойдя к автомобилю, Заяц, что бы занять место водителя, даже, не стал открывать дверцу, а запрыгнул через окно. Дамы, тоже, было попытались садиться в машину, но тут на них, грозно рыча и ошестинив усы прыгнула Зайчиха. Дамы испуганно отпрянули, а Зайчиха им грубо сказала:

— Денег нет!

— Но вы держитесь! — пожелал им напоследок Король и пнул водительское кресло, приказывая трогаться.

Заяц был настолько пьян, что сразу же забыл про то, что был с подружками и зажав педаль газа рванул по ночной улице, к счастью, уже, опустевшей, по пути врезаюсь в бордюры, выезжая на газоны, и, даже, снеся одну автобусную остановку.

Один раз в свет фар попал милицейский патруль, ловивший запоздалых путников. Заяц, несмотря на то что еле ворочал языком, высунул голову в окно и обматерил правоохранителей, что бы те не мешали проезду. Милиционеры тут же сбежали с тротуара на проезжую часть, пропуская Porsche.

Когда подъехали к отелю, изувеченный автомобиль потерял с треть своей стоимости.

Стоит ли говорить, что на ресепшене королевские пощёчины сыпались градом, а Зайчиха требовала от вызванного администратора увольнения всего персонала.

С большим скандалом Король и зайцы расселились по номерам. Его Величество взял себе лучший, пятикомнатный номер, а Зайцам снял один однокомнатный номер на двоих этажом ниже.

— Я бы вас в машине оставил ночевать, — сказал Король — но негоже государю вселяться без свиты.

Ещё долго на этаже, где заселились зайцы, раздавались визги горничных за которыми гонялся косоглазый сатир, а сестра его беспощадно драла их за волосы.

Его Величество измученный за день, даже не нашёл в себе сил вызвать персонал гостиницы, что бы разоблачить королевское тело и как был, одетый, рухнул на широкую двуспальную кровать, только сбросил с усталых ног пынеходы, которые, в придачу ко всем своим магическим качествам, ещё и легко снимались.

Величество едва успел смежить очи и тут же провалился в глубокий сон, сотрясая богатырским храпом весь этаж. Спал великий крепко, как и надлежит спать человеку чья совесть совершенно чиста.

О том что настало утро Королю сообщило внезапно включившееся радио, заиграв на полную громкость старую народную английскую песенку на политкорректный лад:

Всё для господ — земля и лес,

и солнце и вода,

И верю я, что никогда

не сгинут господа!

Король схватил радио с прикроватной тумбочки и швырнул через всю комнату. Приёмник врезался в стену и издав последний хрип — умолк.

Величество снова закрыл глаза, но сон, уже, не шёл. Гадское радио таки разбудило августейшего. Король открыл глаза и лежал глядя на своё отражение в зеркальном потолке. Вчера вечером Король до того переел, что, даже, сейчас он чувствовал тяжесть в животе, возвышавшимся, как величественный курган из под растёгнутой мастерки. Монарх положил ладони на пузо и оно отозвалось жалобным урчанием.

— Эх, — подумал Король — и никакой сволочи нет, что бы послать за минералкой, придётся самому идти.

Он, кряхтя и матерясь, подкатился к краю кровати и сел. С трудом, поддерживая многопудовое пузо обеими руками, он обул пынеходы и прошёл в комнату с барной стойкой, на которой стоял маленький чёрный абсорбционный холодильник. Король открыл его — холодильник был забит бутылками с водкой и коньяком и, только, на дверной полочке завалилась одинокая бутылочка с минеральной водой. Король вытащил её и скрутив крышку с жадностью принялся пить из горлышка. Осушив всю бутылку государь громко срыгнул газ, и захлопнул холодильник. Только сейчас Король заметил, что на дверце холодильника был наклеян лист бумаги, пусть читать августейший и не умел, но цифирь знал и по их количеству на листе, он догадался, что это был прейскурант.

— Живоглоты, грабители! — обругал Король руководство отеля и тут ему вспомнилось о деньгах, ведь вчера, когда он купил кошелёк из крокодильей кожи, то запхнув в него наличность едва смог запихнуть его в карман спортивных штанов.

Величество сунул руку в карман и нащупал кошелёк, уже изрядно похудевший, и вытянул его, расстегнул и пошарив по отделениям, нашёл всего лишь одну измятую купюру.

— Славно погуляли, — грустно произнёс Король и, вдруг, его осенило — минибар! Ведь такой же может оказаться и в номере у зайцев!

Король аж подпрыгнул и выбежав в коридор, спустился в лифте на этаж зайцев, те, тоже, уже проснулись, прямо в коридоре Зайчиха за что — то отчитывала заплаканную горничную с растрёпанными косами, видно было, что их только что оттаскали.

— Величество, — встрепенулась Зайчиха при появлении Короля — эта мерзавка отвратительно убралась в коридоре, я приказала ей всё перемыть, а она отказывается! Будь любезен отхлещи её по роже!

Но Король молча прошёл мимо и влетел в заячий номер. Он опоздал. Сильно опоздал. Холодильник был распахнут настежь и совершенно пуст, кроме бутылочки с минеральной водой.

Пустые бутылки были разбросаны по полу, из большинства, по всей видимости, было сделано всего несколько глотков, на пробу, так что всё их содержимое было разлито цветными лужами, наполяющими комнату запахами этилового спирта вперемешку с разнообразными ароматизаторами, которыми так щедро разбавляют спирт, что бы сделать из него виски, коньяк или ром.

Посреди всей этой красоты валялся Заяц, раскинув лапы, мордой вниз. Из — под него расползалась широкая лужа, и, судя по аммиачному запаху, это был не алкоголь, ну разве, что, уже переработанный заячьим организмом.

Громко хлопнула входная дверь — вернулась Зайчиха.

— Я вызвала администратора и потребовала, что бы эту паршивку рассчитали! — похвасталась она — Ничто не придаёт поутру такой заряд бодрости, как лишить кого —нибудь средств к существованию.

— Ты бы, лучше, вот этому придала заряд бодрости, — Король пнул бесчувственную

заячью тушку.

— Зачем? К вечеру он сам отойдёт. Я эту паскуду знаю. Правда может и в запой уйти.

— Не уйдёт, — заверил Его Величество — денег не осталось. Поиздержался я вчера основательно.

— Болван! — обозвала Короля Зайчиха — Зачем же ты столько тратил? Рассчитать не мог, что ли? Ладно бы был пьяный, но ты же, вроде, и не пил вовсе.

— Да как я мог рассчитать, если я никогда в жизни этого не делал? — ожесточённо оправдывался монарх — Завсегда я брал всего сколько хотел, о расходах никогда заботы у меня не было.

— Два села с хлопами спустить за один вечер, — Зайчиха удручённо покачала головой — что же, совсем, ничего не осталось?

— Только на бензин, — развёл руками Король — а твой братик весь бар опорожнил, а здесь, даже, стакан бражки стоит дороже, чем бочонок шотландского виски.

— И что же теперь будем делать? — задумчиво произнесла Зайчиха — Можно, конечно, было бы уйти самим, а этого мудапьяса бросить, пусть его расхлёбывает, но, к сожалению, я на территориях твоего тестя слабо ориентируюсь, в отличии от братца. А ты — то сам как? Ты же как — то к дочке его сватался, что дороги не помнишь?

— Сватался, — Король скривился, словно само напоминание об этом тяжёлом моменте в его жизни вызывало у него отвращение — да разве я дороги запоминал? Я был юн, полон надежд и беден, как церковная мышь. Брёл куда ноги несут, жил как придётся. Да собственно я с венчания и не бывал ни разу в тестюшкином государстве, а тому, уже, почти сорок лет минуло. Кроме того, кого мы за руль посадим? Мне, как государю не приличествует шоферить.

— М — да, — протянула Зайчиха — загвоздочка выходит. Что же делать? — она поскребла за ухом, выловила жирную блоху и бросила её в бороду Его Величества, это дало её дельную мысль — Бежим через окно! Свяжем простыни и пододеяльники и спустимся по ним, как по верёвке, благо не высоко, второй этаж.

— Пожалуй так и сделаем, — согласился Король — позволяю тебе заняться связыванием белья!

— А ты? — спросила Зайчиха.

— А мне нельзя. Я — король!

— Вот же паразит! — выругалась Зайчиха — Тогда, хоть, свои простыни принеси, а то одних наших не хватит.

— Сама носи, — Король швырнул под ноги Зайчихе ключ от своего номера.

Зайчиха аж захрипела от негодования, но ничего другого не оставалось, пришлось ей идти за простынями, король есть король.

Отсутствовала Зайчиха довольно долго, она не смогла устоять перед искушением, что бы, не ворваться в комнатушку для персонала и, застав там троих горничных распивающих дешёвенький чай в пакетиках, она устроила им изрядную взбучку.

Пока Зайчихи не было, успел прийти в себя Заяц. Он долго сидел на полу, дико озираясь по сторонам сощуренными глазами, наконец вспомнив где он находится, Заяц попытался встать, но тщетно, дрожащие лапы отказывались повиноваться.

— Налей водочки, — попросил у Короля Заяц, но тот, развалившись на кровати, никак не отреагировал на просьбу несчастного.

Тогда Заяц стал подбирать бутылки и, присасываясь к горлышку, орошал оставшимися

на доньшке каплями иссохшее горло.

Вернулась Зайчиха, тащя за собой постельное бельё, увидев, что брат, уже, проснулся она, поначалу обрадовалась, надеясь, что он поможет ей вязать верёвку, но очень быстро стало очевидным, что Зайца самого можно было связывать морским узлом, в настолько непригодном состоянии находился косой развратник.

Зайчиха взялась за дело в одиночку. Ей никогда в жизни не приходилось работать, потому времени, на вроде бы элементарную задачу, она потратила изрядно. Когда верёвка была, наконец, готова, Зайчиха привязала один её конец к ножке кровати, а второй обмотала вокруг ушей брата и крепко завязала, убив таким образом двух зайцев — сделала грузило, что бы удобно спустить верёвку и, заодно, это был единственный способ спустить тушку старого развратника.

Зайчиха распахнула ставни окон и, перебросив брата через подоконник, стала медленно спускать его вниз. Закончив, она поглядела из окна, что бы оценить результат — Заяц лежал на газоне, по всей видимости он, даже, не заметил смены обстановки, но стоило Зайчихе перекинуть ногу через подоконник, как он, вдруг, затянул песню:

Наш народный лидер несёт

Свет Вождя и в этот мир.

Ура, ура,

Полководец Ким Чен Ир!

— Заткнись, скотина! Ты нас выдашь! — зашипела Зайчиха, но, ясное дело, орущий пахабную песенку Заяц никого, кроме себя, не слышал.

Зайчиха взяла с подоконника фикус в глиняном горшочке и, прицелившись, отпустила. Цветок, со свистом, преодолел расстояние до земли и попал Заяцу по лбу. Глиняный горшочек раскололся пополам, засыпав певцу глаза и рот землёй.

Бомбардировка привела к положительному результату — Заяц умолк, лишившись чувств.

— Просыпайся, Твоё Величество, — Зайчиха растолкала Короля — пора линять.

Разбуженный монарх, с перекиривленной физиономией, встал с кровати и взялся за связанные простыни, но Зайчиха отстранила его.

— Сначала я, — сказала она.

— Можно и вместе, — зевнул Король, не отличавшийся терпеливостью.

— Боюсь, — Зайчиха оглядела грузную фигуру Его Величества — эта верёвка двоих не выдержит, — и она, быстро перебирая лапками, съехала по простыням на землю.

Пришёл черёд Короля.

Сперва он насилу вытолкнул из оконного проёма королевское седалище, самую широкую часть монаршего тела, уж если оно пролезет, остальное пойдёт, как по маслу. Но стоило Королю перемахнуть через подоконник из комнаты послышался режущий слух визг — это поехала, утягиваемая Его Величеством кровать, не смогшая стать противовесом богатырскому телосложению Короля. Раздался глухой удар — кровать упёрлась в стену. Король начал потихоньку, осторожно, спускаться, но не тут — то было — не существует в мире столь сильных рук, что бы они смогли удержать воистину королевский вес Короля Многоземельного, не оказалось таких рук и у августейшего. Король заскользил вниз со стремительной скоростью, еле удерживая верёвку. И тут раздался треск рвущейся ткани, простынь не выдержала взваленной на него высокой ответственности и лопнула на самом перегибе подоконника.

Король обрушился на землю, подобно метеору, искрясь в воздухе, а при столкновении с поверхностью, бухнуло, как при взрыве динамитной шашки и на месте падения вырос пыльный гриб, застилая глаза, он поднялся выше, устланой красной плиткой, крыши отеля.

Зайчиха, кашляя от набившейся в горло пыли, размахивала лапкой, что бы не наткнуться на что — нибудь, выбежала из зоны поражения.

— Ну вот и закончился Король Многоземельный, — прошептала она про себя — видать сам расшибся в дребезги и братика моего раздавил. Ну что не делается всё к лучшему, сейчас главное, у него ключ от машины забрать. Она — то, теперь, ему без нужды, а мне сгодится.

Но радость Зайчихи была скоро прерванна.

Из пыльной тучи, грозный и прекрасный, как античный бог, выступил Его Величество Король Многоземельный в перепачканном спортивном костюме. На августейшем не было ни царапины.

— Вот зараза, — от разочарования у Зайчихи повисли усы.

Король отряхиваясь подошёл к Зайчихе.

— Негодную верёвку ты сплела, — сказал он.

— Как ты, вообще, выжил? — поразилась Зайчиха.

— Истинный государь — неуязвим! — заверил Король — Ни чем его не проймёшь! Меня знаешь сколько в западной прессе полоскали, мол, и вор и садист, и что всю оппозицию в подвалах запытал, санкциями меня обкладывали, а мне хочь бы хны!

На самом — то деле Его Величество при падении приземлился на ноги, которые были обуты в волшебные пынеходы, давашие своему хозяину чудесную способность прыгать в любые неприятности, при этом оставаясь целым.

Пыль осела, открыв огромную воронку образовавшуюся на месте приземления Короля, а по стене отеля прошла широкая трещина до самой крыши.

— Я, конечно, видела, что ты — фигура большого политического веса, — сказала Зайчиха, увидав последствия выпадения Короля из окошка — но что бы так! Откуда в тебе столько веса?

— Недоброжелатели говорят, что говна во мне много, — буркнул Король.

— Видать, в этом они не ошиблись, — признала Зайчиха — кстати кто, теперь, вести машину будет? Братца — то моего ты прибил.

— Нет, — покачал головой Король — его взрывной волной отбросило, нужно поискать, должен где — то валяться.

И, действительно, Заяц обнаружился висющим на липе. От силы ударной волны он пришёл в сознание и, даже, наполовину, протрезвел. Король стащил его за заднюю лапу с дерева и поставил на землю.

— Я, уже, подумал — война началась, — пробормотал Заяц — а это, оказывается, вы шалите.

Зайчиха ничего не стала говорить брату, а просто отвесила ему затрещину, а Король добавил пощёчину, просто так, из блажи...

Покидая город наши герои остановились возле заправки, Король отдал Зайцу последние деньги, повелев купить чего — нибудь поесть в дорогу и заправить полный бак. Но Заяц на то и был самим собой, что вместо еды купил себе шесть банок пива на опохмел, а вместо полного бака залил только половину, а сдачу припрятал в опорожнённую пивную банку, остальные пять он допил по пути к машине, и когда сел за руль, по одному его виду, Король с Зайчихой, сразу, поняли что спрашивать его о продуктах, уже, бессмысленно. Ну

что ж, весёлой дороги!

Чёрный автомобиль PORSCHE Cayenne S, с номерами, от одного вида которых постовые милиционеры покрывались сединой, остановился посредине бескрайнего холмистого луга, поросшего высокими травами, пожелтевшими от жаркого солнца и недостатка влаги.

— Чего остановился? — спросила Зайчиха у брата — Ты же сказал, что повезёшь нас короткой дорогой, путь срежем, вёз, скотина, так, что чуть кишки не вытрусил, а теперь, вдруг, встал, как вкопанный.

Заяц молча клацал по планшету, меняя значки на приборной панели, хмурился и молчал.

Его Величество, убаюканный ездой, крепко спал, растянувшись на заднем сидении и выставив в окно босые пятки.

— Ты что оглох? Чего остановились? — нервно повторила вопрос Зайчиха.

— Не кричи, — огрызнулся Заяц — а то разбудишь, — он покосился на заднее кресло.

— Уже разбудила! — раздался раздражённый королевский голос сзади — Кучер чего встал? Если какая нужда у тебя случилась — это не повод останавливать, делай прямо на ходу в окошко, иначе что же это будет, если мы из — за каждого хлопа тормозить будем? Трогай!

— Не могу, — беспомощно промямлил Заяц — горячее кончилось.

— Да мы ехали не больше пяти часов! — Король сел и натянул на ноги пынеходы.

А Зайчиха, уставившись на брата испытующим взглядом, прошипела:

— Ты, паршивец, на бензине нагрелся, часть денег себе зажил! Как я сразу не догадалась! — она отвесила Заяцу оплеуху, приговаривая — А со мной поделиться! А со мной!

— Теперь бессмысленно грызться, — остановил заячью ссору Король, он не выспался, был раздражителен и не терпел пререканий — Нужно идти искать, где можно дозаправиться.

— Где искать? — попыталась спорить Зайчиха — Согласно карте поблизости нет ни одного жилого пункта, ни заправок, ни, даже, ларьков!

Король нахмурил брови:

— Искать, я сказал! — рявкнул он и Заяцы, не заставляя просить себя дважды повыпрыгивали в окна.

Король вылез из машины. Спускавшееся к горизонту солнце слепило королевские глаза, монарх, зевая, закрылся рукой от лучей, окрасивших всё в рыже — алые тона и огляделся. Вокруг высокие травы, сухие и жёсткие, они, даже, Его Величеству, отличавшемуся громадным ростом, были выше пояса, Заяцы же совершенно, потерялись в степных зарослях.

Сильный ветер, ничем не сдерживаемый, свистел в ушах, трепля на голове Короля шапку чёрных с проседью волос. Величество стоял, не зная куда же, теперь, идти, а где то в травах, Зайчиха испустила едкий смешок.

Король не мог ронять достоинства перед подданными — раз сам приказал идти, то нужно идти! И он пошёл, абсолютно наугад, и, сразу же, попал в заросли репейника, матерясь и пряча голову в воротник, он прорвался сквозь них, тут же в рот и глаза ему, порывом ветра, нанесло рой чёрных мошек. Король отплевывался и тёр кулаками глаза, но

шагу не сбавлял. Неожидано, королевская нога, резко выброшенная вперёд, не нащупав под собой опоры, ушла куда — то вниз, увлекая за собой и всего Короля, так что тот ели успел схватиться за толстые стебли полевых трав, оказавшиеся достаточно крепкими что бы удержать бесценное тело. Его Величество с ужасом обнаружил себя на краю отвесного песчаного уступа, совершенно невидимого из — за густо разросшейся травы.

Король, осторожно, на задую, отполз от края и, с трудом, на дрожащих ногах, поднялся и заглянул в бездну. В бездне оказалась очень умиротворяющая лощина, наполненная чем — то лирическим, и по — доброму притягательным.

Внизу между холмами, защищённый от всех ветров, раскинулся маленький посёлочек, утопавший в зелени фруктовых деревьев в просветах которой виднелись, покрытые потемневшим от времени шифером, крыши небольших домиков, а на дорожке между дворами Король разглядел красный рогатый трамвайчик.

— Ну я же говорила... — раздалось за спиной у Короля и из травы, едва не свалившись с края обрыва выкатилась Зайчиха, не договорив она застыла в изумлении, и, только, пробубнела себе под нос — по карте же здесь ничего не должно быть.

— Воля короля превыше всех карт, — сказал Его Величество — где пожелает король — там и город будет!

— А где насрёт — там гора, — съязвила Зайчиха.

— Да, — подтвердил с глубокомысленным видом Его Величество — и реки повернуться вспять.

Из леса жёлтых стеблей выскочил Заяц и чуть не опрокинул сестру, получив, от неё оплеуху, брызжа слюной он спрятался за королевскую лодыжку, достаточно широкую, что бы прикрыть его от возможных побоев.

— Смотри куда прёшь! — кричала на него Зайчиха.

— Дура старая! — огрызался из — за укрытия Заяц.

— Да заткнитесь вы, уже, наконец! — не выдержал Король — Я нашёл для вас населённый пункт, теперь ваша задача отбуксировать туда автомобиль.

— Как же мы его буксировать будем? — заворчал Заяц — У нас, чай, эвакуатора с собой нет.

— Молчать, холоп! — разгневался Его Величество — Это по твоей вине мы здесь оказались! Так что машину потянешь на себе! Верёвка в багажнике.

— Откуда ты знаешь, что она там есть, — пытался отделаться от работы Заяц.

— Ну ты и болван, — подметил Его Величество — машина чья? Тайного полицейского. А в этой профессии связать кого или повесить по — тихому, это первейшая необходимость, так что верёвка обязательно должна быть.

— Может мы, лучше, канистру с бензином купим у кого —нибудь, — предложила Зайчиха — всё же проще принести бензин к машине, чем дотолкать машину до бензоколонки.

— А я для того и король, что бы вам не было просто, — монарх был непреклонен — так что выбирайте, либо вы тащите автомобиль на верёвке, либо будете сами на ней болтаться, — и Король властно топнул ногой.

Зайцы, не осмеливаясь больше препираться, покорно нырнули в траву, и за секунду исчезли с королевских глаз.

Величество же двинулся вдоль обрыва, выискивая место, где можно спуститься, вдалеке он различал узенькую тропинку, ведущую в лощину, но расстояние до неё было довольно

приличным, а сухие полевые травы больно кололись, даже, через новый спортивный костюм, к тому по обочинам тропинки возвышались густые заросли репейника, а Его Величество, уже, предостаточно набрался репяхов в свою густую, как у гнома, бороду, потому Король выбрал наиболее покатый склон и, сев на задницу, поехал по нему вниз, как с ледяной горки. Благодаря крупномасштабности королевского сидения, спуск Его Величество смог преодолеть без существенных травм, камни и коряги попадавшие на пути, были безжалостно вдавлены в песчаник и священная королевская особа благополучно достигла заветной ложины.

Король встал, отряхнул песок с сидения и вошёл в посёлок. Тут же ему встретился тот самый трамвай, рога которого он видел с вершины. Вагон одиноко стоял, посреди узкой улочки меж дворики, красная краска на нём давно облупилась и ржавчина укрывала его до самой крыши, да и ходить трамваю было не по чем, рельсы были сорваны и увезены в неизвестном направлении пункта приёма металла, остались, только, деревянные, почти полностью ушедшие в землю шпалы.

— Транспорт бедняков, — Король постучал ладонью по изъеденному ржавчиной вагону — и раз эта сволочь больше не ходит, значит здесь не осталось бедняков. Видать все стали богачами. Всё благодаря мне. Моему царствованию, — похвалив себя, Король и пошёл дальше.

Его Величество брёл по шпалам, что бы не заплутать в узких проулках, абсолютно, схожих между собой, с одинаковыми маленькими домиками, укрытыми листвой деревьев и обнесёнными, давно не крашенными, дощатыми заборами. Королю становилась подозрительна царившая тишина, за всю дорогу он не то что не встретил ни одного человека, но даже не услышал ничьего голоса, хотя не однократно останавливался возле заборов и, встав на ципочки, заглядывал через них во дворы, но никто ни попался ему на глаза и, даже, не прикрикнул из дому, что бы отогнать любопытного Короля.

Что бы окончательно убедиться в абсолютном безлюдии, Король подобрал увесистый булыжник и запустил им в окно. Стекло, со звоном, разлетелось вдребезги, но этот звук тут же растворился в шелесте, волнующихся от лёгкого ветерка листьев и птичьим щебете.

Тогда Король набрал полные карманы камней и, идя по шпалам, швырял их в окна всех встречающихся домов. Никто не реагировал.

— Что — то мне подсказывает, — сказал самому себе Король — что вряд ли мы сможем разжиться здесь качественным бензином.

У Его Величества жалобно заурчало в животе и он подумал, что неплохо бы было перекусить и тут, выйдя на перекрёсток он увидел продуктовый магазин.

— А я боялся, что в эдакой глуши и пожрать будет нечего, — обрадовался монарх и поспешил к магазину, совершенно не учитывая, что денег у него не копейки, но, в конце концов, как они посмеют заикнуться самому королю об оплате, туташние смерды никогда не могли видеть такую высокую особу, так что августейший думал взять их величием и титулатурой. Но не сложилось. Магазин оказался закрыт, вернее его двери были, наоборот, распахнуты настежь, но внутри никого и ничего не было, только старая витрина — холодильник, окутанная паутиной, таранилась на Короля своей пустой, покрытой толстым слоем пыли, полкой.

Величество огорчённо вздохнул и выйдя из магазина, пошёл дальше, совершенно бесцельно, разбивая на пути окна домов, он, уже, уверился, что посёлок совершенно пуст, а значит, никакой дозаправки автомобиля произвести они не смогут, ведь, если, нет

населения, то и бензоколонке быть, тоже, незачем. Можно, конечно, попытаться обыскать дома с гаражами, может в них найдётся хоть немного топлива, но это дело хлопотное, так что пусть его делают Зайцы, когда притянут автомобиль.

Так, в раздумьях, Король не заметил, как наткнулся на садик, усаженный аккуратными подстриженными деревцами. На ветках висели зрелые, краснобокие яблоки, большие, как пушечные ядра, невероятно красивые, идеально круглой формы, без малейших щербатостей или других изъянов.

Напрочь лишённый излишней скромности, Король подошёл к ближайшему дереву и сорвал плод. Яблоко источало сладкий фруктовый запах. Король повертел его и, признав годным, откусил почти до самой сердцевины. Яблочный сок потёк по королевской бороде, пропитывая её и слепляя жёсткие чёрные волосы.

Король жадно зачавкал, но тут же скривился и выплюнул, яблоко оказалось на вкус горьким, как полынь. Величество поглядел на оставшийся в руках огрызок и понял причину — сердцевина яблока была сплошь чёрной, да к тому же из неё наполовину вылез толстый червяк и подмигнул августейшему. Король выругался и зашвырнул остатки яблока, как можно дальше.

— Не может дерево худое приносить плоды хорошие, — решил Король и перешёл к другой яблоне.

Здесь уродили яблоки тёмно — красные, а пахли они, даже, сильнее и слаще предыдущих. Величество сорвал сразу два и откусил от каждого, но и в этот раз его постигла неудача, оба яблока оказались прогорклыми, и у обоих была чёрная сердцевина.

— Год что ли такой? — удивился Его Величество — Все яблоки погнили, то — то их никто не рвёт, хотя здесь и некому наверное. Но с другой стороны сад — то ухоженный, даже трава ровно скошена. Нет, здесь кто — то должен быть, без холопа само по себе ничего не делается, это — закон природы, но сам по себе холоп — это лентяй и бездельник, и что бы заставить его трудиться на то поставлен над ним господин, а значит, точно, люди здесь имеются!

Король смело двинулся вглубь сада, путаясь волосами в ветках деревьев, он долго шёл, но так и не повстречал ни одной живой души, когда выбрался на маленькую полянку. В королевский нос ударило цветочным ароматом, полянка была вся усеяна цветущими ландышами, их крошечные белые колокольчики, словно бисер усыпали, нежно — салатного цвета травку и будь Король поболее искущён в ботанике, подобное цветение в середине августа вызвало бы у него большие подозрения, но, увы, Величество был чужд подобной ерунды. Да и, собственно, ландыши не особенно — то и привлекли внимание Величайшего. Нет, там оказался объект поинтересней.

В центре полянки рос высокий платан и с одной из его веток, терявшейся в зелени клиновидных листьев, словно лиана свисала качеля, мастерски сплетённая из длинной шёлковой верёвки, в кресле качели, выполненном в стиле макраме, сидела златоволосая девушка, лет двадцати, в лёгком ситцевом платье, свисив одну ножку, а вторую поджав под себя, она увлечённо читала томик Шиллера в чёрном переплёте — «История тридцатилетней войны». Книга была напечатана на родном языке автора, и то как легко девушка перелистывала страницы указывало на совершенное владение ею языком Гёте и Шиллера. Но, впрочем, Короля Многоземельного такие подробности мало интересовали, сейчас его беспокоили гораздо более приземлённые вопросы — как — то поесть, поспать и дозавратиться. Величество зашагал по полянке, беспощадно топча хрупкие цветы, от

тяжёлой королевской поступи задрожала земля, колокольчики ландышей затряслись, зазвонили и отвлекли девушку от книги, она подняла голубые глаза на подходящего к ней Короля, но, будто бы, совсем не удивилась ему, словно и ждала его прихода.

Король никогда не лезший за словом в карман в этот раз почувствовал какую — то, доселе ему незнакомую, неловкость. Он несколько раз прокашлялся, не зная с чего начать и наконец выдал из себя:

— Я, изволите ли видеть, есть, так сказать, коронованная особа, Всевеликий Король Многоземельный, тиран и деспот, изувер, — монарх поскрёб пятернёй жёсткие волосы на затылке — сейчас я оказался в затруднительном положении, мне нужны еда и отдых, так что не могли бы вы выдать мне хлопа, для удовлетворения насущных потребностей. Не откажите в помощи своему государю и вам зачтётся. Обязуюсь возратить вам хлопа в целости, а если же это мне не удастся, то вместо увечного, я, потом, куплю вам двух новых хлопов, — и чуть не забыв, монарх быстро прибавил — и, ещё, мне бы бензину — полный бак и про запас с собой взять...

— Так ты — Король? — переспросила девушка, она словно ничего другого в государевых словах и не разобрала.

— Самый, что ни на есть королевский! — подтвердил Его Величество.

— Королевский... — мечтательно протянула девушка — всегда хотела себе такую фамилию.

— А к ней ещё собственный дворец на вершине горы и каменноугольные шахты, — неловко пошутил Его Величество.

— Конечно, — ничуть не смутилась девушка — иначе, что же это за Королевская такая — без шахт?

Король заступорился, а девушка задорно рассмеялась:

— Ну что, Ваше Величество, идёте со мной, я вас, уже, давно поджидаю.

— Меня? — пробормотал окончательно растерянный Король.

— Конечно! Идём скорее, там, наверное, уже всё простыло.

Девушка спрыгнула с качели, и взяв Короля за руку, повлекла за собой. Монарх покорно пошёл, стараясь не отставать от бойкого шага своей новой знакомой. Она вывела Короля из сада, обратно на дорогу и легко перепорхнув через шпалы, разделявшие улицу пополам подвела Величество к высокому зелёному забору, за которым был виден небольшой домик из красного кирпича.

— Пришли, — сказала девушка.

— А — а, так ты — простолюдинка, — разочарованно протянул Король.

— Пока да, — не смутилась девушка — но, ведь, согласно нашим законам любая простолюдинка может стать и баронессой и герцогиней и, даже, королевой!

— Именно так и гласит закон, — подтвердил Король — это я издал по просьбе благородных господ, которые хотели таким образом узаконить свои гаремы, кстати, тот же закон строго запрещает возведение в высшие касты простолюдином мужеска пола, кроме особо оговоренных случаев, иначе кто же работать будет?

— Как же ты умён и предусмотрителен! — сделала Королю комплимент девушка.

— Положение обязывает, — невольно признал тот.

Вдруг скрипнула калитка, прервав столь милую беседу, и из двора вышла пожилая женщина, глаза у неё были злые, брови нахмуренны, руки она упёрла в бока и, не церемонясь, закричала на девушку:

— Ты что это притащила? — она ткнула кривым указательным пальцем в Короля — Я, ещё, из окна заметила, что плетётся за тобой нечто, но думала мне показалось, не может такого быть, ты же не такая дура, что бы с подобным связаться, ан нет, оказалось такая!

— Мама, не ругайтесь при госте, — попыталась утихомирить разбушевавшуюся старуху девушка.

— Какой это гость?! — не унималась та — Это оборванец — попрошайка! У нас дома — не уют и не ночлежка, что ты эту голытьбу к нам волочешь!

— Мама, никакая это не голытьба, между прочим это самый что ни на есть настоящий король!

— Дура! Он тебе наврал с три короба, а ты и веришь! Какой же это король, да ты на него сама погляди!

Действительно у августейшего был не самый презентабельный вид — борода забита репьями, в волосах листья, под глазом, после вчерашнего, фиолетовый синяк, штаны в песке и грязи, короче тут невольно засомневаешься в его высоком положении.

— Давай, либо прдъявляй доказательства, что ты — король, либо проваливай отсюда! — предъявила августейшему ультиматум старуха.

Король немного постоял в раздумии, а потом взял, да и хлопнул старуху — мать ладонью по щеке. У той аж голова дёрнулась и щека вмиг залилась здоровым румянцем.

— Что ж, — мать потёрла, горевшую огнём щёку — чувствуется рука мастера, но этого маловато будет, тут нужны доказательства повесомей.

— Могу челюсть сломать, — предложил Король и, спохватившись, обратился к девушке — извини, про тебя чуть не забыл, хочешь и тебе пощёчину дам? Могу, вообще, так отметелить, что без платка и чёрных очков — месяц на людях показаться не сможешь.

Но тут раздался автомобильный гудок и все трое резко обернулись на звук — это зайцы прикатали Porsche Cayenne.

Сам Заяц, запряжённый в верёвочную петлю, вывалив язык, пыхча и ухая, подтянул машину перед самые королевские очи и, сбросив с себя импровизированную упряжь, рухнул на землю, судорожно хватая ртом воздух.

Из — за руля вылезла Зайчиха, по её бодрому виду легко было догадаться, что к буксировке автомобиля она не имела никакого отношения.

— Ты так и не подменила меня, — задыхаясь, проворчал Заяц.

— Ты и сам отлично справился, — отмахнулась Зайчиха — самому, оно, даже, лучше. Никто не мешает. Тянешь себе потихоньку и, главное, в шею никто не гонит.

— Ух ты! — воскликнула мать, обходя авто — Это что же твоё? — спросила она у Короля.

— Моё! — лаконично подтвердил тот.

— А почему она побита? — спросила мать.

— Плевать, — равнодушно ответил Король — мне новую купить — не проблема.

— Ну, теперь, видно, что перед нами, действительно, король! — она заискивающе заглянула в глаза августейшего — Ваше Величество, разрешите вас пригласить в наше скромное жилище, — она нежно взяла Короля под локоток — пойдёмте отобедаете чем Бог послал, уж вы не побрезгуйте.

Король, уже прилично оголодавший, позволил ей повести себя, но, внезапно, возле самой калитке, мать остановилась и тихо спросила:

— Я, надеюсь, вы — королевский сын?

— Естественно, — с недоумением ответил Король — и между прочим единственный.

— Какая прелесть! — восхитилась мать — А то мы тут знаете ли следим за происхождением, дабы сын какого — нибудь безродного хлопа не просочился, а то, ведь, они такие, сами знаете, — она натянуто рассмеялась.

— Вы, лучше, проследили бы за моим автомобилем, — обеспокоенно сказал Король — не попрут его тут? И нам бы бензину заправить, хоть полбака.

— Не извольте переживать, — успокоила монарха мать — у нас гараж имеется, мы туда вашу машину поставим, и заправим и помоем, всё сделаем.

И старуха — мать провела Короля во двор. Тут же, во дворе, на веранде был накрыт стол, Его Величество было хотел, сразу, приступить к трапезе, но мать его удержала:

— Не торопитесь, Ваше Величество, — сказала она — для начала благоволите совершить омовение, ведь вы изрядно перепачкались на наших дорогах. Поди — ка сюда! — позвала она дочь — Выкупай нашего драгоценного гостя, да как следует, что бы блестел как бриллиант! — сама же она пошла открывать ворота, что бы зайцы смогли завести машину.

Зайчиха хотела, снова, увильнуть от работы, но Заяц, уже, настолько выдохся, что в одиночку не мог сдвинуть автомобиль с места, как не старался.

— Быстро помогла ему! — гаркнула мать на Зайчиху.

Зайчиха злобно поглядела на мать, но почуяв в ней что — то пугающее, молча впряглась рядом с братом и они потащили машину. Во дворе был большой гараж на два отделения, в одно из них и загнали машину, после чего мать закрыла железные ворота гаража и заперла их на винтовой замок.

— А что у вас во втором гараже? — тут же полюбопытствовал Заяц — Бензин есть?

— Не твоего ума дело, что там есть, — грубо ответила мать.

Заяц хотел было, ещё, повыспрашивать, но тут ему представилась такая удивительная картина, что и он и его сестра забыли обо всём.

Прямо на веранде, в глубокой ванне сидел голый Король, весь в густой мыльной пене, девушка, которую Зайцы встретили вместе с Его Величеством, совершенно не стесняясь, натирала короля большой шершавой мочалкой, погружая руки глубоко в воду, дабы добраться до труднодоступных мест королевского тела, при этом она задорно смеялась и, казалось, что нет для неё дела приятней. Толстые грузные мыльные пузыри поднимались из ванны и надменно парили в воздухе, разносимые по всему двору лёгким ветерком, натываясь на препятствия они лопались с громким плюхом, наполняя пространство сладким цветочным ароматом. Омовение проходило под криканье старого граммофона из рупора которого разносился мотив — «Всё могут короли!»

Сам же монарх, уже, пообвыкся и давал поощрительные благодушные пощёчины, как дочери, так и самой матери, иногда подносящей им благовонные масла, в ответ на что обе довольно улыбались.

На бельевой верёвке, протянутой через весь двор сушился, только выстиранный, спортивный костюм августейшего. Начищенные до блеска пынеходы стояли подле ванны.

Король плескался и барахтался, катал по воде жёлтую резиновую уточку и сам кричал, как утёнок. Девушка заливисто смеялась и заверяла монарха, что такого остроумного государя он, ещё, ни разу не видела.

Величество, поддерживаемый под локотки, обеими женщинами, выбрался из ванны, после чего девушка насухо обтёрла его махровым полотенцем и Король, как был, нагишом, уселся за стол, в плетённое кресло — качалку. Тут же девушка засуетилась вокруг него —

подливала в заварку горячей воды в из стоявшего в центре стола пузатого медного самовара, намазывала жирные блины красной икрой, накалывала на вилку тонко нарезанные кусочки голландского сыра и вкладывала прямо в королевские уста.

— Мыгья я, конечно, не признаю, — сказал сестре Заяц — а вот пожрать, это — не откажусь, — и он, бегом, что бы опередить сестру побежал на веранду.

Тут стоит отметить, что хитроумная Зайчиха, даже, не двинулась с места.

Заяц, перепрыгнув через ступеньки, оказался на веранде и, пуская слюни, уже хотел броситься к столу, как вдруг его сшибло колючей метлой, и он, пересчитав рёбрами ступеньки, скатился вниз.

— Животным сюда нельзя! — объяснила старуха — мать, державшая метлу.

— Не дайте несчастному околеть с голоду, — взмолился Заяц — отсыпьте от щедрот своих!

Мать никак не реагировала.

— Король! — запричитал тогда Заяц — Разве ж я не разделял с тобой трудности и невзгоды! Не оставь голодным своего верного слугу!

— Хорошо — хорошо, — просипела мать, не желавшая, что бы беспокоили Его Величество — сейчас, подожди минуту. Там в углу, у забора, стоит будка, жди меня там, я тебе пожрать принесу.

Заяц обрадовался и побежал к будке, стоящей в тёмном углу двора, под сенью старого каштана. Зайчиха, не спеша, пошла за ним. Ждать пришлось гораздо дольше минуты. Заяц нетеплеливо ходил из стороны в сторону, когда, наконец, показалась мать, нёсшая в руках грязную миску из нержавейки. Заяц, как — то, сразу, расстроился, и не зря. Мать бросила миску перед будкой на землю, Заяц заглянул в неё и повесил уши. В миске было три гнилых морковки и скукоженный кочан капусты.

— Это что такое? — возмутился он и пнул миску ногой.

— Заячий корм, — ответила мать, криво усмехнувшись — вы зайцы — вот и жрите.

— А мы плотоядные зайцы! — нервно пискнул Заяц — мы можем и мяса поесть, или, хотя бы рыбу, лучше всего филе севрюги или горбушу, на худой конец.

— Плотоядные зайцы? — удивлённо переспросила мать — Ну что ж, придётся вам стать вегетарианцами.

— Как так?! Вегетарианцами? — не выдержала Зайчиха — Я всю жизнь живую кровь пила, а теперь должна бросить?!

— Да, — легко подтвердила мать — вот тебе и застолье, что бы это отпраздновать, — она пододвинула носком ноги миску к Зайчихе — или ты хотела получить в честь такого знаменательного события торт и бутылку шампанского? — и не дожидаясь ответа, мать развернулась и, растянув рот в радостной улыбке, пошла к Королю.

Зайчиха тяжело вздохнула и через монокль поглядела на содержимое миски, выбрав морковку посвежее, она взяла её в обе лапки и усевшись на траву принялась грызть.

Заяц, побурчав про себя проклятья, тоже был вынужден довольствоваться качаном капусты.

Зато Его Величество наелся от пуза, и выпил два самовара крепкого чаю, так что от всех этих трудов, его стало неумолимо клонить в сон. Едва заметив первые признаки сонливости у августейшего, тут же, на веранде был растянут гамак и Короля уложили в него спать, подстелив под голову пуховую подушку.

Девушка выключила граммофон и ещё, какое — то время стояла возле Величества,

покачивая ему гамак и тихонько напевая колыбельную, пока государь не разразился богатырским храпом.

— Действительно смеркается, — Заяц поглядел на темнеющее небо — пора бы и нам на ночлег устраиваться, пошли, — позвал он сестру — а то, ведь, эти сами не пригласят.

— Я здесь переночую, — проявила неожиданную скромность Зайчиха и залезла в будку.

— Как хочешь, — пожал плечами Заяц — а, всё же, предпочитаю спать на перине, — он бросил недоеденный качан и поскакал к дому.

В опустившихся сумерках серая тушка Зайца почти сливалась с тротуарной плиткой, которой был вымощен двор и делала зверька, практически, невидимым.

Потому мать и её дочка, не заметив подскочившего к ним Зайца, продолжали тихонько шущукаться, не повышая голосов, дабы не побеспокоить спящего Короля, который так глубоко провалился в сон, что из его рта надулся большой пузырь, уменьшавшийся на вдохе и раздувавшийся при выдохе.

— Ну и что ждёшь? — ожесточённо шептала мать дочери в лицо — Я для чего тебя к нему послала?

— Я стараюсь, — за что — то оправдывалась девушка — но это же не так сразу.

— А чего тянуть? — шипела мать — В этом деле нужно сразу на коня запрыгивать!

— Да, знаешь ли, я его всё — таки потрогала, — девушка бросала опасливые взгляды на гамак с Королём — так он у него какой — то подозрительно тонкий и мягкий.

— Что ты мелешь! — возмутилась мать.

— Да вот, на, сама потрогай, — прошептала девушка — чувствуешь какой мягкий? А, главное, внутри — совсем пустой.

Тут, притаившийся Заяц, разглядел, что они общупывают, передавая друг другу в руки кошелёк Короля.

— Вот гляди — пусто! — девушка раскрыла кошелёк и стала шарить пальчиками по его отделениям — Ни наличных, ни кредитных карточек — ничего!

— Вот же ты — глупая, — мать поспешно закрыла кошелёк — он что, по — твоему, в портмоне золотой запас носит? У приличного самодержца и патриота, настоящего хозяина — всё хранится в банках Цюриха и в главном банке Англии, а золото — алмазы, в США, и тс что у него кредиток нет, это — хорошо, значит не мот и не гуляка, умеет деньги беречь.

— А если он и на мне, так же будет экономить? — спросила девушка.

— Это будет значить, что ты — круглая дура! — ответила мать — Умная жена знает способы, как из мужа деньги вытрясти, лишь бы они были, эти деньги.

И тут, Заяц, объевшийся протухшей капустой, громко срыгнул накопившиеся газы.

— Ты чего припёрся!?! — весьма негостеприимно зашипела на него, первой заметившая зверька, мать.

— Так, ведь, практически ночь на дворе, — запинаясь Заяц — уголок мне какой — нибудь выделите, переночевать.

— Пошёл вон, скотина такая, — мать, аж захрипела, но голоса не повышала — животные спят на улице!

— Человек, между прочим, тоже относится к царству животных, — тихонько пропищал Заяц — это ещё Линней ввёл...

Но его, уже никто не слушал. Мать и дочь ушли, мать пошла в дом, а девушка поставила возле гамака кресло — качалку и, сев в него, следила за тем, что бы жадные кровасиси или какие другие ночные насекомые не тревожили королевский сон.

Заяц поплёлся обратно к будке, но когда он, уже, собравшись залезать в неё, сунул внутрь лапу, то был за неё больно укушен.

— Ты чего!?! — заяц потирал укушенную лапу.

— А куда ты лезешь? — ответила из будки Зайчиха — Здесь места нет, так что отвали. Тем более ты же собирался на перинах ночевать, вот и дуй отсюда, не мешай мне спать.

Заяц грустно вздохнул и, потоптавшись, улёгся клубочком у будки и забылся беспокойным сном.

Проснулся Заяц рано, утренний холод не дал ему доспать последние предрассветный час, небо, уже, поглубело, но солнце, ещё, не успело подняться над горизонтом.

Заяц, подрагивая от сырости, сел, опёршись спиной о стенку будки, внутри которой громко храпела его сестра, он совсем не выспался, всю ночь его беспокоили тяжёлые сновидения, о чём то страшном из далёкого прошлого, но проснувшись Заяц совершенно не мог вспомнить о чём именно.

Раскосые заячьи глаза, были всё ещё слипшимися ото сна, потому он сначала, только, услышал мягкие шуршащие шаги по росистой траве, а уже потом взглянул на того кто их издавал.

Это оказалась маленькая худенькая девочка, лет семи — восьми, волосы, заплетённые в две косички с маленькими бантиками, были цвета зрелых пшеничных колосьев, чем она очень походила на ухаживавшую за Королём девушку, на плечах у неё была наброшена розовая курточка, из под которой торчало голубое платице в белый горошек. Девочка что — то разлаживала по двум дощатым ящикам, да так увлечённо, что не заметила подкравшегося к ней Зайца.

— Здравствуй, девочка! — внезапно рявкнул косою ей в самое ухо.

— Ой! — испугалась девочка, но обернувшись увидела, что это, всего лишь, старый Заяц, ответила ему — И вам здрасте.

— А как тебя зовут? — спросил Заяц.

— Я всяким зайцам, больше, своего имени не говорю, — насупилась девочка — они обманщики.

— Что же, было такое, что бы тебя обманывал какой — нибудь заяка? — поинтересовался Заяц, стараясь разглядеть, что — же было в ящиках.

— Был один такой, — девочка хлюпнула носом.

— А ты, тоже, здесь живёшь? — разведовал Заяц — А с кем?

— Не скажу, — упрячилась девочка.

— Это твои мама и сестра? — угадывал косою.

— Ага, — девочка кивнула.

— А я — Заяйчик Побегайчик, — представился Заяц — вот зашёл к вам в гости. Но я очень голодный. Может ты угостишь меня чем — нибудь?

Девочка сочувственно посмотрела на косою своими наивными голубыми глазами и порывшись в одном из ящиков протянула Зайцу морковку.

— Да не таким! — Заяц нервно отпихнул от себя овощ, но спохватившись, тут же взял себя в руки — Я — Заяйчик — мясоед, да, такой редкий вид зайцев, и, ещё, вдобавок — водкобух. Есть у вас дома колбаса, сало, окорок?

— Найдётся, — кивнула девочка.

— Очень хорошо, — облизнулся Заяц — а водочка, хоть один стаканчик — есть такое?

— К сожалению стаканчика нет, — грустно ответила девочка — только литровая бутылочка.

— Ну и ладно, — косою аж запрыгал — я и на литру согласен. Ты же угостишь своего нового друга — Заяйчика?

Девочка на секунду призадумалась и сказала:

— Конечно же угощу!

— Тише — тише, — нервно сглотнув, зашептал Заяц — не разбуди остальных, они вчера сильно устали, пусть ещё поспят.

— Хорошо, — в тон Заяцу зашептала девочка — пусть, ещё, отдохнут, а вы, раз, уже, не спите, поможете мне отнести эти ящики.

— Чего! — Заяц мгновенно вернулся к обычному голосу — Я тебе, что носильщик?

— Только, когда поможете, — продолжала шептать девочка — получите свою водку с салом.

— Ах ты ж маленькая шантажистка! — возмутился косой.

— Не хотите — как хотите, — девочка отвернулась от Заяца и сама взяла один из ящиков.

— Ладно, уговорила, — сдался Заяц — что там тебе нужно?

— Я — очень хорошая девочка!

— Это я, уже, понял. Давай к делу.

— Здесь, с южной стороны посёлка, есть лесок, и я хожу туда, что бы покормить лесных зверьков, еда для них в вот этих ящиках, помогите их донести и получите своё угощение.

Заяц заглянул в ящики, в них были зерно, картофель, овёс, разные ягоды, много яблок и прочей кормовой снеди.

— Ладно, — пробормотал он, поднимая ящик, — потащили.

— Тащите, — девочка подняла второй ящик и поставила поверх того, что держал косой.

— Ах ты ж бессовестная, — запричитал Заяц — как тебе не стыдно старенького зайчишку так нагружать?

— Значит как литрой водки загружаться, так не старенький? — подловила Заяца девочка — А как два лёгких ящичка снести, так чуть не развалился!

— Так водочку же я не залпом выпью, а потихоньку, стаканчик за стаканчиком, а ящики нужно нести все сразу! — ныл Заяц.

— Можете, вообще, ничего не нести, — девочке уже порядком поднадоели жалобы косоного — но водки не получите!

— Да несу я, несу! — испугался Заяц — Показывай куда.

Они пошли по пустым переулками, и у Заяца постоянно было такое ощущение, что девочка нарочно ведёт его самыми ухабистыми путями.

— А что это мы ни одного человека не встречаем? — Заяц поставил ящики на землю, решив взять минуту отдыха.

— Не проснулся, ещё, никто, — ответила девочка — я всегда очень рано выхожу зверей кормить.

— Ну люди — то понятно, — Заяц осмотрелся по сторонам — но, ведь, даже собаки не лают. И ни один кот не попался, а они любят по утренней прохладе бродить.

— Если вы так беспокоитесь о животных, — девочка недовольно нахмурила брови — то лучше бы ящики несли, а не вопросы дурацкие задавали.

Заяц глубоко вдохнул, подхватил ящики и поплёлся следом за девочкой, кляня, себе под нос, всех и вся.

Но главное испытание его поджидало в конце пути — отвесный песчаный подъём. Поднимаясь по нему наверх, Заяц заплёвал себе всю манишку, кроя матом, треклятый песок, в котором, под грузом ящиков, он, при каждом шаге, увязал, чуть ли не по щиколотку.

Когда, наконец, показались два деревянные кормушки, Заяц упал перед ними мордой в

траву и, приходил в себя минут пять.

— Как ты доносишь это каждый раз? — спросил он, не поднимая морды.

— Легко, вот видите эту штуку, — девочка указала на торчавшую из травы лебёдку — а внизу есть крючѳек, я подцепляю на него, а потом, вращаю здесь вот эту ручку, — она покрутила красную ручку — и всё поднимается.

— Что же ты сразу этого не сказала? — Заяц злобно плюнул.

— А зачем технику изнашивать, когда есть вы, — пояснила девочка и весело рассмеялась.

— Маленькая мерзавка, — прошептал Заяц с трудом встав на задние лапы, но вместо леса его взору открылась заболоченная покрытая мхом местность, с редкими высокими осинами и гнилостными испарениями — а где же твой лес? — спросил Заяц.

— Его давно вырубил, — ответила девочка — начисто, теперь здесь одни непроходимые болота.

— Так а кому же мы принесли корм?

— Я надеюсь, что зверушки когда — нибудь вернуться и потому постоянно приношу им еду.

Заяц заглянул в кормушку — там действительно было наваленно, уже, гниющих кормов.

— То есть, когда лес, ещё, был ты, уже тогда, подкармливала зверей? — уточнил Заяц.

— Конечно! — кивнула девочка.

— А сколько тебе лет? — неожиданно задал неуместный вопрос косой.

— Скоро будет восемь, — девочка высыпала содержимое ящика в кормушку — в конце этого месяца, но вам, как чужому, я не должна этого говорить.

— А я думал, что мы, уже подружились, — сказал Заяц.

— Нет, мы с вами — не друзья, — упрямо толковала своё девочка.

— Ну хрен с тобой! — вспыл, косой, но, вспомнив про обещанную водочку, тут же спохватился — Нехорошо быть такой злой и вредной и не дружить с милым зайчиком — побегайчиком.

— Вовсе вы и не милый, — девочка всучила Заяцу пустые ящики — на самом деле — вы гадкий и злой.

Обратный путь проделали в полном молчании. Заяц никак не мог понять, как же этой маленькой мерзавке удалось его раскусить, ведь он был осторожен и ничем себя не выдавал, неужели же по морде видно? Он, даже, поглядел на своё отражение в грязной лужице — оттуда на него поглядела спитая, наглая рожа, с хитрым прищуром.

— Да нет, — пробормотал Заяц — вид, вроде, итelligentный...

Когда косой с девочкой вернулись домой, Король, ещё, крепко спал, но уже, заботливо укрытый шерстяным одеялом, что бы утренний холодок не застудил Величество.

Девушка тщательно, на стиральной доске, выдраивала спортивный костюм Короля, хотя со вчерашнего вечера и не одёванный. Заяц, проходя рядом, поскользнулся на мыльной луже и, упав на спину, перевернул ушат с водой.

— Вот же падло неуклюжее! — девушка размахнулась и хлестнула Зайца мокрыми спортивными штанами.

Косой испуганно фыркнул, подскочил и спрятался за девочку.

— Ты меньше води дружбу с такими голодранцами, — в приказном порядке сказала девочке старшая сестра — они все — заядлые халявщики!

— А я с ним и не дружу, — ответила девочка, она подобрала, уроненные Зайцем ящики

и пошла с ними за дом, косою, поскакал за ней, прикрываясь девочкой от возможных ударов мокрыми портками, что, как он познал, довольно таки неприятная процедура.

Когда они зашли за дом и девочка поставила ящики возле стенки, Заяц нежно — ласково, как только мог, почти пропел:

Зайчик — побегайчик,
Распрекрасный мальчик,
Ты зайчишку пожалей —
Накорми и обогрей!

Девочка внимательно выслушала косою, показала ему язык и уехала прочь.

Заяц, сообразивший, что расчёта не будет, кинулся за ней, но девочка, уже, успела забежать на веранду, где стирала её сестра и где косоглазый лиходея не посмел её преследовать. Девочка, ещё, раз показала разъярённому Заяцу язык и заскочила в дом, хлопнув за собой дверь.

— Вот же твою мать нехай! — Заяц подобрал кирпич и, хотел было, зашвырнуть им в окно, за которым всё та же девочка, продолжала корчить ему рожи, но тут его остановила чья — то мохнатая лапа.

Это была его сестра.

— Лучше не делай этого, — посоветовала она ему.

Заяц опустил лапу с кирпичом, поглядел на сестру и, почему — то побоялся спрашивать, от чего это лучше не делать, а, напротив, аккуратно положил кирпич туда откуда взял.

— Ну ты видела какова маленькая нахалка, — оправдывался Заяц, показывая на девочку в окне — та активно гримасничала, строя косому самые оскорбительные рожицы.

— Ты, тоже, такой был, — хмыкнула Зайчиха — да в принципе и остался.

— Да, но я же из благородного рода Великих плотоядных зайцев, — косою значительно потряс щеками, разбрызгивая по сторонам мокроты — а что позволену зайцу, то не допустимо для всяких там... — от злости он сбился, не зная какое ругательство подобрать.

— Лучше уймись и пошли завтракать, — предложила Зайчиха и пошла к будке возле которой стояла вчерашняя миска с гнилыми овощами.

Заяц, неохотно взял морковку, и, с кислой миной, принялся за еду.

— Ты знаешь, — громко чавкая сказал он сестре — этим утром со мной приключились удивительные вещи, — и он вкратце рассказал Зайчихе о том, как ходил с девочкой кормить зверей.

— Да уж, воистину удивительные вещи, — согласилась Зайчиха — тебя обвёл вокруг пальца малолетний ребёнок! Ты оказался ещё большим болваном, чем я о тебе думала.

Заяц злобно фыркнул:

— Тебе, лишь бы, меня охаять, — он выловил подмышкой жирную блоху и съел её — а меж тем, не зришь главного. Маленькая негодница сказала мне, что её, уже, обманывал какой — то заяц. Это мог быть, только, я. Но я её впервые вижу. Остаёшься ты. Ты бывала здесь раньше, ась?

— Так же, как и ты, — Зайчиху раздражали глупые распросы брата.

— Тогда кто это был? — Заяц, в задумчивости, почесал маковку — И вот ещё, что. Она рассказывала, что ходила кормить этих треклятых бездельников — зверей, ещё, до вырубки. А вырубили там хорошо, даже пней не осталось, но я видел там осины, которым не меньше десяти — двенадцати лет.

— И что? — зевнула Зайчиха.

— А то, что ей самой нет, ещё, и восьми лет! — выпалил Заяц, сам восхищаясь собственной прозорливости — Ну, что ты на это скажешь?

— Скажу, то же самое, что, уже, говорила, — устало выдохнула Зайчиха — ты, братец — сущий болван!

— Не сущий, а — писающий, — обиделся Заяц.

Зайчиха, только, покачала головой с видом полного бессилия.

— Жри, уже, молча, — сказала она.

Косой вертел в лапах огрызок моркови, откусывая от него, он каждый раз кривился, стараясь не вдыхать, исходивший от овоща, гнилостный запах. А тут Заяц в нос ударил соблазнительнейший аромат поджаривавышегося жаркого — это начали готовить завтрак для Его Величества.

— И чего это он там обжирается, — возмутился косой — а мы должны давиться этими отходами!

— Ну пойдя, попроси, может и тебя угостят, — хихикнула Зайчиха — если, конечно, вчерашнего тебе было не достаточно.

— Это всё та злобная старуха, мамка ихняя, — сказал Заяц — но пока её нет и эта молодуха сама, можно и пожить.

— Как?

— А, разве, ты не помнишь, какая обо мне шла слава в былые — то времена?

— Помню, — кивнула Зайчиха — главным мудаком во всём лесу тебя прозвали. Даже грамоту выдали.

— Да я не о том, — отмахнулся Заяц — я про то, когда я совхозом заправлял.

— А — а — а... — протянула Зайчиха, напрягая память — точно — точно, припоминаю, тебя, если не ошибаюсь, и там, тоже, на звание главного мудака выдвинули?

— Вот заладила ты одно и тоже, — окрысился косой — между прочим, помимо мудачества, я был, ещё, известен, как опаснейший для женского полу соблазнитель и охмуритель! — Заяц надул тощую грудь и подбаченился — Сколько я бабёнок — то совратил, и холостых и замужних, и старых, и несовершенно летних. Ух, я гроза был!

— Ну был, — согласилась Зайчиха — это ты сейчас к чему? У нас — не вечер воспоминаний.

— А к тому, что, ещё, остался порох в пороховницах! — Заяц хлопнул себя по ляжкам — Я эту девку в два счёта развращу! А в награду она меня попотчует на славу!

— Два счёта? — с сомнением переспросила Зайчиха — А сможешь?

— Раньше и того быстрее управлялся, — заверил Заяц — стоило мне только оком на бабу кинуть — и она вся моя!

— Это ты — молодец, — похвалила Зайчиха брата — вот, только, одна маленькая формальность — ты над теми бабами начальством был.

— И что? — не понял Заяц — Это тут к чему? Здесь нет никакой связи. Пост я занимал за своё трудолюбие, ум, и смекалку, просто, женщины, они, знаешь ли, любят умных и сообразительных, которые умеют добиться своего. К тому же соблазнитель я от природы, дана мне над бабьим народом такая власть, что ни одна устоять не могла, так что и, нынче, как — то справлюсь.

— Ну — ну, — усмехнулась Зайчиха — надежды юношей питают, — немного перефразировала она слова поэта.

— А за то, что ты во мне сомневалась, — обиделся Заяц — я велю тебя к столу не приглашать!

— Ой — ой — ой! — деланно испугалась Зайчиха — Какой злопамятный! Обольстителю быть таким злопамятным ни к лицу!

— Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда сведу с ума эту молодуху, так что и мать не помешает, буду барином за столом сидеть — пироги лопать, а тебе останется, только, слюни пускать! — Заяц разошёлся не на шутку.

— Ну по части пускания слюней, тут я тебя вряд ли перещегооляю! — от приступа истерического смеха Зайчиха завалилась на бок.

— Давай потешайся, — от злости Заяц чуть не плакал — но мой медот соблазнения, ещё, ни разу меня не подвёл, так сказать — сто из ста!

Но Зайчиха не внимала авторитетным доводам брата и продолжала качаться по земле истошно гогоча.

Заяц насупился, круто развернулся и, с грозным видом, зашагал к летней кухне, из распахнутого окна которой и исходили дразнящие аппетитные ароматы.

В маленьком помещении кухни было парко. На плите кипели кастрюли и что — то жарилось в сковородках, сильно пахло луком и специями.

Заяц немного постоял, нерешаясь войти, затем, осторожно засунул в дверной проём, сперва ушастую голову, увидел, что девушка готовившая завтрак для Короля — одна и тогда вошёл целиком.

Девушка была полностью поглощена готовкой и не заметила, что в кухню к ней пробрался хитроумный Заяц.

Косой неспешно, но неотвратно приближался, попутно изучая обстановку — он оглядел разделочный стол с нарубленной большими кусками свининной, стол для нарезки овощей — на нём лежала грудa нарезанного кольцами лука и моркови, но что самое важное, на подоконнике, за занавеской, косой углядел целую четверть, полностью заполненную самогоном, чистоту которого не спутаешь ни с каким другим напитком.

У стены стояла маленькая, старая кушетка.

— Как раз то что надо, — подумалось Зайцу и он лапой потрогал её поверхность — жестковата... но что поделаешь.

Заяц подкрался к девушке вплотную и со всего маху, как вьючную скотину, хлопнул её пониже спины.

От неожиданности девушка взвизгнула, выронила ополонник и быстро обернулась, что бы лицом встретить опасность, но никого не увидела.

— Я здесь, — позвал её Заяц, он, уже, развалился на кушетке — присоединяйся, — он похлопал лапкой по кушетке, приглашая девушку к себе.

Но та продолжала стоять на месте, не поддаваясь соблазну.

— Ну чего ты медлишь? — Заяц подпёр щёку лапой и томным взглядом уставился на растерянную девушку — Я не привык ждать, мои распоряжения исполняются незамедлительно.

— Ты о чём? — спросила его девушка толи покорно, толи грубо.

— Я о том, что когда я был высоким руководителем, большой шишкой, то мои приказы исполнялись тот час, а того кто не успевал или выполнял поставленную задачу недостаточно качественно, я строго наказывал. Хочешь, я и тебя накажу?

— Был? — повторила девушка и лицо её из растерянного стало откровенно

презрительным.

— Да, увы, сейчас я пребываю в вынужденной отставке, — вздохнул Заяц — ах, если бы ты знала как нелегка жизнь начальника — пенсионера, как тоскует моё сердце по службе. Невозможно! — он манерно закатил косые глаза — Так приди же скорей и утешь меня! — он словно весь растёкся по кушетке, разбросав в стороны лапки.

* * *

Зайчиха, в задумчивости лежала, опёршись затылком о стенку будки и крутила в лапке лорнет, когда её внимание привлёк звук открывшегося окна. Она повернула голову — это в летней кухне распахнулось окно и из него высунулась рука, державшая за уши её единокровного брата, тот поджал под себя задние лапки и дрожал, как осиновый лист. Рука размахнулась и запустила зайца в цветочную клумбу с ландышами.

— У — у — у!!! — провыл косою пролетая по воздуху и рухнул в грядку, пропахав носом землю, он немного отдышался и встав, оправил жилет, который из небесно — голубого, уже, превратился в жёлто — зелёный с коричневыми пятнами и как ни в чём не бывало зашагал к сестре. Вслед ему из распахнутого окна летней кухни полился поток отборнейшей брани, да таких выражений постыдились бы и портовые грузчики, от гнетущей тяжести оборотов на клумбе тот час увяли все ландыши, их цветочки — колокольчики высохли и почернели, истлев за доли секунды.

Когда Заяца накрыло цунами трёхэтажного мата, такой силы, что он и никогда бы не поверил, что бывает и такое, бедный зверёк зажал лапами уши и упал, стараясь зарыться головой в землю.

Зайчиха, видевшая всё это, успела заскочить в будку, пол которой был устлан старой вонючей постилкой, Зайчиха схватила эту тряпку и, обмотав её вокруг головы, упала на пол, чувствуя, как под порывом брани затряслись досчатые стенки ветхого строения.

Мат крепчал — деревья гнулись. Но в тот момент, когда отдельные его порывы начали доходить до мирно спящего Короля и покачивать его гамак, девушка резко закрыла рот и захлопнула ставни окно.

Заяц сидел на земле, перед его глазами плыли распятые мальчики в трусиках, голова кружилась и он едва чувствовал, хлёсткие удары по щекам, которыми сестра приводила его в чувство.

— По — моему я — оглох, — пробормотал он, когда немного пришёл в себя, потом пощёлкал пальцами над ухом — а нет, — он облегчённо вздохнул.

— Но уши — то подвяли, — сказала Зайчиха и загнула Заяцу на глаза одно его ухо — кончик усох и скукожился — так что не сработала твоя методика, — добавила Зайчиха.

— Действительно не сработала, — пролепетал Заяц — а она ни разу сбою не давала, я действовал точно по шаблону, как и сто раз до этого, но вот, впервые, такой негативный результат. Это очень странно, — он пошатываясь встал на задние лапы — я сразу почувствовал что — то здесь не так. Здесь все какие — то ненормальные. И, по — моему, чем скорее мы отсюда уберёмся, тем лучше. Я сейчас же скажу Королю, что бы собирался, только пускай, сперва, бензину у них выбьет, он же у них, почему — то, в фаворе.

— Сидел бы тихо, — порекомендовала Зайчиха — мало тебе, что ли, приключений на сегодня?

— Некогда нам расслаживаться, — отмахнулся Заяц — ты, в конце концов, не забывай, что у нас коллектора на хвосте, а мы тут прохлаждаемся без нужды и без толку. И ладно бы — мы, а так одна эта королевская морда жирует, а мы утеснения терпим, — Заяц топнул ножкой — так что я сейчас же с ним переговорю, тем более, пока, его никто не стережёт.

Действительно, Король дрых, пуская слюни в подушку, без всякого надзора со стороны хозяек. Пухлые мясистые губы монарха при выдохе издавали звук:

— Пу — у — уфф... — а нога, вылезшая из — под одеяла, подёргивалась, Королю снилось, что он буцает нерадивых хлопков под костлявые зады.

Заяц был полон решимости, аж, пока, не дошёл до самой веранды, но перед ступеньками им, опять, овладела непонятная робость, которую он, уже, не первый раз испытывал в этом странном месте.

Заяц покосился по сторонам, прислушался к звукам — полнейшая тишина, та самая абсолютная тишина, которая немало насторожила его, ещё, с утра, теперь, в одиннадцатом часу, казалась ещё более подозрительной.

Заяц, тихонько, что бы не скрипнула ни одна половица, поднялся на первую ступеньку, и тут же, как будто под ступенькой была вмонтирована сигнализация, дверь дома запахнулась и на веранду, как Фурия, вылетела старуха — мать, волосы растрёпанны, глаза горят адским пламенем, а в руках топор с громадным, остро заточенным топорщиком — таким, только, головы рубить, да как заорёт:

— Животным сюда нельзя!

Зайца тут же как ветром сдуло. Делая прыжки в три — четыре фута, он за три секунды, оказался возле, хрустящей капустным кочаном сестры и, даже не пожелав ей приятного аппетита, забился в будку.

— Ну как, поговорил? — Зайчиха постучала по стенке будки.

— Что — то мне подсказало, что это напрасное дело, — стуча зубами ответил из будки Заяц — Его Величество, ещё, почивают, как —нибудь потом разберёмся.

— Разберитесь, — поддержала Зайчиха — а я, пока, пойду прошвырнуть по окрестностям.

Она встала, потянулась, поправила пучок взлохмаченных седых волос на макушке, взяла монокль, поглядел через него и выругалась, оба стёклышка лопнули от прошедшего матерного урагана, но не выкидывать же из — за этого такую хорошую вещь, ведь, с моноклем, оно солиднее. И, Зайчиха, удерживая монокль на носу, гордо прошла через двор, гляде себе под ноги. Мать — старуха, теперь, сидела на кресле — кочалке и провела Зайчиху злобным взглядом, готовая в любой момент кинуться на неё с топором, который она не выпускала из сухих жилистых рук.

Зайчиха старалась казаться совершенно спокойной, но по вытянувшись, дрожащим ушам, было видно насколько она напряжена и улавливает каждый звук и, только, выйдя за ворота Зайчиха облегчённо выдохнула, убрала с носа бесполезный лорнет и поскакала по своим заячьим делам.

Заяц же посмел вылезти из будки, только, когда услышал, что мать и девушка принялись будить Короля.

Его Величество, спросони, брыкался и лягался, будто бы его будили на работу. Он невнятно ругался и, пока, его вынимали из гамака, отпустил старухе — матери пару пощёчин. С трудом двум женщинам, удалость, поднять монарха и довести да ванны, но, едва, завидев воду, такой капризный по утрам, Король заупрямился, стал кричать, что не ползет в

воду, что шампунь шиплет ему глазки. Уговорить его удалось, только, сунув ему в рот свежесдобитый пирожок с мясом и, пока, он жевал, его тёрли щётками и скребли скребками, бороду вымыли с особым маслом — для улучшения роста волос, а пучки волос торчавшие из ушей, как ноги трубочиста из трубы, обрезали маникюрными ножничками. Как следует помыв, Его Величество обтёрли махровыми полотенцами, а лицо натёрли огуречным лосьоном.

Окончив водные процедуры, Короля усадили за стол. Сегодня стол был накрыт обильней вчерашнего — запечённая утка с рисом, балык свиной, сырный суп с креветками, пирожки с мясом и с повидлом (всё в одном), ананасы, клубника, персики и, что особо обрадовало Короля — это стерлядь.

— Вот это я люблю больше всего! — обрадовался он и подняв рыбку за хвост, озорно спросил — А знаете почему?

Девушка и её мать, мило улыбаясь, дружно покачали головами, мол, не знаем сырые, не ведаем.

— А вот почему! — и Король швырнул рыбой в голову матери, от чего сам же пришёл в неописуемый восторг.

Женщины залились неудержимым хохотом.

— Ай, да Ваше Превеликое! Ай да шутник! Ай да остроумец! — наперебой нахваливали они Короля — Обычно такие штуки, только, крепко пьющие откалывают, а наш Король и на трезвую может! Что за диво! И пить не нужно! Пьяный — то проспится, а Король — никогда!

Его Величество, действительно за столом алкоголя не употреблял, так как от предложенного самогона он отказался, а взять хорошего вина было негде.

Кушал Его Величество плотно и долго — практически весь день, прерываясь на походы в нужник, куда его сопровождала девушка, безотлучно находившаяся с ним.

За чаем, часов около пяти вечера, Король пожелал развлечений, но так как слушанье пластинок на граммофоне, он считал уделом бедняков и признавал, исключительно живое выступление, то девушка взялась петь для утехи Его Величества, голос у неё оказался хорошо поставленный, чувствовалась школа. Исполняла она песни Ваенги.

— Скучно получается, — остановил исполнительницу Король — что это за выступление и без подтанцовки, всегда вокруг певца должен скакать какой —нибудь кардибалет, зритель любит, что бы мелькало, что бы на сцене было суетно и непонятно.

Сперва танцевать хотела подрядиться сама мать, но Король вспомнил, что этим талантом в должной мере обладает Заец, и, по желанию монарха, косой был допущен на веранду, где, за хорошее хореографическое выступление ему посулили бублик и рюмку самогону.

И концерт начался! Девушка высоко тянула:

Снова стою одна,

Снова курю, мама, снова,

А вокруг тишина,

Взятая за основу.

Заяц изворачивался, как только мог: и давал в присядку, и с канатиками, крутился вокруг ножки стола, выкручивал лапками какие — то безумные па, тряс хвостиком, хлопал ушами, короче радовал публику, как мог и отработывал свой гонорар на совесть.

Старуха — мать прихлопывала в ладоши и притопывала ногами, не забывая подливать

Королю в блюдце кипятку из самовара.

От представления у Короля разыгрывался волчий аппетит, и он кушал с удвоенной жадностью, сейчас всё напоминало ему дни благоденствия, когда он вот так же сиживал в большой трапезной королевского дворца, а шуты — холопы развлекали его.

Король оторвал кусок от пухлого пирога начинённого голубями и швырнул на пол. Куски раскатились по всей веранде и Заяц, извиваясь змейкой ползал по полу, собирая крошки и жадно засовывая в рот, подобно лохматому пылесосу. Собрав всё, Заяц вскочил и, забив лапками по полу, врезал настоящую ирландскую джигу! Джига под песни Ваенги — это было что — то! Тонкий элитарный вкус.

Ещё не раз Его Величество одаривало косога обедками со своего стола, и Заяц, преисполненный благодарности от королевских щедрот, уже изготовился сплясать танго в одиночестве, но его, совершенно неожиданно, оборвал раскат грома и, с резким порывом ветра, ударил ливень, ледяной, он сплошной стеной обрушился на землю.

Ветер задувал холодные капли на веранду, они, со звоном падали в опустошённые чашки и тарелки, бья в них, как в литавры.

Мать и дочь, тут же подняли Его Величество под руки и завели в дом, укрыв от непогоды.

Заяц остался стоять один одинёшинек, никто и не вспомнил про обещанную рюмку водки.

— Разве ж можно так с честным труженником поступать? — у Зайца, от несправедливости, навернулись слёзы на глаза — Если подрядили на работу — заплатите, нельзя лишать честно заработанного...

Но, естественно никто обделённому косому не ответил, ибо было некому.

Тут Заяц поднял глаза на стол, все так спешно ушли, что стол остался неприбранным.

Заяц обрадовался, с разбегу запрыгнул в кресло — качалку, всё ещё тёплую от королевского седалища, раскинул лапы пошире, что бы загрести побольше, но, увы, Король успел съесть, абсолютно всё, в тарелках Зайца ждала, только, мутная дождевая вода, даже в самоваре не осталась ни капли кипятка. Заяц психанул и рванув за скатерть, сбросил со стола все приборы.

Сквозь шум дождя, Заяц расслышал, как хлопнули ворота, и мимо веранды пробежала, вся насквозь мокрая, Заяйчиха.

— Ты где таскалась, старая? — крикнул сестре вслед Заяц, но она либо не расслышала вопроса, либо не посчитала нужным отвечать брату, да и где тут останавливаться при таком потоке, и Заяйчиха побежала в будку — Тьфу на тебя, дура старая! — прокричал ей вдогонку Заяц, храбрый от уверенности, что в такой дождь и на таком расстоянии она, точно, ничего не расслышит.

Затем он нервным шагом побродил взад — вперёд по веранде, когда заметил возле королевской ванны, какой — то пузырьёк. Заяц схватил его и, щурясь в сумеречном свете, с трудом различил надпись на этикетке.

— Огуречный лосьон! — обрадованно воскликнул косой — Почти полный!

Он скрутил крышечку и блаженно вдохнул аромат исходивший из пузырька.

— А — а — а... — промычал Заяц и глаза его закатились, а хвостик задрожал.

Он, поскорее, подобрал с полу скатерть, выбрал чистый, не заляпанный остатками королевского пиршенства, край и приложив его к губам, влил через него лосьон себе прямо в слюнявый рот.

— Ух! — выдохнул косой и занюхнул скатертью.

Тут же у него на сердце отлегло, в теле появилась приятная лёгкость, а в сметенном разуме покой. Ему в голову пришло простое и одновременно гениальное решение — вместо того, что бы идти под тким ливнем к будке, в которую, к тому же, гарантированно, сестра его не впустит, можно остаться, здесь, на веранде, и хорошо выспаться в королевском гамаке. Так косой и поступил. Залез в гамак, зарылся с головой под одеяло, и под убаюкивающий шум дождя, быстро уснул, разморенный огуречным лосьоном.

Ветер, размеренно покачивавший гамак, к полуночи стих, прекратился и ливень, только, ещё, редкие капли падали с вызвездившегося неба и, монотонно, капали с водостока крыши в пластиковую бочку для набора воды. Бочка, уже, переполнилась и вода, большими слезинами, скатывалась по её стенкам. Всё это, сквозь сон, слышал Заяц, выставив одно ухо из — под одеяла. Монотонность, плавность звуков, убаюкивала косого, ему стало жарко под одеялом и он выставил мордочку наружу и, тут, синее свечение ударило ему в глаза и разбудило его.

Заяц приоткрыл слипшиеся глаза — свет исходил из дому, из окна. Косой тихонько выпрыгнул из гамака и, бесшумно подобравшись к окну, прильнул к стеклу. В комнате работал телевизор, от него — то и исходило синее свечение. А возле самого окна стоял диван и заяц различил большую лохматую голову Короля, откинувшуюся на спинку дивана. Рядом с ним, глядя на монарха влюблёнными глазами, сидела девушка. Заяц прижался к стеклу ухом и напряг слух.

— Ваше Превеликое, — щебетала девушка, глядя Короля по мохнатой руке — а какого, собственно, королевства вы государь?

— Многоземельного, — зевнул Король.

— Нашего! — девушка радостно всплеснула руками — Ой, как хорошо! И переезжать мне никуда не придётся, гражданство менять!

— Куда переезжать? — не допонял Король, он смотрел телевизор, а собеседницу слушал вполуха.

— Никуда! В этом — то и прелесть! — девушка кокетливо поправила волосы — Вот захочет Ваше Величество меня замуж взять, а мне и пачпорт выдывать не нужно, всё готово! Вы — Король Многоземельный, а я гражданка вашего королевства, по — моему, это — судьба!

— Чево? — Король перевёл взгляд на девушку — У меня в королевстве миллионов с пятьдесят баб, все гражданки Многоземельного Королевства, все мои подданные, эдак по твоей логике я должен их всех замуж взять?

— Если пожелаете, — сразу согласилась девушка — я не буду возражать, но чур я — первая жена, по статусу. Очерёдность меня не волнует. Видите какая я буду добрая жена — покладистая, с широкими взглядами. Какая — другая вас за такие дела пилила бы денно и ночью, а я и слова худого не скажу, только замуж возьмите.

— Так не положено у нас, что бы у монарха было больше одной официальной супружницы — такой закон, — Король задумчиво поскрёб бороду.

— Так измените закон, сир, что вам стоит?

— Это просто так не делается, — чувствовалось, что Королю этот разговор не очень приятен — этот закон не просто так придуман, там дело в престолонаследовании, — Величество на миг задумался, выдумывая оправдание, но ничего толкового ему в голову не приходило, и он, вдруг, вспомнил — кстати, я, уже, женат! — с облегчением, неожиданно

вспомнил он.

— И где она, ваша королева? — спросила девушка.

Король нахмурился.

— А кто её знает, — пробурчал он — шляется где — то, распутница. Совсем меня забросила, позабыла. Никогда я от неё добра не видел, всю жизнь с ней промаялся.

— Вот видите, Ваше Величество, она недостойна вас, — девушка прижалась щекой к покатоному плечу Короля — я буду лучше её, всегда буду преданна королю и короне. Дайте ей развод и возьмите меня, вместо неё, в жёны.

Король вздрогнул, до того холодной оказалась кругленькая щёчка, лёгшая ему на плечо, что у него по спине пробежали мурашки.

— Это, конечно возможно, — медленно проговорил он — но... я когда женился, мне за женой богатое приданное давали, собственно, целое королевство и дали. А у тебя где приданное, достойное короля? Ты же, навроде, бесприданница. К тому же и происхождения не благородного, а я, даже, любовниц беру с доплатой. Один раз, только, задаром взял, теперь, вот, жалею...

— Ах, Ваше Величество, — прошептала девушка так, что Заяц еле расслышал — как вы жестоки! Вы не представляете, как я обрадовалась, когда увидела вас! Наконец мой король пришёл за мной, я столько долгих лет ждала вас. Вы не представляете, как мне здесь одиноко и тоскливо, отчаянье просто разрывает меня изнутри, — губы у неё скривились, она едва не плакала — и, только, вы дали мне надежду на спасение и тут же её отбираете. Прошу вас заберите меня отсюда, спасите меня...

— Ну что ты, прямо так уж... — растерянно пробурчал Король — не стоит излишне драматизировать.

— Я не драматизирую, — девушка обронила на мягкое, пухленькое плечо монарха слезинку — наоборот, я держусь как могу, но чувствую силы покидают меня, вы моя последняя надежда, мой долгожданный возлюбленный.

Слезинка, упавшая на плечо государя, оказалась поразительно холодна, как снежинка в лютый мороз. Король вздрогнул и покосился на собеседницу, её глаза были затуманены неподдельным горем.

— Ну ты пойми, мне же невыгодно вступать с тобой в брак, — сказал монарх.

— Да, я всё понимаю, — тихо ответила девушка — ничего не поделаешь, видно это моя судьба оставаться здесь, покинутой и забытой своим Королём, — она тяжело вздохнула — а я из — за вас не поступила в университет, не пошла на вступительные экзамены, боялась, что вы не потерпите, что бы ваша будущая жена жила в общежитии, навлекая тем на себя излишние подозрения, ведь как говорится — жена Цезаря должна быть вне подозрений... Боюсь, даже, представить, что матушка скажет, когда узнает об этом!

— Это ты сильно поспешила, — Король был поражён открывшимися подробностями — науки, это конечно, бессмысленное времяпровождение для дураков...

— Но я же надеялась на вас, на вашу честность и благородство, — прервала его девушка — а вы же, намеренны покинуть меня одну, жестокосердный...

— Ну я ещё не совсем определился, — Король взял в руку пульт дистанционного управления и стал переключать каналы — что — это у вас тут двести каналов, но везде одно и то же?

— Так во всём королевстве, — объяснила девушка — на всех частотах, только один канал — Первый Правдивый.

— Ах да, — припомнил Король — я же сам все остальные запретил. Совсем запамятовал. Но так я же сам это говно не смотрю, не мудренно, что из головы вылетело, — Король заметил, что девушка продолжает смотреть на него влюблёнными преданными глазами, от этого взгляда ему было не по себе, и он поёрзав на месте сказал — да не переживай ты так, заберу я тебя с собой. Жениться, пока, не обещаю. Ну как минимум, до того, как порешаю все вопросы с тестем, а там видно будет. В принципе, я давно развестись хотел, сразу же на второй день после свадьбы, но мне совесть не позволяла, да, совесть... и деньги, которые были у её родителей.

— Как вы великодушны! — девушка ещё крепче прижалась к монарху — Я знала, я верила, что вы не бросите меня!

— И как люди это смотрят? — Король удивлённо приподнял брови, просмотр телепрограммы быстро отвлек его от разговора, который он посчитал оконченным, но тут девушка, самым обыденным тоном произнесла фразу резко впечатлившую Его Величество.

— Вам осталось, только, сразить чудовищного великана и можете смело меня забирать, матушка очень обрадуется, — сказала она.

— Не понял, — Король резко повернул к девушке своё, перекосившееся от радостной новости лицо — кого — кого сразить? И кому?

— Да, есть такая мелочь, — невинным тоном сказала девушка — здесь, по соседству, проживает великан — людоед, и он не отпустит меня без боя. Всякий кто пытался меня вызволить сталкивался с ним.

— То есть, уже были желающие?! — воскликнул Король — И судя по тому, что ты всё ещё здесь, то встреча с великаном для них закончилась плачевно!

— Да, — подтвердила девушка — но они меня совершенно не беспокоят, они не были королями.

— Да откуда у вас, вообще, взялся этот великан?! — разнервничался Его Величество — Разводите вы их, что ли! Разве у нас не было войны с горными великанами — людоедами? Как этот — то на территорию королевства пробрался? Почему его не интернировали?

— Всё так, Ваше Превеликое, — подтвердила девушка — была война с великанами — людоедами, столетняя, и никак великаны не могли захватить и пяди Многоземельного королевства, ибо к войне были, абсолютно, не приспособлены и при малейшей угрозе — просто убегали, но потом вы объявили земельную реформу, что бы продавать земли королевской, помните?

— Допустим припоминаю, — буркнул Король — это был вынужденный шаг, я, как просвящённый монарх, не мог больше поддерживать ретроградство и объявил, что земля — это такой же товар, как, к примеру, и булка хлеба, ведь если можно продавать хлеб, отчего же не продавать и землю? Тем более, я не всё распродал, только часть королевских земель, да пару десятков миллионов акров у крестьян конфисковал, не просто так, конечно, а за долги, точно не помню уже за какие, но что — то я там придумал. Я был вынужден так поступить, у меня была острейшая нехватка финансов, я реализовывал свой великий проект — сто новых дворцов для короля. Согласно этого проекта я должен был стать самым дворцовым королём в мире! К славе и гордости Королевства Многоземельного! И дворцы планировалось строить не только в самом Королевстве Многоземельном, но и на южном побережье Испании, в Италии, в Швейцарии, при чём там, мне даже удалось сэкономить — купил, уже готовые палаццо и несколько замков, правдо, довольно таки старых.

— Вы очень мудро поступили, — восхитилась деяниями Короля девушка — но вот,

тогда — то, великаны и купили часть королевства, которую не могли сто лет захватить. Правда, поначалу, людей они не трогали.

— Видишь, как хорошо получилось, — заметил Король.

— Да, очень хорошо. Сначала они вырубали все леса и продали их, так они отбили расходы на покупку земли. Потом они выкопали все драгоценные залежи и, тоже, продали, и вот, только, после этого они принялись за население, всех, кто не успел или не смог бежать они поели, никого не осталось, ни человека ни животного, а теперь они понастроили себе замков повсюду и благоденствуют.

— Невелика беда, — отмахнулся Король — в остальной части королевства, хоть и нету великанов, а ситуация не сильно отличается, так что нечего на судьбу роптать, такой уж удел положен, господам — богатеть, хлопам — бездельникам — терпеть нужду и всяческие невзгоды, и по делом, ибо бездельники и тунеядцы, а к тому же, ещё, и завистники, сами ничего в жизни не добились, только что и могут на чужое добро слюни пускать, да честное имя благородных господ порочить, — Король аж закашлялся, до того яро отстаивал справедливость — а этот твой великан, его замок далеко ли отсюда? Может я сбежать успею?

— Не успеешь, — огорчила Короля девушка — у этого, у одного, замка нет, и живёт он на нашей улице, так что, стоит тебе, только, показаться за двором, тут же он тебя и схватит.

— Во дела! — подумал Заяц и прижался лбом к стеклу, ему очень хотелось увидеть выражение лица Его Величества после такой приятной новости, но вместо этого косо́й встретил взглядом два холодных огонька, пронизавших его до самого нутра. Это были глаза старухи — матери, оказалось она из темноты соседней комнаты внимательно следила за Королём. Её взгляд встретился с взглядом косо́го, и тот, отпрянув в ужасе от окна, свалился на пол.

Испугавшись, что звук падения мог привлечь Короля и, что хуже, женскую часть обитателей дома, Заяц, на четвереньках, рванул с веранды, молнией пронёсся по двору, хлюпая в глубоких лужах грязной водой, и заскочил в будку, где, не взирая на укусы полусонной сестры, надёжно забился в угол, и лежал так, стуча зубами, до самого рассвета.

Утреннее солнце играло бликами в озёрах дождевых луж. Через всё небо перекинулась цветная арка радуги, а над ней скользили пушистые белые облачка, всё было мирно и безмятежно, как будто и не было вчерашней бури. Не хватало, только, пения птиц.

Зайчиха, что бы не сидеть в грязи, вылезла на плоскую покатуую крышу будки и грызла гнилое кислое яблоко.

Сегодня, с самого утра, в доме царили панические настроения. Король, то и дело выскакивал на веранду, сверкая нагими телесами, нервно прохаживался на ней, вставал на ципочки, и глядела через забор. За Величеством, неотступно, бегала старуха — мать, постоянно что — то ему увещевала, гладила по руке и пыталась напоить чаем, но монарх отвергал все поползновения привести себя в состояние покоя, топал ножками, махал ручками, из — за чего опрокинув чашку с горячим чаем и обварил свои пухленькие ножки, от боли Король запищал, схватился за голову и забежал в дом.

Мать, прежде чем последовать за августейшим, спустилась с веранды и подошла к старшей дочери, которая была занята тем, что опять стирала королевский костюм.

— Что ты натворила! — грубо сказала мать дочери, из — за эмоций не сдерживая голоса, так что Зайчиха могла всё слышать.

— А что такого? — оправдывалась девушка — Я предупредила его о великане. Так же со всеми было. Тех — то, предыдущих, я даже не предупреждала, что за мою руку нужно сразиться с великаном, это для них всегда было неожиданостью.

— Да разве среди тех, предыдущих, были короли? — обозлилась мать.

— Не было, конечно, — девушка принялась тереть портки о стиральную доску — а нынешний, настоящий король, потому его я и предупредила, что бы помочь ему, предупреждён — значит подготовлен.

— Кто тебя за язык тянул? — мать покрутила пальцем у виска — Разве я тебя за тем к нему приставила, что бы ты его до инфаркта довела? — мать хотела было дать дочери хорошего леща, но сдержалась, побоялась товарный вид испортить — Ладно, может ещё обойдётся, великан не видел Короля и не знает, что он здесь.

— Уже знает, — пискнула девушка, не прекращая отдраивать королевские портки.

— Как?! — у матери округлились глаза, отчего она стала похожей на камбалу — Откуда? Кто выдал?

— Я сама ему сказала, — невинным голосом сказала девушка — хотела как лучше, ведь, чем скорее Король победит великана, тем скорее мы сможем сыграть свадьбу и уехать отсюда.

— Идиотка... — прошипела мать и, взбежав на веранду, спросила — где младшая?

— Как всегда, зверушек пошла кормить, — ответила девушка.

— Как вернётся, запрёшь ворота на замок, а ключ принесёшь мне, — распорядилась мать.

— Что, боишься, что великан ворвётся к нам?

— Нет, — мать покачала седой головой — боюсь, что бы твой жених не сбежал, — она резко развернулась, и громко стуча каблуками по доскам веранды, прошла в дом, откуда разносились причитания Его Величества.

Не успела за матерью захлопнуться дверь, как появилась девочка, за ней плёлся Заяц с

пустыми ящиками в лапках. Косой снова помогал девочке, на прежних условиях, он, почему — то, был уверен, что, уж, второй раз его не обманут. Разочарование было скорым. Едва девочка и Заяц вошли во двор, девушка заперла ворота и, дав, младшей сестрёнке длинный ржавый ключ, велела, тотчас, отнести его матери. Девочка взяла ключ в обе ручки, весело проскакала по ступенькам веранды, у самой двери дома она обернулась показала Зайцу, поразительно длинный, розовый язычок и заскочила в дом.

Заяц показал в ответ свой слюнявый фиолетовый язык с белым налётом, но тут же получил по морде мокрыми королевскими портками — косой подзабыл, что во время стирки, лучше держаться подальше, за что и поплатился.

Зажав лапой разбитый нос, он поплёлся к будке.

— Какова маленькая нахалка! — пожаловался он сестре — Второй раз меня обманула? Как же можно?! Я же в этот раз с ней с ней договаривался, что бы без обмана. Мы на мизинчиках поклялись!

— Что — то сегодня удивительное творится, — сказала Зайчиха, не обратив никакого внимания на жалобы брата — Король носится, как угорелый, да и эти, как переполошённые куры.

— Ещё бы ему не носиться, нашему Превеликому, как оказалось, предстоит поединок с великаном — людоедом, — припомнил Заяц подслушанное вчера ночью — так что не долго ему осталось бегать. Тут нужно о себе подумать. Как мы — то будем выбираться? Как нашу машину забрать, да заправить её. Бензин — то у них есть, во втором гараже, я по запаху чую.

— И не надейся, — огорчила Зайчиха брата — хотя, впрочем, можешь попытаться, договорись, опять, с этой мелкой прохвосткой, авось получится, а? — она подмигнула брату и криво усмехнулась, но тут же перешла на серьёзный тон — Нет, братец, ничего мы, уже, не вернём, самим бы выбраться живыми.

— Ты думаешь, великан после Короля за нас возьмётся? — испуганно предположил Заяц — Зачем мы ему? Король он вон какой — толстенный, да с него одного жиру целому семейству великанов на год хватит, а мы — то что? Кожа да кости, покрайней мере я, ты — то вон какую сраку наела...

Заяц тут же получил звонкую оплеуху за бестактность.

— Могла бы и большую отрастить, — сказала Зайчиха — если бы тебя, нахлебника, не содержала.

— Да чего, уж, теперь ссориться, — Заяц потёр ушибленное ухо — нужно думать, как нам ускользнуть отсюда, пока великан — людоед сам сюда не заявился.

— Да что мне этот великан, вряд ли мы его заинтересуем, — Зайчиха наморщила лоб — нет, я гораздо сильнее опасаюсь этих троих, — Зайчиху передёрнуло — и чем дольше мы тут находимся, тем больше.

— Ты про здешних баб? — уточнил Заяц.

Зайчиха молча кивнула.

— От чего? — спросил Заяц, выпучив бестолковые глазки — они, конечно, по — моему все здесь не в своём уме, но если к дому близко не подходить, то, вроде, неопасные.

— Они не к дому нас не подпускают, — Зайчиха выкинула яблочный огрызок — а к Королю.

— А я и не заметил, — удивился Заяц — думал, они просто животных не любят.

— Ты всегда был глупцом, — дала определение брату Зайчиха — а я, сразу, поняла, что Короля они отсюда не выпустят.

— Так что же, придётся уходить самим? — спросил Заяц — Это все договорённости с Королём аннулируются, как мы дальше будем, нас же коллектора ищут, выходит, всё равно, оставаться в стране нельзя.

— Если мы попытаемся уйти открыто, — Зайчиха задумчиво мяла свою раздвоенную верхнюю губу — то Король, тоже, попытается уйти и ни чем хорошим это для нас не кончится. Нет, пока мы сидим тихо, они, тоже, ничего не предпринимают, выжидают. А если мы сбежим, а они, безусловно, постоянно следят за нами, то далеко живыми мы не уйдём, свидетели им не нужны. Нет, нужно, выйти как — то так, что бы не привлекать подозрений...

— Что ты нагородила какой — то чепухи! — Заяц встряхнул головой, словно сбрасывая с себя наваждение — Напридумывала какого — то бреда! Сидишь и меня пугаешь!

— Если бы это были, только, мои выдумки, то меня бы уже здесь не было со вчерашнего дня, — Зайчиха грустно покачала головой — я, ведь, когда вчера утром уходила, уже надеялась, что покидаю вас навсегда. Ан нет! Сначала я немного попетляла по улочкам, для виду, а потом двинула прямо, с мыслью, покинуть этот посёлок как можно скорее, но не успела я пройти и сотни шагов, как стала замечать, мелькающую, то слева, то справа от меня, серую фигурку. Пригляделась, а это та самая девчушка с которой ты утром пришёл, стоит и на меня немигающими глазёнками смотрит, так, будто дыру прожечь хочет. Ну я влево, а она, уже, там, вправо — она тут как тут. Куда бы я не свернула, она всегда впереди оказывалась. Уж я петляла, запутывала — всё бесполезно. Целый день мы так мотались, но это было ещё не самое худшее, худшее началось, когда внезапно всё затянуло тучами, стало темно, как в одном месте, где солнце не светит, хлынул ливень, и я, почти не могла разглядеть эту девчонку, только её глаза, они будто фосфоресцировали во тьме. И тут эти две, горящих белым светом, точки кинулись на меня. Я удирала, что есть сил, но эта малютка не отставала, я слышала как у меня за спиной по лужам хлюпают её ноги.

— Так, ведь, дождь был, — попытался найти объяснение Заяц — ясное дело — она домой и поспешила.

— Ага, — иронически усмехнулась Зайчиха — но, только, вместо зонтика в руках у неё был вот такой тесак, — Зайчиха показала лапами примерную длину ножа — наверное спутала, не то взяла.

— Тьху на тебя, старая дура! — взвился Заяц — Мерещится тебе всякое, а ты сидишь и меня пугаешь, своими бреднями! — но как Заяц не хорохорился, было слышно, что у него от страха зубы стучат.

— Да что же ты, и в правду, ничего не замечаешь? — оскорбления совершенно не действовали на Зайчиху, до того она была уверена в своих словах.

— Не замечаю? — нервно икнул Заяц — А что я должен замечать? Я тебя не понимаю!

— Напряги остатки своих скудных мозгов... — Зайчиха не успела договорить, как её прервал грохот, повторившийся троекратно — кто — то стучал в ворота.

Зайцы замерли на крыше будки, вытянувшись во всю длину на задних лапах, что бы лучше видеть происходящее.

Стук в ворота, снова, повторился, а вслед за ним раздался грубый голос:

— Фи — фай — фо — фут! Дух королевский чую тут!

— Великан! — одновременно догадались Зайцы, при этом Заяц сразу нырнул в будку, а Зайчиха осталась наблюдать.

— Фи — фай — фо — фой! Выходи на бой со мной! — кричал великан, и было слышно,

что язык его, почему — то заплетается.

В окне показалось бледное лицо Короля, он открыл форточку и крикнул в ответ:

— Убирайся, лучше, подобру — поздорову, — настоятельно советовал Великану авгудейщй — пока я милицию не вызвал!

— Выходи бороться! — гнул своё великан.

Король громко захлопнул форточку и задёрнул на окне занавеску, показывая наглицу, что разговор окончен. Но великан и не думал отступать, он продолжал греметь в ворота, шатать их, при этом злостно матерясь во всё горло.

Король не мог снести подобного оскорбления, потому, снова, открыл форточку и принялся крыть хама в ответ. При чём бойкий, властный голос Короля, явно, одерживал в этом соревновании вверх над сбивчивым, глухим голосом великана.

Неожиданно за воротами всё стихло. Казалось, что Король одержал победу и враг позорно бежал, даже не попытавшись вступить в бой.

Вдруг, над воротами, показался какой — то куль грязных латаных тряпок, и с противным звуком, шмякнулся во двор. Сперва Зайчиха, следившая за событиями, подумала, что это мешок с говном, который великан закинул что бы выкурить Короля смрадом. Но это оказался не мешок. Куль тряпок шевелился и рос, это было что — то живое. У Зайчихи от страха замерло сердце. Куль грязных, засаленных тряпок — и был великан! И то что она первоначально приняла за тряпки — были старый латаный свитер и синие, в жёлтых пятнах, штаны — гамаши с вытянутыми коленками, поверх свитера на великане был, ещё, кургузый пиджачок, коричневого цвета, без пуговиц, обляпанный грязью и ещё какой — то неизвестной субстанцией, из левого кармана пиджачка торчала чекушка.

Великан, держась одной рукой за ворота, с трудом поднялся на ноги, при этом роста он оказался не совсем великанского, а, скорее, самого обычного. Покачиваясь, он подошёл к веранде и схватился рукой за перила, что бы не упасть.

— Опять нового хахаля привела? — фамильярно спросил он у стиравшей девушки — А ты знаешь, что сначала я должен его в бою испытать, что бы определить можно ли тебе водить с ним шашни!

— Естественно! — девушка и не думала оспаривать великанские правила — Он там — она показала в направлении дома — Зови.

Великан поджал тонкие бескровные губы на коричневатом, изрытом морщинами лице и стал подниматься по ступеням, было видно, что для него это настоящее испытание. Едва преодолев одну ступеньку, его отбрасывало назад на три шага, он в последний момент хватался за перила, и с трудом восстанавливал равновесие. Три — четыре раза великан штурмовал три непреступные ступеньки, всё безрезультатно. Тогда он придумал неожиданную хитрость, стал на четвереньки, и, цепляясь вытянутыми коленками гамашей, пролез по ступенькам на веранду и дополз до самой двери. Здесь, опять пришлось подниматься. Великан обеими руками, мондражирующими от сильного похмелья, вцепился в дверную ручку, и извиваясь, как змея, встал, оперевшись плечом о лутку двери. Он постоял, переводя дыхание и срыгивая алкогольные пары, потом сжал венистые дрожащие пальцы в кулак и забарабанил по двери.

— Выходи и сражайся! — кричал великан — А если же боишься, то не достоин ты такой невесты и должен убираться отсюда восвояси! Уходи и не возвращайся! Я проганяю тебя!

Король, спрятавшийся за занавеской, счёл требования выдвинутые великаном, вполне

разумными и приемлимыми. Он облегчённо выдохнул, утёр холодный пот выступивший на лбу и крикнул в форточку:

— Моё Величество согласно пойти тебе на уступки и принять предлагаемые тобой условия! Отойди от двери на десять шагов и считай до ста!

Великан, заслышав, что Его Величество даёт капитуляцию, презрительно фыркнул, вытянул из кармана чикушку, открутил крышку и, сделав несколько жадных глотков, утёрся рукавом.

— Даёшь безусловную капитуляцию! — еле выговорил великан — Выходи сейчас же! Я, просто, дам тебе пару затрещин и отпущу восвояси... ик!

Ответом великану была гнетущая тишина, затем за дверью послышались тяжёлые шаги и клацнул, отпираемый замок. Дверь начала отворяться, медленно боязливо, с гадким визгом несмазанных петель, она отодвигалась от стоявшего перед ней в упор великана, тот, уже, расплылся в победной улыбке, готовый встретить сдавшегося Короля.

Внезапно, великан успел только ойкнуть, из — за двери вылетела, страшная как Мегера, мать, белки глаз налиты кровью, зубы оскаленны.

Великан отпрянул в ужасе, и тут же на него обрушился удар огромного топора. Топорище просвистело в воздухе и начисто срезало великану левую часть черепа, он всё ещё стоял, когда следующий удар вонзил топорище ему в костлявую грудь, круша рёбра со страшным хрустом. Великан свалился на спину, разбросав руки в стороны, а мать всё била и била топором по безжизненному телу, всю веранду залило кровью, и её весёлые ручейки просачивались между плохо сколоченных досок пола. Наконец мать вымахалась, устала и, отложив топор, вытерла лицо от пота и крови. Она поглядела на равнодушно замершую у стирального корыта старшую дочь и позвала её жестом.

— Помоги мне его вынести, — она наклонилась и взялась за ноги великана в потемневших от напитавшейся крови гамашах.

Девушка вытерла руки и, поднявшись на веранду, взялась за руки поверженного великана и они, вдвоём с матерью, неловко покачиваясь, потащили тело. Когда они проносили чудище через ступеньки из кармана пиджака выпала, звякнув, чекушка.

Этот характерный звук, тут же, привлёк внимание Зайца. Переборов страх, косою высунул морду из будки. Вроде бы опасность миновала, а женщины заняты. Он, быстренько, на пузе, пересёк двор, и подобрал утерянную чекушку, тут же выдернул зубами пробку и допил содержимое. Самогон был отличный, очистки, конечно, никакой, зато крепость оказалась ядрёнейшая, у Зайца, сразу, помутнело в голове, да так, что он и, сперва, и не расслышал, как к нему обратилась мать.

— Эй, ты, выродок ушастый! — позвала она и швырнула Зайцу ржавый ключ — Раскрой нам ворота пошире!

Заяц стоял, удивлённо мигая косыми очами.

— Живо! — гаркнула мать — Или будешь следующим!

Заяц опомнился, подскочил к воротам, быстро отпер замок и распахнул створы ворот во всю ширь.

Мать и дочь потащили поверженного великана за двор.

— Ну и как мне, теперь, идти замуж за Короля? — спрашивала девушка — Он великана не побеждал, а без преодоления этого испытания, я не вижу возможности отношений между нами. Всякого претендента я приводила к великану. За меня нужно сражаться!

— Не глупи, — фыркнула мать — Король — это не всякий! Для него не должно быть

никаких испытаний.

— Но как же без драки? — ныла девушка — А, вдруг, он и мне не сможет врезать как следует, как настоящий любящий супруг. Я жить в браке без любви не смогу.

— Успокойся, — порекомендовала мать — Всё он сможет. Да и не это самое главное, уж, поверь мне я жизнь прожила, знаю, что говорю.

— Да, не самое, — неохотно согласилась девушка — я это понимаю, главное, что он — Король, из влиятельной благородной семьи. Подумать страшно сколько мы его ждали, не упустить бы теперь!

— Вот и хорошо, что понимаешь, — мать и дочь перенесли великана через, посыпанную гравием, дорогу и бросили под забор соседнего дома.

Женщины, активно перешёптываясь, вернулись домой, а Заяц, услужливо запахнул за ними ворота, запер замок, но сам ключ, хитрец косоглазый прикарманил.

Нелёгким делом оказалось вернуть мятущегося Короля в состояние покоя. Мать и дочь, с двух сторон, утешали монарха, как могли, клятвенно заверяли, что под их кровом и неусыпной опекой его персоне ничего не грозит, поили Короля настойкой валерианы, и, кое — как, после двух часов уговоров, Его Величество разрешил вывести себя к столу, а уж тут — то, обильные яства вернули Королю прежнюю бодрость духа.

Он понемногу стал припоминать, как храбро встретил великана, и как, одними внушениями и царственным своим видом, обратил гадкое чудовище в бегство, а уж, потом, изрубить, морально уничтоженного великана, было плёвым делом, которое мог сделать любой, но не будет же сам Король марать руки, вот он и отправил старуху — мать закончить дело.

Женщины полностью подтверждали каждое слово Его Величества, и, даже, прибавляли, что — то от себя, о поразительной смелости и находчивости Короля.

Постепенно обед перерос в пир, по случаю победы Великого Короля.

— Самое важное, после любой войны, не как всё было, а как об этом расскажут! — мудро изрёк Его Величество — Правда — это официально принятая трактовка событий!

Пир проходил до того весело, что, даже, зайцев пустили к столу, вернее около стола, что бы Король мог бросать им объедки. На патифоне играла пластинка с песнями Стаса Михайлова. Заяц тут же подрядился развлекать почтенную публику танцами. Зайчиха воздержалась, она, видите ли вы, считала унижительным для себя, зарабатывать подобным образом.

— Ну и сиди голодная! — рассмеялся над гордячкой Король и перестал, совсем, швырять ей объедки, перенаправив их в пользу Зайца.

Косой же танцевал на славу и вознаграждение получал соответственно величине своего таланта, он быстро подхватывал с полу обгрызенную куриную или гусиную ножку, совал себе за щеку, и, задорно пританцовывая, обсасывал с них остатки мяса и кожи. А потом пошло лучше — Заяц стоял, замерев, с открытым ртом, а Король бросал на меткость, целясь прямо в рот косому, шарики накрученные из яблочного пирога. Всякий раз, когда Король попадал, мать и дочь бурно аплодировали, и рассыпались в комплиментах в адрес Его Величества.

А какой же праздник победы без хорошей выпивки? Хорошей не нашлось, но, в честь такого повода, Король снизошёл до питья вина стоявшего, уже, сорок лет в подвале, и как сказала старуха — мать, дожидавшегося такого торжественного часа, когда их осчастливит своим визитом сам Король.

После пары кубков, неожиданно, мать завела разговор о помолвке, что вот её старшая дочь, да и младшая, тоже, если Король того пожелает — такая идеальная пара, и что пора бы им скрепить общее стремление к скорой свадьбе помолвкой, заверить которую собственными подписями на документе, так удачно оказавшемся под рукой, они могут тут же.

Мать, с поклоном, разложила перед Королём пожелтевший папирус на котором выцветшими от времени чернилами был прописан текст — договор о помолвке, в котором в витиеватых выражениях сообщалось, что подписавшийся ниже король обязуется взять в законные супруги ниже подписавшуюся даму.

Король опустил глаза на нижнюю часть документа, где удивительным образом, уже, красовалась подпись его будущей супруги. Чернила у подписи давно выцветли, представляя собой бледные чёрные закорючки.

Этим вечером Его Величество был в хорошем настроении, ведь не каждый день доводится побеждать великана — людоеда, так что он быстрым росчерком пера поставил свою размашистую подпись — крестик под документом, а выполнять его условия или нет, он решит потом, на то он и Король! И не такие договоры нарушал!

Едва Король оторвал кончик пера от бумаги, мать, свернув папирус трубочкой, спохватилось, что время, уже, позднее, а молодым нужно, ещё, пойти поворковать наедине.

Девушка встала, помогла встать Королю и повела его в дом, а мать, сама, осталась прибирать со стола и отмывать засохшую кровь с пола, а то до неё весь день руки не доходили.

Зайцам было позволено облизать тарелки, здесь — то и сломалась нестигаемая гордость Зайчихи, она заграбастала все тарелки себе, а брату сказала только:

— Ты и так достаточно за свои танцы получил.

— Так я же работал, вот и получил, не тебе же я должен заработанное собственным трудом отдавать?! — разобиделся косою.

— Должен! Должен! — вспыхнула Зайчиха — Всегда так было, один — работает, другой — ест! Это — экономический закон, Адама Смита почитай!

— А что у него такое есть? — удивился Заяц.

— Не знаю, — буркнула Зайчиха выбирая краюхой хлеба жир с тарелки — должно быть. А если нет, значит он — болван, такой же как и ты!

— Это я — болван? — надулся Заяц.

— Конечно ты, а кто же ещё? — Зайчиха жадно уплетала пропитавшийся жиром хлебец.

— А разве у болвана может быть такая штука? — он показал сестре ключ от ворот.

— Раз у тебя есть, значит может, — холодно пояснила Зайчиха.

— А вот, сейчас, они улягутся спать, я ворота отопру и буду таков, ищите ветра в поле, — рассказал свой план косою.

— Ты же мне не верил? — Зайчиха долизала дно тарелки и поставила её на стол — Что же, вдруг, переменил мнение? А — а — а... тебя убедило устранение великана! Да, даже такой идиот, как ты, мог убедиться в серьёзности здешних дам, они пойдут на всё... Ты собрался сбежать? Хочешь посреди тёмной ночи встретится с этой девчёнкой? Я средь бела дня, еле — еле, унесла от неё ноги, а ты хочешь повстречаться с ней ночью? Ну удачи тебе, братишка.

— Так ночь, она спит давно, — предположил Заяц.

— Нет, не спит, она следит за нами, постоянно, — Зайчиха перешла на шёпот, так как старуха — мать пришла забрать грязную посуду — я уверена, что они, вообще, никогда не

спят, а пытаться удрать ночью, это гораздо опаснее. Ты же или я — в темноте, как куры — ничего не видим, а для этих — хоть вет, хоть крошечная тьма, всё одинаково. Так что ты лучше ключ на стол положи, всё одно ни его завтра утром хватятся и будут у тебя неприятности.

Заяц молча поклат ключ на край стола.

— Хотя, погоди — ка, — Зайчиха взяла ключ, приложила его к половице и обгрызла дерево по контуру ключа, особенно тщательно она обточила зубами бородку, в итоге получился деревянный дубликат — вдруг пригодится, — сказала она — а теперь слушай внимательно, — она свела брата с освещённой веранды и прижав губы к самому его уху зашептала — наш единственный шанс сбежать — это хитрость, завтра когда девчонка утром снова пойдёт кормить зверей напросись помогать ей, якобы за бутылку водки или о чём вы там договариваетесь, но иди как можно медленнее, тяни время.

— Зачем? — тихо спросил Заяц.

— Затем, раз она с тобой, то я буду свободна от наблюдения, а эти две, — она кивнула на старуху — мать перемывавшую посуду в летней кухне — ни за что не отойдут от Короля, и я смогу убежать.

— Хорошо! — сперва обрадовался Заяц, но резко спохватился — Погоди, а как же я!

— Когда же ты, уже, перестанешь быть таким эгоистом? — Зайчиха взяла брата под лапу и повела к будке — Вот что ты заладил — я да я... Видишь, что, только мне получается спастись, вот и порадуйся за меня.

— А что со мной будет? — не внимал словам сестры Заяц.

— Да что с тобой станется? — с деланной простотой отмахнулась Зайчиха — Я, как только, выберусь, сразу сообщу в милицию, так что будь покоен.

— А давай наоборот, — предложил Заяц — ты будешь отвлекать девчонку, я тебе дам свой жилет и она подумает, что ты — это я, люди, вообще, плохо зайцев различают, мы для них все на одну морду, а я, тем временем, сбегу и позову помощь.

— Нет, это слишком рискованно, — Зайчиха затрясла ушами — девчонка тебя уже знает, как выдающегося дурака, а если к ней подойду я, она может заподозрить подвох. Такую придурковатую рожу, как у тебя, мне никак не сделать, это врождённое, плюс годы пьянства и разврата, так что она мне, точно, не поверит, тем более после нашей последней встречи она меня хорошо запомнила.

— Нет я не согласен, — продолжал упираться Заяц, уже, внутри будки — давай, лучше, бегим ночью, да в разные стороны, как известно за двумя зайцами погонишься...

— Какой же ты, братец, твердолобый, — вздыхала Зайчиха — ну сам — то посуди, ну зачем погибать обоим, когда один может спастись? Один — я...

— Нет, нет и нет! — протестовал Заяц и продолжал выдвигать планы побега, которые Зайчиха, в свою очередь категорически отвергала.

Уже глухая ночь плотно обволокла землю, а зайцы, шёпотом, приперались в крошечной темноте конуры, ни одна из спорящих сторон не хотела идти на уступки. Так они проспорили почти всю ночь, но так и не придя к общему решению, начали задрёмывать, не в силах больше бороться со сном, но, вдруг, начавший окутывать их сон, был отогнан лёгким стуком по крыше будки.

— Что такое! — встрепенулись Зайцы.

— Не орите, — сказал голос снаружи — это я — Король, вылезайте, нужно поговорить.

Зайцы, бурча и морщась, выбрались из конуры. На улице было, ещё, темно, но в воздухе,

уже чувствовалась утренняя свежесть.

— Что это твоё превеликое решило снизойти до нас? — язвительно начала Зайчиха.

— Молчать! — оборвал её Король, но сразу понизил голос и, оглядевшись по сторонам, продолжил — Мне нужно бежать остюда, срочно, а добровольно эти ведьмы меня не отпустят, за мной постоянно следят, даже сейчас, я еле выпросился, сказал, что по нужде надо, и обязательно на свежем воздухе, еле отбился, что бы со мной не шла, мол у меня при свидетелях не получается, так что думайте, как меня выручить. За это получите моё королевское — спасибо.

— Не слишком ли щедро ты хочешь нас вознаградить? — заскромничала Зайчиха.

— Моё великодушное безгранично, — ответил Король — кроме того, если худшее, что меня ждёт — это насильственный брак, то вам и того горше будет, вы им живыми не нужны. Да я сам попрошу, что бы из вас рагу приготовили. Поверьте, для меня это сделают. Так что вы заинтересованны бежать отсюда не меньше меня.

— Что же, вдруг, случилось? — спросила Зайчиха — Ты так хорошо здесь проводил время. Катался как сыр в масле. Жиры наедал. И, вдруг, решил бежать?

— Да уж было что, — Король поскрёб бороду — сначала я думал, что наобещаю всего о чём они меня просят, а поступлю, как мне выгодно, я всегда с чернью действовал по этой парадигме, и всегда работало, хоть сто раз, хоть тысячу, им, хлопам, всё как первый раз. Вот и с этими я намеревался ту же штуку провернуть, но сегодня вечером случилось такое, что вынуждает меня отказаться от задуманного и попытаться бежать, при чём — срочно. А дело было так...

И Король поведал о том, что же приключилось с ним, не далее, как прошедшим вечером.

* * *

Его Величество, знатно переел на празднике по случаю своей победы над великаном — людоедом, и, теперь, тяжело дыша и громко срыгивая, растянулся на диване, подложив под голову подушку и с пультом в руках.

В ногах у него сидела девушка и массировала ему ступни. Только что Король был с ней помолвлен, но самого Величество это никак не волновало — ишь чего удумали! Бесприданницу хотят ему подсунуть! Ну что ж, время сейчас выдалось нелёгкое, можно и согласиться, для виду. Пускай хлопы порадуются. Король частенько так делал — пообещает бывало, что, вот, сегодня он в последний раз поднимает налоги для низшего сословия (высшее сословие податей, конечно, не платило), хлопы радуются, как дети малые, а на завтра августейший им новый оброк выкатывает, но с обещанием, что это, уж точно, последний.

Король вспомнил благодатную эпоху своего правления и грустно вздохнул, вроде недавно было, а кажется, что целая вечность прошла, как — будто и не был он государем никогда вовсе, а всю жизнь так и скитался по чужим дворам, высматривая где пожить можно, да вечно опасаясь, что бы плетей не дали или кипятком не обварили, за искреннюю наглость и высочайшее хамство, бывало и милицию вызывали... Что бы отвлечься от накативших грустных мыслей Король клацнул пультом — включил телевизор.

— Вас приветствует Первый правдивый канал! Врём — дорого берём! — поздоровался

со зрителями диктор, мужчина средних лет и неприятной наружности — Здесь мы говорим, только, правду! — он облизнулся, поморгал маленькими глазками и продолжил — Но сегодня, наш канал, попытается совершить невозможное — стать ещё более правдивым и честным! Возможно, ты зритель покрутишь пальцем у виска, мол — это невозможно, куда уж боле?!

Король покрутил у виска указательным пальцем.

— Но вы же знаете, — диктор хитро улыбался — что у нас на канале нет никаких пределов, глупых ограничений и, даже, элементарной культуры! Потому сегодня для вас, только на нашем канале, премьера первого выпуска нового ежедневного остросюжетного политического обозрения от выдающегося аналитика, не имеющего аналогов во всём мире! Итак — начинаем! Первый правдивый — ври не краснея!

В студии погас свет, заиграла торжественная музыка и на самой высокой ноте, освещение вновь включилось, но декорации, уже, успели поменять. Из студии исчезла вся мебель, на полу был разложен стог сена, но, главное, что заставило Короля насторожиться — это то, что посреди студии оказался установлен его собственный портрет во весь рост. Король узнал эту картину, работу его собственного придворного живописца, у изображённого на холсте Короля была осиная талия и худощавое лицо с тонкими усиками.

Под несмолкавшую музыку, какие — то люди в спецовках, внесли грубо сколоченный деревянный ящик с, высверленными в нём, дырочками. Ящик был довольно увесистый, так, четверо человек, еле переставляя ноги и шатаясь из стороны в сторону, с трудом донесли его до портрета, и со всеми предосторожностями поставили на пол. В ящике оказалась прорезана маленькая дверца, она была заперта на щеколду. Когда ящик поставили, один из грузчиков быстро открыл эту щеколду, и все четверо, практически галопом, вылетели из студии.

Едва стихли шаги убежавших грузчиков, дверца, с грохотом, распахнулась и из ящика вырвалось нечто безмерно толстое, покрытое редкими волосами, с тремя складками на затылке и пятью на подбородке, с налитыми кровью крошечными глазками, приплюснутым носом и ярко светящейся, абсолютно гладкой, яркого красного цвета с фиолетовым отливом, задницей.

— Педерастическая обезьяна! — у Короля от волнения перехватило дух, он узнал примата, бывшего в своё время гордостью королевского зверинца, Король собственноручно любил кормить человекообразное, а тот, в свою очередь, в знак благодарности выбирал в королевской бороде вшей и беспощадно поедал их.

Педерастическая обезьяна — животное крайне ценное, водится возле больших европейских озёр, таких как Женевское, Маджоре или Комо, а приманить её возможно исключительно на виллу рядом с одним из этих озёр, так что обзавестись таким редким приматом — удовольствие очень и очень дорогое, и это не говоря о стоимости содержания зверя, ведь животное любит много кушать и ездить на элитных автомобилях.

Внезапное появление королевского любимца на телеэкране вызвало у Короля необъяснимую тревогу. Он и сам бывало демонстрировал населению диковинного зверя по тв, это, на удивление, здорово поднимало популярность Короля среди черни, но к чему, сейчас, обезьяну снова затранслировали?

Король напрягся, от волнения он, даже, сел, отняв ноги от заботливых холодных рук девушки, которая не поняла, что случилось, но, всё же, от неё не ускользнуло, что жених чем — то озабочен.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она.

— Не твоё дело, — отрезал Его Величество и упёрся взглядом в экран.

Обезьяна, уже, перевернула миску, разлив воду по полу студии и принялась давить фрукты, размешивая их с водой, в итоге у неё получилась безобразная каша, которую она набрала в ладонь и запустила в пасть, потом ещё горсть и ещё, в конце концов она набила полные щёки и защёчные мешки, так что, и без того, круглая её рожа стала ещё круглее, даже, сделавшись поперёк себя шире.

Обезьяна, дикими скачками, допрыгала вплотную к камере, и хлопнув себя лапами по щекам, заплевала весь объектив. Секунд десять экран телевизора крупным планом транслировал обезьяньи пережёвки, пока рука оператора не смахнула всё это тряпкой.

Обезьяна успела укусить руку и, вырвав из неё тряпку, порвала в мелкие клочья.

Сразу было видно, что человекообразное умеет работать на камеру, профессионал.

Обезьяна приставляла к объективу то один, то второй глаз, демонстрируя как налились и побагровели сосуды, затем она задрала верхнюю губу, накрыв ей плоский нос, а нижнюю оттянула пальцами и продемонстрировала жёлтые длинные клыки, и, внезапно, отпрыгнув от камеры, грозно завизжала, бья себя передними лапами в обвисшую грудь.

Став на четвереньки и задрав короткий хвост на спину, обезьяна стала нарезать круги возле портрета Короля, фыркая и грозно скалясь, затем, встала, как вкопанная, подставила ладонь себе под зад и громко испражнилась в руку, с диким визгом она взмахнула лапой и швырнула содержимое точно в лицо нарисованного Короля.

— Вот так раз, — вздохнул Король настоящий — а ведь, как я тебя холил, как лелеял...

Обезьяна, не понятно где столько в ней бралось, продолжала испражняться, в ладонь и не только, по студии курганами росли кучи фекальных нагромождений, тут же тучами вились, вездесущие мухи.

Обезьяна закидывала королевский портрет своими испражнениями, и делала это до тех пор, пока, полотно полностью не покрылось фекальными массами, такой эффект привёл человекообразное в полный восторг — обезьяна принялась скакать по студии, топча и разнося созданные собой кучи. Несколько раз она подскользнулась, падала, и дико визжа, кувыркалась в отходах собственного организма.

Король наблюдавший всё это стал бледен, как мрамор, а когда обезьяна с безумным воем прыгнула на загаженный портрет и пробила в холсте дыру, то Его Величество едва не лишился чувств.

Наконец, люди одетые в защитные костюмы, дабы не отравиться ядовитыми испарениями исходившими от фекалий обезьяны, палками загнали человекообразное обратно в ящик и на этом телепередача окончилась, а в кадре, вновь, появился диктор.

— Как, понравилось? — любопытствовал он у зрителей — Лично на меня это произвело неизгладимое впечатление, — диктор ехидно ухмыльнулся — с такими аргументами не поспоришь, всё с фактажём и железной логикой! Ждём вас завтра в это же время! И помните — всякий кто увидит низложенного узурпатора обязан задержать его, живым или мёртвым, всякий кому известно о местонахождении тирана обязан донести в соответствующие службы, кто же будет заниматься укрывательством или недоносительством, либо же каким другим образом будет способствовать разыскиваемому лицу — того ждёт смертная казнь через повешение, без суда и следствия! Вот и всё, ребята!

Ведущий исчез с экрана, а вместо него началась трансляция идейно — патриотического художественного фильма, ставившего главной идеей единение хлопов вокруг своих господ, с

отказом от выходных и отпусков, во имя высоких идеалов — накопления офшорных счетов.

Король встал, его, до селе смуглое тело, походившее на нежный кремовый торт, побелело от переживаний.

— Что случилось, мой любимый? — спросила девушка, которая как и положено приличной девушке ничего не понимала в политике, не хотела понимать и не пыталась этого сделать, иначе виденного по телевизору ей было бы, вполне, достаточно, что бы многое понять.

— Мне нужно ехать! — выдохнул Король — Сейчас же! Не теряя не секунды!

— Как ехать? — ахнула девушка — Куда ехать? Мать пригласит сюда и нотариуса и священника, что бы скрепить наш союз во всех инстанциях, только после этого нам можно будет уезжать.

— Да что ты привязалась! — вспыхнул Король — Некогда мне сейчас на тебя время тратить, может потом, когда — нибудь, я тебя приглашу ко двору... кухаркой... Отпирай гараж и заправь полный бак, мне предстоит к тестю ехать, путь неблизкий, я же тебя за оказанную помощь вознагражу, орденом...

— Так ключи у матери, — девушка всхлипнула, на глазах у неё навернулись слёзы, нижняя губка задрожала.

— Зови её! — не унимался Король — Мне спешить надо!

— А я здесь, — раздался холодный мягкий голос.

Король вздрогнул от неожиданности, и, резко, обернулся. В тёмном углу комнаты, вырисовался, будто подсвеченный синеватым огнём, овал лица старухи — матери, бледный, с плотно сжатыми губами, такими же белыми, как и лицо, а ярко — красные зрачки впились в Короля.

— Что случилось? — спросила мать тихим голосом — Почему Ваше Величество так встревожены?

Пронзающий взгляд рубиновых зрачков, будто пригвоздил Короля к полу, его ноги налились тяжестью и онемели, но он не мог оторвать взора от этих страшных глаз.

— Политическая ситуация сильно осложнилась, — начал объяснять Король, во рту у него пересохло и каждое слово давалось с большим трудом — она требует моего немедленного вмешательства... — монарх запнулся, пытаясь подобрать нужные слова.

— Неужто дело такой срочности? — спросила мать и в голосе у неё появилось какое — то жуткое бульканье — Неужто нельзя обождать самую малость?

Король молчал, его охватила не присущая ему робость, походившая на элементарное чувство самосохранения.

Августейший, было, подумал, а не залепить ли матери хорошую пощёчину? Возможно это поможет развеять непонятное, душасщее чувство страха, но руки оказались, словно ватные и, даже, большим напряжением сил, Величеству еле удалось пошевелить онемевшими пальцами.

Король водил глазами по сторонам, пытаясь собраться с мыслями, и, вдруг, его взгляд уловил в отражении висевшего на стене зеркала, то что происходило у него за спиной. Там стояла, взявшаяся из неоткуда, маленькая девочка, с таким же иссиня — бледным лицом, как у матери, и светящимися красными огоньками глазами. Рядом стояла её старшая сестра, Король, даже, не услышал, как она поднялась. В её лице, уже, не было и следа постоянно выражаемой влюблённости, оно было холодно и совершенно бесстрастно, губы сжаты, немигающий взгляд впился в Короля.

— Пожалуй вы правы, — заговорил Король, как можно более равнодушным тоном, но голос его сбивался, выдавая волнение — всё — таки я — король, а значит для меня нет вопросов, кои были бы не разрешимы в удобное мне время. В конце концов, это же не время повелевает королём, а, наоборот, король временем. Я, даже, назначал свой День рождения на каждый день года и каждый день было второе сентября, и это сработало, ведь, мне, в тот год, каждый день дарили подарки, — он, даже, слегка улыбнулся припомнив то славное время — так, что я не буду никуда спешить, а лучше прилягу поспать, утро вечера мудренее, — Король медленно опустился на диван.

— Ваше Величество приняло верное решение, — поддержала Короля мать — вы, как всегда, гениальны.

— Ну, ещё бы, — Король выдавил из себя фальшивый смешок, и улёгся на бок, поджав колени.

— Спице, Ваше Превеликое, ни о чём не беспокойтесь, — Король, уже, не мог понять кто говорит с ним, ибо ему мерещелось, что говорили все трое, но голос у всех был одинаковый — мы всегда рядом с вами... — в унисон шептали голоса.

Король почувствовал, что его накрыли мягким одеялом и он, сделав над собой усилие, зажмурил глаза...

* * *

— Да уж, дело сурьёзное, — подытожил рассказ Короля Заяц.

— Ещё бы! — воскликнул Король — Когда в пропаганду супротив тебя включают педерастическую обезьяну, то земля под ногами начинает гореть! Сколько ушат дерьма он вылил на мою голову — ужас! А это, только, первый эфир! За неделю он так настрёт в головы нашей черни, что я не смогу и шагу ступить по собственному королевству.

— Кто же это под тебя подкоп роет? — Зайчиха харкнула на землю — Купить обезьяну — немалых денег стоит.

— Да кто его знает? — Король тряхнул бородой — Враги государства, должно быть, иноагенты подкупленные мировым фашизмом и империализмом. Да какая сейчас разница. Бежать нужно! Промедление смерти подобно!

— Бежать... — Зайчиха в задумчивости потёрла подбородок, потом поглядела на государя и, вдруг, сказала — не ожидала увидеть тебя одетым, а то я, уже, начала привыкать к твоей нагоде. Голый Король.

Его Величество, действительно, стоял укутанный в свою старую хламиду, правда дыру на спине ему зашили, да и так по мелочам подштопали около трёх сотен дырочек.

— Ага, — Король повертелся — дали что бы я не застудил чего — nibудь, да разве это сейчас важно.

— Ну не нагишом же тебе бежать? — хмыкнула Зайчиха — Но ты пойми, что твоё королевское спасибо — это, конечно, большая честь, но одного этого нам маловато будет.

— Да — да, маловато! — тут же возбудился Заяц, который был всегда не прочь урвать кусок пожирнее — Подавай нам министерские портфели!

— Заткнись! — Зайчиха ляснула брату по слюнявым губёшкам — Не нужно нам никаких высоких должностей, я тебя, морду королевскую, знаю, ты в итоге зажилишь, потому прошу тебя о сущем пустяке, такой — то мелочи тебе не будет жалко.

— Прости, — нахмурился Король, которому не понравилось, что Зайчиха так быстро раскусила его тонкую политическую игру.

— Подари мне деревеньку душ на пятьдесят крепостных, с наделом и всё, — выдвинула более чем скромные требования Зайчиха.

— Что!?! — возмутился Заяц — Всего — то!?! За такую работу! И всего — то пятьдесят душ? Давай, хотя бы, по пятьдесят каждому!

— Заткнись! — шикнула на него Зайчиха и хотела, было, дать ему вторично по губам, но, ещё, с прошлого раза не могла оттереть руку от слюней, потому не стала — Я тебя, как обещала, управляющим к себе возьму, а пятьдесят душ тебе хватит, что бы измываться над ними вволю, — и она, снова, обратилась к Королю — ну так как? По рукам?

— Ладно, — неохотно произнёс Его Величество, конечно, на самом деле, ему было ничуть не жаль каких — то там несчастных пятидесяти душ с бабами и детьми, но для видимости он скорчил недовольную мину, вроде как цена для него высоковата.

Король, брезгливо скривившись, пожал сухую волосатую лапу Зайчихи.

— Вот и договорились, — сказала та — но прежде чем я посвящу вас в план побега, вы должны знать, что же здесь такое происходит. Мы с братом, клогда — то, давным — давно, бывали здесь.

— Когда это?! — изумился Заяц — Не ври! Не был я здесь никогда! Ничего такого я не помню!

— Ещё бы тебе помнить, с твоим алкоголизмом, удивительно, что ты своё собственное имя, ещё, не забыл, — сказала Зайчиха.

— А? Что? Имя? — встрепенулся косой — Да, кстати, а как меня зовут? Почему я не помню? Знаю, что я — заяц, а имя — то и не припомню...

— Хронический, — Зайчиха с сочувствием погладила брата по седой голове —, а кроме того, каждый раз когда мы приезжали сюда, ты, всегда, умудрялся накушаться как следует, дело — то было, аккурат, в рождественские святки — повод весомый.

— Давай, уже, старая, не томи, — приказал Король — я не могу здесь весь день околачиваться.

— Ну слушайте, — произнесла Зайчиха, сделав таинственное лицо — дело было так:

Сказка о рождественском подарке.

Наступило Рождество,

Землю снегом замело,

Ярким нежным и пушистым,

Мир стал белым, добрым, чистым.

Давным — давно, ещё, до царя Гороха, в бревенчатой избушке на краю густого леса жила девочка, которую звали — Леночка. Леночка была хорошей девочкой, слушалась маму, чистила по утрам зубки, из школы носила одни пятёрки, не курила сигарет, без фильтра, и не ругалась матом, сильно.

Леночка любила все времена года, но больше всего она любила зиму, потому что, именно, зимой наставали самые лучшие, по её мнению, дни в году — Рождественские Святки. Леночка очень любила Рождество, и любила не только получать подарки, но и сама с удовольствием одаривала родных и близких.

Не забывала Леночка и о зверье лесном, которому туго приходилось в зимнюю пору. Леночка поставила кормушки у лесной опушки, и каждый день, сама лично, наполняла кормушки овсом, пшеницей, картофелем, сеном, яблочками и всяческой, иной, любимой

лесными жителями, снедью.

Звери, уже, давно запреметили Леночку, знали, что она хорошая девочка и всегда, не боясь, выходили к ней, а пушистые озорные белочки брали орешки, прямо, из её рук.

Вот такая была наша Леночка!

Незаметно пролетели двадцать первых дней декабря, приближались Рождественские праздники.

Был тихий, морозный вечер, Леночка сидела в своей избушке у окна и любовалась, медленно спускающимися с неба, снежинками, белыми как жемчуг, и большущими, каждая размером с сервизное блюдо.

Леночка слезла с подоконника, тихонько, на цыпочках, словно боясь спугнуть праздничное настроение, прошла мимо камина, в котором еле заметно тлели угольки и подошла к музыкальному проигрывателю, выбрала из стопки грампластинок одну, и, аккуратно, поставила в проигрыватель.

Пластинка закружилась — заиграл марш из «Щелкунчика». Какое же Рождество без Чайковского?

Леночка любила композитора Чайковского, да и, вообще, хорошую настоящую музыку — Генделя, Гайдна, Моцарта, но больше всего она любила менуэты, правда, никому в этом не признавалась.

Посреди комнаты стояла высокая, до самого потолка, празднично наряженная ёлка, а так как Леночка была хорошей девочкой, то ёлка у неё обязательно была в кадке, живая, и весной она высаживала ёлочку в лесу.

Леночка замерла перед лесной красавицей, зачарованная яркими огоньками разноцветных гирлянд, оплетающих ветви ели.

В этот момент Леночка, даже, почувствовала себя героиней сказки Гофмана. Ей захотелось сделать что —нибудь эдакое, что —нибудь необычное, что — то, что поможет сохранить ей в сердце эту сказочную негу на всю жизнь. И она знала кто может ей в этом помочь — это, конечно, Святой Николай! Рождество, всё — таки...

Леночка разложила, прямо, на полу перед ёлкой лист бархатной бежевой бумаги, вооружилась карандашом, и взялась писать письмо Святому Николаю. Она знала, что многие дети, да и взрослые, по всему свету пишут ему письма с просьбами подарков, и вероятность того, что он успеет прочесть и её послание до наступления Рождества, стремится к нулю, но всё же, нужно попытаться. Можно, конечно, попробовать написать Деду Морозу, там корреспонденция менее плотная, но Леночка была умной девочкой и знала, что Дед Мороз, занимается, только тем, что замораживает одиноких путников, где —нибудь в глуши, да зверьё лесное холодами тиранит, правда, была у него Чудо — ёлочка, но и та от Постышева, а о том, что бы он кому —нибудь подарил подарок на Рождество, такого она не слыхала. Хотя, нужно признать, о том, что бы Святой Николай кому —нибудь что — то дарил, Леночка, тоже, не слыхала...

Девочка обмакнула заточенный кончик гусяного пера в синие чернила и стала выводить большими красивыми буквами своё послание, гласившее следующее:

Здравствуй, Святой Николай!

Пишет тебе девочка — Леночка, но ты это и сам знаешь, Святой, как — никак! Я очень люблю Рождество и стараюсь всегда быть хорошей. Я знаю, что в эти дни ты очень занят, но если у тебя найдётся время и ты посчитаешь нужным, мог бы ты мне подарить «самый лучший в мире подарок» на твой вкус, я была бы очень рада! Спасибо тебе за всё!

Леночка поставила дату и подписала письмо, для которого у неё нашёлся и подходящий конверт — с изображёнными на нём алыми маёликовыми шарами на сосновой веточке. Но написать письмо — это, только, пол дела. Как, теперь, его доставить?

* * *

На следующий день, рано поутру, Леночка, прихватив ведро с яблочками и сеном, пошла к лесной опушке, что бы покормить лесных зверей. Обычно, к этому времени, они, уже, поджидали её, но сегодня у кормушек никого не оказалось. Вернее, там, оказался, только, один зайчик, но Леночка его сразу и не заметила, так как, косою целиком забрался в кормушку, выискивая хоть что — нибудь на дне, и из кормушки торчал, только, его белый хвостик.

— А где же все? — удивлённо вздохнула Леночка.

На звук её голоса, заяц задрал мордочку и поглядел на девочку. Леночке показалось, что выражение у заячьей рожицы, при этом стало наглое и хамовитое.

— А кто тебе нужен? — неожиданно спросил у девочки заяц.

Леночка на миг опешила, встретятся с говорящими зайцами ей, ещё, не доводилось.

— Ну — с! — недовольно прикрикнул заяц, раздражённый молчанием девочки — Тебя, что, не учили отвечать, когда старшие спрашивают?

— Извините, — спохватилась Леночка, которую, конечно, всему учили — просто, раньше, здесь всегда было много лесных зверушек, а сегодня, почему — то, нет никого, вот я и удивилась.

— Нечему тут удивляться! — скривился заяц — Раньше здесь беспорядок был и нарушение дисциплины! Шлялись тут кто хотел и когда хотел — бардак, одним словом. Но, нынче, я тут на должность встал!

— На что встал? — не поняла Леночка.

— На должность, — процедил сквозь зубы заяц — с сего дня я руковожу в этом лесу и нарушать дисциплину никому не позволю!

— А как же кушать? — спросила Леночка — Можно при дисциплине кушать?

— Пока можно, — насупился косою — но, строго по расписанию! — он указал лапкой на клочок бумаги наклеенный на сосне, рядом с кормушками.

Леночка подошла поближе и прочла на клочке надпись, сделанную, кривыми буквами:

Приём пищи, строго с 12. 00 до 12. 15.

Администрация.

— Всего пятнадцать минуток, — Леночка покачала головой — как же они все успеют?

— Это меня не касается! — отрезал заяц — Моё дело дисциплина, а как под этой дисциплиной будут выживать — меня не волнует, — тут он опустил глаза на ведро, которое принесла Леночка и, аж, пустил слюни — что это ты там принесла? — заяц стал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу — высыпай, уже, чего тянешь?!

— Так, ведь, до означенного времени ещё далеко, — удивилась Леночка.

— А ты не путай мягкое с квадратным, — окрысился заяц — временные рамки на меня не распространяются, я могу в любое время заниматься всем, чем захочу, а сейчас я хочу жрать!

— Чем же это вы лучше остальных? — Леночке почему — то не хотелось кормить зайца.

— Во — первых: тем, что сам я так считаю, — принялся перечислять косою — во — вторых: тем что я — особо ответственный работник, у меня сверхнагрузки, у меня ненормированный рабочий день, — заяц в запале начал плевать, и Леночке пришлось сделать шаг назад, дабы не попасть под оморосение — а главное — я в партию вступил, — он, от куда — то, выхватил партбилет в обложке красно — пунцового цвета, развернул и ткнул, показывая Леночке — теперь я являюсь защитником трудового народа и поборником его прав и свобод! Вдруг завтра война, вдруг завтра в поход — я первый в ряды стану! Поэтому я должен быть всегда сыт и отдохнувши, для борьбы с супостатом и интервентами! А ты, тут, выделываешься! Давай, высыпай, чего принесла, быстро!

Леночка, неохотно, вывернула всё ведро в кормушку, прямо на голову зайцу.

Противный зверёк набросился на яблоки, чавкая и пуская слюни, он старался откусить от каждого яблока, а когда, уже, и на это у него не оставалось сил, он забрасывал их подальше, в сугробы.

— Что же вы делаете!?! — возмутилась Леночка — Зачем выбрасываете? Оставьте и другим зверушкам.

— Это не возможно, — плямкая ответил заяц — я такой великий начальник, что не гоже обычному зверью после меня подъедать. Я знаешь в каких кругах вращаюсь? Мне, как говорится, любые двери открыты по всей стране, да что там стране — по всему миру!

— И, даже, в Лапландию? — с робкой надеждой спросила Леночка.

— Конечно! — ни секунды не задумываясь, ответил заяц.

— Раз, уж, вы такой большой начальник, — Леночка стеснительно потупила глазки — не могли бы вы доставить моё письмо к Святому Николаю, а то, наше почтовое отделение писем до Лапландии не принимает.

— Ну, до Лапландии — это очень далеко идти, — задумался заяц — дня два, не меньше, и холодно там, очень...

— Простите, что побеспокоила, — Леночка расстроено всхлипнула — не буду вас больше тревожить.

— Погоди! — остановил её заяц — я же не отказал, я, в принципе, могу твоё письмо отнести, но, в виду тамошних морозов, мне бы для сугреву чего.

— Чего? — не поняла Леночка.

— Водочки! — выпалил, раздражённый такой глупостью заяц — меньше чем за пол — литра не понесу!

— Ой, — Леночка опять всхлинула — а у меня столько нет, у меня, только, литровая тара.

— Ладно, — махнул лапой заяц — чего уж там, отнесу и за литру, уговорила.

— Так я, сейчас, сбегая — принесу, — обрадовалась Леночка.

— Давай, — согласился заяц — одна нога здесь — другая там, я ждать не буду!

И Леночка, не веря своему счастью, пустилась бегом по скрипучим сугробам, до самого дому.

Заяц же, не тратил времени даром, он, вооружившись карандашом, принялся дополнять распоряжения на приклеянном к сосне листочке. Сперва он дописал:

БЕГАТЬ ПО ЛЕСУ — ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Администрация.

Потом, немного подумал, и дописал:

ЖРАТЬ ИЗ БОЛЬШОЙ КОРМУШКИ — ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Администрация.

В этот момент, пролетевший над зайцем воробушек, сделал косому, прямо на маковку, от чего тот пришёл в неопишумую ярость и, чуть, не захлебнулся слюнями, но, затем, взял себя в руки и дополнил список:

ГАДИТЬ В ЛЕСУ — ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Администрация.

Какое — то время он внимательно изучал своё творчество, затем сплюнул, сорвал бумажку, перевернул её на другую сторону и наклеил обратно, на дерево, написал:

ЗАПРЕЩАЕТСЯ — ВСЁ!

Администрация.

Неизвестно до чего бы, ещё, додумался косой, но тут, наконец, подоспела, запыхавшаяся, Леночка — в руках она держала большую бутылку с выдавленными по стеклу буквами — «ВОДКА».

Заяц, с плохо скрываемым ликованием, принял бутылку.

— Ну, всё. — торопливо сказал он — не будем тянуть кота за хвост, я поскакал.

— Ага, кивнула Леночка — только я, тут, подумала, а кто же в ваше отсутствие за дисциплиной будет приглядывать?

— Можешь за это дело не волноваться, — успокоил девочку косой — у меня есть родная сестрица, почтенная зайчиха, она за дисциплиной приглядит. Она здешних скотов — то приструнит! Они во где у неё будут! — он потряс сжатым кулачком — Мы — зайцы, всегда за дисциплину стояли! Да, что бы по — жёсткому! По — жёсткому! — заяц зашёлся в крике и, таки, доплюнул девочке до пальто, слюни мгновенно замёрзли маленькими кристалликами на перламутровых пуговицах.

— Ну и хорошо, — вздохнула Леночка и помахала вслед, уже, поскакавшему в Лапландию, зайцу — погодите, вы письмо забыли!

Заяц, неохотно, вернулся к девочке и забрал конверт, а Леночка, к своему удивлению, успела заметить, что косой успел опорожнить треть бутылки, эх, ненадёжный засланец, этот заяц, но другого, увы, у неё не было...

* * *

Лапландия — волшебный край, изрезанный бесчисленными реками и поросший густыми хвойными лесами, в декабре, уже, укрыт толстым ковром снега, а на шестой день первого зимнего месяца, на Лапландию опускается полярная ночь, которая продлится целый месяц, именно эти недоступные, малохоженные места, облюбовал для себя Святой Николай, он же Чудотворец и ярый противник арианства.

В тихом городке Рованиеми, Николай отбабахал собственную маленькую деревушку, центром которой стал его собственный домик с мигающей, белыми огоньками, гирляндой на фасаде, выведенной в надпись «Счастливого Рождества!»

В домике Святого Николая тепло, даже, жарко, большой камин в виде эскимосского иглу освещает комнату красновато — жёлтым отсветом. Сам хозяин сидит в глубоком кресле за маленьким столиком из полированного палисандра, вытянув ноги, в своих фирменных

красных штанах, греет пятки, обтянутые полосатыми чулками, у очага, куртка и шапка с помпоном висят на гвоздике, а сам Святой остался в одной майке — алкоголичке, в зубах у него мундштук длинной глиняной трубки. Всё помещение заволочло сизым табачным дымом, сквозь который еле различим силуэт, сидящего по другую сторону столика человека — это Святой Валентин, большой друг Святого Николая, они, хотя и жили в разное время, но любили встретиться и посидеть за кружечкой тёмного ирландского пива, а уж в сочельник — сам Бог велел!

— Ну, Коля, с наступающим тебя! — Святой Валентин цокнул пузатой кружкой с высокой шапкой белой пены о бокал друга.

— И тебя тем же краем по тому же месту! — ответил на поздравление Святой Николай и пригубил пиво, опорожнив одним залпом пол кружки.

— Кстати, наверно не довольны датой, которую ты выбрал для подарков и ёлок, — Святой Валентин обтёр с бороды пену и икнул — всё же это Рождество, как — никак.

— Ой, Валя, не трави душу! — отмахнулся Святой Николай — Было же шестого — сказали не так, перенесли на двадцать пятое, так что я тут ни при чём. Ты лучше мясо проверь, а то, уже, в животе урчит.

В камине, на решётке, были разложены большие куски мяса, запекавшиеся от угольного жара, и обильно пускавшие жир в очаг.

Святой Валентин взял длинную двузубую вилку и потыкал ею мясо.

— До сих пор сырое, — пробурчал он — как резина, честное слово.

— Так олень же старенький был, — вздохнул Святой Николай — сколько лет он у меня в упряжке отбегал, и не сосчитать.

— Так зачем же его так? — посочувствовал оленю Святой Валентин.

— А что делать? — Николай глубоко затянулся и выпустил облако густого сизого дыма — Для работы он, уже, не годился, возраст не позволял, вот и пришлось его на пенсию отправить.

— На пенсию? — Святой Валентин снова икнул, но, уже, от возмущения — Хороша же пенсия!

— Ничего не попишешь, — грустно сказал Святой Николай — это — пенсионная реформа имени Тигипко — Гройсмана в действии.

— С этими не поспоришь, — мрачно согласился Валентин — особенно с сильным украинцем, этот и душу вытрясет, — он, по — новой, наполнил кружки пенистым напитком и продолжил — а, вот, про то, что бы дату перенести, ты, всё же, подумай. есть идея на седьмое января переставить.

— Тебе никак Гундяев эту идею подкинул? — усмехнулся Святой Николай.

— А что? — растерялся его собеседник — Он, тоже, между прочим — христианин.

— Ага, церкви апостола Джугашвилли, — Святой Николай брезгливо потряс бородой — не, эти ребята меня, уже, в двадцать девятом году запретили, так что будет с них. Подкинь — ка лучше топлива, а то зябко становится, — он потёр голые плечи.

На полу перед камином лежал объёмный мешок, Святой Валентин поднял его, запустил руку по локоть и, вытащив добрую охапку писем в конвертах, бросил в огонь. Пламя полыхнуло, пожирая поданную пищу.

— Вот никак не пойму, — Святой Валентин продолжал — подбрасывать топливо — почему тебе всё время письма пишут, я, особо, и не припомню, когда ты, лично, кому —нибудь подарки дарил, кроме, конечно, того случая с тремя сёстрами.

— Пишут, — повторил за другом Святой Николай — да пишут, но письма — то все алчные и корыстолюбивые: дай мне то, подари мне это. В лучшем случае дети просят, что бы родители обратно сошлись. А я — то, что могу, если папашка или мамашка не хотят назад, если, уж, подались в бруд — их не удержишь, но это их выбор, имеют право, — он на секунду задумался — бывают, конечно, и сурьёзные просьбы, там я, всегда, стараюсь помочь, по мере сил...

Святой не успел договорить, как, вдруг, резко распахнулась дверь и в помещение, с волной рождественского снега, ввалился неизвестный заяц, препаскудного вида. Неговоря ни слова, незванный гость, обтрусил с себя снег и проскокал к очагу, где, с явным удовольствием, стал отогревать спину.

Святые, молчали в изумлении.

Тогда заяц, уже пообсохнув, обратился к Святому Николаю:

— Дай пару тяг!

Святой недоумённо уставился на зайца.

— Говорю, дай затянуться! — заяц сам взял у святого Николая трубку и, обхватив, слюнявым ртом мундштук, так затянулся, что из ушей повалил табачный дым — Дай хлебнуть! — выдохнув дым, обратился заяц к Святому Валентину, и, не дожидаясь ответа, схватил лапкой кружку, но Валентин, оказался, не настроен отдать своё пиво просящему и крепко вцепился в ручку кружки — Дай! — почувствовав сопротивление взвизгнул заяц — Я же, пока, по — хорошему прошу, дай! Но я могу и по — плохому, ты гляди расселся он тут, в тепле, в уюте, а на улице сугробы намело по самые уши, сейчас я тебя как отправлю снег расчищать, без лопаты, вручную, до утра у меня спину не разогнёшь!

Эти слова положительно подействовали на Святого Валентина и он, наконец, отпустил кружку.

— То — то, — подытожил заяц — я таких кто не давал, в два счёта, с предприятия выбрасывал!

— А вы, собственно, кто такой будете? — наконец опомнившись, спросил у зайца Святой Николай.

— Важнее с чем я буду, — ответил заяц и, долгим залпом, выхлебал отобранное пиво — вот! — он положил на стол мокрый от снега письменный конверт.

— А — а, письмо, — разочарованно протянул Святой Николай, порылся в ящике стола, нашёл нож для писем и вскрыл конверт.

Но по мере чтения, лицо Святого Николая удивлённо вытягивалось, а под конец, и вовсе, озарилось радостной улыбкой.

— Представляешь, — обратился Святой Николай к Валентину — написала мне хорошая девочка, такое мило — наивное письмецо, что аж на душе потеплело, вот и подписалась она — Леночка и, даже, дата проставлена, — тут, Святой Николай, вдруг, поперхнулся и, нахмутив брови, сурово поглядел на зайца.

— Что вылупился? — уловив на себе недобрый взгляд, вопрошал косой, продолжая попыхивать трубкой.

— Согласно проставленной в письме дате, — чеканя слова, заговорил Святой Николай — это послание было отправлено двадцать лет тому назад. Ты что же это — так долго сюда добирался?

— Нет, — без тени смущения отвечал косой — я никуда и не собирался. Оно мне надо? Но, недавно, я вышел на заслуженную пенсию, а тут, как на зло, власть в лесу поменялась и

меня попросили с должности, ушли — одним словом, и это не смотря на то что я первым из старой партии вышел и в новую вступил, — заяц вытащил на свет божий партбилет в бело — голубых тонах с выдавленной на нём золотыми буквами надписью «партия буржуев и воров» и продемонстрировал его Святым в доказательство своих слов — вот, тогда я и вспомнил про это письмецо, решил, дай — ка снесу его тебе, а ты за это мне должность, какую —нибудь, подышешь. А то, ведь, тяжело мне нынче живётся, средств на существование не хватает. Тем более и сестрицу мою, тоже, с предприятия выставили, ещё раньше чем меня, совсем некому мне помогать стало. Мы же вместе с ней сюда шли, но она трудностей пути не пережила, горемычная.

— Зачем тебе на должность? — спросил Святой Николай — сам говоришь, что теперь на пенсии, а известно, что у таких бездельников как ты — пенсии довольно большие.

— Ага, — огрызнулся заяц — скажешь, тоже, большие! Так у меня же и потребности большие! Я чёрный хлеб с селёдкой жрать не могу. Мне рестораны подавай и гулянья по девочкам!

Вдруг, второй раз за вечер, дверь резко распахнулась и, с хлопьями снега, в домик ввалился ещё один заяц. Вернее зайчиха. Тоже, весьма, препаскудного вида. Старая, облезлая, шерсть клочьями, она с дикой злобой оглядела присутствующих и остановила взгляд на зайце, от чего тот несколько поёжился.

— Что, сучёньшь, не ожидал, уже, меня увидеть?! — прохрипела зайчиха.

— Да, не ожидал, — честно сознался заяц — когда я тебя оставил, ты чуть жива была.

— Конечно, чуть жива, — зайчиха стала медленно наступать на брата — мы же с тобой договорились, что пол пути я тебя на спине везу, а вторую половину — ты.

— Да, что — то такое припоминаю, — заяц начал пятиться от сестры.

— Так ты на мне половину проскакал, — зайчиха аж клацнула зубами — а, как пришла твоя очередь везти, ты меня бросил и убежал, воспользовавшись моим бессилием!

— А что мне было делать? — заяц допятился до самого очага, дальше отступать было некуда — Я увидел до чего тебя извозчество довело, и мне страшно стало, за себя, я не смею подвергать свою особу таким истязаниям! Войди же в моё положение! — заяц, даже, всхлипнул.

Но разжалобить зайчиху ему не удалось. В одно мгновение в её лапе оказался чёрный хлыст, для тренеровки лошадей, которым она орудовала всю карьеру. Заяц, только, успел пискнуть, как хлыст, со свистом, перетянул его по физиономии. Заяц завизжал, затряс щеками, разбрызгивая слюни во все стороны, и кунулся на сестру. Сплюввшись в клубок, они покатались по полу, тузя друг дружку. Эх, никогда у них не доходило до семейных сор, но с тех пор как обоих освободили от занимаемых должностей, им стало некуда девать энергию, ранее затрачиваемую на поддержание дисциплины в лесу, и приходилось выбрасывать излишки её друг на друга.

В этот же раз, брат и сестра сцепились не на жизнь, а на смерть, и не известно чем бы это кончилось, но Святые поспешили разнять дерущихся.

— Успокойтесь пожалуйста, — уговаривал Святой Валентин разгневанную зайчиху, стараясь не дать ей, снова накинуться на брата — лучше присядьте, — но усадил её у огня — погрейтесь, выпейте чаю.

— Сам чай пей, — сказала зайчиха, умащиваясь возле камина — а мне, лучше, стопку водки.

— Извините, нет водки, но есть неплохое виски, Святой Валентин поднёс зайчихе,

наполненную до краёв рюмочку. Та, не глядя, опрокинула рюмку, и взяла, галантно поданную Святым, тарелку с куском дымящейся оленины и, невзирая на жёсткость мяса, принялась уплетать его за обе щёки.

— Я и не знал, что зайцы — хищники, — удивился Святой Николай.

— Ещё и какие хищники, — зверила его зайчиха — по крайней мере, мы с братом, а остальные кору грызут, придурки.

— Как же вам удалось спастись? — спросил её Святой Николай, стараясь проявить вежливость.

— Очень просто, — пробурчала набитым ртом зайчиха — когда я валялась без сил, мимо проезжали лопари на санях, заметели меня, подумали —дохлый заяц, подобрали, собирались привезти меня к себе и освежевать, что бы из шкуры моей какую — нибудь поделку сделать, и, по — счастью, проезжали мимо Рованиеми, а я к тому времени, уже, отошла, отогрелась на оленьих шкурах, и как вскочила, в рожи их поганые плюнула и бегом сюда!

— Вот видишь, — влез в разговор заяц — выходит я тебе как лучше сделал, с комфортом добралась, ещё и в рожи наплевала. Чего же можно желать лучше?

Зайчиха нехорошо покосилась на брата, но ничего не ответила, а продолжила беседу со святым Николаем:

— Мне, между прочим, братец наобещал, что у тебя должность для меня найдётся. Я опыт имею, всю жизнь за дисциплиной приглядывала, у меня в лесу никто и дыхнуть не смел. Пайки, чуть ли, не каждый день урезала. Что бы знали, что бы чувствовали! Так что принимай меня на должность — не пожалеешь. Я, пока, до тебя дошла, поглядела какие безобразия здесь развели — кто где хочет, там и ходит. Разве такое можно терпеть? Нужно расставить флажки, пускай сволочи, исключительно, по флажкам перемещаются, сукины дети!

— Да, ваш брат, говорил мне о желании встать на должность, и знаете что, — Святой Николай задумчиво почесал белую бороду — я думаю, что смогу найти для вас место, и для вашего брата тоже.

— Когда можно будет приступить? — радостно выпалили обнадёженные родственники.

— Этим же вечером и приступите, — пообещал Святой Николай.

— Ух, скорей бы уже, — нетерпеливо заёрзал заяц.

— Подождите здесь, маленько, — Святой Николай подошёл к двери и взялся за ручку — я сейчас кое — какие дела решу и мы подберём вам достойные должности.

Он открыл дверь и вышел, прямо, как был, в майке — алкоголичке.

— Коля, ну ё — моё, куртец, хоть, накинь, — Святой Валентин вскочил, снял с гвоздя красную куртку и вышел вслед за товарищем. Он увидел Николая, стоящего посреди дороги, запустив руки в карманы.

— Зачем куртку притащил? — спросил он у друга — Я же Святой, и не могу простудиться.

— Я за это и не волнуюсь, — Святой Валентин подал куртку Николаю — просто неприлично получится. Сейчас полный город туристов, а ты в таком виде разгуливаешь, да, ещё, и поддатый. Чего тебя, вообще, вынесло?

— Да, вот, тронуло меня это письмецо, от девочки Леночки, — вздохнул Святой Николай — а из — за этого зайца, она, понимаешь, двадцать лет прождала. Но я ей всё же подарю подарок. И он, действительно, будет самый лучший в мире, — он поднял голову и

посмотрел в ночное небо — ты посмотри какая же красота!

Святой Валентин последовал примеру друга — через всё звёздное чёрное небо растянулась лента северного сияния, салатнево — голубе с примесью светло синего и капелькой нежно — розового, оно раскинулось от горизонта до горизонта в своей непревзойдённой красоте и величии.

— Да — а... — тихо выдохнул Святой Валентин.

— Знаешь, что? — спросил у друга Святой Николай — Именно это я ей и подарю! Вот это будет подарок! Ни у кого ничего подобного нет! — он провёл рукой по небу, собирая сияние в ладонь.

В итоге, у Святого Николая, в широкой ладони оказался маленький хрустальный шарик с тысячами граней, каждая из которых горела всеми красками северного сияния.

— Тёплое, — произнёс Святой Николай, поглядел на хрусталик и спрятал его в карман.

— И как ты намерен успеть? — Святой Валентин выскочил в одних шлёпанцах и, теперь, вытряхивал из — под пяток снег — Скоро почти полночь, до наступления Рождества осталось пару часов.

— Успею, — Святой Николай зашагал к дому — сани — то у меня, сам знаешь, на какую скорость рассчитаны!

— А везти их кто будет? Ты же сам оленей на рождественские праздники освободил. А тех, которые, старые, небось, всех успели на пенсию отправить?

— Всех, — тяжело вздохнул Николай — целая делегация из пенсионного фонда с проверкой приезжала, они собственноручно оленей — то на пенсию и отправили, сказали, что нечего тратить деньги фонда на тунеядцев. Я, вот, никак в толк не возьму, почему пенсий нет, а пенсионный фонд есть?

— Не наше это дело в такие сложные дела вступать, — Святой Валентин многозначительно поднял палец — там и без нас решат. Раз оставили фонд — значит — надо. Генералы, там, и судьи всякие, министры — всё народ нуждающийся, должны же они пенсии получать? При чём весьма солидные.

С такими аргументами Николай не мог поспорить.

Когда Святые вернулись в домик, то застали зайцев в своих креслах, сытых и пьяных.

— Ну что, гости дорогие, готовы вы рождественскому чуду послужить? — торжественно пробасил Святой Николай — Умеете санями править?

— Сможем, — сразу ответила зайчиха.

— А кто в упряжке пойдёт? — спросил, посасывая трубку, заяц — собаки или на оленях?

— Да нет сейчас у меня никого, — развёл руками Святой Николай — придётся мне и Валику сани на себе тащить.

У Святого Валентина раскрылся рот от изумления, но отказывать хорошему другу было, как — то, нехорошо.

— Ну пойдёмте, зайчатки, — позвал Святой Николай — нам же до Рождества успеть надобно. А скорость наша напрямую зависит от того как вы править будете. Надеюсь, вы умеете погонять везущих?

— О! — зайчиха аж привзвизгнула — Ещё и как умеем! Они, везущие, на то есть, что бы их погонять!

— Правда нам немного сподручней на шее ехать, — сказал заяц, лениво вылезая из кресла — мы всю жизнь так привыкли. Вот, помнится, как — то раз застал меня ураган в

пути и сосной, как на зло, привалило, я два дня так пролежал, пока меня какой — то лось не нашёл, так он дурак, вместо того, что бы мне какую — нибудь гадость сделать, наоборот, из под дерева помог выбраться. А я — то, своего не упущу, этому лосю на шею — прыг и давай его по лесу кругами гонять, да так гонял, пока не издох сохатый.

— Молодец! Так ему и надо, лодырю! — похвалила зайца зайчиха — Занимался бы этот лось делом, ему бы некогда было по лесу шляться и под упавшие деревья заглядывать, а так он от безделья тынялся, сачковал, трудодни нагуливал!

Брат с сестрой пошли следом за Святыми, которые повели их в ангар, а зайчиха продолжала приводить примеры трудовой дисциплины:

— Пять лет тому назад я сочинила приказ по лесу на запрет воробьям садиться, что бы знали, что бы прочувствовали, что жизнь тяжела, — зайчиха пристально заглянула в глаза святому Николаю, а тот кивнул в знак согласия — но эти разбойники хотели не подчиниться приказу, ишь чего удумали! Если всякая шелупонь перестанет приказам подчиняться, то к чему мы придём? С чем останемся?

— Я думаю, тогда мы останемся без вас? — предположил Святой Николай.

— Вот именно! — эмоционально согласилась зайчиха — А мы на это не согласные!

— Да, не согласные! — подхрюкнул заяц.

— Что же я предприняла в ответ на воробьиный бунт? — продолжала повествование зайчиха — Другой бы, на моём месте, плюнул на это дело, воробьи, всё же, что с них взять? Но со мной такой номер не проходит. Я этих сволочей, лично, взялась гонять, ни один у меня, даже, на макушку самой высокой сосне сесть не мог, везде доставала! Я ночей не спала, по чащам да по болотам сигала, но сесть воробьям не позволила ни на секунду! Пока они все от усталости на землю замертво не попадали — не было им спуска!

Так, за поучительными историями, они и не заметили как оказались перед высокими красными санями Святого Николая.

— Сурьёзный агрегат, — присвистнул заяц — как целый грузовик, не просто вам его тащить будет, — он скептически поглядел на Святых — потяните ли?

— Какие могут быть сомнения! — перебила брата зайчиха — Мы — то с тобой на что? Мы их так погоним, так подхлестнём, как, только, мы и умеем!

— Верно — верно, — забрюзжал заяц — от нас пощады не жди! Даже воды напиться будут просить и того не позволим!

— Не позволим! — поддержала зайчиха.

— Запретим! — вошёл в раж заяц.

— Запретим всё! — не отставала зайчиха.

В этот момент что — то тихонько клацнуло и заяц обнаружил, что святой Николай застегнул на нём упряжь.

— Это чего? — недоумённо спросил заяц.

А зайчиха, увидав запряжённого братца, гаденько захихикала, но тут же, подкравшийся к ней сзади, Святой Валентин, набросил упряжь и ей на спину.

— Гниды! — заверещала, запряжённая зайчиха — На ком ехать вздумали! Мы — управленцы, неприкасаемая каста!

Зайцы как взбесились: кусали упряжь, катались по полу, пускали пену из всех отверстий.

Святой Николай влез на сани и вытащил из — под сидения длинный красный кнут с белым хвостиком.

— А ну, уймьтесь! — гаркнул он.

Зайцы завидав кнут притихли.

— Неужто вы будите нас этим бить? — дрожащим голосом спросил заяц.

— Не бить, а погонять, — сказал святой Николай — и получите вы ровно столько ударов, сколько живых существ вы, безвинно, затирали.

— Твою же мать! — завыла зайчиха — Он же пять шкур с нас спустит!

— Садист! Живодёр! — был заяц.

— Молчать! — прикрикнул на них святой Николай и обратился к другу — Ну что, Валя, поехали со мной, и скучно не будет и этим зайцем нагрузка дополнительная, только, впрок.

— Нет, — отмахнулся Святой Валентин — ты же знаешь, я не люблю на людях появляться. Вечно какие — нибудь бледные юноши с вопросами пристанут: от чего любовь, только, за деньги и почему так дорого? Можно подумать это я таксу назначаю!

— Поехали, — упрашивал Святой Николай — я быстро отдарюсь, а там кабачёк хороший есть и место тихое, посидим, выпьем.

— Я ихнее пойло пить не стану, — не соглашался Валентин.

— Ты не пробовал, там домашнее пиво варят, настоящее, можем прямо из сула накушаться

— Эх! Уболтал! — Святой Валентин запрыгнул в сани.

Николай мастерски щёлкнул кнутом и зайцы понесли с такой прытью, которую и сами в себе не ожидали, ведь, казалось, такой долгий и трудный путь проделали, совсем из сил выбились, а нет бегут со всех четырёх, да, ещё, как, бегут! Секрет был в том, что зайцы не выработанные были, всю жизнь силы копили и при правильном подходе могли выдавать немалую скорость, а Святой Николай этот подход прекрасно знал — от души охаживал косых кнутом по белым спинам.

Зайцы пищали, загребая лапами комья снега и подрывая землю. Рождественский снег хлестал по косоглазым мордам, набиваясь в раззявленные пасти, таял там и, превращался в холодную воду, спасая гончих зайцев от перегрева.

Громады елей, укутанные снегом, стали мелькать до того быстро, что превратились в сплошное размытое белое пятно. Только невероятное мастерство вождения Святого Николая, позволяло избегать аварии, а мастерство, как известно, не пропьёшь, так что, даже, под мухой, Святой не боялся братья за вожжи.

Но это было, лишь, начало, так сказать, взлётный разгон. Когда зайцы набрали такую скорость, верхний предел которой, казалось бы, им, уже, не преодолеть, Святой Николай добавил по смачному щелчку на каждого, и зайцы, оторвались от земли, бешено перебирая лапами в воздухе, а тяжёлые сани поднялись следом за ними. Экипаж стал набирать высоту, пока и сани и зайцы не превратились в маленькие чёрные точки на небе.

— Хоу — хоу — хоу! — смеялся во всё горло святой Николай — Эй, Валя, там, под задним сиденьем мешок с волшебным рождественским снегом, вытряхни его за борт, припорошим землю!

Святой Валентин, забившийся в угол саней, бледный, ему, ещё, не доводилось кататься в санях Святого Николая, подставив спину ледяному ветру, кое — как вытянул мешок, и, едва раскрыв, выкинул его из саней. Вмиг всё небо затянуло толстыми тёмными тучами, без единого просвета и, тут же, гигантскими хлопьями, повалил снег.

— Вот это настоящее Рождество! Хоу — хоу — хоу! — и Святой Николай под весёлый звон колокольчиков на упряжи, запел рождественскую песенку:

Мы бегим, мы летим,
мы спешим!
Землю снегом порошим,
и шуршим!
Порошенко насмешим,
рассмешим!
У него денёг мешок —
Это шок!
Седовласый петушок,
гребешок!
Он не даст нам ни гроша,
ни шиша!
Эх, еврейская душа,
торгаша!
Его замок обойдём,
Не зайдём!
Поздравляю вас, ребята,
со счастливым Рождеством!

Несмотря на то, что до Рождества оставались считанные часы, ёлочка в доме у Леночки, всё ещё, стояла не наряженная, в тёмной комнате, среди, покрытых пылью, картонных коробок с игрушками. Сама Леночка, которая давно была не девочка, сидела на кухне, набираясь сил для украшения ёлки. Она пила martini, бокал за бокалом, закусывая икрой, но силы никак не приходили, ведь, как известно тяжелее всего делать то, чего не хочется. Из музыкального центра доносились завывания Стаса Михайлова. Леночка грустно глядела в окно, зима, как и многие предыдущие, выдалась бесснежной, ветренной и очень холодной. Слышно было как, на улице, с треском лопаются от мороза деревья.

Вдруг с чёрного неба, совершенно неожиданно, кружась в воздухе, как белая муха, спустилась маленькая снежинка, а за ней ещё одна, но побольше, и ещё одна и ещё... За считанные секунды повалил настоящий снегопад. Леночка, не веря своим глазам, распахнула окно и выставила ладони под белые хлопья. Да, действительно, сыпал снег, покрывая всё пушистым ковром и чёрная непроглядная ночь становилась чистой и ясной, уходил мороз, неохото уступая рождественскому чуду.

Через вой Михайлова до слуха Леночки донёлся непонятный шум из комнаты, где стояла ёлка, как — будто что — то упало, а потом кто — то громко выругался. Голос был Леночке не знаком. Она схватила сковороду потяжелее, заскочила в зал и кляцнула выключателем. В комнате никого не было. Но от топки камина вели грязные следы крупноразмерных сапог. Леночка пошла по следу, по пути наткнулась на раздавленную коробку с ёлочными игрушками, видимо кто — то о них споткнулся, грудки снега, разбросанные по ковру, и, наконец, след привёл её к самой ёлке, под ней стоял белый коробочек с розовым бантом. Леночка удивилась, давно она, уже, не получала подарков на рождество. Аккуратно, немного волнуясь, Леночка приподняла за бант крышку и из коробки вырвался свет, подобно яркой гирлянде он осветил комнату, и Леночка ощутила идущее от него тепло.

Святые, изначально, договорились, что посидят в кабачке, только, до рассвета, а потом, сразу, домой. Обоим не особо улыбалась встреча с местными жителями, и, если, в кабацкой полутьме, где у всех залиты зенки, ещё как — то, безопасно, то по — светлому могут и узнать — начнутся неприятные распросы. Но не так получилось как планировалось. Святые смогли покинуть гостепреимное заведение, лишь, к десяти часам утра, а к этому времени, уже, успел разойтись слух о том, что возле местного питейного заведения припаркованы сани Святого Николая, из чего можно догадаться, что и сам он там обретается.

Святые с трудом вышли из дверей кабачка, щурясь от нестерпимой белезны снежных сугробов, они, по — тихоньку, опираясь друг на друга, двинулись к саням, в которых беспробудным сном, честного труженника, спали зайцы.

Возле саней Святых кое кто поджидал.

— Хоу — хоу — хоу! Ик! — обрадовался встрече Святой Николай — Это же Леночка! Пришла поблагодарить меня за подарок? Да чего, уж, там! Ик! — Святой Николай встряхнул друга — Погляди, Валя, это — Леночка!

Святой Валентин с трудом сфокусировал взгляд и еле выговорил:

— Здравствуйте...

Леночка стояла оперев руки в боки и, недобро, глядела в глаза святому Николаю.

— Ну ты и козлина! — веско произнесла она.

— Чего? — опешил Святой, готовившийся принимать заверения в глубочайшей признательности.

— Ты — дешёвка, шавка, шваль, — прямо таки словами песни заговорила Леночка — заявился через двадцать лет и с чем? Ты, что за херомантию мне подарил?!

— Секундочку! — Святой Николай поднял вверх указательный палец — Это какая — то ошибка, я подарил тебе бесценный подарок, лучший в мире, а ты нашла что — то не то.

— Не то! — вскрикнула Леночка и вытащила из кармана маленький хрусталик, заигравший цветными бликами по снегу — Хочешь сказать это не твоё?!

— Ну, технически, уже твоё, — уточнил Святой Николай.

— И что прикажешь мне с этим делать? — Леночка помахала рукой с хрусталиком перед носом Святого — Этого я, по — твоему, ждала двадцать лет? Что это, вообще, такое?!

— Это ветер солнца, — объяснил святой Николай — ни у одного человека такого нет, это дар далёкой звезды, дающей жизнь и свет нашей земле.

— Понятно, говорить с тобой бесполезно, — сделала вывод Леночка и перешла на святого Валентина — это ты его надоумил?

— Чего? — растерялся, застанный врасплох Валетин.

— Конечно, это всё твои шутки! — безапелляционно заявила Леночка — Ты, постоянно, на такие козни мужичков надоумливаешь!

— Я!? — поразился Святой.

— Ну не я же! — съязвила Леночка — Кто халявщиков обучает, кто им идеи подкидывает? Цветочки, там всякие, стишки пафосные, сиренады под окном — кто придумал, что это срабатывает?!

— Я не виноват, — попытался оправдаться Святой Валентин — они сами по себе такие тупые.

— Козлы вы оба! — подытожила Леночка, видимо не поверив в оправдания и, неожиданно, подступив, к Святому Николаю дёрнула его за бороду.

— Ай! — вскрикнул Святой.

— Не айкай! — прикрикнула на него Леночка — Всё равно борода из ваты.

И она потянулась рукой вперёд, пытаясь тронуть Николая за спину.

— Ты что делаешь? — тот сделал шаг назад.

— Хочу проверить есть ли у тебя горб.

— Нету! — опроверг слух Святой Николай — Это, вообще, не про меня!

— Да кто вас знает, — пробурчала Леночка — все вы с виду приличные, бороды понаклеивали... Да ну вас, — она показала Святым неприличный жест и, уже, собралась уходить, но, вдруг, остановилась — чуть не забыла! — она швырнула на землю сияющий хрусталик и хлопнула по нему каблуком, разкрошив рождественский подарок на мелкие осколки — Что б вы удавились! — пожелала на прощанье Святым Леночка и быстрым шагом покинула озадаченных товарищей.

Постояв, ещё, немного Святой Николай пришёл в себя, рухнул на, начавший быстро таять, снег, и, зачем — то, пытался собрать осколки, расколотого хрусталика.

— Коля, брось это, — еле выговорил непослушным языком Святой Валентин — домой пора...

Он, шатаясь, пошёл к саням, хлюпая по затапливающим землю лужам. Валентин принялся будить зайцев, что оказалось не простым делом, косые упорствовали, посылали Святого по матери, пришлось взяться за кнут и, только, тогда удалось выставить зайцев на исходную позицию. Потом Святой Валентин, не дождавшись друга, был вынужден идти за ним сам, а за это время успел налететь холодный морозный ветер и талый снег стал схватываться ледяной коркой. Бедный Святой Николай, уже, не мог различить, где осколки хрусталика, а где кусочки льда и, впав в панику, стал набивать карманы всем подряд, потеряв при этом свой красный колпак.

— Идём! — прервал Святого Николая Валентин, и, поняв, что тот не намерен прекращать набивать льдом карманы, схватил друга за шиворот и, не поднимая, толкнул к саням, благо, мороз, уже, плотно сковал лужи, и Святой Николай, как по зеркалу, не вставая с четверенек, подъехал к саням.

— А я, сразу, был против этой затеи... — тяжело вздохнул святой Валентин.

* * *

Много — много лет спустя, в холодный вечер рождественского сочельника, Леночка, нацепив на нос очки в роговой оправе, сидела перед большим плазменным телевизором, висящим на стене.

С наступлением зимы она всё больше времени проводила таким образом, тем более, что и, сама, зима погодой не радовала. В самом начале декабря, внезапно, прошёл ливень, а следом за ним, неутрахающий, восточный ветер принёс сильные морозы и земля, словно остекленела, выходить на улицу стало делом крайне опасным.

Леночка, уже, стала бабушкой, у неё у самой, теперь, была внучка — хорошая девочка, но, правда, она, уже, не ходила кормить лесных зверушек зимой, как делала её бабушка, ведь больше не осталось никаких зверушек — их всех перестреляли охотники на джипах с

кенгурятниками, и, даже, на вертолётах, а сам лес вырубил и продал за границу.

Рождественской ёлки Леночка давно не наряжала, даже, гирлянд не развешивала, не хотела заморачиваться по пустякам.

Сегодня Леночка смотрела свою любимую передачу «Вечерний музозвон». На экране телевизора творилось что — то неладное. По студии программы прыгала хорошо откормленная педерастическая обезьяна, кривила рожи, испражнялась, прямо, себе в руки и швырялась калом в расставленные по студии камеры.

Леночка внимательно следила за удивительными манипуляциями обезьяны, иногда, для виду, постукивая вязальными спицами.

— Какой умный мужчина! — восхищалась обезьяной Леночка — Как грамотно геополитическую картину мира разложил!

Неожиданно, в трубе, погашенного камина, что — то заскреблось. Это отвлекло Леночку от телевизора и она стала безучастно наблюдать как в топку камина из трубы посыпались чёрные струйки сажи. В трубе, что — то пыхтело и кряхтело, пока не вывалилось, прямо, на разлженные в камине поленья, подняв тучу из золы и пепла.

Наконец это что — то выкатилось из камина и прокашлявшись громко пропело:

— С Рождеством вас, с Рождеством! С ярким светлым праздничком!

Только теперь Леночка узнала перепачканного сажей Святого Николая.

— Чай не ожидала? Хоу — хоу — хоу! — Святой Николай огляделся — Ни ёлочки у тебя, ни омелы, ни молока с печеньем, и чулки не развешены. Не хорошо!

Леночка моча глядела из — под очков на незваного гостя.

— Да, в прошлый раз мы расстались не в лучшем настроении, — как — то стусевался Святой Николай — но все мы совершаем ошибки, а потом сильно страдаем от невозможности их исправить, осознавая, что время ушло безвозвратно, момент упущен и былого не вернуть. Я, хоть, и Святой, но и мне это знакомо, я ведь, тоже, когда — то был простым смертным, тоже ошибался, но никогда этого не признавал, — он скорбно почесал затылок — и, хотя, наверху это запрещают, я считаю, что иногда, в особых случаях, раскаявшийся заслуживает на второй шанс, возможность всё исправить, а когда предоставить такой шанс, как не на Рождество! Конечно, теперь, по прошествии стольких лет, ты сожалеешь о своём поведении и том, как обошлась с Рождественским подарком, — Святой Николай немного замялся — и я принёс тебе его, снова, ещё раз, — он вынул из кармана маленькую бархатную коробочку с бантиком, и, не решаясь отдать, мял в руках.

Леночка сняла очки, неторопливо протёрла в них стёкла и снова надела.

— Ты полностью прав, — тихо заговорила она — я, действительно, сильно сожалею о том, что произошло в давнюю нашу встречу. Особенно в этом году, дня такого не было, что бы я, с глубочайшим раскаянием, не вспоминала тот печальный день.

Святой Николай расплылся в доброй, ласковой улыбке, а Леночка продолжала:

— Очень я жалею, что тогда повела себя не правильно, — она прокашлялась — пока была такая возможность, за такой подарок, нужно было тебе в рожу наплевать и красный твой нос разворотить!

Святой Николай ухнул и сдулся, подобно пробитому воздушному шару, став, как — будто, вдвое меньше.

— А теперь, силы уже не те, да и время на тебя тратить не охота, — Леночка, побряхтев, встала из кресла и, крепко схватив Святого за бороду, поволокла его к выходной двери, где, не прощаясь, выставила на улицу и хлопнула, напоследок, дверь.

Святой Николай так и стоял с подарком под треплющим бороду ледяным ветром и, неизвестно, когда бы он вышел из ступора, но тут, расшатанная, от хлопка дверью, сосулька оборвалась с края шиферного козырька и хлопнула Святого Николая по лбу, от чего он рухнул на спину и смог увидеть силуэт, припаркованных на крыше дома саней с запряжёнными в них зайцами. Из — за бортика саней появилась голова, абсолютно чёрная на фоне звёздного неба.

— Валя — я — а... — слабо простонал Святой Николай.

— Опять? — отозвалась голова, принадлежавшая ни кому иному, как старому другу Святого Николая, Святому Валентину.

— Ага, — печально отозвался растянувшийся на льду Святой — будь добренький, сыпани снежка.

— А я же, сразу, предупреждал к чему это приведёт, — пробурчал Святой Валентин и, порывшись в санях, нашёл большой красный мешок с рождественским снегом и вытряхнул его на крышу — ещё, вот, и снегом её радуешь, зачем?

— Я не радую, — тихо проговорил Святой Николай, расплостав руки — под снегом льда видно не будет. Выйдет она на улицу, дорожки чистить, авось, на задницу и сядет, — он продолжал лежать, печально глядя на посыпавшийся с неба снег.

Белые, мохнатые хлопья быстро засыпали Святого Николая, укутывая как младенца, утешая и убаюкивая, но, перед тем, как красный нос успел скрыться под белым одеялом, Святой успел произнести:

— Счастливого Рождества!

— И да, она, таки, вышла поутру расчищать снег, и как и замышлял Святой Николай — подскользнулась и упала, но при падении её душа раскололась на трое, на три ипостаси себя самой, но, только, разных возрастов. Таково было заклятье наложенное на неё, за спесь и корыстолюбие, что не будет ей покоя покуда не выйдет она замуж за самого короля! Не реализует свою алчную мечту, но, уже, возведённую в абсолют, — закончила повествование Зайчиха.

Король и Заяц стояли раззинув рты, до того их поразила история, рассказанная старой прохвосткой.

— Врёшь, ведьма, — неуверенно вымолвил Король.

— Как вру?! — поразилась Зайчиха — Да ты своим глазам не веришь что — ли?

— Хотя, это кое — что объясняет, — неохотно согласился Его Величество и, сунув большую лохматую пятерню в карман, быстро вынул её, в ладони искрилось и переливалось разными цветами что — то яркое, похожее на маленький хрусталик и Зайцы поёжились от исходящего от него тепла — вот такая у меня есть штука, — сказал Король и быстро сжал ладонь, дабы свечением не привлечь ненужного внимания.

— Что! — Зайчиха чуть не поперхнулась — У тебя тот самый Рождественский подарок!

— Получается — да, — кивнул Его Величество и спрятал подарок, обратно, в карман, глубина которого надёжно скрывала исходящий от подарка свет — я думал, что это какой — то драгоценный камень и хотел заложить его, дабы обзавестись наличием на дорогу, а выходит, что он ничего и не стоит.

— А как они хватятся? — забеспокоилась Зайчиха — Лучше верни его поскорее, где взял, а то ты всех нас под монастырь подведёшь!

— Не хватятся, — спокойно сказал Король — я его, случайно, за диваном, в паутине нашёл, он был покрыт таким слоем пыли, что и не светился вовсе. Ты, давай, лучше свой дурацкий план раскрывай, как меня спасти собираешься?

— Этому дурацкому плану могут помешать, только, его идиотские исполнители! — огрызнулась Зайчиха, но выдохнув, взяла себя в лапы — Дело в том, что когда великаны вырубали здешний лес, то встал вопрос о его транспортировке и тогда они пристроили дополнительное железнодорожное кольцо связанное с основной магистралью, это кольцо охватывает всё это селение по кругу, — Зайчиха провела пальцем по воображаемому горизонту — и проходя это кольцо поезд вынужденно сбрасывает скорость до ничтожных показателей. Правда линия давно заброшена и отыскать её в травах было делом не простым, но я нашла, рискуя жизнью, не зря я с этой маленькой бестией в прятки пол дня играла. А по ежедневному гудку паровоза, получается, что поезд проходит здесь около одиннадцати часов утра. Остаётся, только, перекинуть стрелку и поезд пройдёт по кольцу, снизив скорость, и мы сможем на ходу запрыгнуть в него.

— Главное, что бы мы шлёпперами не стали, — процитировал классика Его Величество.

— Откуда тебе это всё известно? — удивился Заяц.

— Оттуда, разлюбезнейший братец, — объяснила Зайчиха — что мы, на рождественские праздники, приезжали сюда на полярном экспрессе, прямиком из Лапландии, и останавливались на кольце, а уж оттуда добирались на санях, но ты, к этому

моменту, уже успевал изрядно накушаться с празднующими пассажирами, которые, едва завидев, Святого Николая, так и норовили угостить и его и еже с ним, а ты — то никогда не отказывался! И потом толку от тебя было в упряжке! Мне одной приходилось тянуть и сани и тебя вдобавок.

— А кто стрелку перекидывать будет? — спросил Король, зривший в корень дела.

— Мне придётся, — объявила Зайчиха — только я знаю, где она, мне удалось её отыскать, что, прямо доложу вам, не просто, когда за тобой гоняется настоящее маленькое исчадие с тесаком. Ваша же задача, самая простая — отвлечь их всех, или вернее сказать всю её, что бы я могла беспрепятственно выбраться отсюда.

— Ловко придумала! — подметил августейший — Пока мы будем этих ведьм развлекать, выпрыгивая из штанов, ты, шельма, сбегишь и уедешь на поезде.

— Ага! — подхватил Заяц, который только сейчас заметил изъян в плане сестры.

— Ну вы и придурки, — вздохнула Зайчиха — да придумайте, что —нибудь! Вот тебе, братец, и выдумывать не надо, отправляйся с девчонкой зверьков кормить, но, уж, там старайся, из себя исходи, но тяни время как только сможешь, сделай вид, что лапу подвернул или что тебе по болоту интересно проскакать, за жабами погоняться.

— Ничо так мысль, — закивал Заяц — толково посоветовала!

— А ты, Величество, — обратилась зайчиха к Королю — выведи свою невесту на прогулку, вроде хочешь, там ей цветов полевых собрать, да и со всем положенным официозом, коленопреклонённо, испросить руки и сердца, что бы всё было по высшему разряду, всё как у королей. Уверенна, что и мать последует за вами, естественно, что она тебе не доверяет, и будет бдеть тебя, как зеницу ока.

— Вот именно, что будет! — огорчился Король — И как я убегу при таком дозоре?

— Да проще простого, — ободрила его Зайчиха — ваше дело крутиться возле путей да держать ухо востро, как слышите гудок паровоза — вот вам сигнал приготовиться, а чуть завидите сам поезд — прыгайте в него, эти ведьмы (или ведьма) и опомнится не успеют от такой неожиданности, а мы, уже, будем махать им ручкой!

— Мягко стелишь, — пробурчал, всё ещё не убеждённый Король.

— Да какая разница мягко ли, косо ли, — надулась Зайчиха — поймите, это наша единственная возможность спастись, других вариантов нет.

— Ладно, — Король махнул рукой — разрешаю, будь по — твоему.

— И на том спасибо, Ваше Превеликое, — съехидничала Зайчиха — вы, только, сперва дождитесь, когда мой братец с девчонкой уйдут, а тогда и вы, вслед за ними.

— Постараюсь, — кивнул монарх — а, пока, я лучше пойду, и так с вами простоял долго, а эти ведьмы и без того подозрительные.

— Да, давай проваливай, — в этом Зайчиха была полностью согласна с Королём — да будь полубезней со своей невестой, порасскажи ей про королевские кортежи и золотые унитазы — пускай витает в облаках.

Король сделал вид, что только оправился, и, одёргивая хламиду, пошёл к дому, где на веранде, вся в нетерпении, его поджидала девушка, которая, уже, успела, в очередной раз, выстирать королевский костюм и развесить его сушиться.

Как только во дворе появилась девочка, Зайчиха залезла в будку и прикинулась спящей, разразившись, для виду, громким храпом.

Проблем у Зайца не возникло, девочка позволила, ему тянуть ящики с едой, торжественно пообещав, что уж сегодня, он точно получит награду по заслугам, при этом

она так взглянула на косого, что он подсмутно понял — сестра была недалеко от истины, и если он сегодня не вырвется отсюда, то, действительно, может получить по заслугам, а он этого, ой как не хотел.

Король развалился в кресле — качалке, закинув обутые ноги на стол. Мать и дочь спешно подавали ему завтрак, ещё ни разу Его Величество не вставал так рано, потому завтрак задерживался.

Мать поставила на стол свежие, только из духовки круасаны, разломил один и стала на него дуть — студить для зятя.

— Мама, — неожиданно обратился к ней Король — ведь можно я буду, теперь, так тебя называть?

Мать от восторга и радости была сама не своя и, совершенно, не нашлась что ответить.

— Так вот мама, сука ты старая, — Король присовокупил к сказанному ещё несколько непечатных слов, обильно обложив будущую тещу — не кажется ли тебе, шельма, что я должен сделать предложение твоей дочери ровно так, как того требует обычай?

— Так, вроде бы, уже договорились, — пролопотала мать.

— Вот же ты какая, мама, у меня дура, — сказал Король — договор — это официальная часть, но есть и обычай, правило королей! Рыцарское правило! А я, помимо всего, ещё и король — рыцарь, и даме сердца я должен делать предложение согласно традиции, как то делали все короли на протяжении сотен лет, или ты хочешь, что бы твою дочь, когда она станет королевой, упрекали в том что она на престол взошла, как какая — то жалкая простолюдинка, без соблюдения церемониала?

— А что? Мы люди негордые, — попыталась оправдываться мать.

Но девушка, заслышавшая, что речь идёт о предложении ей руки и сердца (и королевского титула), уже стояла с чашкой чаю возле стола, и сразу же перебила мать:

— Ах, нет, мы обязательно должны соблюсти все правила, этикет, традиции! Как без этого? — она не могла отказать себе в этом сладостном действе, когда сам Король преклонит перед ней колени и торжественным голосом будет испрашивать её согласия, она уже представила как пожеманничает, будет делать вид, что раздумывает, и, лишь потомив величественного просителя, даст своё согласие.

— Стоит ли с этим заморачиваться? — засомневалась мать — Всё одно никто не видит, потом можно будет наврать, что всё произошло согласно традициям...

— Что же это вы, мама, етить вашу мать, совсем себя... — Король на секунду осёкся — то есть вашу дочь не цените, разве ж можно за короля замуж без соблюдения благопристойности? Это вам не за какого — то батрака из соседнего хутора выскочить, монаршая чета — это высшее общество, даже выше, каждый шаг, каждый вздох — всё под надзором двора, прессы, послов и других, иноземных государей. И здесь укрыть что — либо никак невозможно.

— Мама, не упрямясь, — попросила девушка — мы скоро войдём в королевскую семью и должны привыкать к традициям, какие бы сложные и непонятные для нас они не были, как то реверансы, поклоны, обмахивание веером и купание в роскоши.

А про то, что никто не видит, так у нас же видеокамера есть, так что ты сможешь всё заснять для королевского архива.

— Ну если так положено, — неохотно согласилась мать — но я бы, лучше, обошлась без всей этой ерунды.

— Что ты такое говоришь?! — девушка от возмущения чуть не выронила чашку —

Предложение руки и сердца, от короля, разве это ерунда? — она обратилась к Королю за поддержкой — Вот скажите, вы когда своей бывшей супруге предложение делали, на колени вставали?

— В пыли валялся, — соврал Король.

— Вот видишь мама! — девушка топнула ножкой — Ты же не хочешь, что бы я оказалась хуже других?!

— Ладно, будь по — вашему, — мать махнула рукой — где и когда вы хотите провести процедуру?

— Так сейчас и начнём, — сказал Король и девушка аж взвизгнула от восторга — но только не здесь, негде в такой убогости королю предложение делать, вашу дочь потом всю жизнь будут попрекать, давайте подыщем какое — нибудь живописное местечко.

— Ландышевое поле! — предложила девушка своё любимое место.

— Не годится, — отверг идею Его Величество — ландыши — это тебе не орхидеи, бедно, шик у нет. Лучше выйдем за город, на природу, и там, где — нибудь, на фоне голубого неба, что бы с романтикой...

— Нет! — мысль о том, что придётся вывести будущего зятя так далеко, сильно не понравилась матери.

— И я перед ней, как перед богиней, паду ниц! — договорил Король, воздев руки к небу.

— Да — да — да! — запищала девушка — Мама, ты слышала, как перед богиней! Сам король склонит голову! Не вздумай лишать меня этого!

Старуха — мать покривилась, но потом, испустив бессильный вздох, пошла в дом за видеокамерой. Девушка же бросилась причёсываться и наводить прочий макияж.

Зайчиха, в это время, лежала пластом на крыше будки, придав телу видимость полного расслабления, но при том неотрывно следя из под полуприкрытых век за происходящим между королём, его пассией и её матерью.

Когда они, после продолжительных сборов, нарезав букет алых роз, наконец ушли, то Зайчиха, ещё минут десять полежала, прислушиваясь, не возвращается ли кто, потом осторожно слезла на землю, и мягкими прыжками добралась до ворот — они были заперты.

— Вот и пригодилась моя заготовка, — Зайчиха достала из седых волос деревянный огрызок, повторяющий форму ключа и сунула его в замочную скважину. Замок не поддавался, Зайчиха нервничала, шёпотом материлась, лапки её тряслись от волнения, наконец замок клацнул и открылся. Зайчиха протиснулась в узкую щель, образовавшуюся между створок тяжёлых ворот. Выбравшись, она припала к земле, и ползком вылезла на дорогу, поглядела влево — никого, вправо — тоже никого. Тут Зайчиха как подскочила, и рванула со всех четырёх. По сторонам мелькали заброшенные дома, совершенно заросшие буйной зеленью. Иногда Зайчиха останавливалась в переулках, задирала нос, принюхивалась, припоминая дорогу и, заодно, проверяя не преследуют ли её.

Спешила она сильно, боясь опоздать и кляня себя за то что не додумалась у брата отобрать часы, хотя вряд ли это было бы легко сделать. Насилу выбравшись из лоцины, преодолев крутой подъём, она остановилась, что бы отдышаться, годы, всё — таки, брали своё, покрывать такие расстояния, да с приличной скоростью — становилось тяжеловато, хотя Зайчиха с юности вела здоровый образ жизни — не поднимала ничего тяжелее вилки и ни дня не работала, если не считать сорока лет в упряжке святого Николая, но за одну ночь в году сильно не перетрудишься, благодаря чему смогла сохранить крепкое здоровье, чего нельзя сказать о дураках и лодырях, которые только и знали, что всю жизнь горбатились, как

проклятые, и, даже, будучи вдвое моложе Зайчихи не могли себе стакан воды набрать, как говорится — береги здоровье с молодую! Зайчика крепко усвоила это простую и вместе с тем глубокую мудрость.

Стрелки было совершенно не видно в высокой жёлтой траве, только вытоптанная Зайчихой тропинка вела к ней. Престарелая мошенница, быстро, отперла закладку на железнодорожном пути, и подошла к самой стрелке, казалось дело почти сделано, но тут Зайчиха напоролась на непредвиденную проблему. Противовес на стрелке оказался настолько тяжёлый, что она никак не могла повернуть рычаг. Противовес был, как по старинке, металлический, тогда как по всему королевству на стрелках ставили обычную каменную глыбу, так все металлические противовесы уже давно покрали и подавали на пункты приёма металлолома.

Она и пыхла и сопела, вцепившись двумя лапами в рычаг, но едва ей удалось поднять груз, как под его тяжестью разгинались её короткие пальцы и рычаг выпадал из лап.

— Как всегда мне в исполнение досталась самая сложная часть плана, — жаловалась сама себе Зайчиха — эти два придурка сейчас разгуливают прохлаждаются, а должна жилы рвать за всех, — рычаг опять выскользнул из пальцев и Зайчиха грязно выругалась — нужно передохнуть, — решила она и хотела было присесть, как в чистом августовском воздухе раздался протяжный паравозный гудок.

Зайчиха схватилась за противовес, губы её посинели от натуги, на лбу вздулись жилы, глаза повылазили из орбит, но подлый рычаг опять выскользнул пальцев. Но, на счастье Зайчихи, штырь, на котором крепился груз, проржавел и прогнул, так что при очередном ударе о землю, он отломился от рычага и груз соскользнул с него.

Уже было слышно как вибрируют рельсы, предвещая скорое появление поезда. Зайчиха быстро перекинула, освободившийся от груза, рычаг и перевела стрелку.

Она уже, подошла к рельсам, что бы застегнуть закладку, но тут, разрезая высокие травы, как ледокол льды арктики, прямо перед ней, воя и выбивая колёсными парами снопы искр, вылетела чёрная громада паровоза.

Зайчиху чуть не затянуло потоком воздуха прямо под колёса стального исполина, только вцепившись кривыми алчными пальцами в толстые стебли пожелтевшей травы ей удалось удержаться.

Паровоз быстро улетел вперёд, пойдя на железнодорожное кольцо, огибавшее лощину, за ним, стройными рядами шли вагоны, поезд оказался пассажирский.

Только сейчас Зайчиха поняла, что хоть поезд и сбрасывает скорость, но делать он это будет, где то ближе к середине кольца, а мимо неё вагоны мелькали с умопомрачительной скоростью, попытаться запрыгнуть в один из них было равносильно самоубийству.

— Твою же мать! — отчаянный вопль Зайчихи потонул в гуле и стуке поезда.

Эх, она всю работу сделала, а эти два придурка теперь сбегут без неё! От злобы и обиды у Зайчихи выступили слёзы, она так старалась, но плодами её трудов, теперь, воспользуется бездельник — брат, который, сейчас, спокойно себе прогуливается, поджидая поезд.

* * *

Заяц, в это время, лежал на тропинке, ведущей к спуску в лощину, обеими лапками он схватился за заднюю лапу, а мордой корчил гримасы.

— Ай, не могу я и шагу ступить! — завывал он — Видать серьёзный вывих, так хромым и останусь!

Возле косоного стояла девочка, с полным равнодушием, наблюдая его истерику.

Длилось это довольно долго, Заяц подвернул лапу и заявил, что идти не может, ему нужно, хоть полчаса отлежаться. По прошествии получаса он запросил ещё, но и этого ему оказалось не достаточно, тогда девочка взяла травмированного зверя за уши и поволокла по земле, от чего тот застонал пуще прежнего, заверяя, что с такой травмой его никак невозможно перемещать, нужно оставить его одного, дать спокойно отлежаться и лапка выздоровет, а уж, тогда он сам придёт.

На самом деле, Заяц, уже отыскал в густой траве железнодорожную колию и теперь, только, хотел потянуть время, а лучше, избежит от девочки вовсе.

— Так вы, совсем, пошевелиться не можете? — спросила девочка у расплоставшегося в пыли Зайца с вывалившимся языком.

Тот, язык втянул, и слабеющим голосом пролепетал:

Я, совершенно, обездвижен.

Силы покинули меня.

За что судьбою я обижен?

Отняло лапу, вот фигня!.

— Может, хоть как — то, на трёх лапах, до дому доковылять сможете, а там мы вас подлечим, — не отставала девочка.

— Сказал же тебе, что не могу! — раздражённо отвечал Заяц — Если так хочешь мне помочь, то, лучше, сбегай домой за лекарствами и носи их сюда. Бинты, зелёнку, и, самое главное, этот, как его, спирт! — упомянув последнее средство Заяц томно облизнулся.

— А если я вам предложу стакан водки, — предложила девочка — сможете до дому дойти?

— А где у тебя стакан?! — Заяц чуть не подскочил, но вовремя спохватился.

— Дома, конечно, я же с собой водку не ношу, — девочка развела руками.

— Ах, дома... — разочарованно произнёс Заяц, которому, хоть и с трудом, но удалось раскусить хитроумный план хитрой девчонки — заманить его назад, а водки, как всегда, не дать.

— Так что же не пойдёте? — девочка поставила пустые ящики на землю.

— Какая же глупая! Сказанно тебе — не могу! Вот, даже, с этой тропинки сдвинуться сил нету. Беспомощен, как новорождённый телёнок...

— Как телёнок... — повторила за Зайцем девочка — Знаете, мы, когда — то, держали коров, и случилось одному телёнку ножку сломать, действительно — ходить не мог никак.

— Вот видишь как оно, — резонно подметил Заяц — со мной тоже самое вышло, что и с тем телёнком.

— Да, и глазками он такими жалобными глядел, аж сердце сжималось, — вспоминала девочка.

— Точно такими, как у меня, — Заяц выпучил свои спитые зенки.

— Но мы нашли способ, как маленькому помочь, — тихо сказала девочка, и присев рядом с Зайцем, ласково погладила того по облезлому уху.

Заяц замер, глаза девочки с сочувствием смотрели в его косые очи, но что — то нехорошее почудилось ему в этом сочувственном взгляде.

— Да, это надёжный способ, — говорила девочка, поглаживая зверька по уху — мы

зарезали его, перерезали малышу горло длинным ножиком, — она бесшумно подняла над Зайцем вторую руку. В руке был зажат огромный тесак, остро заточенное лезвие было всё в зазубринах.

— А — а — а... — только и смог выдавить из себя Заяц, его всего затрясло от ужаса.

— Не бойтесь, — девочка нежно почесала косому носик — телёнок сильно мучался, зато не долго, не более двух минуток...

Договорить она не успела, Заяц подскочил, и как матёрая гончая, рванул со всех лап, только пыль поднялась.

— Ну куда же вы?! — изумилась девочка — Не убегайте, я вас больно зарежу! Честно!

Заяц залетел в траву, надеясь затеряться в густой растительности, но он был вынужден бежать, практически, наослеп, делая лишние зигзаги, и что самое плохое, потеряв из виду железнодорожное полотно.

Девочка бросилась в погоню за косым, и густые травы, как рассчитывал Заяц, совершенно её не останавливали. Она махала перед собой ножом, до того острым, что крепкие, толстые стебли иссохшей травы, рассекались, словно воздух. Вжик! Вжик! — свистел ножик, расчищая путь, а у Зайца, слышавшего этот свист холодела спина.

При очередном прыжке, Заяц зацепился, за что — то, и упал, больно ушибшись носом, но тут же ему в ноздри ударил резкий запах креазота.

Заяц лежал на шпале.

Нарезая круги, он снова попал на железную дорогу, с этого места нельзя уходить, второй раз может так не повезти. Заяц лёг, свернувшись в клубочек, и замер, стараясь сдерживать учащённое дыхание.

Лёжа на шпале, заяц ничего не мог видеть в густой траве, кроме кусочка голубого неба вверху. Девочка ходила рядом, он слышал, как свистит её ножик, выкашивая траву — его единственную защиту.

— Где ты, Зайчик — побегайчик, отзовись! — звала девочка.

От её голоса, одновременно по — детски милого и угрожающего, у Зайца бегали по спине мурашки. Скоро она доберётся до него! Где же этот поезд!? Заяц залез во внутренний карман жилета и вытащил часы, открыл их — часы показывали двадцать минут двенадцатого! Неужели сестра что — то напугала? А часы, помимо того что показывали время, при открытии начинали играть весёлую мелодию «Боже царя храни». Но, лишь только, раздались первые ноты, Заяц спешно захлопнул крышку циферблата, внутри у него всё похолодело. Услышала или нет? Он прислушался — свиста ножа больше не было. Всё стихло. Заяц облегчённо выдохнул и тут, над самой его головой, из травы вынырнула озорная рожица девочки, она подмигнула косому и задорно крикнула:

— Нашла!

Заяц поскочил и бросился на утёк, но бежал он, теперь, по железной дороге, что бы не потерять её из виду. Торчащие шпалы значительно замедляли его движение, он несколько раз падал и слышал, как нож свистит у него над головой, над самой маковкой. Девочка задорно смеялась и, даже, повизгивала от восторга, казалось она специально не хватает косога, хотя, уже давно могла это сделать — всё ради того что бы продлить такую потешную игру.

Заяц упал, из груди его вырывались тяжёлые хрипы, больше бежать он не мог. Девочка, тоже, остановилась.

— А что у меня есть! — она хвастливо размахивала какой — то непонятной штукой

бледно — серого цвета.

Заяц, зрение которого, от усталости, сузилось до точки, не мог различить, что это она ему показывает, тем более, в правый глаз ему откуда — то начала затекать вода. Какая, ещё, вода? Дождя, вроде, нет. Заяц спохватился и, утерев глаз, увидел, что вся его лапа была перепачкана кровью. Тогда, он медленно нерешительно положил лапу себе на лоб и провёл ею вверх.

— Ухо отхватила, мерзавка... — прошептал он в ужасе.

Действительно, от правого уха остался один маленький пенёчек, но Заяц находился в таком шоковом состоянии, что боли не чувствовал.

Девочка положила ухо себе в карман, кровь тёмным пятном выступила сквозь ткань.

— Не бойся, Зайчик, — сказала она и выставила вперёд клинок — сейчас я тебя зарежу!

Раздался гудок — сильный, практически оглушающий, он разогнал нездоровую тишину царившую в округе.

Заяц ощутил, как дрожат рельсы и тут же отскочил в сторону.

Как раз вовремя, тут же мимо него, сотрясая землю, промчался паровоз, а за ним тянулся караван вагонов тёмно — зелёного цвета. Заяц стал примериваться, на какой вагон запрыгивать и тут увидел, на дверной лесенке подъезжающего вагона, прицепившийся к ступенькам комок грязно — серой шерсти.

Это была Зайчиха.

— Сестра, дай мне руку! — закричал Заяц, бежа возле вагона.

— Пшёл на хер! — радостно отвечала ему Зайчиха.

Тогда он сам, разогнавшись из последних сил, прыгнул и ухватился за металлическую ступеньку, повиснув бок о бок с сестрой.

Поезд понёс милое семейство прочь.

* * *

Король нервно мерял землю шагами. Губы его обветрились, а шея обгорела до красна. С самого утра он, вместе с невестой и будущей тёщей, разыскивали место которое было бы достаточно романтичным для предложения руки и сердца... и короны. Старуха — мать согласна была на внесение вышеупомянутого предложения в любом месте, но Король был непреклонен.

— Вы, мама — жалкая, презренная простолюдинка, грязная и глупая, — говорил ей монарх — потому у вас нет ни вкуса, ни соображения, о том, что приличествует высокосветским господам. Вы, даже, из золотой посуды есть не умеете. Вам что злото, что глина, лишь бы утробу ненасытную набить. А я же, Король — высокоразвитая личность с тонкой душевной организацией. Мне рядом с вами, даже, находится и то — противно. И если вы хотите, что бы ваша дочь примкнула к касте оптиматов, не суйте свой нос в те дела, в которых вы ничего не смыслите, в силу вашей природной убогости. Когда мы подыщем место, пригодное, что бы сам король преклонил колено и предложил вашей дурёхе — дочери стать королевой, вот тогда я вам, сам об этом скажу!

— Хорошо, я и не спорю, — терпеливо говорила мать — но вы же и не ищите! Мы, битый час, топчемся на одном месте.

Король прокашлялся, да он, действительно, расхаживал по кругу, ведь здесь пролежала

железная дорога, но полагал, что его спутницы настолько глупы, что не замечают этого.

— Мама, вы меня сбиваете, дура старая, — Король занервничал, нужно было как — то выкручиваться — мы не ходим по кругу, просто я подбираю идеальную точку, что бы вся эта запущенность и нищета не попадали в кадр.

— А у меня есть идея получше, — неожиданно сказала девушка, её причёску, уже, растрепал ветер, а, срезанные утром, розы в её руках завяли — вон же замки великанов, — она показала на горизонт, по всей протяжённости которого торчали, как зубы, чёрные башни великаньих крепостей — представьте как красиво будет, если Его Величество сделает мне предложение на вершине вот такой башни, рядом с тушей поверженного великана, как своей большой сильной, ещё не омытой от крови, рукой, он возьмёт меня за руку...

— Уймись! — оборвала её мать — Опять ты за старое! Его Величество, уже, одного великана убил, вот и будет.

— Это не он убил, — девушка надула губки — а я хочу, что бы он убил! А то я его любить не буду!

— Прекращай, идиотка! — зашипела мать и, почтительно взяв Короля за локоток, сказала ему — Не обращайтесь внимания, Ваше Превеликое, молодая — глупая не соображает, что говорит.

— Да нет уж! — Король отдёргнул руку — Я не припомню, что бы и в старости баба умнела, окромя моей матушки. Но в этот раз, твоя дочь, верно говорит! В трофейном замке — самое оно, а великаньи хоромы — вам, мама, свадебным подарком будут, от меня! Решено — идёмте убивать великана!

— Что вы, Ваше Превеликое! — старуха — мать, снова, вцепилась Королю в руку, но на этот раз в её хватке была такая сила, что монарх остановился — Никчему мне такой дорогой подарок. Я привыкла к скромности, так и останусь, буду всего лишь матерью королевы, со всеми вытекающими...

— Мама, не будьте дурой, по крайней мере большей, чем вы есть, — Его Величество насилу выдернул руку из стальных пальцев, удерживавших её — мне великана уколошить, как раз плюнуть, вы же сами видели, как я с ним расправился... или нет? ... — Король хитро поглядел в глаза матери.

— Конечно видела, — мать перестала удерживать Короля и он зашагал к замкам.

Надо сказать, что шёл Его Величество строго придерживаясь железнодорожной линии, да и шёл ели — ели, скорее брёл.

Мать быстро догнала Короля.

— Ваше Величество, — заговорила она — вы поймите, что тот великан, которого вы изволили умертвить, он беззамковый великан, таких можно убивать.

— А тех, что в замках, нельзя убить что ли? — задал вопрос Король.

— Можно, — мать перебросила лямку видеокамеры через плечо — но загвоздка в том, что они сами с вами бороться не станут. Поймите, для этого дела у каждого великана имеется собственная маленькая армия, вы же не сможете, один, без всякого вооружения, разбить целую армию!

— Почему не могу? — удивился августейший — Я, один, стою целой армии!

— Разве что по весу, — вставила девушка, но тут же потупилась под укоряющими взглядами Короля и матери.

— Даже если вы одолеете всю армию, — продолжала отговаривать монарха мать — на выручку к великану приедет милиция. Вы знаете, как милиция охраняет великанов!? Как

высочайшую ценность! Наркотогровля, грабежи и убийства — это всё милицию не волнует, а вот великаны — это есть альфа и омега. На каждом великаньем замке стоит предупреждающее клеймо — пункт особого милицейского бдения. У каждого великана в замке есть особая кнопка, стоит ему на неё нажать — тут же на защиту великана выезжают десять грузовиков гружённых милиционерами — автоматчиками, и едут они не как на стандартный вызов, нет! Они летят на крыльях ночи и ужаса, с такой скоростью, что пронзают пространство и само время, в такие минуты, едва заслышав вой милицейских сирен люди прячутся по подвалам, но на самом деле — это воют не сирены, а сами милиционеры, и любого, кто попадётся им на пути — они покрошат в мелкий винигрет.

— И что в этом удивительного? — не понял Король — Это же милиция, надо же им кого — то охранять? Так не вас же, и вам подобных. Вообще, мама, прекратите морочить мне голову, а то мы из — за вас и до ночи не управимся.

Король шагал, прорезая пузом — кормой, густые травы, практически плывя в них, а за ним, по продавленому следу плелись мать и девушка, спотыкаясь о попадавшие под ноги шпалы.

Шли, совершенно молча, минут пятнадцать, молчание было тягостным, угрюмым, будто назревала какая — то угроза.

Король старался держаться, совершенно расслабленно, и не смотря на то что ему всё время хотелось оглянуться, он не решался сделать этого, боясь, что бы лицом своим не выдать недавшего его волнения.

Внезапно шорох шагов за спиной Короля стих, но Его Величество сделал вид, что не замечает этого и продолжал, потихоньку идти вперёд.

— Его Величество хочет от нас уйти? — услышал Король голос матери, он стал такой же глухой и пугающий, как накануне ночью.

Король не останавливался.

— Куда же вы Ваше Величество? — крикнула вслед августейшему девушка, голос её был преисполнен мольбы и скорби.

Король продолжал идти, не сбавляя шаг. Вдруг он почувствовал, что спину обдало зимним холодом и ледяная ладонь, тяжёлая, как гранит, лягла ему на плечо. У Короля аж подогнулись колени. Он обернулся и глаза его встретились с, иссиня — белыми, словно скованными морозом, глазами старухи матери. Одной рукой она вцепилась в мягкое покатое плечо монарха, а во второй был зажат топор, с зазубренным лезвием, на котором Король рассмотрел кровавые пятна, отавшиеся после убийства великана.

Его Величество не растерялся и, сразу, бухнулся на колени.

— Мама! — заговорил он со всей торжественностью на которую только был способен — Разрешите испросить у вас разрешения и вашего, материнского, благословения на мой брак с вашей дочерью.

Мать стояла над Королём, молчаливая и непредсказуемая, но лицо её постепенно возвращалось к своим естественным оттенкам, пальцы медленно разжались, отпустив обмороженное плечо Колроля.

Она, коротким наклоном головы, подозвала дочь и взяв её руку, вложила её в ладонь Короля.

— Мадмуазель... я, то есть... позвольте мне, — начал Его Величество запинаясь — позвольте сказать будучи сражённым вашей красотой и бесчисленными достоинствами и талантами...

— Мама, ты снимаешь? — тихонько пискнула девушка, не верившая своему счастью.

Внезапно, протяжный паровозный свисток, прервал процесс предложения.

Все трое оглянулись на звук — прямо на них, выпуская из трубы клубы пара, нёсся чёрный локомотив.

— В сторону! — крикнула мать и, вместе с дочерью, они стащили Короля с путей.

Поезд проносился мимо, мать и девушка, хотя и протаскивали Его Величество совсем немного, но и того хватило, что бы у обеих, зашкалил пульс и перехватило дыхание, из — за чего они, на какой — то момент, упустили Короля из виду, а тот только того и ждал. Он, уже из далека, увидел на лесенке одного из вагонов, вцепившихся в ступени зайцев, и, едва вагон поровнялся с ним, вскочил на эту самую лесенку, схватившись рукой за поручень. Зайцы беспомощно застонали под тяжестью навалившегося им на спины королевского живота.

Когда мать и девушка подняли головы, поезд уже уносил от них Короля.

— Любимый, не бросай меня! — девушка побежала за поездом, истерически заламывая руки — Я люблю тебя!

Старуха — мать бежала следом, испуская ядрённые ругательства по адресу Короля и грозя топором.

— Прощайте! — кричал им напоследок монарх, помахивая рукой — Денег нет, но вы держитесь! Хорошего вам настроения!

Скоро мать и девушка пропали из виду, потянулось необозримое море жёлтой, выжженной солнцем травы.

— Чего вы внутрь не заходите? — спросил Король у Зайцев, но те, зажатые королевским пузом, лишь, жалобно промычали.

Король ничего из этого не понял и сам навалился на дверь. Хлипкая дверца не выдержала напора мегалитической массы, и, с визгом и хрустом, отворилась.

Король запрыгнул в прокуренный тамбур, Зайцы влезли следом за ним и уселись, растирая онемевшие лапы.

— Чего развалились? — прогремел Король — Не собираетесь же вы здесь всю дорогу просидеть? Пошлите подыщем себе достойное место! — он распахнул дверь и вошёл в вагон.

Вагон оказался плацкартный.

— Может найдётся свободное место? — Зайчиха проскочила между ногами у Его Величества и пошла по узенькому проходу между койками, Заяц проскочил вслед за сестрой. А вот у Короля с продвижением возникли серьёзные проблемы. Проход по плацкартному вагону и для худощавых людей — дело непростое, что же было говорить о такой грандиозной фигуре, как Его Величество!

Королю, разумеется, пришлось повернуться боком, втянуть, насколько это было возможно, живот и, туго — туго, монарх стал протискиваться по вагону.

— Чего вас набилось, как селёдок! — ругался Король из — за того, что сидевшие за столиками у окошек пассажиры, становились живой преградой на пути монаршего живота — как же вы, сволочи, мне противны и омерзительны! — августейший, впал в крайнее раздражение, к чему был всегда склонен, и стал хлопать пощёчины всем попадавшимся на пути, за то что мешали проходу его высочайшей особы.

А так как продвигался Король крайне медленно, то многие пассажиры удостоились чести получить по две — три пощёчины на каждую щёку, некоторые, правда, пытались избежать этой чести, и до подхода Его Величества, старались скрыться, залезая на верхние койки, но у Короля был и рост королевский, так что и беглецов он, тоже, не оставил без

хороших пощёчин.

Зайцы и Король прошли через весь вагон, но не обнаружили ни одного свободного места.

— Как можно, вообще, в таких условиях находится? — удивлялся Король — Это же вагон для скота! Насколько же эта презренная чернь непретязательна, что готова в таком убожестве ездить — никакого достоинства!

— Они здесь ездят, потому что дешевле, — попыталась объяснить монарху Зайчиха.

— Вот я же и говорю — скоты! — выступал на весь вагон Король — За лишнюю копейку — удавятся! Я, вот, на личном поезде ездил и денег не жалел, не то что — эти, — он брезгливо скривился.

— Так что делать будем? — спросил Заяц — Местов — нет!

— Для нас найдутся! — не сдавалась Зайчиха, она, к возмущению пассажиров, запрыгнула на столик, сбросила чужие пожитки и приказала — Вон пошли, хлопцы! Уступайте место господам!

Двое пассажиров, что сидели по обе стороны стола, потупивли глаза, но уступать места не спешили.

— Ну, вы — мерзавцы! — прикрикнула на них Зайчиха — Быстро поднялись и что бы я вас здесь не видела!

Хлопы продолжали сидеть. Тогда Король дал одному из них звонкую пощёчину и, уже собрался, угостить тем же блюдом и второго, как, уже получивший своё, приподнялся, насколько это позволяло прижимавшее его королевское пузо и дал лёгкую, интеллигентскую оплеуху Его Величеству.

— Ой! — ойкнул Король и схватился рукой за пострадавшую пухлую щёку — Знаете что, — сказал он зайцам — пожалуй пойдёмте отсюда, здесь слишком тесно, да и не приличествует мне ехать в такой помойке. Пойдёмте, хотя бы, в купейный вагон, там кого —нибудь выгоним, — он стал пролазить дальше.

— Ты что, хлопков испугался? — задал бестактный вопрос Заяц.

Вместо ответа, августейший, шлёпнул Заяца ладонью по щеке и тот, сразу, притих.

Троица выбралась в тамбур. Его Величество, наконец, с облегчённым выдохом, смог выпустить живот.

— Пользоваться общественным транспортом — высшая степень падения личности, — констатировал результат посещения плацкартного вагона Король — нужно бы, ещё, поднять тарифы на проезд, может, хоть это, образумит чернь.

— Будем надеяться, что этот вагон купейный, — Зайчиха взялась за ручку двери следующего вагона и отодвинула её.

На удачу троицы путешественников, воагон, действительно, оказался купейный.

Зайцы заскочили первые, Король протиснулся следом.

— Опять маломерный, — пробурчал монарх, трясь животом о двери купе.

— Есть! — радостно воскликнула Зайчиха, резко остановившись возле одного из купе — Это, прямо, для нас! — она показала на квадратный значок наклеенный на дверь.

Король протиснулся поближе и поглядел на значок в упор.

На синем квадратике, схематически, белыми линиями было изображено кресло — каталка.

— И что это обозначает? — не понял Его Величество.

— Купе для инвалидов, — пояснила Зайчиха.

— Так мы ж не инвалиды, — заметил Заяц — так что не для нас это купе.

— Какой же ты, братец, тупой, — вздохнула Зайчиха — ты видел когда — нибудь, на парковках возле торговых центров или супермаркетов, или ещё где — парковочные места для инвалидов?

— Видел, было дело, — кивнул Заяц — и на подземных парковках такие бывают.

— Чудесно! — похвалила Зайчиха — А много ли раз ты видел, что бы на этих местах стояли инвалиды?

Заяц призадумался и ответил:

— Ни разу!

— Вот видишь! — обрадовалась Зайчиха — А стоят на этих местах, только, самые дорогие машины, потому что это места для самых высоких и уважаемых господ, а отмечают их, как инвалидные, что бы никто не смел занимать, ибо, только, истинный господин может без зазрения совести парковаться на месте для инвалидов.

— О! — у Заяца, прямо, спала пелена с косых глаз.

— А если господам можно занимать парковочные места инвалидов, то почему бы им не занимать и инвалидские купе?! А? — искусно подвела мысль Зайчиха.

— Конечно занимать! — в один голос ответили Король и Заяц.

— А мы же — господа? — задала наводящий вопрос Зайчиха.

— Я — да! — твёрдо сказал Король — Я — господин, а вы — скоты!

— Кто бы сомневался, — скривилась Зайчиха.

— Да ты не расстраивайся, — утешил её Король — в сравнении со мной, все — скоты.

— Долго мы, ещё, трындеть будем? — не выдержал Заяц — Пора занимать купе!

И, больше не тратя слов, они смело отодвинули дверь купе.

— А кто это тут расселся!? — закричала Зайчиха — Вон на хер!

Троица ввалилась в купе, после чего от туда донеслись звуки возни, звонкий ляск пощёчин, и отобрнейшая матерная брань голосами Короля и Зайчихи. После, в дверном проёме, появился Король, он держал за шиворот худенького беспомощного человечка, тот смотрел на монарха жалобными молящими глазами, но августейший был непоколебим, он размахнулся и зашвырнул человечка, чуть ли ни на снондину прохода. Следующим из купе появился Заяц, он тащил в лапах кресло — каталку, которое, тут же и было им запущенно вслед человечку.

— Ха! Ты ему прямо по ногам попал! — засмеялся Король.

— Они ему всё равно без пользы, — сострил Заяц, и задвинул дверь.

В купе было всего две полки, с одной стороны, а с другой, на полу, стояли нехитрые пожитки, выселенного инвалида.

Его Величество, сразу, занял нижнюю полку, вальяжно растянувшись на ней и свесив одну ногу на пол.

— Верхние нары! — крикнула Зайчиха и быстро, оккупировала верхнюю полку.

— Ну чего ты! — возмутился Заяц, пытаясь, тоже, взобраться на верх — Там места на нас двоих хватит!

— Бесплатно и не суйся! — Заяйчиха лягнула брата пяткой в зубы и он, с глухим стоном, рухнул на пол.

Заяц, ругаясь про себя, стал стелиться в углу, используя под постель, оставшиеся от инвалида вещи, предварительно, тщательно обыскивая все карманы, денег он не нашёл, но, в потёртой дерматиновой сумке на молнии, была запечённая курица.

Заяц, хорошо поголодовавший последние дни, с жадностью вцепился в тощую жилистую птицу.

Зайчиха, привлечённая запахом, свесилась с полки и, едва завидев, у брата курицу, тут же попросила:

— Братик=братик, дай сестричке кусочек птички, — медовым голоском запела она.

— Бесплатно и не суйся! — припомнил ей мстительный брат.

— Ах, ты погляди на него! — возмутилась Зайчиха, такой злопамятности — Каков засранец! Ему в морду, а он — не рад! Да я из — за тебя нищей осталась, за доброту свою, за то что приютила тебя, скотину безрогую, алкоголистическую! Ану дай сюда курицу! Пока я сама не спустилась! Тогда я с тобой тумаками расплачусь!

Заяц, уже, ничего не отвечал, он забился в угол, оставшаяся шерсть на его загривке встала дыбом, он рычал и жадно чавкал, пока не съел всю курицу, оставив, только, обглоданный скелет.

— Скотина бессовестная, — укоряла его сверху сестра, нерискнувшая спуститься.

— Всё купе этой падалью провонял, — высказал недовольство Король, привыкший питаться изысканными разносолами, он уже, успел забыть голодное время — обедаки, хоть, выкинь, и окно открой — проветрить.

Заяц запрыгнул на стол, открыл окошко и выкинул в него кости.

— Пойду оправлюсь, — сообщил он важную информацию всем присутствующим.

Но, выйдя, из купе, он, что бы далеко не идти, пристроился прямо возле окна и сделал лужу на ковровой дорожке. Окончив дело, он уже, было, собрался возвращаться в купе, но уходя бросил беглый взгляд в окно и обмер.

Простояв в зацикленном состоянии с минуту, он, опомнившись, завизжал:

— Скорей сюда! Вы должны это видеть!

С недовольной миной из купе, на зов Заяца, вышел Король, между его ног пролезла Зайчиха.

— Чего орёшь, придурок? — раздражённо процедила она — Совсем ополоумел!

Но Заяц лишь молча указал им в окно.

Король и Зайчиха подошли к окну вплотную, так что, королевское пузо растянулось по стеклу, и не могли поверить своим глазам — параллельно движения поезда нёсся немецкий мотоцикл BMW модель R — 12, серо — зелёного цвета, но главное, что было в мотоцикле — не его историческая ценность, а водитель и, державший его за спину пассажир.

Водителем была старуха — мать, на голове у неё был воодружён трофейный штальхельм с бычьими рогами, а за спиной у неё сидела старшая её дочь.

Хоть расстояние и было приличное, но и Король и зайцы сразу узнали преследователей.

— Ложись! — вскомандовала Зайчиха, больше для Короля, ибо от Заяцев в окно можно было разглядеть одни уши.

Лечь в таком узком проходе Его Величество, конечно, не имел никаких шансов, потому, он съёжившись как мог, быстро протиснулся назад, в купе. Заяц, тоже, юркнул за августейшим и забился в свой угол.

Одна Зайчиха, смело, осталась стоять в проходе, краем глаза наблюдая в окно.

Мотоцикл, подпрыгивал на ухабах и постепенно отставал, пока не превратился в чёрную точку и, наконец, совсем исчез из поля зрения. Зайчиха облегчённо выдохнула и вернулась в купе.

— Что, наделали в портки? — язвительно поинтересовалась она — Да успокойтесь,

отстали они. Наверное меня увидели и испугались. Да и вообще, если бы не я, вовек бы вам не вырваться, а вы — скоты неблагодарные, протухшей курицы мне пожалели, — и она отвесила брату оплеуху.

— Про курицу ты верно подметила, — Король сидел на своей полке, положив руки на стол, и любовался проплывавшими мимо пейзажами разграбленной страны — мне от нервов есть захотелось, пойдёмте что — ли в вагон — ресторан, отобедаем.

— На какие шишы? — Зайчиха запрыгнула на стол и, теперь, глядела прямо в глаза августейшему — Там ни то что мест для инвалидов нет, там даже скидок им не делают, так что будем поститься до крайней остановки.

— А когда она? — спросил Король, что бы иметь представление как долго затянется постничество.

— Для нас, желательно, что бы как можно позже, — дала неутешительный ответ Зайчиха — движемся мы в нужном направлении, в сторону границы с государством твоего тестя, может поезд, даже, границу пересекает будет, что было бы отлично, хотя скорее всего нас пограничники не пропустят, но можно будет попытаться проскочить.

— Как? — поинтересовался Король.

— Да как обычно, дать на лапу, — причмокнула Зайчиха — у братика моего, ведь, часики золотые имеются, стоят немало, может за них нас и пропустят, мы — то в конце концов, ничего не везём, голенькие так сказать.

— Не дам! — отозвался из угла Заяц — Это мои часы! Я лучше сейчас пойду в вагон — ресторан и пропью их!

— Я тебе пропью! — пригрозила ему Зайчиха — Эх, интересно знать, до куда билет у этого инвалида был. Что бы нас не высадили. А то, сейчас, новый пассажир вопрётся, и хорошо если, опять, окажется инвалид и мы его, как и предыдущего — взашей, а если это окажется господин нам подобный, что тогда?

— Не глупи, — порекомендовал Зайчихе Король — господа в общественном транспорте не ездят.

— И то верно, — спохватилась Зайчиха — хвала тебе небо и земля за классовое общество!

— Меня благодари, — поправил августейший — подобная стратификация нашего общества — это моё детище.

— Толково, — согласилась Зайчиха.

Вдруг что — то ударило в стекло и Король с Зайчихой, прервав беседу, уставились в окно.

Прямо напротив купе ехал тот самый страшный мотоцикл.

Старуха — мать помахала Королю рукой, затянутой в кожанную шофёрскую перчатку, а, сидевшая у неё за спиной девушка, послала Величеству воздушный поцелуй. Но не это было самым пугающим, нет, самым страшным оказалось то, что мотоцикл был с люлькой, почти прижимавшейся к вагону, в люльке сидела девочка, тоже в рогатом шлеме, постоянно сползавшем ей на глаза, а перед ней, на вертлюге, был закреплён пулемёт, патронная лента которого, змеей опутывала девочку, теряя свой хвост где — то на дне люльки.

— Всё таки у них был бензин, — невпопад заметила обомлевшая Зайчиха.

Тут в руке у девушки появился рупорный громкоговоритель, она поднесла его к губам матери и, через стук колёсных пар, донесли слова:

— Король Многоземельный, сдавайся! Ты окружён! Тебе не скрыться! Дёргай стоп —

кран, останавливай поезд!

Его Величество не поленился подняться, вылезти на стол и высунув голову в открытое окно прокричать:

— Идите вы на... ..!!!! — последнее слово утонуло в грохоте колёсных пар, а Король показал преследователям фигу.

— Лучше бы тебе их не злить, — дала монарху запоздалый совет Зайчиха.

— Живым ты не уйдёшь! — раздался из громкоговорителя голос матери — Мы даём предупредительный залп!

Мотоцикл рванул вперёд, девочка натянула на глаза мотоциклетные очки, упёрла приклад пулемёта в правое и плечо, повернула оружие стволом на вагон и зажала гашетку. Пули, как раскалённый нож через масло, проходили сквозь тонкий металл вагона. Рассыпались оконные стёкла, и до Короля с зайцами, докатывались глухие стоны и отчаянные крики пассажиров из соседних купе.

Мотоцикл, медленно двигался вдоль вагона, девочка прилежно сыпала пулями, не оставляя ни малейшего непростреленного участка в зелёном боку, пока пулемёт не начал перегреваться.

Мотоцикл сбросил скорость и вернулся к окну королевского купе.

— Король, сдвайся! — повторила своё требование мать.

Его Величество, от страха стучал зубами и был, уже, целиком и полностью готов на полную и безоговорочную капитуляцию. Зайчиха же, завидев такое моральное разложение государя, прокричала в открытое окно:

— Никогда!

— Что ты, полоумная, делаешь! — испуганно прохрипел Король.

— Пробую выбить для нас наиболее выгодные условия, — попыталась успокоить монарха Зайчиха — ты для них слишком важен, что бы, вот так, запросто, тебя порешить, они блефуют.

— Да? А ты уверена? — Король робко поглядел в окно.

Мать о чём — то совещалась со старшей дочерью, затем подала сигнал рукой младшей и Король с Зайчихой увидели, как на них повернулся ствол пулемёта, расширившиеся зрачки их глаз поглядели в его смертельную черноту.

Король бросился вон из купе, слыша, как застучал пулемёт и, практически одновременно с этим, хруст осыпавшегося мелкими хрусталиками оконного стекла.

Величество выскочил в проход, разумно решив, что нужно продвигаться вперёд, ибо если он вернётся обратно, в плацкартный вагон, то непременно там застрянет.

Тяжело дыша и обливаясь холодным потом, он пробивался в несоразмерном его комплекции коридорчике. Как на зло, под ноги Величеству попадались бездыханные тела, пытавшихся сбежать пассажиров, что замедляло и без того черепашью скорость монарха.

Зайцы поступили проще, обое просто упали на пол купе, зажав лапами уши и пережидая обстрел, оказавшийся на удивление коротким.

Зайчиха, отряхивая с себя стеклянное крошиво, медленно подняла голову и повернулась к окну, через которое, теперь, свободно врывался буйный ветер, трепая оборванные занавески.

Что — то ударило по столу, но с полу Зайчиха не могла увидеть что это было.

Она, коротенькими шажками, подступила к столу, и прижав уши, собралась заглянуть на его поверхность, но не успела. Резко, как бросок змеи, перед её мордой, нос к носу,

оказалось перепачканное озорное личико девочки в мотоциклетных очках и зажатым в зубах лезвием ножа. Девочка, явно хотела сказать что — то приветливое, но сделать это ей не давал нож, потому она, просто, мило улыбнулась.

Зайчиха же так обрадовалась встрече со старой знакомой, что, издав истошный вопль, бросилась вон из купе. Привлечённый криком сестры Заяц, наконец оторвал голову от пола, что бы осведомиться, что же вызвало такую панику, в этот момент девочка спрыгнула со стола, и взяла нож в руку. Заяц заверещал и бросился вслед за сестрой.

В проходе зайцы увидели, уже добравшегося, до середины вагона Короля, брезгливо переступавшего через тела.

Зайцы брезгливостью не отличались и поскакали, прямо, по трупам.

Быстро догнав монарха, они, кое — как, протолкнулись у него под ногами, и вырвавшись вперёд, припустили без оглядки.

— Спасайте своего короля! — прокричал вслед зайцам Его Величество, но призыв оказался тщетным, те и не подумали останавливаться.

И вот, когда, практически весь вагон был преодолен, оставалось пробежать лишь одно, последнее купе, по закону подлости из него выскочила старуха — мать в рогатом шлеме и зазубренным топором наперевес, за её спиной, испуганно осматриваясь по сторонам, шла девушка.

Зайцы еле успели затормозить, когда удар огромного топора, обрушенный им навстречу, со свистом разрезав воздух перед самыми заячьими мордами, прорубил в полу вагона широкую щель.

Зайцы, издав безумный визг, бросились назад, но там их, уже, поджидала хорошая девочка, она мастерски поигрывала ножом, подбрасывая его не хуже заправского жонглёра, и каждый раз ловя острие на кончик указательного пальца.

Зайцы, как в последнее убежище, забились под королевскую хламиду, каждый вцепился в необхватную лохматую лодыжку.

— Мой ненаглядный! — воскликнула девушка, едва завидев Короля и, оттолкнув мать, подбежала к жениху и бросилась к нему на плечо, роняя горькие слёзы — Зачем ты меня покинул, ты же знаешь, что нет мне жизни без тебя, дышу тобой и ради тебя! — она в истерике, царапала ноготками, грубую ткань королевской хламиды.

Король, загнанный в ловушку, только пучил глаза, и вертел головой, не зная чего ему, теперь, ждать.

— Как ты мог оставить меня, нас... — девушка гладила Короля по взъерошенной бороде — беременная я... у нас будет маленький... наследник...

У Его Величества от услышанного глаза выпучились пуще обычного и отвисла челюсть.

— Это как так вышло? ... — еле выдавил из себя Король, сражённый такой новостью.

— Да — да, — шептала, девушка глотая слёзы — будет у нас сыночек, и назовём его в честь тебя — Король!

— Ты уверена в том, что говоришь? — у монарха перехватило дыхание.

— Конечно, мой суженный, — девушка зарылась лицом в густую королевскую бороду — будет у нас ребёночек! Уже второй!

— Какой? — опешил Король.

— Всё! Хватит! — раздался повелительный голос старухи — матери, она, резким движением, оторвала старшую дочь от августейшего и сунула ему в лицо остро заточенное лезвие топора — Решил поматросить и бросить! Привыкли вы, господа, честных девок

порочить и не нести ответственности, но не в этот раз! Я тебя на пятаки пошинкую, королевская твоя морда! Если моей дочери не быть королевой, то и тебе королём не быть, да и не быть вовсе!

— Подожди! — девушка в отчаянии вцепилась в древко топора, что бы не дать матери воспользоваться орудием — Он невиноват! Ты на него погляди — суший агнец! Сама невинность и наивность! Его любой мог с пути сбить, наветом ли, обаном ли, но он — не виновен!

— Что скажешь? — прохрипела старуха — мать в лицо Королю, прижимая лезвие топора максимально близко к августейшее шее.

Нужно было как — то спасти свою бесценную, для государства, жизнь, и монарх тут же воспользоваться, так удобно предоставленным для него, выходом.

— Я — невиноват! — от всей души побожился Король — Меня обманом вовлекли в столь пренеприятнейшее и неприличествующее действие. Я этого не хотел. Меня принудили. Честное слово.

— И кто же это тебя, ангелочка, так подставил? — недоверчиво вопрошала мать.

Король замялся, не зная, что ответить и, только, нервно жевал бороду.

— Это всё эти мерзкие зайцы! — выкрикнула девушка, как очевидную истину — Мне они сразу не понравились. Нужно было их в первую же ночь убить, как я и предлагала!

— Ну, ничего, — мать отвела острие топора от королевского горла и Его Величество облегчённо вздохнул — мы можем это и сейчас повернуть, — и она подала знак, стоявшей позади Короля девочке.

Та, закусив лезвие ножа зубами, быстро нагнулась и запустив обе ручонки под подол Его Величества, извлекла двух престарелых зверьков.

Зайцы пищали и пытались укунить девочку за руку, но она, ловко перехватила ихние уши в одну руку, а второй взяла изо рта нож, и поднесла его к заячьим шеям, намереваясь одним движением, вопреки поверью, убить сразу двух зайцев.

— А — а — а! — страшно кричала Зайчиха, выпучив косые глаза, а её брат сходил по — маленькому.

— Это они тебя подговорили? — подсказывала Королю старуха — мать.

Его Величество покосился на находившихся в подвешенном (во всех смыслах) состоянии зайцев и, внезапно взывравшая, в нём совесть вырвалась наружу, в виде краткого слова:

— Они! — вот какова она, королевская совесть!

— Заканчивай с ними, — тот час приказала мать девочке.

— Нет! — заверещала Зайчиха — Он лжёт! Лжец! Обманщик! Лгун!

— Хочешь сказать — это не вы его подговорили? — спросила мать, но по тону было слышно, что каким будет ответ Зайчихи её мало интересует.

— Я не про это! — Зайчиха задыхалась от страха и злобы — Он — не король! Он — неизложен!

— Врёшь, паршивка! — возмутился Его Величество — Я — Король Многоземельный Был, есть и буду!

— Это вы в своей глуши так отстали от жизни, что ничего не знаете! — Зайчиха не обращала на Короля внимания — Уже с неделю, как его с престола сместили! Теперь он — никто! Обычный нищий бродяга!

— А как же вы на Porsche Cayenne к нам приехали? — шокированная открывшейся

правдой, сухо спросила мать, хватаясь за последнюю надежду.

— Это не наше! — взвизгнула Зайчиха — Мы её за день до этого угнали!

— Замолкни, подлое животное! — девушка опять бросилась на плечо к Королю — Любимый мой, скажи, что это всё непрада! Что тебя умышленно хотят очернить!

— Так я это и говорю, — подтвердил монарх — я как был королём, так им и остаюсь. Какая разница низложен я или нет?

— Чего... — прошептала девушка медленно отстраняясь от государя.

— Если кучка каких — то мерзавцев, — продолжал рассуждать августейший — позволила себе наглость, объявить на весь мир о моём низложении, отобрать у меня мои дворцы, земли, рабов и прочие ценности, это ничего не значит! Королевское звание отобрать невозможно, кто единожды стал королём, прибудет им навеки!

— То есть, у тебя ничего нет, — девушка содрогнулась от страшного вывода — ты, всего лишь, нищий проходимец...

— Нет! — вздыбился монарх — Я — король!

— Но у тебя же совершенно нет денег! — девушка, в отчаянии, закрыла лицо руками и горько зарыдала.

— Да, но я, всё — равно, остаюсь королём, — доказывал Его Величество — какая, собственно, разница есть у меня деньги или нет? Так, только, отличают господина от презренного хлопа, но король, то бишь я, хоть с деньгами, хоть без, навсегда господин над всеми господами.

— Да ты и есть, самый обычный презренный холоп, — грустно сказала старуха мать и обняла безутешно рыдавшую старшую дочь.

— Нет! — воскликнул Король, и в голосе его послышались плаксивые нотки — Никогда не смейте меня так называть! Я — Король, я — властелин, я — божество!

Девушка посмотрела на Короля с омерзением.

— Как тебе было не стыдно со мной любовь крутить, если у тебя, совсем, нет денег? — всхлипнула она — Это подлый бесчестный поступок, непростительный.

— Кого крутить? — не понял Король, но что бы не ронять достоинства, сказал — Я о детях позабочусь, можешь не беспокоиться. Как разродишься, едва дитё шести лет достигнет, привози его ко мне во дворец, я ему должность определю. Если мальчик будет, то на конюшню — навоз выгребать, а если девчонка — на кухне место найдётся, посуду мыть, да прибираться.

— Так, ведь, нет у тебя никакого дворца, — грустно заметила девушка.

— Ну, когда будет, — опомнился Король — тогда и привози...

— Не нужно, — отмахнулась девушка — всё! Я, уже не беременна.

— Это как? — удивился Король.

— А вот так, — ответила та — мужчина без денег, как шмель без крылышек — цветы опылять не способен.

— Надо же... — поразился Король открывшимся познаниям на стыке гименоптерологии и зоологии.

— Так, а мне что с этими делать? — напомнила о себе девочка и потрясла зайцами — Зарезать их или заколоть?

— Отпусти, — сказала ей мать — это такие твари, что нашему лже — королю с ними будет не сладко, так что пускай мучается.

Девочка разжала ладонь и зайцы шлёпнулись на пол, да так и оставались лежать не в

силах подняться, до того были измотаны эмоционально, да к тому же Заяц, упал в свою собственную лужу.

Старуха — мать повела, бурно рыдающую дочь вон из вагона, и, вскоре, обнявшаяся парочка исчезла за дверями тамбура. Девочка выбежала в противоположном направлении.

Раздался свист спускаемого воздуха — сорвали стоп — кран и поезд, с визгом и скрежетом, стал тормозить.

Король, плотно зафиксированный в проходе, не пострадал от внезапной остановки, только, было слышно, как падают с полок в купе тела убитых, да зайцев понесло кубарем, но слоновьи щиколотки августейшего послужили им живой мягкой преградой.

Когда поезд остановился, Король в окно увидел, как из вагона вышли мать и две её дочери, какое — то время они переругивались с пассажирами других вагонов, возмущёнными внезапной остановкой, а в конце послали всех в дальнейшее путешествие, слились в единое целое, неопределённой формы, и исчезли в высокой жёлтой траве, колышимой неугомонным ветром...

Король лежал на спине, уставившись мутным взглядом в пыльное днище верхней спальной полки. Тяжёлые думы терзали величественную душу и не давали заснуть, даже, мерный стук колёсных пар и покачивание вагона не убаюкивали августейшего. Кроме того, в вагоне начинало смердеть и, даже, плотно задвинутые двери купе и лишённое стекла окошко, не могли облегчить ситуацию.

— В вагоне бардак, а где шляется проводник не известно! — раздался с верхней полки ворчливый голос Зайчихи, она хорошо выспалась и была в настроении устроить кому — нибудь (беззащитному) хорошую взбучку.

Зайчиха спрыгнула на пол и сладко потянулась, попутно дав пинка, спавшему в углу, свернувшись в клубочек, брату.

— Гадина! — огрызнулся Заяц, потирая ушибленный зад.

— Эх, жрать охота, — сказала Зайчиха и, взобравшись на стол, свесила с него задние лапки — а ты, что, так и не спал, всё размышляешь? — спросила она у Короля.

— Есть малёха, — грустно ответил Король.

— Не думала, что ты умеешь, — созналась Зайчиха.

— Да со мной первый раз такое, — сказал августейший — но тут поневоле задумаешься. Вот сколько раз меня за последние дни путали с хлопом?

— Сколько? — спросила Зайчиха.

— Не знаю, — после короткого раздумья ответил Его Величество — я до стольки считать не умею.

— Так чего ты тогда расстраиваешься? — не поняла Зайчиха.

— Да вот, стала меня преследовать одна мысль, — медленно проговорил августейший — если меня, величайшего из живущих на планете, а то и во вселенной, можно спутать с презренным хлопом, причём ошибку эту допускают, не только низшие слои общества, люмпены всякие, на дурасть которых можно было бы и не обращать внимания, но и высокопоставленные господа. Они все не могут отличить Короля от холопа! Ты представляешь?

— Ещё и как представляю, — кивнула Зайчиха — я когда тебя увидела, тоже за бродягу приняла, грязный, заросший и пешком, как тут не ошибиться?

— То — то и оно, — Король хлопнул ладонью по столу, будто словил, так долго ускользавший от него ответ на свои вопросы — а что, если, как бы это невероятно и безумно не звучало, мы — не высшая каста, не боги на земле, что если мы и хлопы — это один вид?

— Не выдумывай глупостей! — отмахнулась от королевской догадки Зайчиха — У тебя уже ум за разум зашёл.

— У меня? — Король перевернулся на бок, что бы видеть собеседницу — А разве это я не могу отличить величайшего в истории правителя, самодержавного властелина, попирающего ногами устои мироздания, от самого обычного хлопа, ничтожного, как комок грязи? Нет. Вот и ты же не узнала во мне священную особу. А почему? Потому что при мне не было внешних атрибутов власти! То есть, определить степень возвышенности той или иной особы можно, только, по наличию при ней неких физических предметов. А без этого? Это что же, выходит, если дать хлопам корону, его за правителя почитать будут?

— Не перебарщивай, — Зайчиха тряхнула усами — нельзя, вот так просто, взять и дать

хлопу корону, такого не бывает.

— Бывает! — Король аж приподнялся — Я сам видел! Когда хлопы чистят и моют мою корону, они прикасаются к ней, берут её в руки, и руки их не отсыхают, и молния не поражает их, вот так всё просто!

— Да я не совсем это имела ввиду, — пояснила Зайчиха — я про то, что короны и прочие признаки принадлежности к высшей касте, они достаются, только, достойным, тем, кто житием своим похвальным сию награду заслужил. Вот ты же королевство как — то получил, вернее не как — то, а за выдающиеся способности, таланты, неутомимое трудолюбие...

— За куртизанство! — выкрикнул Его Величество и и, уронив голову на грудь, закрыл лицо руками — К богатой невесте я посватался, ради денег её, на приданное покусился, а было оно не малым — цельное Королевство Многоземельное — как тут устоять!? Вот тебе и все мои таланты! Я, всего лишь, — куртизан! Своим роскошным телом я всего добился! Король — куртизан и куртизан среди королей!

— Оу! — Зайчиха на мгновение растерялась — Ты неправильно смотришь на это дело, — попыталась она приободрить монарха — тут подходит более естественная философия, без всяких рефлексий. Просто так устроен мир. Вот корова она ест траву, не задумываясь нравится ли это траве или нет, не гадая откуда и почему берётся эта трава, просто ест и всё. Так устроено природой. Есть холопы и есть мы — господа. Мы едим холопов, что бы жить, а холопы живут, что бы мы их ели. И все довольны, а если, вдруг, хлопам что не так, то мы их кнутом — не смейте, сукины дети, поперёк естества идти! Таков круговорот вещества в природе. Одни рождаются овцами, а другие...

— Зайцами? — попробовал угадать Король.

— Да и ими, тоже, — скривилась Зайчиха — так что не стоит тебе заикливаться на пустяках, выдумывая проблему из ничего.

— Да в том — то и дело, что не из ничего, — Король снизил голос до таинственного полушёпота — было время, когда под моим патронатом проводились тайные научные исследования на эту тему. Изначально целью проекта было научно разузнать — отчего же хлопы — такие скоты. Но открывшиеся факты поразили всех причастных. Невероятные вещи стали открываться с самого начала проведения экспериментов. Оказалось что система пищеварения у хлопов идентична нашей!

Зайчиха изумлённо покачала головой.

— Да — да, — пыхтел Король — это удалось установить в следствии первого опыта, когда мы лишили подопытных естественной холопией пищи — кислого хлеба, гнилой капусты, и других продуктов из пальмового масла, подменили это всё яствами из моего собственного рациона. Каково же было всеобщее удивление, когда хлопы, не только, не издохли, а наоборот, стали проявлять признаки улучшения самочувствия и прибавлять в весе! Тогда было принято решение — усугубить эксперимент. Хлопам стали вкачивать через рот повышенные дозы шампанского Дом Периньон, когда и случилось страшное — один холоп, после купания в бассейне, как был, нагишом, убежал из лабораторного центра, вроде как за сигаретами... За ним, сразу же, была выслана погоня, но схватить его удалось, только, на следующий день, за двадцать миль от королевского лабораторного центра. Когда его вернули, то первым делом выпороли, от чего исследуемый объект издох. Каков же был шок и потрясение, когда прояснилось, что это был вовсе не наш холоп, тот, оказалось, никуда и не ушёл, а спал пьяный под скамейкой. Изловленным оказался судья райсуда, просто он в сауне,

с товарищами и эскортницами, кушал водку, а потом, как он сам кричал, его похитили инопланетяне на летающей тарелке, но он смог от них ускользнуть и шёл в милицию, писать на пришельцев заявление о похищении должностного лица, когда и был схвачен королевской охранкой. Понимаешь?! — августейший схватил Зайчиху за плечо и потряс её — Даже королевские учёные не смогли отличить голого судью от голого хлопа!

— Дураки потому что! — сказала Зайчиха — Нужно было его по законодательству опросить. Судьи — знают законы, а хлопы — нет.

— Какие законы? — горячился Король — Которые я с приближёнными аллигаторами выдумываю? Каждый день по — новому переигрываем, что бы нам на пользу было! Да и знают ли судьи законы? Они же их не соблюдают — выходит не знают!

— С кем выдумываешь? — переспросила Зайчиха, которой стало казаться, что Его Величество повредился рассудком.

— С аллигаторами, — повторил Король — так мы в тесном кругу называем самых достойных людей страны, из — за их реального сходства с этими плотоядными пресмыкающимися — такие же тупые, прожорливые и агрессивные, и ещё они любят носить вещи из крокодильей кожи.

— Поняла. Все как один — замечательные люди, — поспешила заверить Зайчиха.

— К тому же — меценаты, — прибавил Король — это они выделили средства на провидение лабораторных опытов на хлопах.

— Деньги на ветер, — сказала Зайчиха — ничего важного в сходстве пищеварительной системы высших организмов с низшими я не усматриваю.

— Так не это самое важное! — перебил Зайчиху Его Величество — Ты же, ещё, не слышала об окончании опыта. Его, так сказать, апофеозе, коим стало вскрытие хлопов. Мы с аллигаторами взяли ружья, хлопов привязали к стенке, и всех перестреляли, славно поохотились, правда учёные были недовольны, ибо исследовать разорванные дробью тела — не достаточно точно с научной точки зрения, но пришлось работать с чем есть. И что же показало вскрытие? А показало оно невероятное, всё же одно различие в устройстве наших божественных организмов в сравнении с холопьями нашлось! Это оказался мозг. Не поверишь, но у холопов этот орган занимает почти всю черепную коробку!

— Да иди ты! — не поверила августейшему Зайчиха.

— Я тебе говорю! — утверждал Король — Сам видел!

— Что, прямо, у всех?

— Ну, допустим, не у всех, — отвечал Его Величество — но встречается. Особенно крупны у них лобные доли.

— Вот же уроды! — от отвращения Зайчиха сплюнула на стол.

— Они такие, — кивнул монарх — ведь мозг нормального человека, должен быть величиной с грецкий орех, не более, — он быстро потряс головой из стороны в сторону, и было слышно, как внутри, о стенки черепа, бьётся какой — то маленький предмет.

— Или с жёлудь! — прибавила Зайчиха и, тоже, потрясла головой, что бы извлечь характерные стуки от ударов маленького шарика внутри черепа.

— В голове должно быть много пустоты, — зевнув, отозвался с полу Заяц — что бы ветер гулял!

— Наверное, из — за этого, своего уродства, хлопы такие тупые, — предположила Зайчиха.

— Возможно, — призадумался Его Величество.

Неожиданно дверь купе отъехала и внутрь, ели удерживаясь в вертикальном положении, и, неся поднос со стаканами, наполненными, почти прозрачным чаем, ввалилось удивительное существо.

Росту существо было скорее высокого, на плечах была рыба голова с выпученными глазами и не бритым подбородком, длинное тело, почти полностью покрытое чешуёй чёрно — золотистого отлива, было плоским, вытянутым в груди, с кроваво — красным плавником на спине. К тому же от существа здорово разило болотной тиной.

— Здравствуйте — здравствуйте! — выдавило существо хватая воздух широко раскрытым ртом — Я — ваш проводник, вот принёс вам чайку, с сахарином!

— Да ты же рыба! — выпалила Зайчиха, морща нос от противного запаха издаваемого существом.

— Как вы догадались!?! — удивился проводник и поглядел на плавники которыми держал поднос — Неужели так бросается в глаза? — с огорчением произнёс он — Да, я, действительно рыба, зовусь — Хитрый Лещ из мутного озера.

— А что же ты, Лещ, в поезде делаешь? — спросил Король у рыбы.

— А вы не видите, что ли? — задёргал губами Лещ — Служу проводником. Я, хоть, и рыба, но являюсь заслуженным железнодорожником. Могу рельс отличить от не рельса.

— Профессионал! — съёрничала Зайчиха.

Лещ обиженно пошевелил жабрами и поставил поднос с чаем на стол.

— Я, так понимаю, это весь чай, теперь, только вам, — прошлёпал он своими большими губами — все остальные — покойнички.

— Но, даже, не смотря это, воняют они слабее тебя, — Заяц, вскарабкался на стул, стоящий справа от столика и выбирал себе чай понаваристей — ты несвежий, что ли? — спросил он у рыбы.

— Да, с гнильцой — с, — подтвердил Лещ, а когда Заяц, уже, потянулся за стаканом с чаем, шлёпнул его плавником по лапе — платите — с, сегодня вышло новое распоряжение и чай — с, теперь, отпускаем за дополнительную плату.

— Чего врёшь! — возмутилась Зайчиха — Показывай удостоверяющий документ! И где у тебя чеки об оплате?

— Ничего у меня нету, — Лещ говорил так будто пускал ртом пузыри — просто хотел подзаработать, всегда кто — нибудь купится. Я — хитрая рыба.

— Это мы, уже, поняли, — Король залпом выпил стакан чаю, поболтал жидкость за щеками и сплюнул на пол — какая гадость! — оценил напиток Его Величество — Простая кипячённая вода.

— Даже, не кипячённая — с, — сознался Лещ — в лужице набрал, зато цвет подходящий, вроде, как с заваркой.

— Это ты, конечно, сметливый парень, — Его Величество с уважением поглядел на рыбу — но эти свои бизнес — схемы оставь для обычных смердов. А когда потчуеть самого Короля Многоземельного, будь добр обслуживать по высшему разряду.

— Сам Король! — Лещ так разволновался, что, чуть не поскользнулся на хвосте, который был у него вместо ступней — Какая приятная неожиданность! А позвольте узнать — кто, именно, из вас Король?

— Я — кто же ещё! — Его Величество немного сконфузился — Ты что же, уже, и короля своего не помнишь?

— Не помню — с, — признался Лещ — Ваше Величество должны изволить знать, что

всякая новость живёт не более трёх дней — это вам всякий журналист подтвердит, через три дня о произошедшем, напрочь, забывают.

— Разве что, если, у тебя память, как у рыбки, — нахмурился Король — а ты, что и в журналистике сведущ?

— Ещё и как — с, — Лещ попытался кивнуть, но так как не имел шеи, то получилось у него нечто, вроде, реверанса — до того, как поступить на железную дорогу, писал заказные статьи в газету.

— Какой ты мастер, прямо, на все плавники, — похвалил рыбу Король.

— Это, далеко, не мои главные таланты — с, — похвастался Лещ — но, простите — с, Ваше Величество что — то затевает на предмет повторного взошествия на престол или я зря тут с вами лясы точу?

— Конечно затеваю, — подтвердил Король — уже, совсем скоро, вновь стану полноправным самодержцем, в этом нет никаких сомнений! Мне, главное, за границу выехать, к тестю! А, ужо, там я развернусь!

— Очень похвальные намеренья — с, — Лещ восхищённо всплеснул плавниками — обождите секундочку, я сейчас!

Рыба неуклюже вышел, практически вывалился из купе и зашуршал по проходу.

— Ты бы меньше с ним болтал, — тут же сказала Королю Зайчиха — сам же знаешь, что тебя ищут, а эта рыба, с первого взгляда видно, что стукач. У меня на них глаз намётан. Сама уйму народу тайной полиции заложила, — Зайчиха дала неожиданный подзатыльник брату — идиот, прекрати пить эти помои, слышал, ведь, что это вода из лужи, ещё прослабит дурака старого, а нам потом нюхать!

— Тебе для меня, даже, воды из лужи жалко! — огрызнулся Заяц, оставив наполовину отпитый стакан.

— Зато мышьяку мне тебе не жалко, жаль нету с собой! — Зайчиха подхватила поднос, со стоявшими на нём стаканами и вышвырнула его в окно.

— О, вы уже освободили стол! — неожиданно раздался противный голос Леща, он уже успел вернуться и протискивал свою рыбью тушку в купе, в плавниках он держал новый поднос, а когда поставил его на стол, он оказался наполнен пряниками, песочным печеньем и сахаром — рафинадом.

— Ура! — обрадовался Заяц — Сладости!

Он схватил пряник потолще и, уже, поднёс его к своему слюнявому рту, но Лещ, ловким движением плавника вырвал у косоного кондитерское изделие и вернул на поднос.

— Продукты, только, для Его Величества! — строго сказал хитрый Лещ.

Король принялся набивать рот, запихивая сладости обеими руками, от чего крошки припорошили его густую бороду, а кристаллики сахара, смотрелись на чёрных волосах, как зимняя изморозь.

— Эгей! Поделись и с нами, Превеликий, — попросила Короля Зайчиха — а то, как бы, у тебя морда не треснула!

— Ты сама всё слышала, — монарх давился, стараясь побыстрее запихнуть в себя всё содержимое подноса — это, только, для меня, ничего не поделаешь!

— Я могу поделаться! — Заяц спрыгнул со стула на пол и, встав по центру купе, упёр лапы в бока и элегантно выставил левую нижнюю лапку перед собой — Станцюю за кормёжку!

— Вот это дело! — Король одобрительно закивал и, отломив половину пряника, бросил

её Зайцу.

Косой, сладостно облизываясь, выставил вперёд лапки, жадно шевеля пальцами, вот сейчас вожаденный кусок будет его!

Но нет.

Противные слизкие плавники хитрой рыбы перехватили кусочек пряника, и в целости, не считая облепившей его слизи и рыбьей шелухи, возвратили августейшему.

— А я станцую для Его Величества бесплатно! — торжественно сказал Лещ и принялся извиваться своим длинным телом, разбрасывая по сторонам чешуйки.

— Штрейкбрехер! — злобно проворчал лишённый заработка Заяц.

— Я так люблю своего Короля, что в его присутствии мне всё время хочется танцевать! — тоненько пропищал Лещ и издевательски подмигнул Зайцу.

За пару минут Его Величество опустошил поднос, и милостиво позволил зайцам вылизать оставшиеся крошки. Естественно, между родственниками, не обошлось без маленькой потасовки, что ещё больше развеселило монарха и окончательно привело его в благостное расположение духа, изгнав неприятный осадок недавних философских раздумий.

— Ну, Лещ, потешил ты своего Короля, — августейший откинулся на подушку — помог в трудную минуту.

— Всегда рад — с, — угодливо поклонился рыба — разрешите одну маленькую просьбу к Вашему Величеству?

— Проси, что хочешь, — позволил Король — не дам ничего!

— Вы так милостивы, необычайно — с! — пропищал Лещ и, не выдержав, сознался — Я вас люблю!

— Правильно делаешь, рыба твоя морда, — похвалил Король — у тебя отменный вкус! Я, тоже, надо признаться, обожаю себя до безумия! Надеюсь мы не станем соперниками на этой почве?

— Что вы — с! — изумился Лещ — Мы — соперниками? Да никогда — с! Наоборот — союзниками! Позвольте мне помочь вам в возвращении законного престола. Страшно желаю следовать за вами в огонь и в воду, лучше конечно в воду, я всё же — рыба, — Лещ заискивающе хихикнул.

— А на кой ты мне нужен? — без обиняков спросил Король — Чем ты мне в пути можешь пригодиться?

— Есть у меня один отменный талант, — интригуяюще произнёс Лещ — вам очень понравится!

— Это какой же? — полюбопытствовал Король, поудобнее растягиваясь на полке.

— Я умею очень качественно, прямо мастерски, — Лещ подступился к августейшему поближе и пробурчал интимным тоном — целовать в задницу!

— Нашёл чем удивить, — разочарованно вздохнул Его Величество — я же — Король, у меня знаешь сколько жополизов было? Да я с ними не то что, пятую точку не мыл, даже подтираться не имел нужды! С засосами постоянно ходил. Так нализывали, что блестело как у кота...

— Я лучше — с, — отбросив ложную скромность заявил Лещ — смею вас заверить. Это мой дар и моё призвание. Но я, конечно, не прошу верить мне на слово. Могу доказать делом — с.

— Ух, — прокряхтел Его Величество, с трудом переворачиваясь на живот — попробуй конечно, но, вряд ли, ты сможешь меня впечатлить, — Король задрал полу хламиды,

обнажив две целлюлитные сахарные горы.

— Ах! — Лещ склонился над монархом и глобоко вдохнув, блаженно закатил глаза — Королевская попка пахнет повидлом! — прошептал он.

— Неплохо начинаешь, — похвалил рыбу Король — продолжай, — августейший зажмурился, прислушиваясь к ощущениям, вывалив язык от сосредоточенности, но через пару секунд заблажил, как оглашенный — полегче, полегче! Хорош! Фух! Чуть до пупа не засосал! — монарх спрятал телеса под грубой тканью хламиды и перевернулся на спину.

Зайцы, те просто обомлели от увиденного и сидели, не шевелясь и не моргая.

— Королевская попка вкусна, как шоколад, — Лещ утёр плавником губы.

— Ну знаешь, — Король с трудом переводил дыхание — это было что — то. Даже слов нет. Выше всяких похвал. Тридцать лет проправил, но ничего подобного ни разу не было. Ай, да Лещ, ай да хитрая рыба!

— Так что же — с, — спросил Лещ у Его Величества — берёте меня в поход?

— Без тебя он невозможен! — решительно заявил августейший — Такого жополиза грех терять!

— А какую награду мне пожалуете? — Лещ притворно опустил глаза в пол.

— Чего угодно, всем одарю! — великодушно пообещал Король.

— Это как так! — подняла возмущённый голос Зайчиха — Нам какую — то жалкую деревеньку, а первому попавшемуся жополизу — всё чего пожелает! Так не пойдёт!

— Не пойдёт! — взвизгнул Заяц в поддержку сестре.

— Давай и нам должность посерьёзней! — затребовала Зайчиха — Пожирней!

— Слипнется у вас, то что мне этот рыба целовал, — обрубил на корню все заячьи потуги Король — пучите свою деревеньку и тому радуйтесь.

— А почему рыбе больше? — раздосадовано гнусавла Зайчиха.

— Почему больше? — спросил монарх — Он, ещё, даже не сказал чего хочет. А кроме того, в отличии от вас, которые будут наслаждаться безделием в окружении покорных холопов, рыбе придётся трудиться ежедневно. У меня на него большие планы. Он будет мне задницу целовать публично, на камеру, и тут же, в живописных тонах, расхваливать её, повышая тем самым холопью любовь ко мне, и, как следствие, лучшую управляемость низшими слоями. Чернь, страх как любит, смотреть по телевизору, когда ихнего повелителя лобзают в жопу, и чем выше мастерство поцелуев, тем крепче власть! Так что для такого гения, как этот Лещ, я ничего не пожалею.

— Ваше Величество, как всегда, мудры — с, — галантно заметил хитрый Лещ — но я много и не попрошу, ибо совестлив до неприличия. Поспособствуйте моему продвижению по службе — с и всего — то. Хочу заседать в совете директоров королевских железных дорог.

— Нет, это невозможно, — отрицательно покачал косматой головой Его Величество — я же сказал — ты будешь каждый вечер целовать мой зад в студии центрального ТВ. Некогда тебе будет заседать в совете.

— Помилуйте, Ваше Изумительное, — пробулькал Лещ — совет, он не для того, что бы в нём работать, он для того, что бы загребать миллионы. В самом совете я, вовсе, и не собирався появляться. То бишь я буду совершенно свободен и каждый вечер, даже не сомневайтесь, ваша попка — с будет обцелованна целиком и полностью. Королевская попка — это амулет приносящий счастье, тому кто его целует.

— Умеешь ты убедить, шельмец, — согласился Его Величество — так и быть — дарую

тебе место в совете директоров королевских железных дорог.

— Вы не пожалеете, — заверил Короля рыба — популизаторство — это моё призвание.

— Э! Пойдите! — всполошился Заяц — Да за такие коврижки я тоже готов жопы целовать! В любом количестве и любого качества! Да мне приходилось, и за гораздо меньшее, сраки начальственные вылизывать! Что же я, тут не справлюсь?!

— Прибереги пыл, — холодно порекомендовала брату Зайчиха — не забывай, что деревенька — то будет оформлена на моё имя и, именно, мою задницу, — она похлопала себя по костлявому задку — тебе и предстоит шлифовать языком, да так, что бы своё отражение, как в зеркале видел.

Заяц, сразу, осунулся и поник. Будущее вырисовалось ему в не самых весёлых красках.

— Позвольте мне, в честь такого знаменательного дня, — Лещ прижал плавник к груди — преподнести моему Королю скромный подарок!

— Почему скромный? — надул губы августейший — Нет скромный не годится, ты же не на свидании.

— Исправляюсь! — Лещ, аж подпрыгнул на хвосте — Позвольте преподнести моему любимому Королю роскошный подарок!

— Так — то лучше, — согласился Его Величество — если роскошный, то давай сюда.

Лещ вынул из — под жаберной дуги карманные часы на золотой цепочке и, криво склонившись, подал их Королю.

— Неплохая вещица, — оценил Король, и покрутив часы в руках, открыл крышку.

В часах заиграла тихая мелодия. Сердце Зайца встрепенулось.

— Погодите — ка! — он вскочил, лихорадочно шаря по карманам своего жилета — Нету! — шокированным голосом пропищал он — Часов нету! Украли!

— Не бережёшь ты королевские подарки, — холодно сказал Король.

— Это потому, что он вас не любит, — подсказал хитрый Лещ.

— Стоп! — пискнул Заяц, внимательней прислушавшись к продолжавшей литься из открытых часов мелодии — Это же мои часы! — внезапно озарило его — Ты украл их у меня! — обвинил косой рыбу — Спёр, гнида!

— А нечего щёлкать, — невозмутимо отвечал Лещ — тем более я это сделал, токмо, из любви к государю, я считаю что одного этого достаточно для прощения за любое преступление!

— Резонно, — согласился с доводами хитрой рыбы Король.

— Лично я не смог бы себе позволить носить такую вещь, — продолжал Лещ — когда у моего Короля такой нету. Я бы, тотчас же, подарил их Его Величеству. Не то что некоторые!

— Позор тебе, — августейший укоряюще посмотрел на Зайца.

— А давайте выкинем его! — неожиданно предложил рыба — Зачем он нам нужен? Вы когда —нибудь видели, что происходит с зайкой, которого выбрасывают из поезда на полном ходу и тянут на верёвочке?

— Ни разу не видел, — предложение увлекло монарха — но было бы очень любопытно поглядеть.

— А вот и полюбуетесь, как этот субъект себе все косточки переломает, — подлизывался к Королю рыба — то — то потеха будет! Так что выбрасываем? Прямо в окошко, смеха ради!

— Давайте! — подключилась и Зайчиха, обрадованная возможностью избавиться от брата, которого она не очень хотела видеть жильцом своей усадьбы, а то девки крепостные

наплодят от него зайчат, так куда их потом девать?

Она сорвала с окна занавески и вынула из них тонкую, но довольно крепкую верёвку.

— Подойдёт! — она подёргала верёвку, проверяя её на прочность и, вдруг, её осенило! Эдак, ведь, следующей будет она! Ай да хитрая рыба Лещ! Чуть не провёл её.

— Не смей трогать братца! — резко сменила позицию Зайчиха — Он нам ещё может пригодиться!

— Зачем? — задал простой, и одновременно сложный, вопрос Лещ.

— Ну как зачем, — растерялась Зайчиха — да хотя бы для веселья, сами поглядите на него, — при этом сам Заяц, который тоже, не особо рвался выбрасываться в окошко, выпрямил спину, надул грудь колесом, нахмурил брови.

— Вот видите, — стрекотала Зайчиха — дурак дураком, и никакого кина не надо!

— Ваше Величество, — апеллировал к государю Лещ — неужто вы не видите, что они вас не любят, не хотят ради вашего веселья, даже, из окошка выпрыгнуть!

— А чего же ты сам не выпрыгнешь? — задала рыбе логичный вопрос Зайчиха — Ты тут больше всех кричишь о своей любви к Его Развеликому, стало быть тебе и карты в руки!

Лещ злобно вытаращил немигающие глаза с большими чёрными зрачками на Зайчиху, вопрос оказался для него неожиданным и он, не находя, что ответить стал пускать пузыри из, беззвучно шевелящегося, рта.

Но замешательство рыбы длилось недолго, будучи опытным спорщиком, он имел в запасе один ответ на все неудобные вопросы.

— Провоцируете! — внезапно взвизгнул Лещ, от чего все надутые им пузыри единомоментно лопнули — Собачьи вопросы задаёте!

— Чьи вопросы? — не поняла Зайчиха.

— Да о чём вы спорите! — влез Заяц — Верните мне мои часы!

— Они твои, пока они у тебя в кармане, — объяснил ему Лещ — а когда их от туда извлекли, то они, уже, того кто извлёк. Это, между прочим, судебный прецедент.

— Да заткнитесь вы уже! — не выдержал Король — Эдак мы никого в окошко не выбросим! Дайте тяните жребий, да поживее, а то меня от сладкого в сон клонит, — он вытянул из кармана спичечный коробок, вынул одну спичку, отломал у неё половинку и, зажав её между большим и указательным пальцами сказал — кто вытянет сломанную спичку тот и в окошко выпрыгнет. Лещ не тянет.

— Как это не тянет! — в один голос воскликнули зайцы.

— Я же вам, тупицам, рассказал, что он будет у меня работать королевским популизатором, — осадил косых Его Величество — а значит он представляет особую ценность и прыгать в окна ему запрещается.

— А может никто прыгать не будет? — робко предложил Заяц.

— Ага, не будет! — обозлился августейший — Наобещали мне, раззадорили, а теперь заднюю даёте?!

— Да это не мы... — пискнул Заяц.

— Нет, тяните, именно, вы! — строго приказал Король — И время тяните и жребий!

Зайцы уставились на протянутую им палочку, одиноко торчавшую из мясистых королевских пальцев.

— Тяни первый! — Зайчиха подтолкнула брата поближе к спичке.

— Эх! — выдохнул тот и провёл лапой по глазам — Только бы сломанную не вытянуть, — взмолился Заяц и потянулся за спичкой.

Но узнать свой жребий он не успел. Раздался гром чудовищной силы, колёсные пары завизжали и, словно, волна пошла по всему поезду.

Вагон в котором находились наши благородные герои вывернуло из железнодорожной колеи и свалило на бок.

Король, сидевший на спальном полке, успел за неё ухватиться и совершенно не пострадал, оказавшись в стоячем положении, а вот зайцам так не повезло, они свалились на стенку купе, ставшую, теперь, его полом, при чём Зайчиха хлопнулась сверху на брата, от чего тот коротко крякнул и сделал пару жмень заячьего гороха.

Но хуже всех пришлось рыбе, он стоял, аккуратно, напротив открытой двери, которую сам же и забыл задвинуть, и когда вагон перевернулся, то вылетел в самый проход, расплоставшись чешуйчатым телом по оконному стеклу. В довершение, со стола, ставшего, теперь, боком, слетел поднос и добил Леща.

Зайцы, стонали, приходя понемногу в чувство, Зайчиха, даже смогла сесть, и теперь осторожно ощупывала суставы — всё ли цело.

— Лещик, как ты, живой? — Его Величество с беспокойством склонился над открытой дверью — Отзовись, родненький!

— Хе! Он тебя один раз в задницу чмокнул, а ты печёшься о нём, как о родном дитяте, — насмешливо заметила Зайчиха — в то время как мы с братом потеряли из — за тебя всё и, сейчас, на своём горбу пытаемся завести тебя на трон.

— Молчи, мерзавка! — коротко поблагодарил Зайчиху Его Величество.

Снизу раздалось прерывистое бульканье, а за ним раздался слабый голос:

— Ваше Величество!

— Да, Лещик, твой король тебя слышит, — тут же отозвался на зов августейший — Ты как? Цел ли? Что это, вообще, случилось?

— По всей видимости, — ответил снизу слабый рыбий голос — поезда столкнулись, из — за того что мы сделали незапланированный объезд, да и ещё стоп кран срывали, тоже был простой. Я должен был передать об этом вышестоящим инстанциям, что бы отрегулировали движение, но не сделал этого, потому что встретил своего любимого короля. И, ещё, потому что мне плевать.

— Вылазь, Лещик, — позвал Его Величество — мы тебе поможем!

— Я бы и рад, Ваше Величество, — грусто отозвался рыба — но проблема в том, что не могу самостоятельно подняться из лежачего положения.

— Как не можешь? — не поверил Король и, встав на четвереньки, с опаской выглянул в дверной проём.

Лещ беспомощно лежал на правом боку, его жабры тяжело вздымались, спинной плавник подрагивал.

— Давай, Лещик, чего разлётся? — промолвил Король.

Рыба забился, стуча хвостом по стеклу, чешуя полетела в разные стороны, но подняться ему так и не удалось.

— Сами видите, Ваше Превеликое, — всплакнул Лещ — ничего не получается. Оставьте меня, не теряйте времени.

— Пожалуй, ты прав, — согласился августейший.

— А кто же без меня будет вас в попochку целовать? — как бы невзначай спросил Лещ — Государю негоже ходить с нецелованной попochкой.

— Мда — а... — задумался Король — и заменить — то тебя некем. Да к тому же,

такого талантливого жополиза, я ни у одного зарубежного деспота не видел, такого грех бросать. Эй вы, косые бездельники! — обратился монарх к зайцам — Спуститесь и помогите Лещу подняться.

Зайцы сидели разминая отбитые конечности, но заслышав приказ Его Величества, подскочили, как ужаленные.

— Пускай остаётся! — брызгал слюной Заяц — Он минуту назад предлагал меня в окошко выбросить и, уж, он бы, после этого, вытягивать меня не стал!

— Да и если мы спустимся, то как мы назад залезем? — пыталась найти отговорку Зайчиха.

— Быстро ныряйте! — чёрные глаза Короля злобно сверкнули.

— Иди один, — сказала Зайчиха брату.

— Я один его не подниму, — Заяц решил, раз уж погибать, так вместе с любимой сестрой.

— Вы тут ещё дебаты устройте! — Король терял терпение, что не предвещало заячьему семейству ничего хорошего — Ты, косой, сам в своё время, небось, с людей работу спрашивал? Попробовали бы они тебе перечить, ты бы три шкуры с них спустил! И ты, старая тварь! — досталось и Зайчихе — Нормы выработки повышала, а количество работников сокращала, и никогда наоборот! Так что спускайтесь оба!

С большой неохотой, бубня под нос проклятья, зайцы выплюхнулись из купе, постаравшись попасть на рыбу, да побольнее.

Лещ мужественно перенёс бомбардировку зайцами, только жадно хватал воздух широко раскрытым ртом.

— Блин! — выругалась Зайчиха, глядя, на груды покойников, повывпадавших из своих купе — Как я сразу не подумала у жмуриков в вещах порыться, может у них деньги с собой есть или ценности какие. Такой шанс обобрать упустила! — она, в сердцах, хлопнула себя ладошкой по лбу.

— Да какие у этих скотов могли быть ценности? — насмешливо пробулькала Лещ, покосившись стеклянным рыбьим глазом на Зайчиху — Чай не бизнес — класс!

— Давайте, там, поживее! — подстегнул сверху Король.

Зайцы, кряхтя и матеря рыбу на чём свет стоит, с трудом продели большую рыбу голову в дверной проём и быстро поддавая его чешуйчатую тушку вверх, поставили Леща на хвост.

Сам Король помог Лещу подняться в купе, а зайцы не растерялись, и ухватившись за рыбьий хвост, воспользовались им как лифтом.

Дальше было дело техники — Король повывбрасывал зайцев, в простреленное окно, а уже тогда, подал им рыбину, которую косые вытянули за жабры.

Наконец из окна полез сам Король.

Большая косматая голова, покатые округлые плечи, вот уже Его Величество показался до середины и бац — застрял на самом интересном месте!

— Репка ты наша! — поняв, что предстоит тяжёлая работёнка, почти простонала, уже, измученная физическими нагрузками Зайчиха — Винни — Пух новоявленный!

— Заткнись, дура! — Его Величеству было не до шуток — Тяни давай! — и монарх подал Зайчихе свои пухлые ручки.

Тянули все.

Зайцы — каждый за руку, а Лещ за голову, правда толку с него было — ничего, мягкими

плавниками он не тянул а гладил и, только, набил чёрную гриву королевских волос чешуёй.

— И взяли! И взяли! — командовал Заяц, от натуги сопя, как трактор.

Но оказалось, что Величество мог крепко не только сидеть на троне, но и застрывать в окнах.

— Никак! — Зайчиха отпустила королевскую руку и вывалив язык, села на вагон — Не идёт гад, как приклеенный.

— Да легче слона на девятый этаж затащить, чеи эдакую тушу! — Заяц, тоже, сдался и уселся рядом с сестрой.

Один верный Лещ продолжал отчаянно тереться о Короля, пока тот сам его не отогнал.

— Так я и знал, — сказал Король — в трудную минуту нельзя ни на кого положиться, а уж тем более на таких мерзавцев, как вы! Но на то я и Король, что голову на плечах не просто так ношу — всегда найду выход!

— Какой? — подперев лапой щёку, поинтересовалась Зайчиха — Жену, как обычно, на помощь позовёшь?

— Позвал бы! — горячо воскликнул Король — Но она не лучше вашего оказалась, за доброту мою отплатила чёрным предательством, нож мне в спину вонзила, воспользовалась моментом. Но я не пропаду! Знаю что делать, — он начал задирать полы хламиды.

Ткань скрипела, тяжело пролезая между королевскими телесами и прорезиненным ободом окна.

— Фух, — выдохнул Король, когда ему, наконец, удалось задрать хламиду до самых подмышек.

— Это ты, типо, хочешь на солнышке подсохнуть и уменьшиться в размерах? — попытался разгадать план Короля Заяц.

— А ты ближе погляди и всё поймёшь, — позвал Зайца монарх.

Заяц приподнялся, сощуриив подслеповатые глазки, и, как только, его голова приблизилась к Королю на расстояние вытянутой руки, тут Величество и схватил косога за оставшееся единственное ухо.

— Что ты... — попытался возмутится подобными действиями Заяц, но Король уже прижал его слюнявый рот к телу и стал им натираться, активно выжимая из косога слюну.

Процедура давалась Его Величеству нелегко, он хохотал как умалишённый, настолько щекотным было прикосновение мокрой заячьей морды с колючими усами. Наконец обмазавшись, как следует, августейший отставил Зайца и снова вытянув ручки, сказал:

— Тяните! Теперь должно пойти.

Потянули, но снова безуспешно.

— Не помогло, — сделала вывод Зайчиха — Тебя отсюда, только, вырезать нужно.

— Не болтай! — прокряхтел Король — Тяни молча. Тут чуть — чуть не хватает. Я, сейчас, попробую лишний объём сбросить, должно помочь.

— Что ты имеешь ввиду? — Зайчиха снова потянула нежную желеобразную руку и, вдруг, её передёрнуло, он скривилась, будто съела целый лимон — Фу — у — у! — закричала она — Ах ты ж какой вонючий гад! Да здесь противогаз нужен!

— Тяни! — кричал ей в ответ августейший — Не отвлекайся!

Всё — таки, ели — ели, по миллиметру, бесценное королевское тело стало выходить из вцепившегося в него вагона и, когда, уже сам королевский зад, ослепительно сияя в вечерних розовых лучах заходящего солнца, вынырнул из оконного проёма, зайцы, бросив Его Величество, спешно поспрыгивали с вагона на землю, боясь отравиться ядовитыми газами.

Один храбрый Лещ, снова, не покинул своего Короля и помог ему встать на ноги.

С высоты своего великанского роста августейший оглядел катастрофу — практически все вагоны лежали на боку, а некоторые, даже, колёсами кверху.

— Нам бы лучше, как можно скорее, покинуть это место, — пробулькал Лещ — а то скоро приедет милиция, начнут крайнего искать и, опять, на меня подумают.

— А далеко ли нам до границы осталось? — спросил Король.

— Да прилично, — ответил Лещ.

— А могли бы поездом доехать, если бы не ты.

— Вот поэтому я и хочу побыстрее удалиться, — Лещ испуганно квакнул.

— Ну не будем тянуть, — согласился Его Величество — нам, ещё, до ночи нужно какое —нибудь пристанище найти, достойное короля.

Четверо путников брели по степи с редкими, хилыми деревцами и жиденьким кустарником. На землю, уже, спускались сумерки и сверчки, целым хором, стрекотали в высокой траве. Холодный вечерний ветер, беспрепятственно гулял по степи, загибая к земле траву, скрывавшую двух старых зайцев, да норовил забраться под убогую хламиду Его Величества, что бы полоскотать откормленные королевские телеса холодными пальцами.

— Эдак мы до ночи никакого жилья не найдём, — ворчал Зац, пряча зябнувшие лапы подмышки.

— Это всё рыба нас тормозит, — сказала Зайчиха и обернувшись, бросила злой взгляд на плёвщегося позади всех Леща.

— Это от того, что мы по суше передвигаемся, — пытался оправдаться Лещ — вот если бы по речке, вплавь, я бы вам показал, какой я быстрый. Ну, или, хотя бы, поездом, я, между прочим, заслуженный железнодорожник...

— Да слышали мы уже! — перебила хитрую рыбу Зайчиха — Ты всю дорогу об этом толдычишь.

— Я, между прочим, колии различаю, — обиженно произнёс Лещ.

— Ну вот зачем ты его взял? — Зайчиха догнала Короля и, поравнявшись с ним, посмотрела на него со значением — Он же нам нужен, как зайцу пятая нога.

— Я бы и от шестой не отказался! — отозвался, толком не расслышавший разговора Заяц.

— Мало нам было одного идиота — моего братца, так ты второго прихватил, для коллекции, — продолжала высказывать Королю Зайчиха.

— Он нам пригодится, — сухо отвечал Король — я целым королевством управлял, так что знаю, что делаю. Тебе не понять, ты — дура.

— А ты, выходит умный, дом мне сжёг, со всем имуществом, а я после этого дура, — злобно зашипела Зайчиха.

— Конечно дура, — монарх сохранял невозмутимость — нельзя было меня в дом пускать. Я, вон, целое королевство спустил, что мне стоит какой — то домишку спалить. В дни моей юности, умные люди, меня тряпками взашей от своего порога гоняли, сразу видели во мне большого хозяйственника — государственника.

Против таких веских аргументов у Зайчихе нечего было возразить и они пошли молча.

Внезапно их опередил Заяц, длинными прыжками он пытался догнать пару фазанов, на которых он ненароком наткнулся.

Заяц прыгнул, жадно расставив передние лапы, но перед самым его носом, фазан, самым издевательским образом, вспорхнул и исчез в сумерках.

— Сволочь пернатая! — выругался косой, поднимаясь с поваленной травы — Жалко, что уже сезон высиживания закончился, я бы тебе все яйца передавил!

— Никогда бы не поверил, что заяц может охотиться на фазанов, — подивился Король.

— В былые времена я и на людей охотился, — сказал Заяц — а, теперь, по бедности вот до чего докатился.

— А, что, охота на человека — это по — твоему элемент роскоши? — фыркнул августейший — Не мели чепухи! Этих людишек расплодилось — девать некуда. Я, токмо, на краснокнижного зверя ходил. Ну, ходил, разумеется, образно.

Мы, бывало с дворянами, возьмём ящик шампанского, в одной руке бокал в другой ружьё с позолотой, и к нам загоняют пугоранских снежных баранов или Тяньшанского медвежонка, вот потеха — то! У меня, как — то, на такой охоте дворяне с перепоя друг другу головы поотстреливали, за что получили звезду героя посмертно и были причислены к лику святых.

В темноте пронзительно прокричал сыч.

— Всё! Нужно останавливаться на ночлег! — Зайчиха припала к земле — До рассвета ни шагу!

— Ополоумела, что ли? — ехидно поинтересовался Его Величество — Где ты здесь ночевать предлагаешь? Посреди чистого поля.

— Всё равно лучше ничего не найдём, — Зайчиха вся обратилась в слух — не хлопают ли в небе крылья.

— Ты, что — сыча испугалась? — Король брезгливо сощурился.

— Между прочим они на зайцев охотятся, — шёпотом ответила Зайчиха, ползя на пузе — может и меня схватить.

— Не велика потеря, — хмыкнул августейший.

— Ваше Превеликое, — неожиданно раздался булькающий запыхавшийся голос Леща — сычи, они и рыбкой не брезгают!

— Так ты, вроде, слишком крупный, — заволновался Король.

— Так большому куску и рот рад, — пробулькал Лещ.

— Ладно, уговорили, — согласился Король — давайте хоть спустимся под этот холмик, — он указал на возвышавшийся, чернеющей громадой холм, чётко прорисовывавшийся на фоне ясного вечернего неба, на котором, уже, выступили первые звёзды — в ложбинке под ним, хоть, не будет ветра.

Путники свернули и быстро, насколько мог Лещ, пошли к холму.

По мере приближения, становилось ясно, что холм был куда выше, чем казался из далека, густо заросший деревьями, он оцетинился их верхушками, словно пиками, да и скорее, больше, напоминал маленькую гору, чем холм. Удивительное ландшафтное явление, как для степи.

Наконец перед Королём и его свитой открылась уютная глубокая ложбина у подножья холма, а на самом её дне светились два тёплых жёлтых огонька, которые могли быть, только светом окон.

— И где, сейчас, только не живут люди! — отреагировал на увиденное Заяц.

— По — моему, лучше ночью в незнакомый, одиноко стоящий, дом не соваться, — предупредила Зайчиха.

— Ну я же к тебе зашёл, не побоялся, — припомнил Король — а, уж, здесь мне опасаться и подавно нечего. Сколько лет прошло, а я всё же узнаю свою alma mater.

— Кого? — не понял Заяц.

— Узрите, презренные, мою великую историческую родину, — торжественно заговорил Король — отсель я начал свой путь, вот она — моя materna! — он указал на убогий домишко у подножия холма.

— Что — эта холупа? — не поверила Зайчиха.

— Это тебе не холупа, — обиделся Король — это вольное Королевство Малоземельное, титул принца которого я имею честь носить!

— То есть, на ночлег мы можем рассчитывать? — предположила Зайчиха.

— Да что там ночлег, нас ждёт королевский приём! — заверил Его Величество — Мой папашка закатит по такому поводу пир горой! Объедемся и обопьемся, на перинах выпьемся, — Король стал уверенно спускаться в ложбину.

— Так уж и на перинах, — с сомнением покачала головой Зайчиха, глядя на ветхую постройку, но все уже увлечённо следовали за монархом.

Спуск, хотя и бы, довольно короток, но зато был каменист, да и ещё повсюду были накопаны неглубокие ямки, в которые, то и дело, проваливались путники, зайцы — те целиком, а Его Величество, по самое колено, причём в одной из ямок в которую угодил августейший, дно было вымощено битым стеклом, и только непробиваемая подошва пынехода спасла королевские пяточки.

— Узнаю милые папины шутки, — проворчал Король, вытягивая ногу из ямы — помню, когда был маленький, постоянно ходил с ним по ночам волчьей ямы рыть.

— Зачем? — поинтересовалась Зайчиха — Вы, что, на осадном положении находились?

— Да это здесь не при чём, — Его Величество вытер подошву пынеступа о траву, счищая с неё прилипшие кусочки стекла — Это же, вообще, была для нас заграница, и мы, что бы не быть пойманными, сваливали в эти ямки отходы, так как о своём королевстве заботились и не хотели его загаживать. Накопаем несколько ямок — они заполнятся, мы новые выроем — так и жили, с заботой о экологии родного края, так что будьте повнимательней, здесь, как на минном поле.

Раздалось сочное чавканье — это Заяц попал в одно из отходохранилищ.

— Я так понимаю, — тихо сказал он — биологические отходы жизнедеятельности своих организмов вы, тоже, сюда сбрасывали.

— Так а куда же ещё? — подтвердил Король — У нас в королевстве центральной канализации не было.

— Нет её там и сейчас, — пророчески произнёс Заяц, выбираясь из тягучей жижи нечистот.

— Да не подходи ты так близко! — оттолкнула брата Зайчиха — Оботрись, хоть, травой. От тебя, аж, глаза слезятся.

Но как не были аккуратны Король со свитой, всё же, в потёмках, они ещё не раз, попадали в плотно рассажённые ямы.

Хуже всего приходилось Лещу, проваливаясь он, уже, не мог сам выбраться и, только, слабо стонал, пока зайцы, по указке монарха, не вытягивали его.

До границ Королевства Малоземельного наши герои добрались с выбитыми ногами, грязными и дурнопахнущими.

То что сверху, видя одну покрытую мхом покатуую крышу зайцы приняли за дом, оказалось маленькой землянкой, с парой узких окошек под самой крышей, свет из которых и привлёк путников. Землянка была обнесена плетнём, таким низким, что Заяц мог через него легко перешагнуть. Вход во дворик перегораживал шлагбаум — тонкое, покрашенное в красный цвет брёвнышко, лежавшее на двух, вкопанных в землю рогачиках.

— Господа, — промолвил Король, но, взглянув на Зайчиху добавил — и дамы, приглашаю вас, вместе со мной, посетить Королевство Малоземельное — великую державу, подарившую миру — меня!

Но, только, Король поднял шлагбаум, как на конце его, зазвенел колокольчик, еле видимый в темноте. В ту же секунду, со стуком, откинулась дверь землянки и, обрисовавшийся в жёлтом проёме чёрный силуэт прокричал:

— Это вероломное пересечение границы! Стой, сволота, стрелять буду!

Король так и застыл, не выпуская шлагбаум из рук, замерли и его сотоварищи. Только Зайчиха тихо спросила у августейшего:

— А как давно ты покинул отчий кров?

— Да лет в семнадцать, — припомнил Король.

— Молчать! Я не позволял переговариваться! — брюзжал силуэт, но, тоже, не двигался с места.

— Папа, что же вы дитятю своего родного не признаёте? — решила выкрикнуть Зайчиха.

— Нет у меня никаких дитятей! — тут же отверг родство силуэт.

— Папа, это же я — твой сын, Принц Малоземельный! — нерешительно отозвался Король.

В ответ силуэт, обругал Короля отборным матом.

Король в долгу не остался и выписал сдачу в три этажа. От услышанного силуэт, аж поперхнулся, засипел набирая в лёгкие воздуха и обложил Многоземельного Короля по самые уши. Тогда, Его Величество, наконец отшвырнул бревно шлагбаума, и раззявив рот пошире, укрыл своего визави, не то что с головой, а ещё, и сверху пару слоёв закатал.

Силуэт затих, было видно, что его здорово пробрало, аж шатает.

Потом он, медленно, выкарабкался из землянки и зашкандыбал навстречу незванным гостям. Когда он вышел на лунный свет, то оказался смуглым кучерявым крепышом, со злыми, сверкающими глазками, точно, как у Короля. Одет он был в домотканную рубаху из грубого серого льна, да такие же домотканые штаны, обшитые старым мехом, с парой заплат, в левом ухе блестела крупная золотая серьга.

— Насилу тебя признал, — сказал он, остановившись перед Его Величеством — признаться, не ждал, уже, тебя здесь увидеть. Да и не хотел.

— Я и сам не рад, — ответил отцу Король — но что поделаешь, в трудное время до чего, только, не докатишься.

— Трудное? — переспросил Король Малоземельный и в его рту блеснула золотая фикса.

— Да так, маленькие неприятности, — равнодушно сказал Король Многоземельный — низложили меня, но это временно.

— Нет ничего более постоянного, чем временное, — заметил ему папка — а это, что за бродячая свора с тобой?

— Это моя свита, — Король Многоземельный указал на зайцев и рыбу — я же всё — таки король, мне без двора не положено.

— Какого ещё двора!? — испуганно вскрикнул Король Малоземельный — Никакого тебе двора! Это мой двор! — он расставил руки прикрывая свой куцый клочок земли — И всё что во дворе, тоже, моё! — он схватил валявшееся на боку деревянное ведро без дна и жадно прижал к себе — Не дам! Всё моё!

— Да я и не претендую, — успокоил отца Король Многоземельный — просто, вот все эти рожи, — он поставил зайцев перед родителем — это и есть мой двор, правда, скотный, ибо такая моя судьба, я — Король.

— Кто король?! Ты?! — пуще прежнего разъярился Король Малоземельный — Ничего не перепутал, сынок?! Это ты там — король! — он обвёл руками видимые просторы — А здесь король — я! Ты уж это запомни, щенок! Здесь ты всего лишь жалкий принц, капитан

лейбгвардии и магистр рыцарского ордена благородных братьев — паладинов Королевства Малоземельного, а так же — второй адмирал королевского военного флота (я — первый) и не более того!

— Ладно, папа, — не желая злить старика, согласился Принц Малоземельный.

— И не папкой мне тут! — строго указал Король сыну — Обращаться ко мне строго по титулатуре, соблюдай этикет! Ты, всё — таки, в великой стране находишься!

— Ваше Величество, — по уставу обратился Принц к отцу — разрешите мне и моей свите заночевать в роскошных покоях вашего дворца, обязуюсь, что ни я, ни мои приближённые не доставят вам ни малейших хлопот.

Король Малоземельный задумчиво поскрёб подбородок, при этом чёрные злые глаза его продолжали внимательно изучать прибывших.

— Вот что! — наконец решил он — Ты получишь мой ответ в письменной форме.

Король вынул из кармана крохотную записную книжку и огрызок карандаша, поплевав на грифель, он что — то нацарапал на листочке, три раза перечитал написанное, вырвал лист и протянул сыну.

Принц, было, потянулся за посланием, но отец тут же и в самой грубой форме, напомнил ему об этикете.

— Ты как, говно, королевску грамоту принимаешь, сучий сын беспутный! — гаркнул Король Малоземельный.

Принц тут же исправился, склонился почти, пополам, отставил левую ножку в сторону, исполнил пару заковыристых пируэтов и, только после этого, принял бумагу из рук Короля.

Само собой разумеется, что в ночной мгле не возможно было ничего прочесть, тогда Принц Малоземельный, порыскав в карманах, вытянул маленький хрусталик, и, как только, он разжал кулак, яркий свет исходящий из хрусталика, разом, осветил всё Королевство Малоземельное, и в этом, истинном свете, оно выглядело непревзойдённо убого, грязно и злочно. Свет больно полоснул по косым заячьим глазам, от чего те запрятали морды в лапы. Король Малоземельный, зашипел и отскочил назад, подальше от пронзающего света.

— Выключи — выключи! — истошно заквакал хитрый Лещ — Жжётся! Я изжарюсь!

Но этого времени Принцу хватило, что бы взглянуть, что же там такое написал ему отец, и он быстро спрятал хрусталик обратно в карман.

Правда, сам факт ознакомления Принца с написанным особого значения не имел, так как тот всё — равно не знал грамоты. Но этой же самой грамоте не был обучен и Его Величество Король Малоземельный, единственное, что он знал, по надписям на заборах и стенах — это как выглядит написанное ругательство из трёх букв, его — то он и изображал на всех государственных документах.

— Его Величество, мой дражайший родитель, — обратился Принц к своей свите — в своём письме известил нас, что рад оказать нам гостепреимнейший приём в его благодатном крае, предоставив свой личный дворец к нашим услугам. Следуйте за мной! — но не успел он ступить и шага, как в его мягкую грудь уткнулся кривой, с жёлтым ногтем, палец отца.

— А дары принёс? — спросил Король Малоземельный — По этикету положено. Без подарков не пушу.

Принц злобно проворчал и, пошарив в карманах, вытянул карманные часы на золотой цепочке, подержал их, словно пробуя на вес и, неохотно, отдал отцу.

— Хороша вещица! — обрадовался Король — отец — А что это?

— Часы, — сухо пояснил Принц, огорчённый потерей.

— А! Ну это штука нужная! — закивал Король — А для чего они?

— Что бы время знать, — по — прежнему сухо отвечал ему сын.

— А для чего его знать?

— Ну, что бы понимать, когда утро, когда вечер, когда обедать пора, — как мог разъяснил Принц отцу.

— Вот же вы — идиоты! — искренне изумился Король — отец — Это — то я и без всякого времени знаю! Эх, сын мой непутёвый, как был ты дураком так и остался. Эта штука вовсе не для того что бы узнавать это самое «время», да, разве, время королю указ? Да и зачем бы предмет, по которому узнают время, отливать из золота? Инкрустировать его бриллиантами? Да потому что эта безделушка — это знак, знак того, что его обладатель, есть, из касты господ всемогущих, что бы холоп видел это и трепетал! Или ты думал вожди диких племён облачаются в бусы и перья, ради красоты? А вот и не угадал, это затем, что бы соплеменники видели, кто находится на вершине пищевой цепи! — отчитав таким образом сына, Король повязал цепочку часов вокруг шеи, а сам корпус часов, точно пристроил посере́д груди, поверх рубахи.

— Спасибо, тебе папа, то есть Ваше Величество, за науку, — снисходительно ответил отцу Принц — но пора бы и проводить гостей в пиршественный зал, вам так не кажется?

— Мне кажется, что вы все — сборище мудаков, — не стесняясь высказал своё впечатление Король Малоземельный — и кажется, что не кажется!

— Ты, как всегда, приветлив, — Принцу, уже, надоела вся эта радостная встреча после долгой разлуки с отцом, он жестом вскомандовал своей свите следовать за ним и направился к землянке.

Подойдя к узкому низкому входу, Принц уже, нагнулся, собираясь пролазить внутрь королевских покоев, но тут его оттолкнул отец.

— Дорогу королю! — прокричал он и прыгнул в землянку первым.

— Какой же говнюк! — возмутился поступком отца Принц, но, стерпев обиду, полез в землянку по хлипкой лесенке с кривыми ножками.

Убранство королевских хором было более, чем скромным.

Под потолком висел керосиновый фонарь, с грязным цоколем, вокруг которого кружили тучи насекомых. Стены из брёвен, проложенных мхом, ничем не обитые, придавали помещению спартанский вид. Земляной пол, кривой, в ямах. В углу маленькая печурка, вся покрытая копотью и сажей. Посередине землянки стоял стол, со столешницей из некрашенных досок, по бокам его две скамейки, одна узкая, а другая пошире — она же служила не только сиденьем, но и ложем Короля. Троном для Малоземельного государя был старый, выкорчеванный пенёк тополя, а за ним стоял старый велосипед с почерневшей от ржавчины цепью.

— Ты бы, Твоё Величество, хоть бы прибрался, что ли, — посоветовал отцу Принц, с трудом усаживаясь на широкую скамью — а то, уже, совсем засрался, смешно смотреть.

— Что же ты не смеялся, когда сам тут жил? — проникновенно спросил Король — И не убирался, тоже? У меня рабов нет, как у некоторых, на территории моего королевства рабовладение запрещено — потому и прибираться некому.

Зайцы медленно спустились в землянку и стояли, щуря косые глаза на окружавшее их великолепие.

— Что вылупились? — Король понял, что зайцев не восхитил интерьер его дворца — Понимаю, что не Межигорье, но тем не менее, собственное, независимое королевство, и я

им горжусь! Да! — он ударил кулаком по столу — И никому не позволю...

Чего именно он не позволит, Король не успел договорить, потому что в землянку завалился, поскользнувшийся на лестнице Лещ и привлёк общее внимание.

— Это что, я в темноте не разглядел, настоящая рыба? — Король привстал со своего пня — трона.

— Позвольте представиться, Ваше Величество, я — хитрый Лещ, — рыба бил по полу хвостом, безуспешно пытаюсь подняться.

— Да он же здесь всё завоняет! — воскликнул Король.

— Ну, да, — усмехнулся Принц — так же у тебя тут розами пахнет.

— На хер рыбу с хаты! — закричал Король не своим голосом.

Принц, поджав живот руками, вылез из — за стола и помог рыбе подняться, а затем усадил его на скамейку с зайцами, и вернулся на своё место.

— Ты это что? — у Короля от изумления округлились глаза — Ослушался королевского слова!

— Ну что ты пристал, только от тебя и слышно — делай так, ходи эдак! Заколебал ты, уже, со своими указами! — вспыхнул Принц, но быстро успокоился — Посдержаннее надо быть, выдержка красит государя. Тем более этот рыба — большой мастер. Знаешь, как задницу лижет? Закачаешься!

— Не знаю! — признал очевидное Малоземельный правитель — Мне ни разу в жизни никто задницу не лизал. Даже по — дружески не чмокали. Это ты там от целовальников отбою не имел, а я всю жизнь с сухими ягодицами маяюсь.

— Не переживай, сейчас всё сделаем по высшему разряду, — пообещал отцу Принц — лучше поздно, чем никогда, хоть ты и долго ждал, но, зато, узнаешь работу истинного виртуоза, — он, через стол, похлопал Леща по плавнику — ну — ка, давай, рыбка, покажу моему августейшему отцу мастер — класс.

Король Малоземельный встал со своего трона, повернулся к публике задом и, развязав верёвку, бывшую у него вместо ремня, стал спускать портки. Лещ же наблюдал за этими приготовлениями холодным рыбьим глазом, не изъявляя ни малейшего намерения к популизаторству.

— Чего сидишь, Лещик? — удивился Принц — Приступай, Его Величество ждёт Удиви.

— Я ему зад лизать не стану — с, — неожиданно отказал рыба.

— Это почему ещё? — у Принца от удивления отвисла челюсть — Что с тобой случилось?

— Я властителю такого нищего государства ни по чём гузно не буду целовать, я — гордая рыба и подобное претит моему самолюбию, я после такого уважать себя перестану — с, — Лещ скрестил плавники на груди и с видом оскорблённого достоинства отвернулся в сторону.

Король, до которого немного туго доходило, стоял с выпяченным лохматым задом, вопросительно глядя на сына.

— Давай, Лещик, не подводи меня, — полушёпотом попросил рыбу Принц.

— Нет, нет и нет! — не поступался хитрый Лещ — Я своей чести посрамить не могу!

— Ах так! — заорал, наконец, понявший, что его выставили на посмешище Король Малоземельный — На хер рыбу из дворца! Сейчас же, на хер! Депортировать! Запретить въезд на сто лет!

— Папа, успокойся, — попытался повлиять на отца Принц — смирись и уймись.

— Какой я тебе «папа»! — истошно завопил Король — Я здесь — король! Всё! Хватит это терпеть! Все вон из страны! Пока я не начал массовые казни! Все на хер отсюда!

— Ну что, довыдывался? — с укором спросил у рыбы Принц — Теперь этот самовлюблённый эгоистичный тиран нас на улицу выгонит.

— Вон! Вон! Вон! — орал Король.

— Есть способ этому помешать, — Лещ прищурил рыбий глаз — а что если мы устроим дворцовый переворот?

— Власти захват антиконституционный, — подсказал Заяц.

— Мысль дельная, — Принц потёр бороду — но у нас с собой ни шарфика, ни табакерки.

— Это ничего, — поддержала заговор Зайчиха и повернувшись к взбешённому Королю спросила его — А что, Ваше Величество, вас часом геморроидальная колика не беспокоит?

— Ты о чём? — Король резко притих — Вы что задумали? — он обвёл присутствующих испытывающим взглядом — А — а — а! — вскрикнул он, уловив чем запахло дело — Вы, что хотите, как во Франции? — голос его стал тоненьким, с визгливыми нотками — Королевство Малоземельное исчерпало лимит на революции! Я вам не дам этого сделать! — он пристально посмотрел в холодные глаза хитрой рыбы — главного зачинщика и, неожиданно смягчившись, сел на пенёк, сказав спокойнейшим тоном — Так что оставайтесь. Все прощены, всё забыто. Ночуйте до самого утра.

— Ну вот, так бы и сразу, — Принц обрадовался мягкому разрешению конфликта — а то раскричался, как на базаре.

— Лучше бы я на базаре тебя продал, жаль никто говна не покупать не хотел, — проворчал себе под нос Король.

Но сын расслышал его слова и, поверувшись к отцу сказал, с нескрываемым упрёком:

— Ну ты же, всё одно, продал меня с потрохами, такого нежного, такого наивного, ты сбыл, как уличную девку. Сутенёр!

— Это кому я тебя сбагрил? — злобно спросил Король Малоземельный и его злобные глаза встретились с такими же, налитыми ненавистью ко всему существу, глазами сына, да так, что аж искры посыпались.

— Пусть не прямо, — Принц не сводил с отца пылающего взгляда — но опосредованно, это твоя вина, что не дал мне достойного королевского существования, из — за чего я был вынужден скитаться по свету, предлагая своё роскошное тело всем встречавшимся принцессам, ты обрёк меня на участь жалкого куртизана, презираемого и гонимого. Всю жизнь, лучшие свои годы я вынужден был провести с нелюбимой женой — нужда заставила! Но какое это мученье! День за днём, год за годом жить в противном душе браке. Понимать, что ты — вещь, пусть и безумно красивая, и несусветно дорогая, но, по сути, всего — лишь предмет, украшение интерьера, и всё из — за жалких денег, которых мне так не хватало! Так что выходит это ты меня продал, превнеся в этот жестокий мир!

— Во оно как значит! — Король откинулся на троне — Так а где же моя плата за тебя? Где? Продал — то я тебя очень выгодно, только, что — то, не в свою пользу. Видел я по телевизору, пока он не сгорел, как ты на кортежах раскатываешь, золотые роллс — ройсы, гаремы наложниц, сам закутанный в меха, обшитый бриллиантами с голубиное яйцо каждый.

— Это лишь внешняя мишура! — вскрикнул задетый за живое Принц — Это всё было,

исключительно, во благо державы!

— Ага, по телевизору именно так и говорили, — понимающе кивнул Король.

— Вот видишь, — Принц чуть не заикался от переживаний — а раз по телевизору сказали, значит — правда! Не будут же по телевизору врать?

— Но что — то меня ты не позвал, разделить с тобой тяготы, — Король сочувственно покачал головой — снять непомерный груз тягот с твоих хрупких плеч. Хоть бы мне выслал пару миллиончиков, или землицы нарезал.

Принц, которому нечего было ответить на колкие упрёки отца, нервно заёрзал на скамейке, рискуя протереть свою убогую хламиду на пятой точке.

— А могли бы вы обсудить ваши семейные вопросы после ужина? — вмешалась Зайчиха, которой изрядно поднадоели распри королевской семьи, и не было сил выслушивать всё это на голодный желудок.

— Да, собственно неплохая идея, — Принц обрадовался возможности перевести тему разговора — пора бы попотчевать гостей яствами с королевской кухни, а, Ваше Величество?

— Жрите, что Бог послал! — развёл руками Король и указал на пустой стол.

— Да ладно тебе, королевская твоя морда, — Принц хлопнул ладонью по столу — снимай опалу! Гости жрать хотят! Тем более, мы же видим, вон у тебя на печурке какая — то кастрюлька, выставляй её на стол!

Король, что — то недовольно прохрипел, но всё — же, поднялся с трона, и, спрятав, ладони в рукава, взял с печи, покрытую огаром и засохшими чёрными потёками, объёмную кастрюлю, и переставил её на стол. Принц, не дожидаясь, сорвал с кастрюли крышку, и, обжегшись, тут же выпустил её, после чего, с любопытством, заглянул внутрь кастрюли.

— Фи... — разочарованно выдохнул он — капуста — пища бедняков...

В кастрюле, действительно, был суп из грубо нарубленной капусты с солью.

— Каким привередой ты, однако, стал, — подметил Король Малоземельный — в юные годы ты эдакую похлёбку за обе щёки уплетал и не жаловался. Да мы когда с тобой набегу делали на ближнее зарубежье, по ночам, что бы разжиться этой самой капустой, ты её, прямо, на поле, сырую грыз, а теперь, погляди, нос воротишь, — он выловил из жидкости капустинку и, положив себе в рот, с наслаждением зачавкал.

— Короли и капуста! — насмешливо воскликнула Зайчиха и, резво вскочив на стол, попыталась схватить плававшую по поверхности бульона капустину.

— Куда лапами лезешь! — Король дал Зайчихе кулаком по лбу и та свалилась обратно на лавку — Бескультурие! Жрать нужно столовым серебром, это же элементарные санитарные нормы, гигиена! — он вытянул из — за пояса грубо вырезанную деревянную ложку, поплевал на неё, обтёр о рубаху, и погрузив в суп, набрал полную ложку варённой капусты и, с видом неописуемого блаженства, отправил её в рот.

Принц не растерялся, вскочил со скамьи, схватил дырявый половник, который валялся на земле возле печки и, став с отцом плечо в плечо, принялся уплетать капустный отвар, юшка, проливалась в дырки половника, заливала стол, но Принц не останавливался, вернувшись в очий дом он вспомнил негласные правила королевства: голодный голодному — не товарищ, голодный голодному — волк, у семи голодных няnek — дитя голодное, без труда у голодного еду не отберёшь и так далее.

Мир королевства Малоземельного был суров и не прощал колебаний и бездействия. Пока зайцы и рыба ждали, что и им выдадут хоть какие — то столовые приборы — два августейших правителя начисто выели всю похлёбку (не считая того, что Принц пролил на

стол).

— Что, вскусен супчик — то? — Король покосился на сына, с явным неудовольствием, что пришлось с ним делиться — Ты всегда был большим любителем халявы, — он облизал корпус часов, который, во время трапезы, несколько раз погружался в суп.

— Это во мне благородное происхождение сказывается, — Принц облизал половник и зашвырнул его в угол.

— От твоего непримиримого благородства бывали у нас беды, — Король плюхнулся на трон, потирая наполнившийся капустной похлёбкой живот — помнишь, как мы в рамках заграничного визита подрядились красить забор? Нам, ещё, отказались тогда платить.

— Как же, такое не забывается, — Принц растянулся на скамье и громко срыгнул капустными газами.

— Ты устроил такой скандал, — Король выложил на стол свои босые грязные ноги с тёмно — жёлтыми ногтями — как же ты крыл матом, даже в соседних домах у окон стёкла дрожали.

— Да, — улыбнулся Принц — я это всегда умел.

— А как же нас с тобой за это выпороли, тут же, за амбаром, помнишь? — придавался воспоминаниям Малоземельный владыка — Ты так визжал, что, не то что стёкла, стены дрожали, и это тебя, ещё, сечь не начали, только растянули, помнишь?

Принц закашлялся и промолчал.

— Мда — а — а... — протянул Король — у меня с тех пор шрамы так и остались по всей спине. И кто тебя, паршивца, за язык — то тянул? Мы так удачно сбыли и краску — три банки, и растворитель, и, даже, кисти, но нет! Ты решил, ещё, и плату требовать за непокрашенный забор. Мол, время — то потеряли... Эх... у меня, когда на погоду спину ломить начинает, сразу вспоминается тот случай.

— Да всё я прекрасно помню, — выдавил из себя Принц — я, ещё, в тот день поклялся всеми святыми, что такого никогда больше со мной не будет!

— И как? — поинтересовался Король Малоземельный — Сработало?

— Ну, не совсем, — Принц лениво потянулся — бывали и другие случаи — влетало мне, но я же ещё поклялся и в том, что в будущем, сам буду наймитов — батраков пороть, да крепче чем самому досталось. И уж тут я не сплеховал! Знал бы ты сколько я этого скота запорол — обзавидовался бы!

— Конечно, — насупился Король — тебе же трудно было с папкой поделиться! Прислал бы мне, хоть, дюжину хлопов на расправу, а то, ведь, знаешь, что для поротого самое высшее счастье другого запороть.

— Не до тебя мне было, — не скрывал Принц — чуть встаешь, около полудня — сразу пир, да до поздней ночи затянется, а после пира — развлечения всякие, тоже время отнимают. Кстати, насчёт развлечений, у тебя есть какие? Или всё по — старому — поплевал в потолок и спать? Если хочешь я могу Зайцу приказать — он для нас спляшет. Танцор из него, конечно, слабенький, зато потешно. Посмеёмся над убогим?

— А! — отмахнулся Король — Нет у меня на это настроения. Тем более он, ещё, пыль поднимет, дышать, совсем, невозможно будет, а мне и вони от этой рыбины твоей хватает. Тем более, что танцы — это вчерашний день. Сегодня мы живём в век развитых технологий и я обзавёлся вот таким вот чудом техники, — он наклонился и выволок из — под скамьи тяжёлый деревянный радиоприёмник, вытянул антенну во всю длину и принялся искать станцию.

— Украл? — спросил Принц, поглядев на приёмник.

— Нет, блин, заработал! — съехидничал в ответ ему отец.

Приёмник ожесточённо шумел, кашлял, иногда из него слышались приглушённые помехами голоса.

— Что — то сегодня не ловит, — недовольно кряхтел Король — а неделю назад ловило, это видно, из — за вас аппаратура расстроилась, помехи создаёте.

— Да ты ручку громкости крутишь, — подсказала глазастая до чужих промахов Зайчиха — а нужно ручку настройки.

— И без тебя знаю, — оскалился Король и взялся за верную ручку — сразу же из радио полился задорный мотивчик:

— Ай чита — дрита гоп ца — ца!!! Дуца — буца оп ца — ца!!!

— Красиво поют, — восхитился — Король Малоземельный — талантливые скотиняки!

Заяц, уже, к тому времени, клевавший носом, оперевшись плечом о холодную рыбью тушку, разбуженный внезапной мелодией, внезапно решил, что это ему выпал шанс подзаработать, отряхнулся, вскочил на стол и пошёл вприсядку.

Король, бывший не только крайне щепетильным в вопросах придворного этикета, но и, просто, очень воспитанным человеком, не мог допустить, что бы по банкетному столу топтались грязными лапами, потому быстро выхватил из — за пояса штанов, чисто облизанную, деревянную ложку и ловко запустил её в плясуна, свергнув его со стола и прекратив тем заячьи безобразия.

— Ну чего ты так, — огорчился Принц — пусть бы этот скот поплясал, мне нравится над ним потешаться.

— Не хер, — коротко ответил Король и, аккуратно, поставил радио на край стола — тут вам не дискотЭка.

Принц вдохновлённо поглядел на гордый отцовский профиль и у него возникло сильное желание надавать этой хамовитой роже увесистых пощёчин, для науки, но, всё же, хорошо обдумав это дело, он прикинул, что у эдакого грубияна, как Малоземельный владыка может хватить наглости в ответ, при всех, отхлестать щёчки собственного сына, так что рисковать не стоит.

Внезапно пение из приёмника прервалось и на смену ему раздался мощный голос с чётким выговором, произносивший каждое словно, словно бил кирпичём по голове слушателя.

— Внимание — внимание! — вещал голос — Прослушайте срочное сообщение от многоземельного республиканского информбюро! Розыскивается особо опасный государственный преступник, низложенный узурпатор и деспот, незаконно захвативший власть в Многоземелье и удерживавший её, почти, сорок лет, палач и враг нашего свободолюбивого народа, именовавший себя Великим Королём Многоземельным! Всякому кто сумеет выдать властям, равно как и навести на след, благодаря которому ненавистный узурпатор будет изловлен и взят под стражу, либо же кто сумеет предоставить труп или голову розыскиваемого — тому от имени республики будет врученна награда, а именно: — тут все, чуть ли не прижались к приёмнику, даже, спавший рыба, и Заяц выбравшийся из — под стола, где отлёживался после ранения, Зайчиха, та, в нетерпеливом ожидании кусала губы, а Король увеличил звук, что бы ничего не прослушать и голос продолжал, зачитывая список наград — тому будет объявленна всеобщая республиканская благодарность с вручением почётной похвальной грамоты, именем героя будет названна новая улица в

столице республики, когда таковая постройка, так же будет выпущена серия юбилейных открыток, украшенных портретом героя! — по мере зачитывания списка, лица слушателей тускнели, а глаза наполнялись горечью разочарования, но тут из приёмника прозвучало — Так же, выдавшему преступника будет выплачено и материальное вознаграждение! — лица слушателей растянулись в синхронной улыбке — А именно! — голос наполнился торжественностью, а на фоне раздалась барабанная дробь — Три полновесных медных гроша поступят в банк на счёт героя, с правом получения их спустя три года, но без учёта будущих процентов, кои банк будет полномочен оставить за собой. Так же, в дополнение, будет выдана путёвка на курортно — оздоровительное лечение, с покрытием её стоимости на пятьдесят процентов за счёт республиканского бюджета. К тому же прилагается медаль и звание героя республики.

Слушатели с кислыми минами, отхлынули от радиоприёмника.

— Кто же попытается утаить местоположение беглого преступника, — завершал объявление голос — будет заниматься укрывательством, либо каким — другим путём припятствовать поимке узурпатора, тот будет четвертован, а его семья, буде такая имеется, сослана на урановые рудники сроком — пожизненно и навсегда!

Принц приподнялся на локтях, его лицо выражало крайнюю степень негодования.

— Вот же какая сволочь! — выразился он — Предлагать награду за поимку своего законного короля — в три гроша! Да за кого они меня считают?! Да я стою дороже всего Многоземельного Королевства! Его на меня переписали, что бы в супружество заманить, к тому же всю жизнь доплачивали, да так должны и остались. Теперь самолично иду — долги выколачивать. А эти уроды за меня путёвку на курорт предлагают! Скоты! — Принц в сердцах плюнул на землю.

Король же молчал, нервно постукивая пальцами по стенке приёмника. Потом вскочил, заходил из стороны в сторону, заложив руки за спину — шаг вперёд, шаг назад.

— Мне нужно в магазин за хлебом, — неожиданно объявил он, схватил велосипед и понёс его к выходу, по пути растолкав седоков.

— За хлебом среди ночи? — удивился Принц новой причуде отца — Рехнулся ты на старости лет, что ли?

— Я всегда так делаю, — сказал Король, его чёрные злобные глазки предательски бегали — до того как его повезут в магазин, не хочу, что бы моей пицци касались руки простых смертных. Забыл что ли, как мы хлеб, прямо из машины брали?

— Не брали, а воровали, — поправил отца Принц — и не забыл, потому что мы постоянно руки обпекали, ибо не было у нас рукавиц.

— Брали, воровали — какая, в конце концов, разница? Главное результат. Если он есть, — Король, толкнув жердью, открыл дверь из землянки, напустив ещё насекомых, и выбросил из неё велосипед — спите спокойно и никуда не уходите, я скоро вернусь и, это, дам вам денег, на дорогу, — он вылез по лесенке из землянки, и, нагнувшись, снова, повторил — никуда не уходите! — после чего захлопнул дверь.

— Чуден старик! — высказался об отце Принц — Мы с ним, всего — то, один раз пытались хлебовозку обокрасть, но нас, тогда же, на месте, поймали и побили. Больше мы таким не промышляли, хотя мечтали часто. Мне папка, всё время, говаривал — вот женишься, будем, твою жёнку отправлять на промысел. Нам чужой бабы не жалко.

— Ты серьёзно ничего не понял? — не верила Зайчиха.

— А чего тут непонятного? — Принц улёгся поудобнее и заложил руки за голову —

Сейчас его поймают и начистят рожу — это же элементарно. Вот же старый дурак! — Принц хихикнул.

— Это ты — дурак! — нагрубила Зайчиха августейшему собеседнику — Если до тебя такие простые вещи не доходят!

— Сама ты — дура! — обиделся Принц — Идиотка!

— Да он же поехал доносить на тебя! Разве не ясно! — Зайчиха спрыгнула со скамьи и подбежала к лестнице выведившей из землянки.

— Сама — дура! — упорно продолжал доказывать своё Принц.

Зайчиха махнула на него лапой и, взяв жердь, толкнула ею дверь — та с визгом откинулась.

— Как он не додумался запереть нас на замок? — подивилась Зайчиха такой удаче.

— Да потому, что у нас никогда такой роскоши не было, — сказал Принц — подумать только — целый замок! Ключ был, а вот замка — никогда не было.

Зайчиха взобралась по лестнице до верхней ступеньки и, медленно, прижав уши, высунула голову из землянки, вглядываясь в темноту.

— Вроде никого, — тихо произнесла она и, повернувшись к честной компании, спросила — вы идёте со мной или остаётесь?

— А я, собственно, не совсем уяснил, что случилось, — робко высказался Заяц, который, свернувшись клубочком, уже успел задремать.

— Как ожидаемо, — заметила Зайчиха.

— Да это твоей сестре, полоумной, мерещится, что мой папка, поехал на меня доносить, — объяснил Зайцу Принц — с какой, только, радости? Казни он не боится, у него независимое государство, не подпадающее под юрисдикцию Многоземельного королевства, а за три гроша сдавать родного сына — он так не продешевит.

— Ну, судя по состоянию в его королевстве, — Зайчиха обвела взглядом землянку — три гроша для него неплохой капитал. Я бы тебя заложила и за один, будь у меня моё имение и не будь я вынуждена странствовать с тобой, лишь бы обеспечить себе, в будущем, кусок хлеба.

— Вот и сиди на месте, если рассчитываешь его от меня получить, — посоветовал Принц Зайчихе.

Но, вдруг, не говоря ни слова, Лещ вынырнул из — за стола и, на удивление, ловко перебирая плавниками, потеснил на лестнице Зайчиху, встревоженно квакнул, и выпрыгнул из землянки.

— Лещик, ты куда собрался? — встревожился Принц, тоже вскочил, и бросился по лестнице наверх.

Он застал рыбу стоящим в какой — то напряжённой позе, с высокоподнятым спинным плавником.

— Лещик, что случилось? — Принц соперезживающе погладил рыбу по чешуйчатому боку.

— Знаете ли, Ваше Величество (или, здесь, Сиятельство), — прочмакал Лещ и его небритый подбородочек задрожал — у меня, как и у любого жополиза, очень остро развито чувство опасности. Стоит нам, жополизам, лишь почувать что — то неладное, мы, всегда, первыми сбегает. Таков, уж, наш чудесный дар.

— И что, сейчас, говорит тебе твоё чутьё? — настороженно спросил Принц.

— Оно подсказывает мне покинуть вас немедленно, — Лещ уставился на короля

холодным стеклянным глазом — ваша песенка спета и никакой пользы, для меня, от вас, вскорости, не будет никакой.

— Ишь ты! — Принц нахмурился, а на лбу его проступила глубокая морщина, свидетельствующая о нешуточном беспокойстве — А ты не преувеличиваешь? Может тебя эта старая косая тварь напугала своими выдумками? У страха, как известно, глаза велики.

— Да нет, — Лещ отрицательно потряс головой — у жополизов, на этот случай есть специальный нерв, вот здесь, — он похлопал себя брюшным плавником по килю — он безошибочно предчувствует опасность, и, именно, благодаря ему, мы — как вид, всегда выживали в часы невзгод. И, сейчас, этот нерв зудит необычайно сильно, да так, что я ухожу, всё равно идёте ли вы со мной или нет, а вы знаете, как сильно я вас люблю и только малейшая опасность может вынудить меня отречься от своего короля без колебаний.

Принц молчал, нехорошие предчувствия начинали терзать и его.

— В этот раз я вынуждена согласиться с этой скотиной, — произнесла Зайчиха, тихо сидевшая рядом во время всего разговора — мы достаточно погостили и чем быстрее мы уберёмся тем лучше.

Принц глубоко вдохнул прохладный ночной воздух.

— Я вам приказываю, — глухо произнёс он — следовать за мной, ибо я принял решение немедленно покинуть королевство Малоземельное, — и он, сделав два широких шага, очутился возле пограничного шлагбаума, поднял его и отшвырнул в сторону.

— Что же ты так? — Зайчиха скривила насмешливую рожицу — Теперь, ведь, без препоны, в королевство так и хлынут незаконные мигранты.

— И сами будут виноваты, — следующим шагом Принц пересёк границу и замер — Стоять! — скомандовал он и Лещ с Зайчихой встали, как вкопанные — С этого момента я, снова, — Великий и могучий Король Многоземельный, а не какой — то жалкий Принц Малоземельный! Не спутайте!

— Да плевать, — поняв, что ничего значительного, вновь образовавшийся Король не скажет, Зайчиха припустила, чуть ли не трусцой, но резкий оклик сыча, заставил её сбавить скорость и дальше она скакала плотно прижимаясь к ногам Его Величества.

* * *

Троица плыла в траве, под громогласные аккомпанементы тысяч сверчков, да под гул неисчислимого роя кровосисей, от которых выпало принимать муки одному Королю, так как Зайчиха была вся покрыта шерстью, да и к тому же, из травы от неё торчали одни уши, а Лещ был мокрый и вонючий.

— Ай! — вскрикнул Король, пытаясь прихлопнуть ненасытного кровосисю, впившегося ему в губу, и хлопнул себя по лицу ладошкой, да и разбил эту самую губу, которую хотел уберечь от укуса. От запаха крови кровосиси совсем озверели и принялись грызть Его Величество невзирая на потери. Бедный монарх, уже, заплелся от ярости, разбил себе всё лицо, но отбиться от кровосисей ему никак не удавалось — Какого ляда я вас послушал, — запричитал несчастный Король — спал бы сейчас спокойно, в тёплой землянке! Так нет же! Лещ, отгоняй от меня насекомых!

— Не могу, Ваше Величество, — извиняющимся голосом пробулькал рыба — я, только, задницы лизать умею, больше ничего — с. Если желаете, могу вам прямо сейчас засосик на

ягодичке поставить.

— Да иди ты! — послал Король рыбу — Если я, сейчас, зад оголю, то эти кровосиси мне и внутрь залетят! — монарх хлопнул себя по уху, пытаясь ликвидировать севшего на него кровосису, из — за чего, тут же оглох на это самое ухо — Заяц! — вскрикнул августейший потирая ухо — а ты что расслабился, давай, отгоняй этих паразитов! Заяц! — Король повертел головой, но ему никто не отвечал — Где эта сволочь? — и тут он вспомнил — Мы же Зайца забыли! Слышь, старая, — он пнул ногой Зайчиху — братца — то твоего мы в королевстве Малоземельном оставили!

— Ну и хер с ним, — не стала сильно переживать Зайчиха — давайте, лучше, как можно дальше уйдём, что бы он, уже, не смог нас найти.

— Ясное дело, что возвращаться за ним никто не будет, — Лещ радостно захихикал — как говорится, Заяц с возу — нам больше достанется.

Вдруг, у них под самыми ногами, с хрустом ломая сухую траву, пролетел какой — то комок, оставляя за собой след из выдавленной травы.

— Сыч! — взвизгнула Зайчиха.

— Цапля! — испуганно пискнул Лещ.

— Заяц, — правильно угадал Король.

Это действительно был никто иной, как общий любимец — шелудивый косоглазый зверёк. Он, тоже, по голосам, узнал друзей и, резко затормозив, остановился.

— Куда несёшься, оглашенный? — крикнула Зайчиха.

— Да тут такое дело, — прохрипел Заяц и было видно, как в темноте, над травой, дрожит его единственное ухо, и то кривое — вы ушли, и как — то мне зябко стало, видно от ваших газов помещение ещё как — то прогревалось, а без вас, совсем, неуютно стало, ну и решил я печку получше растопить. Там, ещё, тлела зола, мне нужно было, только, подкинуть топлива, но в этой дряной лачуге не оказалось ни кусочка угля, я стал закидывать, что есть. Отломал у скамеек ножки и, сначала, топил ими, потом всунул и саму доску от скамьи, короче, каким — то образом, не по моей вине, начался пожар.

— Да там — то и гореть нечему, — усмехнулась Зайчиха — это, только, мой братец способен сделать гадость, казалось бы, в невозможной ситуации и из ничего.

— Тебе лишь бы меня охаять, — надулся Заяц.

— Там стены наполовину из шпал промасленных, — сказал Король — мы их с железнодорожного полотна покрали, так что гореть должно хорошо.

— Вот и я ж говорю, — закивал Заяц — загорелось знатно. Ну, я выскочил, вас позвать, что бы тушить вместе, глядь — а вас — то и не ту нигде. Что делать? А тут, вдали, огоньки какие — то засветились, галогеновые. Я туда. Может это пожарные? Да, только, вовремя успел я синие мигалки разглядеть, явно не пожарные, а милицейские, я их за сто километров отличу, и тут же нырнул в траву. Пронеслось мимо меня «чёрных воронок» с десятков, да, только, не доезжая до Малоземельного королевства они все мигалки повыключали, стало быть желали стать незаметными — а это, явно, не к добру!

— Как — будто «чёрные воронки» к добру бывают, — квакнул хитрая рыба.

— Бывают, — тут же веско вставила Зайчиха — когда за твоим соседом приезжают, да, к тому же, по твоему доносу.

— Ну тут, явно, не тут случай был, — продолжал свой рассказ Заяц — вот я прокрался следом за ними, гляжу из каждой машины человек по пять выскочили, все в чёрном, с автоматами, мечутся, а из головной машины сам Его Величество Король Малоземельный

ВЫШЛИ.

— Должно быть в плен отца взяли, — предположил Король Многоземельный.

Все молча поглядели на монарха и продолжили слушать повествование Зайца.

— Как они увидели, что дворец пылает, как заругаются, — кинулись все к нему, — тараторил косой — я, уже, было понадеялся, что решат что мы все угорели и разойдутся, но нет. Один из них, в противогазе, всё предусмотрели суки, заглянул внутрь и подал знак, что в землянке пусто, остальные тут же в рассыпную, на перехват. Я дальше дожидаться не стал и отступил, что было сил. Тут — то на вас и наткнулся.

— То есть за нами, сейчас, по пятам идёт милиция, а ты в это время стоишь и лясы точишь?! — воскликнула Зайчиха.

И все дружно, как по команде, обернулись.

Их взорам предстало алое пятно на чёрном фоне — полыхавшая резиденция Короля Малоземельного, но главное — это множество голубых огоньков растягивавшихся вокруг холма и стремительно приближавшихся к путешественникам.

— Атас! — зашлёпал жабрами Хитрый Лещ и первым бросился наутёк.

И, нужно сказать, бежал он гораздо лучше чем ходил, ему, оказалась, не нужна ничья поддержка, он не спотыкался, даже в темноте, короче нёсся, так, словно плыл по течению. Даже Зайцы, бежавшие со всех четырёх, не могли угнаться за хитрой рыбой. Замыкал процессию Король, но до поры до времени, вскоре чудодейственные пынеходы сделали своё дело, выведя августейшего в лидеры пробега.

Бежали к холму, больше было некуда, цепь преследователей замкнулась в кольцо и начала сжиматься.

Только заскочив в подлесок беглецы решились оглянуться и ахнули, передовые разъезды блюстителей порядка были, уже, шагах в ста от них, пуская по подножию холма лучи прожекторов, в столб света одного из которых попала громоздкая фигура его величества.

Тут среди правоохранителей раздались ликующие крики, словно при abordage вражеского судна. Особа Его Величества, явно, была замечена и произвела настоящий фурор. Но радость доблестных стражей закона была недолгой. Волшебные пынеходы молниеносно унесли Короля из ихнего поля зрения и понесли вверх по крутому лесистому склону.

Милицейские «воронки», с остервенелой яростью ревя моторами, ворвались под кроны деревьев, да тут же и стали, такую гору, да ещё густо поросшую столетними дубами, этим корытам ни за что было не осилить.

Но такой подъём существенно измотал и беглецов, убедившись, что, пока, преследования нет, они, тяжело дыша, попадали в заросли. Лынеходы, хотя и обладали магической силой, но даже им оказалось не под силу вытолкать в гору такой астрономический вес, коим был щедро одарен Король Многоземельный.

— Давайте Короля выдадим, — пропыхтел Заяц — это же он объявлен в розыск, а не мы.

— Да как ты смеешь, — возмутился было Его Величество, такой неожиданной подлости, но, вдруг, подал голос и его любимец Лещ.

— Тогда вы его подержите, а я пойду милицию позову, — предложил зайцам хитрая рыба.

Даже в ночном сумраке лесной чащи Лещ разглядел горько — укоризненное лицо монарха, поглядевшего на него жалобным взглядом.

— Не надо, Ваше Величество, — попросил устыжённый Лещ, не выдержав монаршего

взгляда — вы же должны понимать, что мы — жополизы, по другому не можем. Не требуйте от меня невозможного. Я, даже, готов на прощанье расцеловать вас в мягкое место, но, уже, и этого не могу. На данный момент вы сильно проигрываете, а жополиз, он отворачивается вместе с фортуной. Таковы испоконвечные устои.

— Прекратите, вы, чушь пороть! — взялась вразумлять соратников Зайчиха — Если бы выдачей нашего государя решались все проблемы, то я бы первой его заложила. Но, так как, его ищут лучшие люди страны, что же по — вашему они сделают с теми, кого возьмут вместе с ним? Со свидетелями. Может скажут: «Можете быть свободны. Досвидания. «Если жизнь этого толстопуза, ещё, под вопросом, то, уж, нас — то порешат, прямо, на месте. Тут же и прикопают. Место хорошее — глухое.

Заяц и Лещ были вынуждены признать, что старая тварь в этот раз оказалась права на все сто с лишним процентов.

— Так что же нам делать? — чуть не плакал косой — Выдадим — смерть, не выдадим, но поймают, ведь итог один и тот же!

— Нужно подождать, — Зайчиха почесала за ухом — не будут же они осаду держать, им нужно схватить Короля как можно скорее, уверена им начальство на макушку капает каждую минуту, я бы капала, а значит они будут спешить и взойдут на холм, в этом — то наше спасение. Ночь, лес, будем аккуратны и бесшумны — сможем между ними проскочить, а уж, оказавшись за кольцом, там и наша воля! Можно, даже, угнать один из воронок и, пока, они будут нас искать, мы успеем оторваться, да, собственно, до границы не так много и осталось, может, и проскочим где.

— Ага, — критически квакнул хитрый Лещ — они возле машин кого — нибудь да оставят, охранять.

— Не должны, — отвергла такое предположение Зайчиха — я же эти дела знаю, сама видела не раз. Начальство им по шапке надаёт, что бы Король был немедленно изловлен, мелкие руководители, получив нагоняй, сразу же кинутся в лес, но попытайся они оставить кого — нибудь на месте, младший состав поднимет крик, почему это одни должны работать, а другие сачковать, так что бы не терять времени на споры в такой ответственный момент, потянут всех.

— Складно ты обещаешь, — усомнился Лещ — коли бы, ещё, и вышло бы так, вот тогда хорошо бы было.

Зайчиха презрительно фыркнула.

Но как оказалось, сомневался Лещ не зря.

Засевшие в густых кустах беглецы были встревожены, внезапно, раздавшимся над их головами треском и уханьем. Все дружно задрали головы вверх. Над самыми верхушками деревьев кружил вертолёт, высвечивая мощным прожектором склоны холма.

— Тихо! — сыкнула на товарищей Зайчиха — Не дёргайтесь. Не будем шевелиться и высовываться на открытые места — он нас не заметит.

Все затихли, старались, даже, не дышать.

Тарахтя лопастями, вертолёт сделал круг над вершиной холма, и вновь завис, но в этот раз из него начали сбрасывать какие — то тёмные, овалообразные предметы.

— Бомбы! — взвизгнул Заяц.

— Тихо ты! — сестра навалилась на него и зажала ему слюнявый рот.

Вертолёт плавно пролетал над холмом, сбрасывая предметы, но никаких взрывов или пожаров вследствие не наблюдалось.

— Вот видите, — прошептала Зайчиха — всё нормально, никаких причин для паники нет.

— Раз — раз! — донеслось откуда — то снизу, кто, явно, опробовал громкоговоритель.

— Ну вот, — промямлил Лещ — сейчас предложат сдаться. Если условия будут приемлемые, я, тут же, соглашусь.

— А не боишься, что обманут? — спросила Зайчиха и по тону её было понятно, что у самой — то по этому поводу никаких иллюзий нет.

— Агов! — послышался голос из громкоговорителя, и как не слабо, он доносился до такой высоты, вся компания узнала Короля Малоземельного — Сыночек! — звал малоземельный владыка — Это твой папа говорит! Где ты, родной? Папа очень волнуется! Ты попал в дурную компанию, это за ними приехала милиция! Не за тобой! Выходи скорей, папа тебя обнимет и поцелует!

Многоземельный Король подскочил, дрожа от радости.

— Лежать! — Зайчиха, тут же, схватила его за подол хламиды — Не будь идиотом! Хотя бы большим, чем ты есть. Это уловка.

— Почему это? — Король не хотел верить в плохую версию — Может, просто, вам не охота погибать самим, вот и меня пытаетесь за собой утянуть!

— Да ты прикинь, — Зайчиха повисла на королевской хламиде — мы — то кто такие?

— Хлопы, — не задумываясь ответил Король — дешёвка, шавка, шваль.

— Ну вот, — шептала Зайчиха — всё верно. Так, разве, стали бы за нами такую охоту организовывать?

— Никогда, — уже, более, угрюмо ответил Король, осознавая, что Зайчиха, опять, права.

Снизу, по громкоговорителю, продолжал надрываться Малоземельный Король, но больше, его слова, толку не давали. Его сын, растерянный, почти сломленный, стоял оперевшись рукой о дерево, он вынужден был признать, что произошло, как он считал невозможное, отец выдал его.

Король сдал Короля!

Когда это такое бывало? Ну, кроме тех случаев, когда одному из монархов было, хоть чуть — чуть, выгодно предать собрата...

Вертолёт, опять, пронёсся над их головами, но вслед за этим, глухо ударясь о ветки, и чуть не пришибив Зайца, перед ними шлёпнулось что — то тёмное, размером, где — то, с два мяча для регби.

— Это что за твою мать?! — Лещ отпрыгнул подальше от неведомого предмета.

— Раз не взрывается — значит не бомба, — предположила Зайчиха.

— А воняет — то как, — Заяц зажал нос, и, с опаской приблизившись к предмету, пнул его — Фу! — он брезгливо стёр с лапы, покрывшую её, слизь — Оно живое!

— Не выдумывай, — Зайчиха решила, что брат свихнулся на почве хронического алкоголизма — зачем бы они стали сбрасывать что — либо живое с такой высоты? Оно бы разбилось на смерть.

— Ну вот оно, по всей видимости и разбилось, — стоял на своём Заяц.

— Если оно разбилось, — Лещ выглядывал из — за спины Короля, прислонившись к нему мокрой тушей — то почему тогда оно дышит?

Все внимательно поглядели на неопознанный объект. Он, действительно, то расширялся, то, обратно, сужался, что, очень, походило на дыхание.

— Что — то мне это не нравится, — оценил ситуацию Его Величество.

— Давайте — ка, лучше, поскорей отсюда, — разделила мнение монарха Зайчиха.

Но тут загадочный предмет издал долгий характерный звук выпускаемых газов и лопнул, забрызгав Короля с его свитой, дурнопахнувшей слизкой субстанцией, один хитрый Лещ успел укрыться за королевской спиной.

— Знакомый запах, — Король принюхивался в выпачканным слизью пальцам — что же это было? А! Вспомнил! Язнаю, что это такое, — гордо заявил он.

— Надеюсь это не экипаж вертолётa прослабило, — Зайчиха старательно обтиралась листьями.

— Мне их показывали, когда просили подписать разрешение на импорт в королевство, — хвастал своей осведомлённостью августейший — видите ли, в тёмных глубинах преисподней, в круге, вроде, седьмом, живёт исполинская столапая паучиха, которая только то и делает, что несёт яйца. Представляете сколько их накопилось!? Чего же добру зря проподать? Наши дельцы — ростовщики договорились с Князем преисподней о регулярных закупках партий этих яиц, на очень выгодных условиях. Тогда — то мне их и принесли, показать, что за диковинку такую хотят начать завозить в королевство.

— А зачем ростовщикам понадобились яйца исполинской паучихи из ада? — Зайчиха, как всегда, зрила в корень.

— Как зачем? — искренне удивился Король — Из этих самых яиц и вылупляются те кого мы, на земле, зовём коллекторами.

После этих слов все дружно уставились на то место, где лежало яйцо и, только сейчас, заметили на его месте, плохо различимый в темноте комок бледно — белёсого цвета. Комок шевелился, его трясло, с хрустом и отвратительным чавканьем из него появилась длинная перепончатая трёхпалая лапа, затем вторая, жутко уродливая голова получеловека — получервя, на жирафьей шее, поднялась, разрывая остатки плёнки, оплетавшей новорожденное чудовище. Едва его, сочащиеся гнилью, глаза увидели четверых товарищей, тут же из глотки чудовища вырвался безумный вой:

— Должни — и — ик!!! — и, через, мгновеье, в ответ ему, где — то, совсем рядом, залился воем ещё один коллектор.

Король и его свита понеслись со всех ног. На вершину холма. Теперь коллектора выли со всех сторон, сливаясь в унисон. В темноте ветки исхлестали и без того искусанное кровосисями личико Его Величества, так что бежал он практически наослеп, полагаясь, только на силу чудесных пынеходов, и они, действительно, обносили Короля мимо, предательски выскакивавших стволов деревьев, и перешагивали через камни и коряги. Лещ, в какой — то момент, поскользнулся на своём мокром хвосте и растянулся по сырой земле, но, тут же, взмахнув плавниками, сам вскочил и улепётывал с удвоившейся силой.

К вершине холм стал особо крутым, пологие склоны, уже, не позволяли перемещаться бегом и, даже, стоя. Король и Лещ, ползли на четвереньках, хватаясь за торчавшие из земли корни, что бы не свалиться вниз. Зайцам же такой образ передвижения был более привычен, тут они смогли обойти спутников и первыми взбежали на вершину, Которая как назло, оказалась лысой, совершенно лишённой древесной растительности плешью, с высокой, будто сложенной, грудой камней в центре.

— Мы как на ладони, — пропыхтел подоспевший Король, оглядев вершину.

— А может они отстали? — робко предположил Заяц.

Как в ответ на его чаянья над головами у них затрещал вертолёт. Луч бело — голубого

света упал на беглецов, слепя их и указывая преследователям на жертвы.

На вершине начали появляться первые коллектора, безобразные уродцы, светя белёсыми шкурами и глазами — фонарями неумолимо окружали Короля и его товарищей. Выстроившись кругом, исчадия ада стали медленно приближаться к загнанной четвёрке.

— Должни — и — ик!. — изрыгали пасти демонических созданий.

Зайцы, Король и рыба Лещ, взобрались на груды камней и стояли прижавшись спинами друг к дружке.

— Это конец, — жалобно пробулькал Лещ.

— Славный конец Великого Короля, — гордо сказал Его Величество — обо этой последней битве будут слогать легенды, о моём непревзойдённом героизме и отваге!

— Какой героизм! Какая битва! — чуть не плакала от страха и злобы Зайчиха — Что ты несёшь!? Где ты всё это видишь?!

— Не важно как было на самом деле, — хрипло отвечал ей Король — главное, как об этом расскажут!

— Какие же вы скоты! — не выдержала Зайчиха, паника захлестнула её — Сволота! Из — за вас я вляпалась во всё это дерьмо! Если бы вы, только, знали, как же я вас всех ненавижу!

— Мы знаем, сестрица, — попытался утешить сестру Заяц — знаем!

Вой — дикий, жуткий, леденящий кровь, вой дюжины плотов злобучих коллекторов, казалось сотряс саму землю.

Чудовища, наконец, кинулись на своих жертв.

Король, зайцы, хитрая рыба упали зажмурив глаза и зажав уши, они ощутили как ледяные мерзкие, невыносимо смердящие, туши навалились на них, а потом... Потом будто земля ушла под ними, свет погас, и в животе появилось гадкое ощущение свободного падения. Тут уж глаза сами открылись. Они, действительно падали, свет прожектора, уже, был маленьким пятнышком где — то вверху и стремительно удалялся.

Первым, по таинственному тоннелю падал Его Величество, кувыркаясь через голову и безостановочно матерясь, он пролетал, мимо торчавших из стен тоннеля острых, как зубы хищника, камней. Хламида, задранная потоком воздуха, накрыла голову Его Величества, выставив на показ королевские прелести.

Следом за Королём, остервенело рыча, летел один из коллекторов, но для него мучения полёта окончились гораздо раньше чем для остальных — он нанизался тощей грудной клеткой на торчавший, как указательный палец, камень и так и завис, исходя потоками чёрно — зелёной крови.

Зайцы летели крепко обнявшись, и клацали зубами ища горло друг у дружки, видимо стресс отключил у них сознание, оставив, только, основные рефлексy.

С большим отставанием падал хитрый Лещ. Он махал плавниками, как колибри крылышками, взлететь это ему не позволяло, но заметно снижало скорость падения.

Естественно, что первым приземлился Король.

Вряд ли бы он пережил падение с такой высоты, но упал он ровно в то место где протекал подземный ручей. Мягкая земля и вода ласково приняли королевское тело, погрузив его, почти целиком в размытую почву.

Большое, нежное, как пуховая перина тело монарха, послужило спасительным батутом для зайцев, которые, ударившись о Короля, наконец разлепились и раскатились в разные стороны.

Лещ, словно бабочка, мягко опустился на расплоставшегося короля, накрыв его своей холодной липкой тушей.

Всё стихло.

Король Многоземельный лежал, раскинув ноги в холодной воде, хламида опутала ему голову и руки, но он не пытался из неё высбодиться. Какая не мягкая была земля, да и падение приостанавливалось несколько раз, когда всё та же многострадальная хламида цеплялась за выступы, но всё же от удара всё королевское тело онемело и, абсолютно, лишилось способности двигаться. Его Величество молча созерцал одним глазом, который выглядывал из под ткани, беленькую точку над собой, это и была та самая дыра сквозь которую они так вовремя провалились, по времени падения Его Величество прикинул, что они не только пролетели весь холм насквозь, но и, порядочно, ниже его. Белая точка несколько раз мигнула и погасла, значит вертолёт улетел и перестал освещать вершину холма. Теперь Король тупо таращился в кромешную тьму и слушал, как чавкая и булькая вокруг бродит хитрый Лещ, привыкший жить в мутной воде, он немного ориентировался в пространстве и общупывал камни, пытаясь найти возможность подняться наверх.

Король умышленно начал глубоко и часто дышать, словно пытаясь очнуться от тяжёлого удушливого кошмара, он пытался через усиление циркуляции крови вернуть подвижность отбитым конечностям и, частично, ему это удалось, он почувствовал, как его большие пальцы на ногах жуют два рта, при чём один из них, был дико слюнявый.

— Что вы делаете!?! — прохрипел монарх через хламиду — Я — живой!

— Чем докажешь? — пропямкал Заяц, обсасывая грязный волосатый палец с неостриженным жёлтым ногтем.

— Пошевели, хоть, пальцем, — насмехалась Зайчиха грызя палец на другой ноге.

Король напрягся, но безуспешно, ноги, по — прежнему, не слушались, но правая рука, уже, смогла пошевелить пальцами и, подчиняясь железной королевской воле, поползла в карман, нащупала там что — то, ухватила в кулак, с трудом вынула, разжала ладонь. Тут же по сводам грота разлился зелёно — розовый свет, тёплый и мягкий, он словно огнём ожёг зайцев — падальщиков, их мерзкие рожи исказила гримаса гнева и ужаса, они, надрывно зафыркав, отскочили от августейшего, ища тёмного уголка, что бы укрыться от ненавистного им света.

Но, казалось, что маленький хрусталик в королевской ладони, излучает свечение, способное проникать, абсолютно, везде, за каждый камень, за каждую кочку и, даже, тёмная холодная вода, в которую, спасаясь нырнул Заяц, не останавливала всепроникающих лучей.

Королю, тоже, было не по себе от исходящего из хрусталика света, словно пржигавшего ему ладонь и гладавшего сердце, зато эти же лучи согрели королевское тело от головы до пят и вернули ему былую силу. Его Величество, наконец, смог сбросить подол хламиды с лица и, держа, хрусталик над головой поднялся, превратившись в живой фонарь.

— Эге — гей! — крикнул Его Величество и его собственный голос ударившись о своды грота ответил ему — Гей — гей — гей! — Король набрал побольше воздуха в лёгкие и ответил эху — Иди на хер! — а эхо на то отвечало — Сам иди! — Его Величество обиделся и прекратил разговор, вместо этого он побрёл против течения маленько родника, с тихим журчанием нёсшего свои воды в черноте подземелья.

Король разумно предположил, что должен же у него где — то быть исток, возможно он, вообще, выведет их на поверхность. И ручеёк привёл его к огромному чёрному тоннелю, во тьме которого тускнел, даже, непобедимый свет небесного хрусталика.

— Вашу ж мать! — выругался Король — Я, только, сейчас всё понял!

— И какое же открытие ты совершил на этот раз, — мрачно спросила Зайчиха, она, уже, немного пообвыклась и, только, закрывала лапой глаза, так их свет колол всего большее.

— А такое, — Король задрал вверх голову, пытаясь разглядеть, утопавшие во мраке своды пещеры — что это вам никакое не чудо природы, не удивильное геологическое явление, нет! Всё это есть суть вещи искусственного происхождения, и холм, который я помню с самого своего рождения, никакой не холм, а гигантская кротовина!

— Этого не может быть, — прошептала поражённая Зайчиха — это невероятно...

— Да ты погляди, — Его Величество — осветил вход в тоннель — вот такими ходами эти кротовины, должно быть соединенны, между собой, то есть где — то существуют и другие.

— А может это следы древней протоцивилизации? — предположил Заяц, и не смотря на ненавистный ей свет Рождественского подарка, он подкрался к тоннелю и заглянул в его непроницаемую черноту.

— Ага, — закивала Зайчиха — это могли быть древние укры, я про них много передач смотрела, каждый вечер, по новостям рассказывают.

— Пора бы, в твои годы, знать, что по новостям бессовестно врут, — Король первым вошёл в тоннель и, осветив его стены, внимательно изучал их — если бы это строение было искусственного происхождения, то остались бы следы инструментов, пусть, даже, самых примитивных, хотя как можно примитивными орудиями вырыть подобное, я не представляю, — Король вытянул вверх руку с хрусталиком, пытаясь осветить свод, но высота тоннеля была такова, что свет еле — еле касался чёрного свода и рассмотреть что — либо на нём было никак не возможно — итак, — сделал окончательный вывод Король — эти пещеры, явно, не рукотворного происхождения, но и не природного, а значит, логично предположить, что их проложило некое живое существо, соответственно, где — то с обратной стороны должен быть выход.

— Да ну, — угрюмо сказала Зайчиха — а если там окажется такая же кротовина, из которой без посторонней помощи невозможно выбраться?

— Всё может быть, — не стал спорить Король — но это хоть какая — то надежда. Всё одно лучше, чем сидеть здесь без толку и ждать, когда коллектора найдут средства, что бы спуститься за нами.

Зайцы синхронно выдохнули, как не крути, в словах Короля было здоровое зерно, сидеть и ждать с моря погоды — смысла не было.

— Хрен с тобой, — согласилась Зайчиха — пойдём по твоим тоннелям, куда — нибудь, да выйдем.

Король — первопроходец смело двинулся во тьму неизвестного.

Зайцы, пригибаясь к земле и, пряча бестыжые глазки от света, скакали за ним по пятам.

— Стойте! — опомнился Его Величество — а где Лещик?

— Я здесь, — донёсся сзади, из грота, противный рыбьий голос.

— Чего ты там остался? Не отставай, иди с нами? — позвал Король свою любимую рыбку.

— А вы не думали, что этот ход может привести вас не к выходу наружу, а к логову того кто прогрыз эти норы? — задал вопрос Лещ.

— Что? — не понял Король — Это с чего же?

— А с того, — испуганно квакал Лещ — вы оцените размеры этих котаконб и

прикиньте, какими габаритами должно обладать существо, которое их проложило.

— Да ладно тебе о дурном помышлять, — Король старался говорить, как можно более уверенно, хотя предположение хитрой рыбы заставило у него зашевелиться волосам на затылке — эта кротовина была здесь, ещё, до моего рождения, так что тварюка, которая её прокопала, скорее всего давно издохла.

— А если нет? — сомневался Лещ.

— А если нет, то тебе стоит оставаться на месте и подождать, когда оно тебя найдёт, пока мы удачно выбираемся на поверхность, — раздражённо предложил Его Величество.

Слышно было, в темноте грота, громко лопаются, порождая эхо, пузыри, которые пускал в задумчивости хитрый Лещ, не зная что будет для него выгоднее. Наконец, послышалось шуршание рыбьего хвоста, и в лучах света показалась мерзкая рожа, подошедшего Леща.

— Я с вами, — пропыхтел он.

— Конечно с нами, — поддержал его августейший — иначе и не могло быть, ведь, ты так сильно любишь своего короля.

— Нет, — покачал плоской головой Лещ — просто если на нас нападёт это подземное чудовище, то шансов спастись у меня будет больше, надеюсь что на вас первых оно накинется.

— Ай, хитрая рыба! — Король дружески похлопал Леща по чешуйчатому плечу, в какой — то мере, преодолевая, неожиданную брезгливость, освещаемое светом Рождественского подарка лицо рыбы, отчего — то, стало казаться ему отвратительно — гадким.

Что бы убедиться, что это всего — лишь кажется, Король опустил руку с хрусталиком вниз, что бы лучше осветить морды зайцев, но и они, вызвали в нём волну отвращения, даже больше чем обычно, в свете, словно резче стали видны их хитрые плотоядные ухмылки, а наглые красные глазёнки лукаво забегали.

— Ай, что ты делаешь! — зашипела Зайчиха, закрывая морду лапами — Убери эту гадость, такое чувство, будто рентгеновскими лучами светишь, до самых костей пробирает!

Король поднял руку до уровня глаз, и призадумался, интересно, а как выглядит он сам при данном освещении? Он короко взглянул на спутников, пытаясь по выражению их физиономий понять, испытывают ли они к нему тоже, что и он к ним, но это было невозможно, ибо они все, избегая света, опустили лица к земле.

— Ну, двинули! — произнёс он дрогнувшим голосом, и, с тяжёлым сердцем — ему никак не хотелось иметь у себя за спиной подобные рожи, пошёл вперёд.

Свита, по возможности бесшумно, последовала за своим государем.

— Интересно, уже, настало утро или ещё нет? — тихо прогнусавила Зайчиха — Рыба, ты, как подводный житель, часом не чувствуешь наступление утра?

— Ничего я не чувствую, — грубо ответил Лещ — я водился в мутной воде, и к свету никогда не всплывал, что бы не быть пойманным.

— Могли бы по моим часам определиться, — заговорил Заяц — если бы их кто — то не отдал.

Король понял, что это был камень в его огород, но предпочёл промолчать, чего с ним доселе не бывало.

Тоннель отличался крайней неровностью, он то резко спускался вниз, заставляя путников спотыкаться и падать, а гладкого и скользкого Леща, прямо таки, съезжать как с ледовой горки, то, наоборот, забирал круто вверх, вынуждая ползти на четвереньках, что

было особо, трудным делом, так как рыба не умел ползать и зайцам приходилось тащить его за собой.

Ко всему, в тоннеле было очень душно, даже жарко, Король, не смотря на свою жалкую дырявую хламиду, обливался потом, который насквозь пропитал его густую бороду, и капал с её кончика на носки пынеходов.

Зайцы, вывалив языки, со свистом вдыхали, втягивая в себя тяжёлый горячий воздух.

Лещу было совсем не по себе, ему казалось, что сбился его худший кошмар — он оказался на раскалённой сковородке и вот, сейчас, на него насыплют соли, которая тысячами копий пронзит его нежный мясистый бок.

Но, даже, всё это оказалось не самым плохим.

Король резко остановился и его свита, бредшая с полузажмуренными глазами, вся дружно, влипла в широкий королевский тыл.

— В чём дело? — разнервничалась Зайчиха — Затор на дороге? Давай проезжай!

Но Его Величество не двигался, он вытянул вперёд руку с хрусталиком и что — то осматривал. Зайцы и Лещ, повысовывав морды из — за королевской спины, узрели, что же смогло приковать внимание государя.

Это был чёрный проём, ответвление отходившее от основного тоннеля, да и был ли он основным?

— Ладно, — тихо произнёс Его Величество — не будем сворачивать.

— А может нам туда и надо? — предположила Зайчиха.

— Если это так, — Король почувствовал, что у него пересохло во рту — то мы сможем вернуться. Когда идёшь прямо, заблудиться невозможно, и мы сможем, снова, отыскать этот проход.

В полной тишине они двинулись дальше, но в этот раз, не успели пройти и ста шагов, как, вновь, вынужденны были остановиться — тоннель перед ними раздваивался.

— Отлично! — воскликнула Зайчиха — Похоже на то, что мы начинаем блуждать в подземном лабиринте!

— Не стоит паниковать, — остудил её Король — вот здесь поставим заметочку, — он, острым камушком, начертил крестик на стенке тоннеля — и, если что, будем знать в какой стороне мы, уже, побывали.

Но неприятности, словно, подстерегали храбрых путешественников, правый тоннель, который выбрал Его Величество, заставив их пройти по нему около часа, а в конце — разделился на трое!

— И что скажет на это наш августейший чичероне? — в голосе Зайчихи сквозило презрение.

Король ничего не ответил и, даже, не сделав заметки, снова выбрал правый проход и пошёл по нему. Свита, уже, с трудом за ним поспевала, сказывались бессонная ночь и голод.

Заяц первый стал ныть, что больше не может идти, пускай его или несут или дадут отдохнуть. Но всем оказалось глубоко плевать на проблемы косоного, никто не выразил ни желания ни намерения нести его. Он, даже, сам садился на землю, в знак протеста против нещадной эксплуатации, на что Король ему коротко напомнил:

— Ты — то сам, много ли позволял подчинённым отдыхать? Небось работу до последнего дыхания требовал! Домой не отпускал, пока не закончат?

— Но тоже подчинённые, а это — я! — чуть не расплакался Заяц, но этим, всё — равно, никого не разжалобил, и ему ничего не оставалось, как подняться и догнать компанию,

дабы не отсаться одному в крошечной тьме подземного лабиринта.

Но всякому волшебству есть свой предел и, сколько бы, чудесные пынеходы не придавали сил Его Величеству, в конце концов и он выдохся, да и к тому же, они наткнулись на очередную развилку и Король, окончательно обессилив, сел на землю и спрятал светящийся хрусталик в карман, погрузив всё в непроницаемую темноту.

— А что если мы кругами ходим? — Зайчиха облизнула пересохшие губы и упала рядом с Королём.

— Лучше бы мы в гроте остались, простонал Заяц, даже его слюнявый рот пересох в духоте тоннелей — там, по крайней мере была вода и жары такой не было.

— Да, — согласился с Зайцем рыба, которому приходилось тяжелее всех — я бы, сейчас, с радостью окунулся в ту мелкую лужицу.

Но на споры и препирания ни у кого, уже, не было сил, они все расплостались на жаркой земле и один за другим впали в сон, который, хоть на какое — то время, избавил их от мук жажды и голода.

Во время сна все часто ворочались, безуспешно пытаясь избавиться от душившей жары, Заяц плакал и потирал лапкой обрубок уха, а Лещу снилось, что его жарят на сковороде на пальмовом масле, и регулярно тыкают вилкой, от чего, в реальности, он нервно бил хвостом по земле и широко раскрывал жабры.

Спали долго, по крайней мере так почувствовал Король, проснувшись. Раскрыв глаза он не уловил никакой разницы, было так же темно, как и с зажмуренными веками. Его Величество, совершенно, не чувствовал себя отдохнувшим, ему не хотелось подниматься, ведь, опять придётся идти этими бесконечными тоннелями неизвестно куда, да и удастся ли выйти вообще? К тому же свет Рождественского подарка угнетал и его, монарх это понял, отдохнув от него, и так, в темноте, было, всё же, легче, чем когда тебя пронзали эти чистые искрящиеся лучи, словно фотографический реактив, проявлявшие самое нутро, какими бы вычурными словесами ты не прикрывался, за кого бы себя не выдавал...

Король тяжело вздохнул.

— Проснулся? — услышал он голос Зайчихи.

— Да, — вяло произнёс августейший — вот, только, сил встать, почему — то, нету.

— Это от голода, — пропищал в темноте Заяц.

— Не трави душу, — попросила Зайчиха и её живот громко заурчал.

— Ничего, — подбадривал свиту августейший — вот выберемся на поверхность, нажрёмся от пуза, так что поперёк горла стоять будет.

— Это интересно с какого перепугу? — слабым голосом спросила Зайчиха — На какие шиши? В ресторанах, пока что, да на рынке, харчи даром не отпускают, а платить нам нечем или, может, ты на работу устроишься, за тарелку жидкого супа, располовиненного водой?

— Бе! — выдавил из себя Король.

— Что не нравится? — гаденько рассмеялась Зайчиха — Твой же МРОТ, ты принимал!

— Правильно, — не спорил монарх — я же не для себя его принимал, а для скотов, хамов и прочего быдла, бездельников, живущих на подачки, за свой, якобы, труд.

— Ну так, поздравляю! — порадовала Короля Зайчиха — Теперь ты сам стал одним из хамов и, скоро, узнаешь цену господской подачки, если, конечно, нам посчастливится отсюда выбраться, в чём я сильно сомневаюсь.

— Ты что такое говоришь! — всхлипнул Король — Ты же недавно убеждала меня в обратном! В моём божественном происхождении!

— Так это было до того, как ты завёл нас в подземелье, на погибель! — фыркнула Зайчиха.

— Это, кстати, только вам вкалывать за миску похлёбки придётся, — сказал Заяц — а у меня, по ту сторону границы, денежки имеются на счету, я, в отличии от вас, только мы пересечём кордон, буду сыто жить не бья пальцем о палец!

— Да можно подумать ты когда — то иначе жил, — подловила его сестра — да и откуда у тебя на счету деньги возьмутся? С должности тебя давно попросили, а расчётные ты прогулял и того раньше. Что же ты, тогда, выдумываешь?

— Не выдумываю, а быль говорю, — насупился Заяц — и деньги мне за погубленное на службе здоровье начислялись, а не просто так. Регресс у меня — вот так то!

Заяц и регресс

(быль)

Холодным октябрьским утром, в воскресенье, около шести часов, всё население посёлка «Зайчуткино», от мала до велика, собралось у, густо заросшего камышом, берега, протекавшей мимо их посёлка, не очень широкой, шагов до тридцати, речки.

Дикие утки, напуганные таким сборищем, тучами кружились, над рекой и возмущённо крякали.

Люди стояли, дрожа от холода и сырого воздуха, надуваемого ветром с реки.

Все молчали.

Никто не решался заговорить. Вчера им было объявлено о проведении в воскресенье добровольно — принудительного субботника, инициатором был, как обычно, их грозный председатель — Заяц. Велено было всем явиться к шести утра.

Все и явились.

Не было, только самого Зайца.

Но никто не смел ничего высказывать по этому поводу, ибо косой руководитель мог специально притаиться в камышах, или залечь в траве, что бы через метод подслушивания изловить смутьяна, посмеявшего критиковать начальство, участь которого, после этого, была незавидна. Но, первым делом такого бунтовщика заставляли писать объяснительную, одна из которых, даже, сохранилась в архивах и попала к нам в руки, её содержание, дословно, приведено ниже.

Ф. И. О. (скрыты)

Работника комплексной

Бригады

ЧП «Хвостик пумпочкой»

объяснительная.

Я, Ф. И. О, по собственной глупости и недоумству, при сдаче ночной смены, во всеуслышание, из личной злобы, сделал заявление о том, что наш непосредственный наивысший руководитель, а именно, Зай Филиппович Зайчиков — пидарас!

В последствии, трезво оценив свои слова, я утверждаю, что был категорически не прав, так как точно знаю, что Зай Филиппович — не пидорас!

Признаю, по нашему посёлку ходят упорные слухи, что Зай Филиппович — пидарас, но я призываю не верить этому, потому что Зай Филиппович — не пидорас.

Предлагаю, на будущее, во избежание подобных инцидентов провести общетрудовое заседание, которое посвятить тому, что бы поставить в известность всех работников нашего коллектива, о том, что Зай Филиппович — не пидорас, так как многие продолжают пребывать в неведении и полагают, что Зай Филиппович — пидорас, а это — не так! Зай Филиппович — не пидорас! Это должно вывести золотыми литерами на стене объявлений нашего предприятия, что бы каждый, новоприбывший и, просто, гость, едва войдя на территорию нашего хозяйства, сразу же, был поставлен в известность о том, что Зай Филиппович — не пидарас!

Дата. Роспись.

Этот, исторически ценный, документ сохранился благодаря тому, что его автор оказался единственным бузатёром — мятежником, которого, за свою карьеру на посту председателя, помиловал Заяц, до того смогли его разжалобить искренние слова глубочайшего раскаяния, что он, даже, приказал вывесить копию объяснительной на доске приказов и объявлений, как образец покаяния и почтения к начальству.

И так, простояв один час, толпа начала проявлять признаки нетерпения, а именно — стоявшие в первом ряду стали глядеть по сторонам. А может Зай Филиппович не изволят сегодня явиться? Хотя, личная бригада персональных заячьих работников, уже, разбила шелковый шатёр в котором любил работать председатель, повара жарили люля — кебаб, официанты расставили на столике под сенью шатра бутылки с белыми и красными винами, то бишь, на лицо, были все признаки того, что председатель готовится к долгому и плодотворному труду на данной локации, а, стало быть, даже думать о том, что бы начать расходиться — было опасно.

К девяти часам утра, некоторые из собравшихся до того расслабились, что позволили себе присесть на траву и продолжать дожидаться председателя в положении сидя. Но, к счастью, это бесчинство не длилось долго и было прервано звериным рёвом двигателя, едва заслышав который, все, мгновенно, подскочили на ноги, знали негодяи, что единственный агрегат, который мог издавать подобное рычание — это автомобиль их рачительного руководителя, неусыпно бдящего порядок и дисциплину.

Тут же, под всеобщий обречённый вздох, на пригорок вылетел семиместный ЗИС — 2, зарычал, набирая обороты и, разбрасывая колёсами комья грязи и бросился на толпу. Шутка эта была известная и работники сельскохозяйственной организации, уже, хорошо её знали, потому, сразу бросились в рассыпную, помнили окаянные, что автомобиль председателя тормозить не будет, а, не приведи судьба кому своим бранным телом повредить машину, то до конца дней будет работать на ремонт.

Разогнав хлопов, автомобиль остановился у шатра.

Шофёр выскочил из — за баранки и, с низким поклоном, открыл заднюю дверцу.

Медленно, щуря злые наглые глазки из автомобиля вылез Заяц, в белом костюме, с чёрным галстуком, в ослепительно белом цилиндре, надетом на уши и длинной собольей шубе, полы которой тянулись по раскатанной автомобильными колёсами грязи.

Заяц оглядел честное собрание, его толстые холённые щёки с напудренными усами брезгливо подёргивались.

— Фух, жарко, — пропыхтел Заяц и, сбросив шубу на землю, поигрывая тросточкой, двинулся к народу.

Шубу, стоило косому сделать пару шагов, незаметно подняли работники, отвечавшие за заячью прачечную и, тут же, унесли на чистку.

Заяц, насвистывая какой — то пошлый мотивчик, встал перед толпой, слюнявые губы его кривились в ухмылке.

Все покорно опустили головы, уперев глаза в носки своих башмаков.

— Ну что, мерзавцы? — риторически спросил Заяц — Сейчас, уже, начало десятого утра, а как мне доподлинно известно, вы все завились сюда где — то около шести. Три часа! Прошло три часа! Три прекрасных светлых часа, которые можно было использовать на созидание, на свершение благих дел, чем, непременно бы и занялся любой приличный человек, но не вы! Вы, сукины дети, не поленились три часа к ряду пробездельничать! Как вам это не надоело? Вы так всю жизнь и живёте, лишь, с одной целью — лодырничать. Я не

могу оставить вас без присмотра ни на секунду. Вы, сволочи, прекрасно знали, что раньше восьми утра я встать не могу, да и без хорошего завтрака из дому не выезжаю и бессовестно воспользовались этим! Наказанье мне с вами, такое впечатление, что здесь один я работаю. Ну ничего, сегодня вы у меня попляшите! Сегодня я от вас не отойду! — он оглянулся на шатёр, намекая этим, что весь необходимый инструмент у него с собой — Как вам известно, сегодня, в воскресенье, я вывел вас на субботник. Почему? — он многозначительно воздел короткий толстый указательный палец к небу — Да потому что в субботу у вас рабочий день, так что приходится устраивать вам субботник в воскресенье, как говорится — всё для удобства трудящихся, — он хихикнул — Но зачем? — задал косой сам себе вопрос и тут же на него ответил — А затем, что сегодня вы будете... внимание! Будете гатить плотину! Чего приуныли? — удивился отсутствию массового энтузиазма Заяц — Радоваться нужно. Радуйтесь я сказал! — злобно прикрикнул он, окропляя слюной первые ряды.

Люди натужно заулыбались, но у всех в глазах стояли слёзы.

— Так — то лучше, — успокоился Заяц — Итак, сегодня вы будете гатить плотину, а кто будет плохо работать, того буду гатить, лично, я! Хотя и тут вам, негодьям, повезло, речушка у нас узкая, я, конечно, выбрал самое широкое место, но и оно, своими размерами, не впечатляет.

— А зачем нам плотина? — неожиданно раздался робкий голос из толпы.

Все замерли.

За подачу голоса без разрешения можно было схлопотать штраф, да и не только зговорившему, но и всем, кто его слышал. Но на этот раз Заяц отнёсся к нарушению дисциплины с поразительным милосердием, едва окинув работников косым оком, он, почёсывая тростью под хвостом, размеренно заходил из стороны в сторону, сопровождаемый перепуганными взглядами подчинённых.

— Зачем нам плотина? — повторил Заяц, причмокивая — Это толковый вопрос. По существу. Разве у нас есть какие — то проблемы с ирригацией? Нет! Так нужна ли нам в таком случае плотина? Конечно не нужна. И вопрос из разряда толкового переходит в разряд глупого. Плотина нам не нужна! Так зачем же я тогда согнал вас на её строительство? А? — косой остановился и вопросительно поглядел на понурых работников — Может кто —нибудь ответить? У кого какие версии? Давайте так, тот кто правильно ответит — будет освобождён от строительных работ по возведению плотины. Ну, смелее!

В толпе началось брожение, труды мозговой деятельности отражались на лицах рабочих в формах всевозможных гримас, даже, доносились, высказываемые вслух робкие предположения типа: «шизофреник», «полоумный», «дебил» и, конечно, «не пидарас», но заявляться с ответом никто не пытался.

— Что же вы? — подначивал Заяц — Ответ же так прост.

Наконец, какой — то, исхудалый парнишка, неуверенно приподнял руку, спрашивая разрешения отвечать.

— Валяй! — позволил Заяц.

— Вам, извините конечно, — замямлил парнишка — по всей видимости опять, моча в голову ударила.

— Верно! — воскликнул Заяц — Абсолютно верно! При чём ключевое слово — «опять», стало быть, уже, не в первый раз, а вы никак догадаться не можете, болваны! Потому — то я и поставлен вами руководить, ибо — умён, а вы — нет! — он, рассталкивая работников, подошёл к пареньку, крепко пожал ему руку и сказал — Поздравляю! Как и

обещал освобождать тебя от строительства плотины! погоди, не спеши уходить. Тут одна маленькая деталь, своим ответом, пусть и трижды верным — ты оскорбил начальство, чего делать нельзя ни при каких условиях. Твой начальник может выдавать самые несусветные идиотии, но ты, мразь, не имеешь ни малейшего права на это ему указывать. За сие ты будешь наказан. Трое полных бесплатных суток! Без перерыва на еду и сон, на лесоповале, приучат тебя к хорошим манерам. А что тебя погубило? А я скажу — что! Лениество! Вот грех от которого вы никак не желаете отречься! Не хотел ты потрудиться на плотине, удумал сачкануть — вот и вляпался. И это всех вас, бездельников, касается, — Заяц обвёл толпу строгим взглядом — отучайтесь от лени! Мы должны ежечасно и всеильно трудиться, не покладая лап своихон поправил лапкой цилиндр и прокашлялся — Значит, хамы — прохиндеи, слушай мою команду! — сказал Заяц — Отведёте реку, насыпите плотину, облицуете её камнем и вернёте раку в прежнее русло. Всего — то делов! Пока не закончите — никто домой не пойдёт! А если кому — то не ясно, от чего же я про это всё, ещё, вчера не предупредил, что бы вы, сразу, с инструментом явились, то не считайте своего начальника за дурака! Я специально промолчал, что бы, сегодня, ещё и за инструментом побегали. Вот так то! Ну, можете приступать к работе! — Заяц сделал позволительный жест пухлой лапкой, затянутой в белый рукав костюма и отправился к своему шатру, уже, давно манившему его искусительным ароматом, тушёного в казане, зайца по — охотничьи.

Работники, едва председатель дал отмашку, набросились на работу. Уже не первый год они работали под началом косога тирана, потому догадались прихватить с собой кое — какие инструменты, для начала работ хватало, но так же сразу выделили десять человек, которых и отправили за недостающим оборудованием. Работа закипела.

Трудился и косой председатель. Показав, что не боится запачкать лапки, что не белоручка какой — ибудь, он отшвырнув в сторону нож с вилкой и впился зубами в сочную баранью отбивную. Чавкая и хрюкая, он опорожнял бутылку за бутылкой. Неудивительно, что такой беспощадный трудоголизм смог сломить здоровье, даже, такого идейного труженника, как Заяц! После третьей бутылки чилийского Альмавивы председатель уснул, не сходя с рабочего места, уронив голову в миску с соусом, он захрапел, пуская зелёные пузыри из носа. Тут же, работавшим на возведении плотины, подали сигнал, что бы те придерживались режима тишины — начальство притомилось.

Рабочие убавили звук на минимум, никому не хотелось, что бы руководитель пробудился и стал над душой.

Вход в шатёр закрыли, что бы шальной порыв ветра не побеспокоил начальника, не прервал, восстанавливающей силы, сиесты. Но, увы, не бывает истинным труженникам покоя, ворочая мордой, при попытке спрятать нос от назойливой мухи, председатель щекой скользнул по жирной подливе и упал под стол.

Заяц, спрятав морду в лапы, тихо бурчал понося ненавистную муху, но докучливое насекомое преследовало его и под столом, умудряясь жужжать в оба уха одновременно.

— Ну где эти скоты, когда они нужны? — Заяц пытался отогнать муху коротенькими толстыми лапками, не понимая, почему рядом нет ни одного хлопа, который охранял бы его сон.

Председатель извивался так, будто плыл кролем, но гудение никак не стихало, в итоге, он, не выдержав, вскочил, ударившись головой о стол и, только, тогда понял, что беспокойство ему было причинено вовсе не зловредным насекомым. Урчало что — то на улице. Что — то большое.

Заяц выбрался из — под стола, некогда белый костюм на нём был в широких пятнах от вина и жира, с налипшей поверх грязью. Косой оглядел себя, даже с пьяных глаз разглядел беспорядок в одежде, выругался по адресу хлопов, которые зная, что начальник любит в уставшем состоянии неожиданно прилечь, не выстлали в шатре ковры. Но всё же, что же там такое, не прекращая, гудит? Нет, не взирая на крайнюю усталость это нужно выяснить!

Заяц, шатаясь из стороны в сторону и тяжело срыгивая, подошёл к выходу из шатра и откинул занавеску. От увиденного председатель чуть не удавился собственными слюнями.

Большой, покрашенный в жёлтый цвет, старый гусеничный экскаватор, набирая по полному ковшу земли, насыпал плотину! Это вместо хлопов, которые, обступив машину кругом, сачковали, покуривая самокрутки с махоркой и, наперебой, давали водителю экскаватора ценные советы.

Заяц, конечно, знал, что хлопы — это такая сволочь, способная на любую гадость, но что бы до такого дойти, этого даже, от них было невозможно ожидать!

Председатель стоял, как вкопанный, от шокирующего зрелища у него отвисла челюсть и, всегда обильная слюна, хлестала прямо на галстух, а по нему затекла косому под пиджак и когда промочила насквозь сорочку, только тогда, он пришёл в себя.

— Скоты безрогие! — бешено жестикулируя он бросился к рабочим, ворвался в их круг, пиная и кусая подчинённых за ноги, он пробился к экскаватору, запрыгнул в кабину и, брызжа слюной, заорал в лицо машинисту — Как посмел, хам!? Кто дозволил!? Я — Заяц! На каком основании ты вмешался в, утверждённый мною, строительный процесс!?

Машинист вытащил из — под каски перепачканный мазутом платок, обтёр лицо от заячьих мокрот и, уперев ладонь, в пухлую грудь председателя отстранил его на расстояние вытянутой руки, что, хоть как — то, сократило орошение, благодаря недолёту слюнных масс.

От ярости Заяц, уже, даже, не произносил слов, только невнятное сипение, сопровождавшееся заплёвыванием всех вокруг.

Несчастные рабочие, только, успевали прятать лица, закрывая их воротниками.

— Да уймись ты, уже, папаша, — попросил Заяца машинист экскаватора — что плохого случилось? Ты — спишь, работа — идёт, всё, как обычно. К чему скандалить?

Заяц взял минутку, что бы отдышаться и утереть слюни рукавами.

— Какой я тебе папаша? — задыхался Заяц — Ты что здесь делаешь? Почему работам мешаешь?

— Почему же мешаю? — искренне огорчился машинист — Наоборот помогаю, в свой законный выходной. Пришли ко мне утром ребята, зовут, мол, подсоби — не откажи, срочность случилась. Как отказать?

— Ой, не ври начальнику, быдло! — Заяц схватил машиниста за грудки — Я, вас лодырей знаю, вам работать — как серпом по причинному месту, а уж тем более в выходной. Нет! Это ты специально мне насолить решил!

— Нет! Нет! Что вы! — испугался машинист — И в уме не было! Клянусь! Только не увольняйте! Они мне предложили каравай чёрного хлеба и четверть самогона, вы же знаете какая у меня нужда, вы за прошлый месяц меня на две трети трудодней наказали и я за них ничегошеньки не получил, так, что бы с голоду не помереть и согласился, выбора не было.

— Что бы с голоду не помереть, — прошипел Заяц — а четверть самогона — это, что бы от жажды спастись?

Машинисту не чем было крыть и он спасовал перед весомыми аргументами председателя.

— Значит так, — Заяц отпрыгнул перегаром — сейчас ты уберёшь всё, что насыпал, затем вернёшь реку в русло, а завтра, с утра, что бы заявление на расчёт по собственному желанию было у меня на столе! Уяснил?

— От меня? — дрожащим голосом спросил машинист.

— Ну не от меня же! — подтвердил Заяц — От меня вы заявления никогда не дождётесь! — он поглядел из кабины на угрюмые лица рабочих и что бы они все хорошо расслышали повторил — Не дождётесь! Я знаю, что вы, ленивые скоты, только и мечтаете, что бы я с поста ушёл. И не думайте! Я никогда не уйду! Я, ещё, на ваших внуках ездить буду, ибо я — вечен! Не за просто так по итогам работы за прошлый квартал я был номинирован, как главный мудака королевства, а, сейчас, я намереваюсь побороться за высокое звание главного мудака года, так что держитесь!

Косой садист спрыгнул на землю, в размешанную гусеницами грязь, нисколько не жалея белые кожаные туфли Bugatti и зашагал в направлении своего шатра, но в последний момент он бросил через плечо:

— Из — за своей лени, вы сейчас начнёте работу заново, а уже за полдень и, пока, не закончите, домой не пойдёте, но, вы, босяцкие отродья, не забывайте, что вам завтра на семь утра на роботу, так что я вам — не завидую! — высказав такое тонкое предупреждение, Заяц зашёл в шатёр и запахнул за собой занавеску.

Допив последнюю бутылку вина, что бы успокоить разыграшиеся нервы, Заяц хлопком в ладоши вызвал хлопа и распорядился поставить софу, что бы можно было по — человечески отдохнуть и, на сей раз, этот отдых продлился до глубокой ночи.

Нежась под медвежьей шкурой, которой, с наступлением вечернего холода, его заботливо укрыл исполнительный холоп, Заяц, во сне, причмакивал и озорно хихикал, пуская слюни на софу.

Лёгкие покачивания, которыми, тихо вошедший холоп, начал будить председателя, напротив, погружали того в ещё более крепкий сон.

— Проснитесь, о великий, — ласково звал холоп, дрожа от страха, ведь будить начальника — это даром не проходит.

— Ах ты сволочь, — сквозь сон пробурчал Заяц — уйди, не то накажу...

— Проснитесь, пожалуйста, — просил холоп — у нас авария приключилась, требуется ваше присутствие.

— А идите вы все на хер! — Заяц плюнул в лицо, склонившемуся над ним, надоедливому хлоппу, но тот, подлейшим образом убрал голову, и плевок, на секунду зависнув в воздухе, вернулся отправителю, ляпнув ему в глаз — А — а — а! — взбеленился Заяц, хотел вскочить, но так как ещё не протрезвел, вышло у него, только, вывалится с софы на землю.

Холоп бережно поставил начальника на ноги и, как мог, отряхнул грязь с костюма председателя.

— Ну что там у вас случилось? — хмуро спросил Заяц — Нельзя вас и на секунду одних оставить, скоты безрукие.

— Да вот, насыпали, наконец плотину, — посвящал начальника в последние события холоп — поначалу всё шло нормально, вода удерживалась, уже хотели вас звать, что бы принимали работу, да, тут — то, плотину и прорвало. Всех кто рядом стоял волной смыло, кто в речке утонул, кого о камни разбило. А уж раненных и изувеченных не сосчитать! Что же, теперь, делать будем?

— Не надо паники! — Заяц порылся в карманах и извлёк маленький блокнотик и карандаш — Главное, что я — не пострадал, — он поплевал на грифель — пошли убытки подсчитывать.

Выйдя из шатра, Заяц увидел удручающую картину. Река уносила грязные воды, размывая остатки плотины, несмотря на глубокую ночь можно было разглядеть белеющие тела прибитые волнами к берегу. Вокруг стонали раненные, которым, как могли, пытались помочь уцелевшие.

— Ну натворили вы делов! — резюмировал Заяц и заговорил громче, что бы все слышали — Не паникуйте, я уже, здесь! Сейчас обследую место аварии и все пострадавшие будут внесены в список на получение денежных компенсаций, то бишь, на регрессные выплаты. Так, что радуйтесь, нищета, настал и на вашей улице праздник!

Заяц подошёл к самому берегу реки, из которой, ещё, торчали остатки насыпи.

Председатель, что — то мерял шагами, плевал на палец, проверяя откуда дует ветер, крутил ушами и люто матерился.

— Эй ты, гавно! — подозвал Заяц разбудившего его холопа — Ступай, быстро принеси мне молоток и гвоздь!

Холоп кивнул, в знак понимания, и кинулся, бегом, исполнять распоряжение начальника.

Тем временем Заяц что — то выписал крупными буквами на блокнотном листе в клеточку и, едва, пред ним предстал запыхавшийся холоп с инструментом, он выдернул исписанный лист и, подав его хлопам, приказал:

— Прибей его сюда! — Заяц указал на худую, иссохшую иву, опустившую свои ветви в воду.

Холоп покорно исполнил приказ и отступил в сторону, что бы председатель оценил сделанное. Гвоздь вошёл не полностью и ветром листочек трепало и крутило вокруг железного стержня.

— А что это?! — Заяц изобразил удивлённый голос — Какая — то надпись! А ну давайте её прочтём. Подходите, подходите ближе, я вам прочту, что же здесь написано!

Работники, все кто мог стоять на ногах, или используя старые ветки, как костыли, обступили председателя.

— Читайте! — предупредил Заяц и, сощурившись, зачёл, им же, ранее, написанное — Внимание! Аварийная зона! Не приближаться! — после чего обвёл всех многозначительным взглядом — Понятно? — он смотрел на лица работников, казавшиеся, в лунном свете, ещё мрачнее обычного — Выходит вы сами нарушили технику безопасности, за что все будете привлечены к дисциплинарному вызысканию и, само собой, штрафу! — Заяц постучал указательным пальцем по листочку — Но, ладно, я всё же добрый руководитель. Можете убираться по домам! Я вас отпускаю. До завтра.

Люди, молча, как бессловесные создания начали разбредаться, они знали, что спать им сегодня не придётся, ведь ещё нужно убрать погибших и отправлять в госпиталь раненных, да прибраться за собой рабочее место, Заяц их к этому строго приучил.

А листик, как белый флажок, продолжал трепыхаться на ветру.

— Ничего толком не могут сделать, — вздохнул Заяц, забрал у хлопа молоток, и, собственноручно, ударил по шляпке гвоздя, желая забить его полностью, но, под ударом председателя, гвоздь не углубился ни на миллиметр.

— Ай! — пискнул Заяц и выронил молоток из пухлой лапки — Похоже кисть

потянул, — он попереберал короткими пальчиками — точно потянул! — убедился косой и, вытянув из — за уха карандаш, подставил блокнот под луч лунного света, для лучшей видимости и, под заголовком «Список регрессников», написал — Зайчиков Зай Филиппович.

* * *

— Вот так вот, — завершил повествование о своей нелёгкой доле Заяц — от трудов праведных потерял я здоровье, всё себя горемычного не щадил, всё на мне держалось. Зато, теперь, хоть какая — то копеечка на счету есть.

— Вот именно, что копеечка, — насмешливо произнесла Зайчиха — сколько там твоего регресса? С такими суммами тебя ни в один ресторан не пустят, разве что в уличной закускойной разгуляться сможешь.

— Это ты сильно ошибаешься, сестричка, — Заяц причмокнул — у меня стопроцентная потеря трудоспособности, а значит мне полагается выплата равная моему жалованию, а, уж, жалование у меня было — будь здоров, и, теперь, я могу всю жизнь ничего не делать, а жалование мне, извольте, подать, не грешите!

— Что же ты побирался, пока я тебя не подобрала? — спросила Зайчиха — Валялся на дороге, как коровья лепёшка, когда у самого такие деньги на счету?

— Ну, это, не совсем счёт, — пояснил косой — просто в почтовое отделение, на моё имя, каждый месяц, потупают выплаты, до востребования.

— И чего же ты не востребовал? — удивилась Зайчиха.

— Да я бы и рад! — воскликнул Заяц — Да, только, эти гниды, мои бывшие подчинённые, прознали, что мне деньги приходят. Ои, ещё, тогда, смели рты открывать, что, дескать, не положенно мне! Какие же люди завистливые до чужого добра бывают! А как меня с должности отставили, они выставили возле почты круглосуточный дозор, что бы, стоит мне сунуться — подвергнуть меня скорой казни. Да и в самом отделении меня, уже, хорошо знали, попробуй я к ним заявиться за своими кровными — тут же выдадут!

— А теперь — то ты на что рассчитываешь? — не поняла Зайчиха — Думаешь они тебя, уже, простили? Или, может быть, забыли? Болван, ты, старый! Не видать тебе этих денег, как своего уха.

Напоминание о потерянном ухе задело Зайца, но гораздо больше его задело, то, что получалось — сестра права, ничего не попишешь. Выходит, это он тут на почве общего перегрева, уже, себе навывдумывал всякого. Эх! Получается зря он здоровье — то непосильными трудами угробил, напрасно...

В темноте раздался, плохо сдерживаемый, смешок Леща — потешался хитрая рыба над старым Зайцем.

Король слушал рассказы косоного вполуха, ему всё время хотелось пить, ибо такое могучее тело требовало большого количества жидкости. Но, всё же, он запреметил, что во время заячьего повествования, иногда, хрусталик в его кармане, вроде как, слегка подрагивает. Он, даже, засунул руку в карман и сжал его в ладони — и правда, когда косой, в очередной раз, нахваливал себя, как отчаянного производственника, Король почувствовал, что хрусталик в его ладони завибрировал, да не просто так, а, что — ли, с негодованием, если таковое возможно для неодушевлённого предмета. В этот момент Король вынул его из

кармана, желая посмотреть не изменяется ли, что — либо, в цветовой гамме в такие моменты, но он ничего не увидел — хрусталик не светил и лежал у него на ладоне, едва поблёскивая, практически неуловимым светом.

— И по делом тебе, старый лиходейщик, — Зайчиха продолжала злоутешаться над братом — представляю какие ты испытывешь муки, зная, что фривольная жизнь, вот она, рядом, стоит только лапу протянуть — а вот нельзя! Хоть какое — то тебе возмездие за меня! Ты же всегда для всех был сущим наказанием! Тебя по сей день люди клянут, засранца!

— Меня ли одного? — обиженно всхлипнул Заяц — И тебя, тоже, незлым тихим трёхэтажным слово вспоминают. Я у тебя, всего — то, с неделю пожил, а словно, на всю жизнь должен остался, ты со мной, как с последним хлопком обращалась, не выпить, не закусить...

В этот момент хрусталик в королевской ладони неожиданно вспыхнул, да так ярко, что зайцы и рыба, уже, попривыкшие к темноте, с ярыстным воплем, отпрянули, подальше от света, при этом скорчив ужасающие гримасы, сделавшие их отвратительные рожи, ещё гаже, хотя куда уж боле?

— Притуши свой светильник! — оскалилась Зайчиха и не зная, что ещё полезного сделать, укусила брата за единственное ухо.

— Ай! — вскрикнул Заяц и заплакал.

Король и сам ощущал неприятное жжение, исходившее вместе со светом от хрусталика, но предпочитал терпеть. Получаемое удовольствие от страданий спутников, перевешивало собственный дискомфорт.

— Прекращайте кривляться! — приказал Его Величество — Совсем без света идти всё — равно невозможно, так что терпите. Уже недолго осталось.

— Как недолго? — пискнул Заяц — Мы, даже, не знаем, где находимся!

— Я имею ввиду, — Король медленно встал и расправил плечи — если мы в ближайшее время не найдём выход, то нам не долго останется, мы все погибнем от обезвоживания.

Лещ страдальчески квакнул — вопрос обезвоживания был для него самый тяжёлый.

— И от голода, — прибавил Заяц.

— Не нагнетай. Без пищи человек может месяц прожить, — приободрил всех Его Величество.

— С таким слоем подкожного жира, как у тебя, можно и в спячку на полгода впадать, — с завистью заметила Зайчиха — а нам — то как держаться, на чём?

— На честном слове! — остроумно ответил Его Величество, по крайней мере, ему самому так показалось.

— Кто бы говорил о честности?! — Зайчиха усмехнулась, показывая кривые зубы — Это, разве, не ты, каждый год, в конце декабря, стоя под дворцовой ёлочкой всей стране рассказываешь, как хорошо им прожился год уходящий и как в следующем они будут, словно сыр в масле кататься? Враль!

— Кто враль? — изумился Его Величество и закрутил головой, будто пытаясь отыскать негодяя, а потом, встретившись взглядом с презрительно сощуренными глазками Зайчихи, догадался — Ах, это ты обо мне! Это я, по — твоему, враль! Небось заграничных радиостанций наслушалась? Мало я их глушил! Они там, за бугром, любят меня помоями поливать. Это всё вражеская пропаганда, им лишь бы оклеветать меня с три короба! Они тебе лапши на уши твои длинные навешали, а ты и поверила. Эх, ты! Хоть бы умишком

своим скудным прикинула — иноземцы хотят Королевство Многоземельное разграбить, да один я у них, как в горле кость, не даю планам их коварным сбыться, вот и ненавидят они меня лютой ненавистью, со свету сжить хотят, имя моё честное порочат!

— А что же ты, тогда, в ихних банках деньги держал? — холодно спросила Зайчиха.

— Какие деньги? — растерялся Его Величество и быстро заморгал глазами — Нету у меня никаких денег. Никто ничего не смог доказать. А те миллиардные счета, что в газетёнках препаскудных, заграничных, фигурировали, так то всё моего старого конюха, хромого Пахома! Всё его, как на духу, и в банковских документах так и указано.

— И доллары его? — Зайчиха косо поглядела на государя — И евро?

— И фунты, — утверждал Король — и золото, и биткоины — всё его! А что удивительного? Он у меня всю жизнь навоз за лошадьми убирал, жалование получал исправно, жил без излишеств, на всём экономил, вот и накопил под старость. Да ещё ему что — то мать его добавила, что — то занял. Вполне реально. Не вижу в этом ничего удивительного. Так каждый может. Главное честно трудиться и будет тебе счастье.

Тут хрусталик, который Его Величество удерживал в руке вместо нежного зеленовато — голубого света, залился алым, замигал, до ряби в глазах.

— Да выключи эту светомузыку! — взмолился Заяц и рухнул на землю, зажав лапами глаза.

Хрусталик ещё раз мигнул и, словно, электрический удар поразил королевскую длань. Король ойкнул и выпустил погасший Рождественский подарок.

Всё, снова, погрузилось во мрак.

Величество упал на четвереньки и лихорадочно зашарил руками по земле.

— Никому не двигаться! — предостерёг он свою свиту, боясь, что бы кто —нибудь из них не раздавил хрупкий хрусталик.

Но отыскать потерю Королю никак не удавалось, в непроглядной черноте он лихорадочно ощупывал горячие камни, но всё тщетно.

Непростое дело когда не знаешь, где находишься, но когда, не только не знаешь, но ещё и не видишь, это, уже, полная катастрофа!

Монарх, уже, совсем отчаялся, когда хрусталик сам дал о себе знать лёгким синеватым свечением, вновь возгоравшимся в его сердцевине.

Король быстро схватил хрусталик и отёр его от пыли.

— Эта штука поломалась что — ли? — предположил Заяц и по его тону было слышно, что он был бы не против, если бы этот свет угас насовсем, даже, если без него они никогда не выберутся из подземелья.

— Работает! — обрадованно сообщил монарх, наблюдая усиливающееся свечение.

И снова свет маленького хрусталика разогнал тяжёлую гнетущую тьму, и, снова, Великий Король Многоземельный повёл свою команду по бесконечным душным лабиринтам. Уже перестали они отмечать ходы знаками, понимая, что все эти предосторожности бесполезны, тоннели петляли, водили спиралью, и каждый из них имел по три — четыре ответвления. Становилось всё жарче, Король, уже, снял хламиду и шёл, перекинув одеяние через плечо, давая возможность, следующим за ним по пятам товарищам, лицезреть дивные красоты королевского тыла.

Шли долго, привалов не делали, потому как уснуть на голодный желудок всё — равно не удастся. Но в конце концов, Заяц первый начал канючить:

— Я больше не могу идти, или несите меня или давайте отдохём, — стонал он, но видя

что никого, по — прежнему, этим не трогает, попытался припугнуть — вы как хотите, а я остаиваюсь, мне нужен отдых, можете идти дальше без меня, если осмелитесь!

Увы, угрозы не помогли косому, всем было, будто, плевать, что он останется один во тьме катакомб и, как они, впоследствии, будут существовать без него.

— У меня, уже, голова кружится от усталости, — жаловался Заяц, хватая сестру за хвост, что бы, хоть так обратить на себя внимание.

— Это не от усталости, — сказал Король, не сбавляя шага — у меня она, тоже, кружится. Эти тоннели заполнены газом. Потому привал здесь будет для нас последним в жизни, и потому же, нужно веселей идти, пока мы вдоволь не надышались.

— А как ты знаешь, что это газ? — не умолкал Заяц — А, вдруг, нет?

— Я его за свою жизнь нутром чуют научился, — пояснил Король — вообще, это очень полезная штука, добыча стоит сущие гроши, зато продавать его можно, как душе заблагорассудится! Но, вот, ироническая перспектива задохнуться тем на чём зарабатывал, меня никак не прельщает. Это всё — равно, что захлебнуться деньгами или быть задавленным золотом, потому меньше болтай и живее переставляй лапы.

— Живее не получается! — взвизгнул Заяц, который напуганный словами августейшего бросился вперёд, оставив всех позади, но тут, вдруг, почувствовал, что не может оторвать лапу от земли, она плотно увязла в какой — то густой липкой субстанции.

— Да что стобой опять приключилось? — проворчала Зайчиха — Одно наказание с тобой!

— Я ни при чём, оно само, — нелепо оправдывался Заяц.

— Стойте! — вскомандовал Король — неизвестно во что он влез, нужно быть аккуратнее, что бы и нам не вляпаться.

Его Величество присел и протянул руку с хрусталиком к Зайцу, осветив косоного зверька с головы до пят, тот стоял, увязнув задней лапой в высокую, похожую на муравейник, гущу, чёрно — коричневого цвета.

— Он вступил в говно, — диагностировал ситуацию Его Величество.

— Да ладно, — квакнул со смешком хитрый Лещ — зараза к заразе не липнет, тут, даже, не поймёшь, где что, — Лещ, как прирождённый жополиз, абсолютно не испытывал никакого дискомфорта от нахождения в загазованном помещении, так как дышал, привычными ко всему жабрами, и на фоне остальных, выглядел, здесь, довольно бодро.

Заяц, только, что и смог с ненавистью поглядеть на хитрую рыбу и начал быстро выкапывать лапу — товарищи не ждали. Король, почти, перешёл на бег, прижимая к носу край хламиды, когда, вдруг, путь ему внезапно преградила, почти, сплошная стена из сросшихся в столбы сталактитов и сталагмитов.

— Вот, зараза! — выругался Его Величество — Дальше хода нет, придётся поворачивать назад.

— Этого, только, нам не хватало! — Зайчиха выглянула из — за ног Короля — От куда это здесь, вообще, взялось? Мы же не в природных пещерах?

— Не знаю, — пожал плечами монарх — но нам, сейчас, не до исследований.

— Погодите! — фыркнул, подоспевший Заяц — Это та же дрянь, в которую я недавно вступил! Смотрите! — он ткнул в один из столбов пальцем, и палец легко вошёл в мягкое вещество, да по самый локоть — Я по запаху опознал!

— Раз опознал, за тобой и первый ход! — Король поддал косому носком под костлявый зад и тот, словно ядро, полетел вперёд, пробивая лбом колонны копролитов.

Но, увы, косой был слишком худ и мелок, и пробитая им брешь, едва пропускала через себя изящную королевскую руку, не говоря, уже, о целом Короле. Пришлось Его Величеству обратно облачаться в хламиду и, зажав нос, проталкиваться через копролитовую пробку, правда, благодаря чудесной магии пынеходов, ноги Короля совершенно не вязли в нечистотах, он проходил по ним, даже не оставляя следов, словно невесомый мотылёк пропорхнул над зелёным лужком, только крылышки заморал. Ну а, уж, в пролом оставленный Его Величеством мог протиснуться и бегемот, так что для Леща и Зайчихи, вроде бы не осталось препятствий, ах — нет, в отличии от королевских стоп, обутых в волшебную обувь, эти двое, вообще, были босы, да и вряд ли существуют в мире другие, такие чудесные пынеходы! Так что довелось им изрядно потолочь нечистоты, Зайчихе, так, вообще, оказалось по пояс, покуда они выбрались на другую сторону пробки. Но и здесь им некогда было, даже, отряхнуться, Король с Зайцем, давно ушли вперёд, и только маленький зелёно — голубой огонёк, как путеводный маячок, указывал путь.

На счастье, тоннель стал резко подниматься вверх, лиги на две — три, что хоть и изрядно вымотало путников, зато гарантированно увело из заполненных метаном глубоких переходов.

Этот марш — бросок окончательно изнурил путников, даже, неутомимый Король в волшебных пынеходах, напрочь, лишился сил, и упал на землю, стянув с себя перепачканную экскрементами хламиду он подложил её себе под спину и вытянул уставшие ноги.

— Так что? — Зайчиха села, облокотившись о стену тоннеля — Мы и дальше будем делать вид, что ничего не заметили?

— А что тебя беспокоит на этот раз? — тяжело произнёс Его Величество пересохшими губами.

— Как что? — возмутилась Зайчиха — там, внизу! Кто наложил эту кучу? Я не видела, что б это был ты! А нам — то, вообще, и нечем. Так кто это сделал? Или что? А не то ли это создание, которые и попрогрызало все эти ходы? То которое ты посчитал давно исчезнувшим?

— А может оно в незапамятные времена нагадило? — предположил Король — Специально, что бы мы, в будущем, вступили?

— Какие незапамятные времена? — фыркнула Зайчиха — Всё было свежее, тёпленькое!

— Конечно тёпленькое, — согласился августейший — здесь жара — то какая? Чай можно вскипятить.

— Ты, действительно, такой идиот или нарочно меня доводишь? — не поняла Зайчиха.

— Действительно довожу, — ляпнул Король первое, что пришло в голову.

— Ты, хоть, представляешь себе какого размера нужно иметь... — Зайчиха призадумалась подбирая подходящее выражение, но так и не смогла — какого размера должно быть то что смогло навалить такую гору? И оно, должно быть, где — то рядом, ползает по этим тоннелям, а мы увидим его, только когда, уже будет поздно!

— Не разводи паники, — отмахнулся от предупреждений косой мошенницы Король — я знаю, что это здесь ползает и гадит. Просто вам не хотел говорить, ибо вы трусливы, как зайцы.

— Ну так давай, просвети нас, — предложила Зайчиха и, громко сопя, полностью опустила на жаркую землю.

Король набрал воздуха в лёгкие и начал свою историю:

— Слышал я одну легенду...

— О двух братьях пересказ? — предположил Заяц.

— Нет, — отверг догадку августейший — другую. Тысячи лет назад, На далёком — предалёком севере, на самом полюсе, среди безжизненных льдов и снежных барханов, омываемое чёрными холодными морями, существовало великое царство — государство.

— Это как же может существовать царство среди безжизненных льдов? — перебил Короля Заяц.

— А так! — Величеству не нравилось, когда его прерывают — Да будет тебе известно, что хлопы — эта такая гадская сволочь, что везде заводятся, а, коли есть хлопы, то, естественно, над ними обязательно есть высший правитель, который ими повелевает, без этого никак. Видал ли ты, что бы где — нибудь хлопы сами по себе существовали? Вот то — то и оно! А владел тем северным царством великий и могучий царь.

— Такой как ты? — снова перебил Заяц.

— Послабее, — вывел сравнение в свою пользу Его Величество — и хоть и был он сказочно богат, но никому в этом не признавался, так как был необычайно скромн, а обувался он в самые обычные волшебные пынеходы. Вот в эти самые, — Король приподнял ногу, вытянув носочек стопы с подвисшем на нем пынеходом — но однажды, подлейшим образом, — продолжал повествование Его Величество — у царя похитили его любимейшие башмаки! И великий справедливый царь, не выдержав разлуки, решил отыскать похищенную обувь, а так как сам он, уже, много лет жил в глубоком подземном бункере, то и стал он, прямо из него, прогрызать норы и по ним путешествовать по всему свету. И ползает с тех пор царь севера в земных недрах, и рыщет, где же его волшебные пынеходы, кто их носит? И не поздоровится тем у кого он их обнаружит!

— Подожди, — Зайчиха закашлялась, душный жаркий воздух совсем иссушил ей горло — ты хочешь сказать, что с самого начала знал, куда мы попали и с чем можем столкнуться?

— Я же тебе только что об этом рассказал, — раздражённо признал Король.

— То есть, тебе доподлинно известно, — развивала мысль Зайчиха — что эти норы прогрызло мастадонское пресмыкающееся из мезозойской эры, беспощадное и крайне жестокое существо, как, собственно, все самодержцы. И целью проведённых им колоссальных земляных работ являются те самые тапочки в которые на данный момент ты обут. И зная всё это, ты не снял их! Мало того, что ты подвергаешь опасности свою жизнь, жизнь этих двух дурней, — она кивнула на Зайца и Леща — но ты ещё и рискуешь моей бесценной особой! Ты должен сейчас же избавиться от этих пынеходов! А ну — ка, давай, снимай! — она схватила Короля за ногу и попыталась сорвать с него обувь.

— Руки прочь от Короля! — выкрикнул Его Величество и лягнул ногой так, что Зайчиха влипла в земляную стену тоннеля.

— Придурок! — в истерике она била лапками по земле — Ты что не понимаешь, что от этой обуви нужно как можно скорее избавиться?!

— Если я это сделаю, — августейший устало зевнул — то получится, что этот царь главнее меня, а это недопустимо! Я самый главный в мире!

— Ты самый главный в мире дурак! — сообщила монарху радостную новость Зайчиха — И если ты решил погибать, дело твоё. Я же за твою дурь жизнью жертвовать не намеренна. Я ухожу, немедленно, сейчас! Только отдай мне хрусталик.

— Выкуси! — Король продемонстрировал Зайчихе фигуру из трёх пальцев.

— Ну и ладно, я и так пойду, — не унывала Зайчиха — без света, оно, даже, безопасней. Именно из — за этого светильника вас и найдёт подземное чудище! Цари света не любят!

Как известно, все выгодные дела совершаются в темноте, — она резко поднялась, словно, и в заправду, собиралась уйти, но, вдруг, лапы её подкосились и она осела.

— Ничего у тебя не выйдет сестрица, — грустно сказал ей Заяц — мы так обессилены голодом и жаждой, что, уже, не сможем ступить и шагу.

— Этот мелкий гадёныш совершенно прав, — с трудом произнёс Лещ, на котором обезвоживание сказывалось особенно сильно — если мы не пополним наши организмы жидкостью, то скоро нам, уже, не будет страшен ни подземный царь, ни что — либо иное.

— Это потому, что мы будем бесстрашными? — Короля привлекла такая идея.

— Это потому, что мы будем неживыми — с, — огорчил монарха рыба — нам срочно нужно добыть жидкость!

— Где мы её возьмём? — печально вздохнул Король.

— Я могу подсказать где, — Лещ запрыгал на хвосте и его чешуя заиграла лучах света — раз уж мы оказались в экстремальных условиях и вопрос идёт о выживании, то здесь все средства хороши, не может быть никаких табу! — он испытующе посмотрел на спутников, но их взгляды выражали полное непонимание, значит придётся выразаться проще — Не нужно погибать всем, когда достаточно пожертвовать кем — то одним — с. Смерть одного подарит жизнь оставшимся, по — моему это справедливое решение, хотя и вынужденное. Перестаньте, наконец, бояться этого средства, ибо никакого другого у нас нет, это — каннибализм — с!

— Да мы и не боимся, — вяло произнесла Зайчиха — только вот кого мы есть будем? Думаешь найдутся добровольцы?

— Как кого — с? — удивлённо квакнул Лещ — Я полагал, что это вопрос решённый. Чего же тут раздумывать? Я предлагаю выдвинуть на почётный пост нашего спасителя самую подходящую кандидатуру — Зайца!

Косой, который от усталости, с трудом вникал в обсуждение, услышав своё имя, сразу встрепенулся.

— Ну уж позвольте! — закричал он — Я никуда не выдвигался! И уверен, что мою кандидатуру никто не одобрит! Правда же, сестрица? — он посмотрел в холодные косые глаза сестры и прибавил с мольбой — Правда же? ...

Но Зайчиха, не сказав ни слова, прыгнула на брата и прижала его лопатками к земле.

— Я полностью поддерживаю твою кандидатуру, братец, — просипела она, глядя сверху вниз на брата.

— А что скажет мой любимый Король? — Лещ заискивающе поклонился августейшему.

— Он полностью одобряет твой выбор, — Король медленно, с помощью угодливого Леща, встал на ноги — а значит и голосования никакого и не требовалось, ибо слово короля — закон! — закончил он.

— Точно — с так! — поддакивал хитрая рыба.

Король и Лещ встали над Зайцем, у того безумно вращались зрачки и громко стучали зубы.

— Да ты не бойся, — успокоил его Король — ничего такого страшного не произойдёт, мы тебя съедим и всего — то делов. Подумаешь. А ты, вон как, распереживался.

— Попасть на королевский стол, это — честь! — хихикнул Лещ, плотоядно потирая плавники.

— Ну, не будем затягивать, — сказал Его Величество — Лещик, голубчик, подайка мне вон тот камушек, — попросил он рыбу.

Лещ тут же нагнулся, подобрал указанный камень и подал Королю.

— Что — то легковат, — прикинул Его Величество, взвесив камень в руке — а ну — ка, Лещик, подай мне лучше вот этот, он, с виду, побольше будет, — и монарх носком ноги подтолкнул желаемый камень.

Лещ, так же стремительно, как и в первый раз, нагнулся за камнем, но в тот момент, когда сплюснутая голова рыбы, оказалась подле королевского колена, Его Величество неожиданно ударил его камнем по темени.

Лещ рухнул под ноги Королю и забился в конвульсиях, выгибая чешуйчатое тело с разкрывшимся спинным плавником. А Король продолжал наносить рыбе удары по голове, и при каждом ударе камень с глухим мерзким звуком бился о рыбий череп, пока, наконец, Лещ не затих, испустив дух.

Зайцы ошалело глядели на происходящее, Зайчиха так и продолжала сидеть на брате не убирая лап с его горла, а сам косой, словно и забыл о сестре, до того он был шокирован происходящим.

— Что уставились? — Король разогнулся и отёр со лба градинки пота — Я же вам сразу говорил, что эта рыба — очень нужный и ценный компаньон, а вы не верили. Не зря же я — Король, я всё продвигу! А что должен иметь всякий король на чёрный день? А? Конечно же — жополиза! Они незаменимы в сложной ситуации. В сытые дни ты их откармливаешь, а когда приходит голод — они первыми идут на корм.

— Вот оно что! — облегчённо протянула Зайчиха и скатилась с брата — А то, ведь, мы подумали, что ты, совсем, спятил и, сейчас, всем головы попраламываешь.

— Пока нет, — обнадёжил Зайчиху Его Величество.

Тушу хитрой рыбы, даже, не стали чистить от чешуи, да и не чем было. Голодная троица набросилась на бездыханного жополиза, Король отбивал камнем куски мяса и глотал их, почти не жуя, Зайцы прогрызли рыбе брюхо и наслаждались нежным ливером, громко чавкая и рыча друг на друга. Мясо у Леща было нежное, практически без косточек, Королю этот жалкий Лещ показался вкуснее всех осетровых, каких он только не пробовал, Величество с наслаждением впихивал в рот белёсые куски мяса и рыбий жир, который Лещ скопил честной службой на железной дороге, потоком стекал по королевской бороде, уже ставшей похожей на древнюю — предревнюю половую тряпку.

Лещ, оказался очень сочный, и не съев и половины туши, Король и зайцы почувствовали, что неотступно мучавшая жажда, наконец покинула их. Но кушать не прекратили. Только когда от хитрой рыбы остался один костяк с головой, едоки, с раздутыми животами, громко срыгивая, расползлись в стороны, что бы расслабившись, дать желудкам переварить чрезмерную трапезу.

Король сидел, оперевшись спиной о стену тоннеля и сытым умиротворённым взглядом глядел на голову Леща с раззявленным большегубым ртом, таращившуюся выпученными глазами из — под крошечных очков, словно выражая неизмеримое удивление произошедшим.

Его Величество протянул большую волосатую ручищу и притянул рыбью голову к себе.

— Бедный Лещ, я знал его, — заговорил Король глухим трагическим голосом — это была рыба бесконечной хитрости, неистощимый на уловки и обман, он тысячу раз целовал меня в задницу! Уж боле не движутся губы, которые перелобзали, не знаю сколько, седалищ. Где теперь твои богатства, высокие посты, что планировал ты занимать? Где ложь с коварством — орудия твоих трудов? Ничего в запасе, что бы повеселить меня в последний

раз? Так и останешься ты, позабытый всеми, под толщею непроницаемой земли, тот Лещ, насмешник по любой был теме, вот косточки белеют здесь чьи...

— Хорошо сказал, — утёр скупую слезу Заяц.

— А я бы ещё одного леща съела, — высказала искренние чувства Зайчиха.

— И я тоже, — вздохнул, повесив единственное ухо Заяц — и я тоже...

— И я!!! — внезапно донёлся из черноты тоннеля скрежещущий голос, и эхо многократно повторило за ним — и я, и я, и я!!!

У зайцев, сразу же, сердце упало в пятки, а Король подскочил вытянув перед собой хрусталик, словно пытаясь защититься им.

— Ха — ха — ха!!! — покатился по подземельям дьявольский смех.

У зайцев от страха застучали зубы и они укрылись за ногами Его Величества, прижавшись лбами к могучим слоновьим щиколоткам.

— А у нас в квартире газ! А у вас? — надрывно прокричал ужасный голос.

— Оставь нас, что бы ты ни было! — попытался отпугнуть непрошенного гостя Король

— Иначе отведаешь королевских пощёчин! — он угрожающе выставил ладонь, но было видно как она предательски дрожит.

— Ха — ха — ха!!! — рассмеялся голос на угрозы Короля и, внезапно, словно впад в неистовое бешенство, выкрикнул — Если бы у бабушки были половые органы мужчины!!! А — а — а!!!

— Что это? — дрожала Зайчиха — Вы тоже это слышали? Про бабушку?

— Да, слышали, — напряжённым тоном подтвердил Король.

— Это же допотопные шутки! — взвизгнула Зайчиха — Древние как сам мир. Из самого мезазоя! Ещё завроподы так юморили...

— А это может означать, только, одно, — у Зайца от ужасной догадки перехватило дыхание и он, со свистом, сказал — доисторический подземный северный царь!!!.

— Прочь поди! — Король угрожающе выкатил глаза и выпятил челюсть — я не побоюсь надавать тебе пощёчин, хоть мы с тобой и братья — государи!

— Кто решил утопиться, того нельзя спасти! — ответил Королю сухой мерзкий голос, которым казалось говорила сама тьма.

— Что он несёт? — не понимал Его Величество — Это же какой — то несвязный бред!

— Может он нас боится? — предположил Заяц и, наконец, решился выглянуть из — за ноги государя в непроглядную тьму тоннеля, и там, словно почувствовав, взгляд косых заячьих глаз, выпыхнули два голубоватых огонька, при чём левый, насмехаясь, подмигнул косому.

— Оно приближается! — пискнула Зайчиха, закусив от волнения кулак.

Тоннель затрясся, на головы Короля и зайцев посыпались камни, по тоннелю, пыхтя и булькая протискивалось что — то гигантское, и уже становились видны не только его, горящие голубым светом глаза, но и белёсые контуры, безобразной формы.

— А — а — а! — закричала Зайчиха и, сломя голову, ринулась бежать в непроглядную темноту подземных ходов, всё равно куда, лишь бы подальше от надвигающегося ужаса.

Заяц, не заставив себя долго ждать, бросился за сестрой.

Его Величество проделжался на мгновенье дольше, но, едва поняв, что остался в гордом одиночестве, кинулся следом за зайцами, которых вскорости и настиг, благодаря волшебным пынеходам и свету.

Зайцы, уже успев понять, насколько замедлен бег вслепую, уловив момент, когда

монарх поравнялся с ними, запрыгнули ему на ноги, и, ухватившись изо всех сил за длинные жёсткие волосы, которыми были укрыты ноги августейшего, понеслись верхом на Короле.

Его Величество накрыло адреналиновой волной, он совершенно не чувствовал вцепившихся в щиколотки зайцев, которые зубами, что бы не упасть, вцепились в мягкую изнеженную кожу королевских ног, не чувствовал он и усталости, ни горячего, обжигающего лёгкие воздуха, едва разбирая перед собой извивавшийся, словно змея, тоннель, и всем существом ощущая как сзади, гремя, будто тысячами ног, гонится за ним кошмарный северный царь.

Король никуда не сворачивал, понимая, что запутать хозяина подземелий в его же коридорах никому не удастся. Хотя, на какое — то мгновение ему показалось, что он больше не слышит преследователя, он, даже, немного притормозил, что бы бросить короткий взгляд назад, и напрасно!

Прямо за своей спиной Король увидел кривую уродливую конечность, протягивавшуюся из темноты, что бы схватить его, воспользовавшись заминкой, но тут Его Величество рванул так — волшебные пынеходы ему в помощь!

Жуткая клешня успела только вырвать клочок волос со складчатой королевской спины.

Сердце в груди ревело, как мотор, в висках гудело — Великий Король Многоземельный, воя как истребитель, летел по непроглядному подземелью. Сколько он ещё продержится? Даже волшебные пынеходы не смогут нести его вечно, с такой — то массой.

Мимо монарха мелькали чёрные дыры — множества ответвлений, но Король продолжал придерживаться избранной тактики — только вперёд! И, вдруг, резко остановился, в проходе справа, что — то слабо поблёскивало и августейший рванул туда.

О, счастье! Они оказались в кротовине, не такой высокой, как предыдущая. Солнечный свет, мягкий и тёплый, спускаясь с поверхности доставал, почти до самого дна мрачного подземелья. Быстро оглядев кротовину Король аж подпрыгнул от радости — в отличии от той, в которую они провалились, стены этой кротовины осыпались и по грудам земли и камней, при желании, можно было выбраться на поверхность.

— А где моя сестра? — неожиданно задал неуместный вопрос Заяц, спешившись с щиколотки монарха.

— А я почём знаю, — Королю оказалась глубоко безразлична судьба старой Зайчихи.

Заяц в ответ лишь хмыкнул, он полностью разделял отношение августейшего к сестре.

— Она утонула! — внезапно подсказал им жуткий голос подземного царя.

Оба, как по команде обернулись, и увидели, быстро приближавшиеся, горевшие всё тем же дьявольским голубым огнём, злобные глаза.

Король и Заяц стремглав полезли вверх.

Косой, лёгкий и проворный, сразу же оставил позади Его Величество.

Король, высокий и грузный, с трудом поднимался по гладким камням, которые то и дело, уходили под его колоссальной массой. Поначалу Король, вообще орудовал, лишь одной рукой, ведь в правой он продолжал удерживать хрусталик, но когда он добрался до середины кротовины, где уже было достаточно солнечного света, что бы хорошо различать путь, монарх закинул хрусталик в рот, ощутив на языке его ультрафиолетовое тепло, и подъём пошёл гораздо быстрее.

Выскользая из — под рук, камни летели глубоко вниз, звуки ударов от их падения, гулким эхом, словно в колодце, поднимались до самого верху.

Король, уже, не видел над собой костлявого вылинявшего заячьего зада, зверёк, не

дожидаясь государя, успел вынырнуть на поверхность, но помощи ждать от него было напрасно.

Сам же Король, натурально не понимал, как у него всё ещё хватает сил, что бы карабкаться, по ставшему почти вертикальным, склону, он сейчас, вообще мало что понимал, но яркий белый, заливающий всё солнечный свет, подсказывал ему, что осталось совсем немного.

Вот он, наконец край уступа!

Король ухватился за него широкой, сбитой до крови ладонью, ещё усилие, и его голова поднялась из кротовины, а глазам его предстал поросший сочной зеленью луг.

Король ухнул и выкатился на поверхность, но в последний миг он с ужасом почувствовал, что его, зависшую на пропасть кротовины ногу, обкрутило холодное липкое щупальце.

Король тут же вырвал ногу и подскочил, обернувшись лицом к преследовавшему его ужасу.

Подслеповато шуря большие белёсые глаза, давно отвыкшие от дневного света, перед Королём, на самом краю кротовины, стоял древний — предревный гном, практически голый, плешивый, с припухшими веками и морщинистым лбом, полуголый. Очень маленький, даже для гнома, он едва доходил Королю до середины голени.

Его Величество остолбенел от неожиданности.

— Отдай! — зашипел гном и бросился на пынеходы, вцепившись в них своими жадными липкими ручками — Они исконно мои!

Королю стало гадко, и он, даже не отдавая себе отчёта, отшвырнул мерзкое существо лёгким пинком ноги.

Но пинок этот оказался не таким лёгким для гнома — его высоко подбросило, и перекувыркнувшись в воздухе, он, как мячик для гольфа, нырнул прямо в кротовину, прокричав напоследок, тем самым голосом, который так напугал наших путников, когда они были в плену катакомб, но здесь, на зелёном лугу, при свете солнца он прозвучал совершенно не страшно, а, скорее, противно и надокучливо, подобно комаринному писку:

— Я буду преследовать вас везде! — кричал гном, и голос его стремительно удалялся — И в сортире замочу — у — у!!!. — пригрозил он напоследок.

Король подошёл к шахте и склонился над ней, но там, уже, никого не было видно...

Король стоял абсолютно нагой, его убогое одеяние была брошено в паническом бегстве и навеки осталось в лабиринте подземелий. На всём внушительном теле Его Величества не осталось ни одного чистого места, весь перемазанный грязью в перемешку с потом, укрытый многочисленными ссадинами, со слипшейся грязной бородой, и торчавшей в разные стороны густой вздыбленной шевелюрой — как мало он теперь походил на себя, какой — нибудь двухнедельной давности, как мало, оказалось, надо времени, что бы сошёл весь лоск изысканного небожителя, уступив место, совершенно дикарскому образу.

— Ты, хоть бы, срам чем — то прикрыл, — услышал Король укоризненный и вместе с тем насмешливый голос.

Говорила Зайчиха.

Она, как раз таки, первой выбралась на поверхность, пока Король и Заяц ориентировались на местности, и ожидала результата, нежась на мягкой травке под тёплым солнышком.

— Нечего мне красоту скрывать, — уныло ответил Кроль, осматривая себя.

Он до того вывозился в грязи, хорошо налипшей на потное тело, что был, практически, в грязевом костюме.

— Вы, опять, трепетесь без толку, — вмешался Заяц — а меж тем, лучше бы вы осмотрелись! Знаете, где мы оказались?

— Понятия не имею, — коротко ответила Зайчиха.

— Опять, дыра какая — нибудь? — предположил Король.

— Дыра — то, дыра, — согласился Заяц — но что за дыра? Это же мой совхоз, где я председательствовал. Всё знакомые места! А значит, пока мы блуждали в подземельях, мы пересекли границу!

— И зачем я вас с собой взял? Выходит и сам бы справился, бесплатно, — начал догадываться августейший.

— Ты это брось! — насупилась Зайчиха — Ты нам и без того много должен. Особенно мне! Тем более, дело далеко не кончено, мы, даже, твоего тестя, пока, не видали. Неизвестно, что он, ещё, скажет нам.

— И слова против не посмеет мне сказать, — уверенно заявил августейший.

— Ты, точно, в этом уверен? — с сомнением спросила Зайчиха — А то, как бы, у твоего дорогого тестя, нас, просто — напросто, в темницу не бросили. Чего, спрашивается, столько добирались?

— Есть у меня на него средство безотказное! — уверил Король Зайчиху.

— Можно узнать, какое именно? — Зайчиха хотела точно убедиться в возможностях августейшего.

— Дело в том, — пояснил Король — что моя жена — это к тому же и дочь моего тестя.

— Чудеса! — восхитилась Зайчиха — И как ты до этого догадался? Сам?

— Не совсем, — сознался монарх — она мне сама подсказала. Да и куда ей было деваться? Не будь он её отцом, я бы ни по чём её замуж не взял!

— Так, подожди, — остановила Зайчиха поток королевского сознания — ты можешь, по — простому, объяснить, в чём заключается твоё всеобъемлющее влияние на тестя?

— Всё очень просто, — развёл руками Король — если он мне, хоть на копеечку меньше

даст, чем я затребую, то я отправлю к нему свою жену, его же дочь, и она такую истерику там закатает, что он даст мне вдвое больше. Потому — то он сразу согласится на все мои требования, что бы не потерять больше.

— Мда — а — а... — протянула Зайчиха — какой — то, уж больно ненадёжный метод. Не реалистичный.

— Сестра, не говори глупостей, — сказал Заяц — ты же видела Королевство Малоземельное, родину нашего Короля! Будь бы этот метод не действителен, как бы этот убогий заморашка стал хозяином Королевства Многоземельного? Сама — то скумекай, что к чему...

— Так — то оно так, — задумалась Зайчиха — да как — то сказочно выходит, кому не расскажи — не поверят.

— Это ещё что, — произнёс Его Величество — ведь, на самом деле, я должен был быть ещё, во сто крат, богаче и величественее. В юности, когда я активно торговал собой на диком брачном рынке, и уже успел познакомиться с родителями будущей жены, Закатиглазки, и не только познакомиться, но и смирить их с мыслью о том, что нам доведётся породниться, и они, уже, отплакав своё, совершенно сдались на мою милость, как тут, абсолютно внезапно, мне выпал, воистину, счастливый жребий.

Сватовство Принца Малоземельного

(сказка — быль)

В парке королевского дворца, на большом лугу, размером с два футбольных поля за чаем сидело всё королевское семейство. Король — отец, королева — мать, ихние двадцать сыновей и двадцать дочерей, включая любимую дочь — Закатиглазку, которая сидела по левую руку от матери, расположились за огромным, эллипсообразным столом, ослепительной белезны, уставленным трёхярусными подносами с пирожными, пятиярусными тортами, как шоколадными, так и сливочными, клубничными десертами в высоких хрустальных вазочках, и разноцветными шариками мороженого, красиво сложенными пирамидкой и посыпанными тёртым шоколадом. Чай был разлит в древнеримский фарфоровый сервиз, найденный при раскопках Геркуланума. Всё семейство, под стать столу, было разряжено, в белые шёлковые одежды, а у дам были к тому же газовые шейфы, и над головой каждой, лакей, удерживал белый бархатный зонтик, от чего всё семейство, само, походило на упаковку белково — воздушных пирожных.

Несмотря на блестящую сервировку, за столом наблюдалось некое уныние у всех, кроме младших братьев — тройняшек, которые задорно хохоча, вели ожесточённую перестрелку шариками мороженого, используя серебрянные ложечки, как катапульты, при чём, под обстрел часто попадали и, кружившие подле стола лакеи в вышитых золотом ливреях, и когда, в очередной раз, стоявший с невозмутимым видом, седовласый лакей получил прямой наводкой в лоб, Король — отец не выдержал:

— Уймитесь сейчас же, сорванцы! — выругал он сыновей.

— Не бранитесь, голубчик, — обратилась к Королю жена — ничего страшного они не сделали, лакеи, ведь, не люди.

— Да я не из — за этого, — Король нервно помешивал ложечкой в чашке — мне всё это сватовство претит, не по душе мне оно, вот и нервничаю!

— Сохраняйте спокойствие, — порекомендовала Королева — мать — вы же тоже, когда — то сватались.

— Попрошу не сравнивать! — тоненькие усы Короля — отца встали в стороны, как стрелки часов, указывавших на три и девять — Почему он опаздывает на собственное сватовство о точном времени которого мы уговорились заранее? Он, разве, не знает время? Знает! Я ему, третьего дня, преподнёс в подарок часы Vreguet, не хуже, чем у самого патриарха.

— Может он их забыл завести? — предположила Королева, обмахиваясь кружевным веером.

— К нему, уже, трижды отправляли нарочного, — просипел Король, стараясь, что бы остальные домочадцы, не уловили его раздражения — и знаете что? Даже третий застал его, ещё, в апартаментах! В апартаментах, которые, между прочим, я ему оплачиваю.

— Допустим не вы, а бюджет, — поправила мужа Королева мать.

— Да какая разница? — проворчал Король и сделал глоток, уже, холодного чаю — Всё, что в бюджете, так или иначе, переключает на наши счета, ну не на социалку же их отдавать, право слово?

— Напрасно вы сейчас сожалеете о трагах, — мягко пожурив мужа Королева — если вы к таким мелочам так серьёзно относитесь, то как же вы расстанетесь с приданным? Вы же понимаете, что он запросит немало?

— А с какой стати?! — вскипел было Король, но, тут же, взял себя в руки и, уже, полушёпотом, продолжил — С какой, извините меня, стати, я должен отдать всё, что заработал честным трудом, этому разгильдяю?

— Это условие, мой дорогой, которые он нам поставил, — прикрыв лицо веером, сказала мужу Королева — ты же помнишь, иначе он Закатиглазку замуж не возьмёт.

— Вот и пускай не берёт, — прошептал Король, стараясь что бы его никто не услышал — мы будем, только, рады! Кому он сдался? Шантрапа, голодранец! Я не желаю ему столько платить!

— Вы это бросьте, папинька, — неожиданно вклинилась в разговор Закатиглазка, хотя, монаршая чета была уверена, что она ничего не слышит — платите сколько запросит, не вздумайте начать торговаться, а то знаю я вас.

— Да что ты в нём нашла? — не унимался Король — Мы тебя растили, лелеяли, будто других детей и не было у нас! Мечтали, что выйдешь замуж за достойного государя, ровню, воспитанного, образованного, что будет он тебя холить, пуще нас самих. Как же это так вышло, что нынче к нам сватается вот это?

— А очень легко вышло, — лукаво улыбнулась Закатиглазка и закрутила пальчиками, вырезанную из слоновой кости, десертную ложку — мы с ним, когда первый раз вышли на променады, он сразил меня, тем, что, совершенно безбоязненно, ни чураясь и не увиливая, задевал всякого прохожего, если, только видел, что тот не может дать ему отпора, будь то женщина, старик или малый ребёнок — всем досталось! За нашу короткую прогулку, он собрал целых три погремущки, которые вырвал у младенцев из колясок, это, несмотря на то, что они упирались и безбожно вопили, за что мой Принц подбил глаз мамаше, каждого из крикунов. А когда мы, уже, возвращались во дворец и проходили через детскую площадку, он отнял у одного карапуза свистульку и дудел в неё, что было мочи всю дорогу, поставив на уши несколько кварталов многоэтажных домов, до тех пор, пока какой — то грубиян, стоявший в одних семейных трусах на балконе, пригрозил, что если Принц не прекратит музицировать, то он засунет ему эту свистульку... короче, сами видите, папинька, как тут было не потерять голову!?

— За что мне это наказание? — покачал головой Король — отец и накапал себе в чай сердечных капель — А хоть не сильно пьёт? — с тревогой спросил он.

— Так в том — то и дело, что вовсе не пьёт! — ответила Закатиглазка — Разве что полбокала изысканного вина за обедом, а так, ни разу в жизни, не напивался до пьяну. Это меня, поначалу, сильно насторожило. Как это — непьющий? Куда это годится? Но я быстро поняла, что с его дарованиями напиваться ни к чему. Иной запойный пьяница за всю жизнь не натворит такого, что мой Принц за один день набедокурить может.

— Ой — йой! — выдохнул Король.

— Будет вам вздыхать, — сказала Королю Королева — сами же слышали, что жених одарённый, достойная партия нашей дочери будет. Такой человек — нигде не пропадёт, коли умеет отнимать чужое.

— А как он наше отнимет? — заметил Король — Что — то вы тогда скажите?

— А вы, папинька, дайте за мной столько приданого, что бы ему, уже, не лезло, — поддержала мать Закатиглазка — тогда ему у вас ничего отнимать и не понадобится.

— Это всё ты виновата, — упрекал жену Король, на которого не действовали никакие внушения — это всё твоё воспитание!

— А что плохого в моём воспитании? — удивилась Королева — Ничему дурному я дочь не учила.

— Да? — Король — отец выпучил на жену глаза из — под золотой оправы маленьких очков, висевших у него на носу — А кто её раздавать милостыню приучил?

— В том, что мы каждое последнее воскресенье месяца, выезжали раздавать нищим подавание, не было ничего зазорного, — оправдывалась Королева — мать, но голос её дрогнул — я же не виновата! — неожиданно всхлипнула она — Разве ж я могла различить?! Когда к нашей карете подступила толпа нищих, как и всегда, я велела страже допустить их, что бы мы

, с Принцессой, одарили их мелкой монетой. Как я могла разглядеть в толпе тех несчастных и Принца Малоземельного, он же схож был с ними, как две капли воды, так же оборван, грязен, завшивлен. Да я и слова вымолвить не успела, когда, этот жалкий оборванец, запрыгнул к нам в карету, да уселся рядом с Принцессой! Я, было, приказала, за такую наглость, бить его палками, пока, шкура не сойдёт со спины, но было уже поздно! Он, уже, успел, очаровать нашу дочь, сказав ей всего — то пару слов и, как только, стражники стали тащить его за ноги из кареты, тут — то наша Принцесса давай глаза закатывать и в обмороке биться, так что пришлось его оставить, — Королева уронила большую горькую слезу в чашку с чаем.

— Это все ваша глупость довела, — укоризненно говорил жене Король, но всё же голос его смягчался — не стоило вам, непосильно нажитое, раздавать всяким бездельникам, сброду. Вот, теперь, и получили. Да уж ничего не попишешь...

— Да я сама три ночи проплакала, — призналась мужу Королева — но вы же знаете нашу дочь, она если чего пожелает — вынь да положь, иначе глаза закатит, что нам жизнь не мила станет.

— Это да... — грустно согласился Король, и Королева, ободряюще, сжала ему руку.

— Долго мы, ещё, этого хама дожидаться будем? — резко обернувшись к родителям, спросил один из королевских сыновей, по — видимому, самый старший.

— Действительно, это, уже, становится как — то унижительно, — поддержала его одна из принцесс — до чего мы дожили, какой — то плебей всю королевскую семью ни в грош не ставит!

Все принцы и принцессы, кроме младшей, Закатиглазки, дружно поглядели на родителей тяжёлым взглядом, явно давая понять, что полностью солидарны с мнением старших.

Король и Королева, даже, расстерялись от такого, неожиданного, внимания со стороны отпрысков.

Закатиглазка, прикрывшись белым куполом зонтика, быстро схватила мать за плечо и прошептала ей на ухо:

— Пускай замолчат!

— Молчать! — приказала Королева детям и хлопнула веером по столу.

— Возлюбленные наши чада, — Король — отец сделал глоток чаю и, прокашлявшись, продолжил — так как родилось вас свыше сорока, то мы, с вашей августейшей матерью, приняли решение, что приданное вы будете получать согласно майоратного права, только, слегка переиначив, получателем будет не старший сын, а младшая дочь.

— То бишь, все остальные будут бесприданниками? — уточнил старший сын.

— Не нужно говорить таких некрасивых слов! — одёрнула сына Королева — мать — Вы должны понять, что если мы разделим имеющиеся для приданного земли между всеми вами, то что же тогда останется от целого королевства?

— Я полагаю, что Королевство Многоземельное настолько обширно, — вмещалась старшая королевская дочь — что даже разделив его на сорок одну равную часть, на долю каждого придётся довольно солидный куш земель.

— А потом, что? — возмутилась Королева — мать — Дальше каждый из вас разделит полученные земли между своими детьми, а эти дети между своими и так далее и так далее, до тех пор пока совсем ничего не останется.

— Ну, вы уж, простите, маминька, — отвечала старшая дочь — а как же мы все, без приданного, сможем составить себе достойные партии? С бесприданниками ни один, уважающий себя, королевский дом, не пожелает вступить в брачный союз. Даа и не уважающий тоже...

— Вот и хорошо, — кивнула Королева — вот и славно, если кто не пожелает обручаться без приданного с вашей стороны, значит вам такой супруг и не надобен, ибо нужны ему одни только одни деньги, а не вы сами, и не к чему вам с таким брачеваться.

— Ну вы маминька интересно выразились, — только и нашёлся, что сказать старший сын — после таких слов хочется посидеть две минуты и подумать.

Закатиглазка обвела испытывающим взглядом всех братьев и сестёр, застывших после оригинальной отповеди Королевы, и, снова, припав к уху матери, зашептала:

— Пускай идут думать в другом месте. Гоните их!

— Как можно, доченька? — прошептала Королева, кося глазами на Закатиглазку — Ведь так неприлично.

— Не до приличий нам, маменька, — настаивала на своём Закатиглазка — они нам всё сватовство испортят, да и мой Принц их не жалует, может недовольным остаться и сватать меня не станет. А тут, уж, я такую истерику закачу, на всё королевство, вы меня знаете — упаду на мраморный пол в тронном зале и головой биться буду, не успокоите!

Королева бросила испуганный взгляд на Закатиглазку и поняла, что рассуждения здесь неуместны.

— Дети мои, — сказала Королева громко, что бы и крайние услышали — ступайте — ка в библиотеку и поупражняйтесь в скорочтении, и тройнят взять с собой не забудьте!

— Куда же нам ещё упражняться? — удивился старший сын — Самый младшенький, и тот, двести слов в минуту чтёт. Грамотные мы.

— Ты не понял, братец, — сказала ему старшая сестра — нас, элементарно спроваживают, дабы помехой не были, что бы, невзначай, не ляпнул кто из нас лишнего.

— Ах вот оно что, — старший брат повернулся к матери — так вы бы, матушка, так прямо и говорили, мол, ступайте детки, вас тут не надо. Мы вас верно поняли?

Королева замаялась, не в силах дать необходимый ответ.

— Дуйте отсЭдава! — не сдержалась Закатиглазка и сделала родственникам прощальный жест, обтянутой белой перчаткой, ручкой — Маминька, чего вы же молчите? — зашептала она матери — Пушай убираются!

— Ступайте, возлюбленные мои чада, — Королева повелительно склонила голову.

— Как? — словно проснувшись, воскликнул Король — отец.

— Успокойтесь, мой драгоценный, — Королева сжала ладонь мужа — вы же понимаете

— выбора у нас нет.

Сорок принцев и сестёр разом поднялись из — за стола, лакеи едва успели отодвинуть стулья, и ровные, с гордой посадкой головы, словно каменные статуи, двумя рядами, покинули застолье, и, даже, малолетние тройняшки, повторяя за старшими, задрали к небу носы и, чеканя, шаг, удалились, преисполненные гордости.

Король вздохнул и глотнул сердечных капель прямо из пузырька.

— Ну где же его носит? — он нервно забарабанил пальцами по столу — У меня же сегодня, ещё, и аудиенция, с коллегой по монаршеству, назначена.

— Ты, что, не мог её на другой день перенести? — упрекнула мужа Королева.

— Это не тот государь, с которым можно переносить встречи, моя душечка, — снисходительно ответил Король.

— Идёт! — радостно вскрикнула Закатиглазка и подскочила с места — Мой Принц!

— Дочь моя, проявите скромность, сядьте, — посоветовала Принцессе мать.

— Да идите вы! — махнула рукой на мать Закатиглазка и, прижав руки к груди, блестящими от счастья глазами наблюдала приближавшуюся фигуру.

Принц Малоземельный, широченными, уверенными шагами, ступал по зёлённому газону, стараясь, каждой ногой вдавливать траву поглубже в газон. Те кто видели Принца, только в зрелые годы, ни по чём бы не узнали в этом высоком юноше Короля Многоземельного, до того он был худ и сухопар, всего — то семи с небольшим пудов весу. Длинная чёрная, как смоль борода, взъерошенные волосы и сверкающие злобой глаза — всё было в нём прекрасно и гармонично.

Подойдя к столу, Принц громко выругался, что зашёл не с того края, и двинулся вдоль рядов пустых стульев, что бы занять место рядом с Принцессой. Идя, он не ленился, одаривать звонкой пощёчиной каждого встречавшегося лакея, а было их, ровно, по количеству стульев, но уже дойдя до Принцессы, он спохватился, что без его фирменного подарка осталась вторая половина лакеев, державшая пост на противоположной стороне стола.

Он вздохнул, и мужественно пошёл, дальше, по кругу, отвешивая пощёчины бессловесным лакеям, и, окончив, очутился точно в том месте, где и начинал свой нелёгкий путь, что поделаешь, пришлось отхлестать повторно, уже, получивших своё лакеев, но иначе, до Принцессы было никак не добраться.

— Фух! — выдохнул Принц и упал на стул рядом с Закатиглазкой — Пока до вас добрался, чуть без рук не остался!

Король — отец покосился на будущего зятя — одет он был необычайно, на ногах грязные пакеты, сам укутан в старую дырявую мешковину, подпоясанную, куском бичёвки.

— Что же вы, любезный Принц, в таком виде явились? — с трудом выговаривая слова, обратился Король к зятю — Я же вам новый фрак справил, отчего вы не в нём сегодня?

— Я, папаша, пока, ещё, не понял, как эти тряпки поверх себя натягивать, — Принц захватил в пригоршню с полдюжины пирожных и отправил в рот — уж больно мудрённое дело. Всё утро с портками промучался. Как вы в них запрыгиваете. Я сколько не старался, только одной ногой в штанину сумел попасть, двумя — ни разу!

— Что? — Король — отец поперхнулся — Помилуйте, я к вам камердинера приставил, что бы он помогал вам облачаться.

— Всё верно, — кивнул Принц, громко чавкая и присёрбывая из чашки чай — он — то портки и держал на весу, пока, я пробовал в них запрыгнуть, но, как видите, ничего, пока, не

вышло. Но не беспокойтесь, я за это вашего холопа выпорол так, что неделю на ноги не поднимется.

— А опоздали — то вы из — за чего? — Королю хотелось высказать всё, что на душе накипело — Часы — то вы надеть смогли, вижу — на вас они. Что же помешало вам явиться вовремя?

— А, это! — Принц поглядел на инкрустированный бриллиантами циферблат часов — Так я, пока что, цифирь ещё не изучил, так что по мне — пёс его знает чего эти часы показывают.

— Не изучили цифирь? — Король — отец откинулся на стуле, а на лбу его выступила испарина — Как же вы, любезнейший, деньги считаете? Это — то вы можете? Считать деньги. Особенно мои.

— Конечно умею! Чай не дурак! — Принц постучал себя по груди, что бы протолкнуть проглоченный целиком кусок торта и громко срыгнул — Деньгу я различаю по цвету, да по портрету.

— Какой толковый! — похвалила будущего зятя Королева — мать, решившая как — то подсластить пилюлю.

— Мне тут, между прочим, дочь вас хвалила, — вцепился в зятя Король — отец — что вы за семнадцать лет жизни умудрились ни единой книжки не прочесть.

— Ну, не хочу хвастать, — Принц сунул палец в чайник с заваркой, что бы проверить, горяча ли она и оценив, как приемлемую, сербнул прямо из носика — но я, не то что книжки, строки в жизни не прочёл, даже объявления, я вообще грамоты, этой вашей, знать не знаю! Не желаю, голову себе такой дурью забивать.

— Как же не знаете? — удивился Король — А кто позавчера на стене дворца, гвоздём нацарапал бранное слово? Я с балкона видел, что это были, именно, вы! И буквы вы вывели такого размера, что я смог их прочесть, а, сейчас, говорите, что грамотой не владеете.

— Во — первых: слово я написал специально для вас! А во — вторых: дурак — ты, папаша, — нисколько не стеснялся Принц — это что же, ради десятка необходимых слов учить всю грамматику? Да я и без того знаю как их рисовать. Вот! — он взял шарик шоколадного мороженого и на белой скатерти, большими буквами, написал нецензурное слово — И как оно читается я знаю! — гордо заявил Король и громко произнёс вслух написанное — Я, вообще, много знаю! — заверил он и посыпал выражениями — На...! В...! За...! По...!

— Довольно — довольно, мы вам верим, — остановил зятя Король — я, ведь, к чему веду? Вскорости вам предстоит править громадным королевством, для чего, очень не помешает, обучиться грамоте, как без этого можно на таком высоком посту?

— К чему все эти ваши науки? — Принц зевнул, показав все зубы — Какой с них прок? Вот знаю я одного грамотея, окончил академию премудрых наук, и что? Он у вас во дворце нужники драит! Сильно помогло ему учение? Никак не помогло! Я голову его, многознающую, взял и в биде макнул. Ай, да я! С другой стороны взять этого, вашего, как его? По телевизору часто выступает, рожа еле помещается в кадр, ещё советовал всем затянуть пояса, когда на самом не один не сходится.

— Это министр социальной политики, он опекается вопросами борьбы с бедностью, — подсказал Король — отец.

— Точно! — Принц хлопнул ладонью по столу и перевернул чашку — Вот взять его сыночка, которого лично вы, папаша, собственным указом, назначили маркграфом, когда всё

королевство знает, что он не более грамотен, чем, даже, я! Ничего — живёт и процветает!

— Помилуйте, — Король развёл руками — это же сын высокого господина, не работать же ему идти, в самом деле?

— Так я, между прочим, тоже знатного происхождения, — Принц горделиво выпятил нижнюю губу.

— Я бы сказал, ещё, и редкого, — проскрипел Король.

— Редкого или густого, это дело десятое, — Принц хлопнул себя по ляжкам — а между тем, папашка мой — король в своём государстве, а значит и я имею полное право рассчитывать на все полагающиеся привилегии! А, именно, жить за счёт презренных хлопков, будь они неладны!

— Тоже мне королевство, — сказал, насупившись Король — отец — да у беднейшего крестьянина надел больше всего вашего королевства.

— Ну и что?! — прогремел Принц — Не в размере дело, а в наглости! А, уж, в этом я любому самодержцу фору дам. Ты, папаша, не гляди, что я одёжи не имею и без гроша в кармане явился к твоему двору. Замашки у меня, воистину, императорские. Требователен, мелочен, капризен, угодить мне, решительно, невозможно. Ты в этом, ещё, сам убедишься. Ты у меня, ещё, попляшешь!

— Надеюсь, вы это имеете ввиду в фигуральном смысле? — осведомилась у Принца Королева — мать.

— В фигуральном? — переспросил Принц — Не думаю. Видите ли, бесценные мои мамаша и папаша, мать вашу етить, я, уже, не один год скитаюсь по свету, и в то время, когда вы обжирались деликатесами и спали на шелках, я, в кабаках, за кусок хлеба или миску похлёбки, развлекал публику, тем что танцевал ей на потеху, и, даже, тогда, зачастую, платой мне были тумачи да оплеухи. Что же, не могли вы мне, денег выслать?

— Да мы, даже, и не знали о вашем существовании! — выпалил Король, который сам, уже, вспоминал то время, как невероятно счастливое — И век бы не знать... — тихо договорил он.

— Ничего, теперь узнаете, — Король, наевшись сладкого обирал с торта вишенки — за все те годы, мытарств и волнений, за всё мне ответите!

— Да в чём же мы перед вами виноваты? — спросила Королева — мать.

— Жениться меня против моей воли принуждаете! — простонал Принц.

— Принуждаем! — Король тряхнул головой так, что с белых локонов длинного парика посыпалась пудра — Да не женись, мы, только рады будем!

— Что ты, что ты! — замахала на мужа руками Королева.

— Да как же мне не жениться? — всхлипнул Принц — Вы же, просто так, Королевство Многоземельное не отдадите! Не расстанитесь!

— Никогда не расстанутся, — мягко зашептала на ухо Принцу Закатиглазка, которая лично прислуживала жениху за столом, подбирая для него самые жирные пирожные — только жениться, выбора нет... — нащёптывала она.

Принц заел горе солидным куском лёгкого тирамису, который Закатиглазка, отламывала серебрянной ложечкой и укладывала жениху в ненасытный рот.

— Именно тогда, — приплямкивал Принц — танцуя на узкой барной стойке под хрипы старой дудки, какого — то музыкантишки, я обрёл сою мечту! Мечту о том, что когда —нибудь и для моего увеселения передо мной будут выплясывать. И мечта моя почти сбылась. Я задумал, что бы вы, мамаша и папаша, парой, в честь моего бракосочетания, сплясали на

моём свадебном столе!

— Как можно? — воспротивилась, даже, податливая Королева.

— Не бывать этому! — отрезал Король.

Принц невозмутимо выдержал паузу, потом Закатиглазка поднесла к его губам чашку со свежим чаем, он сделал большой глоток и продолжил:

— Но давайте не будем забывать, что свадьба — мероприятие сурьёзное, тут ошибиться нельзя. Так что, для начала, я хочу поглядеть на что вы способны, — неожиданно Принц надулся так, что покраснелись щёки, а, затем, элементарно, испортил воздух, после чего продолжал, как ни в чём не бывало — давайте, сейчас, проведём репетицию, полезайте на стол и исполните что —нибудь зазорное.

— Ваше Высочество, вы, должно быть изволите шутить? — попыталась перевести всё на юмор Королева.

— Такой сурьёзный и важный вопрос я, никак, не могу избрать целью для шуток! — покачал головой Принц — Так что давайте — пляшите. Не заставляйте меня повторять. Это для вашей же пользы. Привыкайте сейчас и, на свадьбе, перед гостями, вам уже не будет так зазорно.

Королева, нерешительно обернулась к мужу и протянула ему дрожащую руку, в знак приглашения на танец, но тот, только, скрестил руки на груди и отвернулся в сторону.

— Смотрите мне! — пригрозил непокорной монаршей чете Принц — Я же так и жениться передумаю!

Король и Королева с мольбой в глазах поглядели на дочь, но та лишь холодно приказала:

— Танцуйте, живо!

Супруги поднялись с обречённым видом.

— Полезайте на стол, смелее! — приободрил их зять.

Он откинулся на стуле, с видом специалиста, и приготовился оценить представление, но, внезапно, в небе послышался, стремительно приближавшийся, рокот.

Принц задрал голову в верх, высматривая среди облаков причину своего беспокойства и, совсем скоро, увидел его — по небу нёсся вертолёт, огромный, как кит, он поражал своими размерами и, соответствующим, рёвом двигателя. Стальной гигант замер, аккурат, над лугом и начал снижаться. В самый момент посадки, воздух, разогнанный громадными лопастями, до шквального ветра, посрывал с Закатиглазки и Королевы лёгкие летние шляпки, и запустил их скакать по лугу.

— Ну вот, Их Императорское прибыли, — взволновано пропыхтел Король — отец, вскочил на ноги, перелил в спешке на скатерть чай, дал зазевавшемуся лакею пощёчину за нерасторопность, и поспешил к севшему вертолёту.

— Не понял? — у Принца от удивления округлились глаза — Это, что за гость такой, что папашка, лично, его встречают?

— Это сам Император, сосед наш по границе, — объяснила Королева — он прибыл к нам с однодневным визитом, в рамках рабочего тура на курорт в Альпийских горах.

— Этот курорт, часом, не принадлежит самому Императору? — поинтересовался Принц.

— В каком — то смысле — да, — ответила её величество — там вся гора, на которой расположен курорт, принадлежит Императору.

— Наверное хороший доход приносит? — любопытство Принца росло.

— Нет, какой там доход, если он никого не пускает, — рассмеялась Королева — этот курорт предназначен, исключительно, для личного отдыха Императора и его семейства.

— А что, большим государством владеет этот Император? — Принц отстранил от себя чашку с чаем, любезно поднесённую Закатиглазкой.

— Да, так, — пожала плечами Королева — ничего сверхъестественного, не большое и не маленькое, земель хватает, но не в избытке.

— И как же, тогда, он себе такие расходы позволяет? — Принц позволил Закатиглазке напоить себя чаем.

— Размер — не главное, — сказала Королева — главное — уметь, уметь отжать имеющихся подданных по — полной, а Император в этом деле большой мастак, порой диву даёшься, казалось бы, уже, он до костей обобрал своих хлопов, а он ещё им поборы утраивает, мол это не он так хочет — это рынок диктует свою железную волю, а кто в срок уплатить не успеваает, с того он ещё и штрафами наживается.

— А залежи какие — нибудь в его недрах имеются? — Принц решительно заинтересовался Императором.

— Да имелись когда — то, — Королева приняла свою шляпку, вычищенную и поднесённую лакеем — но он давно всё выкопал и продал, так что, сейчас, зарабатывает на одних холопах.

— Хлопы — наш основной ресурс, к тому же самовозобновляющийся, и корм сами себе ищут, — понимающе кивнул Принц, у которого в собственности никогда не было ни единого хлопа — главное уметь их правильно эксплуатировать и можно жить.

Король, уже, вёл от вертолёта к столу Императора — маленького человечка, разряженного в бархатные одежды всех цветов радуги и густо — густо обшитые драгоценными камнями и жемчугами. Чуть за ними следовали две женщины — жена и дочь Императора, разряженны они были так же, разве, что драгоценностей на них было немного поменьше, но, зато, к каждой был приставлен полуголый холоп с опахалом, которым он работал не жалея сил — то ли господ обветривали, то ли мух отгоняли, или и то и другое.

— А есть ли у этого Императора в швейцарском банке арендованный бронированный подвал, забитый золотыми слитками? — разъедало Принца любопытство.

— Не смешите, — Королева чуть не поперхнулась — подвалы банков забитые золотыми слитками — это, только, для таких бедных монархов, как мы. У императора в аналогичном подвале хранятся архивные документы, тонны документов, и на каждом листике, столбцами, записаны его офшорные счета, ибо у него их столько, что никаким умом не упомнишь, а капуктерам он не доверяет.

— Как интригующе... — Принц сложил пальцы домиком и глубомысленно воззрился на приближавшуюся процессию — А кто эта юная особа зрелых лет?

— Супруга Его Императорства, — Королева встала из — за стола, готовясь приветствовать гостей.

— Которая? — Принц вставать не собирался — Ей Богу, я их не различаю!

— Та что с права и пониже, — Королева вытянула спину.

— А вторая? — Принц убрал руку Закатиглазки, подносящую к его рту ложечку с шоколадным маслом — Мамаша еёняя что — ли?

— Что вы! — опровергла Королева — Это императорская дочь. Приехала на каникулы из лондонского университета. Собственного лондонского университета, между прочим...

Король — отец, ласково улыбаясь в насупленную физиономию Императора, что — то

ему тараторил и, наконец подвёл гостей к столу.

— Будьте знакомы, — он сделал полупоклон в сторону Королевы — это моя добрая супруга, — Королева сделала глубокий реверанс — это моя младшая дочь, — Принцесса Закатиглазка сделала реверанс ниже матери — ну а это... — Король на секунду запнулся — это мой сиятельный зять, будущий муж моей Закатиглазки — Принц Малоземельный, — при упоминании собственного имени Принц выложил на стол ноги и отпрыгнул — представляете, у нас сегодня, как раз, произошло сватовство, — рассказывал Король Императору — вот и мы и засиделесь до самого вашего прилёта, но мой сиятельный зять, уже, покидает нас, дабы начать приготовления к скорой свадьбе...

— Кто покидает? — вальяжно спросил Принц — Я? Смотри — ка, папаша, что бы ты нас не покинул, если будешь ещё за меня что — то решать! Не погляжу, что, почти, родня, а возьму, и прогоню из — за стола, как нищего — попрошайку! — и он погрозил тестю кулаком.

Король — отец закашлялся, что аж слёзы на глазах выступили, и не мог успокоиться, покуда, лакей не поднёс ему стакан минеральной воды.

— Прошу, Ваше Императорское, разделить с нами этот радостный момент, — Король, собственноручно, отодвинул стул, приглашая Императора присесть.

Тут же, лакеи, предложили стулья императрице и её дочери.

— Как ваши императорские дела? — Король уселся на своё место, рядом с супругой и начал задавать вопросы вежливости — Туга ли мощна? Охотно ли оплачивают хлопы подати в монарший прок?

— Какой там охотно, — проскрипел Император, разглядывая собственное отражение на поверхности чая — за каждый грош четырьмя руками держатся, ели выколачиваю. Весь поседел, уже, с этими завистливыми хамами. А подходит время урожай у них отнимать, не знаю как и управлюсь в этом году, они, где, только, от меня зерно не прячут, даже за щеку ухитрились засовывать, мерзавцы! А я ведь цель на этот год себе поставил — на миллиард золотых вытрясти больше, чем в прошлом году!

— Я полагаю, вы, всё — таки, добьётесь своих целей, — приободрил коллегу Король — отец.

— Ещё бы мне не добиться! — Император грохнул кулаком по столу — Я — человек целеустремлённый, и раз порешил — от своего не отступлюсь! Я же сил своих не пожалею, наизнанку вывернусь, а хлопов — обдеру, вдвое против прежнего! Радостно мне от того, что эти бездельники счастьем моему завидуют!

— Верно, верно, — соглашался Король — сами — то в жизни ничего не добились, вот чужому достатку и завидуют, пусть пойдут и заработают себе миллионы, своим трудом.

— Ага, пускай! — император задорно хрюкнул — Пускай заработают, а я — отниму!

Обе монаршие пары звонко рассмеялись этой искромётной шутке.

Неожиданно, что — то хлопнулось в чайную чашку дочери императора, забрызгав платье и её и императрицы — это Принц Малоземельный запустил заварным пирожным, что бы привлечь к себе внимание.

— И как тебя зовут? — спросил он, кокетливо наматывая бороду на палец.

— Меня? — не поняла императрица.

— Да не тебя, дура! — обозлился Принц — Дочку твою спрашиваю!

Императорская дочь подняла на мать большие глаза с накладными ресницами, словно вопрошая, что же ей ответить. Но Принц был не из тех кто долго ждёт, он живо вскочил на

стол, заскрипевший под его тяжестью и, рабрасывая ногами блюда, перешёл на сторону императорского семейства, где плюхнулся на стул подле дочери Его Императорства.

— Ну что, мадам, — он взял своей грубой ручищей маленькую ручку императорской дочери.

— Мадемуазель, — поправила его та, стыдливо пряча глаза.

— Мне это, поверьте, без разницы, — искренне сознался Принц — плевать на это абсолютно! Вы, лучше, ответьте, желаете ли быть очастливленной мною? Путём бракосочетания, естественно. Вам, сегодня, несказанно повезло, сам я, изволяю взять вас в жёны! Как вы на это смотрите?

— Ой! — императорская дочка, окончательно оробев под взглядом чёрных глаз Принца, окончательно стушевалась — Право, всё так быстро, так скоро, я вся в смятении.

— Да ты прямо сознайся, что влюбилась в меня с первого взгляда! — Принц обнял императорскую дочку за плечи и прижал её к себе.

— А как же мне было не влюбиться? — дрожащим голосом отвечала та — Вы сидели в присутствии самого Короля! В его собственном королевстве! А потом — раз! И ноги — прямо на стол, в нарушение этикета и протокола, да всё это в присутствии самого Короля! У меня, на родине, никто никогда себе такого не позволял!

— Да это ерунда, — усмехнулся Принц — сидеть при Короле, подумаешь! А кто он такой, что бы я поднимался? Я ему и в рожу плюнуть могу! Ишь вылупил зенки! Смотри в свою тарелку, папаша! — посоветовал Принц Королю — отцу, совершенно потерявшему дар речи от происходящего — Но ты должна понимать, — вернулся он к императорской дочке — что как приличный человек — я не могу взять тебя в жёны бесплатно. Сколько твой папашка готов за тебя доплатить? Земли, недвижимость на западе. Только, пусть, не скупится, иначе, вот эти, — он показал пальцем на Короля с Королевой — цену — то перебьют и меня для своей дочки сосватают.

Императорская дочь поглядела на родителей молящим взором.

Император, поджав губы, оставался холоден, будто ничего не происходит.

— Хватит выламываться, папаша, — внушительно сказал ему Принц и многозначительно поглядел в глаза — у тебя дочка на выданье, а ты в молчанку играешь. Может ты дочку свою не любишь? Всё равно тебе, что она, без меня, несчастной на всю жизнь останется?

— Какой я вам папаша, — только и смог выдавить из себя Император.

Императрица была в полубоморочном состоянии.

— Приданое, говорю, выкатывай! — когда речь заходила о деньгах, Принц был предельно краток — Вот эти горемыки, — он кивнул на застывших Короля и Королеву — мне Королевство Многоземельное готовы за женитьбу отписать, так что ты должен, хотя бы, вдвое больше предложить, что бы меня на свою сторону переманить.

— Па — а — ап? ... — жалобно протянула императорская дочка, всем своим видом призывая сдаться на волю Принца Малоземельного.

Император продолжал молчать, словно специально раздражая Принца.

— Да уйди ты! — Принц отогнал от себя Закатиглазку, которая салфеткой вытирала ему испачканную кремом бороду — Ты, хоть, давай, не молчи, — он встряхнул императорскую дочку — требуй у своего папаша, не седи истуканом, а то без такого завидного супруга останешься!

Неожиданно император резко поднялся, скомкал салфетку и бросил её на землю, где

она была тут же подобрана вездесущими лакеями.

— Дитя моё, — обратился он к дочери сухим, не терпящим возражений, тоном — ступайте, сейчас же к вертолёту.

— Сидеть! — Принц схватил свою новую невесту и вернул её на место.

— Оставьте мою дочь в покое! — возмутилась, решительным поведением Принца, Императрица.

— Отстань, дура! — указал ей Принц.

— Что вы себе позволяете?! — Император впервые посмотрел на Принца — Вы, что же не понимаете — мы не желаем видеть вас супругом нашей дочери!

— Ах мы не желаем, бе — бе — бе! — передразнил Императора Принц — Коль, действительно, не хотите, что бы это произошло, прекращай рядиться в дурочку и Ваньку валять! Выкладывай всё что есть, переписывай на меня имущество! Иначе женюсь!

— Что — о — о!!! — Император присвистнул — Вы меня шантажировать удумали?!

— Лучше соглашайтесь, — печально посоветовал коллеге Король — отец — у меня такого выбора не было.

— А вам бы лучше помолчать! — накинулся на Короля Император — Во что ваш зять превратил нашу дипломатическую встречу? Как вы могли такое допустить? А я, ещё, хотел с вами о сотрудничестве и махинациях в работоторговле договориться, но раз у вас подобные субъекты в зятях ходят, то, считайте, что с этого дня между нашими королевствами прекращаются все отношения!

— И торговля? — испуганно выдохнул Король — отец.

— И она тоже! — рубил по — живому Его Императорское — Отныне, все ваши товары, которые будут импортироваться в моё королевство, я прикажу давить тракторами на площадях городов!

— Ой — йой — йой! — Король в ужасе заламывал руки — А мы же вам, только, фекалии в жестяных бочках поставляем!

— Что! — изумлению Императора не было предела — Да как вы смеее?!

— Смеем — смеем, — заверил Король — ваше королевство закупает у нас это добро под видом нефтепродуктов, а полученные от этого деньги я с вами, лично, пополам делю...

— Довольно! — прогремел Император — Я не желаю этого слушать! Мы уходим! Провожать не нужно. Ваше Величество, — обратился он к жене — сообщите её высочеству, что мы отбываем!

Императрица повернулась к дочери, прижимавшейся к Принцу Малоземельному и строго ей приказала:

— Его Императорское величество велели вам покинуть застолье, мы, сейчас же, отбываем домой!

Императорская дочка ничего не ответила матери, только, сильнее вцепилась в пышную бороду Принца. Тогда Императрица, медленно поднялась, размахнулась, и отпустила дочери подзатыльник.

Манипуляция произвела, прямо — таки, магическое действие, власть Принца над новой невестой, дотоле казавшаяся нерушимой, мгновенно рассеялась и императорская дочка, вырвавшись из объятий жениха, покорно засемила вслед за, уже, удалявшимися родителями.

— Не — е — ет!!! — взревел покинутый Принц, он вскочил, схватил стул, швырнул им в голову лакею и бросился следом за императорской семьёй пронзительно взывая к

императорской дочери:

Ты легко так не сдавайся!
Рвись, кусайся, вырывайся!
Вой, буянь и голоси!
За пятаку себякуси!
Как шальная кувыркайся,
Пузыри пускай, брыкайся!
Пузом им всем пригрози,
Околесицу неси!
Своего ты добивайся,
И методой не гнушайся!

Но, увы, она оставалась глуха к советам Принца, только один раз обернулась, что бы бросить на него грустный прощальный взгляд.

Принц не мог этого вынести, он бросился бегом за уводимой невестой, намереваясь собственными руками вырвать у обнаглевшего Императора своё приданое, но когда до вожделенного свёкра было рукой подать, и огромная пятерня Его Высочества, уже, взмыла в воздух, нацеливаясь ухватить дерзновенного императора за шиворот, на Принца накинулись два императорских хлопа, с опохалами, бамбуковыми ручками которых они принялись усердно охаживать нежные тела Его Высочества. Принц упал защищая руками мягкие отвислые бока и заревел навзрыд.

— Они же убьют его! — испугалась Закатиглазка и бросилась на спасение Его Высочества.

Она упала на него верхом, раскинув руки в попытке объять необъятное, смело жертвуя собой во имя высшего идеала — распрекрасного Принца Малоземельного, но, видимо, хлопам не велено было бить Принцессу, и они, бросив сломанные о Принца опохала, побежали к императорскому вертолёту, что бы помочь своим повелителям взойти на борт.

А бедный Принц плакал от отчаяния, от осознания, что счастье было так близко и, только, горький случай да происки врагов помешали ему загрести, то что ему было предназначено самой судьбой!

— Не огорчайтесь так, Ваше Сиятельство, — пыталась утешить возлюбленного Закатиглазка — хотите, мы им отомстим за это? Войну начнём? Я могу папеньку попросить...

— Да иди ты! — оттолкнул её Принц и по бороде его катились слёзы — Это ты всё виновата! Одно мне горе от тебя, окаянной! Я тебе этого никогда не прощу! Я знаешь, как с тобой поквитаюсь? — но договорить как же именно он поквитается Принц не успел, его речь заглушил гул поднимающегося вертолёта.

Отчаяние захлестнуло Принцаю. Совершенно утратив контроль над собой, он побежал за взмывающим вертолётном и, подпрыгнув, успел ухватиться за лыжню, повиснув на ней, как сарделька.

Машину тут же стало кренить на левый борт, и вертолёт, от перегруза, стало сносить в сторону.

— А — а — а!!! — кричал перепуганный Принц, заглушая своим воплем рёв мотора, но лыжню не отпускал.

Внизу, под вертолётном, как угорелая носилась Закатиглазка, выставив вперёд руки, что бы поймать любимого, если тот упадёт.

Вертолёт сносило к двухсотлетним деревьям — великанам, с идеально подстриженными сферическими кронами, на которые вертолёт должен был неизменно натолкнуться. Всё шло к катастрофе национального масштаба.

— А, ведь, никто не поверит, что это несчастный случай, — пробурчал Король — отец супруге, глядя на вертолёт — опять скажут, что это я подстроил.

— И, впервые, это будет не так, — посочувствовала мужу Королева.

— В этом случае я готов пожертвовать репутацией, — сказал Его Величество — отец — лишь бы никто не выжил.

— Или хотя бы один, но, именно, тот, — поддержала его Королева и оба поняли, кого именно она имеет ввиду.

Всей императорской семье, как и всему экипажу вертолёта (но на них — то плевать) грозила неминуемая гибель, и так бы оно и было, но, самый смелый их телохранителей Императора, взбодрённый угрозой расправы над его родными, которую Император инициирует, сейчас же, по радиосвязи, открыл дверцу вертолёта и, на лету, судрожно цепляясь за ручки дверей, вылез на правую лыжню, прямо под его ногами, оказались десять сосисочных пальцев Принца Малоземельного, которые он стал беспощадно топтать каблуками туфель.

Принц укрывал императорского телохранителя отборнейшей бранью, как он это умел, но гул двигателя заглушал его слова, а каблуки, с лошадиными подковами, что бы топтать всякий сброд, продолжали стучать по фалангам пальцев Его Сиятельства. Принц почувствовал, что соскользает, вот и конец, неужели судьба ему погибнуть, так и незаполучив собственного королевства?! Ещё один удар тяжёлого каблука и пальцы разжались, но в последний момент, уже, потеряв опору, Принц успел схватить телохранителя за штанину и увлёк за собой. Избавившись от лишнего груза вертолёт тут же выровнялся и стал набирать высоту, а Принц и его визави, вопя во всё горло, отдались во власть свободного падения.

Король и Королева сидели задрав головы, последний акт драмы разыгрался прямо над чайным столом и они, уже, видели, как две фигуры, отделившись от корпуса машины, пошли на стремительное сближение с землёй.

Принц видел перед собой стальное брюхо вертолёта, навсегда уносившее от него императорскую корону, так что, теперь, и погибать было не жалко.

Он приготовился спиной ощутить костедробящую силу земли — матушки, но вместо этого почувствовал, как его подхватили чьи — то руки, подхватили максимально нежно, как самое ценное и дорогое, что ни на есть в мире. Принц повернул голову и увидел перед собой влюблённые глаза Закатиглазки, которая, запрыгнув на стол, и подхватила падавшего жениха в свои крепкие объятия, и как не силён был удар от многопудового тела, а всё — таки на ногах устояла, только коленки чуть — чуть подогнулись, да в пояснице хрустнуло.

Но что может выдержать влюблённая Принцесса того, увы, не выдержать предмету искусственному, неодоухотворённому.

Ударная волна, которая пришлась на Закатиглазку, пройдя через всю её, передалась столу, бывшему её опорой, крепкие резные ножки, все шесть штук, затрещали и медленно подломились, повалив и придавив сверху крышкой Короля и Королеву. Закатиглазка, потеряв опору, тоже не устояла и упала на спину, но удержала своего Принца, прижав его к груди.

Принц, хмурым взглядом поглядел на распластавшихся по земле Короля и Королеву,

застигнутые в расплох лакеи, только, начали поднимать крышку стола, что, с лежащими поверх её Закатиглазкой и Принцем, было делом непростым.

— Ну что, папаша? — спросил Его Высочество — Отписываешь мне Королевство Многоземельное, за то, что бы я на дочке твой женился?

Король, приструнённый косым взглядом супруги, коротко кивнул в знак согласия.

— Эх, так уж и быть! — прокряхтел Принц, пока лакеи снимали его со стола — Уговорил! — в этот момент Закатиглазка с радостным визгом бросилась ему на шею, повалив всех обратно.

— Да — а — а, — протянул Принц, стараясь убрать лицо от её неистовых поцелуев — повезло тебе сегодня, шельма! Такого мужа ухватила, считай, даром!

Чуть поотдаля, лакеи за ноги тащили по земле императорского телохранителя — тот при падении свернул себе шею и уж больше не сможет пугать соседей связями в высоких охранительных кругах...

* * *

— Вот такая вышла поучительная история! — подвёл итог своего повествования Король Многоземельный.

— И что же в ней поучительного? — проворчала Зайчиха, медленно жуя травку.

— А то, дура ты эдакая, — Король огляделся, но не найдя, ничего деревянного, что бы постучать, двинул в лоб Зайчихе — уж, если, я при самом тесте такие штуки отмачивал и он всё — равно дочь за меня замуж отдал, то значит я могу творить с ним всё что заблагорассудится! На том и стоим!

Король и зайцы сидели в кустах у обочины. Кусты были колючие, населённые тучами кусючих насекомых, а у корней маршировали полчища красных муравьёв.

— Почему мы должны прятаться? — шипела Зайчиха, отмахиваясь от летающих кровасисей, норовивших сесть ей на глаз.

— Сколько можно объяснять? — заговорщически шептал Заяц — Эту местность населяют, сплошь, садисты и живодёры! Я же тебе, когда — то, рассказывал, как они со мной расправиться хотели. Сущие дьяволы! И, уж коли, они, даже, меня разорвать хотели, представь, что они с вами сделают?

— Не поняла, — Зайчиха сплюнула насекомое угодившее ей в рот — что значит это твоё «даже меня», типо, ты — фигура высокой значимости, а мы шантрапа какая — то?

— Шантрапа не шантрапа, я не знаю, — осёкся Заяц — но я, как — никак, отец ихних детей, а они меня бить хотели, деток малолетних без отца оставить, вот какие изуверы.

— Я тут долго не выдержу! — Его Величество яростно отбивал атаки муравьёв на свои ягодицы, утопленные в сырую землю.

— Потерпите до темна, а там прорвёмся, — предлагал косой — заодно пару огородов обнесём. Главное, что бы нас собаки раньше времени не унюхали. Вы боитесь собак?

— Я ничего не боюсь! — гордо сказал Король — Тем более собак.

— Я тоже не боюсь, ага, — закивал Заяц — а теперь будем не бояться вместе.

— Тихо вы! — шикнула на них Зайчиха.

— Что! Собаки! — Заяц, было, рванулся наутёк, но сестра удержала его, ухватив за единственное ухо.

— Нет, придурочный, — она шлёпнула его лапой по щеке, что бы привести во вменяемое состояние — просто, идёт кто — то.

Троица замерла, вслушиваясь в шаркающие звуки приближающихся шагов. Наконец, из — за поворота, на противоположной стороне дороги, показался мальчишка, лет десяти, в худой, латанной сорочке, в коротких, протёртых штанишках и босиком, через плечо у него была переброшена широкая тряпчанная лента, которая удерживала на худом боку глубокую суму, распухшую от впихнутых в неё газет.

— Эта гадость, уже, и сюда добралась! — заплевался Заяц, злобно выпучив глаза.

— Какая? — не понял Король — Дети? Да! Это такая напасть, они везде заводятся.

— Да не дети, а газеты! — оскалился Заяц — Хотя дети, немногим лучше. Паршивые газетёнки, они появились ещё до переворота, от них бардак в стране и начался, они — то хлопов с пути истинного сбили!

— Это потому что мой тестюшка, голова садовая, обращаться с ними правильно не умел, — фыркнул Его Величество — меня газеты, так расхваливали, сам диву давался, каких результатов можно добиться, если семью главного редактора бросить в подземелье.

— Вот они, уже, и сюда добрались, — бормотал Заяц, совершенно, не слушая Его Величество — будут и здесь чернь смущать, будто они, и без того, не совершенные скоты.

— Нам бы один экземплярчик не помешал, — сказала Зайчиха — нужно же, хоть примерно, понимать обстановку в чужой стране, чем живут о чём думают.

— Это я запросто! — пообещал Заяц и, в тот момент, когда мальчишка поравнялся с засадным кустом, он выскочил из него, как злой дух из бутылки, забил себя в тощую грудь

передними лапками, и крикнул, что бы привлечь внимание маленького разносчика прессы — Я — серый Заяц — зубами клац! — и как умел, страшно зарычал, брызжа слюною.

Мальчик тут же остановился и с любопытством поглядел на безумную зверушку.

Заяц, растопылив лапы, быстро перешёл дорогу и пронзительно заглядывая в глаза мальчёнке, пригрозил:

— Пискнешь — убью! — он положил лапу на суму с газетами — Гони сюда всё, что есть! — потребовал Заяц — И карманы выворачивай! Давай, живо!

Мальчик, как раз, держал в руке газету, свернутую трубочкой, ей — то он и дал косому разбойнику по одинокому уху.

— Ай! — взвизгнул Заяц, закрываясь от ударов, которые посыпались на него, как из рога изобилия.

Мальчик продолжал охаживать его, пока, тот не упал на дорогу, свернувшись в комочек, плача и прося пощады.

— Ну что, — выглядывая из кустов, философски произнесла Зайчиха — всё как всегда. Придётся выручать олуха.

В этот момент, один из муравьёв, с которыми Его Величество, казалось бы, заключил короткое перемирие, воспользовавшись моментом, забрался во вражеское логово, да и запустил челюсти в нежную королевскую плоть. Король, аж завыл, и, суча ногами, выпрыгнул из кустов на дорогу.

От такого зрелища, мальчишка, сразу, забыл избивать Зайца и весь обмер.

Такого ужаса он не видал, даже, в страшном сне — огромное, почти семифутовое, страхомудище, чёрно — коричневого цвета, лохматое и зубатое, необъятно жирное, ревело и блажило, на чём свет стоит, махало руками и стучало копытами.

Мальчишка, тут же скинул с себя суму, избавляясь от лишнего груза, и задал такого стрекача, что, только, пятки сверкали.

Когда Король и Зайчиха перешли дорогу, ибо прятаться дальше не имело смысла, так как схрон был засвечен, Заяц, уже, пришёл в себя, и вытряхнув из сумы стопку газет, рвал их на части и разбрасывал.

— Да оставь, хоть, одну! — Зайчиха насилу вырвала у него из лап один экземпляр и разровняв, поглядела на первую полосу — На ловца и зверь бежит! — она хлопнула лапой по газете — На первой же строке про твоего тестя пишут!

— И что там говорится про эту старую сволочь? — заинтересовался Король, но за не знанием грамоты, только смотрел на большое чёрно — белое фото в газете, на котором большим планом была снята высокая каменная стена с колючей проволокой — Это что, его, наконец, за решётку упекли? — попытался угадать августейший — Давно пора!

— Нет, блин! — Зайчиху передёрнуло от такой догадки — Если бы его упекли, то всему нашему предприятию был бы конец! Так что не говори глупостей! Тут, совсем, о другом. Вот что пишут: Новый старый охотничий дворец экс — короля, изъятый у него после революции, постановлением апелляционного суда был возвращён бывшему владельцу. Сам экс — король возвращение себе изъятой недвижимости отрицает, заявляя, что если бы подобное имело место, то он бы передал здание с участком земли под детский дом или дом престарелых. Но вчера, стало известно, что низверженный монарх прибыл в своё бывшее имение, воспользовавшись для перелёта вертолётom государственной чрезвычайной службы предназначенном, исключительно, для экстренных ситуаций, что он, кстати, тоже отрицает. Экс — величество заявил, что прибыл в бывший охотничий дворец, не для забав, а по делам

благотворительного фонда имени Себя любимого, — Зайчиха перевернула страницу на другую сторону, здесь на фоне той же стены, уже, красовался сам Король — тесть в окружении квадратнолицых сотрудников госохраны, и продолжила чтение — на вопрос же нашего корреспондента о том как вышло, что к его бывшему охотничьему имению было присоединено, ещё, сто гектаров государственных земель, включая территорию заповедника, и всё это было обнесено пятиметровой стеной, он ответил следующее — «Ничего этого ни мне, ни моим близким не принадлежит!» — Зайчиха прокашлялась и обрадованно сказала Королю — Вот удача, теперь мы знаем где он сейчас!

— Что удачного? — угрюмо спросил Король — Он же сказал, что это ни ему, ни его близким не принадлежит.

— Ай, дурак... — тяжело вздохнула Зайчиха.

— О! — воскликнул Заяц, уставившись на фото в газете — Это наши места. Королевский охотничий дворец, он расположен чуть западнее «Зайчуткино». Для местных очень известное место, до переворота, в те уголья соваться, было себе дороже. Как — то у нас стадо коров туда убежало, ну я и отправил пастуха за ними, кто проморгал — тому и возвращать! Помню, мать его на прощанье, в последний раз поцеловала, дала с собой все деньги, что у них были, вдруг кому на лапу дать понадобится, с тем и пошёл он. На ночь глядя. Надеялся в темноте незамеченным пробраться, да какой там... Уже через полчаса всё Зайчуткино услышало его душераздирающие вопли, до самого утра не унимался, потом, вроде, то что от него осталось на дороге нашли, ну дело ясное — оформили, как суицид.

— Заходить на господские земли — это и есть самый прямой суицид, — подтвердил Его Величество.

— Короче, — прервала дискуссию Зайчиха — ты знаешь где это? — она ткнула газетным снимком брату в морду — можешь нас туда довести?

— Теперь могу, — отвечал Заяц — когда в стране такой бардак развели, что любой смерд может господские наделы топтать, до того дошло, что господа вынуждены свои земли стенами обносить, а ведь в былые времена был порядок, каждая скотина знала своё место, кого можешь — угнетай, а старшему в жопу не заглядывай!

— Хватит разглагольствовать! — оборвала его Зайчиха — Веди нас, да потарапливайся, неизвестно, как долго пробудет здесь наш король.

— Это я ваш Король, — обиженно, напомнил Его Величество.

— Да и ты, тоже, — согласилась Зайчиха — как же вы меня достали, одни короли вокруг, что, даже, послать некого!

* * *

Король — тесть, приняв изящную позу, позировал возле кучки золотистого речного песка, насыпанного посреди двора ветхого детского сада. Сразу три профессиональных фотографа, щёлкая объективами, снимали Короля — тестя со всех ракурсов, стараясь, что бы большой жёлтый баннер, с надписью «Благотворительный фонд имени Меня, Любимого!» обязательно попадал в кадр.

— Ну сколько можно! — жаловался Король — тесть — Сколько вам ещё снимков надо? Я сегодня и в школьном дворе с этой кучей фотографировался, и на детской площадке, сил, уже, нету, пашу, как фотомодель из плейбоя!

— Кстати, там, тоже будет ваш снимок, на самой обложке! — обрадовал Короля — тестя дурно одетый человек, Вшивый Интеллигент — по имени и призванию.

— А это вы под каким сосусом подадите? — Король — тесть крутился перед объективами.

— Там будет напечатана статья основанная на перехваченном разговоре вражеских тайных агентов, — Интеллигент полез в портфель и, вынув бумагу с печатным текстом, зачёл:

Майк: Привет, Ник! Как ваши дела?

Ник: Гадим помаленьку, не зря же мы — англичанка.

Майк: Когда сможете поставить всю страну на колени?

Ник: С этим у нас, пока, трудности. Бывший Король — оказался крепким орешком. Он не даёт нам развернуться на полную. Страшно представить, что будет, когда он восстановится на престоле! А ещё он очень красивый и сексуальный!

Майк: Да, он божественно красив и дико сексуален! Надо же было случиться, что бы такому великому государю достался такой тупой и неблагодарный народец! Только и могут, что за его доходами и расходами следить, завистники!

Король — тесть внимательно выслушав, спросил:

— Где вы этот бред взяли?

— Ваше авторство! — напомнил Интеллигент.

— А! — Король хлопнул себя ладонью по лбу — За всеми заботами и запомнил уже! Ну, раз мой текст — тогда, пусть, будет.

— Не забудьте, что по этому тексту, — добавил Интеллигент — вы распорядились пьесу поставить к Рождеству. Подготовка идёт полным ходом.

— Надеюсь не за мой счёт? — заволновался Король — тесть.

— Что вы! — Интеллигент отрицательно замотал головой, да с такой силой, что перхоть посыпалась — Выделили грант из министерства культуры. Все расходы на ваше усмотрение.

— Тогда все деньги, сразу, переведёшь на мой счёт, — Король — тесть ослепительно улыбнулся — а актёров набери из безработных хлопков, за хлеб и воду, декорации, тоже, пускай, сами мастерят. Театр, всё — таки, дело общенародное, вот, пускай, народец и поработает.

Наконец, нащёлкавшись фотоаппаратами, корреспонденты опустили свои агрегаты. Король — тесть, облегчённо вздохнул, и промакнул батистовым платочком голову под жарким париком.

— Идите сюда! — крикнул Король — тесть, подзывая группу холопов с лопатами, прятавшихся за углом здания — представление окончено, грузите песок.

Холопы не заставили просить себя дважды и, гремя керзовыми ботинками, подбежали к куче и принялись шустро закидывать песок, в подкативший грузовичок.

— Лучше соскребайте! — поучал Король — тесть холопов — Если каждый раз на земле будет столько песка оставаться, как вы лодыри оставляете, я, совсем, по миру пойду! Руками сгребайте, сучьи выродки! Мне с этим песком по всей стране гастролировать!

— Погодите сгребать, Ваше Величество! — воскликнул Интеллигент, он отвлёкся на документы, находившиеся у него в портфеле в совершенном беспорядке и, только сейчас заметил, что холопы грузят песок — Вас же ещё будут благодарить дети, их родители, и персонал садика!

— Опять! — простонал Король — тесть — Меня сегодня весь день благодарят, к вечеру

сесть не смогу, вся задница в засосах будет!

— Ваше Величество, наберитесь терпения, — поросил Интеллигент — вы же хотите снова подмять страну под себя? Так что без публичных благодарностей, о которых напишут в прессе, вам никак не обойтись.

— Ладно, уговорил, — махнул рукой Король — тесть — веди скотов!

Интеллигент поклонился, в знак покорности и, подбежав к узкой, окрашенной в синий, с рыжими пятнами, цвет дверце, распахнул её и полушёпотом сказал:

— Выходите, скорее, Его Величество ждут.

Из тёмного коридора детского сада, через дверцу, ровным плотным строем пошли хлопы, родители, держали на руках своих замурзанных чад, во главе шёл руководительский состав дошкольного учреждения.

Они все выстроились в шеренгу перед Королём — тестем, поставили на землю малолетних дитятей и, по отмашке Интеллигента, дружно склонились в низком поклоне, загнув и головёшки неразумных чад. Фотоаппараты снова защёлкали. Король — тесть, благосклонно, вытянул вперёд унизанную перстнями кисть и хлопы, попарно, по сигналу Интеллигента, быстро подбегали к Королю, прилаживались губами к тыльной стороне его ладони, и так же быстро отбегали. Каждому поцелую посвящалось с десятков фотовспышек. Когда последняя пара отцеловала руку, к Королю — тестю подошёл Интеллигент и тонким белым платочком, обмакнутым в обеззараживающий раствор, протёр руку своего патрона.

— А песка — то в кадре не было, — заметил Король — тесть — это на пиар не повлияет?

— Ничего страшного, Ваше Величество, — заверил Интеллигент — куча будет, её фотошопом приделают.

— А так можно читателей обманывать? — удивлённо спросил Король — тесть.

— Можно, — вздохнул Интеллигент — им не привыкать.

— Болван! — Король — тесть неожиданно отвесил помощнику оплеуху.

— За что? — скривившись, Интеллигент потёр затылок.

— Что ты сразу мне про фотошоп не сказал? — озлобленно процедил Король — тесть — Сколько бы я денег сэкономил! Я, тут, как дурак, по всей стране за собой этот песок вожу — расходов сколько! А, оказывается, можно было просто прифотошопить! — он топнул ногой и развернулся, собираясь уходить.

— Ещё одну секундочку, Ваше Величество, — Интеллигент оббежал патрона и перегородил ему дорогу — руководство заведения хочет вас поблагодарить и, после этого, можете быть свободны.

— Вот что у меня за жизнь! — простонал Король — тесть — Сам себе не принадлежу! И ещё находятся злые языки, не чурающиеся врать про то, что я, как сыр в масле катаюсь! До сих пор требуют отдать меня под трибунал, гаагский!

— Вот сюда, Ваше Величество, станьте так пожалуйста, — попросил Интеллигент, и подвинув Короля на шаг назад, быстрым взглядом подозвал, мявшихся в стеснении руководителей детского сада, те, вприпрыжку, подскочили, встали на коленки и вытянули, в ожидании, губы.

Король вздохнул, развернулся спиной к благодарящим, задрал коротенькую мантию, подбитую горностаем, и, приспустив шёлковые панталоны, выставил округлые формы, готовые принять на себя изъявления искренней признательности. Фотокорреспонденты синхронно нажали на спусковые кнопки аппаратов. И, вдруг, над всем этим, раскатился

громоподобный выкрик:

— Вот ты и попался! — и Король — тесть, ослеплённый, одновременно блеснувшими выпышками, почувствовал, как чья — то рука схватила его за мантию и дёрнула с такой силой, что он, не устояв на ногах, шлёпнулся на асфальт голым задом.

Хорошо, что асфальт был положен, ещё, в правление деда Короля — тестя, и с тех пор успел изрядно порости, пробившейся из него травой, что и дало Королю — тестю мягкую посадку.

Даже, забыв от неожиданности, подтянуть панталоны, он повернул голову назад и увидел, что над ним стоит чёрно — коричневая громада, с грязными волосами и слипшейся бородой, обильно обсаженной репейниками.

— О, нет!. — глухо простонал Король — тесть, глаза его округлились, поджилки задрожали — Только не это! — взмолился он.

Громада захохотала во всё горло.

— Нет, это бред, видение, мой разум помрачился! — пытался убедить себя Король — тесть — Виной тому переутомленье, что дух ужасный вижу я! Глаза же лгут мне — нет сомнений! Лишь наваждение у меня!

— Простите меня, Ваше величество, — Вшивый Интеллигент помог патрону подняться и подтянул ему панталоны — но если это ваше наваждение, то почему я его, тоже, вижу?

— Тоже? — с трудом выговорил Король — тесть, его губы онемели и еле шевелились, он ещё раз поглядел на чёрную громаду и спросил у Интеллигента — И как оно выглядит?

— Престранно, — Интеллигент боязливо жался к начальнику — то ли зверь невиданный, толи чудище небывалое, и слов, что б описать не подберу. Но вид у него, бесспорно, ужасный.

— Значит нет горячки у меня, — грустно выдохнул Король — тесть — слова твои описывают точно, что глаз мой видит, и от чего душа дрожит, — он завертел головой, оглядываясь — а где же стража вся моя девалась?

На этот вопрос, ответом был знак — из детской беседки помахала рука в чёрном рукаве, это был один из телохранителей Короля — тестя, подававший сигнал Королю — тестю, что бы тот не беспокоился, мол все они целы и прячутся здесь. Телохранители, вообще, как и полагается, первыми заметили приближение опасности, когда гигантское существо, ужасающей наружности перемахнуло через маленький заборчик и понеслось к Королю, они, телохранители, завидав такое, все дружно спрятались, в ближайшем укрытии, ибо хорошо понимали, что схватится со свирепым зверем — это не бабушку в живот пнуть, тут извинениями не отделаешься.

— Хорош кривляться, папаша! — клацнула зубами чёрная громадина, в которой внимательные читатели, безусловно, узнали, всем полюбившегося, добрейшего Короля Многоземельного.

— Выходит не ошибся я, — Король — тесть беспомощно повис на Интеллигенте — всё ж ты явился, как молния весной, как вихрь суровой зимою, как наказание за грехи...

— Да хватит уже! — перебил тестя Король Многоземельный — Вот же заладил!

— Это с ним от стресса, — пояснил Интеллигент — когда его что — то шокирует, он начинает, вот так, чудно говорить.

— Уж сорок лет почти не видел я тебя, — стонал Король — тесть — за что же рок безжалостною рукою меня карает, наслав чудовищный твой лик пред очи старые мои?

— Да деньгами я пришёл, папаша! — Король Многоземельный, перед носом у свёкра,

потёр большим пальцем об указательный — Башляй! Ты должен мне, коли на дочери твоей жениться я имел несчастье! Тьху! — он брезгливо сплюнул — С тобой, старым дураком, и я, уже, заговорил, как полоумный!

— Сейчас с ним бесполезно говорить, — объяснил Интеллигент, поддерживая размякшее тело патрона — нужно отвезти его в охотничий дворец и отпоить бутылочкой Шато Лафите тысяча семьсот восемьдесят седьмого года, от него он мигом придёт в себя.

В этот момент, Интеллигент почувствовал как что — то мокрое ляпнулось ему на лоб, забрызгав очки, которые он, тут же, протёр, что бы взглянуть от куда ему пришло такое счастье.

Это оказался Заяц, двольный точным плевком, он скривил насмешливую мину, рядом с ним стояла и Зайчиха.

— Что я тебе говорил? — спросил Заяц у сестры — На него можно плевать и давать пинков под зад! Я его знаю, он — Вшивый Интеллигент!

— С такими надо поостроже, — сказала Зайчиха, упёрла лапы в бока и так сурово поглядела на Интеллигента, так что тот съёжился.

— Погодите, не сейчас, — осадил своих приспешников Король Многоземельный, став между ними и Интеллигентом — сейчас, первым делом, нам нужно папашу на процедуры отвести, а то он, увидав меня, от счастья, сомлел бедолага.

— Простите, кому это «нам»? — робко уточнил Интеллигент.

Король Многоземельный резко обернулся к нему, их лица оказались, практически вплотную, и Интеллигент ощутил на своей щеке тяжёлое дыхание монарха.

— Хам! — выкрикнул Король Многоземельный и врезал Интеллигенту пощёчину — Я — Великий и могучий, достославный и всеглавный, Король Многоземельный собственной персоной! Ну и, по совместительству, зять вот этого вот... — не зная какие подобрать слова, он, попросту, постучал пальцем по лбу Короля — тестя.

— Ах, так вот вы кто! — пропищал Интеллигент — Что же вы сразу не сказали! Премного о вас наслышан. Его Величество, постоянно вас вспоминает, когда кричит во время ночных кошмаров.

Король — тесть, тем временем, водил пустым невидящим взглядом, пока, случайно, не упёрся глазами в чресла зятя.

— Он к тому же и голый! — ахнул Король — тесть и бред его возобновился — Нагой, как праотец Адам, сей вестник зла явился к нам! — запричитал он.

— Я так понимаю, что вы к нам в гости? — спросил Интеллигент у Короля Многоземельного — Родственников повидать?

— Да видал я их всех знаешь где? — пробасил тот — Просто у меня возникли небольшие материальные трудности и хотелось бы знать, как этот папаша, — он кивнул на тестя — намерен их решать, и как скоро. Эти побуждения и привели меня сюда, и, теперь, я вас, так просто, не покину.

— Ага, ясно, — Интеллигент неловким движением поправил, сползшие на кончик носа очки — тогда прошу вас, следовать за нами.

Вшивый Интеллигент шёл, задыхаясь под тяжестью бредевшего Короля — тестя, который, надо сказать, весил всего — ничего, но и такого груза тщедушному Интеллигенту было через край. Дыша ему в самую спину, что бы тесть, ненароком, не попытался улизнуть, ступал Король Многоземельный, за ним, переругиваясь, скакали зайцы. Телохранители короля, по — прежнему, опасливо выглядывали из беседки, но рисковать и пытаться встать

на защиту своего нанимателя не спешили, тем более, они видели, что страшный зверь не разорвал короля, а, наоборот, спокойно пошёл за ним следом, может он ручной и король, только что, приручил его, короче охранники решили не вмешиваться до получения, аких — либо, особых распоряжений.

Сразу за двором детского сада стоял, в ожидании, вертолёт государственной службы по чрезвычайным ситуациям.

— Вот по этой жестянке я вас и обнаружил, — Король Многоземельный указал на вертолёт — сразу понял, кто это может позволить себе путешествовать с ветерком, мы — то думали, придётся, до самого охотничьего дворца добираться и тут так свезло!

При этих словах король — тесть громко застонал.

— И нечего ахать, — пресёк его зять — сам виноват, нечего служебный транспорт для собственных нужд гонять! — и первым залез в салон вертолёта.

Так как вертолёт, уже, давно не использовали по официальному назначению, то из самого салона повыкидывали всё ненужное оборудование, заменив его двумя, поставленными друг напротив друга, длинными кожаными диванами, между ними поместили широкий стол с закусками и напитками, на стенах весели две плазменных панели по семьдесят дюймов каждая, на полу персидский ковёр.

— Скромненько, однако, но, зато, за бюджетный счёт, — оценил обстановку Король Многоземельный и, шлёпнувшись на диван, взял со стола фарфоровую тарелку с почищенными ананасовыми дольками, и принялся поглощать их, пуская по бороде сок.

Следующими, визжа и толкаясь, в салон ворвались зайцы, они заняли второй диван, Зайчиха принялась за устриц в лимонном соке, а Заяц, вытащив из ведёрка со льдом, бутылку шампанского, выстрелил пробкой в потолок и, пригубляя пенный напиток, прямо из горлышка, принялся за жульен с грибами.

Интеллигент, в пропитавшейся потом рубашке, втянул короля — тестя в салон и нежно усадил на диван, рядом с зайцами, чем вызвал их нескрываемое неудовольствие, потом он набрал стакан минеральной воды Перье, поднёс его к губам патрона и тот, маленькими глотками, постепенно, осушил его, после чего к нему вновь вернулся дар членораздельной речи.

— По что покой мой потревожил, о семень зла? — забубонел он, едва, взгляд его упал на зятя, растянувшегося на диване и потягивашего через соломинку изысканный розоватый коктейль — Твой лик, как появление кометы, лишь беды всем пророчит, что привело тебя сюда, что б разум мне морочить? — бормотал Король — тесть.

— Честное слово, папаша, — слегка вздрогнув, вертолёт начал подниматься и Король Многоземельный, от толчка, выронил бокал, коктейль, розовым густым пятном разлился по ковру — я ничего не пойму из того, что ты несёшь. Давай прилетим на место, ты, в мою честь, устройшь пир, там и обсудим — чего и сколько ты мне должен.

Полёт занял не больше десяти минут. Вертолёт взмыв в небо, пронёсся над цветными лоскутами полей, среди которых, совершенно блекло выглядели покатые крыши лачуг посёлка «Зайчуткино», затем пересёк, извивавшуюся змеёй стену, огораживавшую двести тысяч акров заповедных угодий от простых смертных, и, уже, скоро, впереди замаячил охотничий дворец, четырёхэтажный красавец, весь обсаженный острыми башенками, черепица крыш которых, в лучах заходящего солнца казалась золотой... а может, и не казалась.

Сел вертолёт на изумрудном газоне у парадного входа дворца.

Тут уже, при выходе, услужливые лакеи принимали гостей, помогая каждому выйти из салона. Два лакея помогли Интеллекту вынести короля — тестя, а два других, уже, поднесли ящик, где в золотой соломе, уютно расположились бутылки с любимым вином короля — тестя «Шато Лафите». Интеллигент принял от лакея быстро откупоренную бутылку и хрустальный бокал, и вснул и то и другое в дрожащие руки патрона.

Король — тесть, с трудом попадая в бокал, налил на два пальца, драгоценного, рубинового цвета, напитка и цокая зубами о стенку бокала, залпом выпил содержимое, вроде бы от этого ему немного полегчало, судорога сводившая лицо прошла, зрачки сузились до нормальных размеров.

Уловив благодатное действие вина, король — тесть, быстро разбил бутылку о мраморный борт фонтана и затребовал ещё бутылку, что, тут же, и было выполнено. Король — тесть проделал с новой бутылкой тоже, что и с предыдущей, и с ещё одной, и ещё одной, так он разбил с десятков бутылок, выпив при этом не больше двух полных бокалов, но это вернуло ему ясность разума.

— Интересно, а он знает, что бокал можно наполнять целиком? — глухо произнёс Заяц, у которого, от сильного запаха хорошего алкоголя, слюни потекли пуще обычного.

— Их величество должны пить по — королевски, — сказал Зайцу, стоявший рядом лакей, решивший, что этот вопрос адресован ему — это, только, низшие сословия опорожняют бутылку от начала и до дна, а их величество выпивает, исключительно, вершок.

Король — тесть, снял с макушки маленькую золотую корону, которую продолжал носить, не смотря на запрет суда и стащил тяжёлый напудренный парик, подставив свежему августовскому ветру коротко остриженную голову. Глазам его вернулась прежняя пронизательность, рот сжался в капризную подковку.

— Возьмите этого..., — он осёкся на полуслове — моего зятя, — поправился он — препроводите его в покои, сделайте ему омовение и, обязательно, хоть как — то, более — менее прилично, оденьте. И свиту его, тоже, приведите в порядок. Что бы к ужину они сверкали!

Лакеи, низко кланяясь, забегали вокруг Короля Многоземельного, предлагая ему следовать в покои, а тот, улыбаясь во весь рот, отвечивал им пощёчины, одну за одной, лясь — лясь! Какая радость!

Зайчиха, та повелела себя нести, а её скотский братец, успел таки умыкнуть из ящика бутылку излюбленного королевского вина, и шёл, вставив горлышко в рот, заливая вино в ненасытное чрево.

За помывку Короля Многоземельного принялись со всей ответственностью и тщательностью, его величественное тело погрузили в ванну, по размеру больше походившую на бассейн, на двести тысяч галлонов воды из высокогорного источника, обильно разбавленной благовониями и покрытой густой белой пеной. Драили монарха щётками и скребками, сразу пять лакеев, а он, в отместку, брызгал им пеной в глаза и, постоянно, норовил уплыть подальше.

Бороду августейшему выстирали, отжали и, даже, завили щипцами, заодно, сплели на ней пару косичек и привязали ярко — красный маленький бантик.

С зайцами, правда, в виду их более низкого происхождения, так церемониться не стали. Свели обоих в прачечный зал, загрузили в одну стиральную машину и прокрутили в барабане, предварительно разбавив воду дустом, там же, в центрифуге их отжали, высушили в сушилке, а по окончании, обоих обработали средством от блох.

Обеденный зал охотничьего дворца отличался простором, так как, именно здесь, перед охотой, король, обычно, собирал многочисленное общество состоящее из благородных господ и они, все дружно, упивались в усмерть, что делало последующую охоту гораздо насыщеннее в эмоциональном аспекте. Пока король с братией напивались, егеря завозили во дворец клетки с заранее отловленными зверьми, и, связывая им лапы, закидывали их в зал, где пировали охотники, и те умервщляли зверей, практически, голыми руками, так как король был за строгое соблюдение техники безопасности и выпившим строго — настрого запрещалось брать в руки как огнестрельное, так и холодное оружие. Как результат таких бесчисленных удачных охот, шахматный гранитный пол обеденного зала, был услан тремя слоями выделанных шкур всевозможных животных — олени, лоси, медвежьи, лисьи, даже несколько жирафьих и одна слоновья. Слоновья была одна, только, потому что убивать слона вручную оказалось трудным делом и егерям было приказано — больше слонов не подавать.

В высоком потолке, расписанном картинами из охотничьей жизни, крепились три десятиярусных люстры, по десяти тысяч свечей каждая, достававшие нижними подвесками, чуть ли не до полу.

Длинный обеденный стол, яродов дридцати, красного дерева, устланный бордовой льняной скатертью уже был готов к ужину, все приборы, чаши, кувшины, блюда — всё было из чистого серебра, и не потому что король — тесть был беден, а с целью выделить главную персону, то бишь самого короля, тем что, лишь, ему были поставлены золотые приборы.

Король — тесть, уже, переодетый к ужину, высоко задрав нос и чеканя шаг, вошёл в зал, через позолоченные двери, распахнутые перед ним лакеями в белых перчатках, за ним семенил Интеллигент, с неизменным потёртым портфелем в руках и в помятом стареньком костюме.

Когда король вошёл, оркестр, расположившийся на балконе зала, по взмаху дирижёрской палочки, заиграл маленькую ночную серенаду Моцарта.

Король — тесть занял почётное место во главе стола, Интеллигент стал у него за спиной и рылся в портфеле, извлекая из него какие — то бумаги.

Лакеи засуетились вокруг короля — тестя, наливали вино, заправляли салфетку и мелко нарезали филе лебедя. Но не успел король — тесть пригубить аперетив, как церемониймейстер трижды ударил жезлом о пол и прокричал:

— Их величество Король Многоземельный, зять!

И тут же лакеи, распахнув двери, впустили и самого обладателя вышеупомянутого титула.

Нужно объяснить, что так оказалось — ни в личном гардеробе короля — тестя, нигде либо по всему дворцу, не нашлось платья подходившего по габаритам Королю Многоземельному и, не найдя иного выхода, челядь обернула зятя своего повелителя в красную шёлковую штору, как в тогу, потому выглядел, теперь, сей достойный монарх, крайне необычно, если учитывать интерьер в котором он оказался.

Король Многоземельный прошёл в зал, чинно, с полным осознанием собственного достоинства и дал пощёчину церемониймейстеру, от чего тот выронил из рук жезл, но на ногах, всё — таки, удержался.

— В этом одеянии вы похожи на римского патриция, — заметил король — тесть зятю, усевшемуся по левую руку от него.

Король Многоземельный лишь бросил на тестя злобный взгляд, но ничего не ответил,

так как его рот, уже, был занят поеданием молочного поросёнка.

Рядом с Королём Многоземельным, образовались и зайцы. Церемониймейстер не объявил их, как особ хуродных, потому в зал они просочились не замеченными, зато за столом, сразу же стали себя проявлять.

Заяц затребовал коньку, заплевав салфетку, и выпив залпом полный бокал, срыгнул и накинудся на еду, чавкая и забрызгивая слюной скатерть.

Зайчиха поливала бранью лакеев, укоряла в недостаточной исполнительности, в конце концов она затребовала, что бы один лакей сам накальвал кушанья на вилку и клал ей в рот, а второй, регулярно подносил бокал с вином, что бы она могла сделать пару глоточков, при чём одно и тоже вино, дважды не подносить!

Для лакеев оказалось проще прислуживать монархам, чем услужить зайцам. Самое страшное, что могло произойти с обслугой при монархах — это пощёчина от Короля Многоземельного, а вот зайцы свои фантазии ничем не ограничивали — приказывали лакею наливать вино, удерживая бутылку на лбу или разделявать павлина стоя на голове, короче, всё старые барские забавы. Но, не считая, заячьих проделок, трапеза проходила в полном молчании и, только, после четвёртой перемены блюд, лениво ковыряя мизинцем в зубах, Король Многоземельный завёл беседу:

— Ну, папаша, — начал он — вижу, что от невыносимой радости, которую принесла встреча со мной, вы, уже, достаточно опомнились, а значит, пора нам перейти к делу. Я к вам в гости не просто так, понимаете ли, пришёл.

— Как будто, хоть раз, было иначе, — король — тесть был не в восторге от предстоящего разговора, который, как он точно догадывался, будет для него крайне неприятным.

— Да, не было, — согласился Король Многоземельный — но, ведь, и не так часто я или моя супруга беспокоили тебя визитами.

— Вас я, вообще, имел удовольствие видеть пару раз, перед свадьбой, и на ней самой, — у короля — тестя от волнения пересохло во рту и он залпом опорожнил полный бокал вина, но сухость не прошла — и я имел надежду не лицезреть вас никогда более, — докончил он.

— Папаша, твою мать за ногу, — Король Многоземельный грязно выругался — ты думаешь, что мне доставляет удовольствие видеть твою кислую рожу? Ты мне и даром не сдался. Но ничего не поделаешь — нужда! Так сложилась, политическая конъюктура, что я вынужден оказать визит в ваше королевство.

— Да уж слышаны, — король — тесть искоса поглядел на зятя — как вы изволили целую державу за считанные дни спустить.

— А ты мои деньги не считай! — Король — Многоземельный грохнул кулаком по столу и дал лакею пощёчину.

— Твои? — скривился король — тесть — Вы всё это в приданное получили.

— Получил!? — рывкнул Король Многоземельный — Заработал! Выполнил условия договорённости, я — женюсь на твоей дочери, а ты мне солидное приданое! Хотя, знай бы я тогда твою дочь лучше — я бы вдвое больше затребовал.

— А двести тысяч золотых монет? — с плохо сдерживаемым гневом, спросил король — тесть — Это по какой договорённости вы себе присвоили?

— Я же тебе, уже, сказал, — злобно засопел Король Многоземельный — что не знал, что за фрукт твоя дочурка и, теперь, имею полное право на доплату.

— Вот ты её и получил! Чего тебе ещё?

— Мне ещё денег!

— А вот, теперь, не получится, — развёл руками король — тесть.

— Не хочешь по — хорошему, я к тебе твою дочку пришлю, она тебе такой скандал учинит, такую истрику закатит — мало не покажется. Сам будешь за мной бегать, но, тогда, это станет тебе куда дороже!

— Да не в том же дело, что я отказываюсь! Ни в коем случае! — король тесть испуганно замотал головой — У меня физически нет средств, которые бы соответствовали твоим требованиям. Ну нет у меня таких денег! А всё из — за того, что ты лишил меня этих двухсот тысяч золотых. Их бы мне хватило, что бы на предстоящих выборах поддержать материально все партии, а они, уже, на первом же заседании парламента проголосовали закон о реставрации меня на престоле и, тогда, я бы, вновь, получил безграничный доступ к бюджету страны, да и к международным займам, проси у меня, тогда, сколько хочешь — всё дам. А, сейчас, я беден, как церковная мышь! — и, как бы, в доказательство своих слов, он постучал золотой ложечкой по золотому блюдцу.

— Хорош прибедняться! — не верил Король Многоземельный — Ты же, как пить дать, уже, через суды, вернул себе с десятков поместий. Или у вас, после революции суды отменили?

— Нет, что ты, не отменили! — король — тесть вздрогнул от одой мысли о такой возможности.

— Или может судьи перестали мзду за решения брать? — спросил Король Многоземельный.

— Типун тебе на язык! — не удержавшись, вскрикнул король — тесть — Благо дело, что в судопроизводстве у нас осталось всё по — прежнему, а то бы, хоть камень на шею вешай! Но и суды, к несчастью, не всеильны. Да, кое что мне удалось вернуть, там — поместье, там — со счёта арест сняли, но глобальных изменений, увы, через суд провести невозможно.

— Не плачься, не разжалобишь, — Король Многоземельный промакнул салфеткой жир натёкший на бороду — есть же в твоих поместьях хлопы? Есть! Вот и обложи их податями завышенными — будет тебе капиталец.

— Да я, уж, их со всех сторон обклат, — заверял король — тесть — так с тех доходов самому ели — ели на хлеб хватает.

— А налог на воздух? — уточнил Король Многоземельный.

— Само собой! — воскликнул его тесть — Давно ввели, по всей стране и, кстати, именно, после революции и отстранения меня от законного управления державой. Сами революционеры и ввели! Честное слово, после этого я чувствую себя полнейшим ослом! Как я сам, будучи полвека на престоле, до такого не додумался!

— Да ты и есть — осёл! — сообщил тестю Король Многоземельный — Странно, что ты так поздно понял, хотя, нет, не странно, ты же — осёл! Ну, фиг с ним! Вернёмся к нашим финансам, налогообложение за воздух ты по какой формуле проводишь?

— Какой ещё формуле? — спросил король — тесть — Не пойму о чём вы речь ведёте? У нас на каждого хлопа, просто, наложена абонплата, значащаяся в платёжной квитанции, как плата за воздух, ибо, дескать, неприлично брать плату без предлога, хотя я — не сторонник предрассудков.

— Ай, дурак! — с трагической миной покачал головой Король Многоземельный — Абонплата за подключенные органы дыхания к воздушным массам — это, само собой

разумеющееся! Но, кроме этого, должна быть ещё и плата за сам воздух! И не просто так плата, взятая с потолка, а, что бы всё по науке. Потому учёные мужи, по моему указу, и вывели формулу.

— Да что это за формула такая? — король — тесть ёрзал на стуле от любопытства.

— Формула называется «Луна+»! — Король Многоземельный облизал жирные пальцы.

— Это как? — король — тесть, чуть из штанов не выскакивал, ибо в словах зятя ему почудилась возможность лёгкой наживы.

— А так, — хитро прищурился Король многоземельный — вот у нас же с тобой передовые государства, развитые, современные?

— А то! — ни секунды не задумался король — тесть.

— А значит экономика у нас какая? — спросил Король Многоземельный и сам ответил на свой вопрос — Рыночная!

Король — тесть только кивал головой в знак согласия.

— Именно рыночная экономика даёт нашим государствам возможность развиваться и не отставать от мирового прогресса, — рассуждал Король Многоземельный.

— Ага, ага! — поддакивал ему тесть — А, лично, нам она даёт миллионы и миллиарды!

— Ну да, даёт, — соглашался зять — тут ничего не поделаешь, это — невидимая рука рынка, это рынок диктует такие правила, мы — то ни при чём!

— Ага, конечно! — хихикнул король — тесть.

— Так вот, согласись папаша, что в рыночной экономике каждый должен платить справедливую цену за потребляемый ресурс? А не так, что одни платят больше, а другие меньше.

— Безусловно! Все должны платить одинаково! — выступил за справедливость король — тесть, но сделал маленькое уточнение — Только не я.

— А раз всем платить одинаково, то каку же цену нам принять за единственно справедливую и, соответственно, верную? Разумеется максимальную! А где у нас наивысшая стоимость кислорода?

— Где? — король — тесть слушал во все уши.

— На луне, конечно! — открыл истину Король Многоземельный — К сожалению, до Марса, пока, не долетают. Соответственно справедливой будет такая цена воздуха, сколько он стоит на луне, плюс, в эту цену входит, доставка его до земли, а уж, только потом, и абонплата, разумеется.

— Гениально! — ахнул король — тесть — Феноменально! Это же настоящий клондайк! Нет! Куда там клондайку! Эльдорадо! Нет! Лучше! Эдак я могу продавать всё что угодно, просто, по формуле «Луна+» и баснословно наживаться! Хлеб, вода, уголь, всё без чего не может существовать чернь!

— Спокойнее, папаша! — придержал пыл тестя Король Многоземельный — Не забывай, мне как изобретателю, принадлежит половина за эксплуатацию моих концепций. Авторские права, как — никак.

Интеллигент склонился к уху короля — тестя и, с прискорбным видом, что — то зашептал, после услышаного король — тесть, даже, посерел и, сгоряча, выругался.

— К сожалению из вашей великой идеи в наших краях ничего не выйдет, — глухим, срывающимся голосом сказал он зятю — без одобрения парламента запрещается вводить новые поборы, сверх имеющихся, — на глазах у него выступили слёзы и он, почти, прокричал грозя кулаком в пространство — варварская страна!

— Бардак ты тут развёл, папаша, — дал политическую оценку Король Многоземельный.

— Да, есть и моя вина, — не отрицал король — тесть — мало я расстрельных списков составлял, ленился, жалостливый слишком был, патронов жалел. Вот, теперь, и маемо шо маемо... А вот был бы у меня горшочек с двумястами тысячами золотых, я бы всё в зад вернул. Ну, уж, прежних своих ошибок бы не повторял!

— Вот же ты заладил, — раздражённо произнёс Король Многоземельный — вынь тебе и положи эти двести тысяч золотых. Я же тебе сказал, прекрати зариться на чужое, это золото — это то что ты мне за сватовство не додал, а теперь, пришёл час тебе расплатиться со мной полностью, хотя бы и тридцать лет спустя! Не забывай, что я — твой зять, муж твоей любимой дочери!

Король — тесть тёр покрасневшие глаза, чувствуя, что дорогой зять загоняет его в безвыходное положение и, уже, прикидывал — хватит ли у него средств откупиться и, если что, в каких банках можно будет взять ссуду, но мысли разбежались и ничего толкового в голову не приходило. Он, дрожащей рукой взялся за бокал, надеясь найти спасение в вине, но тут, троекратный удар посохом о пол, как электрический ток ударил по его натянутым нервам и бокал, выскользнув из пальцев, упал на устланный шкурами пол, и тёмно — красное вино разлилось по мехам, словно бедные звери, вновь, истекали кровью.

Церемониймейстер прокашлялся и громко выкрикнул лишь одно слово:

— Дед!

Тут же появился и вышеназванный персонаж, опиравшийся на кривую клюку, в своих неизменных ледерхозенах, в белых гольфах и красных домашних тапочках, красная клетчатая рубаха с закатанными рукавами, обнажала заgreбущие руки и удерживала круглый, как бочонок животик, хитрый прищур под толстыми линзами очков, седая кудрявая борода и твидовая кепка, прикрывающая залысину на макушке, вобщем, самый, что ни наесть Дед.

— Жерете? — с укором спросил он, поглядев на стол.

Король — тесть, спешно промакнул губы салфеткой и, как бы оправдываясь, ответил:

— Я послышал за тобой, но твой камердинер ответил, что ты почиваешь и просил не беспокоить.

— Завжди знайдеш спосіб викрутитись, — проворчал Дед — не поважаешь Діда, маєш не за шо...

— Что ты такое говоришь? — спросил король — тесть с обидой — Я ли тебя не лелею, не я ли воздаю тебе, как самому родному и близкому?

— А грошей не даєшь! — Дед пошёл к столу, нервно стуча клюкой по полу — На словах кожен здатний Діда любить, а ти грошей дай! Грошенят!

— Дед, прекращай, — попросил Король — тесть — зачем тебе, ещё, и деньги? Пенсию ты прежнюю получаешь, ещё, мною назначенную. Квартира в столице, в центре, семикомнатная, тоже между прочим я на тебя её переписал. Ешь, спишь — всё за мой счёт, чего тебе, ещё, не хватает?

— Ось ти який, курво мать, — не прекращал брюзжать Дед — такуж і доньку виховав, шо вона, власного дідуся, у пустелі на загибель кинула!

— Но с тобой такой фокус не работает, — с долей сожаления в голосе, сказал король — тесть.

— А ти, вже, й радий був, шо Діда позбувся, — старик погрозил королю — тестю клюкой — та даремно, від мене так легко не здихаєся! Не мрій!

Уже, прошкандыбав мимо Короля Многоземельного, Дед, вдруг остановился и сдал

назад. Подойдя к стулу, на котором сидело Его Многоземельное Величество, он, резко изогнувшись, поглядел ему, прямо, в глаза, пристальным изучающим взглядом.

— Гей — гей, та хто це в нас такий? — процедил Дед.

— Дедушка! — позвал старика король — тесть, боясь, что бы не вышло чего плохого — Это муж моей младшенькой, Закатиглазки, зять мой.

— Звідки мені б його знати? — Дед нетривно смотрел на Короля Многоземельного — Ви ж мене, навіть, на весілля не запросили, стидались рідного Діда!

— Всё же это была королевская свадьба, — напомнил король — тесть — событие международного значения, как тебя можно было пускать туда? Ты бы, обязательно, что —нибудь учудил.

— Так, — согласился Дед — утнув би, та може, воно б і накраще було, коли б я весілля розстроїв, то не було б у тебе такого зятя, який тобі у нічних жахіттях мариться, та донька твоя не поцупила б горщик із золотом і він би мені дістався! — последние слова Дед выкрикнул, злобно клацнув зубами и ударил клюкой по столу.

Король Многоземельный, которому сразу не понравилась хитрая физиономия Деда, оттолкнул старика от себя, выразив своё мнение о нём парой скверных слов.

От толчка Деда отнесло на пару шагов назад, но упёршись клюкой в пол, он крепко зафиксировал себя.

— Та ні, — засопел Дед — я вже цього пройдисвіта, колись бачив. Але де саме? — он поскрѣб в затылке — Ніяк не можу пригадати. Але ця наглюча пика добре запала мені у пам» ять. Довжелезна космата борода, таку не забудеш. Але де? — он опѣрся всем весом на клюку, задумчиво разминая пальцами нижнюю губу и, вдруг, подпрыгнул, да так, что с него свалилась твидовая кепка — Згадав! — закричал он — Згадав! Сорок років тому, я придбає собі діляночку, та почав будувати маленьку хатинку, хотів там оселитись, та для цього, по — перше, вирішив огородити свій маєток парканом. Добрий паркан зробив, високий, із товстих дошок, дійшла справа його фарбувати, тож і вирішив я винайняти пару наймитів, хай вони пофарбують, а я, тим часом, до міста з'їзджу, бо всі цвяхи вийшли, треба ще купувати, думав, як повернусь, то паркан, вже, й обсохнуть встигне. Тож найняв я двох батраків, вони тинялись навколо, байдикували, дав їм фарбу, розчинник та пензлі, наказав, до вечора, коли я повернусь, щоб усе було пофарбоване, та щоб якісно, бо, як мені не сподобається, грошей не отримують. Та що воно вийшло! Не встиг я від'їхати за ближню річку, як мене обігнала якась вантажівка, у кузові якої я встиг помітити діжку із фарбою, яка видалась мені дуже знайомою. У мене, аж, серце, похололо! Я, відразу, повернув свого віслюка назад, та галопом поскакав на будмайданчик. І що я там побачив? Два ледарі, яких винайняв, замість роботи, торгували моїми ж пензлями! Ні фарби, ні розчиннику, вже, не було! Я, ледь встиг, схопити обох! Гроші, що вони заробили за свою злочинну комерцію — відібрав, але їх не вистачило б і на пів діжки фарби, не кажучи за розчинник! Тож я затагнув цих злодюг до себе на ділянку, прив'язав обох, та всипав їм таких різок, що вони верещали, як навіжені, звинувачуючи один одного, немов би це полегшело катування. Та нарешті, надвечір, я притомився, та пішов відпочити, щоб, наранок, примусити цю босоту відпрацювати гроші, яки вони заробили на моїй фарбі, але обидва негідники за ніч перегризли мотузки і втікли. Із тих самих пір я тільки і мріяв, щоб доля звела нас ще раз. І ось, заходжу я сюди і що бачу? Один із тих пройдисвітів сидить за королівським столом, як так і треба. Що, думав я тебе не впізнаю? — Дед ткнул прорезиненним кончиком клюки в плечо Короля Многоземельного — Хай сорок років із тих пір минуло і тоді ти ще був малий, але твою бороду я добре запам» ятав!

— Это правда, — поддержал старика король — тесть — у нашего Дедушки фетиш на бороды, к бородатым он относится с крайним вниманием и опаской. Ему всё кажется, что склад с солью, который он сторожил — обокрал, какой — то бородатый маньяк. Бред конечно, зачем маньку соль? Скорее всего её Дед сам продал, а для прикрытия выдумал маньяка, но сути дела это не меняет, к бородачам он бдителен необычайно.

— Годі мене оббріхувать! — вспенился Дед — Маньк Борода існує! Так, сіль я хотів тихенько продати, але, коли вночі під'їхав покупець та розбудив мене, виявилось, що на всьому складі не залишилося ані крихти сілі, нічого!

— Зачем же маньяку понадобилось столько соли? — спросил король — тесть, пряча улыбку.

— Та я ж вам сто разів казав! — видно было, что упоминание о маньяке было для старика крайне чувствительной темой — Він змушений витримувати у солі свою довжелезну бороду, а саме у ній і криється його маньяча сила! А, смієтесь!? Ну ось побачимо, як ви посмієтесь, коли я його упіймаю і буду за гроші показувать. Цей також думав, що я його ніколи не знайду, — Дед снова ткнул клюкой Короля Многоземельного — але ж от, попався, тепер ти від мене не втичеш! Ану йди фарбуй паркан! Хутко! — Дед ударил клюкой по столу, разметав в стороны приборы стоявшие перед Королём Многоземельным и забрызгав всё жиром.

— Ой, ладно из мухи делать слона, — нехотя сказал Король Многоземельный, предоставляя лакеям возможность вымакать жир с его тоги и поставит приборы на место — там краски было всего — ничего...

— Фарбуй паркан! Сучий сину, курво мать! — Дед не желал слушать никаких оправданий, а, только, истерически бил клюкой по столу.

Король Многоземельный, которому, уже, порядком надоел этот назойливый старик, просто — на просто, схватил за конец конец клюки, бесцеремоннейшим образом вырвал её из старческих рук и зашвырнул, через весь стол, в дальний конец зала, где она мягко приземлилась на грудку звериных шкур.

— Ти диви, шо утнув! — присвистнул Дед — Як я, тепер, ходитиму? — от ярости у него затряслась голова, но толстые крепкие ноги, даже не пошатнулись, наоборот, сделали резкий прыжок вперед и Дед навис над сидевшим Королём Многоземельным, пытливо поглядев ему в глаза, он показав свою широкую холёную ладонь, лукаво спросив — А як шо я даси тобі доброго ляпаса — підеш паркан фарбувать? Га?

Король Многоземельный внимательно изучил ладонь, которой ему предлагалось получить «доброе ляпаса», подумал, поскрёб бороду, медленно поднялся, повернулся к Деду и, хорошо размахнувшись, вlepил тому такую пощёчину, что от её хлопка на секунду затих оркестр, подумав, что внизу выстрелили. У Деда подкатились глаза и он рухнул на пятую точку.

— Оце так — так... — прошептал Дед потирая пылавшую щёку — оце лупанув Діда... — лакеи помогли Деду встать на ноги, но скандалить он больше не имел желания, и взявъ, принесённую ему клюку, он обошёл стол и тихо уселся по правую руку от короля — тестя.

— Фух, — выдохнул король — тесть, толи от переедания, толи от радости, что скандал, кое — как, сгладился, он повернул голову к Интеллигенту и сказал — давай, пока, поглядим, что там эти писаки напечатали.

Интеллигент, с поклоном, подал ему большую, как свёрнутая скатерть, тяжёлую газету,

ещё хранившую сильный запах типографии.

— Так, что здесь у них, — пробурчал король — тесть себе под нос — ага, вот вижу, на первой полосе, как и заказывали, — он сделал глоток вина и зачёл — «Благотворительный фонд имени короля любимого провёл ряд умопомрачительных презентаций детских игровых и спортивных площадок, проявив невероятную и ничем незаслуженную заботу о детях и юношестве. Трудовые коллективы лодырей и бездельников выражают глубочайшую благодарность его величеству, валяются у него в ногах и целуют пыль с его подошв», ну что же, неплохо пишут, — оценил король — тесть и продолжил чтение — «Но самое большое и неизгладимое впечатление на публику произвёл новый питомец короля, с которым он появился на презентации благотворительного фонда имени себя любимого. «Что?! — у короля — тестя округлились глаза и он быстро пробежал следующие строки — «Королевский питомец — это трёхметровое чудище, неизвестной породы, по всей видимости является ни чем иным, как легендарным йети, приобретение которого должно стоить фантастических денег, что указывает на то, что наш бывший сюзерен, вовсе не собирается отказываться от старых привычек к безумной роскоши, хотя в публичном поле он, неединожды, заявлял обратное, и вот, теперь, после покупки чупакабры, которую он долго отрицал, пока не был припёрт фактами, бывшее величество находит позволительным выбрасывать колоссальные суммы на закупку очередной диковинки!» — король — тесть, дрожащими руками развернул газету и его взгляду предстало большое чёрно — белое фото на половину страницы, где его самого за мантию тянет голый чумазый Король Многоземельный.

Снимок запечатлил, во всей красе, сегодняшнюю встречу зятя и тестя.

— Пропиарился называется, — горько произнёс король — тесть — только скандал с чупакаброй замяли и вот опять... — он, с видом полнейшей апатии перевернул страницу и бегло пробежал её глазами, после чего несколько секунд посидел молча и, только, мимика его лица выдавала в нём внутреннюю борьбу, но в итоге, он сдержался и, повернувшись к Деду, мягко спросил:

— Ты опять пишешь против меня свои филиппики?

— Ні, — замотал головой Дед — з чого це ти узяв?

— Да вот, здесь, — король — тесть постучал пальцем по газете — напечатаны отзывы благодарных граждан к моему благотворительному фонду.

— І шо? — Дед расправлялся с рябчиком, активно работая челюстями.

— Я заплатил десятку бездельников, что бы они написали в газету письма с хвалебными отзывами, потратился на целый грош и вот они, все здесь напечатанны, каждое слово, как сахар! Вроде бы всё удалось, но нет! Последний, одиннадцатый отзыв перечёркивает все мои труды!

— Шо ти таке кажеш? — Дед прикидывался, абсолютно, непричастным.

— А ты послушай, что в этом отзыве, — король — тесть прокашлялся, дал сигнал оркестру стихнуть, и громким голосом прочитал следующее:

Ні, ви — не люди!

Ви — скоти!

Ви — виродкі убогі,

За гріш, шо кинули пани,

Цілуєте їм ноги.

І діточок не шкода вам,

Мерзенні гнилі люди!
Ви не гидуєте ні чим,
Підстилки і паскуди!
Від пана дріб'язковий рух,
Ви славите, як ману,
Неначе, то є Божий дар,
Злодії препогані!
Ви — наймерзенне на землі,
Ви — іродові діти,
За гріш кривавий,
Все здали,
Куди ж тут правду діти?
А скільки ж пан той,
Шкір зідрав,
І не злічить вовіки,
Та то байдуже холоуям,
Гидотам свинопиким... [2]

— Как тебе поэзия? — тихо поинтересовался у Деда король — тесть.

— Та я ж не розбираюся у віршах, — ответил Дед и на губах его заиграла злорадная ухмылка.

— Ты что думаешь я не знаю, кто подписывается псевдонимом «Невідомий автор»? — король — тесть не смог сдержаться и, скомкав газету, швырнул ею в Деда.

Дед, которому печатный лист плюхнулся в суп из гнёзд саланганы, нисколько не обиделся и, просто, отодвинул от себя серебрянную тарелку, которую тут же принял лакей, и вместо унесённого блюда подал старику жаркое из дичи.

— Будеш знати, як мені грошей не давати, — нравоучительно сказал Дед и запустил вилку в зажаренное мясо.

— Дед, я тебя в сотый раз прошу, прекрати писать на меня пасквилы, — король — тесть заламывал пальцы, стараясь скрыть нервозность — На прошлой неделе в журнале «политическое обозрение» вышла твоя статья, где ты пишешь, что якобы я за трапезой лопаю икру белуги — альбиноса, да большой ложкой! Ты же выставляешь меня перед людьми лжецом! Как люди будут мне после этого верить? — он взял большую золотую ложку и зачерпнул ею из золотой вазочки белой икры с нежно — золотистым оттенком, зачерпнул щедро, с горкой, закатил языком в рот несколько икринок, а остаток стряхнул на пол.

— Це я виставляю? — удивился Дед.

— А кто? — король — тесть, в сердцах, бросил ложку, которой, уже, зачерпнул новую порцию икры — А кто? — визгливо переспросил он — Я повсюду рассказываю, как я во всём себя ограничиваю, что живу в спартанских условиях, пью, только, воду, сплю на соломе, а ты после этого, позволяешь себе писать обо мне подобные вещи! Из — за тебя, в глазах населения, я выгляжу последним лжецом!

— Хоча, насправді, ти — перший, — отметил Дед.

— А чего ты добиваешься? — король — тесть в ярости кусал свои тонкие губы — Вернее, даже, не ты, но те кто с радостью и трепетом внемлют твоим опусам, выставляющим роскошную жизнь, как нечто предосудительное? Будто бы в том, что отец покупает сыну на

шестнадцатилетие новенький бентли, есть что — то порочное! Чего вы все хотите? Отнять и поделить!?

— Ой не треба! Ой не треба! — насмешливо просил Дед — Ти думаєш, що Дід — такий дурень, що ти можеш через цю булгаківську фразочку загнати мене в кут? Ні, так ти будеш дурити холопів, але не мене. Відібрати і поділити! Ти кажеш про це, як про ганебну практику, але чому ж ти сам, та твоє оточення, щодня втілює її у життя? Га? Відібрати і поділити — було завжди, питання, лише, в тому, у кого саме відбирають та на чию користь ділять. Зара ви відбираєте у холопів і ділите поміж собою, та дуже, боїтесь, щоб не стало навпаки, не бажаєте скуштувати власних ліків.

— Отбираю у хлопів? — король — тесть сжал салфетку побелевшими пальцами — Ну, во — первых: они и созданы для того, что бы господа у них отбирали, а во — вторых: да без меня, эти скоты, элементарно, сдохли бы с голоду. Я, между прочим — работодатель! Да посмотри, хотя бы, вокруг себя! — он показал на штат лакеев и оркестр — Я даю всем этим бездельникам работу, кусок хлеба! Или, вот, полоскали недавно моё доброе имя за то, что я оформил на себя государственные залежи нефти и газа. А про то, что на добыче этих самых залежей я создал рабочие места — об этом никто не сказал! И, теперь, с полторы сотни лентяев, которых я нанял, могут позволить себе хлеб и воду, да ведро угля на зиму!

— Так ти ж хліб наказав, лише, у твоїх крамницях купувать, робиш його із паперу та стружок, а ціна така, мов би він із золота. І вугільна монополія, теж у тебе. Я, взагалі, не розумію, чого ти зі мною, так тужися, мов би тебе на теледебатах за живе вхопили? — Дед подмигнув королю — тестю — Мені байдуже, звідки і як ти наживаєш мільйони, мене хвилює, лише, те, що ти зі мною не ділешся, а тому подібних статей буде все більше, подивимося, як ти протягнеш свою кішенькову партію до парламенту. Та ще вистачило тобі розуму назвати партію своїм власним і'ям. Дурепо!

— А что в этом такого? — не понял король — тесть — Я всегда любил всё своим именем называть. Я очень себя люблю и мне нравятся названия с моим именем. Короче, Дед, я тебя предупреждаю, ты меня доведёшь. Сколько лет ты, уже, живёшь у меня, как сыр в масле, но всё тебе мало, гляди мне, доиграешься!

— А ти мене не лякай! — угрозы були Деду не по нутру — Я собі у західній пресі зробив славу обділеного старого вояки, тож, якщо зацепиш мене, вони там, на заході, такий гвалт учинять, що всі твої офшорні рахунки позаарештовують, ти ж їх знаєш, їм, тільки, привід дай.

— Ох! — вырвалось у короля — тестя при нападении о таком чувствительном для него вопросе и он откинулся на спинку кресла, трясущимися пальцами сорвал изумрудную брошь, удерживавшую батистовый воротник и тяжело задышал.

Интеллигент, заметив такое состояние патрона, принялся обмахивать его кипой газет, которые были у него в портфеле.

Когда королю стало лучше и взор его, вновь, наполнился осмысленностью, Интеллигент спросил у него:

— Другие издания читать будете, ваше величество? — и показал стопку прессы.

— На сегодня достаточно я начитался, — отверг предложение король — тесть — в былые времена, только, за одно кривое слово я весь штат бы на улицу выбросил, газету закрыл, а главного редактора в лесопосадке по частям бы собирали! А, теперь, каждая сволочь полагает возможным печатать то, что посчитает нужным! Как мы до такого докатились? О времена, о нравы! — он картинно приложил тыльную сторону ладони ко лбу

и закатил глаза.

— З'їж порося із хріном, — порекомендовал Дед — усе погане, як рукою зніме!

— Да вы мне, совсем, аппетит испортили, — вздохнул король — тесть — кусок в горло не лезет.

— В этом, папаша, — заговорил Король Многоземельный — я тебе помогу, потом пару миллионов сверху накинешь. Есть у меня один умелец, дурак дураком, так потешит, что о всех бедах забудешь! — он повернулся к зайцам и позвал — Эй, болван!

Зайчиха, так наелась, сидела еле дыша и, только, водила глазами, не в силах вымолвить и слова, а Заяц, накушавшись водки с коньяком, спал, уткнувшись мордой в половину тушки недоеденного запечённого зайца.

— Эй, болван! — снова окликнул косоногого Король, но тот не отвечал, тогда монарх протянул руку, схватил зверька за единственное ухо и встряхнул как следует.

— Да идите вы все на хер! — проворчал косоногой спросонья, но, раскрыв глаза, и увидев кто его тормозит, Заяц собрался, овладел собой и, заплетающимся языком, вопрошал — Чего изволите?

— Танцуй! — приказал Король Многоземельный.

— С какой это радости? — нахально спросил Заяц — Я теперь сытый. Больше за харчи не работаю! Хочешь плясок — гони монету!

— Как ты смеешь дерзить своему повелителю?! — Король Многоземельный грязно выругался — Я, сейчас, прикажу хлопам тебя на конюшню вывести и угостить там арапничком, да так, что бы я здесь слышал, как ты визжишь.

Заяц сразу протрезвел, запрыгнул на стол и, как сумасшедший, пустился вприсядку, при этом корчил такие забавные рожи, что Король Многоземельный покатывался со смеху.

— Ну как тебе, папаша, мой болван? — вытирая слёзы смеха, спросил Король Многоземельный у тестя.

— Не плох, — ответил тот — но у меня для усиления аппетита, есть средство получше, — он повернулся к Интеллекту и распорядился — введите быдло!

Интеллигент опрометью бросился к маленькой дверце, скрытой за гобеленом, нырнул за неё и, вскорости, появился снова, но уже, сопровождаемый, выстроенными попарно хлопам, в количестве четырёх десятков, да пятью десятками надзирателей с плетями, подгонявшими, вяло бредших хлопов.

Приведённых построили перед столом, их большие, безжизненные глаза загорелись при виде обильной трапезы, впалые щёки задёрнулись, на скулах заиграли желваки.

Облачённые в лохмотья, босые, хлопы, жались друг к другу, не в силах оторвать взоры от блюд, ноздри их расширились максимально, стараясь втянуть как можно больше аромата исходившего от запечённой дичи.

— И к чему это? — не понял сути произошедшего Король Многоземельный, брезгливо зажав салфеткой нос.

— А вы попробуйте, откушайте перед этими скотами, — посоветовал король — тесть — вы удивитесь насколько улучшится ваш аппетит и, вообще, пищеварение.

— Никогда не пробовал такого, — призадумался Король Многоземельный.

— А по — моему, это — великолепная идея! — сказал Заяц, и оторвав павлинье крылышко, он, по столу, подбежал к хлопам поближе, и впился зубами в покрытую хрустящей корочкой кожицу, жир тёк у него по губам и большими, золотыми каплями, падал на скатерть.

У хлопов, от вида жрущего Зайца, посвободило лица, и, даже, через музицирование оркестра было слышно, как они синхронно сглотнули слюну.

— М — м — м... — мычал от удовольствия Заяц, обгладывая крылышко, а закончив, обернувшись к Королю Многоземельному сказал — Шикарнейшая штука! Еда стала, будто, вдвое вкуснее. Это настоящее наслаждение, вкушать плоды своего успеха на виду у бездельников, которые, только и могут, что завидовать, — Заяц показал хлопам, следившим за каждым его движением, как зачарованные, неприличный жест и горделиво спросил — А чего в жизни добились вы?

Присутствие хлопов, глядящих голодными глазами на стол, действительно, подействовало на желудки едоков, как катализатор и, забыв о разговорах, короли и их свита принялись за ужин с новой силой, даже, Зайчиха, которая, уже, наелась так, что изо рта торчало, не уступала остальным.

— Фух! — король — тесть с сытым видом бросил золотую вилку и, с трудом, поднялся из — за стола, оглядев результаты своих трудов, он, довольно улыбнулся, съеденными или, хоть, надкусанными оказалась, примерно, десятая часть всех блюд — Остальное выкинуть на помойку! — приказал король — тесть — И проследить, что бы чернь не растаскала!

— Эгей, папаша, мать твою етить, у нас ещё важный разговор, — напомнил тестю Король Многоземельный.

— Завтра — завтра, — король — тесть шёл, слегка пошатываясь от выпитого и перееденного — с утра и на трезвую голову, мы с вами всё детально обсудим, гарантирую вы останетесь довольны.

— Сегодня! Сейчас! — настаивало Многоземельное Величество, он даже вскочил с места, с целью ухватить тестя за шиворот, но чрезмерное чревоугодие и для него не прошло даром, ноги стали ватные, глаза слипались, а язык был тяжёл, будто отлитый из свинца.

Кроль Многоземельный, даже, покачнувшись, но тут же его под руку подхватил сам тесть и ласково ему промурлыкал:

— Позвольте я провожу вас в приготовленные покои.

Зять был не в силах возражать.

Дворец был настолько большим, что перемещаться по нему на своих двоих, благородные господа не хотели, да, зачастую, и не могли, потому во дворце, давно, была внедрена транспортная система, эдакий домашний таксопарк состоявший из двух десятков машинок, наподобии гольфкаров, но несравнимо превосходивших последних по качеству использованного для отделки материала. Кресла из крокодильей кожи, бархатные занавески, серебряная эмблема компании «Мерседес» на капоте. Два таких автомобиля, практически бесшумно, по звериным шкурам, въехали в зал, и притормозив у стола, приняли на свой борт хозяина дворца и его гостей. В первой машине расположились августейшие родственники, а во вторую погрузили, напившегося до потери чувств Зайца с сестрой, которая, не смотря на крайнюю усталость, заметила, что содержать для каждой машины по лакею — водителю, слишком расточительно, что и один мог бы управляться при нужном за ним надзоре и поощрении кнутом, она обязалась утром обсудить такой расчёт с королём — тестем и рекомендовать ему дать расчёт лишним лакеям.

Только Дед остался за столом, он себе, как опаздавшему, назначил штрафную рюмку, штрафное блюдо рачков персебес под лимонным соусом, штрафной медвежатины и много всяких других штрафов, которые обязался тут же исполнить.

Машины, мягко, не укачивая, довели пассажиров до лифта, в который и въехали.

Лакей нажал на клавишу с цифрой нужного этажа и лифт, бесшумно, начал подниматься. Инкрустрации этого лифта позавидовали бы арабские шейхи, расписанный лилиями, обшитый золотом с вкраплениями драгоценных камней, а в углах стояло по чучелу белого медведя на задних лапах, да и размер лифта впечатлял, хотя сейчас в нём стоило всего две машинки, но он мог бы, с лёгкостью, вместить в себя весь автопарк короля — тестя, включая и вертолёт государственной службы по чрезвычайным ситуациям.

— Я так понял, — интимно выпытывал король — тесть у зятя — что вы прибыли к нам без супруги?

— Сам же видишь, что без, — зевал Король Многоземельный.

— А позвольте любопытствовать, — нащёптывал король — тесть — где она сейчас?

— Да кто её знает, — равнодушно ответил Король Многоземельный — дней десять назад мы расстались, я ей велел к вечеру вернуться, меня покормить, а она так и не пришла, ну я и не стал её ждать, вспонил, что есть у меня наглый тесть, — он поглядел в глаза тестю — который мне изрядно задолжал и вот я здесь. А где эта, в смысле твоя дочь, шляется — я не знаю.

— Ой, как интересно! — король — тесть весь аж взбодрился — Значит, говорите, вы не знаете, где она.

— Ты, что — глухой? Или, совсем, дурак? — устало отвечал Король Многоземельный — Я же тебе ясно сказал — не знаю, да, если честно, и знать не желаю.

— А это же выходит, что и она не знает, где вы! — сделал вывод король — тесть — Она же не знает, что вы к нам в гости собирались?

— Конечно не знает, — Король Многоземельный зевал так, что казалось, сейчас вывихнет себе челюсть.

— Изумительно! — король — тесть с радостным видом сомкнул пальцы рук, а глаза его заблестели.

— Приехали! — сообщил лакей, который, уже, успел довести их до покоев Короля Многоземельного.

— Так что, папаша, сукин ты сын, — обратился к тестю Король Многоземельный, уже, поставив одну ногу на толстый ковёр из шкур рыси — когда собираешься производить доплату, за то что я с твоей дочерью столько лет в браке мучаюсь?

— Завтра, всё будут завтра, — обещал тесть — получишь всё, что заслужил, как говорится, расплачусь с тобой по полной.

Король Многоземельный с явным подозрением уставился на тестя и тот, сразу, уточнил извиняющимся тоном:

— Выдам тебе миллионы денег, столько, что хватит купить себе новое королевство!

— А, разве, какое — нибудь королевство выставлено на продажу? — спросил Король Многоземельный.

— Не знаю... — замялся король — тесть и, тут же, спохватился — так в Многоземельном Королевстве земля продаётся!

— Ещё и как, — подтвердил Король Многоземельный — согласно моему указу!

— Вот и купишь себе все земли Королевства Многоземельного, — подсказал король — тесть — и, опять, будешь на них править.

— Платить за своё, — поморщился Король Многоземельный — эх, чего в жизни не случается. Но ты, точно, со мной завтра расплатишься? — он схватил тестя за грудки и притянул к себе — Не выкинишь завтра какую — нибудь хтрость? Не попытаешься

убежать? Смотри, я тебя везде найду!

— Ни в коем случае! — в притворном ужасе, пообещался король — тесть — Завтра ты всё получишь, — и он, прижавшись к уху зятя, зашептал — миллионы, миллионы, миллионы...

Казалось бы это должно было полностью успокоить Короля Многоземельного, но вместо этого, он сильно затряс головой, замычал, а потом, неожиданно сунул пальцы за щеку и вытянул маленький, тысячегранный хрусталик, излучавший слабое мерцающее свечение.

— Совсем забыл про него, — тихо произнёс Король Многоземельный, перекатывая хрусталик на ладони — а, сейчас, он будто ожил... — свечение хрусталика становилось более стабильным, цвета обретали обычную яркость и насыщенность.

— Это что за штука? — у короля — тестя загорелись глаза.

— Вот же ты, папаша, алчная морда! — обругал тестя Король Многоземельный — Это обычный хрусталик, погляди, — он сунул камушек под самые глаза тестю — ну что убедился?

Судя по кислому выражению короля — тестя, он, действительно, распознал в хрусталике обычную дешёвую стекляшку.

— Ладно, давай папашка, до завтра, — Король Многоземельный сунул хрусталик обратно, в защёчный мешок, который имеется у каждого короля, диктатора или самопровозглашённого президента с тремя процентами народной поддержки, на прощанье он фамильярно пошлёпал тестя по щеке и, наконец, вышел из машины.

Перед покоями его, уже, ждали исполнительные лакеи, взяв Короля Многоземельного провели его в апартаменты, раздели и бережно уложив в постель, оставили почивать.

Проснулся Король Многоземельный далеко за полдень. На самом деле, просыпался он и несколько раз до этого, но исключительно затем, что бы, вызвав лакеев, приказать сводить себя в уборную.

Его Величество лениво протёр глаза и огляделся. Дворец не зря назывался охотничим, комната была отделанна в соответствующем стиле. Стены увешанны пейзажами на охотничью тематику, рогами лосей, оленей и вымирающего алтайского барана, даже постельное белью состояло из живодёрских элементов: одеяло из шкуры панды, а наволочки на подушках из шкурок её детёнышей.

После вчерашнего застолья Королю до сих пор не хотелось есть, но распорядок нарушать нельзя, нужно вызывать лакея, что бы подавал завтрак в постель.

Король взял со столика серебрянный колокольчик позвонил им.

Тут же в покои вошёл лакей, ожидавший вызова, в руках он нёс поднос с завтраком, который и подал Его Величеству в постель.

Завтрак был довольно скромный, что бы не перегружать, только, пробудившийся организм. Десертные груши «Помпадур», свежие круассаны, шоколадное масло, кофейник наполненный кофе сорта «Жаку Бард» из Бразилии и два фунта нежных воздушных профитролей, вот так, просто и со вкусом.

Наскоро подкрепившись, Его Величество дал лакею пощёчину и приказал одеть себя, для чего были призваны на подмогу ещё трое лакеев и, уже, все вместе, они сумели обернуть агустейшего в тогу из шторы.

— А, теперь, к папаше, — сказал себе Король Многоземельный и прибавил — а то, как бы этот гадёныш не спрятался от меня где.

Но, на удивление, король — тесть не только не прятался, а напротив, был обнаружен зятем, сразу же, по выходе из покоев. Он сидел в припаркованной, тут же, машинке, а сопровождавший его Вшивый Интеллигент, опять перебирал в портфелек какие — то бумаги.

— Доброе утро, сын! — попреветствовал зятя король — тесть — Как вам спалось?

— Не твоё дело, — хмуро ответил Король Многоземельный и перешёл к делу — ты деньги приготовил?

— Конечно, всё готово, только тебя ждёт, — король — тесть улыбнулся во весь рот.

— И где это всё? — Король Многоземельный нахмурился — Что — то я ничего не наблюдаю?

— Ну не могу же я за собой таскать горы сокровищ, сам посуди — то! — король — тесть глядел на зятя умилённым взглядом — Сейчас я отвезу тебя к ним и сам выберешь, всё, что захочешь.

— Я хочу всё! — веско заявил Король Многоземельный.

— И получишь, даже, не сомневайся! — заверял король — тесть.

— Так вези! — Король Многоземельный втиснулся в машинку, прижав тестя крупногабаритными телесами.

— Повезу, нам, только, нужно уладить одну маленькую деталь и вперёд! За моими миллионами.

— Были твои — станут мои! — Король Многоземельный щёлкнул тестя по носу.

— Станут, станут, — тот потирал посиневший от щелчка нос — одна мелочь и всё — едем!

— Ну что там у тебя? — смилостивился Король Многоземельный.

— Да вот, маленький документик, — король — тесть взял поданный Интеллигентом пергамент с пером, и передал их зятю.

Бумага была плотная, многослойная, очень высокого качества, с рельефными, хорошо прощупывающимися гербами — это было всё, что мог определить в документе Король Многоземельный, ибо, ряды бесчисленных чёрных букашек, которыми был усеян пергамент, ни о чём ему не говорили.

— Что ты мне подсовываешь? — Многоземельное Величество ткнуло пергаментом тестю в лицо — Или ты, старый дурак, думал, что сидя на троне в течении тридцати лет, я только и делал, что грамоту изучал?

— Что ты! И в мыслях такого не было! — со всей возможной искренностью заявил король — тесть — Да и зачем тебе читать — то, подписывай смело! Внизу, справа, поставь крестик и готово! И едем за мультимиллионами! Справа! — он перенёс тяжёлую руку зятя, уже, царапавшую кончиком пера по бумаге.

— Вот же ты — болван, — пыхтел Король Многоземельный — дал мне неисправное перо! Не пишет!

— Да, правда, чернила забыли, — король тесть потрогал указательным пальчиком острие пера — но, ничего страшного, это поправимо. Уколи пальчик и подпиши кровью, так сказать, *Sangre Royal*.

— Королевская кровь дороже золота! — воскликнул Король Многоземельный, которому, просто, было страшно колоть пальчик.

— Так ты за неё и получишь адекватную плату, — сладко увещевал король — тесть — золото — брильянты! Целыми вагонами, нет — составами! И всё тебе! Всего — лишь за маленькую подпись под ничего незначащим документом!

— Гадский папа! — Король Многоземельный подпрыгнул на месте и ударился макушкой о низенький потолок автомобильчика.

— Что я сделал? — прямо — таки заискивающе спросил король — тесть.

— Да я не тебе! — Многоземельное Величество сунул за щёку два пальца и вынул хрусталик — Он, опять, будто, шевелится, — обслюнявленный хрусталик, маленьким комочком, лежал на широкой королевской ладони, но, на удивление, он не только не светился, а, как — будто, почернел.

— Что ты с этой стекляшкой таскаешься?! — раздражённо спросил король — тесть и сунул пергамент под руку зятю — Подписывай, не сомневайся!

— Сейчас, — Король Многоземельный, решив обтереть хрусталик, приложил его к пергаменту и — о, чудо! Хрусталик снова засветился, не так ярко, как обычно, и совершенно бесцветно, одним унылым белым спектром, но не это потрясло Его Многоземельное, а то, что под светом хрусталика, ему стал ясен смысл дурацких чёрных букашек, конечно не полностью и не совсем, но заглавная надпись, словно прожгла ему мозг — Ты что это удумал, папаша! — возмущённо воскликнул Король Многоземельный — Это же заявление о расторжении брака!

— Как ты это понял? — скривившись, спросил король — тесть, его голос, уже, не был заискивающим, а подобострастное выражение глаз, сменилось презрительным.

— Угадал! — ответил Король Многоземельный и быстро убрал с пергамента хрусталик,

что бы тесть не догадался, в чём секрет его грамотности.

— Ну и подписывай! Ты же так тяготишься этим браком! Сам говорил, какая у меня дочь негодница! — кипятился король — тесть — Вот тебе и возможность сбросить этот камень с шеи, действуй!

— Э, не! — Король Многоземельный отдал пергамент тестю — Дочь у тебя, конечно, та ещё дрянь, сколько живу — столько с ней и мучаюсь, но она — гарантия моей финансовой безопасности, без неё, как бы я тебя у тебя деньги вытряс? У жмота эдакого?

— Я тебе, всё что обещал, заплачу, только подпиши, — чуть ли не умолял король — тесть зятя.

— Верить королю на слово? — усмехнулся Король Многоземельный — За кого ты меня принимаешь? Скольких, доверившихся мне, я обвёл вокруг пальца. Пусть ты, даже, сдержишь слово и выплатишь мне всё сполна, а что я буду делать когда захочу ещё? А? Так что запомни мои слова — развода я, твоей трижды никудашной, дочери никогда не дам!. Пока мне с неё есть хоть какая — то корысть.

Король — тесть, со сжатыми, без кровинки губами, взял, так и не подписанный пергамент, и вернул его Интеллекту.

— Трогай! — грубо приказал король — тесть водителю и машинка повезла их к лифту.

Всю дорогу монархи не сказали друг другу ни слова, а Король Многоземельный, аккуратно, что бы никто не видел, приоткрыл ладонь, в которой прятал хрусталик, и его свет, немного набравшийся красок, упал на стену и пол.

Под лучами неземного света, Король Многоземельный увидел, что пол и стены забрызганы пятнами тёмно — бордовой крови, подняв голову он обнаружил источник кровавых потоков — стены были увешаны головами убитых зверей, зебры и кабаны, львы и волки, разинув рты, глядели в пустоту стеклянными глазами, но, так же, Его Многоземельное заметил, что кровавые пятна проявляются, только, под светом хрусталика, вне его, это был чистый, идеально обработанный каррарский мрамор, без соринки, без зазоринки.

Со временем, по взгляду тестя, Король Многоземельный заметил, что тот, тоже, уловил удивительную метаморфозу и, тогда, спрятал хрусталик в защёчный мешок, от греха подальше.

Маленький домашний автомобильчик вывез государей из дворца, где они пересели в кортеж из шести мерседесов кубиков.

— Так куда же мы, всё — таки, едем? — первым заговорил Король Многоземельный — Где ты прячешь от меня деньги?

— Там, — махнул рукой король — тесть — за посадкой.

Посадка оказалась густым хвойным лесом из мачтовых сосен, в темноту которых уводила дорога вымощенная золотым кирпичом.

— Не мог поближе, где — нибудь, прятать? — Король Многоземельный был, явно, не доволен тем, что придётся, опять, ехать неизвестно куда.

— Так я специально так прятал, — тон короля — тестя опять сменился и стал, как вначале, мягким, успокаивающим — вот, вдруг, ты заявишься, хватя меня — а никаких денег на месте нет! Хотел тебя обмануть.

— Ты такой, — согласился Король Многоземельный — постоянно норовишь меня провести. Но не в этот раз!

— Нет, не в этот, — соглашался в свою очередь с зятем король — тесть.

— Теперь — то ты мне попался, не уйдёшь! — радовался Король Многоземельный.

— Ой, попался! И деваться мне некуда, на всё твоя воля, — покорно соглашался король — тесть.

— Что — то я ничего не вижу, — Король Многоземельный высунулся в окно — здание, которое могло бы уместить в себя награбленное тобою добро, должно быть размером с эмпайр — стейт — билдинг.

— Да оно такое и есть, — сказал король — тесть — только все эти этажи под землёй.

— Чего? — у Короля Многоземельного выкатились глаза — Под землёй, это зачем?

— Это всё из — за дурных языков, сплетников, — объяснил король — тесть — все эти дрянные газетки запустили утку, что, мол, я, в этом высоком красивом здании с решётками и колючей проволокой, забавляюсь пытками и смертоубийством неугодных мне людишек, а таких немало. Как — будто у меня там тайная тюрьма для политических оппонентов. Вот и пришлось мне всё здание зарыть, скрыть от дурных глаз.

— Какая глупость! — сказал Король Многоземельный.

— И я о том же! — воскликнул король — тесть.

— Тайная тюрьма! — Король Многоземельный презрительно скривился — Тюрьма с пытками и смертоубийством должна быть явной! Что бы все знали! Иначе какой с неё прок? Если никто точно не знает есть она или нет. А, вот, когда она у всех на виду и каждый знает, что может туда попасть — вот тогда людишки будут власти бояться!

— Да, будут, — король — тесть хитро покосился на зятя — а потом революция, переворот и пиши пропало! Не за какие взятки не отбрешешься, что не знал и не твоё, так что я заблаговременно эту богадельню закопал, и всё — равно, пока с этого имения суд арест не снял, спать спокойно не мог — а, вдруг, найдут!

— Что найдут? — спросил Король Многоземельный, который слушал тестя вполуха, уже, мысленно, пересчитывая миллионы — Золото?

— Да — да, его! — заверил король — тесть — Кстати, подъезжаем!

Кортеж полукругом остановился возле маленькой деревянной беседки заросшей плющём.

— Прошу вас, сын мой! — король — тесть, сам лично, выскочил из машины и открыл дверцу для зятя — Следуйте за мной, будьте так любезны, — он, аккуратненько, почти нежно, взял зятя под локоток и увлёк в беседку.

— Ты меня, ещё, за домино здесь усади! — Король Многоземельный нетерпеливо высвободил локоть — Что мы делаем на этой помойке?

— Вот что! — король — тесть нащупал на выделявшейся своим цветом доске тайную кнопку и нажал её.

Пол беседки резко пошёл вниз, так, что монархи едва устояли на ногах, и только схватившись друг за дружку смогли сохранить равновесие.

Оказалось в беседке был замаскирован лифт, который и уносил двух великих королей в чрево земли.

— Я вот не могу понять, — перекрикивая скрежет лифта поинтересовался Король Многоземельный — а как я в такой маленький подъёмник смогу погрузить все сокровища, да и поднимет ли он их?

— Так ты же не лично будешь их грузить, — сделал разумное предложение король — тесть — просто покажешь, что выносить в первую очередь, а что во вторую, а, уж, хлопы всё тебе повыносят.

— Откуда там хлопы? — удивился Король Многоземельный — Ты, что в сокровищахранилище напустил хлопов?

— Да ты же знаешь, что эта сволочь везде заводится, — ответил король — тесть.

— Это да, — тяжело вздохнул Король Многоземельный — стоит, только, провозгласить себя властителем и повелителем каких — нибудь земель, то на своих территориях тут же можно обнаружить холопов, лазят, копошатся, в земле роются, как жуки, честное слово!

— Фу, как негегеенично! — король — тесть впервые услышал про такое и, не выдержав, брезгливо плюнул на пол, а потом, ритмично постукивая носочком сапога кродильей кожи, он запел:

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым!

Король Многоземельный удивлённо поглядел на тестя, явно не ожидал от него вокального представления, а потом, став плечом к плечу, они затянули в унисон:

Пусть мне милая солжёт,
Ежели солгал я в этом!
Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнёт.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Век держать их в чёрном теле!

Возможно, что монархи дуэтом спели бы дивную сирвенту Бертрана де Борна целиком, но тут лифт, с грохотом, остановился и перед ними разъехались тяжёлые металлические двери.

Король Многоземельный ожидал, сразу, увидеть груды золотых монет, насыпанных до самого потолка, но ничего такого он не увидел. Выйдя из лифта монархи оказались в длинном бетонном коридоре, освещённом линейными светодиодными лампами, половина из которых поочерёдно мигали, вызывая боль в глазах.

— Что — то не похоже на деньгахранилище, — настороженно произнёс Король Многоземельный, и голос его, подавляемый монолитами стен, прозвучал тихо и глухо.

— Нет, это — оно, даже не сомневайся, — король — тесть успокаивающее похлопал зятя по плечу и пошёл вперёд по коридору, зять же, постояв на месте в нерешительности, всё — же унял беспричинный страх и последовал за тестем.

Коридор оказался довольно странного архитектурного устройства, никакой мебели, стены и пол не окрашены, даже не было никаких указателей, зато, по обоим сторонам, шли железные двери с большими запорами и маленьким, закрытым окошком.

Но когда монархи повернули за первый угол коридора — пейзаж немного оживился — на стенах висели деревянные щиты, наподобие пожарных, но висел на них инструмент несколько иной: множество дубинок — деревянные, резиновые и металлические, топоры,

ножи с всевозможными изгибами лезвий, кастеты разных форм, в огромном изобилии — хлысты, кнуты и шпицрутены, но, что больше всего удивило Короля Многоземельного, так это то, что среди всех этих приспособлений имелись и швабры с красными ручками, обмотанными скотчем.

Король Многоземельный, зазевавшись на инструменты, неожиданно поскользнулся на чём — то скользком и, неустояв, растянулся на холодном бетоне, пытаясь встать, он ещё, два раза подскользнулся, пока, наконец, держась за стену, не поднялся и посмотрел на свои руки — они пыли в сгустках запёкшейся крови, он чувствовал кровь и на лице, да и вся тога была в тёмно — бордовых пятнах. Поначалу Его Многоземельное испугалось, что это он так сильно расшибся при падении, но вскорости, понял, что кровь не его. Он опустил глаза и увидел кровавый след, тянувшийся по всему коридору и подходивший к каждой из железных дверей.

— Что же ты так неаккуратно, сынок! — с удивительной заботой воскликнул король — тесть — Гляди, не забейся на смерть, раньше времени.

— Грязновато у вас тут, папаша, — Король Многоземельный вытер лицо и бороду поллой тоги — не прибирают, грязь развели!

— Да, это ты прав, — согласился король — тесть — грязи развелось по горло, чистить надо, нужны чистки...

Разговор монархов прервал душераздирающий вопль, вопль невыносимой муки и страдания.

— Почему у вас здесь так орут? — Король Многоземельный покрутил головой, пытаясь понять с какой стороны донёсся крик.

— Сынок, а ты, хоть раз, в своих тюрьмах бывал? — задал самый невинный вопрос король — тесть.

— Нет, у меня в жизни было множество более интересных занятий.

— Оно и заметно, — подметил король — тесть — а, что до того, кто здесь кричат, так это холопы шалют, безобразничают.

— Вот же мерзавцы! — обругал балованных хлопков Король Многоземельный — Как они смеют подавать голос без разрешения!?

— Вот такие они скоты, — признал король — тесть — из — за этих, ихних воплей, меня и стали обвинять в пытках и истязаниях. Оболгали с ног до головы. Стоило мне появиться с иностранным визитом, так меня тамошняя пресса, прямо — таки, на куски разрывала. А всё из — за чего? Потому в моём собственном королевстве нашлась вшивая газетёнка, которая напечатала целое расследование на эту тему, с фотографиями, даже с видеозаписями, короче, на всё пошли, лишь бы меня оболгать! Написали, якобы, я людей на дыбе подвешиваю! Это ж надо такое! Ну, ничего! Я за это всю ихнюю редакцию на дыбе подвесил. Но слово не воробей. Так и пошёл обо мне дурной слух по миру, не успеваю оправдываться.

— Это потому что неспособен ты папаша страной владеть, — сказал Король Многоземельный — у меня такого бардака не было. Никто и пикнуть не смел! А на всяких заграничных болтунов я плевать хотел! Они и меня пытались хаять, ярлыки на меня вешали, дескать, деспот, ретроград, убийца! Так я им всем единым кратким посланием ответил — кто как обзывается, тот так и называется, и всё тут! А ты, папашка, в короли не годишься, вот у тебя и бардак, революции всякие. Лучше бы ты мне своё место вовремя уступил — я бы навёл порядок!

— То — то я и гляжу, что ты явился ко мне нищим и голодным, славно ты науправлял! — попытался уязвить зятя король — тесть — Спустил целое королевство за неделю!

— А ты за мной не следи, не твоего ума дело! — быстро поставил тестя на место Король Многоземельный — Я могу себе позволить и целую державу прогулять, ибо у меня резерв есть, неисчерпаемый.

— Какой? — взвизгнул король — тесть.

— Ты! — прямо, без абиняков, поставил тестя перед фактом Король Многоземельный.

Такой очевидный ответ охладил короля — тестя, он тихонько хмыкнул и, заложив руки за спину, засеменил дальше.

— Старый козёл! — отпустил тестю в след комплимент Король Многоземельный и двинулся за ним по пятам, стараясь наступить на волочившийся по полу край мантии тестя.

Но не успели они пройти и десяти шагов, как, громко топая подкованными сапогами, их догнал человек, служивого вида, при пагонах, в кожанном фартуке, перепачканном кровавыми подтёками, и в чёрном капюшоне — колпаке с прорезями для глаз. Обогнав короля — тестя, он остановился перед ним, отдал честь и запыхавшимся голосом отчитался:

— Ваше величество, разрешите доложить, ваше вчерашнее указание выполнено! Всех кого застали в редакции, а именно: главного редактора, двух корреспондентов и уборщицу — всех задержали и доставили сюда. Начали работу с ними около пол второго ночи, и вели по данный момент времени. В результате работы главный редактор скончался в четыре часа утра. Остальные, пока, живы.

— Скончался говорите, — грустно произнёс король — тесть и лицо его опечалилось — ну, ничего не поделаешь, тайная тюрьма — это не курорт, точка!

— Желаете на них взглянуть? — осведомился человек в капюшоне, продолжая держать ладонь у виска.

— А, разве, они здесь? — тихо спросил король — тесть.

— Взгляните! — капюшоноголовый указал рукой назад.

Короли оглянулись и увидели, что по коридору, шесть молодцов в масках, под руки, тащат три окровавленных тела с, совершенно почерневшими, от побоев, лицами.

— В каком они ужасном виде! — король — тесть всплеснул руками — А, ведь, выйдут, опять, будут на меня клеветать, что это по моему приказу их так изувечили! Ай — яй — яй! — он с трагическим видом покачал головой.

— Может, тогда, бросим их в камеру? — спросил служивый.

— Пожалуй бросьте, — согласился король — тесть — для ихней же безопасности, что бы врать не могли.

Троих, больше похожих на тюки, людей, бессильно повисших на руках молодцов в масках, подтащили к одной из металлических дверей, после чего капюшоноголовый, вынул из — под фартука связку ключей нанизанных на большое кольцо, выбрал один из них и отпер дверь, та с визгом отворилась, и из неё, в коридор, посыпались люди, худые измождённые, все в фиолетовых кровоподтёках.

— А ну в камеру, сукины дети! — заорал на них капюшоноголовый и стал пинать их стопой сапога, стараясь получше приложиться подковой.

Но засунуть выпавших обратно, оказалось нелёгкой задачей, ибо камера была так плотно набита, что кильки в банке, в сравнении с этими заключёнными, могли чувствовать себя, как в бескрайнем океане. Наконец, насилу, служивые, все скопом, смогли утрамбовать

стонущую людскую массу в комнатушку, впихнув туда и трёх новобрибывших.

— Фух! — выдохнул капюшоноголовый, когда ключ провернулся в замочной скважине.

— Гляжу камеры — то переполненны, — заметил король — тесть.

— Ещё бы! — подтвердил капюшоноголовый — Камеры рассчитаны на четверых заключённых, а мы забиваем их по пятьдесят — шестьдесят.

— Да, времена нынче нелёгкие, — задумчиво произнёс король — тесть и, спохватившись, быстро спросил — вы одну камеру очистили?

— Так точно! Камера номер двести пятнадцать очищена по вашему приказу!

— Давай ключ, — коротко повелел король — тесть.

Капюшоноголовый снял один из ключей со своей тяжёлой связки и, низко поклонившись, протянул ключ сюзерену, тот быстро взял его и жестом отпустил прислужника.

— Цензуру в печати наводите, папаша? — с ухмылкой спросил Король Многоземельный.

— Это они во вчерашнем вечернем выпуске то издевательское фото разместили, где, якобы, ты, меня со спущенными панталонами, за мантию ухватил, и стишок тот, пахабный, напечатали. Это им враги родины заказали меня опорочить, иначе не бывает, — король — тесть продолжал идти по длинному, как шахта метро, коридору.

— А остальные, они кто? — Король Многоземельный шёл бок о бок с тестем.

— Да эти здесь, уже, давненько, — припомнил король — тесть — ещё с революции. Тогда многие бездельники стали собираться на улицах, бузотёрить, кричали, требовали моего отречения от престола. А я — человек чувствительный, тонкого психического устройства, обидчивый. Я посиневшими пальцами за трон держаться не стану! Как только народ сказал мне, что больше в моих услугах не нуждается, я сразу же взял портфель под мышку и ушёл. Ушёл в бункер, откуда позвонил по секретной линии и приказал всех кто против меня посмел хайло раскрывать, всех, невзирая на пол и возраст, вязать и в подземелье, всех до одного! — король — тесть потряс кулаком, предаваясь тревожным воспоминаниям — Но, к сожалению, на нашей брэнной земле не бывает справедливости и делающим добро воздаётся злом, и сколько добрых дел я не сделал (для себя), а, всё — таки, ответом мне была чёрная неблагодарность! Те же самые люди, которые, когда я восходил на престол, принимая на себя бразды правления, умоляли меня о куске хлеба, они же, теперь, требовали моего низложения! За что? Ведь хлеба они не получили! Разве этого мало? Свины неблагодарные! — король — тесть нервно кусал губы, снова переживая трагичность тех бурных дней — Но хоть и пришлось мне покинуть пост отца государства, а всё же добрые люди, верные присяге, так, и осталисьсь в милиции, в прокуратуре, в судах, так что, когда против меня попытались сфальсифицировать дело о, якобы, похищении и пытках, да что там греха таить — казнях, то, компетентные органы, проведя расследование, которое надо сказать обошлось мне недёшево, установили мою крайнюю невиновность и полную непричастность. Правда, газетёнки, им следствие не аргумент, до сих пор пытаются убедить общественность, будто я удерживаю всех этих людей, часть из которых ты имел удовольствие лицезреть в переполненной камере. Лжецы, отъявленные лжецы! — король — тесть остановился и внимательно поглядел на трёхзначное число выгравированное над железной дверью.

Число это было — двести пятнадцать.

— Пришли! — объявил король — тесть, вставил в скважину ключ и, провернув его,

отворил дверь, за ней чернела непроглядная тяжёлая тьма.

— Куда пришли? — удивился Король Многоземельный.

— Туда куда ты и хотел, — мягко объяснил король — тесть — за этой дверью я храню свои капиталы, заходи — забирай.

— Вот за этой дверью? — Короля Многоземельного почему — то стали глотать сомнения — А это случайно не камера двести пятнадцать, которую ты приказал освободить, зачем — то?

— Нет, это не она, — совершенно спокойно ответил король — тесть — тут, видишь, совсем другое число написано.

Король Многоземельный напряжённо уставился на число выгравированное над дверью, но как он не силился, а цифири, всё одно, не знал.

— Что же ты встал? — удивлёно спросил король — тесть — Или, может быть, ты, уже, не хочешь миллионов? Может тебе понравилось ходить жалким холопом?

— Дурости ты, папаша, говоришь! Как это не надо миллионов? — изумился Король Многоземельный — Зачем же я твою дочку замуж брал?

— Так заходи, чего же ты стесняешься? — уговаривал король — тесть, при этом его тонкие губы расплылись в масляной улыбке.

Король Многоземельный, уже, подступив к двери, резко остановился — его, вдруг, осенило! Он сунул пальцы за щеку и вынул хрусталик, после чего поднял его, что бы осветить непонятные цифры, но в этот момент, он получил от тестя сильный толчок в спину и, кувыркнувшись через голову, вкатился в камеру. Дверь за ним тотчас же захлопнулась, послышался лязг запираемого замка и задорный высокий смех короля — тестя.

Многоземельное Величество оказался один в темноте пустой камеры.

— Дурак ты, папаша! — выкрикнул он погромче, что бы тесть хорошо расслышал — И шутки у тебя дурацкие!

Но из — за двери никто не ответил.

— А ну и хер с тобой! — обозлился Многоземельный Король на тестя — Ладно, где тут миллионы сокровищ?

Он вытянул вперёд руку с хрусталиком, освещая пространсто перед собой, но, вопреки ожиданиям, ни гор драгоценных камней, ни сложенных штабелями золотых слитков, он не увидел, только две пары голых нар и больше ничего.

Его Величество протиснулся в узкий проход между нарами и, став на четвереньки, заглянул под нижние — может там найдутся пачки долларов?

Долларов под нарами не оказалось, да и не только долларов, никаких других валют, тоже, не обнаружилось.

Зато там было ведро.

— Ну тут уж, внутри, точно, должно быть что — то ценное! Не зря же его в эту жестяную шпуку спрятали, — подумал Король и запустил руку в ведро, оно оказалось до краёв заполнено какой — то рыхлой субстанцией — Ага! Хитрый папашка спрятал драгоценности на дне, не иначе! — догадался Король и засунул руку по самое плечо, шаря пальцами по дну, но, как это не невероятно, ничего ценного так и не нашёл — Гадский папа! — выругался августейший и вытянул руку из ведра, она вся пыла облепленна тем сортом шоколада, который ему довелось попробовать в первый день своих странствий, так что во второй раз он не стал кушать эту сладость, которая к тому же сильно резала по органам обоняния.

Король, сперва, отёр руку об угол нар, а, потом, протёр подолом тоги.

— Вот же папаша — негодяй, — пробурчал Король — что он себе удумал? Что за игры? Если он думает, что это поможет ему сбавить цену, то он глубоко ошибается, он мне ещё и компенсацию заплатит за эти шуточки!

Он вернулся к двери и толкнул её, но тщетно, она была надёжно заперта.

— Эй, папаша! — крикнул Король Многоземельный и в его голосе было слышно нарастающее раздражение — Отпирай, старая сволочь! Если ты хотел меня обмануть, то тебе ничего не удалось! Я всё понял, я раскусил тебя! Меня так легко не проведёшь! Я не лыком шит! — он ударил в дверь ногой и грохот удара прокатился по коридору — Я знаю, что здесь денег нет, меня на мякине не проведёшь! Мне, начинает казаться, что это, вообще, не деньгохранилище! Открывай, мерзавец! Я тебе уши — то надеру! Я тебе покажу, как со мной шутики шутить! — и он обрушил град ударов на ни в чём не повинную дверь, перемежёвывая грохот ударов отборнейшей трёхэтажной бранью.

Король бился так минут десять, на лбу его, уже, выступила испарина, а голос стал сиплым от криков, когда он, наконец, услышал топот ног по коридору.

— А! — возликовал Король — Бегишь! Испугался! Мало испугался! Сейчас ты меня узнаешь!

В камере, под потолком, загорелась лампочка, осветив грубый бетонный мешок жёлтым тусклым светом.

Замок, открываясь клацнул и Король сам подталкивал дверь, помогая открыть её поскорее. У него, уже, руки чесались наотвешивать тестю хороших пощёчин, что бы, впредь, не забывал с кем имеет дело!

— Готовь рожу, старая скотина! — воскликнул Многоземельный, вырываясь в коридор, но, тут, совершенно неожиданно для себя, он лоб в лоб, столкнулся с, недавно виденным, человеком в капюшоне — колпаке и кожанном фартуке, а за его спиной, как успел заметить Его Величество, толпились, ещё, какие — то люди, все в масках.

— Где папаша? — заорал Король на капюшоноголового, раздосадованный тем, что приходится иметь дело с хлопами и, не в силах дожидаться ответа, занёс руку, что бы выдать прирзренному пощёчину, но тот опередил движение монаршей руки и пнул агустейшего в живот подкованным сапогом.

Король Многоземельный, хоть и был здоров, словно медведь, но от неожиданности, рухнул на спину, как тюк соломы.

— Лежать! — заорал капюшоноголовый, сопровождая приказ ударами тяжёлых сапог по нежным телесам августейшего.

Тут, Его Величество, как — то, нутром, понял, что лучше не спорить, и вытянулся на холодном грязном полу, сложив руки по швам, но это мудрое решение ему не особо помогло. В камеру, толкаясь и спотыкаясь, набились коллеги капюшоноголового и, не найдя себе занятия лучше, принялись молотить по растянувшемуся Королю резиновыми дубинками. Единственное, что тот смог сделать в сложившейся ситуации — это повернуться к нападающим спиной, выставив солидный королевский зад, как щит.

— Сколько тебе заплатили!? — требовал капюшоноголовый, орудуя дубинкой — Говори сколько тебе заплатили!? — при этом он крыл матом, не хуже, чем это делал сам Король Многоземельный.

Вопрос, естественно, поставил Его Величество в тупик. Жадный и хитрый тесть не заплатил ему ни копейки! Так что подобный вопрос можно было расценить, только, как

форменное издевательство.

— Мне ничего не заплатили! — возмущённо орал Его Величество, закрывая руками голову — Ни гроша!

Полученный ответ не убедил истязателей и они продолжили метелить мягкие, как пух, откормленные бока государя.

— Сколько тебе заплатили! Признавайся! — настаивали они на своём.

— Не заплачено мне! — кричал Король — Я никаких денег в глаза не видел!

— Врёшь! — резиновая дубинка опустилась на косматую королевскую голову, придавая больше весомости словам — Ты проплачен иностранной агентурой! Засланец — подосланец! Тебя обучили на секретной базе по подготовке диверсантов и забросили в нашу страну, что бы расшатывать и раскачивать!

Услышанное привело монарха к неутешительному выводу о том, что пытаться что — либо доказать этим шизофреникам, абсолютно, напрасно, а голова может не выдержать, проще, всё — таки, признаться.

— Тысячу! — закричал Король Многоземельный первое число, которое взбрело ему в голову, в надежде, что побои прекратятся.

Но Короля постигло жестокое разочарование, дубинки и дальше продолжали обрабатывать несчастное королевское тело.

— Миллион! — выкрикнул Король, надеясь, что, может быть, увеличение полученной им суммы прекратит экзекуцию.

Опять не помогло. Избиение продолжалось, но требования, несколько, изменились:

— Где деньги! Говори, где деньги! — вымогал капюшоноголовый, сопровождая каждое слово ударом резинового демократизатора.

— А вам зачем? — только и нашёлся, что ответить Король.

Подобный ответ раззадорил команду садистов по — сурьёзному, промежутков между ударами не стало совершенно. Его Величество понял, что если он быстро что — нибудь не придумает, то он весь треснет, как перезревший арбуз.

— За дворцом! — завопил он, ляпая первое, что приходило на ум — За левым крылом, там высокая липа, под ней я деньги зарыл, если из окна смотреть — с правой стороны, возле большого корня, я там заметку поставил в виде крестика!

Побои прекратились.

— Расколосся, гнида! — торжественно провозгласил капюшоноголовый, его коллеги выпрямились и, даже, постаскивали маски, утирая, покрывшиеся испариной, лбы.

Довольно смеясь и поздравляя друг друга крепкими рукопожатиями они, по очереди, стали покидать камеру с распластавшимся по полу Величеством, которое еле дыша, раскинуло, покрывшиеся фиолетовыми кровоподтёками руки.

— Но гляди мне! — предупредил капюшоноголовый — Если ты нам соврал, то мы вернёмся и, тогда, живые позавидуют мёртвым.

Угроза не оказала на Короля никакого действия, когда они там вернутся — это, сейчас, меньше всего волновало монарха, никакого «потом» для него, уже не существовало, было только одно безумное и вечное «сейчас». Всё королевское естество требовало прекратить избиение немедленно, любой ценой, он бы отдал своё Многоземельное Королевство, если бы оно у него было, лишь бы прекратить эту пытку. А то, что они потом вернуться, это, уже, не имело значения, в будущем Короля не было, он превратился в самое примитивное животное, у которого не существует прошлого и грядущего, есть только настоящее...

Лампочка погасла и камера, вновь, погрузилась во мрак. Но так, Королю стало, даже, лучше, ему казалось, что глаза болят от электрического света и, как — будто, он жжёт саму кожу. Король сделал несколько глубоких вдохов — вроде рёбра целые, не зря он нагулял столько жировой прослойки, такую не каждый пистоль прострелит. Величество опёрся на руки и попытался встать, но качественно отбитые ноги не слушались и, самое большее, что ему удалось — это встать на четвереньки. Он решил попробовать доползти до нар, лежать на доске, всё же, лучше, холодного, мокрого бетонного пола. Сделав всего пару движений, монарх врезался головой в острый угол нар, и казалось бы, это лёгкое столкновение, но оно, мгновенно, отразилось болью во всём избитом теле и Король тихонько замычал.

Перемещаться в кромешной, нащупывая преграды собственной головой, показалось Королю не лучшей перспективой и, тут, он вспомнил про хрусталик, который, едва упав, успел сунуть в защёчный мешок. Вытащив его, Король подивился, что свет исходящий из хрусталика не обжигал его подобно электрическому, а, даже, наоборот, будто унимал боль в ноющем теле. Его Величество заметил, что волшебный свет и здесь проявил невидимые безоружному глазу подробности. Весь пол был заляпан тёмно — кровавыми пятнами запёкшейся крови, а на стенах высветились чёрные человеческие силуэты, застывшие в неестественных позах, с воздетыми руками, словно, в попытке защититься.

Король, хрипя и, тихо ругаясь, с невероятными усилиями, смог закатиться на нары и почувствовал, что ему в бок упёрлось что — то холодное. Протянув руку, он нащупал округлый предмет и, вытащив его на свет, разглядел пожелтевший человеческий череп с пробитой лобной костью.

— Пшёл вон! — Король хотел закинуть черепушку подальше, в угол, но распухшие пальцы не смогли удержать его и костяшка выскользнула из них, ударив Величество по носу, и только потом, издевательски щёлкнув, скатилась с нар и притаилась на полу.

Его Величество лежал, стараясь не шевелиться и, почти, не дыша, потому что, сейчас, когда стресс прошёл и адреналиновый угар спал, только сейчас, боль во всём теле стала чувствоваться по — настоящему, болели, даже пальцы на ногах и ныл кончик носа по которому капюшоноголовый, таки, изловчился попасть носком подкованного сапога. Даже думать было тяжело. Королю захотелось поохать, пожаловаться на судьбу, но издавать, даже, лишний звук в данном заведении было опасно, а жаловаться было всё — равно некому.

Эх, вспомнилась ему супруга, где она есть, когда так нужна? Ей бы можно было излить страдания израненной души и тела, а потом обругать и обвинить её во всём, это помогало, раньше...

Нары были жёсткие, сырые, со множеством заусенец, монарх никак не мог улечься, ему везде давило нестерпимо, большой мягкий животик категорически отторгал неотёсанные доски, из которых был сбит лежак, а лечь на спину, из — за побоев, Его Величество не мог и, только, бессильно ругался себе в бороду.

Ещё утром он нежился на широкой постели утопая в мехах, кушал изысканный завтрак и давал лакеям пощёчины и, вдруг, ни пойми с чего — такие перемены! Последний раз в таких условиях Его Величество мог вспомнить себя не иначе, как в суровые годы своей юности, в бытность Принцем Малоземельным, когда он поклялся добиться всего, что бы никогда больше не жить, как под отчим кровом, и он, трудом и самоотдачей, достиг цели, ему всё удалось, но увы, подвела прирождённая доброта — пригрел змею возле сердца! Родная жена принесла несчастье! Эх, нужно было вовремя развестись! Да всё надеялся с ейного папашки, ещё, выгоды поиметь. Вот и дождался! Королю, уже, начинало казаться, что его тесть,

вообще, нацелился не давать денег! Иначе, как понимать эти его фокусы? Ишь чего удумал старый безумец!

Тяжёлые думы терзали Короля, но не они одни, от полученных побоев у него поднялся жар, Величество заметался в полубреду. В каждом углу камеры ему мерещился хитрозадый тесть, с мешком золота перекинутым через плечо.

— Отдай! Отдай деньги! — шептал пересохшими губами Король Многоземельный.

Но тесть и не думал выполнять справедливое требование, а, вместо этого, показав зятю длинный фиолетовый язык, испарился.

Но ненадолго.

Обнаглевший тесть материализовался на верхних нарах, аккуратно, над Королём Многоземельным, свесил вниз голову и принялся корчить зятю рожи.

— Скупердяй! — обозвал его Король Многоземельный.

Тесть в ответ показал ему жирный кукишь, а потом, с целью изошрённого издевательства, вынул из мешка монетку и принялся крутить ею у зятя перед носом. Король Многоземельный, даже, почувствовал запах золота.

— Отдай мои деньги! — едва не плакал он — Они мои! Ты мне должен! Башляй, старая скотина!

В ответ король — тесть, только, гаденько хихикал, да крутил золотым меж крючковатых пальцев.

Многоземельное Величество собрал все силы и, быстрым, как движение кобры, броском, вытянул правую руку, пытаясь схватить вожаделенную монету. Он, уже, успел почувствовать пламенный обжигающий холод настоящего золота, но тут, издав неприличный звук, король — тесть исчез.

— А ну хрен с тобой! — выругался Король Многоземельный — Всё одно я до тебя доберусь, никуда не денешься, скаредный мерзавец!

Но, на самом деле, несмотря на боевую риторику, с исчезновением тестя, у Короля Многоземельного отлегло от сердца. Было что — то пугающее в его появлении в этой камере.

Король выдохнул и зажмурил глаза, пытаясь забыться сном, но этому мешали несмолкавшие крики, раздававшиеся, по всей видимости, из соседней камеры с лева, и, как — будто этого было мало, к нему прибавились и душераздерающие вопли из камеры справа.

— Бардак развели, — проворчал Король Многоземельный — разве можно позволять пытаемым так орать без разрешения?

Его Величество прижал одно ухо к доске, а второе он зажал ладонью, что бы, хоть частично, убавить громкость проникавших в черепную коробку, звуков.

И, вдруг, на тебе!

На соседних нарах, во всей красе растянулся король — тесть, он повернул голову к зятю и в глазах его вспыхнул красный дьявольский огонёк. Он вытащил из — за спины мешок и вывалил на себя всё его содержимое.

Золотые монеты жёлтым барханом накрыли щупленькое тельце короля — тестя. Он забарахтался, выбираясь из — под груды золота, как личинка из кокона, а очутившись поверх драгоценного металла, раскинул руки и ноги, запрокинул голову, будто плыл на спине.

— Фигляр! — бросил оскорбление тестю Король Многоземельный.

Но у того и на секунду не проснулась совесть, напротив, теперь он, перевернувшись на

живот, притворился, будто, плывёт кролем.

— Отдай деньги! — взмолился Король Многоземельный — Зачем тебе столько? Что ты с ними делать будешь? Оставь себе пару монет — тебе хватит! Отдай, по — хорошему прошу, это мои богатства!

Король — тесть замер, поглядел в глаза зятю, его тонкие бескровные губы расплылись в улыбке от уха до уха и он произнёс, глухим, потусторонним голосом:

— Какие деньги? Откуда? Я, что, по — твоему, в золоте купаюсь? Это всё наветы! Это клевета! Враги родины сплетни распускают! — сказав это, король — тесть начал погружаться в монеты, пока на поверхности золотой кучи не осталась одна его рука, которой он, издеваясь, изображал перископ, глядящий на зятя.

Король Многоземельный, только, стискивал зубы от ярости.

Рука короля — тестя, резко, превратилась из перископа в неприличный жест и исчезла под грудой монет, а потом и сами монеты, как дрессированные, полезли обратно в мешок, а тот втягивал их, подобно пылесосу, пока, все они, до последней, не оказались в его ненасытном чреве.

Вот он лежит, распухший от поглощённого золота, на самом краю нар, кажется, стоит лишь, протянуть руку и он твой. Как тут удержаться? Не удержался и Король Многоземельный, протянул руку через узкий проход между нарами, и вот его толстые пальцы, уже готовились вцепиться в округлый бок из грубой пеньки, под которым так соблазнительно выпирали кругляшки монет, но, когда, ладонь, почти, лягла на желанную добычу, из — за мешка выскочил король — тесть и с рычанием клацнул длинными острыми зубами, которые были так же желты как и золото.

Многоземельное Величество отдернул руку, от неожиданности пульс его подпрыгнул так, что в висках застучало, он поднёс руку к глазам, что бы убедиться — не отцапал ли чего ему безумный тесть, но, увы, он ничего не мог разглядеть. И, только, теперь он понял, что в камере царит такой мрак, что ни зги не видно! Как же тогда он мог разглядеть алчного тестя? Как это возможно? И он бросил быстрый взгляд на соседние нары, с которых, ещё, секунду назад, его дурачил тесть, но, снова, ничего не увидел — абсолютная тьма.

— Может мне это всё показалось? — задумался Король Многоземельный — Да и как бы тесть сюда попал? Дверь не открывалась — это точно. Значит померещилось, от недоедания...

Что — звякнуло и привлекло внимание Короля.

Это опять был тесть.

На сей раз он, с мешком за спиной, стоял на маленьком пяточке между дверью и нарами.

— Вернулся, — просипел Многоземельный монарх, завидев тестя, на физиономии которого играла, всё — таже, зловещая ухмылка, а зрачки глаз стали тёмно — рубиновыми.

Король Многоземельный заметил, что несмолкаемые крики раздававшиеся из соседних камер становятся тише, но не от того, что пытки прекратились, а, будто бы, сами пытуемые, куда — то удаляются, а вместо их воплей камеру стал наполнять совершенно не пресущий подобным местам звук, и заслышав его Король пожалел о криках.

В камере заиграла музыка из балета Прокофьева «Золушка».

Король — тесть элегантно приподнял руку, встал на носочки, и, не опуская мешка, закружился в такт музыке.

— Ты, совсем, старик, рехнулся, — прошептал Король Многоземельный, но голос у него

стал до того слабый, что он сам себя еле расслышал.

А музыка играла всё громче, король — тесть закружился на одной ножке, как юла и, внезапно, на самой высокой ноте, сделал высокий длинный прыжок, раскинув ноги параллельно полу, и исчез в стене, целиком, вместе с мешком!

Но отсутствовал в этот раз он совсем недолго, ибо не успела его пятка скрыться в щербатом бетоне стены, как из противоположной, уже, вынырнул вытянутый носочек и король — тесть, снова, заплясал по камере, подбрасывая, затянутые в панталоны с бантами, ноги выше головы. И с каждым движением он становился всё ближе к нарам на которых, выпучив глаза, как сумасшедший, и недвижимый, как бревно, лежал его любимый зять.

Этот манёвр не укрылся и от самого Короля Многоземельного, вызвав в нём бурю сомнений — ещё никогда тесть не подходил к нему по своей воле. Что же он затеял? Король Многоземельный сжал кулак и погрозил им танцующему тестю, на что тот, лишь, рассмеялся, оскалив клыки, и продолжил движение в сторону нар.

Король Многоземельный хотел подняться, хотел надавать старому сквалыге пощёчин, но как не старался, а перенёсшее чудовищные побои тело, отказывалось подчиняться.

Тесть, уже, стоял над ним.

Озорно подмигнув светящимся глазом, он перекинул мешок из — за плеча и, занеся его над лицом зятя, стал медленно опускать.

Король Многоземельный судорожно дёрнулся, но тщетно, мешок приближался, он уже различал контуры нитей мешковины, когда, неожиданно для себя, ощутил на груди, под тогой, что — то тёплое, практически пекущее. Он, слабым движением, сунул руку под тогу, схватил маленький многогранный шарик и быстро вытянул его.

Хрусталик — подарок на Рождество от Святого Николая! Король Многоземельный совсем забыл про него!

Едва ладонь открылась и яркий свет хлынул из хрусталика, да такой силы, какой Король, ещё, в нём не видел. Он разогнал тьму, обжигая и слепя. У Многоземельного Величества побелело в глазах, но во всём теле стало тепло, конечностям вернулась чувствительность и он подскочил, громко ударившись макушкой о верхние нары.

В камере никого не было.

Только жирная крыса, напуганная светом, юркнула под нары. Это был лихорадочный бред.

Король провёл ладонью по лбу, он был весь в испарине, но, уже, холодный, жар спал.

В соседних камерах несмолкали крики, но голоса, уже, были другие, видно предыдущие получили свою порцию и уступили очередь товарищам.

Тут Король пожалел о том, что в своё время отдал зайцевы часы, и, теперь, будучи отрезан от внешнего мира он, совершенно потерял возможность ориентироваться во времени, а его, как он чувствовал, прошло немало. Больше всего об этом ему подсказывал волчий голод, да и необходимость справления естественных потребностей обострилась нестерпимо. А от воспоминаний о часах, невольно, Королю на ум пришли и зайцы. Пока он тут страдает, эти неблагодарный скоты, поди, обжираются в дворцовой кухне и валяются на перинах, даже, не пытаясь освободить своего повелителя и благодетеля.

Король выругался, слез с нар и заходил по камере, освещая все её углы в поисках санузла.

Поиски результатов не дали.

Августейший вспомнил о жестяном ведре стоявшем под нарами, но от одной мысли

воспользоваться подобным устройством его передёрнуло.

В двери что — то клацнуло и Король резко обернулся — это открылось окошко для подачи пищи, так называемая «кормушка». Король быстро, насколько это позволяли ему отбитые конечности, засеменил к двери.

В окошко сперва заглянул чей — то глаз и увидев перед собой круглый, как бочка живот Его Величества, обмотанный тогой, произнёс:

— А! Оклыгал! — и тут же в грубо — матерной форме добавил — Немедленно убрать постороннее освещение в камере!

— Да не видно ж ничего! — крикнул через дверь Король.

— После отключения в камере освещения пользоваться своими приборами запрещается! — не желал ничего слушать голос снаружи — Убрать! Или свести тебя в пыточную?!

В пыточную Король не хотел, потому быстро спрятал хрусталик в складках тоги.

— Жрать сегодня будешь? — спросили из — за двери.

— Буду! — коротко ответил августейший, решив, что он потом надаёт пощёчин этому холопу за непочтительное обращение с высочайшей особой, а, пока, нужно его не вспугнуть.

В маленькое окошко заехала низкая алюминиевая миска заполненная слипшейся белой массой рисовой сечки.

— Фи! — заворотил носом Король — Это же рис — пища бедняков!

— Не хочешь — не надо! — в окошко проникла рука и, схватив миску, потащила её наружу.

— А!!! — завопил Король и вцепился в исчезавшую в окошке тару.

Пару секунд миска ходила назад — вперёд, но в итоге победил голод.

Король вырвал миску, но не сохранил равновесия и упал на задницу, что вызвало у него массу не самых приятных ощущений. Не будем забывать, что именно королевский зад принял на себя большую часть побоев и это давало знать при малейшем соприкосновении пятой точки с любой поверхностью.

Но страдать было некогда.

Король нащупал миску, жадно схватил её, но она оказалась пуста, он лихорадочно пошарил по полу, и вот он! Слипшийся рис цельным куском валялся на грязном полу камеры, монарх поднял его и, громко матерясь, принялся откусывать от него большие куски.

— Ты, там! — крикнул Король баладёру, уже не боясь лишиться пайка — Беги опрометью, холопская твоя морда, к моему тестю — королю, да узнай, долго ли будет продолжаться это непотребство! Выполни! И что бы мигом — одна нога там, другая — здесь!

— Вот ты как запел! — баладёру не понравилась указательная манера общения Его Величества — Компота не получишь!

— Какой ещё компот? — чавкал Король — Знаю я ваш компот, берут там всякую разную муть, чушь всякую собирают про меня, если это касается меня, про моих знакомых людей, и про людей, о которых я вообще никогда не слышал. Про какие — то места, где я бывал. Про какие — то места, о которых я даже никогда не слышал. Собирают там какие — то бумажки, фотографии, одежду. Потом создают такой продукт и предъявляют его. А сюжеты эти все снимают за большие деньги, полученные от иностранных спонсоров, что бы показать, что власть плохая, одни они — хорошие!

Баландёр мало, что понял из излившегося на него потока сознания и только попросил:

— Миску — то верни.

— Та на, подавись! — Король пошарил рукой, ища миску, но, вдруг, ему под руку попало, что — то круглое и тяжёлое, он подобрал находку и поднёс к скупому, вливавшемуся через окно «кормушки» свету.

Это оказался полновесный золотой.

Откуда он здесь? Король призадумался, боясь признаться самому себе в собственных догадках.

Да мало ли? Может это охранники обронули, когда охаживали его. Король вертел золотой, наслаждаясь его тяжестью, идеальностью окружности с маленькой щербинкой, а главное властью которую он несёт в себе, властью над теми, кто и заработал этот золотой, изумляясь силе, которую он даёт своему владельцу, силе понукать жалкими людишками, возможности плевать им в лицо, давать им пощёчины! При чём, даже, лишившись золотого, эти прекрасные привычки, всё — равно, остаются с тобой...

Вдруг, золотой, неудачно повернувшись, выпал из руки Короля.

— Да что ты... — возмутился он собственной неумелости, поглядел на пальцы, толстые, покрытые чёрными жёсткими волосами и обмер.

Одного пальца не хватало! Безымянного, правого...

— Таки отхватил, живоглот, — в ужасе прошептал Король Многоземельный, оглядывая оставшийся от пальца огрызок — больше не носить мне обручального кольца...

Грохот шагов, бежавших по коридору людей, отвлек Короля от созерцания нанесённых ему увечий. Шаги прекратились точно под дверью его камеры. Послышались угрозы, разбавляемые грязной матерщиной, в камере включился свет, а замок заскрипел, под вставляемым в скважину ключом.

Дверь открылась и на пороге камеры Его Величество увидел человека в кожанном капюшоне с прорезями для глаз, но на этот раз, вместо прорезиненной дубинке он держал в руке кусок толстой арматуры. Стоявшие позади него люди, все в чёрных полумасках, тоже, были вооружены идентичными орудиями труда.

— Два дня! — прокричал капюшоноголовый — Два дня мы искали там где ты сказал! Мы пол парка перерыли! И ничего не нашли! Да к тому же король оштрафовал нас за порчу имущества! И всё из — за тебя!

— Два дня, — повторил за ним Его Величество — однако, долго же я здесь пробыл, — он поглядел на капюшоноголового и, поднявшись во весь рост, грозно произнёс — я — королевский зять, пади на колени предо мной! — представляться своим Многоземельным титулом Его Величество решил бесполезным, предпочтя влияние родственных связей.

— Так, его величество, твой тесть, и рассказал нам про твои связи с вражеской иноагентурой, — прошипел капюшоноголовый — ты — иностранный наймит, а, как известно, даром, наймиты — диверсанты, не работают. И, теперь, ты расскажешь нам где припрятал грязные деньги, что бы мы могли купить на них себе по домику за границей. Ты, даже, будешь жалеть, что не можешь рассказать нам больше, чем есть!

Король Многоземельный почувствовал, как у него пересохло в горле, а сердце забилося чаще — вот до чего тесть — жмотяра доводит! Его Величество прикинул — не стоит ли дать капюшоноголовому садисту пощёчину, может это образумит его тупую голову и он, наконец, уразумеет, что имеет дело не с человеком которого можно пытать, а напротив, с таким который сам может запытать, но в руках, от куда — то, появилась неприятная слабость, сковавшая их.

Капюшоноголовый перешагнул порог камеры, громко звякнув подкованным каблуком.

Король подумал о валявшемся на полу золотом, может если отдать его, это как — то, смягчит предстоящую экзекуцию.

За стенкой жалобно запричитал пытаемый и резко, словно захлебнувшись, смолк.

— Что здесь происходит! — внезапно разорвал создавшееся напряжение, чей — то грубый, привыкший командовать голос.

Возле двери стоял нахмуренный седовласый толстяк со свиноподобной физиономией, от него разлило перегаром и крепким табаком.

Капюшоноголовый, как и все, тут же приложил ладонь к виску и отчитался:

— Вот запроданца собираемся допрашивать!

Седовласый посмотрел на Короля, хрюкнул, и сказал:

— Поздно допрашивать! Мне по нему, уже, трижды звонили, ведите его на суд!

— Но как же деньги? — попытался протестовать капюшоноголовый.

— Без разговоров! — грубо прикрикнул на него седовласый — На суд его! Немедля! — громко отрыгнул, развернулся и ушёл.

Капюшоноголовый и его товарищи, с нескрываемым огорчением, вывели Короля из камеры, и, подталкивая арматуринами, погнали по коридору.

— Что ещё за суд? — августейший обеспокоенно вертел головой — Зачем?

— Самый обычный суд, — успокоил Короля капюшоноголовый — не можем же мы без приговора суда тебя расстрелять.

— Нет! — Его Величество подался назад, но руки охранников подхватили его и поволоки вперёд — Нет! — заходился в крике Его Величество — Меня нельзя судить! Это невозможно! Я — неподсуден! Неприкосаем! Это физически невозможно!

Он попытался сесть на пол, что бы усложнить охранникам работу, но пара ударов арматурой по ягодицам, мгновенно поставили его на ноги, да и предали им завидной скорости.

Конвоиры запихнули Короля в лифт, обступив его со всех сторон и, исподтишка, тыкали ему в бока арматурой, а на его вскрики и требования прекратить издевательства, только, весело хохотали, словно заслышав сальной анекдот.

Король ожидал, что для судебного заседания его, хотя бы, поднимут из подземелья, но нет, поднявшись всего на три этажа, лифт замер, двери, с протяжным визгом, отворились и перед взору Его Величества открылся точно такой же коридор, какой он видел внизу. Те же мигающие лампы, и жалобные вопли заключённых разносившиеся из всех камер.

Монарха вытолкали из лифта и ввели в первую же камеру.

Обстановка в камере разительно отличалась от стандартного интерьера в подобных помещениях — не было никаких нар, сбоку двери стоял стол с включенной лампой, за столом, перед кипой бумаг, на печатной машинке что — то набирал человек в голубой фуражке. Под стеной, напротив двери, сторяла узкая кривая скамья, на которую и усадили Его Величество. И как же он был удивлён и, конечно, обрадован, завидев на краю скамьи своих соратников по приключениям — обоих зайцев, брата и сестру.

— Какая приятная встреча! — не пытаясь скрыть радости сказал он тихонько, ибо за «разговорчики» можно было схлопотать арматурой по лицу.

Зайцы, до того занятые собственными думами, признали своего Короля, только, когда он обратился к ним и, вместе, повернули к нему морды, изучая его внешний вид. А, надо заметить, что внешний вид самих зайцев был крайне плачевен. Косые глаза заплывшие

синяками, разбитые носы, морды в ссадинах, головы в шишках. Заяц сидел, согнувшись, держась лапами за рёбра. Зайчиха, с растрёпанными седыми волосами, безвольно откинула назад голову, уперев затылок в стену, под носом у неё чернели сгустки запёкшейся крови.

— Не слабо вас разукрасили, — ничуть не сочувствуя подметил Его Величество.

— Всё благодаря тебе, — содрогаясь от приступа кашля, с трудом проговорила Зайчиха — взяли нас среди ночи и сюда! Требовали, что бы мы на тебя показания дали, что ты есть засланец и иноагент, ни больше ни меньше.

— И это вы так не хотели меня оговаривать, что они вас изувечили? — Король был неожиданно удивлён.

— Да какой там! — усмехнулась Зайчиха — Мы, сразу, сказали, что готовы подписать всё, что угодно. Даже, что земля плоская, и, что это ты её сплющил. Подписали. Но, оказалось, что от пыток это не освобождает. Два дня нас мордовали и, если бы, мы не нужны были свидетелями для суда, думаю, что так бы мы и дух испустили, на дыбе.

— За святое дело пострадали, — утешил Король — за меня!

— Да уж, — Зайчиха облизнула опухшие почерневшие губы — принёс ты нам счастья, спасибо! Стоило ли переносить столько испытаний, что бы закончить вот так. Проще было сгореть в подожжённом тобой доме, чем затратить столько сил, при том что результат, естественно, будет плачевный. А я, ещё, поверила, что, с твоей помощью, помещицей заделаюсь. Как мне такое могло в голову прийти? Ладно мой братец, — она кивнула на сгорбившегося Зайца — он — умственный калека от рождения, но я — то как могла вляпаться? Ты же, постоянно, сущий бред нёс, а я, дура, от отчаяния, связалась с тобой. Ну вот и, предсказуемый, конец приближается. Допрыгались...

— Чего ты разнылась? — Король недовольно скривился — Отставить панику! Сейчас нас отвезут на суд, оправдают, ибо какой же из меня иноагент? И, тогда, я возьмусь за моего дорогого подлеца — тестя по — сурьёзному! Вытрясу я из него всё до последнего гроша, голым оставлю! И пчёл натравлю!

— Оправдают? — Зайчихе было больно смеяться — Ты хоть раз в суде был?

— Бывал, — припомнил Король — ничего сверхъестественного. Я, между прочим, ни одного дела не проиграл. Юриспруденция — мой конёк. Хотя профильного образования не имею. Просто, оказалось, что очень в этом деле талантлив. Наверное — это наследственное, или, может, быть я — самородок?

— Я имела ввиду, — уточнила Зайчиха — бывал ли в суде с тех пор как лишился власти?

— А? — изумился Его Величество — Это ещё зачем?

— Затем! — вспыхнула Зайчиха — Теперь, когда ты из повелителя Королевства Многоземельного стал жалким хлопом, то и все твои юридические способности анулировались! Хлопы судов не выигрывают! Да суды для того и придуманны, что бы хлопам засуживать!

— Ты такого не говори, — августейший испуганно отодвинулся от Зайчихи — я — не холоп. Нет. Вот приедем в суд — увидишь!

Но произнёс он это таким тоном, что было ясно, что он, уже, и сам, несильно уверен в собственной неприкасаемости.

Но не знали зайцы и Король, того, что для комфорта заключённых, их, уже, не возили по судам, а наоборот, судей привозили к ним в тюрьму. Правда, делалось это по ночам, что бы не привлекать ненужного внимания вездесущих газетчиков, расплодившихся после

революции, которые обязательно подняли бы шумиху, кричали бы, что это — незаконно и много других лживых гадостей, тем паче, что и наличие самой тайной тюрьмы — было бессовестным враньём!

Хотя судебное заседание по делу Короля Многоземельного относилось к особо важным и крайне спешным, но судьи, почему — то, долго не было.

Его Величество, даже, начал дремать, в отличии от трусливых зайцев, которые дрожали, как осиновый лист на ветру.

Наконец за дверью послышался шум и она открылась.

В камеру, под руки, практически внесли, мордастого человека, уголовного вида, в распахнутой дорогой рубашке, что бы видна была толстая золотая цепь и с блестящей от пота лысиной, при чём он громко орал песню:

Как — то шли на дело, выпить захотелось,

Мы зашли в шикарный ресторан.

Там сидела Мурка в кожаной тужурке,

А из — под полы торчал наган!

Король удивлённо поглядел на приведённого.

— Наверное его с нами судить будут, — предположил он — дожились, уголовного с Королём на одну скамью садят!

Но уголовного на скамью не посадили.

— Чего так долго? — спросил человек, сидевший за столом.

— У них сегодня корпоратив, — ответели ему поддерживавшие лысого под руки — прямо из ресторана взяли.

— Мурка! Ты мой мурёночек!!! — до хрипоты орал Лысый, будто кому — то что — то доказывал.

— Подписывай, — человек в голубой фуражке протянул через стол лист бумаги со свеженапечатанным текстом и перо.

Лысый, не сразу понял, что обращаются именно к нему, но тогда конвоиры нагнули его над столом, и в его маслянных глазах, при виде документа, появилась искра понимания. Он, с трудом, поймал непослушными пальцами перо и долго выводил на документе свою размашистую подпись, после чего икнул и спросил:

— Где печать?

— У меня есть, — сухо ответил человек в голубой фуражке — я сам поставлю. Свободен! — и, уже, обращаясь к конвоирам добавил — Уводите его!

Те не заставили повторять приказ и повели лысого прочь из камеры под разлиvistое пение последнего.

— Готово, — сказал сказал человек в голубой фуражке, громко ударив по листу печатью — судья расписался. Теперь приговор законный, — он протянул документ капюшоноголовому, который быстро пробежав его глазами, убедился в правильности оформления, после чего свернул его в трубочку и сунул в карман фартука.

Тут же конвоиры стали ударами арматурных дубинок поднимать Короля и зайцев.

— Пошли! Живее! — подгоняли они.

— В чём дело? — возмутился полусонный Король — Куда вы нас ведёте?

— Всё, — коротко ответил капюшоноголовый — судья подписал ваш приговор.

— Какой приговор? — остолбенел Его Величество.

— Высшая мера, — пояснил капюшоноголовый — расстрел!

Зайцы, которые в отличии от Его Величества, хоть и не питали никаких иллюзий по поводу суда, но всё же услышанное привело их в истерику. Зайчиха завывала волком, а Заяц упал на пол и стал биться о него головой.

Король оставался относительно спокойным, его сознание, просто, не могло допустить реальности происходящего и он шёл, словно во сне, но сам.

Зайцев пришлось тащить волоком.

Косые подняли такой визг, что у конвоиров уши позаклыдывало, они пытались утихомирить приговорённых посредством арматур, но и это не помогало.

— Нет! — кричала Зайчиха — Только не меня! Хотите, я сама этих двоих пристрелю? — она ткнула лапой в Короля и брата — Вам же нужен хороший палач? У которого рука не дрогнет, который возьмёт на себя любую расправу! Я — готова! Буду, хоть, по тысяче приговоров в день приводить в исполнение! — она кричала так громко, что перекрывала гул поднимавшего их лифта — Да что там по тысяче! По десять тысяч! Бомбами буду подрывать! Всех изведу! Можете на меня рассчитывать, мне изводить людишек не впервой! Только меня не убивайте!

— Да заткнись ты уже! — один из конвоиров не вытерпел завываний Зайчихи и пнул её носком сапога в морду — Достала уже! — проворчал он — Я бы тебя прямо здесь пристрелил, да пистолета при себе нет! Сколько раз приговорённых на лобное место доставлял — никто так невыносимо не причитал.

— Так то ж всяческий люмпен был, — Зайчиха, на четвереньках подползла к капюшоноголовому и вцепилась в его фартук — это всё скот бесправный, бесполезный, у них судьба такая, быть расходным материалом, а я — богиня! Вот и брат мой подтвердит! — она бросилась за поддержкой к Заяцу, но он находился в полнейшей прострации, свернулся бубликом и не подавал признаков жизни.

Зайчиха схватила его за одинокое ухо и подняла ему голову, но та безвольно болталась, глаза усталал пелена, изо рта текли слюни.

— Хоть что — то в тебе осталось по — прежнему, — тихо произнесла Зайчиха, глядя на стекавшую по подбородку брата слюну.

Его апатическое состояние мгновенно передалось Зайчихе, и она, тихонько плача, села рядом с ним, положив свою старую седую голову ему на плечо, левой лапой обхватила братнину спину, а правой, сжатой в кулак, несколько раз зацедила косому в морду, по — видимому из чувства крайней признательности.

Один Его Величество Король Многоземельный сохранял завидное спокойствие, словно происходящее, и вовсе, его не касалось. Он, даже, выдавил пару смешков себе в бороду, когда Зайчиха принялась отоваривать брата кулаком. Августейший казался человеком с железными нервами, что впрочем, он и сам всегда утверждал, мол попробуйте пожить с такой женой как у меня — там вы, либо спятите, либо закалитесь, как сталь.

Но если сказать по большому секрету — Многоземельный повелитель и мысли не допускал, что тесть позволит, что бы с его головы упал, хоть один волос.

Правда откушенный палец и избиение в камере внушали ему некую долю сомнений, но августейший гнал их от себя. Он — король, хозяин жизни, а значит, с ним ничего не может случиться. Хозяева жизни — стоят не только над людскими законами, но и над законами природы! В каком — то смысле они бессмертны. Иначе чего бы им гонять, напившись в стельку, под двести миль в час по запруженным городским улицам? Вроде бы логично...

Наконец лифт поднял их на поверхность.

Король вновь оказался в старой беседке в которую, одним прекрасным днём, вошёл вместе с тестем.

Была глубокая ночь. На тёмном небе светила щербатая луна в компании тонких, как молочная пенка, тучек, мигали бесконечно далёкие звёзды. Лёгкий ночной ветерок бодрил и освежал, после затхлых подвалов тайной тюрьмы он был особенно приятен. У Многоземельно Величества было такое чувство, будто он провёл в застенках не два дня, а два года.

Очаровывая, пел соловей и светлячки рисовали созвездия под сенью деревьев.

Невдалеке, что — то пощёлкивало. Пять — шесть лёгких щелчков, перерыв, и по — новой.

— Это что такое? — прислушиваясь, спросил Король.

— Фейерверк, — сказал капюшоноголовый — в вашу честь.

Конвоиры повели приговорённых по аллее и вывели их на протоптанную тропу, которая вывела на широкую поляну.

На поляне, в темноте урчал экскаватор, светя себе фарами. Возле техники, мелькая в свете фар, крутилась небольшая, щуплая фигурка с маленькой острой коронкой, сбитой на бок. Король Многоземельный, сразу, признал родного тестя, и пошёл, прямо, на него, при чём сделал это так естественно и свободно, что конвоиры, даже, не среагировали.

Король — тесть, стоявший спиной, пока не видел приближающегося зятя, будучи весь погружённый в ход земляных работ, он орал во всё горло на машиниста экскаватора:

— Ты что, скотина, халтуришь! побыстрее управиться хочешь! Лишь бы скорее закидать и домой! А потом, из — за тебя, будут меня склонять на все лады! И так, уже, выдумывают, что здесь, по — ночам, по — моему приказу, людей расстреливают! А как, какая —нибудь, сволочь забредёт сюда да увидит вот это! — он пнул носочком туфельки крокодилей кожи по, торчавшей из рыхлой земли, белой руке с судорожно сжавшимися пальцами — Ты представляешь какую брехню обо мне будут сочинять?! Что я век не отмоюсь от этой лжи! — он хотел ещё, что — то добавить, но запнулся, словно нутром почуяв опасность, и, резко отскочив, обернулся.

Два короля застыли друг напротив друга.

— Объяснись — ка, папаша, — плохо сдерживая гнев, процедил Король Многоземельный в упор глядя на тестя — что это за клоунаду ты мне устроил? Неужели ты посмел вообразить, что можешь, вот так вот, запросто, не платить мне денег, которые я требую?

— Это неужели ты посмел вообразить, что можешь, вот так, запросто, явиться ко мне, в одиночку, и посметь что — то у меня потребовать? — не менее злобно огрызнулся король — тесть.

— В одиночку? — удивлённо повторил Король Многоземельный — Мне по сану не положено перемещаться в одиночку, вот моя свита, — он взглядом указал на, плёвшихся меж конвоиров, зайцев.

— Я говорил о твоей супруге и, по совместительству, моей дочери, — уточнил король — тесть.

— Ах об этом, — Король Многоземельный безразлично зевнул — да ты уж не сомневайся, я ей выскажу всё недовольствие, теми неудобствами, которые ты мне доставил, тебе это даром не пройдёт, я, даже, разрешу ей посетить тебя, что бы закатить добротную истерику.

— Сильно сомневаюсь, что тебе это удастся, — сквозь зубы прошипел король — тесть.

— С чего бы это? — надменно вопрошал Многоземельное Величество — Твоя дочь слушается меня, как марионетка, умелого кукловода.

Король — тесть подошёл вплотную к зятю, и пристально поглядел ему в глаза, на губах его заиграла злобная усмешка.

— К сожалению, это так, — проговорил он — и, даже, не пойму почему? Мы растили её, как самое возлюбленное наше дитя, напрочь забыв об остальных отпрысках. Любой её каприз, малейшая прихоть — выполнялись сиюсекундно! От нас она никогда и ни в чём не знала отказа. Мы потокали ей во всём! Для неё не существовало слова «нет», как и слова «нельзя»! И вдруг, ни с того, ни с сего, она устроила нам такое! — он брезгливым жестом обвёл зятя — Все наши труды, всё что мы столько лет вкладывали в неё, всё пошло на смарку. И, главное, что она в тебе нашла? Почему именно ты? Ты — не красив, даже безобразен. Туп, невоспитан, нагл, корыстен, злобен, эгоистичен.

— Не завидуйте, папаша, — порекомендовал Король Многоземельный — вам таким не стать. Не каждому дано быть магнитом для женского полу.

— Сказать тебе, по — честно, — продолжал изливать горечь король — тесть — я с первого взгляда, — у него от волнения подрагивал узкий подбородок с тоненьким клином бородки — да как только тебя увидел, у меня рука сама потянулась к револьверу. Ах, пристрели я тебя сразу — скольких бы бед все могли избежать! Увы, тогда это было невозможно. Но что ж! Лучше поздно, чем никогда. Сегодня я, наконец, исправлю эту оплошность!

— Ты на что намекаешь? — слова тестя сильно не понравились Королю — Многоземельному.

— Какие намёки? — воскликнул король — тесть — Решение суда, приговаривающее тебя к казни, уже, подписано и, сейчас же, будет приведено в исполнение! Всё! Конец!

— Не посмеешь! — Король Многоземельный отшатнулся от тестя, заметив что у того в глазах зажёгся тот же дьявольский огонёк, который он видел у него, когда метался в бреду и ему мерещился тесть с мешком золота. Или не мерещился? Король Многоземельный поглядел на свою искалеченную руку, лишённую безимьянного пальца, потом перевёл взгляд на тестя, а тот в ответ, понимающе улыбнулся.

— Ах ты, старый мерзавец! — выругался Король Многоземельный — Так это ты меня хотел с ума свести!

— Ага, — сознался король — тесть — но, оказалось, что невозможно свести с того, чего нет. Так, что придётся, банально, пристрелить.

— Не посмеешь! — повторился Король Многоземельный — Ты, даже, не представляешь, что твоя дочь тебе за это устроит! А учитывая какую у вас развели гласность — это будет публичный скандал, она закопает твою репутацию окончательно! Последствия будут такие, что ты не можешь себе и вообразить! Она расскажет про тебя всем всё и везде! Твоей политической карьере придёт конец, а после этого ты сам почувствуешь какое удовольствие стать обитателем одной из камер в подземелье!

— Звучит угрожающе, — признал король — тесть — но, вот только, одна деталь. Моя доченька не имеет ни малейшего представления о твоём местонахождении, а уж, тем более, что ты здесь.

— Она будет меня искать, — цеплялся за сломинку Король Многоземельный.

— Несомненно, — согласился король — тесть — будет искать, и я, как любящий отец,

всецело ей помогу. На поисковые мероприятия будут затрачены большие деньги. Поищем год, два, три. И не найдём. Ничего не поделаешь.

— Она так легко не сдастся, — Многоземельное Величество, только, сейчас понял всю трагичность ситуации в которую он сам, своими ногами, пришёл.

— Я знаю, — кивнул король — тесть — она у нас такая, если, чего пожелает — горы свернёт, но своё вытребует. Но я готов пойти на такой риск, — он прокашлялся в кулак, а потом взял зятя, аккуратно, за бочка и со словами — прошу вас сюда, — за чем — то перевёл его на три шага влево.

Король Многоземельный удивлённо огляделся и обнаружил у себя за спиной свежерытую глубокую яму.

— Этих ставьте рядом, — приказал король — тесть конвоирам и они поставили по обе стороны Короля Многоземельного зайцев.

После король — тесть, свистом подозвал человка из расстрельной бригады, десятеро сотрудников которой стояли не подалёку, покуривая папиросы, и потребовал у него револьвер, который тут же и был ему предоставлен.

— Давай прощаться, дорогой зять, — сказал король — тесть — мы с тобой столько лет пробыли в родстве, хотя виделись всего — то, пару раз.

— Я б и дальше тебя не видел, — грубо ответил Король Многоземельный.

— Жаль тебе эта умная мысль не пришла в голову раньше, — посочувствовал король — тесть — остался бы жив.

Тут Зайчиха решила воспользоваться последней возможностью:

— А можно нас с братом, или хотя бы меня одну, помиловать? — страдальческим голосом взмолилась она.

— Что вы! Это никак невозможно! — убедительно заявил король — тесть — Вы же свидетели. А свидетели живыми нам не нужны. Вы можете положить начало всяческим непотребным домыслам о том, что здесь кого — то расстреливают, и, даже, о том, будто бы, я убил собственного зятя. Я не могу позволить, что бы подобная клевета расползлась по свету. Так что не обессудьте.

Король — тесть прокрутил барабан револьвера.

— Вшивый, поди — ка сюда! — позвал он.

На зов, с пенька вскочил Интеллигент, бывший до того совершенно недвижимым, из — за чего целиком сливался с ночным пейзажем и был, абсолютно, незаметен.

Интеллигент, прижимая к груди потёртый портфель, встал перед патроном, даже, в темноте было заметно как он бледен, почти до синевы, а дрожавшие тонкие ножки ели удерживали тщедушное туловище в вертикальном состоянии.

— Да на тебе совсем лица нет, — пожурил король — тесть Интеллигента — вы поглядите, только, на него, — призвал он в свидетели зятя и зайцев — трясётся весь, аж поседел бедный. Я привёл его, что бы он собственными глазами поглядел, как ребята работают. Пускай увидит, как создаются и на чём держатся капиталы. А то он начал поговаривать, что быть богачём любой сможет, что для этого никакого труда не надобно, — король — тесть хлопнул Интеллигента по плечу, подняв с его заношенного костюма тучу пыли — ну так давай, попробуй, как миллионы достаются, — он отнял у безропотного Интеллигента портфельчик, а вместо него всучил револьвер — давай, пристрели их! — приказал король — тесть.

— С — с — стрелять в в — в — в — вашего зятя? — пропищал Интеллигент срывающимся

ГОЛОСОМ.

— Ага, — надменно кивнул король — тесть — и в зятя, и в этих зверьков, почувствуешь, что такое миллионы под себя загребать, или ты думал — это будут торги на фондовой бирже, свободный рынок, честная конкуренция? Нетушки! Всё держится, только, на этом! — он нежно коснулся пальцем ствола револьвера — У кого сила, у того и миллионы! А всё остальное не более чем цирковое представление для отвода глаз. Стреляй!

Интеллигент стоял, как громом поражённый, удерживая тоненькими ручками револьвер, он не мог поднять его, до того непомерной тяжестью казалось для него это оружие.

— Не можешь, — горько подытожил король — тесть — а ещё позволяешь себе рассуждать о миллионерах.

Внезапно, Интеллигент вскинул перед собой руки, поровняв мушку револьвера со лбом Короля Многоземельного и спустил курок.

Прогремел выстрел.

Король Многоземельный, только успел ошалело раскрыть рот. Яркая вспышка вырвавшаяся из ствола револьвера, ослепила его на секунду, но мозг успел осознать случившееся.

Всё.

Он убит.

Он проиграл и сражён.

Величайший из мировых властителей подло, преступно, застрелен. Какого титана утратил свет. И где — то там, из далёкого уголка, ещё теплившегося сознания, он расслышал дрожащий голос Интеллигента.

— Я не специально промахнулся, — оправдывался он — вы же знаете, я никогда не вру, просто я впервые в жизни оружие в руках держу.

Заслышав такое Король Многоземельный разожмурил веки, и, со страхом, общупал себя — вроде бы цел, всё на месте. Он смахнул накатившуюся на лоб градинку пота.

Оба зайца, брат и сестра, вообще, уже лежали без сознания.

— Не волнуйся так, я верю тебе, — утешил Интеллигента король — тесть — я просто тебя проверял. Вот есть же творческая интеллигенция! Люди как люди, за деньги перед любым на цыпочках плясать готовы, а такие, как ты, — он отобрал у Интеллигента револьвер — урождённые вшивыми интеллигентшиками, ни на что не способные, не спеть, не станцевать, смеете иметь мысль отказаться воспринимать сложившуюся реальность нашего бытия, как исключительно положительную! — король — тесть с отвращением потряс головой и если бы маленькая коронка не была приклеена к его парикку, то обязательно бы свалилась — Ты сам посуди, какой ты мерзавец оказался! — не унимался король — тесть — Вот, буквально, полчаса назад, здесь стояли иноагенты — бузатёры, которые имя твоего короля в газетёнках своих трёхгрошовых полоскали. Не забыл ещё?

Интеллигент затряс головой из чего неясно было — помнит он или забыл.

— И я дал тебе пистолет, что бы ты их, по законному решению суда, казнил, — продолжал повествование король — тесть — а ты что сделал? Испортил воздух и потерял сознание. А теперь? Когда дошло дело до расстрела моего собственного зятя — ты шмальнул и не поперхнулся! На тёмную — промазал. Но лицо свое истинное ты показал. Такой ты весь из себя жалостливый, всё о гуманизме толдычишь, о неприятии насилия, мухи не обидишь! Но, как только, дело дошло до расстрела монаршей особы, диктатора, тирана, оказалось у тебя на такого и рука не дрогнет! Ну ты и гнида! Интеллигент — одним словом!

— Так вы ж — ж — же сами ве — ве — велели, — прошептал в ужасе Интеллигент.

— Конечно велел! — подтвердил король — тесть — Хотел на опыте убедиться в твоей недобропорядочности. Но, надо признать, я, хоть, и повидал всякого, но ты меня удивил! Как ты, вообще, мог помыслить стрелять в королевскую особу и зятя богатого человека? Это же — божество! И ты — смертный, возомнил, что можешь своей рукой прервать течение бытия такого сверхсущества! — король — тесть развёл руки — В общем — всё, ты, опять, оштрафован!

— Но его же суд приговорил, — промямлил Интеллигент — кто — то же должен будет привести в исполнение?

— Но не ты же! — взбеленился король — тесть — Жалкий человечешка! Кто может убить божество? Только другое божество! Это же элементарно! — он подошёл к зятю и заманчиво спросил его — А ты думал, зачем я здесь среди ночи? Может, что бы собственными глазами убедиться? Но я мог бы приказать принести твою голову, кстати, очень сожалею, что такой шикарный экземпляр не смогу повесить в кабинете, — король — тесть прищёлкнул языком — а то дочка увидит, неприятности у меня будут. Хотя череп, пожалуй, возьму. Отшлифую, на стол поставлю, буду в него пепел сигарный стряхивать. И наконец в твоей голове появится какое — то содержимое.

Король Многоземельный презрительно опустил глаза на тестя и сухо сказал:

— Прекрати загадками говорить! Я ни слова не понял из твоих бредней.

— От тебя ожидаемо, — король — тесть, с явным наслаждением, взвёл курок и приставил дуло пистолета ровно в центр покатога лба зятя.

— Холодное, — недовольно поморщился Король Многоземельный.

— Ничего, сейчас станет тёплым, — обнадѣжил его тесть.

Всё затихло, даже ветерок перестал дуть, король — тесть прищурил глаз, словно боясь промазать в упор, и высунул язык от сосредоточенности.

Внезапно слепящий свет фар ударил королю — тестю в глаза. Он выругался, закрываясь ладонью, и, вынужденно, опустил револьвер.

На полянку вылетел хаммер, который стоил, как пять школ и четыре интерната, разбрасывая колёсами комья мягкой земли и, скрытые под ней черепа. Из окна машины, даже не открывая двери, вывалился человек и с криком:

— Катастрофа! — упал на колени перед королём — тестем протягивая ему какую — то бумагу.

Король принял лист, повертел его, выругался и сказаол:

— У меня, что, глаза — фонари? — и ткнул бумагу Интеллигент, приказав — Читай! Не зря же очки носишь!

Интеллигент, дрожащей рукой поднёс документ к глазам, естественно, даже, очки не помогли ему ознакомиться с содержимым, но, не смотря на затуманившийся от стресса разум, он догадался поднести бумагу под свет фар хаммера, и начал читать:

— Постановление парламента за номером...

— Не надо мне дословно, не тьяни время, — капризно затребовал король — тесть — там этой писанины на три тома, а смысла в ней, хорошо если, на два слова, так что ты самую суть перескажи.

Интеллигент быстро забегал по листу глазами, иногда поправляя сползавшие на нос очки, быстро управившись, он сказал королю — тестю всего два слова:

— Призыв отменили.

— Ах же ж скоты! — король — тесть пошатнулся, и, с трагической миной, опустился на землю.

— Что же теперь делать будем, ваше величество? Без военного призыва — то? — гонец, привёзший документ, подполз к королю — тестю на четвереньках и уткнулся лопухой головой ему в плечо.

Король — тесть отпихнул голову, тукнув по ней рукояткой револьвера и философски изрёк:

— Хлопы, не желающие кормить свою армию будут...

— Выпороты на площади, оштрафованы, и брошены в темницу! — закончил за него зять.

Король — тесть поднял на него голову и поглядел с уважением.

— Вот так — то, папаша! — заключил Король Многоземельный — Я, тоже, знаю, как нужно капиталы защищать.

— Да, пока, до такой степени не дошло, — пробурчал король — тесть — но с предстоящими выборами, у меня, полнейший провал получается. Гречу, благодаря тебе, я не закупил. Но был у меня, ещё, один лозунг — борьба с бедностью. К выборам обещал управиться, и народец мне за это должен был выразить благодарность массовым голосованием за мою партию. И дело было, почти, готово. Я всех бедных переловил и в солдаты забрил.

— Прямо — таки всех? — не поверил Король Многоземельный.

— Ну, допустим, не всех, но многих, в основном в столице, где им прятаться сложнее, — сознался король — тесть — кое — кого, конечно оставил. Благодаря техническому прогрессу столько хлопков, уже, и не нужно. Один мужик, который смог двух генералов прокормить — это, уже, не то что вчерашний, а позавчерашний день. За границей такие машины — станки закупаем, что можно одного хлопа на десяток их поставить и он тебе миллионные доходы приносить будет. На автомойки да на рестораны, в обслугу — немного хлопков надо, а так, по большому счёту, в таких количествах эта сволочь, уже, и не нужна. Естественный отбор. Эволюция общества. Толпы черни — это, уже, в наше время — атавизм, — король — тесть задумчиво потёр бородку указательным и большим пальцами — но что же теперь делать? — прошептал он и снова поглядел на зятя — О! — он поднял вверх указательный палец — У меня созрел гениальный план! И ты, зятёк, мне в нём поможешь, — он поднялся и встал напротив Короля Многоземельного — Ведь поможешь? — спросил король — тесть с хитрым прищуром — Если, конечно, жить хочешь.

— А что мне такая жизнь? — неожиданно смело заявил Король Многоземельный — Меня никто от презренного хлопа отличить не может! Какая же это жизнь? И это, пока я, ещё, относительно молод, но старость не за горами. На что я, не жить, существовать буду? Нет, папаша, уже, после такой жизни, ты меня расстрелом не испугаешь. Так что плевал я на твои планы. Пускай у тебя всё пойдёт прахом. Я рад, что смог тебе подгадить. А, теперь, стреляй, а то надоело тебя выслушивать.

— Не спеши, — попросил король — у нас с тобой, теперь, в некотором роде общий интерес образовался, ты — хочешь вновь занять Многоземельный престол, а я — избавиться от черни.

— К чему ты клонишь, старый дурак? — не понимал Король Многоземельный.

— А к тому, что пока не вступил в силу закон о роспуске призывной армии, я переговорю с генералами, которые, как и многие честные люди, днём служат республике, а ночью мне, и

они передислацируют всё холопское войско к границе, и передадут под твоё командование, а ты, во главе целой армии, вернёшься в Королевство Многоземельное. И там, уже, всё будет в твоих руках. Окажешься удачливым полководцем — вернёшь себе престол и будешь править. А нет — так нет. Это, уже, не моя вина. Хлопов на войне можешь не щадить!

— Я их никогда не щадил, — спокойно сказал Король Многоземельный и, воспользовавшись случаем, попросил — а ты бы, папаша, денег на войну подкинул. Как знаешь, это три самых необходимых вещи для ведения военных действий.

— Это исключенно, — сразу отказал король — тесть — денег я не дам. Я, официально, не хочу иметь никакого отношения к войне. Вроде бы это ваш внутренний конфликт. А, если, только там появятся деньги — это может вывести на меня. Начнут, опять, меня ложью поливать на весь мир. Я, уже, достаточно натерпелся обвинений.

— Ты, просто, нашёл повод зажать деньги? — не поверил тестю Король Многоземельный.

— Да, — просто и коротко признал король — тесть.

Пограничный городок Многоземельной республики мирно спал.

Это было маленькое поселение, с парой дюжин серых, построенных рядами, унылых многоэтажных домов, с населением едва превышавшим три тысячи человек, количество которых регулярно убывало. Зато малый размер городок компенсировал свободой своих просторов, широтой свободных улиц и обширными парками и скверами, которые, хоть, и росли сами собой, но этим, попутно, ненароком, превращали крошечный серый городишко в сад, потому один, изрыгающий копоть и сажу, заводик, не смотря на опасения, не мог нанести окружающей среде, какого — либо, ощутимого вреда.

Так городок и жил, медленно угасая, но, вдруг, случилось непоправимое. Правительство молодой республики, учась на ошибках предыдущей власти и помятуя о лёгком её свержении, когда Короля Многоземельного, из — за каких — то долгов, принудили к отречению, и не желая допустить с собой подобного, приняла ряд законов, для укрепления себя самой, желательно навечно.

А на чём зиждется власть? Конечно на дубинках. Учтя, что милиция не проявила должной активности, когда Многоземельного Короля лишили престола, правительством было принято решение о раздельном проживании служащих правоохранительных органов и народа. Им предписывалось проживать в разных городах, дабы ихний быт не пересекался и это не приводило к излишней мягкости милиционеров и спецслужбистов вовремя разгонов неугодных властям демонстраций или иных противоправных сборищ. Допускалось, лишь, наличие необходимого количества хлопов для обслуживания насущных потребностей силовиков. Короче, целью нововведения было искоренение излишней гуманности из рядов правоохранителей.

С массовым водворением милиции город, сразу, наполовину опустел, что позволило вручить сотрудикам первые ордера на жильё, но его, всё — равно, катастрофически не хватало. Выселять оставшихся жителей из города было не продуктивно, ведь должен же кто — то работать, потому, под застройку жилыми комплексами для нуждающихся правоохранителей, вырубали все парки и скверы. Но, от заселения милиционеров, был и положительный результат — согласно статистике преступность в городе снизилась до нуля, исчезла как таковая. Что и логично, ведь в городе заселённом милиционерами все преступления совершаются, исключительно, ими, и их, естественно, благоразумно не регистрируют, что, в результате, и даёт блестящую статистику. Почти блестящую. Иногда того или иного гражданского забирали в отделение, где он, к всеобщему ужасу, сознавался в жутчайших преступлениях, после чего проходил лечение в травматологическом отделении, и, если выживал, предавался суду, где, неизменно, получал длительный срок тюремного заключения. Результаты по раскрываемости, тоже, должны быть.

Ранним утром всё гражданское население городка было согнано на центральную площадь, перед высоким зданием в котором располагалась центральная милицейская служба, и где все они были поставлены на колени на бетонные плиты, между стыков которых бробивались крепкие стебли сорных трав, преимущественно амброизии.

Головы было приказано опустить, смотреть в землю, что бы никто не ослушался приказа, по периметру площади выстроились милиционеры в бронежилетах, касках и с чёрными дробовиками на перевес.

Но гражданские лица представляли, лишь, малую часть общей массовки, меньше десятой доли. Остальные собравшиеся — все были представителями правоохранительных органов, и не только, обычный милицейский состав, но и несколько подразделений бойцов специального назначения, республиканская гвардия, и, даже, бригада внутренних войск с БТРом.

У Цезаря во время галльской войны и то было меньше легионеров, чем, этим утром, собралось блюстителей порядка в скромном пограничном городке.

Начальник милиции, стоя позади, оцепления, просунул между двумя милиционерами голову, со сдвинутой на макушку фуражкой, грозно потряс отвисшими щеками и поднёс к губам микрофон рупорного громкоговорителя.

— Свободные граждане многоземельной республики! — разнёсся звук из громкоговорителя над площадью поникших голов — Собратья и сосёстры! На нас надвигается гроза! На наши мирные нивы вторгся супостат! Тиран и самодур, низложенный Король Многоземельный, который угнетал вас больше тридцати лет, никак не может уgomониться и ваша свобода не даёт ему покоя. Он не смог смириться с тем, что наш гордый народ больше не принадлежит ему! Собрав банды таких же негодяев, как он сам, узурпатор вторгся в пределы нашей свободной республики и главная его цель — поставить вас на колени! Но мы докажем ему, что прошлое ушло безвозвратно, что больше вы не позволите ставить себя на колени, что вы не склоните голову перед трусливым воровитым ничтожеством спрятавшимся за спины своих дуболомов. Этому не бывать! Сегодня мы — защитники мирного законопослушного народа, все как один, встали, что бы противостоять нашествию кровавого диктатора! Сейчас орды мародёров и прочего антисоциального элемента приближаются к нашему мирному городу, что бы устроить здесь бесчинства, грабежи и насилие! Но они не знают, куда попали, — начальник милиции гордо оглядел бесчисленные полки в блестящих касках и от удовольствия прихрюкнул — наша служба неустанно и неусыпно стоит на страже правопорядка и мы не позволим толпе оголтелых мародёров и распоясавшихся уголовников ввергнуть страну в пучину хаоса. Слишком, ещё, свежа у нас память о жестоком правлении Короля Многоземельного, людоеда и садиста! Но сегодня мы положим конец его злодеяниям. Уже нами из столицы получена депеша содержащая прямой приказ: изловить самопровозглашённого Короля Многоземельного и, без суда, повесить на первом суку! — приказ, видно, до того пришёлся по душе самому начальнику милиции, что от его упоминания у него заблестели глаза, предвкушая немислимое наслаждение — Но для начала, перед повешеньем, — распинался начальник, хлопая себя щеками по плечам — мы посадим узурпатора в клетку, — он постучал по решётчатой конструкции на высоких колёсах — и провезём по всему городу трижды, и вы будете тыкать в него палками и плевать! — начальник милиции улыбнулся светлой жизнерадостной улыбкой — А кто не плюнет в узурпатора, того повесят на площади, рядом с ним, как сочувствующего! Сочувствие у нас — наказуемо! — он прокашлялся, прочищая связки для финала речи — Так что будьте покойны свободные жители Многоземельной республики — ваша милиция вас бережёт! Узурпатор не пройдёт! Мы встанем у него на пути, как каменная стена и ни шагу назад! Грядёт торжество справедливости, коим будет акт отмщения зарвавшемуся тирану!

Начальник милиции оглядел макушки склонённых голов, от такой самоотверженной речи его самого бросило в жар, он снял фуражку, и обмахивался ей.

— Если ни у кого нет никаких вопросов, — выкрикнул он напоследок — то можете

быть свободны!

Толпа гражданских ответила покорным молчанием. Но, вдруг, с краю, робко поднялся серенький мужичёнка. Растерянно теребя в руках шапку, он показывал, что желает задать какой — то вопрос, но какой имеенно никому не довелось узнать. Три или четыре милиционера, мгновенно, вскинули дробовики, раздались, слившиеся в один, выстрелы и любопытный мужичок, изрешечённый крупной дробью, упал, как подкошенный, заливая кровью поросшие амброзией бетонные плиты площади.

— Надеюсь больше ни у кого вопросов нет? — иронически осведомился начальник милиции.

Ответом была абсолютная тишина.

— Отлично! — начальник остался доволен — А, теперь, все марш по домам и, до особого разрешения, никому не показывать носа на улицу!

Милицейское оцепление расступилось, пропустив на площадь сотрудников службы специального назначения, с щитами и дубинками, те принялись метелить горожан, аж брызги полетели в стороны! Что поспособствовало максимально быстрому очищению площади от гражданских, позволив развернуться на ней милицейским полкам.

* * *

Первый пожелтевший лист лёг на траву, когда Король Многоземельный во главе армии бедняков пересёк границу Многоземельной республики. Войну, по мудрому совету Зайчихи, он объявлять не стал, ведь, кто объявил войну — тот её и начал, что выставило бы Его Величество в глазах мировой общественности в негативном свете. А так, он никакой войны не начинал, а просто, пересёк с армией границу государства, а если кто нападёт на него, вот тот и будет агрессор.

Конечно, на случай проникновения таких вот «мирных армий» у Многоземельной республики, как и у любого мало — мальски приличного государства имелась своя пограничная служба, главной обязанностью которой и было прдотвращение подобных инцидентов. И она сработала на отлично! Как только армия Короля Многоземельного была зесечена в момент незаконного пересечения государственной границы, к её авангарду тут же выдвинулись пограничные разезды, справедливо решившие, что это массовый переход контрабандистов — наркоторговцев, посмевших проникнуть в страну не обилеченными погранслужбой.

Пограничники неслись на мотоциклах с колясками по бездорожью, от предвкушения барышей за пропуск такого трафика у них сводило скулы, а пальцы сжимались крючками. Но, едва завидев, передовые части королевской армии, их начали глодать сомнения, они, сначала, сбавили скорость, а потом, вообще, бросив транспорт, двинулись пешком.

По виду и по количеству нарушителей границы brave пограничники заподозрили, что, скорее всего, это не те люди с которых можно взывать, а такие, которые, наоборот, могут сами взыскать с любого.

Пограничники притаились за деревьями и с полчаса наблюдали за маршем, когда, наконец, один из них, набравшись храбрости, рискнул выкрикнуть:

— Вы кто такие и зачем идёте?

Им никто не отвечал, люди с угрюмыми и суровыми лицами продолжали маршировать,

вытянувшись в бесконечную змейку, хвост кооторой терялся, где — то в чаще, и таких змеек из лесу, выползало до десятка.

— Эй вы! — кто — то, всё же, окликнул пограничников.

И те несказанно удивились, увидав, что обращается к ним одноухий заяц, да не просто так заяц, а заяц в мундире, вся грудь в орденах, да при погонах, и никаких — нибудь, а генеральских! В лапке зайка держал шпицрутен и не стеснялся пускать его в ход, когда ему казалось что кто — нибудь из солдат не достаточно воодушевлённо марширует. Вокруг зайца суетились пятеро денщиков, которые, попеременно, подносили ему стопку водки и получали от него на орехи.

Поняв, что замеченны, пограничники припали к земле, прячась за корнями деревьев.

— Чего залягли? — крикнул им Заяц.

Маскировка не сработала.

— Нас направило руководство, — извиняющимся тоном отвечали пограничники, не решаясь подняться — отцы — командиры и начальство таможни хотели узнать не переносите ли вы кокаин или героин, а может водку в обход пропускного пункта несёте?

— Если и несём, то с вами не поделимся! — полушутя крикнул Заяц и хряпнул, поднесённую, рюмку водки.

— Можете не делиться, — пограничники старались прояснить ситуацию до конца — но за нелегальный ввоз запрещённых веществ, или в обход таможенного осмотра, нужно оплатить билеты! Вся контрабанда должна быть оплачена согласно прејскуранта!

— Успокойтесь, мы — не контрабандисты — наркоторговцы! — кричал Заяц, нахлёстывая проходивших мимо него солдат — Мы — оккупационная армия, это — вторжение, хотим захватить страну!

— Тю! — пограничники разочарованно плюнули на землю — А мы — то думали! А мы — то надеялись! Раз у вас нет ничего ценного, то вы нам неинтресны, не по нашей части! Идите куда хотите!

Пограничники на прощанье отдали генералу — Заяцу честь, а тот отсалютовал им лапкой.

Но, как оказалось далее, для погранично — таможенной службы вторжение не обошлось даром.

Переведя армию бедняков (будто бывает армия богачей?) через границу, Его Величество вывел её на великолепного качества шоссе, положенное германским подрядчиком, разумно предположив, что такая дорога — это неспроста.

Вскоре он вспомнил, что во дни своего правления бывал на этом маршруте, когда в его честь устраивали гуляние в расположавшемся поблизости таможенном элитном посёлке. Пир был знатный. Еды было вдосталь.

Король припомнил этот важный пункт, так как проблема снабжения армии продовольствием была самой насущной, ибо король — тесть не дал ни зёрнышка припасов и, даже, воду приходилось набирать из встречавшихся источников, что, ввиду их загрязнения, вело к существенной убыли живой силы.

Королю пришлось отдать приказ о запрете употребления воды до его особого разрешения, но отдать приказ и привести его в исполнение — это две больших разницы и, весьма вероятно, что Королю бы пришлось окончить войну, даже, толком её не начав, так как измучанные переходом люди, постоянно норовили ослушаться приказа, и напиться, пусть, хоть, из болота. Вот тут — то кампанию и спасла Зайчиха, она добровольно

возложила контроль за выполнением приказа на себя.

Только благодаря богатому опыту Зайчихе удалась эта невыполнимая задача, она, казалось, была вездесуща и, стоило какому — нибудь солдатику украдкой, склониться над лужицей, что бы испить из неё освежающей водицы, Зайчиха оказывалась тут как тут и отгоняла жаждущего от вожденной влаги, с внесением в список провинившихся, коих всех и пороли на первом же привале.

Но одним воздержанием от вредоносных источников армию не спасти, если они не отравятся, то погибнут от жажды или голода. Соответственно, только скорость перехода, могла спасти войско, а вот тут, бесценным кадром оказался Заяц. Ему нарезали шпицрутенов и он, вооружившись ими, погнал солдат в двойном темпе, шпицрутенов, конечно, при этом изведено было привиликое множество, но результат превзошёл все ожидания, за три с небольшим дня все полки, почти без потерь, вышли на то самое «золотое» шоссе (его проложение стоило, даже, дороже презренного металла), а уж, на такой дороге, движение армии, ещё ускорилося, хотя это казалось невозможным.

Тут нужно отадать дань уважения Королю и зайцам, которые, в отличии от рядовой солдатни, переносили тяготы похода с невозмутимым хладнокровием. Возможно этому содействовал тот факт, что в личном обозе Его Величества шёл бак с питьевой водой (не сам конечно шёл, его волокли впряжённые солдаты), этот бак, по — счастью, удалось реквизиовать у повстречавшегося водовоза, да по — пути был взят ларёк — разливайка, водку из которого Заяц взял под личную опеку, потому, обходился, совершенно без воды. Но сказать, что личная несгибаемость командующего состава проистекала, исключительно, из их личной обеспеченности, это было бы циничной и некрасивой, пусть и правдой.

Но, как бы — то нибыло, солдатня, хоть, и являлась низшей формой жизни, но отказаться от привычек, которые должны быть присущи единственно высоким господам, эти болваны никак не хотели и приходилось думать об их прокорме. А потому — то Его Величество так стремился поскорее выйть на шоссе, ведь оно вело к посёлку таможенников, а там, как он прекрасно знал, обязательно найдётся достаточное количества провианта, которго хватит, что бы прокормить, вообще, все армии мира.

Как только в вечерних сумерках показались красночерепичные крыши особняков, с установленными на них солнечными панелями, Король отдал приказ подразделениям сойти с шоссе, что бы водители возвращавшихся в посёлок автомобилей, не развели дома панику из — за встреченных толп оборванцев. Хотя трудно сказать, насколько это было продуктивно, ведь мощные фары всё равно высвечивали марширующее по обочинам воинство, но ни малейшей опаски это ни у кого не вызвало, да и чего бы это? Бредут себе хлопы, разве впервые хлопов видят? Их по всей стране превеликое множество бродит, с чего бы достопочтенным господам их остерегаться, это же, всего лишь «говорящий инструмент», как верно охарактеризовал их Варрон.

Когда Король подвёл войска к посёлку, на землю, уже, опустилась ночь. Изначально Его Величество и генштаб, состоявший из зайцев, приняли план об окружении, что бы никто не успел уйти, но к изумлению Короля за то время, когда он сам в последний раз проезжал через этот населённый пункт, пару месяцев назад, посёлок разросся втрое, приняв до того обширную площадь, что окружить его теми силами, которыми располагал агустейший, да, ещё, и темноте, не представлялось выполнимым. Потому решенно было нанести удар с трёх сторон, центральую группу войск, которая должна была заходить с дороги, возглавил сам Многоземельный повелитель, потому что не хотел, что бы самодельный паланкин, в котором

его несли два десятка солдат, тащили по крутым ухабам. Заяц возглавил группу войск «Запад», а Зайчиха «Восток», потому что Заяц должен был ударить с востока, а Зайчиха соответственно, с севера — названия, вообще, выбирали наугад.

После короткого штурма забор (какой же элитный посёлок без ограждения от всяких бездельников?) был проломлен и полки ворвались внутрь.

Король был доволен взятием населённого пункта и обещался посвятить Зайца в рыцари, а Зайчиху в прекрасные дамы, но радость его оказалась преждевременной, ибо к третьему часу ночи, он понял, что войска его крепко увязли. Посёлок сыграл для них роль ловушки. С провиантом, Его Величество не ошибся — его оказалось в большом изобилии, правда ничего пригодного для походов, кроме пары сотен бочек икры, никаких круп или, даже, муки, зато свежих креветок и крабов нашлось больше, чем в море, и голодная армия принялась набивать своё пустое брюхо, это бы ничего, пусть бы наедались впрок, но под каждым особняком был вырыт просторный погреб, каждый из которых был забит изысканными заграничными винами и, когда, измучанные жаждой солдаты добрались до погребов тут началась грандиозная попойка!

Бочки рубили топорами, извергая из них содержимое, коньяки и вина, смешиваясь, превращали погреба в бассейны, а солдат в глубоководных ныряльщиков.

Поддерживать дисциплину оказалось некому, так как, только началась попойка, Заяц, сразу, присоединился к ней, и, даже, возглавил.

Зайчиха, тоже, забросила командование армией, она обнаружила за книжным шкафом, самого высокого особняка сейф, и, пытаясь узнать от него код, поджаривала хозяину особняка пятки.

Король метался между особняками, но в одиночку, никак не справлялся, а, позже, когда началось алкогольное безумие и солдаты перестали кого — либо узнавать, он, вообще, опустил руки.

Повальная пьянка оказалась на руку, только, самим жителям посёлка, задержав солдат, ибо, разойдясь, даже, всего по десяти человек на особняк, они не заняли и трети посёлка, а весть о них распространялась со скоростью лесного пожара... да и обычного, тоже, потому, что некоторые особняки начинали полыхать языками алого пламени.

Так что жители посёлка, завидевшие, начавшиеся реквизиции, срочно погрузили в багажники джипов, тяжко заработанные золото и бриллианты, и спешно покидали посёлок через западные ворота, создав при этом приличную пробку, едва рассосавшуюся к утру.

После бессонной ночи, Его Величество столкнулся с новой проблемой, хотя всё спиртное и было выпито, но, зато, теперь у всей армии было тягчайшее похмелье. Солдатня грудями валялась по изумрудным газонам с явными признаками алкогольного отравления, и только, сработавшие по заведённому таймеру оросительные системы, забив фонтанчиками, облегчали их тяжкую долю.

За одну ночь армия разложилась полностью.

Но больше всего Короля Многоземельного поразило другое. То там, то тут на высоких, кованых воротах, с выгравированными на них большими буквами инициалами владельцев, висели, задушенные в петлях, сами же владельцы.

Короля это премного удивило. До этого он был уверен, что простой смертный не может физически убить господина, хозяина жизни, и что господа, вообще, неуязвимы для рук черни.

— Может они прикидываются? — предположил Его Величество.

Он подобрал палку, являвшуюся основным типом оружия в его армии, и ткнул одного из повешенных в толстенное брюхо. Этот тычок послужил последней каплей для перегруженной верёвки и она, с треском, оборвалась.

Повешенный упал под ноги Королю, его округлое, откормленное лицо повернулось к Королю, дразня его высунутым языком, пиджак костюма Бугатти, распахнулся, выставив высоченное, как Эверест, пузо.

Королю стало не по себе, уж не открыл ли он ящик Пандоры? Что же это начнётся, если, хлопы поднимут руку на синьоров? До добра такое, точно, не доведёт.

Августейший склонился над бездыханным телом. Вот он лежит перед ним, ещё вчера, столь всемогущий, он смело брал и, сколько положено, на верх передавал, у него было всё, как бог — олимпиец, неуязвимый и всемогущий, на шумных пирах, среди прекрасных дев, он кубки осушал...

Как некогда, предерзкий Диомед, посмел Венеру медью острой уязвить — в войне троянской не щадили, даже, богов, детей Зевеса, вот до чего может довести азарт кровопролитной битвы!

Так ужаснулся и Король Многоземельный, завидев первые плоды войны, которую он же и начал — пали первые боги, да, ещё, и от рук жалких смертных! Как бы такие деяния не потрясли устои вселенной!

Но, так же, Его Величество, знал, что никакого пути назад не будет, он или король или, пусть, всё горит синим пламенем. Он будет отстаивать своё законное право на престол, даже, если придётся проливать драгоценную благородную кровь высших созданий!

Король, на всякий случай похлопал по карманам повешенного, но они оказались, естественно, пусты.

За этим — то делом застала его Зайчиха.

Она была сильно не в настроении. Пытуемый у неё скончался, так и не выдав код от сейфа, да и, вообще, порывшись в документах она поняла, что это был, вообще, не владелец особняка, а сторож. Хотя, он ей говорил об этом с самого начала, мол хозяева, завидев, что в посёлок вторглись толпы черни, быстро погрузились в хаммер и уехали, а ему приказали защищать ихнее имущество, пусть и ценой собственной жизни.

Король высказал Зайчихе претензию, за то что она, как член генерального командования допустила до того, что армия пришла в небоеспособное состояние. Зайчиха же, осведомившись, в чём именно проблема, успокоила монарха, сказав, что это всего — лишь, самое обычное похмелье, у её брата, полжизни такое бывало, и что, просто — напросто, нужно поставить в армию алкоголь, на опохмел живой силы.

Король с Зайчихой пощли к нетронутым при штурме особнякам и в первом же обнаружили просторный подвал с десятью залами, заполненный коллекцией иностранных вин и дубовыми бочками с коньяком, но, встал вопрос, как доставить алкоголь на поверхность, к страждущему воинству. Вопрос оказался нерешаем. Как Король, так и Зайчиха, полагали ниже своего достоинства подносить что — либо рядовому составу.

Оставалось, только, ждать, когда первые солдаты придут в сознание, что они могли доставить «лекарства» павшим товарищам. Ждать пришлось довольно долго, даже когда солнце стало клониться к закату, ещё, не один боец не мог подняться на ноги, не то, что ходить, и это, несмотря, на то что Зайчиха, добросовестно исполняла свой долг и хлестала валявшихся солдат шпигрутенном, пока, он не обломился.

Момент в военной кампании сложился критический, враг мог бы голыми руками

обезвредить всю армию вторжения, но, к счастью, в Многоземелье правила не обычные смертные, а божества, потому никаких контрдействий против королевского войска не предпринималось, не до того было, ежесекундно делались большие деньги...

Ко второй ночи в таможенном посёлке солдаты начали, постепенно, приходить в сознание, и когда таких набралось с десятков, Зайчиха приказала им прикатить бочки с коньяком, и сама стала отпускать каждому нуждающемуся спиртное, но не больше ста грамм на оздоровление, что бы опохмел не перерос в новую пьянку.

Едва в воздухе разлился свежий аромат коньяка, тут же объявился и генерал — Заяц, растолкав стоявшую в очереди солдатню, он первый стал перед бочонком, вырвал из дрожащих рук солдата стакан, в который, уж, были накапаны заветные граммы, залпом осушил и подставил пустой стакан под краник бочонка, требовательно глядя на сестру. Как обладатель высокого звания он получил дополнительные офицерские сто грамм, но больше, как он не скандалил, Зайчиха ему не налила.

Всевоинский опохмел проходил крайне медленно, к утру Зайчиха от усталости выглядела не лучше забулдыжной солдатни, но доверить разлив солдатам она, по ясным причинам, не могла.

Король, сладко выспавшийся и плотно позавтракавший, наотрез отказался подменять косяку.

В общем армия простояла в посёлке почти неделю.

Пару раз, вдалеке, появлялись милицейские разьезды с мигалками, отреагировавшие на жалобы бежавших жителей посёлка, но, оценив издалека, количество бузатёров на арест которых они приехали, милиционеры, как всегда, принимали рациональное решение и, развернувшись, уезжали.

Потери от грандиозной попойки армия понесла не хуже, чем от поражения в битве.

Захлебнувшихся в подвалах и скончавшихся от перепою было предостаточно. К ним прибавились, ещё, и погибшие от переедания, что, тоже, не удивительно, таких продуктов да ещё в таком количестве, солдаты не то что не видели, они и представить себе не могли, что такое, вообще, бывает, да и не подходят изысканные яства для грубым холопских организмов — констатировала Зайчиха.

Но были от занятия посёлка и плюсы, большие плюсы.

Хозяева особняков, пусть и все бежали, но в составах ихних семей не могло хватать людей, что бы при бегстве вывезти весь автопарк.

Одной задницей в два кресла сесть нельзя, хотя некоторые отъели такие седалища, что им это удалось, но на три, всё — равно, никак. Таким образом в распоряжение королевской армии поступило предостаточное количество единиц автотранспорта, при чём автомобилей самого высокого качества и армия из сугубо пешей превратилась в полностью механизированную.

А, ещё, было взято более ста единиц огнестрельного оружия, в основном охотничьи карабины с позолоченными прикладами, но был и пулемёт для прицельной стрельбы «Негев» — господам разрешалось владеть любым оружием, в отличии от скотов — тем же запрещалось, даже, ношение вилок и ложек.

Так, что непредвиденный простой армии полностью окупился.

Как бы быстро Зайцы не гнали солдат, это не шло ни в какое сравнение со скоростью, которую армия могла развить теперь, пересев на колёсный транспорт.

Ко всему удалось и обмудировать воинство.

Если, до сего момента, общей воинской формы не было как таковой, солдаты были в том, в чём их схватили, и уволокли на призывные пункты, некоторые, вообще, вступили в войну будучи в исподнем белье. Единственное, что предоставили новобранцам за счёт государства — это бесплатного парикмахера, которые выбрил всем головы налысо, что бы отличать соладат от свободных людей. Что уж и говорить о том, в какую негодность пришла их одёжа за время перехода через границу, армия была, буквально, в лохмотьях. Но, уж теперь, всё изменилось, на королевскую армию было любо — дорого взглянуть — солдаты, реквизируя гардеробы в особняках, все обмундировались в новенькие костюмы от Гуччи и Бриони, обулись в сапожки и туфли от Тестони и Луи Витон, самые умные выбирали кроссовки Найк — в них воевать удобней. И здесь Его Величество, который подобрал себе спортивный костюм от ESPN, проявил стратегическую смекалку — завидев Зайчиху, которая напялила на себя, в тридцатиградусную жару, соболиную шубу и шла, волоча за собой по земле подол, ему пришла в голову блестящая мысль — он приказал грузить в багажники автомобилей все шубы, которые только найдутся в гардеробах особняков.

— Зачем нам столько? — не понял Заяц, он нашёл ещё каких — то орденов и нацепил их поверх, уже, имевшихся, из — за чего стал похож на блестящую погремушку.

— Кампания может затянуться, — мудро спрогнозировал Король — расстояния здесь большие, а зимы — суровые.

Все багажники забились мехами, норки и соболя набралось столько, что слёзы на глаза наворачивались — это же сколько зверьков извели, что бы господские бляди, по пути между машиной и рестораном, щегольнуть могли.

На седьмой день армия была готова к продолжению похода.

Под руководством гениального полководца Короля Многоземельного и его генштаба состоявшего из зайцев, сборище нищих и голодных превратилось в мотивированную гвардию, откормленную на деликатесах и вымытую в бассейнах.

Заняв головной автомобиль — лимузин с откидным верхом, Король встал в нём во весь рост и обернувшись к своему воинству громогласным голосом произнёс короткую, но вдохновляющую речь:

— Солдаты! — говорил Его Величество — Мы, только в начале нашего долгого и непростого пути! Для вас! Для меня, конечно, всё будет в шоколаде. Но в этом и кроется сермяжная правда вашей никчёмной жизни! Сами по себе, по одиночке, вы ничего не стоите! Ничего вы не стоите и когда собирётесь в кучу! Но, когда, ваши судьбы ложатся на алтарь благополучия вашего повелителя, только, тогда они обретают, хоть, какой — то смысл! Как вы здесь оказались? И, главное, почему? Вас привела сюда воинская повинность! Вслушаетесь в это слово «повинность», то бишь — вина! Вы все — виноватые! А в чём же она заключается, ваша вина? А заключается она в вашем греховном рождении, когда вы удумали появиться на белый свет, но не где — нибудь там, на западе! — он указывающе простёр перст — Нет! Вы пожелали появиться, здесь! И этот грех, эту тяжкую вину — вы должны искупать до последнего вдоха, в жестокой войне, захлёбываясь дерьмом и кровью, покласть животы своя, ради высшей цели — меня! И да будет вам утешением знать, что жертва ваша не станет напрасной — вас разорвёт на мелкие кусочки не за зря, благодаря этому, где — то далеко, на пляжах Маями и Дубай, достойные господа смогут продолжить вести роскошную, пресыщенную всеми изысками жизнь!

Солдаты начали перешёптываться, но Король, повелительным жестом потребовал тишины.

— Что же должно ожидать тех из вас, кому, случайно, выпадет пережить кровавую мясорубку сражений? — он вопрошающим взглядом обвёл солдат и прежде, чем они что — то ответили, высказался на упреждение — Вас ждёт возвращение к убогой, полной печали и забот, жизни! Вы продолжите гнуть спины за гроши, а господа, за ваши ветеранские заслуги, вознаградят вас, разве что, тумачами!

Судя по посеревшим лицам солдат, они не сомневались в исполнении королевских пророчеств.

Его Величество выдержал напряжённую паузу и выкрикнул во всё горло:

— Не на сей раз!

Солдаты удивлённо переглянулись — что бы это значило?

— Да — да! Вам не послышалось! — чёрные глаза Короля, злые и жестокие, сверкали как две чёрных жемчужины — Я, как величайший мировой владыка, сделаю, то, что доселе считалось невозможным! Пусть это и потрясёт сами устои мироздания! Но вот вам мой королевский указ — те из вас, кто останется в живых к тому дню, когда я, неизбежно, войду в столицу победителем и воссяду на свой законный трон, и тогда, выживших, за то что им выпала честь сопровождать меня в моих странствиях и стать свидетелями моих подвигов, я пожалую... — монарх неожиданно смолк, набирая побольше воздуха в лёгкие, после чего выкрикнул на весь посёлок — паркоместом в столице! Каждого! В элитном жилищном комплексе!

Солдаты стояли, онемев, поражённые услышанным, не сводя с Короля — полководца немигающих глаз. А, затем, враз, из тысяч глоток вырвался радостный клич, шляпы — пляжные соломенные и меховые бурки, взлетели в воздух.

— Виват, виват, виват!!! — кричали Королю.

Солдаты плакали от счастья! Ещё бы! Паркоместо в столице — это равносильно золотому прииску, хочешь сдай в аренду, хочешь продай! За всю жизнь им не увидеть таких денег, которыми обеспечит их крошечный кусочек заасфальтированной площадки! Больше не нужно идти в батраки, за кусок сухаря и стакан воды!

Солдаты ошалели от свалившегося на них счастья, да так, что тут же все встали на колени перед королевским лимузином и, в унисон, присягнули на верность Великому Королю Многоземельному, чего они до сих пор не имели возможности сделать.

Король, с гордым видом, уселся на сиденье и пригубил из хрустального бокала шампанское.

— К чему такие расходы? — Заяц выставил свою крысиную рожицу из — под широких полей обшитой золотом генеральской фуражки, вопросительно поглядев на Короля — К чему этим скотам такие активы? Лучше мне отдай!

Король снисходительно погладил косоного по фуражке и, смеха ради, плеснул ему в физию остаток шампанского, после чего сказал:

— Дурак ты и больше ничего. Как вести войну, когда нет тылового обеспечения? Есть ли у тебя, хоть, полмиллиона милиционеров, которые будут розыскивать дезертиров и возвращать их в строй, отлавливая на станциях метро и по чердакам и подвалам? А? Так как же мне привязать хамов к армейской службе? Вот, только, так — посулив им золотые горы!

— Но это же по целому состоянию каждому, — проворчал Заяц, но вынужден был признать правоту Короля.

И армия, погрузившись на автотранспорт, продолжила грандиозный поход во имя Великого Многоземельного Короля.

Милицейские полки пограничного городка стояли, выстроившись по подразделениям, в боевом порядке. Давно прошло обеденное время, правоохранители, многие облачённые в защитные средства, изнемогали от жары и усталости. Уже, особо надёжные сотрудники были посланы за пивом, уже, они привезли несколько бочек, уже их выпили, разбавляя водкой, но анонсированные банды бузатёров всё не появлялись.

Начальник милиции, обмахиваясь фуражкой, напряжённо вглядывался вдаль, нервно постукивая себя громкоговорителем по сальной ляжке. Минувшей ночью, в первом часу, его оторвали от сауны с проститутками и кокаином, ибо поступил звонок по главной линии с самого верху (хорошо, что сауна находилась в милицейском участке) и по телефону сообщили о толпах хлопков из смежного государства, пересекающих границу с целью учинять гражданские беспорядки, подрывать доверие к действующей власти и раскачивать лодку. Уже на завтра, все эти бродяги, должны войти во вверенный ему город. Возглавлял банды хулиганов экс — Король Многоземельный, изгнанный узурпатор, на его фигуре концентрировалось особое внимание, начальнику настоятельно рекомендовали организовать гибель Короля при разгоне массовых беспорядков, хлопков же, которые останутся в живых, всех арестовать и, под конвоем, доставить в столицу, для проведения над ними справедливого и жестокого суда.

Новость вызвала радостное оживление в кругу правоохранителей. Уже никто и вспомнить не мог, когда им доводилось в последний раз разгонять массовые демонстрации. Народец был до того тих и запуган, что многие милиционеры, которые, отслужив по десять лет, уже готовились выходить на заслуженную пенсию, ни разу в жизни, ни то что не разгоняли митингов, но, даже, не слыхали о таковых.

Потому, что и говорить о том, какое праздничное настроение установилось среди дружного милицейского коллектива, да тут, ещё, и прибыло подкрепление в виде полка особого назначения, на утро ждали такого веселья, какого давно не было!

— Ну где же эти оборванцы? — нервничал начальник милиции, он пообещал личному составу потеху на целый день, и сам хотел повеселиться, повозить самого Короля в клетке, припомнить ему старое.

Как — то раз, когда милицейский начальник ещё не был начальником, а был рядовым сотрудником и прятался в кустах со свистком и жезлом, мимо него проезжал кортеж Его Величества, для которого он и перекрывал движение, и вот, в самый экстренный момент, от волнения, тогда ещё молодой сотрудник, не утерпел и остановил головную машину, а в ней оказался сам Король — он постоянно садился в разные автомобили, что бы врагов запутать.

Ох и наполучал тогда королевских пощёчин молодой милиционер! Щёки неделю горели и за ночь поседел, как лунь. Не будь у него папочка начальником милиции, то вылетел бы со службы.

И вот, наконец, наступил день расплаты!

Начальник милиции, разминал широкие плоские ладони в пятнах светящейся краски для метки денег предназначенных для взятки. Он, так и представлял, как будет хлестать самого Короля по щеками, и его бескровный рот расплывался в улыбке.

Но никакого шествия голытьбы и не намечалось.

Начальник милиции разочарованно вздыхал, со всевозрастающим волнением

поглядывая через бинокль на дорогу.

И, вдруг, в очередной раз приложив бинокль к глазам, он аж подпрыгнул!

На дальнем краю дороги, почитай на выезде из города он разглядел колышущуюся массу.

— Идут! — вдохновлённо произнёс он и дал бинокль своему заместителю — Гляди! Вон они — обнаглевшие скоты, прут сюда, идиоты

! Нам на всех веселья хватит! Я, надеюсь, вечернее празднество подготовлено? — допытывался он у заместителя, увлечённо разглядывавшего через бинокль приближавшихся бузотёров — Девки заказаны? И что бы кокаин чистый был, а не как вчера!

Заместитель ничего не ответил своему начальнику, а, только, отвёл бинокль от глаз и повернул к нему побледневшее лицо.

— В чём дело? — спросил начальник поражённый таким изменением в лице подчинённого.

Тот ничего не ответил и, только, протянул бинокль с немой просьбой — поглядеть ещё раз.

— Да что там такое?! — начальник милиции раздражённо выхватил бинокль и приставил к глазам.

Взору его открылась неожиданная картина.

В город, медленно, по — порадному, въезжала колона автомобилей, все новенькие, самых престижных марок, да так много, что конца этой колонне не было видно.

* * *

Первым шёл чёрный, горящий на солнце лимузин с открытым верхом, в котором стоял человек одетый в дорогой костюм, а в его руках было древко, трепетавшего на ветру, штандарта с гербом Короля Многоземельного!

На передних сиденьях лимузина сидели — Заяц, побрякивавший орденами, и Король, да ещё один солдатик, котый крутил баранку. Причём, Его Величество зачем — то накинул на плечи старую серую полковничью шинель.

— Что — то у тебя видок в этой рванине не самый презентабельный, — оценил вид Короля Заяц.

— Ты — дурак, — коротко отвечал августейший — на поле боя, каждый адекватный государь, всегда принимает личину низкого чина, что бы не стать избранной мишенью для противника. Ведь враг всегда желает, в первую очередь, устранить командующий состав. А как их отличить? Только по виду. Кто более всех разряженный — тот и главный. Зато находиться рядом с таким безопасней, ведь стрелять будут, именно, в него, — Король ткнул косога пальцем в грудь наград.

Только, тут, Заяц смекнул отчего монарх приказал ему сесть рядом, а сестра, ещё, до входа войск в город, укрылась в багажнике лимузина.

— А ты, уверен, что мы всё правильно делаем? — Заяц, было хотел подняться, что бы перелезть на заднее сиденье, но Король удержал его на месте — Может, сначала, нужно было приказать солдатам зачистить город?

— Не глупи, — монарх прижал косога к креслу — я — не только великий государь, но и великий стратег, всё сработает безупречно, — он усмехнулся в бороду.

По мере приближения королевских сил в полках правоохранителей нарастала паника.

Заместитель начальника метался по площади, стараясь поддерживать дисциплину, и каждую минуту подбегал к своему руководителю, испуганно шипя:

— Разве это обещанные голодранцы? Вы поглядите на них! Это же господа! Как мы посмеём их разгонять?

— Какая разница как они одеты, — просипел начальник милиции, нервно теребя бинокль — у нас есть приказ! И мы будем его выполнять!

Он, снова, приложил бинокль к глазам — колонна автомобилей неуклонно приближалась. Он, грубо, перекинул бинокль заму, вышел вперёд и крикнул в громкоговоритель:

— Говорит начальник милиции! Ваше несанкционированное собрание нарушает правопорядок! Я приказываю вам покинуть транспортные средства, лечь на землю и заложить руки за голову, что бы мы могли вас избить! В случае неподчинения законному требованию милиции вы будете избиты! Так что, лучше, ложитесь!

Никакой реакции законное требование не произвело — автоколонна продолжала движение.

Начальник милиции, стал тяжело дышать, подмышками выступили тёмные пятна пота.

В рядах милиционеров начал раздаваться недобрый шепоток:

— Похоже они идут нас... бить... точно — точно, будут бить...

— Отставить панику! — начальник милиции погрозил подчинённым пухленьким кулачком и что бы рассеять их страхи, вновь, обратился к автоколонне — Вы, что, хотите нас бить? Дальнейшее ваше продвижение мы будем расценивать, именно, так!

Колонна приближалась.

Начальник милиции услышал позади себя грохот, на который, резко, обернулся.

Весь личный состав особого назначения, спешно сбрасывал с себя защитную экипировку.

— Что вы... зачем? — только и успел прохрипеть он, как все они, разоблачившись, бросились врассыпную, а те, кто меньше поддался панике, догадались позапрыгивать в стоявшие на обочине автозаки — завизжали колёса, поднимая тучи пыли и автозаки, наперегонки, рванули с площади.

Начальник милиции, в полном отчаянии, выбежал на дорогу, выставил вперёд руку с открытой ладонью, словно, пытаясь с помощью телекинеза остановить королевский лимузин и, забыв про громкоговоритель, заорал:

— А — станавитесь!!!

Не помогло. Не остановились.

С грохотом и матерщиной, все милицейские полки побросали дубинки и бросились в здание милицейского отделения, забыв обо всём на свете.

Так как начальник милиции стоял дальше всех от родного отделения, да к тому же был грузен и неповоротлив, то когда он добежал до центрального входа, весь личный состав, уже, успел укрыться внутри и забарикадироваться.

— Откройте! Впустите меня! — тряс ручку двери начальник милиции, взывая к милости подчинённых, но тщетно, он подумал, было, попробовать оббежать здание, возможно

чёрный ход, ещё, не успели запереть, но, уже, было поздно...

Колонна автомобилей въехала на площадь и, проехав по кругу, остановилась, при чём лимузин с королевским штандартом остановился ровно напротив милицейского участка.

Начальник милиции, спина которого залилась холодным потом, прилипив к себе форменную рубаху, не отпуская ручек двери, медленно повернул назад голову и увидел, как из лимузина вышел человек со штандартом, на котором он, теперь, хорошо разглядел золотую корону на алом поле, за ним выпрыгнул какой — то престарелый одноухий заяц, явно в генеральской форме, вся грудь в орденах, сразу видно — боевой, раз столько наград себе выбил, и вот этот — то генерал и отворил переднюю дверцу лимузина, из которого вышел Сам! Собственною персоной!

Хоть милицейский начальник и не видел Короля Многоземельного почти тридцать лет, но, сразу же, признал, не смотря на худую серую шинель, наброшенную на плечи. Тем более, что тот мало изменился. Те же горящие злобой, чёрные, пронзающие, как кинжалы, глаза, перекошенный в негодующей мине рот, нахмуренные косматые брови с глубокой бороздой морщины над ними. Носочек королевского пынехода нервно постукивал по асфальту, выдавая, плохо сдерживаемую ярость.

— Ваше Превеликое! — как можно радостней завопил начальник милиции, но голос его прозвучал глухо и фальшиво.

Король стоял с каменным бесстрастным лицом, уперев руки в боки, он уничтожающим взглядом сверлили трясшегося от страха начальника милиции и тот, словно попав под гипноз королевского взора, медленно осел на землю, и на четвереньках, плача, пополз к Его Величеству.

— Ваше Превеликое, — начальник милиции судорожно глотал воздух, испытывая непреодолимое желание поползти на пузе — не могу передать какая честь для всего нашего города, и для меня лично лицезреть, ваш лик, ваши божественные черты, это непередаваемое счастье, я боялся, что вы покинули нас навсегда, мой любимый Король! — он дополз до королевских ног и принялся целовать ему обувь.

Его Величество брезгливо отнял у милицейского начальника ногу и надменным тоном вопрошал:

— Зачем здесь, на площади, было устроено сборище с оружием и автозаками?

— Вас встречать хотели! — плакал начальник милиции, пытаясь прижаться губами к пынеходу.

— Встречать своего короля, как преступника?! — грозно прогремел августейший.

— Нет, что вы! — в неподдельном ужасе начальник милиции сел на задницу — Я хотел, что бы смотр нам провели. Как на параде. Что бы видели, как мы готовы поддерживать вашу власть. Только вас ждали и алкали! А вы, так обидно говорите, — и он разревелся пуще прежнего.

— А почему же все разбежались? — Король отбуцнул начальника, который попытался обнять его ногу.

— Не вынесли вашего величия, — начальник, по — прежнему, норовил вцепиться обеими руками в ногу — застеснялись!

— Встать! — приказал Король, меняя гнев на милость.

Начальник милиции подскочил, как мячик, вытянулся по струнке и приложил ладонь к виску.

Его Величество оглядел милиционера, потягал за толстую щёку, разминая её пальцами,

и, неожиданно, отвесил тяжёлую пощёчину.

Начальник милиции пошатнулся, но тут же выровнялся, повернул к Величеству уцелевшую щёку и попросил:

— Окажите милость — хлестните и по этой!

— Молодец! — похвалил Король Многоземельный — Службу знаешь! — и дал милиционеру вторую пощёчину.

У начальника, аж, искры из глаз посыпались, но он, мужественно, изобразил на лице улыбку и по — парадному пролаял:

— Спа — Сиб! Ваш Величество! Ура!!!

— Ну что ж, выводите своих орлов, стой! — распорядился Король — Пусть присягнут своему Королю.

— Слушаюсь! — не отнимая ладони от виска, поклонился начальник милиции и попятившись назад, неожиданно замер, и, выкатив на Короля жалобные глазки, по — детски, наивно, попросил — Пожалуйста, оставьте меня и дальше на занимаемой должности.

— Что, очень хочешь? — криво усмехнулся Король.

— Да я же не за себя, я за честь мундира переживаю, — начальник милиции стыдливо опустил глаза и уставился на свои новенькие туфельки из крокодильей кожи.

— Много дел на тебя заведено? — прямо спросил Король.

— Ну что вы такое говорите, — начальник милиции залился краской, так что покрасневшие от пощёчин щёчки стали в тон всему лицу.

— Не смей лгать своему повелителю! — рявкнул Король.

— Три! Это те которые, ещё, не закрыты, — пролепетал начальник милиции.

— Дай угадаю, — сказал Его Величество — за взяточничество, пытки и убийство?

— Вы, словно, насквозь видите, — скромно подтвердил королевские подозрения начальник милиции.

— Ну ладно, — Король сделал великодушный жест рукой — будешь мне верно служить, я тебя прощу.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — принялся бить поклоны начальник милиции.

— Давай, выводите бойцов на присягу, — напомнил Король.

Начальник, ещё, с десять раз поклонился и бросился бегом к участку, поддерживая рукой сползавший брюки.

— Стой! — внезапно остановил его Король — А это что такое? — он указал на клетку с ржавыми прутьями, установленную на двуколёсной повозке.

Начальник милиции опешил.

Он мялся, то заправляя рубашку в брюки, то вынимая, лицо его из красного стало пепельным, колени предательски дрожали.

А тут, ещё, Заяц подлил масла в огонь.

— Там какая — то надпись, на клетке, — проворчал он, присматриваясь к висевшей на прутьях табличке, и прочёл вслух — «Для Короля»!

— Для Короля? — повторил Его Величество, не спуская глаз с начальника милиции — Что это значит? Потрудись — ка объяснить?

Тот аж осел, лицо стало, совершенно, бескровным, а глаза закрылись, он чувствовал, что, сейчас, упадёт в обморок, но, безумным усилием воли, он принудил свои голосовые связки выдать следующее:

— Это подарок для Вас! Я хотел, что бы вы посадили меня в эту клетку и, на параде, провезли по городу, и тыкали через прутья в меня палкой, что бы граждане города убедились, что вернулся настоящий Король.

— Ну что ж, — Его Величество погладил бороду — толково придумал, хвалю! Ну беги, приводи к присяге.

Начальник милиции, словно заново родившись, бросился бежать, не чуя ног. По пути он выковырял из мощённого тротуара пару брусков и добежав до участка запустил ими в окна, разбив стёкла.

На шум бьющегося стекла из окна, настороженно, одним глазом, выглянула испуганная милицейская физиономия.

— Выходите, сукины сыны, присягу приносить будем! — проорал начальник — Поклянёмся в верности новой власти!

— Кому на этот раз? — робко поинтересовались из окна.

— Королю!

— Новому?

— Бывшему!

— А они, точно, нас бить не будут? — волновались в участке.

— Король слово дал! — приврал начальник милиции.

Цену королевскому слову хорошо знали, потому, сразу, никто выходить не спешил. Но, вскоре, на крылечке показались первые сотрудники, они настороженно озирались, готовые в любую секунду юркнуть обратно, в логово.

Убедившись, что, вроде бы, опасность им не грозит, стали выходить и остальные милиционеры, если бы горожане увидели их в этот момент, то не признали бы своих правоохранителей, до того оробевшие были у них выражения физиономий, вопреки обычному нагло — надменному виду.

Наконец, выстроив весь личный состав, начальник милиции, встал впереди всех, и вскомандовал:

— На колени!

Весь милицейский состав повалился на землю, уперев в неё колени. Переприсягать — для милиционера это дело привычное, и они, хором забубонили, заученные наизусть слова клятвы, лишь заменяя слова «правительство многоземельной республики» на «Его Величество Король Могоземельный».

Сам Его Величество прохаживался перед присягающими, заложив одну руку за отворот шинели, а вторую за спину, и, вслушиваясь в слова присяги, согласно кивал. За ним, по пятам, гремя орденами, прыгал Заяц, иогда он останавливался, подходил к какому — нибудь милиционеру, и пристально заглядывал ему в глаза, из — за чего тот естественно, сбивался и начинал, аместо текста присяги, зачитывать какой — то детский стишок или нести нечленораздельную околесицу.

По окончании принесения присяги, Король милостиво сообщил милиционерам, что, так уж и быть, он принимает их клятву вечной верности и принимает их под свою руку.

— Слава Королю! — завопил начальник милиции и тысячи глоток поддержали его.

— Слава! Слава! — кричали и бойцы полка особого назначения, которые не догадались уехать в автозаках и тихонько, подглядывали за событиями из перулков, аогда увидели, как их коллеги принимаю присягу, проделали тоже самое, и теперь поддерживали их приветственным кличем, но всё ещё, боялись подходить ближе.

Тут же для Его Величества была организована торжественная встреча горожанами. Милиционеры разбежались по домам, чуть ли не выламывая двери, они врываются в квартиры, требуя, что жильцы пооткрывали все окна, вывесили цвета Короля на балконах и бросали конфети, когда лимузин его величества поедет по городу.

Из громкоговорителей, развешанных на фонарных столбах загремел марш и королевский лимузин покатил по городу, под несмолкаемые аплодисменты восторженных граждан, за спинами которых, в каждой квартире, стояло по наряду милиционеров, умело поддерживавших в них пыл.

Король сидел на заднем сидении, недвижимый, как статуя, с перекошенным, брезгливым лицом, благосклонно принимал знаки восхищения и безмерной радости со стороны, вновь обретенных, подданных. Рядом с ним крутилась Зайчиха, убедившись, что никакая опасность не грозит, она выбралась из багажника и заявила желание, тоже, принять участие в параде.

Вырядившись в соболью шубу и широкополую шляпу, она курила крепкую сигарету, вставленную, в длинный мундштук слоновой кости, да оценивающе оглядывала ликующих на балконах граждан, через золотое пенсне.

Спереди, рядом с водителем, расположился генерал — Заяц, вот он сил не жалел. Взобравшись на сиденье задними лапами, он, вытянувшись во весь рост, махал лапками, подбрасывал в воздух свою фуражку, да задорно подпрыгивал, так, словно это его чувствовали! Была у него и ещё одна обязанность — длинной бамбуковой палкой, с заточенным концом, тыкать меж прутьев клетки, установленной на капот автомобиля, в запёртого в ней начальника милиции, и, стоит отметить, что каждый такой тычок поднимал волну возгласов искренней радости среди наблюдавших за парадом граждан.

Конфети сыпались разноцветным снегом!

Наполненные до отказа пунцовые воздушные шары взмывали в синее небо и ветер кружил их в задорном вальсе.

Три круга сделал по городу парадный кортеж, на последнем заходе Заяц уцепился в связку воздушных шаров и пронёсся, держась за них, перед самыми верхними этажами домов, показав зрителям, покусанную блохами, задницу.

А, вечером, начальник милиции сообщил, что, едва узнав, о том, что Превеликий с визитом посетит их скромный городок, то, сразу же, распорядился организовать вечерний досуг для величественного гостя — так, что сауна, и иные пикантные развлечения, уже ждут!

Сауна занимала весь подземный этаж в милицейском участке. Парились Король, зайцы и весь местный командный состав милиции, заодно, на огонёк заглянули отцы города, желавшие выразить своё почтение вернувшемуся Королю, — мер, десятков его замов, сорок мелких руководителей отделов и столько же или, даже, больше сотрудниц, молодых специалистов, недавно принятых на службу в связи с указом мера о расширении служебного штата городской администрации до тысячи единиц.

В общем, с таким наплывом гостей, явившихся, ясное дело, не с пустыми руками — началось неслыханное веселье, давно в городе такого не бывало.

И, только, начальник милиции жалел, что напрасно потратился на проститутку.

Сауна наполнилась грохотом блатной музыки, дымом кальянов, тяжёлым травянным запахом марихуанны, сладковатым запахом крэка, танцующими парами, и, иногда, тройками. Заяц, вообще, вальсировал с четырьмя девицами.

Пили до белой горячки.

Напилась, даже, Зайчиха и в пылу хмельного буйства таскала за волосы одну из молодых, да ранних, специалисток. Разнимать никто не осмеливался, ибо Зайчиху считали за особо близкую к королевской особе.

Его Величество, хорошенько попарившись, единолично восседал на диване, разбросив ноги в стороны. Временами, то тот, то иной чиновник припадал к его руке, уверяя что, втайне, всегда сохранял верность Его Величеству, в ответ августейший благодарил чиновника пощёчиной, и тот, несказанно счастливый, уступал место следующему почитателю.

В час ночи, начальник милиции, как организатор празднества, предложил Его Величеству развлечься гонками по ночному городу. Гостями это предложение было принято с восторгом, и сам Король дал добро.

Так как дело было в сауне, то, естественно, все находились в помещении без излишков в виде одежды и появление на ночной улице, перед милицейским участком, такого количества обнажённых людей, выглядело очень живописно.

Но сами гуляющие никакого дискомфорта не испытывали, разгорячённые крепкими напитками, они не чувствовали ни холода, ни стыда. Правда, стыда они никогда не чувствовали и в трезвом состоянии.

Король сел в свой лимузин, а водителем у него на этот раз был лично начальник милиции, мер и его подручные расселись по своим автомобилям, преимущественно марок ламборджини и порше, Зайчиха так набралась, что её еле усадили за руль новенького хаммера, рядом поместили и её братика, он был в таком состоянии, что, посчитали, доверять ему вождение будет опасно, зато у него с собой была бутылка водки, которой он щедро поделился с сестрой. Патрульный дал залп из табельного в воздух и сумасшедший гон начался!

Рева моторами и сшибая попадавшие по пути преграды, автомобили понеслись по кромешно тёмным неосвещённым улицам города. Скоростя зашкаливали, каждый старался вырваться вперёд, но, при этом, соблюдая этикет — королевский лимузин никто не осмеливался обгонять.

Городок был маленький, потому, гонщики, едва успев войти в раж, пролетели его. Победителем первого заезда был объявлен Его Многоземельное Величество!

Но гонка показалась всем пресноватой, чего — то не хватало в ней для большей остроты.

— А чего это улицы пустуют? — заметил Король — Почему прохожие не гуляют?

— Так, ведь, у нас милицейский городок, — угодливо улыбаясь обернулся к нему начальник милиции — у нас людишки, ни то что ночью тёмной, но и светлым днём лишней раз на улицу не высовываются.

— Как они смеют? — поразился Его Величество — Какой же интерес господам гонять вот так, на сухую?

— Сейчас исправим! — взял под козырёк начальник милиции.

Срочно, по тревоге, были поднято половина милицейского состава, на машинах с мигалками они пролетели по городу, дисантируясь во дворах. Тараном выбивались двери в куцых квартирках жителей города и их, даже, не дав одеться, выкидывали на улицы (некоторых, прямо, с балконов).

За сорок минут главная улица города наполнилась горожанами, получившими приказ «гулять».

За это время все участники сумасшедшего гона, хорошенько подкрепились алкоголем и амфетамином, зарядившись на готовящееся соревнование, сделали музыку в магнитолах погромче, дружно крикнули «Слава» Королю Многоземельному и пошли на второй гоночный круг.

Что и говорить о том, насколько более захватывающей стала гонка! Какой всплеск эмоций! Вот Зайчиха, на ревушем, весом с танк хаммере, на всей скорости сбивает группу гуляющих прохожих и они, как кегли при точном ударе, подлетают в воздух — ноги выше головы, и, забавно, шмякаются на булыжники мостовой.

На крутом вираже заносит королевский лимузин, начальник милиции хохочет, почти не держась за баранку, машина входит в дрифт на тристо шестьдесят градусов и начинает выписывать кольца, расшвыривая встречающихся на пути граждан. Веселье да и только!

Самые отчаянные дамы выбирались на капоты автомобилей, встречая обнажённой кожей струи ветра и брызги крови. С развевающимися волосами и безумным взглядом они походили на фигуры русалок, которыми украшались носы фрегатов.

Пешеходные граждане — хлопы, ставшие невольными участниками сумасшедшего гона, конечно, не оставались лежать в беспомощном состоянии, их тут же прибирали милицейские разъезды и развозили, кому как повезёт, кого — в морг, а выживших — в КПЗ, и на каждого — открывалось уголовное дело за нападение на представителя власти.

И, только, когда на востоке забрезжили первые лучи солнечного света, безумное состязание завершилось, по причине выбывания всех участников соревнований — обильные возлияния, совершенно, обессилели их и они позасыпали, прямо, за рулём. Один, только, начальник милиции, как самый опытный, оставался в сознании, он — то и объявил, что, согласно набранных баллов, безапелляционная победа присуждается Его Величеству Королю Многоземельному!

Ещё долго помнили жители городка, да и все окрестные хлопы этот сумасшедший гон! И, дальше, какие бы трудности не выпадали на их долю, они всегда говорили одно: «Лишь бы не было сумасшедшего гона»... Но чаяния их были напрасны. Со временем сумасшедший гон, вообще, стал традицией Многоземельного королевства и проводился во всех его городах.

Следующие сутки Король и зайцы беспробудно отсыпались в личном особняке мера города, который почёл за честь принять таких гостей, а на следующий день Величество, уже, отдал приказ о продолжении похода. Как истинный полководец он знал, что на войне скорость маршей определяет победителя.

Горожане обеспечили, на какое — то время, королевскую армию провиантом, да и пополнением тоже, так как Его Величество приказал всех арестованных во время сумасшедшего гона, разумеется тех кого не покалечило, забрить в солдаты. Милицейская же структура города снабдила топливом армейский транспорт, слив его из собственных запасов.

Когда августейший со своим воинством покидали городок, то всё население провожало его со слезами на глазах... слезами и проклятиями...

Вечером в столичном ботаническом саду негде было яблоку упасть. К его кованым воротам (естественно что сад от хлопков был ограждён колоссальной по высоте и протяжённости стеной) подъезжали один бронированный кортеж за другим. После тщательной проверки охранной с нейронным детектором, кортеж пропускали внутрь и он исчезал в зелёной гуще редкостных деревьев.

Конечной остановкой для всех кортежей была парковочная площадь перед роскошным трёхэтажным дворцом украшенным мраморными скульптурами. Именно в его помещении этим вечером был назначен съезд клуба аллигаторов — лучших людей Многоземелья, превозносимых в прессе (ихней собственной), меценатов и благотворителей, не монополистов, а инвесторов в отечественную экономику, отцов народа и благодетелей нации.

Собрались эти достойнейшие господа в уютном кабинете, обшитом красным деревом и золотом, да так, что из — за золота, дерева не было видно.

Члены клуба аллигаторов расселись в, расставленные полукругом, кожаные кресла с мягкими покрывалами из шкур панды, на полу распласталась леопардовая шкура с головой, оскалившей клыки. Кабинет наполнился сизым дымом дорогих сигар и запахом Арманька.

Достойные господа — все имели экстраординарный вид, раз глянешь — ночь спать не будешь, до того жутко станет.

Их внешний вид целиком соответствовал ихнему душевному устройству.

Перед почтенным собрание стояло только одно кресло, с высоченной спинкой, на которой, в форме клеверного трилистника, были выдавлены три шестёрки.

В самом кресле, с хитрым лисьим лицом, восседал самый добрый и ласковый человек страны — Амтих Амтихович, его рыжеватые локоны, в мягком свете сотни восковых свечей, отливали золотым цветом, на безымянном пальчике поблёскивал крошечный золотой напёрсточек, которым он тихонько постукивал по подлокотнику кресла.

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие, — заговорил он словами из пьесы — Его Величество Король Многоземельный во главе целой армии пересёк границу нашей державы.

— Что? Как? Неслыхано! — загоготали аллигаторы.

— Но где набрал целую армию? — вопрошал очень старый, лет за сто, седой аллигатор, владелец аварийных угольных копий, с руками по локоть в золотых браслетах.

— Неизвестно, — ответил Амтих Амтихович — мы, конечно, сделали запрос в соседнее государство, с границ которого он и пришёл, но там нам ответили, что «их там нет»!

— Так что же нам — нечем ответить? — снова испуганно загоготали аллигаторы — Где наши вооружённые силы?

— Я, тоже, об этом задумался, — поддержал общее мнение Амтих Амтихович — и запросил список численности всего, что у нас имеется милитаризированного, вот он! — он помахал листком пергамента — И так, посписочно, мы имеем в строю, — и он зачёл данные с документа — милиционеров — десять миллионов (и цифра постоянно растёт); бойцов особого назначения — сто тысяч; сотрудников тайной полиции — девять миллионов; генералов армии — тысяча; адмиралов — пятьсот; верховных маршаллов — десять человек!

— Да... — вздохнули аллигаторы, прослушав спиок — воевать — то некому!

— У кого будут какие предложения? — отложив листок, задал вопрос собранию Амтих Амтихович.

Все молчали.

Вопреки насаждаемому в холопских массах поверью, думать — было не лучшим качеством аллигаторов, эта способность, даже, не входила в десятку лучших, правильнее было сказать — она отсутствовала как таковая.

Был среди аллигаторов недавно посвящённый в их клуб, относительно юный адепт, зрелых лет. В кругу своих товарищей он был первым, кто не только умел читать, но и пользовался этим навыком довольно странным образом — читал книжки, что, неоднократно, вызывало у старших товарищей поток сальных шуток в отношении новообращённого. Будучи новеньким, он не решался, сразу, высказать своё предложение и подождав, когда старшие аллигаторы нахмыкались, и, поморщив брови, так ничего и не придумав сдались, он попросил слово.

Подскочив на ноги, юный апологет зла, вышел к креслу Амтих Амтиховича, что бы все его видели и, сбиваясь от волнения, заговорил:

— Спасение есть! И проистекает оно из сути самого нашего державоустройства. А в чём эта суть заключается? — он прокашлялся и промочил пересохшее горло глотком крепкого конька — А заключается она в том, что есть холопы, а над ними синьор — феодал. Безусловно лучшая форма социальных отношений из всех которые видело человечество. Но, ведь, какова была первичная задумка? Война — это не что — то новое, скорее это испоконвечное явление, которое идёт об руку с человеком с тех самых пор, как наши древние предки стали сбиваться в стаи. Однако, невозможно преуспевать сразу и во всём, потому невозможно заниматься добычей хлеба насущного и, одновременно, освоить военное искусство, тем более, что снаряжение и боевой конь стоят так дорого, что в одиночку, честным трудом, на них никогда не заработать. Потому — то и появилась идея, что бы определённое количество хлопов содержало одного воина, который будет освобождён от забот о добыче пропитания и крова, все силы которого были бы направлены на изучение военного дела, и всё снаряжение ему покупалось в складчину, но в случае войны — именно он и шёл в бой!

Аллигаторы с полным непониманием уставились на оратора.

— Поясни, — пропыхтел кто — то.

— А что тут пояснять? Сколько у нас в стране благородных господ — феодалов? И не счесть! Представьте если такой соберётся на войну? Да у него будет самая лучшая в мире экипировка! Самое лучшее в мире оружие! Передовая военная техника, средства связи — лучшие экземпляры! Собственная походная кухня, логистика продовольствия из собственных закров. Но это ещё не всё! Многие господа имеют при себе штат собственной охраны — профессионалов по части обращения с оружием, то есть каждый господин — это полноукомплектованный отряд численностью от десяти до пятидесяти бойцов. Да с такой армией, мы не то что Короля с его голодранцами в пух разобьём, мы покорим весь мир! — юный аллигатор замер в торжественной позе, глаза его горели, он чувствовал, что вот, сейчас, его, вообще, провозгласят главой клуба.

— То есть, если я правильно понимаю, — заговорил первым старый седовласый аллигатор — то, согласно, озвученного только что плана — я и мои пятнадцать сыновей, берём оружие, покупаем каждый по танку и выезжаем на войну? Где нас могут убить.

Тут же в кабинете поднялся такой вой и матерщина, что в окнах задрожали стёкла.

Аллигаторы, возмущённые до предела, подобным предложением повскакивали с кресел, яростно жестикулируя, трясая отвислыми щеками и гремя золотыми цепями.

Пришлось обождать пока эмоции поутихли, прежде чем возобновить совещание.

Слово, опять, держал старый седой аллигатор.

— Полагая, что я выскажу общий ответ на подданное предложение, и меня поддержат все присутствующие собраты по богатствам, — говорил он — не для того мы сколотили баснословные состояния, настроили дворцов здесь и закупили вилл за границей, и не затем содержим, каждый свою собственную маленькую армию, что бы вместо того, что бы предаваться немислимым наслаждениям и разврату, вдруг взять, ни с того ни с сего, и пойти собственнoлично на войну, да к тому же, и своих деточек в армию отправить. Не бывать этому!

Одноклубники поддержали его шумными овациями, и, переждав, аплодисменты, он продолжил:

— Не пойдём на войну ни мы, ни своих армий не отправим. Ибо стоит кому — то, отправив своих головорезов на войну, этим ослабитв свои позиции, как на него, сразу, произойдёт нападение со стороны соседа по владениям, с целью захвата земель или производственных активов. Ведь верно? — старый аллигатор со значением поглядел на коллегу сидевшего справа от него.

— Да, обязательно нападу! — не скрывал тот — Я, давно, хочу захватить у вас, хоть, с десяток угольных копий, но, пока, вы слишком сильны и я не решаюсь. Но стоит вам, хоть немного ослабнуть, я накинусь на ваши владения, как волк на ягнёнка.

— Спасибо за откровение, — поблагодарил старый аллигатор соседа — я же в свою очередь, при первой же возможности, накинусь на вас и постараюсь, разорив, отнять у вас абсолютно всё, — старческий кашель согнул его пополам, и, насилу справившись с приступом, он поднял голову и договорил — потому — то и выходит, что на войну мы отприться никак не можем, да и глупо это для нас, война — это участь хлопов, у них всё — одно такая жизнь, что и не жалко. А что до вас, молодой человек, — он поглядел на новенького — то я не возьму в толк, как вы, вообще, попали в наше высокое сообщество?

— Так по средствам, по капиталам, — оправдывался юный адепт.

— Капиталы — это ещё не всё, — прохрипел старый аллигатор — к ним должно прилагаться и полное осознание философии нашей жизни, а у вас, я вижу, его, ещё, нет и, вряд ли, будет. Это такой дар, который должен быть от рождения. Посему я предлагаю достопочтенному собранию изгнать вас из нашего клуба, с позором. Прошу голосовать!

Аллигаторы дружно подняли руки, каждый по две.

— Ступайте юноша, ступайте, — попросил старый аллигатор — и радуйтесь, если бы то, что здесь вы посмели высказать в слух, сказал бы какой — нибудь холоп, даже за половину этого, я бы, тот час, приказал отрубить ему язык и четвертовать!

Изгнанник, понуриив голову, покинул кабинет.

— Нужно будет его разорить, — добавил старый аллигатор, когда за дверью стих звук шагов изгнанного — таких быть не должно, это угроза для нас всех.

— Обязательно разорим, — кивнул Амтих Амтихович — но, сейчас, речь о том, как нам остановить возвращение Короля на престол.

— А, может, не стоит из — за этого так беспокоиться? — заголдели аллигаторы — Ну вернётся он и что? Да, придётся отдать ему часть от земель и мануфактур, которые принадлежали ему раньше, коли противопоставить ничего не можем. Так часть, но не всё же!

Потом, какие — нибудь схемы придумаем и финансово отобьём утраченное. Король, в схемах, нам всегда на встречу шёл. Давайте, лучше, под предлогом войны, подати для холопов повысим!

— Погодите! — Амтих Амтихович поднял руку требуя тишины и все, вмиг, смолкли — Я вам ещё не всё рассказал. Дело в том, что вы потеряете гораздо больше, чем можете себе представить! — он обвёл взглядом аллигаторов, убеждаясь, что информация доходит до их крошечного крокодильего мозга — Не так давно, я получил крайне выгодное коммерческое предложение, сулящее невиданные барыши.

— А нам — то что? — выкрикнул кто — то из аллигаторов.

— А то, — холодным тоном сказал Амтих Амтихович — что это предложение касается и всех вас.

— Как? Кто? Сколько? — оживились аллигаторы, у которых вопрос о получении сверхдоходов (других у них не было) всегда вызывал повышенное слюноотделение.

— Как оказалось мы во вселенной не одиноки, — тихо заговорил Амтих Амтихович, но каждое его слово чётко отпечатывалось в сознании слушателей — со мной вступили в контакт представители далёкой инопланетной цивилизации, находящейся вне пределов нашей солнечной системы, где — то, — он призадумался — короче, где — то далеко, я в этой астрономии ничего не понимаю, в астрономии или астрологии, хрен его разберёт, в чём разница?

— Мы рыла вверх не поднимаем! — хрюкнул кто — то из аллигаторов.

— И правильно делаем! — поддержал Амтих Амтихович — Золото и алмазы, они в земле зарыты, вроде. Или на деревьях растут, точно не помню.

— На деревьях булки растут! — подсказали ему.

— Не суть! — не стал спорить Амтих Амтихович — Итак, со мной в контакт вступили представители инопланетной цивилизации с следующим предложением — они хотят разместить на территории нашего государства свои базы, за каждую базу они дают десять тонн золота, то бишь, на чьей земле будет построена база, тому и золото, чем больше баз — тем больше золота.

Аллигаторы разразились радостным возгласом, некоторые повскакивали с кресел, пыхтя сигарами.

— А почему они хотят построить свои базы, именно, у нас? — спросил старый седой аллигатор.

— Они хотели и в других странах базироваться, — ответил Амтих Амтихович — но, пока, им все отказывали.

— Болваны! Дурачье! Не умеют вести бизнес! — раскричались аллигаторы.

— Несомненно, что лучше нас нигде не умеют нарабатывать капиталы, — согласился старый аллигатор — но, известно ли, зачем им нужны эти самые базы?

— Да, — Амтих Амтихович и сам закурил длинную сигару — они планируют разместить на них своё вооружение и когда его наберётся в достаточном количестве, то они захватят Землю и уничтожат всё человечество.

— Ах вот оно что! — старый аллигатор залпом осушил стакан арманькака и откинулся на спинку кресла — Тогда всё ясно. Отличная сделка, нужно соглашаться! Но что бы золото — вперёд!

— Простите, а хотелось бы знать, — затараторил один любопытный аллигатор — а мы входим в состав этого «человечества» которое будет уничтожено?

— Да какая тебе разница! Ишь умный нашёлся! — зашикали на него — Главное, что мы золото получим, а там, хоть, трава не расти!

Любопытный аллигатор стушевался и спрятался за креслом, он не хотел, что бы и его исключили из клуба, особенно, когда намечается такое выгодное дельце.

— Итак, — подводил итог Амтих Амтихович — я передам, что мы принимаем условия сделки.

— А, точно, ли у инопланетян есть столько золота? — снова задал существенный вопрос старый аллигатор.

— Я, больше, ожидал вопроса есть ли сами инопланетяне, — признался Амтих Амтихович.

— Золото — лучшее и единственное доказательство, — приплюмкнул старый аллигатор — а есть ли инопланетяне или нет их, нам — без разницы.

— Сразу чувствуется хватка настоящего бизнесмена, дельца! — кивнул Амтих Амтихович — Конечно золото у них есть! Они, уже, передали нам задаток. По тонне золота каждому. Оно, сейчас, находится в моей сокровищнице и вы сможете, по окончании заседания, забрать его. А, когда, я передам им наше, общее, согласие, они передадут, в виде бонусов, по двадцать тонн золота каждому, это без учёта того, что они будут платить за размещение баз. К тому же, за отдельную плату, они просят разрешения похищать хлопов для своих научных экспериментов, платить будут по полновесному золотому за голову, деньги пойдут на счёт того на чьих землях был похищен холоп.

— А хлопы — то им зачем? — загудели аллигаторы, теряясь в догадках — Своих что — ли нет? Или у них настолько развитая цивилизация, что они, наконец — таки, извели всех хлопов на своей планете и зажили счастливо? А, теперь, оказалось, что работать некому.

— Не выдумывайте всякую отсебятину, — Амтих Амтихович встряхнул рыжей шевелюрой — хлопы им нужны не для работы. Они будут делать из них армию путём слияния живого человеческого материала с хитроумными механизмами своей цивилизации, и посредством этой силы намеренны покорить нашу планету и истребить человечество под корень, — Амтих Амтихович прокашлялся — и, если, вы, как синьоры на своих землях, согласны на это предложение, то, вас ждёт, дополнительно, аванс, ещё, по тонне золота, которое, так же, уже, размещенно в моём деньгохранилище и, которое, все желающие смогут получить по окончании заседания.

— Скорее — быстрее! — заметались аллигаторы, которых уже кануло, поскорее закончить заседание и забрать свою часть золота.

Но Амтих Амтихович не спешил закрывать заседание.

— Теперь — то вы понимаете, как невыгодно нам возвращение Его Величества именно сейчас? — он продолжал поднимать самый важный для него вопрос — Ведь вернув себе свои владения, он получит и плату за базы, которые там будут размещены.

— А что мы можем поделаться? — старый седой аллигатор нацедил себе новый стакан арманьяка — Пытаться выставлять против него отряды милиции? Вряд ли с того будет толк, тем более, до меня доходят слухи, что, сейчас, все силы милиции разошлись на охрану элитных посёлков, а их у нас столько, этих посёлков, что никакой милиции не хватит. Хотя я не понимаю, что проку в такой охране, когда против тебя идёт королевская армия, а не местные хлопы, просящие, что бы у них не отбирали весь урожай. Разве, что для успокоения нервов. Можно, конечно, отдать приказ о мобилизации, но, опять же, кто будет отлавливать хлопов в армию, когда вся милиция сосредоточенна в элитных посёлках. А, даже, наловив,

хоть самую малость, как мы успеем переместить их так быстро, что бы прикрыть столицу? Пешим маршем? Ведь всё горючее в нашей армии давно продано, а технику порезали на металлолом. А у Короля, мне известно, вся армия моторизованна, мы и опомниться не успеем, как он будет под столицей.

— То есть, вы предлагаете не противиться захватчику? — уточнил Амтих Амтихович.

— Я думаю это бесполезно, — пояснил старый аллигатор — не считите меня суеверным, но вспомните, как мы пытались устранить нашего монарха и что? Он, будто, заговорённый. Умудрился и от коллекторов убежать и от тайной полиции, колобок какой — то! Истину вам говорю — он находится под защитой могущественных чар и пытаться противостоять ему — бессмысленно!

— А не от того ли ты так говоришь, что опасаясь королевского гнева в случае его победы? — с ноткой презрения в голосе спросил Амтих Амтихович.

— А почему бы и нет?! Что в этом предосудительного?! — огрызнулся старый аллигатор — Уж явно, тех кто попытается противиться возвращению Короля, он не оставит безнаказанными! А я — не холоп! Мне есть, что в жизни терять! Моя жизнь — ежедневный праздник! Да мне дорога каждая минута моей бесценной жизни и я не хочу, что бы Король, в случае повторного восшествия на престол, бросил меня на десяток лет в темницу, или, лучше того, вздёрнул сушиться на солнышке! Нет! Я буду соблюдать нейтралитет и будь, что будет. В конце концов, с реставрацией монархии, я не много потеряю.

Амтих Амтихович злобно нахмурил рыжие брови, скулы его подёргивались, в отличии от остальных аллигаторов, в случае возвращения на престол Его Многоземельного Величества, его потери будут значительны, ведь, большую половину королевских земель скупил, именно он, на аукционе, где был единственным участником.

— Ну что ж, — наконец выдавил он из себя — делайте, как хотите, а я буду действовать по — своему.

— Не глупи, — отмахнулся старый аллигатор — чем ты сможешь остановить Короля?

— Есть у меня одно средство, — Амтих Амтихович скрестил руки на груди — безотказное средство. И я его применю.

— То есть ты решил бороться с Королём вне зависимости от нашего мнения? — удивился старый аллигатор — Ты созвал нас на сходку, но наше мнение тебя, совершенно, не интересует. А, если, Король победит и узнает, что мы здесь собирались, он решит, что оказывать ему сопротивление было общим решением! А он узнает! Любой из нас расколется при первом же шухере, ты ж нас знаешь! Король же, наш, всепрощающим нравом никогда не отличался, а я не имею ни малейшего желания повеситься на шарфике в ванной! И всё это, по большому счёту, ради тебя одного!

— Ты на что намекаешь? — хитрая лисья морда Амтиха Амтиховича приобрела хищное выражение.

— Да на то о чём все знают! — старый аллигатор шёл до конца — Нам всем хорошо жилось при Его Величестве, дербанили страну, как хотели. Одному тебе было мало! Это же ты, через свои ростовщические конторы загнал нашего Короля в долги, ссуживая ему деньги под бешенные проценты и ты, больше всех, выиграл от его разорения, скупив на подставных аукционах всё королевское имущество, а нам достались, лишь, жалкие крохи. А, теперь, когда Король возвращается, ты хочешь, что бы мы стали твоими соучастниками в борьбе с ним? Зачем нам это? Какая нам от того выгода? Что бы удержать ничтожные гроши, но в случае поражения потерять всё? Риск, совершенно, не оправдан. Я не буду в этом

участвовать. И я настаиваю, что бы ты соблюдал правила нашего клуба и подчинился решению, которое примет большинство его членов, каким бы оно ни было.

— Подчиниться решению? — прошипел, как змея, Амтих Амтихович — Знаю я какое решение вы, трусы, примите. Вы всегда готовы задрать лапки вверх, стоит продемонстрировать вам силу. Разбежитесь, как овечки, по стойлам и будете ждать королевской милости.

— Прекращай, уже, — попросил старый аллигатор — никто не будет жертвовать собой ради того, что бы ты мог сохранить свои богатства, тут тебе не сборище хлопков, это им можно всучивать весь этот бред о родине и долге, а мы — приличные, уважаемые господа, делаем дело, только, за деньги.

— Скоты... — Амтих Амтихович кусал свои тонкие губы, меж которых мелькал, раздвоенный змеинный язык.

— Ты слишком долго занимаешь пост главы клуба, — старый аллигатор высказывал то, о чём все давно думали, но никто не решался сказать — и постоянно нарушаешь наши правила в своих интересах. Пора тебе освободить должность. Мы выберём нового председателя — согласно правил, — он сделал особое ударение на последних словах.

— Правил, правил, правил, — повторял Амтих Амтихович, вцепившись кривыми когтями в подлокотники кресла — вот же ты заладил с этими правилами. Если бы мы соблюдали правила — то как бы мы все стали состоятельными господами?

— Не криви, — старый аллигатор выпустил изо рта клубы едкого сигарного дыма — я говорю о правилах клуба и, единственно, о них. Остальной закон нам не писан.

— Ах о правилах клуба? — Амтих Амтихович сделал губы трубочкой, а в его рыжих глазах появился лукавый блеск — А ты, сам, разве, не нарушил их? Вот, прямо, сегодня?

— Ты про что? — холодно поинтересовался старый аллигатор.

— Я про то, — Амтих Амтихович подался вперёд, его злобны глазки сверлили оппонента — что, согласно, правил нашего клуба, на заседания запрещено проносить оружие.

— И что? — пожал плечами старый аллигатор — Я никакого оружия не проносил. Мы же все проходили металлодетектор.

— Вот именно! — хлопнул в ладоши Амтих Амтихович — Металлодетектор! А у тебя оружие из пластмассы!

— Ничего у меня нет! — огрызнулся старый аллигатор, но лицо его при этом побелело, а рука легла на карман пиджака.

— Очень жаль, что нет, — грустно сказал Амтих Амтихович — я бы купил. Дорого.

— За сколько? — маленькие, запавшие в складки морщин, глазки старого аллигатора загорелись алчным огоньком.

— Ну — у, — призадумался Амтих Амтихович — сотню долларов дал бы.

— Это не серьёзно, — отмахнулся старый аллигатор — вот если бы пятьсот.

— Двести!

— Четыресто!

— Тресто!

— Тресто пятьдесят!

— Хорошо, — несколько неохотно согласился Амтих Амтихович, показывая всем своим видом, что он рассчитывал на меньшую цену — давай за тресто пятьдесят.

— Деньги вперёд, — с довольной миной сказал старый аллигатор.

Амтих Амтихович вынул из внутреннего кармана пиджака толстый бумажник из крокодильей кожи, покопался в отленениях и спросил у визави:

— У тебя сдача с миллиона будет?

— Не будет, — криво усмехнулся старый аллигатор — я очень бедный.

— Ну, ладно, — обречённо вздохнул Амтих Амтихович и протянул купюру номиналом в один миллион долларов ША.

Старый аллигатор схватил банкноту с поразительной для его возраста скоростью и спрятал за пазухой, а, взамен, вынул из кармана тоненькую зелёную палочку и передал покупателю.

Это была обычная зубная щётка с острозаточенным концом ручки.

— Вот это и есть моё оружие, — засмеялся старый аллигатор, глядя, на обескураженного Амтиха Амтиховича, который крутил в руках испорченный предмет гигиены, с видом крайнего расстройтва.

— Удачный у меня, сегодня, торг прошёл! — старый аллигатор, довольно улыбаясь, оглядел, аж позеленевшие от зависти, морды одноклубников, — ну ты, сильно, не убивайся, — обратился он к Амтиху Амтиховичу — сам понимаешь, это — бизнес, искусство обмана!

Амтих Амтихович медленно поднял рыжие глаза на старого аллигатора, но в них не было и тени печали, его рот оскалился в ухмылке, обнажив острые жёлтые зубы.

Старый аллигатор замер под взглядом рыжих глаз, как загипнотизированный, улыбка сошла с его губ, он начал понимать, что, только что, крупно прокололся.

В одно мгновенье Амтих Амтихович, дико зарывчав, накинулся на старого аллигатора. Кресло под ними перевернулось и они оказались на полу, Амтих Амтихович седел верхом на старике и яростно бил заточенным концом щётки ему в шею. Делал он это профессионально, сразу была видна рука мастера. Старый аллигатор пытался скинуть его с себя, вцепившись слабеющими мягкими руками в копну рыжих жёстких волос на голове противника. Кровь брызгала во все стороны, образуя лужу под сцепившейся парой.

Все остальные аллигаторы, с испуганным визгом, как стая мартышек, бросились в разные стороны, кто был половчее — позаскакивали на шкафы и корнизы.

А Амтих Амтихович, тяжело дыша, продолжал наносить удары, пока охладевшие руки старого аллигатора, не спали с его головы, а сам он перестал издавать жуткие хрипы, смолкнув навеки.

Амтих Амтихович, стёр рукавом с глаз кровь, и, рванув, на убитом рубашку, вынул из — под неё свой миллион, скрутил его трубочкой и спрятал в карман.

Аллигаторы жались к стенам, боясь, даже, вздохнуть.

Амтих Амтихович смерил их презрительным взглядом и рявкнул:

— Пошли вон!

Повторять дважды ему не пришлось, аллигаторы спустившись со своих высоких убежищ, гурьбой ринулись к выходной двери, но, в последний момент, кто — то из них, по неосторожности, пискнул:

— А как же аванс?

Это привело Амтиха Амтиховича в буйное помещательство, с рёвом, подобно тому, как лис набрасывается на кур, накинулся он на стаю аллигаторов и те, с диким гоготанием, вырвались из кабинета. Но один, самый толстеный аллигатор, не смог протиснуться между плотно прижатыми телами собратьев и оказался последним в стае убежавших. Амтих

Амтихович напрыгнул ему на спину и затыкал щёткой под ребро. Толстенный аллигатор протяжно взвыл и рухнул бездыханный. Поняв, что жертва мертва, Амтих Амтихович тут же потерял к ней интерес и погнался за остальной стаей.

Аллигаторы, не то что сбегали — скатывались с высокой, устланной красным ковром лестницы с позолоченными перилами. За ними, на четвереньках, клацая зубами, гнался Амтих Амтихович, вид его был ужасен — рыжая шерсть стояла дыбом, глаза вращались, когти сверкали.

— Что вы делаете, дорогой Амтих Амтихович! — пищали аллигаторы, пытаясь утихомирить лютого рыжего хищника — Вы же — инвестор, а не бандит какой!

Уговоры не помогли и до конца лестницы смогли добежать не все одноклубники, Амтих Амтихович смог отбить от стаи одного, самого слабенького, и, в один прыжок, повалил его на ступеньки, острые зубы вцепились в шею расплакавшегося аллигатора (так не хотелось ему расставаться с капиталами), крепкие челюсти сжались — захрустели позвонки и аллигатор безжизненно затих, но своей жизнью он спас остальных, пока Амтих Амтихович рвал его тушу, аллигаторы успели выбежать из дворца и добраться до парковки, где позапрыгивали в окна автомобилей, даже не открывая дверей.

Бронированные кортежи, спасаясь, стремительно покидали территорию пышного ботанического сада, а каждый член элитного клуба аллигаторов, благодарил судьбу за то что ушёл живым, но и о павших никто, особо, не переживал.

Бизнес есть бизнес.

Честную конкуренцию никто не отменял, а конкуренция — двигатель прогресса.

* * *

Королевская армия быстро продвигалась вглубь страны. Стратегический гений Его Величества сумел решить и, такую животрепещущую проблему для любого полководца, как прокорм ненасытных полков. Удачно, для проведения военной кампании, было подобрано время года, битва за урожай, как раз, подходила к завершению, на полях дозрели золотые колосья пшеницы и прочих злаковых и на посевные земли, ещё, не перешедшие в ручки крупных землевладельцев, и, всё ещё, принадлежавшие мелким холопским хозяйствам, выезжали различные бандитские организации для сбора урожая с последующим его присвоением. При жатве обязательно присутствовали милицейские патрули, строго следившие за порядком, и, если, отчавшиеся хлопы пытались оказывать противоправное сопротивление отъёму урожая, то, бдительные милиционеры, незамедлительно применяли к ним силу и спецсредства, с последующим заведением уголовных дел в отношении зарвавшихся хулиганов.

Перегруженные караваны зерновозов потянулись по дороге, на всём протяжении которой их сопровождали автомобили сотрудников милиции — честно отработавших полученные взятки.

По той же дороге, навстречу зерновозам, двигалось королевское воинство. Милицейские патрули, едва завидев движущуюся навстречу бесконечную колонну автомобилей и, поняв, что это не тот транспорт, который можно оштрафовать, спешили ретироваться, поворачивая назад, зерновозы же, необладавшие такой манёвренностью и мобильностью, легко попадали в руки королевской гвардии и, естественно, тот час

реквизировались на военные нужды. Так армия приросла дополнительной колонной состоящей, исключительно, из зерновозов с пшеницей, овсом, ячменем, чичевицей и, даже, был один прицеп, до краёв наполненный бесценной гречей!

Но, естественно, что годится на корм свиньям, не может удовлетворить тонкому вкусу Короля! Потому, для пополнения стола Его Величества, попутно, реквизировались продукты питания с встречавшихся по дороге атозаправочных станций, а к особой радости генерала — Зайца, был добыт и целый холодильник со спиртными напитками, ибо что это за заправка, где автомобилист не может подкрепиться рюмкой — другой водки? Правда, стоит признать, что из — за наличия алкоголя в распоряжении верховного командного состава, дисциплина в армии ослабла, ибо Заяц напивался за день так, что ночью никак не мог заниматься «дедовщиной». А что же это за армия без «дедовщины»? Зайчихе приходилось вламывать за двоих...

Через пару дней пахотные земли кончились и армия вошла в край дивной красоты.

Дорога пошла меж гор, в пышных белых шапках снега, поросших мохнатыми елями — великанами, воздух стал кристально чист и свеж, звеня, спускались по склонам гор прозрачные ручьи.

Этот благословенный край давно был очищен от черни, земельные участки здесь стоили, так, будто в недрах каждого был скрыт алмазный прииск, но, невзирая на дороговизну, живописные склоны гор и лесные полянки, были усеяны грандиозными особняками в стиле шале и дворцами — замками, увенчанными десятками маленьких башенок с гербовыми флагами.

Наличие поблизости элитного жилья, безусловно, насторожило Короля, ему не хотелось повторно попасть в ловушку, когда всё воинство перепьётся и его можно будет взять голыми руками, потому зайцы получили от него приказ, постоянно передвигаться вдоль движения воинской колонны, и контролировать, что бы никто не покидал строй. По счастью особняки находились на приличном расстоянии от основной дороги, да ещё, в основном, на склонах гор, так что путь до них был неблизкий, и свернуть незаметно было весьма затруднительно. Конечно, совершенно, избавиться от непредвиденных потерь не удалось. Парочка шале, расположенных в небезопасной близости от шоссе, была взята мгновенным натиском. Прикладами винтовок быстро снесли двери в погреб, и, пока, Зайчиха обнаружила отбившуюся группу, пять человек, уже, успело упиться до смерти. Зайчиха думала предать провинившихся полевому суду, за мародёрство, но стало не ясно, кого же именно за это судить? То ли гвардейцев, насильственно изъявших пару бочонков коньяка или владельцев особняка, занимавшихся поставками продуктов питания в школьные и дошкольные учреждения и заработавших таким образом на персональный рай. В итоге дело дошло до королевского суда, на котором председательствовал сам Многоземельный государь, в мудрости своей, порешивший дело за пять минут — гвардейцам он влепил по пощёчине и вернул в строй, а с владельцев особняка взыскал мешок денег, естественно в западной валюте.

Весть о взятии винного погреба разнеслась повсюду.

Все владельцы недвижимости пришли в крайне взволнованное состояние и бравым сотрудникам милиции, которые были массово привлечены на охрану элитной собственности, получили новый приказ, перекрыть движение королевским полчищам, дабы уберечь особняки от возможного разорения. В результате проведённых милицией оборонных мероприятий, на дороге появилось с десятков блокпостов, целью которых было остановить

Короля и его гвардию. И им, таки, действительно удалось на какое — то время остановить движение войск. Конечно, обошлось без боёв, ведь, стоило блокпосту замаячить перед, шедшим во главе армии, королевским лимузином, Заяц, хряпал для смелости стопку водки, не закусывая, и палил в воздух из дробовика — милиционеры тут же прыгали в служебный транспорт и применяли свой излюбленный манёвр — отступление, оставив после себя на дороге груды мусора, который приходилось разбирать королевским гвардейцам. Иногда милиционеры умудрялись убежать так быстро, что забывали на блокпосту своих товарищей, и те, до того как авангард королевской армии успевал приблизиться к баррикадам, успевали разобрать его, и выстроившись на обочине, при проезде королевского лимузина, брали под козырёк, улыбались во весь рот и низко кланялись, и так пока мимо них не проезжала вся армия, при этом военнслужащие грязно ругали стражей порядка, склоняя их на все лады, но те, как настоящие профессионалы своего дела, проявляли железную выдержку — улыбались и кланялись.

На исходе третьего дня пути по горному краю непобедимая королевская гвардия стала лагерем для ночёвки на опушке леса, под защитой пышных елей, верхушками, казалось, упиравшимися в самое звёздное небо. Задымили походные кухни, в котлах закипело вариво для армейского ужина. Вокруг кухонь, в ожидании расселись гвардейцы, полились песни, матерные.

Зайчиха выбрала с полсотни бойцов и, уплетая из жестяной банки страусиную тушёнку, измывалась над ними посредством строевой подготовки.

Заяц, уже, успел напиться, избить попавшегося под горячую лапу солдата, после чего, совершенно заслуженно дрых на заднем сидении лимузина.

Его Величество распологался в разбитом, персонально для него шатре. Он сидел за переносным столиком на котором были разложены карты с начерченными планами наступления, а поверх них расставлены блюда с яствами и две бутылки испанского вина. Король аппетитно чавкал и причмокивал, выбирая ложкой сок из омара, пил большими глотками вино, а, вконец, вытер секретными картами залитую жиром бороду и улёгся спать в походную, двуспальную кровать, и крепко спал до самого рассвета, разбросав руки и ноги по сторонам, с одеялом, натянутым по самую макушку.

Король сладко похрапывал, когда почувствовал, как его толкает мягкая маленькая лапка и противный голос Зайчихи призывал:

— Вставай, твоё Превеликое! Вставай!

— Пшла вон! — Король вяло отмахнулся и повернулся к Зайчихе спиной.

Та, откинув полог одеяла, принялась ласкотать королевские пятки, но он, вместо того, что бы подскочить, наоборот, блаженно засопел, моментально впад в глубокий сон. Тогда Зайчиха огляделась, заметила возле столика ведёрко с растаявшим льдом, то бишь, довольно холодной водой, в котором Королю вчера подавали шампанское. Зайчиха взяла одной лапкой ведёрко, а второй приподняла край одеяла и выплеснула содержимое ведёрка под одеяло.

И Король проснулся!

Ещё и как проснулся! Столько матюков не содержал в себе не один словарь обценной лексики. Птички сидевшие на верхушках елей, окружавших шатёр, в испуге взмыли ввысь и полетели в тёплые края, хотя и были не перелётными.

Король стоял, бешено выпучив глазища, весь голый и мокрый.

— Сколько раз я, уже, наблюдала тебя без исподнего? — обречённо произнесла Зайчиха, обращаясь скорее сама к себе — Когда же это кончится? Смогу ли я это забыть, не пребегаю к помощи психиатров?

— Дура! — обозвал её Король — Как ты смеешь прерывать сон своего повелителя?! Да, ещё, и подобным образом!

— Кто рано встаёт, от того армия не уйдёт! — у Зайчихи, от восхищения наготой августейшего, задёргался глаз.

— Куда, ещё, уйдёт? — Король тряхнул бородой — Не пьяна ли ты, старуха?

— Если бы это было единственной нашей проблемой, — вздохнула Зайчиха — а, штука, в том, что в армии нет ни одного пьяного гвардейца, я за этим слежу, но, тем не менее, сегодняшним утром они все, как один, заявили о своём намерении, покинуть театр боевых действий.

— Массовое дезертирство! — у Его Величества от шока отвисла челюсть.

— Оно самое, — кивнула Зайчиха — главный страх любого диктатора, но пока, за последнюю историю, такого не случалось. Бывало, что дезертировали, целые полки или, даже, дивизии, но что бы вся армия!

— Значит враги сплели заговор по деморализации армии, а вы его проморгали! — попытался обвинить Зайчиху Король.

— Это невозможно! — наотрез отказала Зайчиха — Дисциплина — это мой конёк! Я никому дохнуть свободно не давала! Можешь пойти спросить у любого солдата — все клянут меня на чём свет стоит! Один мой вид им глубоко остохерел, а это явный показатель того, что дисциплиной я опекаюсь на всю каушку.

— Может ты их не избивала? — спросил Король.

— Била смертным боем! — ударила себя в грудь Зайчиха — И шпицрутенами секла, и, просто, кулаком в морду давала, плевала в рожу, ездила верхом, выставляла на «комариков». Всё делала!

— Так чего же им не хватает?! — не мог понять манарх — На что они жалуются?

— Вот выйди и послушай, — предложила Зайчиха — по мне, так какой — то бред

несут, может ты поймёшь, ибо, тоже, с приветом.

— Пошли! — согласился Король и мужественно ступил вперёд.

— Погоди! — успела удержать его Зайчиха — Всё же оденься для начала.

Зайчиха помогла Его Величеству влезть в красный спортивный костюм и они вместе, выскочили из шатра.

Их глазам предстала плачевная картина — наскоро свёрнутый лагерь, повсюду разбросаны кучи мусора, гвардейцы спешно слаживали пожитки по машинам. Счастье Короля, что две тысячи автомобилей не так — то и легко развернуть в противоположную сторону. Армия, как гигантская медлительная змея, с трудом поворачивалась вспять.

Заяц, третьи сутки прибывавший в запое, шатался между гвардейцев, абсолютно не вникая в суть происходящего, он пытался хлестать солдат шпицрутенном, крича на них:

— Лечь! Встать! Лечь! Встать!

Но у него быстро отобрали лозу, а кто — то, сзади, пнул ногой в спину и генерал, звеня медалями, свалился в яму заполненную отходами жизнедеятельности, вырытую солдатами для справления естественных потребностей.

— Эгей, скоты! — разнёсся громоподобный голос Короля, монарх залез на крышу хаммера и вознёс вверх правую руку, требуя внимания — Остановитесь! С вами будет говорить ваш повелитель!

Гвардейцы замешкались и начали, с неохотой и робостью, недовольно бурча, собираться возле автомобиля, крышу которого Король избрал себе трибуной.

— Что случилось? — вопрошал Его Величество — Как смее вы обращаться в бегство, когда я веду вас от победы к победе! Чего вам бояться, куда я с вами? Ганнибал, Александр и принц Евгений Савойский, даже все вместе, не имели столько стратегического таланта, сколько у меня в одном мизинце! И, самое главное, как вы можете отказываться от столичных паркомест? Вы, что же, опять хотите вернуться под руку господ? Что вас ждёт там — постоянные розги и тяжкий труд!

— Так и здесь мы претерпеваем тоже самое! — выкрикнули из толпы.

— Верно! — взмахнул указательным пальцем Король, потом чуть — чуть подумал и продолжил — Но здесь, в военном походе, ваши страдания — конечны! Или вы, или страдания, но что — то прекратится в ближайшее время! Уверен, что под моим командованием мы одержим полную победу в кратчайшие, какие только возможно, сроки. И вы будете, заслуженно, почивать на лаврах. Кроме того, каждый участник похода получит особое удостоверение, подтверждающее личное прямое участие обладателя в военных действиях в моё имя!

— И что это нам даст? — полюбопытствовали гвардейцы.

— В материальном плане, конечно, ничего, — не стал врать Король — зато вы сможете трясти ими в собесах и на общественных слушаньях, показывать их в автобусах, когда вас будут оттуда выкидывать, или прикрываться ими когда у вас будут отнимать единственное жильё за неуплату по коммунальным счетам (а это произойдёт, уж, поверьте мне), да много где такое удостоверение может пригодиться.

— Предложение, конечно, заманчивое, — солдаты прищёлкивали языками, воображая какие возможности подарит им удостоверение участника военного похода — но мы, ведь, не знали во что нам придётся ввязаться ради этого.

— Во что? — не понял Король — Что может быть страшнее вашей жизни?

— А то, — отвечали ему гвардейцы стыдливо пряча глаза — что в начале похода, мы же

не знали, что свергать существующий правящий строй — это фашизм!

— Чего — чего? — у Его Величества округлились глаза — Вы, придурки, хоть знаете, что это слово значит?

Гвардейцы переглядывались, в надежде, что хоть кто —нибудь один даст исчерпывающее определение загадочному слову, но такого умника не находилось, либо он предательски помалкивал.

— Погодите — погодите! — Король быстро съехал на задку с крыши хаммера на капот, а затем, спрыгнул на землю, и к гвардейцам — Отвечайте — ка, где и когда вы услышали данное словцо?

— Дык, Ваше Превеликое, надясь, этой ночью после отбоя, — рапортовали солдаты — говорилось нам это из каждого утюга, то бишь автомагнитолы, хотя они все выключенны были, и сколько мы не пробовали сменить станции — везде одно и то же было, мы все возле машин собрались, что бы такое диво послушать собственными ушами.

— Как интересно, — Король нервно тёр бороду — и что же вы такого услышали?

— Страшные вещи! — солдаты испуганно жались друг к другу, а по их усталым покрасневшимся глазам было видно, что они, действительно, провели бессонную ночь — Сказано было нам, что все мы есть преступники, ибо на дело злодейское пошли, что вы, Ваше Величество, тиран и садист, поработитель, что хотите вы благородных господ — спасителей, взявших под свою опеку государство, от казны силой оторвать, и всякий кто вашу сторону принимает — губит свою душу и тому обеспечен Гаагский трибунал!

— Идиотизм какой — то, — хмыкнул Король.

— Это когда мы говорим, звучит по — дурцки, — заголосили гвардейцы — а когда это по радио вещается, то весьма убедительно выходит.

— Весьма убедительный идиотизм, — пробурчал августейший, наматывая ус на палец, с видом глубочайшей обеспокоенности — мне кажется я понимаю в чём дело, — прошептал он про себя и резко поднял вверх правую руку, требуя тишины — королевские гвардейцы! — громко обратился он к публике — Ваш Король, опять, спасёт вас! Но эти сутки вы должны продолжать стоять на месте полевым лагерем.

— Что и ночь тоже? — загудели гвардейцы.

— До самого рассвета! — подтвердил Король — А что бы вас ночью не искушали никакие радиопередачи, то всю ночь вами будут заниматься генерал Заяц и, — он запнулся не зная как величать Зайчиху, которая, ковыряя шпицрутенном в зубах, стояла у его ног — и вот эта старая сука, — Король показал пальцем на Зайчиху, которая в этот момент, от злобы, перекусила кончик упругого прута.

— А если приёмники, опять, сами включаться? — заголосили гвардейцы.

— Этой ночью не включаться, — пообещал Король — я, лично, об этом позабочусь. А завтра мы сможем продолжить поход, напрочь забыв об этом маленьком недорозумении. Я всё сказал! — он сделал знак разрешающий солдатам вернуться в лагерь.

— Что ты задумал? — спросила Зайчиха у Короля, когда гвардейцы разошлись.

— Не твоего ума дело, — ответил тот — бери своего непутёвого братца и следите, что бы ни один солдат, в моё отсутствие, не дезертировал.

— В твоё отсутствие? — удивилась Зайчиха — Куда ты намылился?

— Спасать армию, — задумчиво ответил Его Величество окидывая взором верхушки гигантских елей.

— Чего тут спасать — то? Из — за чего такая паника? — Зайчиха недоумённо развела

лапами — Ну словило радио какую — то волну, чего из — за этого впадать в такие крайности. Главное поскорее уехать отсюда, сигнал и пропадёт.

— Нет, — покачал головой монарх — этот не пропадёт и, как бы ты не ужесточала дисциплину, через пару дней, максимум через пять, мы останемся без единого солдата.

— Да сечь их надо, скотов! — на дорогу, шатающейся походкой вывалился Заяц, весь перепачканный нечистотами и со свежееоткупоренной, на опохмел, бутылкой шотландского виски в лапке — Сечь и в рыло! Сразу в чувство придут! Вспомнят, как подобает вести себя со старшими по званию! — бормотал он заплетающимся языком.

— Фу! — резкий запах шедший от Зайца ударил Зайчихе в нос — Хоть бы ополоснулся, ручей же рядом.

— Там вода холодная, — сказал Заяц, при этом обнял сестру за плечи и прижал к себе.

Зайчиха вырвалась из братских объятий и, обеими лапами, толкнула косога, а тот и без того, плохо державшийся на лапах, покатился кувыркком под горку, где и плюхнулся в вышеупомянутый ручей. Заяц попытался сразу выпрыгнуть из ледяной воды, но лапы поехали на скользких, обточенных ручьём камнях, и новоиспечённый генерал плюхнулся в воду с головой, опять, фаркая и отряхиваясь, подскочил, но китель, напивавшись водой, стал невероятно тяжёл и он и, снова, упал.

— Не забудь его вытянуть, когда отстирается, — сказал Зайчихе Король и пошёл к своему шатру.

Его Величество быстро собрался в дорогу, накинув на плечи полковничью шинель, он взял пару банок тушёнки, бутылку водки, заступ и сложил всё это, кроме лопаты, в мешок с деньгами, который недавно взыскал по суду и, теперь, зачем — то брал с собой.

— Куда потянул! — распереживалась Зайчиха и вцепилась в мешок, сохранность которого и вызвала у неё наибольшие опасения.

— Пшла прочь! — Его Величество оторвал косую от мешка и бросил на землю — Я — Король, что хочу, то и делаю!

— Так я всё поняла! — вспенилась Зайчиха — Раскусила я твою хитроумную затею, ты нас с братом специально здесь оставляешь, потому как сам намылился с нашими деньгами дёру дать. Ты не спасать армию от разложения уходишь, ты, просто, собрался улизнуть потихоньку!

— Во — первых:, — устало начал перечислять Его Величество — нет никаких «наших» денег, все деньги здесь королевские, то бишь — мои, во — вторых: я бы не стал «улизывать потихоньку», я — Король, что хочу, то и делаю! Перед кем бы я стал скрываться? Кто вы все такие? Хлопы и сброд — вот кто! Что бы я перед вами стал стесняться — с ума спятила что ли? А деньги эти, — он потряс туго набитым мешком — для меня ничего не значат, это гроши для меня, я привык к большему и, потому, не собираюсь обменивать целое королевство на пару долларовых бумажек!

Зайчиха, получив таую выволочку, притихла, но по её недоброму взгляду исподлобья, было очевидно, что слова Короля не переубедили её, и она, по — прежнему, полагает, что монарх вознамерился похитить деньги, ведь, именно так поступила бы она сама.

Тут подоспел и Заяц, холодная вода из ручья порядком отрезвила его, за собой он тащил промокший насквозь китель, теряя в траве медали.

— Куда ты намылился? — задал идентичный вопрос Королю и он.

Августейший, только, одарил его ласковым взглядом, выругался на его счёт, и, закинув мешок за плечо, пошёл прочь из лагеря, но, через полсотни шагов остановился, словно

забыл, что — то, обернулся — зайцы так и стояли провожая его взглядом.

— Если до рассвета не вернусь, — крикнул он зайцам — считайте меня коммунистом! — развернулся и, вскоре, пропал между мохнатых лап еловых веток.

* * *

Король бодро шагал, задрав вверх голову и высматривая что — то в вышине, хотя, из — за силуэтов исполинских елей и неба — то было почти не видать.

Мешок оказался довольно тяжёл, да и Король не привык таскать тяжести, но эту ношу он тянул с завидным усердием, только один раз он поставил его на землю, что бы справиться естественную нужду, а после, опять взвалил мешок на спину, и ему, даже, показалось, что там прибавилось денег.

Скоро Его Величество вышел на обильный горный луг и побрёл, оплетаемый сочными травами доходившими ему до самого колена.

Луг был пёстрый, от великого разнообразия цвёвших на нём цветов, в основном это были белые эдельвейсы да нежно — фиолетовые аистники. По лугу пархали бабочки, гоняясь друг за другом. В чисто — бирюзовом небе плыли, как кораблики, маленькие облачка.

Но Его Величество не обращал внимания на окружающую его благодать, а всё вертел головой, высматривая что — то на, густо поросших лесом, горных склонах и, внезапно, остановился, жадно втягивая носом воздух в котором разливался аромат валерианы, но вынюхивал Король, отнюдь, не благоухающие цветы. Запах, по следу которого, устремился Его Величество был куда прозаичнее, едкий, до рези в глазах и спазмов гортани, потому монарху, быстро удалось розыскать его источник.

Сбросив мешок и прикрыв нос воротником шинели, Король присел возле крупных колбасообразных испражнений чёрно — зелёного цвета. Величество потыкал в них пальцем и прошептал:

— Ещё свежее, часов пять — шесть, не позднее...

Он встал, взялся за заступ и, с характерным звуком, вогнал его в жирную землю на целый штык.

— Ага! — раздалось у Короля за спиной.

Величество от неожиданности подпрыгнул и, обернувшись, выставил вперёд штык лопаты, намереваясь защищаться.

Из мешка выбирались зайцы — брат и сестра.

— Именно так я и думала! — вопила Зайчиха — Собрался деньги закопать! Клады прячь! Хотел, что бы мы не узнали где?

Король облегчённо выдохнул и опустил заступ.

— Что не удалось втихаря деньги зарыть! — ликовала Зайчиха и подойдя к Королю, что бы поглядеть насколько глубокую яму он уже выкопал, но от резкого запаха ей, сразу, стало дурно и она, закашлявшись, отступила.

— Теперь будешь точно знать, где клад зарыт, — сказал Король и швырнул Зайчихе лопату — потому что сама его и зароешь.

— Зачем, вообще, его зарывать? — Зайчиха была не согласна — Это ж бумага, они же заплесневеют!

— Да не деньги зарывай, а вот это! — Король показал носком пынехода на зловонные колбасы.

— Это ещё зачем? — изумилась Зайчиха.

— Затем, что нам нужно, что бы никто другой не мог взять след того, кто отложил это, — он поморщился, снова взглянув на испражнения. Да и тот кто сделал это, потеряет способность ориентироваться в пространстве. Закапывай! Да поглубже!

Зайчиха недовольно поглядела на кучу, прикидывая фронт работы, а потом подбежала к брату, котрый, уже, розыскал в мешке бутыль с водкой, и зубами пытался выдернуть пробку.

— Иди закапывай! — приказала Зайчиха брату и, отобрав бутыль с водкой, сунула ему в лапы заступ.

— Почему я?! — возмутился Заяц — Я же — генерал!

— Как вы заколебали уже! — вспыхнула Зайчиха — То Короли, то генералы! Опять работать некому! — и, со всего маху, отпустила брату затрещину — Иди копай, кому велено!

Заяц проворчал в ответ что — то нелицеприятное, но копать — пошёл.

Правда, сразу выяснилось, что контролировать работу других и делать её самому — это две больших разницы.

Сколько Заяц не прыгал на лопате, но ели — ели вогнал её носик в землю, а потом, насилу выдернул её, отчего и сам свалился на спину, а лопата приложила его сверху по лбу. Вскочив, он принялся изо всех сил тыкать лопатой в землю, но за три секунды упыхался и стал, повиснув на заступе и вывалив язык.

— Тут отбойник надо, — задыхаясь, постановил Заяц.

Король вздохнул, выдернул у Зайца заступ и за пять махов вырыл глубокую яму, быстро сбросил на её дно колбасы, и быстро — быстро, закидал, утрамбовав ногой в завершении.

— Где это такое видано, что бы король в присутствии подданных самолично трудился? — пробурчал он — Безсовестные рожи, — он взглянул на зайцев — вы зачем армию без присмотра бросили, если от вас и здесь толку нет?

Зайцы ничего не отвечали и, отвернувшись, в стороны, мысленно посылали монарха на три буквы.

Король положил, вытянутую Зайцем бутыль водки обратно в мешок и закинув его за спину зашагал дальше.

Зайцы, так же молча, поскакали за ним.

Скоро они увидели вдалеке маленький ветхий амбарчик, обнесённый плетнём — всё же не всех хлопов удалось изгнать с ценных курортных земель, некоторые, нагло притаились среди цветущих горных лугов, пользуясь тем, что господа, пока, не могли позастраивать все территории.

Тут же, с опушки леса донеслось чьё — то протяжное мычание. Король поглядел на опушку и его взору предстало удивительное существо — большое, четырёхное, рогатое и с колокольчиком на толстой шее! Его Величество ещё никогда не видел коров и полагал, что сливочное масло на которое ему накладывают чёрную икру, появляется из одной его королевской прихоти, так что, немудренно, что впервые увидав это парнокопытное — он был несколько ошарашен. Да и было от чего. Вокруг диковенного зверя суетились ещё три персонажа, но уж эти — то, действующие лица, были вполне узнаваемы монархом. Двое были одеты в милицейскую форму, при чём не обычную, а с золотыми галунами, что означало их причастность к элитному кагарльцкому милицейскому полку, основанному самим Королём в честь правоохранителей одноимённого населённого пункта отличившихся

особыми личными подвигами. Третьим был какой — то старик, явно холопского вида, оборванный, босой и сухонький.

Один из милиционеров, ухватив за рога, тащил корову в лес, а хлоп, упав на колени, вцепился бурёнке в хвост и пытался тянуть её на свою сторону, проделывая это под градом ударов, которыми его осыпал, попеременно с отборной матерщиной, второй милиционер.

Король прибавил шагу, что бы достичь весёлой троицы, пока они не исчезли в лесу, а те были настолько заняты, что не заметили высокой персоны августейшего, даже когда он подошёл к ним, и продолжали каждый делать своё дело.

Король заложил два пальца в рот и свистнул, что бы привлечь внимание к своей особе.

Все трое сражавшихся за корову бросили на Величество быстрый взгляд и, наглецы, как ни в чём не бывало — продолжили своё дело.

Это привело Короля в ярость, он сделал шаг вперёд и хлестнул милиционера, занятого избием хлопа, по пухлой, наеденной, щёчке.

Теперь в ярость пришли милиционеры.

Бросив несчастную коровёнку, они с угрозами физической расправы и уголовного преследования начали наступать на августейшего.

— На колени! — рявкнул на них монарх — Или не видите кто перед вами!

Милиционеры удивлённо переглянулись.

— Это — Король! — подсказала им Зайчиха и стянула с монарха шинель, оставив его в ярко — красном спортивном костюме.

Милиционеры ахнули, ихний полк был командирован сюда, как раз, для охраны особняков от королевской армии, за перемещениями которой они неустанно следили, но лично повстречать того самого Короля они никак не ожидали, да и не хотели, они специально пошли патрулировать участок, в котором точно не должно было быть никого из королевской армии, не то что самого её предводителя.

Милиционеры, поняв что перед ними, всё — таки, тот самый Король, который, вроде как, был у них в особом розыске, упали перед ним на колени и расплакались, умоляя пощадить их, прикрывались малыми детками, которые в будущем станут новыми служителями правоохранительной системы, если Его Величество помилует ихних отцов, и те наставят своих детей, верой и правдой, служить своему государю.

Но Королю было не до них. Он приказал им подняться, дал каждому по пощёчине и прогнал вон, и милиционеры, ещё, долго пятились задом кланяясь и благодаря августейшего за милосердие и пощёчины.

Тем временем, избитый милиционерами холоп, обнял свою бурёнку за морду, прижав свою разбитую голову, со слипшимися от крови седыми волосами к её лбу и прощаясь с ней, ведь он был уверен, что, в лице августейшего к нему пришёл не спаситель, а просто, более, страшный и свирепый хищник, который отогнал более мелких и трусливых, а уж у такого коровку — кормилицу точно не отбить.

Но, естественно, Короля совершенно не волновало это, дурно пахнущее, животное с которым так крепко обнимался холоп. Впрочем Заяц, высказал сожаление о том, что зря не прихватил с собой ружьёцо, запамятовал в спешке, ибо он, сейчас, с удовольствием бы пристрелил корову, что бы холоп страдал.

— Эй ты, хам! — обратился Король к старому холопу — Чейный будешь?

— Ничей, — проямлил тот, с трудом шевеля распухшими губами — стар стал, работать больше не могу, вот мне господин и расчёт дал, мол живи дальше как можешь, его

это, где, не волнует, ему нужны молодые и здоровые, что бы на них можно было капиталы сколачивать, а из меня, уже, всё выколоченно.

— Стрелять вас надо, старых, — сказал Король — что бы гирей на шее у государства не висели!

— И то была бы милость, — согласился старый холоп.

— А ты хитрая скотина! — подметил Его Величество — Пули, ружья, расстрельные бригады, специальные учреждения, бюрократический аппарат и крематорий — ты за это платишь будешь? Нет! Ты — же за государственный счёт получить всё надеешься. Вот она ваша холопья сущность — всё ищите, что вам государство должно! А оно вам ничего не должно! Когда вы это усвоите?!

Холоп испуганно таращился на государя, предпочтя за разумное помалкивать.

— Ладно, — чуть поутих Его Величество — ты мне вот, что поведай — не подметил ли каких странностей этой ночью? Чего — то необычного?

— Ничего такого, — покачал головой холоп, не отпуска коровью голову, боясь, что бы её не отняли — разве что, вот молоко, вечернее свежее, за ночь прокисло, да коровка моя, всю ночь беспокойная была, пришлось с ней остаться до утра, но и по утра, когда я её на выпас вывел, есть не хочет. Да, суставы, у меня закрутило сильнее обычного, — он почесался, стараясь припомнить ещё, что —нибудь — ах, да! В колодце у воды запах протухлый стал — никогда такого не было, а теперь воняет, может минеральный источник открылся?

— Значит молоко прокисло, — Король покрутил ус — выходит мы на верном пути, — он подступил к хлоппу поближе и нависая над ним строго спросил — а нет ли поблизости теле — радио или высоковольтной вышки, а может, где, старая, заброшенная башня стоит?

Хлоп испуганно затряс головой.

— Не лги мне, скот, — порекомендовал Король — должно же быть здесь высокое строение!

— Мой амбар? — предположил хлоп.

— Ты, что, довести меня хочешь? — спросил Его Величество с деланным спокойствием — В твой амбар ты сам, едва, поместишься и то — пятки на улицу торчать будут. Должно быть что — то ещё.

— Ах да, — припомнил холоп — вот как раз за этим леском, — он обвёл рукой окружавшие ели — в сторону горы, на высоком отроге, есть старая мельница, но вам — то к ней не нужно, она давно заброшена, ещё когда я был мальчишкой — она уже тогда пустовала и никто туда не ходил. Дурное место. Нечистое.

— Отлично! — радостно принял новость Король и хлопнул старого холопа по плечу, а затем, опомнившись, что бы как — то сгладить фамильярность — врезал ему пощёчину.

Величество, снова, облачился в старую шинель, перекинул мешок за спину и смело пошёл через лес. Зайцы, хоть и не особо рвались увидеть ту самую старую мельницу у которой ходила дурная слава, но уж очень они боялись, что Король прикопает денежки и они не будут знать где именно, так что последовали в лес, за государем.

На опушке остались только старый холоп и его коровка.

— Воистину я родился под счастливой звездой! — радостно прошептал холоп на ухо бурёнке и был абсолютно прав, попасться в один день в лапы милиции и высокопоставленного господина, и остаться после этого, практически целым и невредимым — это был невиданный случай.

Король и Зайцы быстро пересекли подлесок и, действительно оказались у высокого каменистого отрога на вершине которого возвышалась старая, сложенная из неотёсанного камня мельница, паруса её были заклиненны и не двигались.

— Может не пойдём туда? — пискнул Заяц — Дурное же место...

— Конечно дурное! — согласился Король — Какой же идиот будет возить зерно в такую высь! Не удивительно, что дело не выгорело. Что бы такого не было, нужно, на законодательном уровне обязывать хлопков молотить зерно, только, на твоей мельнице, заплатив кому следует за получение такого решения, кстати на всех королевских мельницах и на мельницах высоких синьоров практикуется именно подобный образ рыночных взаимоотношений — Король ещё раз внимательно поглядел на мельницу и постановил — Туда мы, действительно не пойдём, пока.

— Пока? — повторила Зайчиха — Что ты имеешь ввиду?

— А то, что мы с вами вышли на охоту на коварного и опасного зверя, — Король поправил сползавший мешок — и лезть напролом в его берлогу — это глупо, сначала мы должны постараться максимально обезопасить себя.

— Обезопасить? Каким же образом? — поинтересовалась Зайчиха.

— Ослабив самого зверя, — логически ответил монарх.

— Ка — а — ак? — протянула Зайчиха.

— Нужно обыскать территорию вокруг мельницы, хотя бы в радиусе одной мили, — с видом знатока рассказывал Его Величество — постараться найти как можно больше колбас, подобно тех, которые мы зарыли недавно на лугу.

Зайчиха поглядела на Короля, как на идиота.

— Ты, просто, хочешь спрятать деньги, что бы мы не видели, — выразила она своё крайнее убеждение — и, сейчас, выдумываешь всяческий бред, что бы избавиться от нас. Ты больше не веришь в преданность армии и намереваешься спрятать клад, на случай если они все дезертируют.

— Никаких «если», — преспокойно поправил Зайчиху Король — в случае нашего провала, да и учитывая то, что вы ослушались моего приказа и оставили армию без присмотра, к утру, на месте военного лагеря не останется ни одного гвардейца.

— Решил отпираться до последнего? — хмыкнула Зайчиха — Ну что же, дерзай! Пошли искать твои колбасы.

— Не мои, — уточнил Король — это важно, увидишь мои — не трогай.

— И не собиралась! — Зайчиха скривила брезгливую рожу.

Пушистые верхушки елей ритмично покачивались, меж ними гулял ветерок, пели птички, пахло душистой хвоей — а Король и зайцы бродили в поисках «колбас», заглядывая под каждую корягу и за каждый камень.

Тут роль «трюфельной свинки» сыграл Заяц, и не благодаря обонянию, ибо на нюх он мог найти только водку, но из — за того, что он с удивительным везением вляпывался в любое дерьмо, где бы оно ни было. При чём не просто вляпывался, а падал прямо мордой. В итоге удалось обнаружить и зарыть до двадцати «колбасных» куч, а морда у Зайца к тому моменту, целиком покрылась присохшей коркой, но Король, почему — то, строго запретил ему вытереть или, тем более вымыть рожу, хотя отвратительное зловоние исходившее от

Зайца докучало всем.

— Ладно, достаточно и того, что сделано, на большее времени больше нет, — сказал Его Величество, поглядев на солнце — теперь идём к мельнице. У нас ещё много работы.

Высказывание про «много работы» сильно не понравилось зайцам.

— Надеюсь там мы не будем искать «колбасы»? — зло спросила Зайчиха.

Отвечать на заданный вопрос Король посчитал ниже своего достоинства и молча, показав спину зайцам повернул назад, к мельнице, а так как, на этой самой спине, у него покоился мешок с деньгами, то зайцы от него не отставали, как две рыбы — прилипали.

На практически вертикальный отрог взбирались ползком, Зайцы постоянно норовили запрыгнуть августейшему на спину, что бы, как всегда, ехать верхом на чужом горбу, но не на того напали.

— А твоя жена нас носила, — печально заявлял Заяц, когда Король, в очередной раз скидывал наглого зверёныша с шеи.

— Эта нахалка себе и не такое позволяла! — сквозь стиснутые зубы процедил Король — Всё зло в ней от моей мягкости и добросердечия.

На вершине отрога было ветренно, скупая растительность трепыхалась под налетавшими со всех сторон порывами. Камень, из которого была выложена мельница весь покрылся зелёным мхом, а до самой крыши её оплетал вьюнок, осыпав строение мелкими белыми цветочками, как веснушками. С отрога был виден весь горный спуск, высокие ели и цветущие луга, а далеко внизу, в голубоватой дымке, можно было разглядеть военный лагерь королевской армии и струйки дыма поднимавшиеся от полевых кухонь.

Полусгнившая дощатая входная дверь мельницы, была полуприоткрыта, зачерствев на заржавевших петлях.

Король, насилу отворил дверь и, пригнувшись, протиснулся в маленький вход.

— Ну и ну, — присвистнула Зайчиха — да здесь сто лет никого не было.

В полутёмном помещении, покрытом паутиной и слоем пыли толщиной с палец, стояло три ларя для смолотой муки, с нависавшими поверх них желобами.

Король прошёл по скрипучим прогнившим доскам и заглянул в один из ларей.

— Что — нибудь нашёл? — спросил Заяц и, зацепившись за борт, тоже заглянул внутрь ларя.

Зловоние исходившее от заячьей морды, ударило Королю в нос и он, зажмурившись, отодвинулся от ларя, и перешёл в центр круглого помещения, став меж трёх ларей.

Опустив на пол мешок, он взялся за заступ и остриём лопаты раскидал доски, обнажив грунтовую насыпь на которой стояла мельница.

— На, копай! — Король бросил лопату Зайчихе, а та, отскочив в сторону, уставилась ошалевшим взглядом на презренный инструмент.

— Чего ещё не хватало, что бы я и работала! Совсем рехнулся что ли? — Зайчиха покрутила пальцем у виска.

— Ну ты же хотела знать, где будет зарыт клад? — Король вынул из мешка банки с тушёнкой и бутылку водки — А самое верно, что бы не забыть место, это зарыть его собственноручно.

— А! — взвизгнула Зайчиха — Таки раскололся, миленький! Водил нас тут кругами, голову морочил, а как понял, что меня так не проведёшь, тут и лапки кверху задрал. Всё — таки решил деньги припрятать. Я так и знала. Но зачем же самим копать? Солдатню нужно пригнать — пусть копают, работа — дело скотское.

— Но, ведь, тогдаи они будут знать, где зарыт клад, — мудро указал на недостаток король.

— Хм, — призадумалась Зайчиха — так а мы их, когда всё будет завершено, уьём.

— Хорошо, — согласился Король — беги за ними.

Зайчиха, уже, готова была сорваться с места, но, резко, одёрнулась и на губах у неё появилась жёлчная улыбка:

— Хитёр! — сказала она Королю — Пока я буду взад — вперёд бегать, ты, уже, в другом месте клад зароешь! Нет, никуда я не пойду! Хочешь — иди сам.

— Я могу сходить, — предложил бестолковый Заяц.

— Стоять! — схватила, собравшегося было идти, брата за ухо Зайчиха — Ты такой болван, что тебе ничего доверить нельзя. Тем более, пока, ты бегать будешь, Его Величество пристукнет меня лопатой и преспокойно спрячет деньги. Так что оставайся, и вот тебе, — она задней лапой подтолкнула брату заступ — копай, сейчас твоя очередь.

Заяц взялся за работу со всем усердием, пыхтел, сопел и пускал слюни, но за час ели углубился на штык. После длительного спора с сестрой, он таки передал ей эстафету.

У Зайчихи работа спорилась, ещё, лучше, она и крякала и пускала сопли, и кляла всё на свете, но не могла загрести и кучки земли, возможно это было как — то связано с тем, что она пыталась копать не той стороной лопаты.

За это время Король прикончил обе банки тушёнки, никак не реагируя на голодные взгляды, которые бросали на него зайцы, поднялся, потянулся, вынул Зайчиху из ложбинки, которую они с братом ели выбрали за, почти, два часа, забрал у неё заступ и перевернул его лопатой вниз.

— Кто на что учился, — задыхаясь, проворчала Зайчиха — я два университета окончила, три академии, я умею людей на производстве сокращать и нормы выработки поднимать! Я кандидатскую защитила по теме «Плётка — семихвостка, как инструмент повышения производственных показателей и средство сокращения фонда заработной платы!»! А с вот этой хреновиной, — она плюнула на лопату — пускай скоты упражняются!

Король вздохнул, поглядел через маленькое окошко на небо и сам принялся за копку. Здоровья нерастраченного у монарха было вдосталь и земля, в перемешку с камнями, так и вылетала из быстро углублявшейся ямы. Докопавшись до того, что Королю яма стала по колено, Величество взял перекур, поставив себе на смену Заяца.

Заяц капал и плакал, плакал от того что на его изнеженных лапках уже появились кровавые мазоли, плакал и просил сестру подменить его, но теперь она наотрез отказывалась работать.

— Я — институтка! — вздёрнула нос Зайчиха.

— Старая ты институтка, сифилитическая, — глотал сопли Заяц — я же тоже академии оканчивал, так почему же я копаю, а ты — надзираешь!

— Глуп ты, однако, братец! — Зайчиха постучала по пустому деревянному ларю — Я же не только образование имею (не путать с образованностью), но меня Его Величество над тобой поставил, волосатая рука — без неё никакой диплом не действителен, так что рой молча!

— Куда это я тебя поставил? — удивлённо приподнял бровь Король, дремавший верхом на мешке — Я тебя в яму поставил — копать!

Зайчиха отвернулась делая вид, что ничего не слышит.

Заяц, с языком через плечо, выкарабкался из ямы и настойчиво протянул сестре заступ в

ответ на что — она плюнула ему в морду.

Заяц не остался в долгу и плюнул сестре в глаза, на что та хлопнула брату пощёчину, тут Заяц взбесился окончательно и замахнулся на сестру лопатой. Зайчиха истошно завизжала.

Король проснулся окончательно.

Встал, забрал у косога лопату, чем сам того не желая, спас жизнь Зайчихе, и с грустью поглядел в яму — после Зайца, только, земля утрамбовалась.

Под взаимное переругивание зайцев Величество опустился в яму и принялся за работу. Косые, завидев, что нашлось кому вместо них копать, сразу прекратили спор и усевшись по краям ямы, стали давать советы, как монарху правильнее рыть.

На удивление Король, ничего не отвечая, пропускал заячьи подсказки мимо ушей и, только, поглядывал в окошко, на постепенно серевшее, в преддверии заката, небо.

Когда Величество, уже, стоял в яме по самые плечи, в помещении стало совсем темно и, только, тусклый лучик заходящего солнца, скупо освещал гору земли выбранной из ямы.

Король стянул мешок в яму и потоптал его ногами, затем выпрыгнул, отряхнул с штанов, налипшую на них землю и утерев с глаз пот рукавом, стал закидывать яму, но и зайцам приказал делать тоже самое, при чём тон его был настолько суров, что Зайчиха не рискнула прибегнуть к своему излюбленному оправданию «кто на что учился», а стала, вместе с братом, лапами, спихивать землю и камни в яму.

Король регулярно, едва яма наполнялась на штык, спрыгивал в неё и, от души, утрамбовывал землю ногами, даже прыгал, и хорошо что волшебные пынеходы имели непробиваемые подошвы, иначе монарх отбил бы нежные пятки об острые камни.

Наконец закидав яму и утрамбовав землю, Король и зайцы попадали от усталости.

На улице, уже, стемнело, а внутри мельницы была, вообщем, кромешная тьма и, только, было слышно как тяжело сопят перетруженные зайцы.

— До отбоя в лагерь не успеем, — сказала Зайчиха.

— А жрать — то как охота, — пожаловался Заяц — давайте, всё же, поторопимся, а то в темноте с отрога спускаться — можно и шею сломать.

— Идите, — разрешил Король — а я здесь заночую.

— Здесь?! — удивилась Зайчиха — Но зачем? — она гаденько хихикнула — Ты опять за своё? Надеешься, что мы уйдём, а ты деньги выкопаешь? Ай, подлец! А мы, тоже, здесь на ночь останемся! — она схватила, уже успевшего выйти на улицу, брата за ухо и вернула в мельницу — Мы будем ночевать здесь! — безапелляционно объявила она.

— Ну пройдёмте же в опочивальню, — предложил Король и стал подниматься наверх по визжащей крутой лесенке.

— Зачем? — недоверчиво покосилась Зайчиха — Мы и здесь можем остаться, возле клада.

— Да мало ли кто или что может ночью на мельницу заглянуть, — предположил Король и исчез на втором этаже.

— Это да! — вздрогнул Заяц и бросился вслед за монархом наверх.

Зайчиха вздохнула, поглядела на то место, где они зарыли деньги, но в черноте ночи ничего не различила и, тоже, нашла разумным для ночёвки подняться повыше.

На втором этаже было, уже, так темно, что Его Величество налетел на деревянный кожух жернова и чуть не раздавил шнырявшего под ногами Зайца.

Король выругался, кляня темноту, но тут вспомнил про одну полезную штуковину — сунул руку в карман и вынул маленький многогранный хрусталик — по стенам мельницы, по

кожухам жерновов с вдетыми в них валами, забегали разноцветные блики. Мягкий, нежный свет лился из хрусталика, делая, даже, неприветливое безлюдное помещение заброшенной мельницы чуть — чуть уютным и немного, даже, приветливым.

Но Зайчихе мельница залитая мягким светом показалась ещё более жуткой и пугающей, ощутив как по спине пробежал неприятный холодок, она вздрогнула.

Тяжко заскрипела лестница — Король поднимался на третий этаж.

Теперь зайцы не отставали от монарха ни на шаг, и уже, были не против подняться как можно выше.

Они быстро минули третий этаж, с одной большой шестернёй на основном валу, проходившем вертикально по центру комнаты, и трямя маленькими шестернями переплётшимися зубцами с большой.

На верхнем этаже, под конической крышей, в горизонтальном положении лежал, вытесанный из цельного ствола, парусный вал, высовываясь дальним краем в маленькое, специально для этого устроенное, оконце, через которое были слышны злобные завывания ветра, да такой силы, будто собиралась буря.

— Зря мы тут на ночь остались, — нехорошие предчувствия беспокоили Зайчиху — и с этой копкой, как — то глупо вышло. Могли, изначально, взять с собой солдатню, они бы быстро и без усилий (наших), всю работу сделали, ещё, до обеда.

— Нет, — покачал головой Король — хлопы этого видеть не должны.

— И что мы, теперь, будем делать? — спросил Заяц.

— Спать, — кратко ответил Король, укладываясь на деревянном полу.

— Хорошо тебе, сытому, спать — заметил Заяц — а нам как быть? Хоть водочки на сон грядущий дай. У тебя же есть водочка.

— Она нам ещё понадобится, — пробурчал монарх, которого, после тяжёлой работы, уже, одолевал сон.

— Когда? — возмутился Заяц — Среди ночи?

— Да, — ответил Король и, зажав вожделенную бутылку под мышкой, а хрусталик припрятав в карман, он завернулся в шинель и забылся глубоким сном.

Заяц, тихо поругавшись, свернувшись клубком, попытался прижаться к Королю, для обогрева, но тот, даже, во сне, отпихнул косога и пришлось тому спать без дополнительных удобств.

Зайчиха, ещё походила по кругу, скрепя досками, а потом, нехотя, уляглась рядом с братом, но сон ей шёл плохо, она подскакивала при каждом звуке, нервно таращась в темноту. Один раз ей на ум пришла мысль, что можно спуститься вниз, пока все спят, выкопать деньги и сбежать, но тут же, она понимала, что не спуститься, сейчас, вниз и на один этаж, даже, ради всего золота мира, она. Она никак не могла понять, откуда, вообще, появился у неё этот страх, но, точно, чувствовала, что с каждой минутой он усиливается. Зайчиху удивляло как Король, судя по его ровному дыханию, ничего не чувствует, его ничто не беспокоит. Брата — то она почитала, вконец, спившимся отбросом, потому его реакции не были ей важны.

В конце концов, ворочаясь с боку на бок, Зайчиха забылась тревожным беспокойным сном, но и во сне не находила покоя. Ей снилось, что они всё ещё копают злосчастную яму, Король с Заяцем принуждали её взять в лапы лопату, чему она изо всех противилась, и тем не менее, треклятая лопата оказалась у неё в лапах и, вот, она уже стоит в яме, да так глубоко, что там ничего не видно, и копает она вслепую, тыкая лопатой наугад, а земля стала

твёрдая — твёрдая, как гранит, и, тогда, Зайчиха бросила лопату, но та держалась в лапах, как приклеенная, а те сами копали, рубя жёсткую землю. Зайчиха расплакалась от горя и, резко, проснулась.

Сперва, она ничего не могла разглядеть в темноте, и сидела протирая глаза.

Зайчиха почувствовала, как рядом с ней кто — то пошевелился и обернулась. В морду ей пахло нестерпимой вонью и она, раньше, поняла, чем разглядела, что это её родной брат. Он, тоже, не спал и напряжённо сидел, вытянувшись, как струна.

— Что повскакивали? — тихо спросил Король, он всё ещё лежал, но глаза его были открыты — Чувствуете?

— Так мне это не кажется? — встрепенулась Зайчиха, но, напуганная собственным же голосом, тихо зашептала — Ты, тоже, чувствуешь этот страх.

— Нет, конечно, — ответил монарх — нам, королям, страх не введом.

— Ага, — согласилась Зайчиха — как стыд и совесть.

— Само собой, — признал Его Величество — но вот чувство гадливости, омерзения, оно присутствует.

— Хватит говорить загадками, — не выдержал и Заяц — ты можешь объяснить, что происходит?

— А происходит то, — Король сел и потянулся — что, выходит, мы, а вернее я — выбрал правильное место. Я же вам с самого начала говорил, что пришёл ловить опасного зверя, который и баламутит моих гвардейцев. А то, что мы сейчас чувствуем — это явный признак того, что он уже рядом. Зверь, что бы напускать своё колдовство, всегда облюбовывает господствующую высоту на местности, обкладывает это место своим помётом, создавая энергетический круг из которого он черпает силу. Днём, силы его ослабевают, и он отъедается в ресторане и отлёживается в джакузи, но, после захода солнца, он возвращается на вещательную точку и творит чёрную магию.

— Так это — правда! — в ужасе прошептала Зайчиха, закрыв ушами глаза.

Как же она сглупила! Знай бы она точно, за чем это всё — в жизни бы из лагеря не вышла!

— Да не бойся ты так, — приободрил Зайчиху Король — мы отыскали и зарыли множество его колбас, иначе он обладал бы такой силой, что вы с братом не просто бессонницей мучались, а уже сошли бы с ума. И, кстати, морду я твоему брату велел не мыть, что бы запахом фекалий зверя замаскировать наш собственный запах.

— А почему, там, в лагере, мы ничего не почувствовали? — спросил Заяц.

— Потому что вы были пьяны, — разъяснил Король — хмельное состояние защищает от воздействия чар.

— Так и солданы, тоже, нализалась на ночь глядя, не уследила я за ними, — припомнила Зайчиха.

— Суть кроется в деталях, — уточнил Король — они, гвардейцы, чего нализались — технического спирта и тормозной жидкости. От подобного пойла — защиты не будет. Работает, только, высококачественный алкоголь. Потому — то я взял с собой бутылку французской водки. А, если пить, наше пойло — эффект будет обратный, это, только, усилит действие колдовства. Вот для чего на каждом углу и открыты для хлопков разливайки.

— Так и что ты намерен делать с этим зверем, убить его? — спросила Зайчиха Короля.

— Нет, — покачал головой августейший — я хочу изловить его живьём.

— Как! — Зайчиха подскочила — Я на такой риск не пойду!

— Тихо! — Король приложил палец к губам.

Зайцы замерли.

Ветер, словно, взбесился, сотрясая старую ветхую мельницу, грянул гром.

— Он летит сюда, — сказал Король прислушиваясь к приближавшимся, с каждым ударом, раскатам грома.

Зайцы подпрыгнули, бросились бежать, но, звонко, столкнувшись в темноте лбами, упали, переплелись лапами.

— Тихо, я сказал! — Король встряхнул Зайцев, приводя в чувство, затем достал бутылку водки, скрутил крышечку, и залил себе в рот, почти половину бутылки, единым залпом и передал водку зайцам — Пейте! — приказал он.

Заяц не смел послушаться такого приказа, и присосался к горлышку слюнявым ртом.

— Да куда же ты первым! — Зайчиха попыталась отнять у брата бутылку — Там же после тебя половина слюней будет!

— Не хочешь — не пей! — обрадовался Заяц, отталкивая от себя загребущие лапы сестры.

Удар грома чудовищной силы прогремел, прямо, над крышей мельницы и старое здание заходило ходуном.

Зайчиха выхватила у брата из лап бутылку и прикончила её содержимое до последней капли.

В окошке, из которого выходил парусный вал, сверкнула молния, на мгновение осветив помещение изнутри.

Король и Зайцы увидели испуганные лица друг друга.

— Скажи — ка, — немного заплетающимся языком спросила Зайчиха у Короля — а раньше тебе доводилось ловить этого зверя?

— Да, — шёпотом ответил Король — но там всё попроще было, гораздо проще, я его завалил приманкой.

— Какой приманкой? — Зайчиха срыгнула алкогольные пары.

— Молчи! — Король припал к полу и привалил Зайцев — Он здесь!

В проём между рамой и валом, сопя и издавая гортанные звуки, протискивалась неизвестное создание. В темноте, его было совершенно не разглядеть, только два крошечных, красных, как раскалённые угольки глаза. Но, как оказалось, красный оттенок оказался не только у глаз существа, а и у его пятой точки, которой зверь сверкал во все стороны, пока протискивался в окно.

Сверкнула молния и черты страшного зверя резко проступили из темноты. Маленькое, покрытое короткой жёсткой шерстью, с большущим выпирающим животом, на коротких кривых задних лапках, впротевовес динным передним. Голова, лишённая шеи, была утопленна в самые плечи. Приплюснутый длинный нос и отвислые мясистые губы, составляли фасад безобразной морды, да к тому же постоянно кривляющейся.

И большая красная задница, покрытая жировыми отложениями с коротеньким хвостиком над ней.

— Что это? — прошипел Заяц, шокированный страшным видом злобной зверюги.

— Педерастическая обезьяна, — прошептал в ответ Король.

Тем временем зверь хорошенько уселся на валу, повернувшись мордой к окну, и раскачиваясь, издавал какой — то неприятный монотонный звук, будто пел мантру.

— Колдует, паршивец, — Король осторожно приподнялся.

— И как ты намерен его излавливать? — Зайчиха, незаметно, попятилась к лестнице.

— А вот так! — Король схватил Зайца за ухо и метким броском, запустил им в обезьяну. Ничего подобного не ожидавшее, жирное человекообразное, только, издало оглушительный визг, когда костлявое тело косо, сбило его и они вместе рухнули на пыльные доски.

А Король вскочил, выхватив из кармана хрусталик и используя его как фонарь, бросился вниз по лестнице, едва не затоптав, уже прыгавшую по ступенькам — жердочкам Зайчиху.

Заяц вскочил на четвереньки и оказался нос к носу с разъярённой обезьяной, оскалившей на него длинные загнутые жёлтые клыки. Обезьяна кинулась на Зайца, клацнули острые зубы, косой в последний момент успел отскочить назад, унося свою тощую облезлую шею от обезьяних клыков. Но злобный примат успел впиться зубами в заячье ухо.

Заяц истошно заверещал и подался назад, обезьяна же, злобно рыча, тянула его за ухо на себя.

Старое, изъеденное блохами плешивое ухо, не выдержало и оторвалось.

Обезьяна, с куском уха в пасти, олетела назад, а Заяц, внезапно освободившись, тоже не устоял, и кувырком вылетел на лестницу, пересчитав мордой все ступеньки, он растянулся на полу, успев заметить, как мелькнула чёрная грива королевских волос в лестничном проёме ниже. Заяц, не обращая внимания на полученный ущерб, тут же вскочил и пустился следом за монархом и, когда Величество, уже, был на втором этаже, Заяц, понимая своё неизбежное отставание, повторил свой подвиг и покатился по лестнице кубарем, разбив нос и поставив синяки себе под оба глаза, зато смог поровняться с товарищами.

Обезьяна, поняв, что Заяц вырвался, выплюнула окровавленное ухо, страшно заревела и бросилась в погоню. Лестницу она преодолела одним прыжком, вторым перескочила через большую шестерню, а третьим — была, уже, этажом ниже и в её красных бешенных глазах отразились Король и зайцы.

Обезьяна, с рёвом, распахнув пасть, прыгнула на спину убежавшему Королю, тут бы великому государю и погибнуть, но в этот миг, грузная королевская нога ступила на крышку люка для подъёма мешков, сливавшимся под слоем пыли с полом, изъеденные ржавчиной петли не выдержали и доли секунды, люк проломился и Король рухнул вниз, Зайцы, с протяжным криком, упали за ним, а педерастическая обезьяна, клацнув зубами, пролетела над головой монарха и крепко приложилась о каменную кладку стены.

Король лежал в центре маленького кратера, образовавшегося из — за столкновения его тела, космической массы, с землёй, от удара, копившаяся годами пыль поднялась в воздух и встала плотной стеной, да такой, что, даже, свет хрусталика еле просвечивал сквозь неё.

Зайцы кашляли, закрывая рты и носы лапками, в поисках выхода они кидались в разные стороны, но ничего не видя, только, бились лбами о толстые деревянные сваи, меж которых были установлены лари.

У Короля от удара онемело всё тело, и только в правой руке, которой он сжимал волшебный хрусталик, теплилась жизнь. Он, неуклюже, как морж на берегу, принялся перебрасывать своё тело, пытаясь вылезти из воронки и ожидая, что в любой момент разъярённая обезьяна, спрыгнет на него сверху и разорвёт в мелкие клочья. На его счастье, в этот самый момент, обезьяна лежала, обхватив передними лапами пробитую макушку и, натужно хрипя, силилась прийти в себя.

Король, шатаясь, смог встать на ноги, сделал пару неуверенных шагов и схватился, что бы не упасть, за ларь для муки. Тут же он разглядел и зайцев, трясаясь от страха и отчаяния

они спрятались внутри ларя, вжавшись в его стенку.

Монарх быстро пришёл к выводу, что лучшего убежища ему не найти и, с трудом, перекинул непослушную, словно из ваты, ногу внутрь ларя.

— Куда ты лезешь, — зашипела на него Зайчиха — ты же здесь не поместишься! Пшёл вон! — она укусила государя за ногу, но ввиду онемения данной конечности результата это не произвело.

А тем временем Король закинул и вторую ногу внутрь ларя и понял, что Зайчиха не так уж сильно и ошибается. Борта ларя были ему едва по колено.

Тут, сверху из люка, на землю плюхнулся жирный волосатый комок — обезьяна!

Её горящие глаза впились в стоявшего во весь рост в ларе Короля, который прижался животом к свае, наивно полагая, что так его не видно. Хотя бы убрал хрусталик, что бы свет не привлекал примата, но не додумался.

Обезьяна оттопырила нижнюю губу, показывая жёлтые клыки, короткая шерсть на её загривке встала дыбом — она издала грозный рык, а под Королём не выдержало днище ларя и проломилось, изрыгнув из убежища обоих зайцев и королевские ноги в красных спортивных штанах.

Обезьяна дико завывала и бросилась на троицу сотоварищей по нелёгкому делу.

Заяц и Зайчиха крепко обхватили друг дружку и зажмурили глаза.

Но ничего не пришло.

Зайцы так и сидели, не решаясь, даже, дышать на полную, но по — прежнему ничего не происходило, ни чьи острые зубы не рвали им шеи, а жуткие пальцы не выдавливали глаза.

Наконец Зайчиха, не выдержав острого запаха исходившего от морды брата, слегка отстранилась от него и увидела престранную картину — обезьяна, словно забыв о них, кружила на том месте, меж ларей, где они сегодня зарыли деньги, она часто припадала к плотно утрамбованной земле и принималась, с шумом втягивая ноздрями воздух. Зайчиха покосилась на Короля. Тот так и стоял, недвижимый, с прижатым к свае животом, он поймал на себе взгляд Зайчихи и сделал в ответ недвусмысленный знак лицом, означавший одно — ни звука! Зайчиха кивнула в знак понимания и, как ей не было противно, положила голову брату себе на плечо и крепче прижала его, лишая его малейшей возможности шевельнуться.

Обезьяна, раздражённо фыркая ползала по земле кругами, потом замерла, полежала, раздражённо фыркая, затем вскочила на задние лапы, а передними принялась копать, выбрасывая землю меж расставленных задних лап.

Трудилось человекообразное на славу, лапы мелькали с немыслимой скоростью, но Король не зря собой утрамбовывал землю, теперь каждый дюйм давался примату с чудовищными усилиями, кривые короткие пальцы посбивались до крови, но обезьяна не сдавалась.

Зайчиха глядела на всё это действие, как замороженная — её очень беспокоило, что же будет с ними (а именно с ней), когда обезьяна завершит работу и доберётся до клада, взгляд её упал на валявшийся подле копаншей обезьяны заступ, забытый ими. У Зайчихи дрогнуло сердце, ведь если обезьяна с таким же усердием начнёт копать лопатой, то управится минут за пятнадцать.

По счастью, обезьяна понятия не имела о том как обращаться с лопатой, и, потому — то, труд не сделал из неё человека.

Через час обезьяны, уже, не было видно, так глубоко она погрузилась, а гора

выброшенной земли быстро росла и по ней можно было догадываться, насколько близко подбирается к своей цели человекообразное. Но то, что было начато с таким задором, быстро сдулось. Непривычная к подобным нагрузкам обезьяна, стала выдыхаться, в пригоршни земли набирать всё меньше и копать всё медленнее, да и по мере углубления, выбрасывать землю становилось всё сложнее. Измученная обезьяна стала набивать рот землёй, потом вылезла из ямы, выплёвывала землю и по новой. Подобная организация труда отнимала массу времени, а результата от неё было минимум. Зайчиха, имевшая учёную степень по организации труда, конечно, могла бы помочь, но страх не позволял ей предложить, да и плётки у неё с собой не было...

Заяц, который выпил большую часть водки, согревшись в объятиях сестры, заснул, положив голову её на плечо и пуская тёплые липкие слюни ей на спину.

Зайчиха и сама, измотанная перепитиями непростого дня и, ещё более, непростой ночи, клевала носом, пытаясь не заснуть, но провалы, минут по пятнадцать — двадцать случались, после чего она резко просыпалась и напряжённо вглядывалась в гору земли, и, с облегчением отмечала, что темпы выработки значительно спали. Со временем, она, вообще перестала замечать, что бы насыпь, хоть на сколько — нибудь припростала, за этим делом и застал её рассвет.

Нежно — алые первые солнечные лучи, пробившись через потемневшее стекло крошечного окошка, осветили мельницу изнутри. С улицы донеслось звонкое пение птичьего хора, приветствовавшего восходящее солнце.

Заяц заливался прерывистым храпом, прямо, в ухо сестре, чем здорово помогал ей не поддаваться чарам Морфея и продолжать неусыпный надзор за обезьяной, которой, кстати сказать, Зайчиха уже давно не наблюдала на поверхности.

Взвигнула доска — это Король выбирался из ларя за бортами которого простоял всю ночь, он спрятал хрусталик в карман и, приподнявшись на цыпочки, пытался из далека заглянуть в яму.

— Тс — с!. — зашикала на него Зайчиха.

— Всё кончено, — усталым голосом сказал Его Величество — пошли посмотрим, что у нас получилось.

Зайчиха, сперва, не поверила, но когда у неё на глазах Король, совершенно бесстрашно, подошёл к краю ямы, она с омерзением оттолкнула от себя спящего брата и подскочила к государю, они вместе поглядели в яму. Она была выкопанна почти наполовину, от своего предыдущего состояния. На дне, расплоставшись на пузе и раскинув лапы в стороны, лежала жирная маленькая обезьяна, отклячив красную задницу и, только, по слабо вздымавшемуся загривку, можно было понять, что она ещё дышит.

— Эй, ты! — позвал обезьяну Король, но та не реагировала, тогда государь взял из кучи земли камень и запустил им в голову лежащего примата.

Камень тукнул обезьяну по высокой узенькой макушке и она, придя в себя, с трудом повернула голову и проглядела на Короля с Зайчихой.

— Это он бросил! — Зайчиха отпрянула от монарха, одновременно показывая на него пальцем.

— Да не пугайся ты, — сказал ей Король — видишь, она так измотана, что и пошевелиться не может, — он кивнул на обезьяну.

— Ах так! — Зайчиха тут же обрела смелость, быстро оглянулась, нашла лопату, подхватила её, и прыгнула к обезьяне в яму.

— Ты что удумала? — не уловил намерений Зайчихи монарх.

— Прибью эту скотину, пока не очухалась! — Зайчиха замахнулась лопатой, целя в голову человекообразному.

— Нет! — вскрикнул Король, и, молнией, прыгнув в яму, вырвал у Зайчихи из лап заступ — Она мне нужна, — пояснил он.

— Да она же бешенная, — Зайчиха пыталась вернуть лопату, что бы осуществить свой план — она нас едва не разорвала!

— Я знаю, как её приручить, — Король поднял вверх руку с лопатой, что бы Зайчиха не могла достать до неё — это она, только, выглядит такой озверевшей неистойвой, на самом — то деле — это маленькая алчная скотинка. Главное — нужно знать к ней подход. Вот — гляди! — Его Величество присел на корточки и, призывающе, похлопал себя по коленке — Макак — макак, — подзывал он.

Обезьяна глядела на него остекленевшими глазами, из ярко — красных, какими они были ночью, они стали бледно — малиновыми. Примат, нехотя, с большим нежеланием, поднялся на четыре лапы и сделав шаг по направлению к Королю, остановился, тупо уставившись на государя.

— Что, скотина? — ласково шептал Король — Признаёшь меня? Кто тебя первым приручил, у кого ты столько жира наела на боках? Помнишь, а?

Обезьяна склонила голову набок и издала мелодичный гортанный звук.

— Вижу, что помнишь хозяина, — Король улыбнулся — кто тебе виллу на берегу озера Кома подарил? Опять я! Я — твой хозяин, а ты на меня рычишь, как не стыдно, ай — яй — яй!

Обезьяна подошла к августейшему вплотную и с любопытством тронула его лапой, а потом, с опаской, стала обнюхивать полу его шинели.

— А! Старый мурлопай, — полушутя сказал Король — унюхал, что я для тебя лакомство принёс!

Обезьяна преданно поглядела в глаза августейшему и вытянула впрёд лапу с открытой ладонью в характерном жесте, означавшем — Дай!

— Попрошайка! — пожурил обезьяну Король, но та, совсем не обиделась и руки не отняла.

Монарх вынул из кармана шинели пачку банкнот, долларов ША, взял одну купюру и положил в ладонь обезьяне.

Примат, обрадованно запрыгал, подёс купюру к носу и, с удовольствием, втянул её запах, а затем, дрожащими пальцами, затолкал её себе в пасть и блаженственно зачавкал.

У Зайчихи округлились глаза:

— Ты, что ей доллары вскармливаешь? — опешила она.

— Ну нету у меня британских фунтов, — почему — то обиделся Король — даю, что есть. Наши она, вообще, и в лапы не берёт.

— Я никогда не слыхала про обезьян, которые бы питались валютой, — Зайчиха почесала в затылке.

— Вот почему я не брал в помощь гвардейцев, — Король дал обезьяне ещё одну купюру, которую она тут же сунула за щеку — хлопы не должны знать об обезьяних пристрастиях. Они же верят, что это всё искренне. За даром. Если хамы прознают о том сколько обезьяна потребляет валюты, чего доброго, перестанут ей верить и её колдовство больше не будет на них срабатывать.

— Так ты хочешь использовать обезьяну в свою пользу? — Зайчиха, тихонько бочком, подобралась к государю и потянулась к пачке денег, что бы и себе урвать купюру.

Обезьяна резко повернула к Зайчихе голову и предупреждающе зарычала, обнажая жёлтые клыки.

Зайчиха почла разумным отойти в сторонку.

Обезьяна съела тысячу долларов, срыгнула, поглядела на Короля преданными глазами и мягко, как лохматый колобок, влезла августейшему на руки, обхватив его шею длинными передними лапами, и прижалась к нему, как к родному, что — то нежно заукав.

— А что это вы тут делаете? — над краем ямы показалась безухая голова Зайца — А! — вскрикнул он завидев обезьяну, но быстро понял, что она, уже, не опасна и сам спустился в яму, что бы поближе поглядеть на диковинного зверя — Эта сволочь лохматая, между прочим, ухо мне откусила, — пожаловался косой, потрогав себя за огрызок на голове.

Обезьяна повернула морду к Зайцу и, отвесив нижнюю губу, сделала косому гримассу.

Заяц в долгу не остался и, сунув себе два пальца в рот, растянул щёки и вывалив язык, сделал:

— Бе — бе — бе!

Обезьяна изумлённо подняла толстые брови, её мясистые губы зашевелились и она произнесла резким визгливым голоском:

— Представься мразь!

— Ни фиги себе! — Заяц шарахнулся в сторону — Она говорящая!

— Нет, — разубедил его Король — это у неё так звучит брачный клич, схож с человеческим языком. Ей показалось, что ты тоже представитель её вида.

Король поднялся и вылез из ямы, бросив Зайцам через плечо указание:

— Выкапывайте деньги!

— Мы!? Выкапывать!? — возмутилась Зайчиха — А ты, что же сачковать будешь со своей мартышкой?

— Вчера время поджимало, потому я и копал, а сегодня я никуда не спешу, могу и подождать, так что — копайте! — Король вытянул стодолларовую купюру и дал обезьянке со словами — Ах, ты ж моя лакомка! — и чмокнул её в скошенный морщинистый лобик.

Походные кухни королевской армии варили обед.

Ночь, вопреки ожиданиям прошла почти, спокойно, никакие демонические голоса из радиоприёмников никого не пугали — те, единожды сработали, около первого часа ночи, всего на несколько минут, но трансляция, внезапно оборвалась.

Хотя, весь старший командный состав, пропавший ещё вчерашним утром, так и не объявился.

Гвардейцы находились в полной растерянности и поговаривали о том, что после обеда, нужно будет сниматься с лагеря и возвращаться назад, ведь если в этих лесах водится что — то такое, что извело таких живучих сволочей, как Король и зайцы, то, явно, оставаться здесь небезопасно.

Каково же было всеобщее ликование, когда на опушке леса появился Его Величество собственной персоной!

А за ним выскочили и зайцы — тут общеармейские радости сразу поутихли.

Король, с мешком за спиной, под крики «гип — гип ура!», спустился в лагерь, где его обступили гвардейцы, безумно радовавшиеся тому, что вождь паркоместа, которые им были обещаны, вносё обрели реальные очертания.

На плече у Короля сидела жирная, мерзкого вида обезьяна, она скалилась на всех, и показывала непреличные жесты, которым успела научиться у Зайца с которыми, всю дорогу, вела активный диалог на пальцах.

Наличие у монарха нового питомца, вызвало оживлённый интерес в рядах войск.

— Да — да, — подтверждал догадки гвардейцев Король — это та самая волшебная обезьяна, проповедница любви и мира, именно она!

Примат скалился на солдат, испражнялся себе в ладонь, клал в рот и пережевывая, метко плевался в военнотружущих фекалиями.

— Ну с таким — то союзником, победа нам обеспечена! — радовались солдаты.

— Как вы смеете, скоты неблагодарные! — возмущался Король — Это со мной победа обеспечена!

Величество раздал с дюжину пощёчин, воспринятых гвардейцами, как милость, ведь лучше стерпеть пощёчину от самого Короля, чем быть сведённым с ума волшебной педерастической обезьяной, и ушёл к себе в шатёр затребовав подать ему трапезу.

После плотного обеда командование изволило почивать и почивало весь день, ночь и ещё полдня включительно.

Король проснулся от того, что ему стало душно. Едва приоткрыв глаза, первое что он увидел — это была морда обезьяны, которая, пристроившись у него на плече, мирно похрапывала. Он бросил взгляд на мешок с деньгами — тот был, уже, наполовину пуст — обезьяна любила покушать. Этот факт заставил Короля пошевелиться, ведь если вовремя не восполнять кормовую базу для волшебного примата, неизвестно насколько долго хватит его привязанности. Вернее — известно, что вынуждало заметно торопиться.

Король отдал распоряжение готовиться к выдвигению и приказал подать себе завтрак, они, вместе с обезьяной, плотно подкрепились. Король — рябчиками с шапиньонами, а обезьяна, по скромной привычке, долларами США.

К выходу Короля — главнокомандующего великая армия, уже, была готова к

продолжению похода. Государь занял своё место на заднем сидении лимузина, с обезьянкой на плече.

Колонна начала своё движение и медленно, как длинный жирный удав, поползла по дороге, покидая прекрасный горный край.

К концу дня последний автомобиль королевской армии оставил позади просторное горное ущелье и войско вышло на равнину.

— Скоро — скоро мы увидим мою столицу, — предвкушал Король — самый величественный и невероятный город в мире.

Обезьяна, разделяя радость хозяина, приплясывала у него на плече, одновременно выбирая вшей в королевской шевелюре и с большим аппетитом их поедала.

Заяц, которого страшно беспокоили паразиты (именно он наградил ими Короля, да и всю армию) тоже попытался пристроится под чистку к обезьяне, но та, только, рыкнула на него и швырнула ему в морду свежим каллом. По всей видимости паразиты у Короля были вкуснее, чем на Зайце, хотя, вроде бы, произошли из одной колонии.

На следующий день армия выехала на четырёхполосное шоссе вёдшее в столицу, до которой теперь оставалось чуть больше ста миль. Путь к победе был открыт!

Но!

Его Величество в прошедшие годы почти не выезжал из столицы колёсным транспортом, а всё больше самолётами, потому, то, что встало на пути у армии, оказалось для него полной неожиданностью.

Элитные посёлки.

Высокие особняки за каменными заборами.

Бесконечным их количеством было обсажено всё, до самого горизонта.

— Я, конечно, не сомневался, что при мне всем было очень хорошо жить, но что бы до такой степени, — пробурчал Король себе под нос.

— Что будем делать? — спросила Зайчиха.

— Объезжать конечно, — сказал Король — если мои гвардейцы дорвутся до таких богатств, то мы не скоро сдвинемся с места. Здесь годами можно грабить. Сейчас я погляжу сколько их и как проще объехать, — Король вышел из машины, бросив дверцу открытой.

Выйдя, он взглянул на следовавшие за ним автомобили с солдатами, те, тоже, повыбирались из транспортных средств и немигающими глазами, в которых выражалось чрезвычайное изумление, таращились на тысячи и тысячи особняков разбросанных по долине.

— Что вылупились! — гаркнул на них Король — Учитесь! Люди много трудились и вон какие хоромы себе отгрохали. Не то, что вы. Лодыри и бездельники! Если бы не я, что бы с вами было? Я вас обул, одел, накормил! А ну по местам, живо!

Гвардейцы покорно, как овечки, заняли свои места, в чём была большая заслуга волшебной обезьяны, которая теперь служила Его Величеству и творила ночные радиоодурманивания в его пользу, прививая солдатам покорность и искореня малейшие паростки критического мышления.

Его Величество стал впереди своего лимузина и со словами:

— Лети — лети, мой дельтаплан! — и подбросил обезьяну над головой.

Зайцы обрадованно улыбнулись, рассчитывая, что Король таким образом решил избавить мир от жирного примата — разбив его об асфальт, но к их огорчению, округлый волосатый комок завис в воздухе без всякой поддержки и, потихоньку, крутя толстым

коротким, как обрубок, хвостом, стал набирать высоту. Обезьяна, постепенно поднималась всё выше и выше, пока не превратилась в крошечную чёрную точку в небе и поплыла под облаками.

Король в это время стоял зажмурив глаза и ритмично покачиваясь.

Скоро обезьяна спустилась с неба и сев Величеству на плечо, стала тереться мордой о его заросшую щёку.

Король сел в лимузин, лицо его выражало неудовольствие.

— Ситуация очень непростая, — высказал он результат разведки.

— А ты что, по — обезьяньи понимаешь? — спросил Заяц.

— Не говори глупостей, — Король нахмурился, а обезьяна швырнула Заяцу в морду новую порцию фекалий — просто, тот кто является хозяином этого волшебного зверя, может видеть его глазами и говорить его ртом.

— Говорить? — теперь удивилась и Зайчиха, сидевшая спереди, рядом с водителем.

— Ну не прямо словами, — пояснил монарх — но нужную информацию донести до сознания может. Это ж волшебная обезьяна!

— И педерастическая! — напомнил Заяц.

— И это тоже, — согласился августейший — но не в этом дело! Я увидел, что эти элитные посёлки целиком окольцовывают столицу. Ехать придётся заумным маршрутом, выбирая дороги возле которых ещё нет особняков или, только, идёт строительство. Дай — ка атлас и карандаш! — приказал он и Заяц подал кипу бумаг и карт.

Король быстро отыскал атлас автомобильных дорог, раскрыл в нужном месте и уперев в бумагу грифель карандаша потянул линию, со множеством искривлений и поворотов. Закончив он передал атлас Зайчихе, сказав:

— Пусть ведёт по этому маршруту!

Зайчиха поставила открытый атлас перед водителем и отвесила ему оплеуху, для внимательности.

— А может, ну его! — предложил Заяц — К чему нам петлять, как заяц? Поедем напрямую, через посёлки. Если ты боишься за разложение армии из — за мародёрств, — Заяц тронул лапкой локоть Короля, но тот бросил на косога такой злобный взгляд, что он её мгновенно отдернул — так ты положишься на нас с сестрой. Ты же знаешь — мы всегда за дисциплину!

— Вы за навязывание её другим, — уточнил Король — к себе вы собственных требований не выдвигаете. Знаю я вас. Первыми начнёте грабить, — он из — под косматых бровей взглянул на Заяца — а ты ещё и нажрёшься в говно.

Заяц поник.

У него уже закончился запас алкоголя и он, действительно, хотел нажраться. Не вышло.

Навстречу колонне, по противоположной полосе, потрескивая тёмным дымком из выхлопной трубы, приближалась старый изношенный автомобиль, неизвестной марки.

Король, даже, удивился — об его армии, уже, шла такая слава, что всякий завидевший её из далека, старался побыстрее исчезнуть из поля зрения, а эта колымага ехала прямо навстречу и остановилась напротив королевского лимузина, выбросив облако дыма.

Из колымаги вышли двое холопов, стянули с голов поношенные шляпы и, склонившись пополам, приблизились к королевскому лимузину.

— О, великие господа, — заговорил один из них, обращаясь к пассажирам лимузина — не благоволите ли вы препроводить нас к Его Величеству Королю Многоземельному?

— Совсем ослеп, скот! — прогремел монарх — Не видишь, что ли — Король перед тобой! Я — Великий Король — завоеватель!

— Не казни о, Великий! — хлопы упали на колени — Не по своей воле мы тебя потревожили! Нас хозяйева к тебе навстречу выслали!

— Чего им надобно? — Король набундючился, что бы хлопы чувствовали с кем говорят.

— Велели кланяться тебе о, Великий! — хлопы ударились лбами о шоссе покрытие — Слава о тебе и твоём непобедимом воинстве дошла до наших господ.

— Это я сам по себе — непобедимый, — уточнил Король — а воинство — это так, для антуража.

— Наши господа просят тебя, — хлопы жалобно глядели на августейшего — не входить на территорию посёлков!

— Ишь чего захотели! — скривился Король, решив сблефовать — Моё королевство — иду куда пожелаю! И почему ваши господа сами не пришли ко мне на поклон?

— Они побоялись о, Великий, что ты во гневе страшном их порешишь, а нас им не жалко! — запричитали хлопы.

— Ах, они наглецы! — вспылал Король — Как они посмели не явиться на поклон к своему законному государю! Прислали пару вонючих хлопов и думают, что я, после такого, не войду в посёлки и их всех не покараю!

— Это не всё о, Великий! — хлопы в волнении положили руки на дверцу автомобиля, но Король, одним негодующим взглядом, отбросил их на пару шагов, и они заголосили с почтительного расстояния — О, Великий! Господа предлагают тебе за то, что бы ты не разорял ихних имений и обошёл их — регулярно поставлять продовольствие и топливо, а так же, камаз гружённый деньгами.

— Камаз — камаз, — Король постукивал себя пальцем по нижней губе, делая вид, что раздумывает, потом покосился на хлопов и спросил — я, надеюсь, там валюта?

— Евро! — заверили хлопы.

— Будешь евро кушать? — Король пощекотал, сидевшей у него на плече обезьяне торчащий пупок, а та радостно заукала и выпустила газики — Так уж и быть, — нехотя произнёс Его Величество — я сжалюсь над особняками ваших господ, но что бы камаз с деньгами был здесь через час! Не успеете — пеняйте на себя. Я всё сказал! — Король отвернулся от хлопов, надменно выпятив нижнюю губу.

Хлопы отползди от лимузина подальше и, запрыгнув в колымагу на которой приехали, покатали в обратном направлении.

— Послушай, — Зайчиха обернулась к Королю — ты лучше, не называй себя завоевателем. Это не очень красиво звучит в геополитическом свете.

— А как? — Король не заморачивался по вопросам терминологии и мысль, высказанную Зайчихой, не очень понял.

— Ну как — то по — другому, координально по другому, например: Король — освободитель! — предложила Зайчиха.

— А! Начинаю понимать, — сообразил августейший — это как воровство называть приватизацией.

— Где — то так, — согласилась Зайчиха.

Камаз наполненный деньгами, по всей видимости был наготове, так как был доставлен вдвое скорее крайнего срока. А хлопов, вечером, высекли, ибо их задачей было поторговаться и уговорить Короля на половину камаза, но те, с перепугу, выложили сразу

всё!

Итак армия, а самое главное — командующий состав были обеспечены самым необходимым и началось маневрирование. Но Король даже не представлял себе какими сложностями это обернётся. Маневрировать колонной в пару тысяч автомобилей на коротких отрезках дороги, постоянно сворачивая — это была ещё та задача. Скоро маршрут прочерченный Королём был исчерпан, а посёлкам не было ни конца ни края.

Зайчиха предложила двигаться по навигатору, но и это не помогло — чудо современной техники не успевало за ежедневно возводившимися особняками.

— Ну ладно при мне, но как они и без меня умудряются так хорошо жить, это же невозможно! — поражался Король, выходя из лимузина, что бы очередной раз запустить в небо педерастическую обезьяну, которая доедала, уже, второй камаз денег, затребованный Королём вопреки изначальным договорённостям.

Но, как известно, сколько верёвочке не виться...

* * *

Уже первые белые мухи закружились в воздухе, ночи стали морозными, а королевское войско нарядилось в, дальновидно прихваченные с собой, писцовые и собольи шубы, когда колонна машин наконец вырвалась из бесконечного лабиринта элитных посёлков и на горизонте, укутанные дымкой тумана и смога, замаячили первые высотные здания столицы.

Король вышел и глубоко вдохнул.

Даже здесь, в чистом поле, припорошённом первым тонким слоем снега, вдалеке от мегаполиса, чувствовался запах перенаселённой столицы — удушливый запах гари с гадко — кисловатыми нотками. Шум сигналов автомобилей стоящих в долгих пробках доносился неразборчивым, еле слышным, нескончаемым гудением.

— И как мы будем это брать? — при виде гигантского города, застилавшего весь горизонт Зайчиху охватила робость и, даже, паника.

— Что значит как? — басовито спросил Король, вздёрнув вверх мохнатую бровь — Как хозяин берёт свою собственность — вот как! Победным маршем! Парадом войдём!

— Возможно, что так мы и войдём, но этого никто не заметит, — осторожно сказал Заяц, он неотрывно глядел на очертания города вырисовывшиеся вдали — мы же, со всей нашей армией, в тамошних масштабах, будем не более чем песчинка в пустыне.

— Да, — согласился августейший — но это при условии, что они не знают о нашем приходе. Так что нужно всех оповестить о возвращении истинного хозяина этой страны.

— И как ты это сделаешь? — Зайчиха нервно затянулась тонкой кубинской сигаретой, вдетой в длинный мундштук слоновой кости.

— С помощью своего любимца, — Король вынул из кармана шинели купюру в сто евро и вскормил, сидевшей на плече обезьяне — он свой хлеб ест не зря, — монарх погладил человекообразное по большому выпирающему пузику.

— Да уж хорош у него хлеб, — завистливо проскрипела Зайчиха, выпустив из носа две струи сизого дыма.

Король засучил рукава, поплевал на огрубевшие ладони и, взяв обезьяну подмышки, подбросил её под углом в девяносто градусов, но этим запуск примата не был ограничен, государь, высоко подпрыгнув, поддал носком пынехода под кроваво — красный зад своего

любимца и зверь, со скоростью ядра выстреленного из мортиры, полетел в небо по направлению к городу.

* * *

Обезьяна неслась по воздуху, отвислые щёки её тряслись, а крохотные глазки слезились от встречного ветра. Она кометой пронеслась над кипящей столицей.

Вначале над её пригородами, потом вдоль центральной десятиполосной дороги, над широким мостом переброшенным через зловонную реку, несущую бурлящие пенистые воды, отравленные всеми возможными тяжёлыми металлами.

Обезьяна просвистела между небоскрёбов бизнес — центров, где шла торговля страной оптом и в розницу, и, только, высокие боссы, сидевшие в кабинетах верхних этажей, от безделья занятые лицезрением из окон, заметили, как мимо них промелькнул толстый зверёк, на такой скорости, что определить его причастность к какому — то определённом виду, было затруднительно, потому, исходя из сложения промелькнувшего существа, все склонились к мысли, что это, всё — таки, свиньи полетели, что предвещало неотвратимый крах на фондовом рынке.

А обезьяна летела и не было ей преград на заданном пути.

Она показала неприличный жест встретившемуся ей вертолёту на котором летел какой — то толстосум, решивший вылететь на выходной к третьей семье, но увидев пролетающую мимо обезьяну, он тут же набрал номер главного редактора собственной газеты и приказал ему готовиться к координальному развороту идеологического вопроса, а уже отпечатанный тираж немедленно сжечь.

Сверкая красным задом, покрывшимся влажной испариной от холодного воздуха, царившего в верхних слоях, обезьяна долетела до центра столицы и зависла перед чёрной, как смоль башней, гранитные блоки которой были отполированы до того гладко, что примат мог видеть в них своё отражение. Чёрная башня была самым высоким строением во всём Многоземельном Королевстве.

Обезьяна задрала морду кверху — шпиль чёрной башни исчезал высоко в чёрных тучах постоянно круживших над башней вместе со стаей, вечно каркавшего, воронья.

Обезьяна фыркнула, много раз ей уже приходилось взлетать на вершину чёрной башни, но каждый раз это давалось ей всё труднее — должно быть возраст сказывался.

Примат свертел коротким хвостом с удвоенной скоростью и пошёл на вертикальный взлёт.

Тучи чёрные едкие от них першило в горле, от чего обезьяну каждый раз сотрясало от приступов удушливого кашля, а лететь через них было так тяжело, будто нырнуть на дно бассейна заполненного нефтью.

Прорвавшись сквозь тучи, обезьяна лапой нащупала холодный тонкий шпиль, чернотой своей сливавшийся с клубящимися чёрными массами, и вцепившись в него поползла на самую верхушку, тонкую, как острие иглы.

Взгромоздясь на верхушке обезьяна, постоянно покачиваясь, что бы удержать равновесие, закрыла маленькие глазки и затянула рокочущим голосом свою волшебную песню — с такой высоты её услышит каждый!

Отправив обезьяну на задание, Король приказал разбить лагерь, уверенный, что к следующему утру к нему из столицы выйдет делегация и нижайше преподнесёт ему ключи от города, но утро началось не совсем так как он ожидал.

В королевский шатёр вбежала Зайчиха, по её виду было понятно, что она крайне взволнованна — постоянно путалась в подоле меховой шубы и падала.

— Вставай, Величество! — бесцеремонно обратилась она к государю, сорвав с него одеяло.

— Пшла вон, скотина! — как обычно ответил Король и потянул одеяло на себя.

— Лучше вставай! — настаивала Зайчиха — Твоей непобедимой армии грозит повальное дезертирство!

— Фух! — устало выдохнул Король — Ты что специально мне плохие новости приносишь? Удовольствие от этого получаешь? — он откинул с себя одеяло — Как же я тебя ненавижу! — честно признался он Зайчихе.

— Ой, удивил! — Зайчиха схватилась за сердце — Будто есть кто — то в мире кого ты не ненавидишь!

— Это потому, что все скоты и твари неблагодарные, другого и не заслуживают, — Его Величество всегда отличался не самым мягким характером, но по утрам он был особенно не в духе.

Король сел за столик, выпил полбокала белого вина и поглядел на себя в маленькое зеркальце — растрёпан, борода нечёсанна, глаза заспанные, в общем, — красавец.

— Ну что там у тебя? — соизволил он осведомиться.

— Не у меня, а у тебя, — поправила его Зайчиха и предложила — выйди и погляди.

Король снова грустно вздохнул, набросил на плечи полковничью шинель и вышел за Зайчихой из тёплого шатра, и чуть не был сбит с ног молодым гвардейцем, летевшим без оглядки и пребывавшем, по — видимому, в состоянии крайней паники.

Всё остальное войско мало чем отличалось от своего сотоварища.

Все бегали, вопили, прыгали в машины, даже не собирая лагерь, пытались куда — то ехать, но вместо этого лишь таранили друг друга.

— Да — а — а, — произнёс Король и с укором поглядел на Зайчиху — распустили вы с братом армию, нечего сказать. Кстати где он? Я для чего ему генеральское звание пожаловал?

Тут мимо Короля пронёсся и сам Заяц, даже без мундира, с выпученными остекленелыми глазами.

— Допился, — сделал вывод Король.

— Да ты на небо погляди! — Зайчиха ткнула вверх толстым лохматым пальцем.

Король задрал голову, близоруко сощутив глаза, и был вынужден признать, что в доселе безупречной голубой выси появились заметные изменения.

Самолёты тысячами стальных крыльев закрывали небо, накрыв тенью весь королевский лагерь. Гудя, они тучами, как пчёлы из улья, летели со стороны столицы.

— Нас в труху разбомбят! — Зайчиха схватилась лапой за подол королевской шинели.

— Вот же ты — дура! — Король выдернул шинель — Это же чартерные самолёты! Господа узнав о приближении к городу моей армии, на всякий случай, убегают. Они всегда

так поступают при малейшей опасности, дорожат своей жизнью и здоровьем, и богатствами — адекватные люди, не то что чернь, тех и землетрясением от их лачуг не отгонишь.

Его Величество влез на багажник лимузина и замахал руками дабы привлечь к себе всеобщее внимание.

— Гвардейцы! — заорал он — Вы — жалкие трусы! Остался один шаг до моей победы, а вы малодушничаете! Цепляетесь за ваши жалкие жизни! Помните — вы рождены, что б сказку сделать былью! Для меня!

По выражениям лиц гвардейцев читалось, что речь монарха не особо взбодрила.

— Это не боевые самолёты! — прокричал он указывая на заполонившую небо авиацию — Это чартерные самолёты, на них летят господа, стыдно не знать! Но вам — то, скотам, не ведом вкус и чувство стиля, вы брезгуете элементарным комфортом и летаете в забитых битком пассажирских самолётах, да к тому же экономят классом, как будто есть ещё куда экономить! Вы за грош давитесь и не хотите работать, потому никогда не пользовались чартерными рейсами!

Гвардейцы облегчённо вздохнули — опасность оказалась ложной.

— Что вы за командиры такие, — спустившись с машины Король отчитывал Зайчиху — что в армии дисциплину поддерживать не можете? А окажись эти самолёты действительным налётом боевой авиации? А? Да вы в таком страхе должны солдатню держать, что бы им лучше было под танки лечь, быть разорванными на клочки, чем отвечать перед вами!

Зайчиха молча выслушивала упрёки в свой адрес, но морда её скривилась, от желания послать государя подальше.

Заяц, только, подоспел, одна лапа его была продета в рукав кителя, наспех надетая фуражка съехала на бок и повисла на обрубке правого уха.

— Что делать? — пыхтел он — Куда бежать?

— Отбегались уже! — грубо ответила брату Зайчиха срывая на нём злость и плюнула ему в рожу.

Косой быстро запахнул китель и, весь в орденах, красивый и блестящий плюнул сестре в ответ. При чём его заряд сильно превышал по мощности сестринский.

Зайчиха плюнула ещё раз, но в братскую морду не попала, слюна осела на боевых наградах.

Это было оскорбление нестерпимое для боевого генерала!

Потому Заяц промочал.

Он задумал вечером нагадить в казан в котором сестре готовят мясное рагу. Будет знать, как оскорблять героя войны!

Внезапно раздался гром.

Все инстинктивно задрали головы вверх.

Оказалось — это вовсе не стихия разбушевалась, просто чартерные самолёты так густо наводнили ясное небо, что привело к неизбежному столкновению пары из них. Один самолёт, испуская клубы чёрного дыма, ушёл в крутое пике, а второй, отброшенный ударом, протаранил летевший рядом самолёт, а тут следующий, и покатилося! Усталое самолётами небо начало окрашиваться фейрверками алых взрывов.

— Ха — ха! — рассмеялся Заяц.

Вдруг что — то просвистело в воздухе, раздался хлопок удара, Король и зайцы обернулись на звук — водитель, сидевший за рулём королевского лимузина был превращён в

смятку.

— Что произошло? — Зайчиха не решалась приблизиться к автомобилю.

Король, как бесстрашный лидер, внимательно оглядел изуродованные останки, затем опустил руку куда — то под кресло, а когда поднял — в неё был зажат увесистый золотой слиток перепачканный свежей кровью.

— Похоже они вывозят золото, — Король обтёр слиток о полу шинели и бросил его на заднее сидение — жаль кресло теперь не отчистишь, — грустно сказал он — а я хотел эту машину в «музей победы» выставить.

Тем временем вспышки взрывов в небе уже, практически, покрывали весь рой воздушных машин.

Снова свист и ещё одни гвардеец, беззаботно ковырявший в носу превратился в кровавую кашу на дне пробитой в асфальте воронки, и снова снарядом послужил слиток драгоценного металла.

— Да они все перегружены золотом! — в ужасе высказала страшную догадку Зайчиха.

Подтверждение её слов пришло быстро.

Град золотых слитков обрушился с неба, дробя и кромсая землю.

Слитки попадали по автомобилям, прошивая их насквозь, и машины отвечали на это разнобойным воем сигнализаций.

Армию, как обычно, охватила паника.

— Бежим! — загорланил Заяц, сбрасывая, только, надетый китель.

— Стоять! — гаркнул Король на собравшихся разбежаться в разные стороны гвардейцев — Наше единственное спасение в городе! Назад нам не повернуть, а всё вокруг столицы будет разбомблено! Только в город! За мной! — он сам прыгнул за руль лимузина, быстро вышвырнув из него останки водителя и вдавил педаль газа изо всех сил.

Колона двинулась.

— Подними верх! — истерично орала Королю на ухо Зайчиха, а заяц забился под сидение.

— Дура! — хохотал Его Величество — Ты ещё зонтиком прикройся!

Золотые слитки сыпались с неба градом, выбивая воронки в сырой жирной земле, вслед за ними обрушивались обломки самолётов, и, вновь, золотые слитки!

У одной из машин слиток разворотил двигатель, следовавшие за ним, в панике, вместо того, что бы спокойно объезжать, поыворачивали на обочины, и понеслись в разные стороны, подпрыгивая на кочках и завязая в грязи.

— Идиоты! — высмеял их Король, увидев этот манёвр в зеркало заднего вида.

И был прав, вероятность попадания золотым снарядом для убежавших поперёк дороги кратно возрастала. Не прошло и пары минут, как все поддавшиеся панике, потеряв все автомобили, пытались спастись на своих двоих, но всех их, вскорости, накрыло смертоносным золотом.

Золотые слитки нещадно громили все округи столицы, создавая из них лунный пейзаж.

Один слиток, прошил насквозь багажник королевского лимузина. Машина вздрогнула, как живая, а Зайчиха, с безумным писксом, полезла под сиденье к брату, пытаясь прикрыться его тщедушным телом.

Короля же золотом было не удивить — он крепко держал баранку, борода его развевалась на ветру, зубы щёлкали — глазища свёркали, он весело гоготал, наблюдая в зеркало, как разносит очередную машину из армейской колонны.

Через две — три минуты королевский лимузин влетел на столичные улицы, Его Величество ознаменовал это дело длительным зажатием клаксона.

Зайцы, поняв, что опасность миновала, выбрались из своего убежища и вертели головами по сторонам.

Сбавив скорость, они ехали по широченной дороге окружённой строями железобетонных небоскрёбов упирившихся макушками в небеса.

Улицы и переулки были совершенно пустынные, на них не было ни души, даже в больших, с человеческий рост окнах, не была ни одного любопытного лица.

— Однако, что — то нас тут не особо встречают, — с подозрением произнесла Зайчиха, а Заяц, испуганно сглатывал слюни.

— Да кому вы нужны без меня? — Король презрительно хмыкнул и, привстав, оглянувшись назад, что бы хоть на глаз, оценить примерное количество потерь.

Великая королевская армия изрядно поредела, около одной её трети полегло под беспощадной золотой бомбардировкой, что не могло не порадовать государя, ведь, теперь можно было меньше заплатить.

— Потерь нет! — констатировал Король ущерб нанесённый армии.

— Да выходит и ты — то не сильно кому — нибудь нужен, — заметила Зайчиха — что — то я не вижу, что бы тебя приветствовали восторженные массы.

— Должно быть стесняются, — предположил Король — бояться, что я их ругать буду. Кстати, правильно боятся.

— Смотрите! — воскликнул Заяц и указал на стоящую на перекрёстке маленькую худую фигурку с толстой сумкой через плечо.

Фигуркой оказался чумазый мальчик, со стопкой свежих, только отпечатанных газет. Он сам подбежал к лимузину, подал Зайчихе один экземпляр, не спросив за это никаких денег, и, поклонившись, убежал.

Зайчиха, несколько удивлённая, развернула издание и зачла с первой полосы:

— Редакция нашей газеты спешит поздравить всех жителей столицы и всего королевства с радостным и знаменательным событием! Сегодня Его Величество Король Многоземельный, наш законный государь и повелитель торжественно вернулся в свою столицу! Ура!

— Видите, — с самым равнодушным видом сказал Король — я же говорил, что меня здесь ждёт торжественная встреча.

— Так где же встречающие? — Зайчиха поглядела по сторонам и, действительно, увидела, как построившись цепочкой, из переулка выходят какие — то люди, каждый из них держал в руках по транспоранту с приветственным лозунгом.

Это начинали подводить первых бюджетников.

Школы, профессиональные училища и высшие учебные заведения, только успели получить разнарядки и начинали гнать своих питомцев и преподавательский состав для праздничного въезда Его Величества.

Пустынные улицы постепенно заполнялись шумными толпами. Появились и милиционеры, взявшиеся за регулировку проезда, с целью обеспечить колонне королевской армии беспрепятственный проезд, и, попутно, хватавшие всех кто осмеливался открыто высказывать недовольство возвращением государя.

Отточенные социальные механизмы быстро отойдя от шока из — за внезапно сменившейся власти, завертели в многолетнем настроенном ритме. Люди дружно

выстроились по обеим обочинам дороги и, как было велено начальством, душевно приветствовали Короля.

Его Величество, с абсолютно равнодушным видом, восседал уже на заднем сидении лимузина (за рулём его сменил член рядового состава), он устало зевал, демонстрируя, как ему докучает этот всеобщий восторг от его появления.

Заяц же, наоборот, стоял во весь рост, сверкая орденами, и приветственно помахивал лапкой в ответ на ликующие крики.

Зайчиха просто сидела, закутавшись в шубу и грызла край мундштука, так как сигареты у неё вышли.

Народ ликовал!

* * *

В большом тронном зале украшенном гобеленами с королевским гербом, под десятью хрустальными люстрами с позолотой негде было яблоку упасть. Живое море людей — все в роскошных костюмах, сверкая драгоценностями и жемчужными улыбками ожидали каждый своей очереди на честь засвидетельствовать Королю многоземельному своё низкоподданическое расположение. Они скопились в дальней половине зала и по очереди, кто с супругой или каким другим родственником, по выкрику церемониймейстера, переходили по узкой красной ковровой дорожке тянувшейся через вторую половину зала к подножию золотого трона, на коем, под алым балдахинном, восседал Его Величество.

— Его превосходительство — королевский прокурор и его превосходительство сенатор верхней палаты парламента! — церемониймейстер ударил окованным концом посоха по мраморному полу, вызывая на поклон к государю сразу двух влиятельных господ, ибо были они братьями.

Два толстых увальня, с зализанными гелем седыми волосами, затянутые в костюмы от Версаче, с рыцарскими лентами через плечо, да с орденами, размером с блюдце, за усердную службу на благо отечества, робко вышли вперёд, и взяв друг друга за потные ладошки, быстро перекрестились и, вперевалочку, как две жирных уточки, заковыляли по красной дорожке, помеж двух рядов королевских гвардейцев — усачей в меховых шубах.

Его Величество вальяжно раскинулся на троне, выставив вперёд одну ножку в алых панталонах и белых чулках, он поигрывал носочком усыпанной бриллиантами тифельки (тяжёлые уродливые пынеходы он забросил).

Выражение лица у Короля было утомлённое, он с самого утра принимал желавших облобзать его руку, а стоявший рядом Заяц, в парадном кителе, обтирал королевскую руку после поцелуев батистовым платочком. На плече у августейшего примостилась педерастическая обезьяна, в лапах у неё была толстая пачка денег, часть из которых уже была у примата в пасти, и обезьяна, тщательно работая челюстями, пережёвывала излюбленное лакомство.

— Любопытно куда это моя сестричка — шельма подевалась? — разговаривал Заяц с государем, натирая ему ручку перед предстоящим целованием.

— Соскучился? — лениво спросил Король.

— Что ты! — Заяц закончил вытирать руку и провёл рукавом по наградам на кителе, ему показалось, что они, слегка, запылились — просто предпочитаю точно знать где она

находится, для собственной же безопасности.

— Так она получила от меня маленькое имение с пятью десятками хлопков, — Король внимательно разглядывал медленно приближавшихся к трону двух толстяков — и, представь, сразу его продала, и, последнее что я о ней слышал, купила билет на поезд следующий на загнивающий запад.

— Вот же сука, — огорчённо произнёс Заяц — а обещала, что меня управляющим надзирателем к себе возьмёт.

— Опять тебя обманули, — без малейшего сочувствия сказал монарх.

— Я бы на её месте тоже так сделал, — признался Заяц.

— Не бойся, я тебе при дворе местечко найду, — пообещал Зайцу августейший и протянул подошедшим, для поцелуя, руку.

Сенатор страстно припал бескровными холодными губами к пухлой королевской руке, укрытой искусно вышитым манжетом.

Не менее, а то и более жарко припал к королевской руке королевский прокурор.

Когда целование окончилось, Король передал руку Зайцу под протирку, а сам, искосо глядя на не смевших поднимать головы чиновников, с притворным сомнением спросил:

— А что господа, не виделись ли мы с вами как — то вечером в леску? Не припоминаете?

Чиновники побледнели ещё сильнее, и не находясь, что ответить упали, уткнувшись лбами в пол у ног Короля.

— Прости нас, Величайший! — молили они — Ты же тогда, как холоп был, а мы в своих угодьях любого хлопа замордовать вольны! К тому же и пьяненькие мы были! Сжался над нами, мы будем тебе верно служить, пока ты при власти!

— Ну ладно — ладно, — Король сделал милостивый жест рукой — будет вам! Если я благородных господ казнить стану налево и направо, то кого же мне тогда на должность ставить? Не холопов же!

Сенатор и прокурор угодливо захихикали.

Король склонился над ними — дал каждому по пощёчине и отпустил со словами:

— Проваливайте, сукины дети!

Сенатор и прокурор поползли задом, волоча грузные животы по ковровой дорожке и прокурор тихонько прошептал сенатору:

— Если его ещё раз свергнут — мы с ним поквитаемся.

Сенатор согласно кивнул.

Король откинул на подлокотник трона край горностаевой мантии и спросил у Зайца:

— Ты не слышишь, будто какой — то надоедливый шум?

Заяц прислушался — нет, в зале царила полная тишина, никто не решался и слова вымолвить.

— Ничего не слышу, — сказал Заяц.

— Это потому что у тебя ушей нет, — указал на заячий недостаток Король — а я вот слышу, будто на улице шумит кто — то, ступай, узнай, что да как, и накажи всех кого поймашь.

Заяц отсалютовал, приложив лапу к козырьку фуражки, и удалился, поставив пока на своё место лакея, дабы временно исполнял его обязанности.

За разговорами с Зайцем Король пропустил поимённое представление уже шедших к нему господ.

Перед троном предстали, склонившись в поклоне, маленький человечек с плоским лицом от подбородка до лба изуродованном чудовищными шрамами, рядом с ним стояла юная златоволосая дама в роскошном платье и тяжёлом бриллиантовом колье на тонкой бархатной шейке.

— Подними голову, — повелел Король даме и внимательно взгляделся в её порозовевшее от смущения личико — Кого — то вы мне, мадам, напоминаете. А не доводилось ли мне гостевать в вашем доме? — спросил Его Величество.

Юная особа залилась ещё более густым румянцем и скромно пряча глаза, созналась:

— Всё верно, Ваше Величество, вы соизволили оказать честь нашему дому, погостив у нас три незабываемых дня! — она быстро подняла глаза на Короля, в них стояли слёзы искренней благодарности — Вы принесли настоящее счастье в наш дом!

— Припоминаю — припоминаю, — закивал Его Величество — ты, если не ошибаюсь, мечтала стать королевской супругой, верно?

— Почти так, Ваше Величество, — признала юная дама — но с маленькой поправочкой, супруг не обязательно должен быть королевских кровей, у меня нет по этому поводу никаких предубеждений, мне не важно его происхождения, главное что бы человек был хороший, вот... И богат, как король.

— И правильно, — поддержал Его Величество — давно пора отказаться от подобных пережитков старины и жить по — современному! Товар в обмен на деньги! — он улыбнулся — Но и как же ты обрела своего супруга?

— Я же говорю — всё благодаря вам! — юная прелестница не удержалась и припала в благодарственном поцелуе к королевской руке — Вы же приехали к нам на угнанной машине! А её владелец розыскал свою собственность — так мы и познакомились!

— Что ты говоришь! — Король покачал головой — Так сей почтенный старец и есть твой супруг?

— Да, это я, Ваше Величество, — тихо произнёс досели державшийся максимально незаметно маленький человечек и робко поднял голову, демонстрируя лицо иссечённое огромным количеством шрамов — мои молодцы разыскали угнанный у меня автомобиль и взяли под арест троих местных жительниц, у которых автомобиль и был обнаружен. Я их, ясное дело, на самоличной допрос с пристрастием — так и мы и познакомились, — он нежно улыбнулся своей юной супруге.

— А куда подевались та мерзкая старуха и наглая маленькая девчонка? — Король поглядел в зал, словно удивлённый, что те не пришли.

— Так я их в темницу бросил, — снова улыбнулся молодожён — на пожизненный срок!

— Зато меня в жёны взял! — юная дама нежно взяла супруга под руку — Теперь я законная супруга начальника тайной полиции. Пятая.

— Пятая? — переспросил Король — Это что ж ты, любезнейший, столько раз разводился?

— Что вы! Как можно! — опроверг постыдные подозрения в свой адрес начальник тайной полиции — Все при мне. Гарем — с!

— Ага, — понимающе произнёс Король — а что у тебя с физиономией приключилось? Никак цилиурник неудачно побрил?

— Нет, Ваше Превеликое, — смущённо покачал головой начальник полиции, уже понимая к чему клонит Король — несчастный случай вышел. Я с преданными сотрудниками в бассейн с хищными рыбками провалился. Один я выжил. Всех остальных рыбки порвали, а

на мне — отравились.

— Отравились говоришь, — Король намотал край бороды на палец — так ты же, голубчик, ядохимикатами хотел и меня травить? Думал, что я не припомню?

Педерастическая обезьяна злобно оскалилась на начальника тайной полиции, испражнилась в ладошку и швырнула содержимое в лицо королевскому обидчику.

— Простите, — пролепетал начальник тайной полиции, не смея обтереть лица — поймите, работа такая — с...

— Да понимаю, — Король сделал успокаивающий жест — возможно и мне понадобится кого — нибудь отравить. Так что ты мне ещё пригодишься.

— Только прикажите, Ваше Величество! — начальник тайной полиции ударил себя в грудь — я для вас любого ядом накормлю! Полные кальсоны насыплю! Ведь вы знаете, Ваше Превеликое, что лучшее дело — это пару вёдер отравы в кальсоны всыпать и выставить на мороз!

— Вижу, ты свое дело знаешь и любишь, — улыбнулся Король, и опустил лапу обезьяны, которая собиралась запустить второй порцией фекалий в начальника тайной полиции.

— Обожаю! — сознался тот — С детства всех травил! Это именно я разработал и научно обосновал наивысшую эффективность кальсонного протрава. Под контролем специального НИИ исследования проводились — пошли сто мужиков в баню мыться, а я им всем в трусея химиката засыпал!

— И чем эксперимент закончился? — поинтересовался Король — Всех перетравил?

— Не совсем, — начальник тайной полиции с грустью опустил обезображенную голову — меня поймали и побили. Так и не удалось мне докторскую защитить.

— Не расстраивайся, — утешил его государь — у тебя ещё будет такая возможность. Ступайте, — он лёгким жестом руки отпустил начальника тайной полиции и его молодую пятую жену.

— Главный полицеймейстер королевства! — проквалкал церемониймейстер и трижды ударил посохом по полу.

У Короля свело скулы, ему уже хотелось переломать этот посох на спине стукача.

На красную дорожку вышел человек в парадной милицейской форме, орденов и прочих наград на груди его было пожалуй, даже, больше чем у Зайца, а на бедре красовалась позолоченная праздничная дубинка, как символ беспощадной милицейщины.

Подойдя к трону, главный полицеймейстер, снял голубую фуражку и встал на колени перед королём.

— Для меня честь склониться перед моим королём! — отчеканил он — Я всегда был вам предан, и всё время вашего незаконного удаления от трона продолжал служить вам, всеми силами приближая сегодняшний день! В моём лице вы, Ваше Величество, имеете самого верного слугу, который будет с вами, как в дни славы, так и в дни забвенья! Клянусь честью!

Король слушал все эти излияния в пол уха, попутно кормя обезьянку пачкой английских фунтов, к которым она питала особую слабость, а та, в благодарность, откинув локон белоснежного королевского парика, запустила лапу ему в волосы и искала там паразитов.

— Это всё? — спросил Король у полицеймейстера, даже, не глядя на него.

Тот расстерялся и, не зная как ответить, склонился ещё ниже.

— О твоей преданности своему законному повелителю мне известно не понаслышке, —

Король, наконец, обратил свой взор на полицеймейстера, и в глазах его сверкнул недобрый огонёк — ведь именно ты вызвался сделать контрольный выстрел в своего государя.

Полицеймейстер затрясся, зубы его застучали, фуражка выпала из рук. Он, со всего маху, шлёпнулся на пол и растянулся, выпростав руки и ноги.

— Простите старого дурака! — взмолился он, кусая ковровую дорожку — Я же тогда был в умат пьян! Я, вообще, заядлый алкоголик! У меня приступы белой горячки каждый месяц случаются, меня бы в клинику изолировать надо, да никто не смеет, я же полицеймейстер — не позволяю! Это всё проклятое зелье виновато, оно меня постоянно с пути праведного сбивает! Водка виновата — не я! А у меня при моей слабости к тому же оружие имеется, разве так можно? Ясно же, что я напьюсь и начну стрелять! На прошлой неделе я троих так укокошил. Вообще ни за что! Меня, даже, судить осмелились! Но, как только на суде стало известно, что я был пьян — меня сразу оправдали. Нельзя же судить человека, если в момент совершения преступления он был не трезв! Тем паче если он — главный полицеймейстер королевства!

— Так это была водка виновата? — спросил Король.

— Она! — полицеймейстер ударил кулаком по полу — Проклятое зелье подвело!

— По — моему оно виновато лишь в том, что тебе не удалось выполнить задуманное, — предположил Король.

Полицеймейстер затих — не знал, что ещё придумать.

— Ты пойми, — продолжал Его Величество — я, конечно, ценю людей преданных трону, но должен же я, в честь восстановления на престоле, хоть кого — то значимого казнить. Иначе как подданные почувствуют, что истинный король вернулся на трон?

— А можно обойтись без крайностей? — умоляющим голосом спросил полицеймейстер.

— Никак, — отрицательно покачал головой Король, а обезьяна, в подтверждение его слов, нервно запрыгала на королевском плече, издавая угрожающие звуки — сейчас, только, придумаю для тебя что —нибудь пострашнее.

По залу протупотели мягкие лапки — это вернулся Заяц и, забрав у хлопа платочек, принялся отирать им руку государя.

— А, это ты, — очнулся от прикосновения Король — ну что, выяснил?

— Ага, — кивнул Заяц.

— И что? — спросил у него Король, раздражённый тем, что приходится переспрашивать по два раза.

— Да ерунда, — Заяц поплевал на платок и собирался им протереть королевскую руку, но тот вовремя её отдёрнул — говорю же, ничего особенного. Чернь расшумелась, всего — то делов, — пожал плечами косой.

— Что значит «чернь расшумелась»? — Король выровнялся на троне — Кто позволил?

— Да никто, в общем, и не позволял, — Заяца удивляло такое сурьёзное отношение Короля к такому пустячному вопросу — просто они узнали, что ты сегодня устраиваешь приём и пришли под ворота просить у тебя хлеба, а когда им ответили, что ты не изволишь к ним выходить — они сломали ворота и всей толпой завалились на площадь пред дворцом.

— Я — Король! — сверкнул глазами Его Величество — У меня нельзя ничего требовать!

— Так они и не требуют, — напомнил Заяц — они — просят.

— Ну и этого, тоже, не дозволенно, — слегка смягчился августейший — ишь ты! Наши,

где попрошайничать. Им должно быть известно — я милостыни не подаю. Если они хотят есть — пускай идут трудиться! Я, вот, всю жизнь, в неустанных трудах, потому и стол у меня отменный. А они — лодыри. К тому же ещё и скареды. Хлеб — это не икра, он гроши стоит, могут пойти и купить. Насколько мне известно пекарни наши этот самый хлеб выпекают в изрядном количестве. Муки в королевстве, тоже, предостаточно. Великолепная мука! Из опилок и целлюлозы. Чего же этим скотам не хватало?

— Да, в принципе, они были всем довольны, — Заяц попытался остудить разгорячившего Короля — много ли хлопам надо? Хрючела какого — nibудь, из помоев, полная миска да сухарь — вот и вся ихняя радость, что взять с таких уродов? Но тут, ввиду того что Твоё Величество изволило вести завоевательную войну в королевстве...

— Освободительный спецпоход, — исправил его Король.

— Он самый, — соглашался Заяц — так вот этой нестандартной ситуацией тут же поспешили воспользоваться дельные и толковые люди с коммерческой жилкой, сторонники свободного рынка.

— Можно попроще? — вздохнул августейший.

— Можно, — не отказал косой — цены на продовольствие подняли до невиданного доселе уровня, объясняя это тем что, мол, спецпоход, сами понимаете, грех не нажиться. Ну а цена, которая единожды была поднята вниз не опускается никогда — такой он, прозрачный рынок.

— Вот почему я должен это всё знать? — простонал король, театрально закатывая глаза, как это любила делать его супруга — Мне это на зачем? Я сижу себе во дворце — кушаю белужью икру, почему я должен выслушивать жалобы каких — то холопов, до которых мне никакого дела нет?

— Ты же сам посылал меня узнать... — оторопел Заяц.

— Я посылал тебя, что бы заткнул им рты и выпроводил вон, — капризничал Его Величество, а обезьяна на его плече, улавливая настроения хозяина, корчила безобразные гримасы.

— Как я это сделаю? — оправдывался Заяц — Их там тьма тьмушая. Мне, как — то, уже хамы намяли бока, повторять никакого желания не имею.

— Ах, — Король в отчаянии запрокинул голову — кто же избавит меня от этих скотов!?! — простонал он.

— Я! — раздалось с полу.

Король уже совсем забыл про растянувшегося на ковровой дорожке главного полицеймейстера королевства.

— Ты? — с недоверием спросил Его Величество — И как ты собираешься это сделать? Твои — то архаровцы где сейчас? Пока они соберутся, пока сюда доедут — долгая песня получается.

— Зачем мне кто — то? — полицеймейстер подскочил на колени и, сняв с пояса дубинку, угрожающе ей потряс — Да вы, Ваше Превеликое, извольте только приказать — я скотов в один миг изгоню! Будь на то Ваша воля!

— Ну что ж, — произнёс Король уже более мягко — дерзай, я позволяю. Справишься — помилован будешь и на должности останешься. А — нет...

Полицеймейстер не стал дослушивать, что будет с ним если не справится, ибо и так это хорошо знал и, задрав над головой дубинку, стремглав выбежал из тронного зала, придерживая на голове фуражку, дабы не слетела.

— Любопытный персонаж, — промолвил глядя ему вслед Король — я, ведь, когда подписывал ему назначение, даже, в глаза его самого не видал. Кто — то за него словечко тогда замолвил, я и подписал.

— А разве это разумно? — спросил удивлённый Заяц.

— Конечно, — ни секунды не сомневаясь ответил Король — я, тогда, за хорошие деньги эту должность продал. Но вот мне любопытно, неужели он справится. Если не справится, тоже не плохо, можно будет ещё раз должность продать. Но пойдём всё же взглянём на это зрелище, — он поднялся с трона, перебросил подол длинной мантии через руку и прошёл через зал, цокая каблучками туфель по мрамору, к выходу на балкон.

Лакеи отворили ему дверцу и Его Величество вышел на широкий и длинный, как взлётная полоса, дворцовый балкон — сад, стоявший на двенадцати колоннах.

Заяц, позвякивая орденами, скакал рядышком.

Обезьяна швырялась в лакеев фекалиями.

Король подошёл к высоким перилам и возложив на них руку, взглянул вниз.

Дворцовая площадь была залита людским морем, шумным и крикливым.

Хлопы, увидев своего государя, сперва замерли — не веря такому счастью, а затем площадь и самые стены дворца потряс ликующий приветственный крик толпы. Шапки, поношенные и дырявые, взметались в небо:

— Виват Его Величеству Королю Многоземельному! — кричала толпа, принявшая появление Короля, как знак, что цены на хлеб таки будут снижены.

— Какие корыстолюбивые ничтожества, — всё понял Король — за жалкую булку хлеба готовы любого приветствовать.

— Дрянь, а не люди, — согласился Заяц, он влез на перила и свесил задние лапки — я за булку кланяться бы не стал. За солидные деньги или, что бы должность пожаловали для кормления — это можно. А за булку хлеба — нет. Зачем? Я же не голодный.

В этот момент толпа испуганно закричала и подалась назад.

Поначалу Король и Заяц не видели что происходит и только могли слышать испуганные крики в толпе:

— О, Боже! Это — милиционер! Спасайся кто может! Нам конец!

А потом из — под балкона выкатился главный полицеймейстер королевства, сверху он был похож на шарик, и Король с Зайцем узнали его только по голубой фуражке.

Он смело кинулся на толпу, орудуя дубинкой — люди бросились от него бежать, но в толпе они падали, топтали друг друга, спеша скрыться с площади.

Холопам ещё сильно везло, что полицеймейстер, едва сделав с десятков шагов, останавливался, хватаясь за сердце, и с пол минуты стоял, переводя дух.

Толпа медленно, словно жила, вытекала с площади на аллеи, меж строёв кипарисов, ведшие к воротам, и нужно отдать им должное, ни один, даже ради спасения собственной жизни, не посмел побежать по газону, а когда им приходилось, в давке, запрыгивать на скамейки, они, предварительно, снимали с ног башмаки.

Вот такой удивительный народец достался в управление Королю Многоземельному.

А главный полицеймейстер, как не медлителен был, всё же смог наловить пару десятков смутьян. Делал он это по принципу игры в латки — стоило ему коснуться хоть пальцев кого — то из убежавших, как тот останавливался, и не смел уже двигаться с места, считая себя арестованным.

Картина выдалась презабавная и принесла много удовольствия Королю, а Заяц, даже,

захлопал в ладоши. Если бы он знал, что так можно ловить холопов — он бы и сам, с удовольствием, погнался за ними. Тем более, что после излова, пойманных полагалось предать пыткам.

— Славно — славно, — приговаривал Его Величество повиснув на перилах.

— Кстати, — внезапно обратился к нему Заяц — ты тут обещался, что должность мне при дворе подышешь. Можно мне что — нибудь наподобие этого, — он указал пальцем на полицеймейстера ведшего арестованных хлопов.

— Нет, такую нет, — покачал головой августейший — у тебя будет более ответственный пост.

— Какой же? — от любопытства у Зайца даже перестали течь слюни.

— Будешь придворным шутком, — обрадовал его Король.

— Что? — с Зайца спала фуражка.

— Не надо благодарностей, — сразу отмахнулся Король — меня всё время забавляло, как ты потешно танцуешь, так что теперь это будет твоим повседневным призванием. Завтра пойдёшь к королевскому портному, что бы с тебя сняли мерку.

— Это ещё зачем? — Заяц удивлялся всё больше.

— Как зачем? — Король выпрямился и строго поглядел на косого — Шутовской костюмчик на тебя сошьют, с бубенцами и погремушками. Будешь кривляться на потеху придворным, а за это тебе будут швырять куски с королевского стола.

Заяц скис.

— Нет, если не хочешь, я не наставаю, — смягчился Король, заметив не радужное настроение Зайца — бери узелок под мышку и можешь быть свободен. У меня на такую должность пол королевства желающих. Стол, кров, зимой — тепло, летом — прохладно. Да любой холоп на такое место за милую душу заскочит. Они за меньшее и не такие издевательства претерпевают.

— Ну почему же сразу не согласен? — спохватился Заяц, утирая с физиономии фекалии, которыми в него швырнула обезьяна — Просто я ожидал чин повыше получить, но и от этого отказываться не стану. А что делеть? Да, придётся пресмыкаться перед старшими, смеяться вместе с ними над собой, а кому можно, тому и булавкой под задницу кольнуть, короче, обычная должность, ничем от иных не отличается.

Ещё поглядев с балкона на то, как главный полицеймейстер отправил арестованных хлопов в милицейское отделение (отправил в буквальном смысле слова — приказал им идти туда и они пошли), Король и Заяц вернулись в тронный зал.

При появлении монарха все гости синхронно сглотнули.

Королю показалось, что у него тянет правую руку. Он поглядел на неё. Под кружевами манжета налился разноцветный синяк в форме губ.

— Эдак они меня меня за день искалечат, — пробормотал он про себя Король и, повернувшись к толпе гостей, объявил им — на сегодня выражений преданности достаточно! Все кто не упел, смогут приложиться к королевской руке на следующее неделе.

Гости разочарованно загудели.

— Баста! — прикрикнул на них августейший — Я, хоть, и совершенное создание, но и мне нужен отдых. Так что мы отложим все дела и на славу покуралесим! — он ударил в ладоши и, почти под самым потолком тронного зала, на изящном балкончике, появились две большие музыкальные колонки. По гудению, исходившему из динамиков, явствовало, что колонки включены. А затем, на том же балконе появился популярный эстрадный

исполнитель Многоземельного Королевства, он поприветствовал публику, поклонился Королю, рассыпаясь в длительных комплиментах в адрес Его Величества, пока, наконец не надоел тому позарез.

— Пой, скотина! — Король топнул каблучком.

Исполнитель, от страха даже не дождался, когда заиграет фонограмма и, вцепившись в микрофон, брызжа слюной заорал куплет популярной танцевальной песни:

— Чита — дрида,

Гоп ца — ца!!!

Лапца — дрица,

Уп ца — ца!!!

Лакеи закатывали в тронный зал столики с шампанским и закусками.

Намечалось грандиозное веселье.

— А ну — ка, полюбуйтесь какого шута я добыл во время странствий! — похвастал перед гостями Его Величество, вытолкнув вперёд Зайца — Давай — ка, косой, спляши! Позабавь нас! — приказал августейший.

Заяц вздохнул, но ничего не поделаешь, должность есть должность и она обязывает.

Косой сорвал с безухой головы фуражку и, хлопнув ею об пол, пустился в пляс.

Гости образовали вокруг плясуна широкий круг и покатывались со смеху, глядя на трясущуюся, как у паралитика голову старого зверька, на его кривые кульбиты, и особо ухахатывались, когда он неловко падал, звеня орденами, и пытаясь быстро подняться, падал ещё смешнее.

Один Король пока не смеялся.

У него для гостей был уготован ещё один сюрприз.

— Вижу вам понравились глупые кривляния моего шута! — и Король, под общие одобрительные аплодисменты, поднял бокал с шампанским — Но знайте, кто его не перетанцует, тот попадёт ко мне в опалу!

Гости на секунду замерли, до них доходил смысл сказанного, а когда дошёл, они, задрав юбки и поскидываяв сюртуки, одновременно ударились в дикий пляс. Визжали и блажили, закидывали ноги выше головы, выдавали неповторимые по безумию пируэты.

— Слабенько — слабенько, — Король прихлёбывал шампанское.

В этот момент обезьяна спрыгнула с королевского плеча и приземлилась прямо в центр пятиярусного белого пушистого торта, превратив его в кашу, и стала поедать его, запихивая сладкие куски в пасть, тут же, в остатки торта она испражнялась, перемешивала всё это и продолжала есть.

— Ну что вы, живей не можете? — подзуживал Король гостей, а те, только что из кожи не выпрыгивали, пытаясь угодить государю — Мне кажется я знаю, что вам может помочь, — монарх хитро улыбнулся — тут как раз дипломатический борт прибыл и кое что привёз!

Он взмахнул платочком, подавая сигнал, и из — под потолка, выдуваемый через решётки вентиляции, в тронный зал посыпался ослепительно белый снег, он кружил между люстрами, налипал на хрусталь, и медленно оседал на головы почтенной публики.

— Да это же венесуэльский снег! — не веря в такое счастье, закричал один из гостей, которому этим самым снегом запорошило всё лицо.

Гости, с истошными визгами, стали ловить полные пригоршни венесуэльского снега и, блаженно фыркая, зарывались в него лицами.

Король оказался прав, снежок придал празднеству необыкновенной бодрости и размаха!

Плясали на головах, плясали стоя друг на друге, некоторые впадали в такой раж, что выбегали на балкон и спрыгивали с него напрямик на дворцовую площадь и, пока, лакеи догадались растянуть тент, что бы ловить развеселившихся сверх меры гостей, уже многие из них успели совершить последний в жизни прыжок.

Сам Король, сбросив с себя мантию, пустился в пляс! Гости, схватившись за руки, бешеным галопом, водили вокруг августейшего хороводы в семь кругов.

Его Величество выплясывал так, что сломал каблуки на туфельках! Сбросив обувь он продолжал выпрыгивать в одних чулках, а белый напудренный парик он вертел в руке над головой!

И на всё это сыпался и сыпался белый чистый венесуэльский снег...

Королевская опочивальня. Огромная. Вся заставленная мягкой мебелью, так что и пройти трудно. Толстые тяжёлые шторы на высоких, от полу до потолка, окнах, задёрнуты, потому яркий дневной свет почти не проникает сквозь них, оставляя комнату в приятном полумраке.

Посередине широкой кровати с балдахином распластался Король в одних панталонах, из его распахнутого рта вырывался могучий храп, сотрясавший комнату.

Королевская постель была измята, подушки разбросанны, а одеяло сброшено на пол. Очередной, но особо сильный приступ храпа свёл спазмом пересохшее королевское горло и Его Величество, закашлявшись, резко проснулся.

Открыв глаза он водил им по комнате припоминая события прошедшего вечера, но удавалось ему это лишь отрывками. Он подумал, что хорошо бы сейчас освежиться парой бокалов шампанского, но для этого как — то нужно вызвать лакея.

Где же колокольчик для прислуги?

Король припомнил, что когда постельничьи раздевали его перед сном он швырнул напоследок в одного из них тот самый колокольчик, так что он, сейчас, валялся где — то на полу, утопленный в высокой ворсе мягкого ковра.

Неужели придётся подниматься самому?

Король поглядел по краям кровати, прикидывая к которому он ближе.

С права, на самом краю, спал, пуская слюни на шёлковую простынь, Заяц, он был без своего генеральского кителя, а в лапе сжимал пустую бутылку из — под коньяка, весь нос у него был перепачкан венесуэльским снегом.

— Вот же какая сволочь, — подумал Король про Зайца и хотел было столкнуть его ногой на пол, но кровать была до того широка, что он не мог дотянуться до спящего Зайца даже большим пальцем ноги, как не старался. Короче, правый край был слишком далёк, оставался левый. Король с трудом повернул гудящую голову налево. Да, тут было поближе, но имелись определённые преграды. На одной из подушек сидела обезьяна, она где — то отыскала деньги, и набрав их полные жмени, с аппетитом уплетала за обе щёки, а ещё она обгадила всю простынь вокруг себя.

Король прикинул, на какую сторону ему перекатываться — направую, выходило далеко, а если через левую перебираться, весь испачкаешься.

Его Величество выбрал короткий путь.

Перекувыркнувшись через бочок раза три, он достиг края ложа и свесил ножки на пушистый ковёр. Тут же его большую плоскую стопу обожгло неприятным холодом, он отёрнул ногу и увидел под ней тот самый золотой колокольчик для вызова прислуги.

Государь поднял колокольчик и настойчиво зазвонил, но, вопреки ожиданию, через секунду дверь в опочивальню не открылась и ленивые лакеи не вбежали, дабы предоставить себя требованиям повелителя.

— Однако, — отметил монарх — пока меня не было челядь совсем распоясалась, — он снова позвонил, но результат от этого не изменился — суки ленивые, — выругался Король и кряхтя поднялся с толстой перины и ступив пару шагов, упал на резной стульчик у трюмо с зеркалом.

Августейший поглядел на себя в отражение — волосы дыбом, борода всклокоченна,

мешки под глазами, щёки висят, как пустые мешки и весь перемазан обезьяньими испражнениями — в общем, по — прежнему, красив.

Внимание Величества привлёк лёгкий розовый аромат, который был хорошо ему знаком.

Он взглянул на столик — перед ним лежал большой белый конверт от которого и исходил чарующий аромат. Король быстро сломал сургучную печать и вынул из конверта самое послание.

На плотном листе качественной бумаги, с витееватым вензелем в левом верхнем углу, была изображена символическая форма сердца, а под ним, стоял чёткий отпечаток губ алой помадой.

Всё ясно! Король с победоносным видом откинулся на спинку стула. Это писала Фея! По всей видимости она прознала, что Король вернул себе законный трон, вот и решила подать о себе весточку. Содержание самого послания, тоже, было абсолютно не двусмысленным. Фея, конечно же знала, что Его Величество не знает грамоты, потому изложила всё в доступной для него форме. Смысл был прост — люблю, тоскую, хочу видеть!

Королю очень льстило, что он, уже вторично, смог покорить сердце волшебницы. Естественно для него не было секретом, что перед ним не устоит ни одна женщина, но получить осязаемое доказательство своей привлекательности, тоже, было приятно.

Он поглядел на стену, где, в золочённой раме, висел большой портрет маслом — Фея в обнажённом виде.

— Не сбылось твоё мрачное предсказание, — разглядывая картину, промурлыкал Король — я вернул себе королевство и правлю! Никудышня ты оказалась волшебница!

Он смял в ладони коверт и бросил им в портрет надменной колдуньи.

— Впрочем, нужно отписать ей, что бы приезжала ко двору, — замечтался Король — такая жемчужина должна быть украшением в королевской короне. Я, как величайший из мировых властителей, должен обладать всем самым лучшим, на зависть прочим государям и диктаторам. Бедет чем похвастать на международных приёмах... Стоять! — он хлопнул себя по лбу — Я же женат! — Король рассмеялся этой нелепой глупости — Кого это когда останавливало? Но я же, всё таки, действительно женат, и с этим нужно что — то решать, — он забарабанил пальцами по поверхности столика — Всё! Хватит это терпеть! — пришёл он к разумному выводу — Достаточно я настрадался в этом злосчастном браке, которого я, да видит небо, не желал ни секунды! От тестя я всё, что мог, уже получил, большего, как я имел удовольствие убедиться, он мне давать не намерен, так зачем же и дальше страдать? Пора, наконец, разорвать эти цепи! Развод! Да — именно развод! К этому давно шло! Правда, неизвестно где, вообще, носит ту с кем я желаю развестись, ну ничего. Суд это не остановит. Я буду свободен! Сейчас же велю прислуге, что бы вышвырнули её спальник из коморки под лестницей, — он, воодушевлённо, схватил колокольчик и принялся, со всей, мочи трясти им.

— Нет нужды шуметь. Никто не придёт, — вдруг раздался сухой неприятный голос.

Король замер, ища взглядом говорившего. Им оказался председатель клуба аллигаторов, меценат и известный гуманист — Амтих Амтихович. Он сидел в глубоком мягком кресле, неподвижный, как хамелеон, благодетель сливался с обстановкой, и в полумраке, был практически невидим, только его мёртвые змеиные глаза поблёскивали в полумраке, а ещё, что несколько удивило Короля, в когтях у Амтиха Амтиховича были его старенькие поношенные пынеходы.

— А — это ты! — облегчённо выдохнул Король — Что, не смог вчера попасть ко мне на поклон, думаешь теперь в неофициальной форме наверстать? Решил прислужить мне при облачении? Но ты ошибся. Во — первых: я больше не ношу подобное старьё, — он указал на грязные пынеходы, а во — вторых: нет, так не пойдёт. Всё должно быть публично. Омоешь мне ноги и поцелуешь руку. И тогда, возможно, я буду к тебе добрей.

— Я целую руку, только, королю, — вкрадчиво произнёс Амтих Амтихович.

— Ты так говоришь, будто я тебе предлагаю холопу ручки лобызать, — Король снова позвонил, в том что никто по прежнему не появлялся, вызывало у него некие неясные опасения.

— Да, именно это ты и предлагаешь, — сказал Амтих Амтихович.

— Что ты несёшь? Совсем спятил? — августейший трезвонил изо всех сил — Я свою руку соизволяю подать на целование, королевскую!

— Ты, никакой, не король, — тихо, но внятно произнёс Амтих Амтихович.

— Что ты посмел сказать? — Король опустил колокольчик, оставив его в покое — Да ты знаешь, что я с тобой за подобные речи сделаю? Да я, сейчас же, прикажу гвардейцам...

— Не сможешь, — не дал закончить угрозу Амтих Амтихович — не сможешь, потому что их у тебя больше нет.

— У меня нет? — опешил Король.

— Нет, — просто подтвердил Амтих Амтихович — не просто у тебя, а вообще — нет. Королевской гвардии больше не существует.

— Это невозможно! — монарх вскочил со стульчика — Я только начал выдавать им обещанную за победу награду, они не могли покинуть меня не получив её. На что бы им жить?

— Видишь ли, — начал Амтих Амтихович и Король заметил, что в его голосе нет должного чиновничества — благодаря твоему штурму столицы, если это можно так назвать...

— Нельзя! — отказал Король — Нужно говорить — «освобождению».

— Пусть так, мне без разницы, — согласился председатель клуба аллигаторов — так вот, из — за освобождения столицы, если ты заметил, имело место быть массовое крушение чартерных авиабортов, все с distinguished gentlemen and their families, с большинством, между прочим, по пять — шесть семей летело.

— Вместе в одном самолёте? — снова перебил августейший.

— Да разве ж они нищие какие, что бы всем вместе в одном самолёте лететь? — возмутился Амтих Амтихович — Нет, конечно! У каждой семьи отдельный борт. Это же тебе не холопы, которые гурьбой в один автобус набиваются. Фи! Это же так негигиенично.

— Кстати, я полагал, что ты был в одном из самолётов, — сказал Король, снова садясь на стульчик — тем более твоё отсутствие на вчерашнем приёме совершенно уверило меня в этом. Думал ты погиб. Ан нет! Вот он ты — живой и невредимый.

— Пора бы Твоему Величеству знать, что мы, члены благородного клуба аллигаторов, так легко не погибаем. На несчастный случай рассчитывать бессмысленно, да и на время тоже, мы, практически бессмертны. Мы были до тебя и будем после.

— После меня? — у Короля брови сошлись на переносице — После меня ничего не может быть! После меня погаснут все солнца и вселенная перестанет существовать, ибо она имеет свою физическую форму единственно потому, что является плодом моего сознания, и без меня само бытие прекратит своё существование, не станет ни времени, ни пространства,

всё обратится в ничто! Вы все — лишь рябь мимолётного сновидения зародившегося в моём сознании, одного из ряда бесконечных видений, краткой вспышкой посещающих самоё меня! Азь есмь сущее, бывшее и грядущее!

— Поживём — увидим, — не унывал Амтих Амтихович, снисходительно относясь к приступу величия у Короля, так как твёрдо знал, что, на самом деле, вселенная существует только для него и ради него.

— Вы у меня все ещё увидите! — пригрозил на всякий случай Его Величество.

— Не суть! Вернёмся к нашему разговору, — предложил Амтих Амтихович — как я уже, говорил, массовая авиакатастрофа повлекла за собой ещё более массовую гибель достойных господ, но, даже, когда господа нас покидают, после себя они оставляют многочисленные плоды своих трудов. Тысячи и тысячи дворцов под столицей лишились своих хозяев, а в общественном устройстве страны наметился коллапс, оно и неудивительно, выбита весомая часть самого лучшего социального пласта! Погибли лучшие люди государства. Страна оказалась на грани гибели. Нужно было срочно спасать положение. И я нашёл выход — раздать освободившиеся дворцы и имения королевским солдатам. Таким образом, сразу, свежим вливанием, была восстановлена популяция элиты страны. Правда это возымело определённые побочные результаты. Ведь гвардейцы, получив во владение такую недвижимость, автоматически, переместились в господствующий класс, а господа солдатами не бывают, разве, что — генералами, но не может же армия состоять из одних генералов? Так что изволь принять к сведению — у тебя больше нет армии.

Обезьяна доела деньги? — Перепрыгнула с королевского ложа на плечо Его Величеству, и просяще вытянула лапу, выпрашивая ещё угощение, но Королю было не до любимца.

— Кто разрешил вступать в какие — либо материальные отношения с моими гвардейцами?! — он ударил кулаком по столу с такой силой, что треснуло зеркало — Вмешиваться в устройство королевской армии — да это измена своему законному государю! За это — эшафот! Топор и верёвка!

— Прошу заметить — это, если именно «законному» государю, — сделал важное уточнение Амтих Амтихович.

— Не понял, — искренне сказал Король.

— Дело, видишь ли, в том, — змеиные глаза Амтиха Амтиховича вспыхнули злорадством — что сразу после роспуска армии, я подал на тебя заявление в высший суд страны, с требованием признать твоё восшествие на трон — узурпацией власти, с последующим отстранением тебя от оной.

— Ух! — только и получилось выдать из себя Его Величеству.

— Естественно наш (мой) суд встал на сторону закона, — Амтих Амтихович вынул из кармана блестящую золотую монетку — ты был признан нелегитимным правителем, узурпатором и постановлением суда отстранён от занимаемых обязанностей с пожизненным запретом занимать государственные посты. Всё твоё имущество было конфисковано и пущено с молотка, на что всё имеется соответствующий документ. Кстати, так как на аукционы заявку подал почему — то я один (даже не знаю отчего никто больше не захотел?), то, собственно, теперь я и являюсь владельцем всего этого, — он обвёл комнату глазами — а ты, в возмещение причинённого ущерба, тоже был выставлен на продажу, и я купил тебя. Ах, как недёшево мне всё это обошлось. Денег — то у меня нет, — Амтихович иронично усмехнулся — пришлось взять всё под реализацию. Когда перепродам — тогда и рассчитаюсь с государством. Целых пол грошика должен!

Король обомлел.

Амтих Амтихович слегка наклонился и протянув перед собой золотую монетку, позвал: — Макак — макак! — подманивал он обезьяну.

Уговаривать долго не пришлось.

Обезьяна, привлечённая ароматом золота, ни секунды не мешкая покинула королевское плечо, и уже стояла на задних лапах перед Амтих Амтиховичем, обнюхивая монетку в его когтистых пальцах, а потом, осторожно взяла её и, сунув за щеку, принялась посасывать, как леденец.

Угощение, по всей видимости, сильно пришлось примату по вкусу, потому что зверь сразу забрался к Амтиху Амтиховичу на колени, и обхватив его передними лапами за шею, положил ему на грудь свою уродливую голову.

— Э! — разгневался Король — Это моя обезьяна! Макак — макак! — позвал он к себе человекообразное, но обезьяна, только повернула к нему голову и показала толстый фиолетовый язык.

— Хорошо бы тебя табакеркой по темечку и вилкой в шею, да в заброшенную шахту сбросить — сказал Королю Амтих Амтихович — что бы в будущем с тобой никаких проблем не возникло. В идеале я и собирался так сделать, но...

— Что «но»? — вопрос о сохранение собственной жизни живо заинтересовал Короля.

— Но выставив тебя на продажу, я могу на этом поднажиться, — Амтих Амтихович жадно приплюмкнул — оно, возможно, что живым ты сможешь ещё доставить мне неприятностей, но как я могу отказаться от барыша? Как говорили обо мне древние — я готов продать верёвку на которой меня потом повесят, — он поднялся с кресла, спрятал пынеходы в карманы пиджака, и громко свистнул.

Дверь в опочивальню открылась и в неё вошли двое, гориллоподобной внешности, с коротко выбритыми затылками и крошечными глазками на широких скуластых лицах.

— Ведите его на аукцион, — Амтих Амтихович указал вошедшим на Короля — да и это, оденьте его хоть во что — то...

* * *

Зал, ещё вчера бывший тронным, сегодня сменил своё предназначение и стал аукционным. Он весь был заставлен стульями на которых расселись потенциальные покупатели с номерками на табличках, которые они поднимали в процессе торга.

Аукционист, стоя за трибуной, только что ударил молоточком трижды ознаменовав состоящуюся продажу очередного лота и лакеи унесли торговавшуюся китайскую вазу эпохи династии Тан.

— А сейчас, уважаемая публика, позвольте предложить вам последний на сегодня лот! — он сделал пригласительный жест и два лакея вывели из — за плотной ширмы Короля, облачённого в старую хламиду из мешковины. Выражение лица у Короля было хмурое, губы надуты, из под косматых бровей на зал с ненавистью глядели его чёрные глаза.

— Итак, как вы можете видеть, — затараторил аукционист — перед вами низложенный государь, бывший Король всего Многоземелья! Несомненно он будет очень полезным в хозяйстве предметом, который можно использовать как... — аукционист сбился, поглядел на перекошенное лицо Короля и ничего не придумав, закончил — а как именно его можно

использовать, вы уж изобретёте сами! Предлагаю начать со стартовой цены равнозначной ценности экспоната — три гроша! Дамы и господа — трёхгрошовый Король сегодня же может стать вашим! Прошу предлагать!

Но никто не предлагал.

Покупатели сидели молча, перебрасываясь между собой немymi взглядами. На заднем ряду кто — то прокашливался.

— Ну что же вы! Не стоит стесняться! — подзуживал публику аукционист — Может же и Король на что — нибудь согдиться? Ну что? Нет, никто? Внимание, аукцион снижает стоимость августейшего лота до смехотворных двух грошей! Дамы и господа — всего за два гроша вы можете приобрести себе в именье настоящего короля! Когда ещё выпадет такая возможность! Это же живая историческая реликвия! Лет через двадцать вы сможете продать его в музей за хорошую цену! Покупка Короля сегодня — это выгодное вложение в будущее! Ну кто?!

С первого ряда поднялась пожилая дама, бывшая в сопровождении слуги и прошамкала, обращаясь к аукционисту:

— Я хочу поглядеть на этот предмет поближе, прежде чем выложить за него требуемую цену!

— Конечно — конечно! — тут же согласился обрадованный аукционист — Всё, как вам удобно!

Старуха, при помощи слуги, подковыляла к Королю, который брезгливо отвернулся от неё.

— Похож на моего первого мужа, — закивала седой головой пожилая мадам — когда его приступы белой горячки пробирали, так же страшно глазами водил! Только, уж больно жирный. Небось жрёт много?

— Что вы, почтенная! Это его, просто, ветхая одежда полнит, — принялся уверять аукционист, испугавшись потерять покупателя.

— Да ну! — не поверила старушка — А вот это что? — она ткнула костлявым пальцем в трёхслойную королевскую талию — Ишь какой спасательный круг наел!

Король повернул к дотошной покупательнице лицо, искажённое гримасой гнева, и вlepил ей увесистую пощёчину.

Пожилая мадам, пролетев три шага, растянулась на мраморном полу, потеряв парик. Её жемчужное ожерелье лопнуло, и крупные, с голубинное яйцо жемчужины раскатились в стороны, разлучённые жестокой судьбой.

Аукционист побледнел, его напомаженные усы, до того торчавшие как стрелки часов, безжизненно повисли.

— Дамы и господа! Дамы и господа! Не расходитесь! — востепенулся он, заметив, что некоторые покупатели стали подниматься со своих мест — Аукцион делает вам предложение невиданной щедрости, мы предлагаем сей лот, — аукционист указал молоточком на Короля, надменно поджавшего губы — по крайне выгодной цене! Всего за один грош! Спешите, только сегодня! Господа, не уж то у вас не найдётся лишнего грошика? Всего один грошик? — аукционист отчаивался, не видя ни малейшей заинтересованности торгуемым лотом — А что если мы прибавим к этому роскошному лоту вот такой дивный презент? — он махал рукой лакеям, сидевшим за ширмой, и один из них вынес потрёпанного Зайца и поставил его рядом с Королём — Ну — с! Какова композиция! Сколько в ней экрессии! — нахваливал аукционист живой товар — Всего за один грош! Что

— нет? Пол грошика! Дамы и господа — цена снижена до половины грошика! Прошу предлагать!

Наблюдавший за торгами с маленького балкончика, Амтих Амтихович аж позеленел с расстройства — неужто ему не выручить за Короля и пол гроша? Остаться без прибыли он, ой как не любил! Но, на его счастье и наживу, торг приближался к неожиданному и весьма доходному завершению...

* * *

В аукционном зале, на самом последнем ряду, с краю, исходясь от переживаний связанных с выставлением последнего лота, крутилась, как ужаленная, преданная супруга Короля Многоземельного — Принцесса Закатиглазка.

В своём неизменном викторианском платье, стиранном — перестиранном, доставшимся ей в дар от свекрови, из тёмно — синего цвета выцветшего до чуть ли не голубого, а передник был уже цвета тысячелетнего папируса, благодаря чему она выделялась, как белая ворона, на фоне роскошно разодетых господ. В таком виде её бы никогда и не допустили бы на приличное мероприятие, но она была не одна. Рядом с ней сидела её мать, Королева, её — то внешний вид и соответствовал тому как должна выглядеть благородная госпожа — дорогое платье обшито жемчугом, монокль в золотой оправе, шляпка со страусиными перьями, а Принцессу пропустили так как приняли за её служанку.

Закатиглазка вертела головой, глядя то на мать, то аукциониста. Её волосы уже достаточно отрасли, что бы она могла заплести их в короткую косу, перетянув её резинкой.

— Ну что же ты не торгуешься! — изнывала она — Сейчас Короля перекупят! Все же только и думают, как себе такое счастье урвать! Моего ненаглядного!

— Сохраняй спокойствие, — рекомендовала Королева дочери — я всё вижу.

— Ах — ох! — и не думала униматься Принцесса — Да предлагай уже цену, чего ты ждёшь? Не успеем же! Уведут!

— Терпи, — сухо отвечала Королева.

— Перекупят — перекупят! — заламывала руки Закатиглазка, кусая до крови губы — Я этого не переживу!

Она увидела, как пожилая дама подошла к её мужу и принялась осматривать его, как коня на ярмарке, а потом, ещё, и ткнула пальцем ему в пупок.

— Что же это делается! — глаза на худом лице Принцессы полезли из орбит.

Как раз в это момент Его Величество дал покупательнице пощёчину, а аукционист снизил на него цену до гроша.

— А! — вскрикнула Принцесса — Сейчас купят! — она кинулась к матери — Торгуйся! Не сиди!

— Уймись, — взывала к благоразумию дочери Королева.

Аукционист снизил цену до половины гроша!

Закатиглазка схватилась за табличку, лежавшую на коленях у матери, та попыталась остановить дочь, да где там! Закатиглазка вырвала табличку и, запрыгнув ногами на стул, подняла её над головкой и прокричала так, что зал ответил ей эхом, а у всех присутствующих зазвенело в ушах:

— Сто миллионов золотых!!!

— Продано! — не помня себя от счастья, аукционист хлопнул молоточком.

Сотни голов повернулись и ошарашенно уставились на Принцессу.

— Что, завидуете! — ничуть не смутилась она — Не получить вам моего ненаглядного!

Выкусите! — она с обеих рук ткнула публике два кукиша.

Люди пожали плечами, видно с досады, встали и начали медленно покидать зал.

Принцесса бросилась к мужу с распростёртыми объятиями!

Король завидев жену бежавшую на него, попытался спрятаться за ширму, но не успел, Закатиглазка уже вцепилась в него. Король пытался упираться, но где было его мягким ручкам противостоять стальной хватке Принцессы. Почти десятипудовое королевское тело, оказалось прижатым к худосочной супруге, которая отчаянно покрывала вновь обрётённого супруга поцелуями.

Король крутил головой и отплёвывался, стараясь увернуться от жарких поцелуев.

— Я могу это забирать? — спросила Принцесса аукциониста, поднимая упиравшегося Короля на руки.

— Конечно можете! — улыбнулся тот — Но деньги вперёд!

— Ах, да, деньги, — Принцесса повернулась к ещё не подошедшей Королеве и крикнула ей — Маман, плати!

— Сейчас — сейчас, — успокаивала дочь Королева, спеша к аукционисту — уже готовлю кошелёк!

— Ай мой красавчик, мой кабанчик! — сюсюкала Принцесса мужу, покачивая его на руках — Ты так похудел без меня! Совсем лёгонький стал. Ах, а что это?! — она схватила мужа за правую руку — Где же пальчик подевался? На чём же мы теперь колечко обручальное носить будем?

— Как же я тебя ненавижу, — в беспомощном отчаянии отвечал Король, не оставляя попыток вырваться — наказание на мою голову! Кара за доброту мою, чрезмерную!

— Ну чего ты бранишься, мой сокол черноглазый? — Принцесса таки изловчилась и чмакнула Короля в губы, спрятанные под пышными усами.

— А — а — а!!! — Король отплёвывался и утирал рот рукавом — Да потому что ты, помимо того, что дрянная жена, так ещё и дура к тому же!

— Так это же логично, ты, разве, не находишь? — спрашивала Закатиглазка у супруга — Второе, собственно, и привело к первому!

— Да ты сама — то подумай! — заходился в истерике Его Величество — Ты за меня сто миллионов золотых отдала! Сто миллионов!!!

— Прости, моё сокровище, — извинялась перед мужем Принцесса — я знаю, что ты стоишь много больше, но, увы, это всё что мне удалось добыть.

Король, уже, ничего не говорил, долго сдерживаемые слёзы неизбежного отчаяния прорвались у него наружу — он горько рыдал, кусая себя за бороду.

— Всё! — объявила Королева, подойдя к счастливым супругам — Расчёт окончен! — она спрятала кредитную карту в маленькую сумочку.

— Хрен с вами, — Король вытер щёки от слёз — поехали пока в ваш дворец, я согласен первое время пожить с тещей. Но что бы на мою половину дворца ни ногой!

— Какой тебе дворец, сынок? — ласково спросила у зятя Королева — Нет больше у нас ни дворцов, ни особняков, даже хижины и той нету. Всё ушло на тебя. Абсолютно всё! Даже скотину всю продать пришлось.

Внезапно к ним подскочил вездесущий аукционист и напомнил:

— Вот это тоже ваше, бесплатный подарок, не оставьте его здесь, он нам даром не нужен, — он указал на скромно стоявшего Зайца.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Королева — Теперь скотина хоть какая — то будет. Своё, так сказать, хозяйство. Счастья тебе с ними, дочка! — пожелала она Принцессе.

— Ах, мама, — Принцесса уловила с голоса матери нотки сарказма, но ей уже было всё — равно — с милым рай и в шалаше! В нём мы и будем жить!

Его Величество, который ели — ели смог взять себя в руки, схватился за голову и слёзы, с удвоенной силой брызнули, у него из глаз.

— Не хочу в шалаше! — причитал он — На кой оно мне?!

— А может мы у папиньки твоего сможем приютиться? — спросил у Принцессы Заяц, которому тоже не улыбалось проживание в том самом шалаше, в котором рай, да ещё и Король с Принцессой впридачу.

— Ах, нет, милый Зайчик — побегайчик, — грустно покачала головой Принцесса — я же и у папиньки счета подчистила, так что нам лучше ему на глаза вовсе не показываться! — она ласково потрепала косоного по голове и весело спросила — А где это вы ушки потеряли? Расстеряшка!

Заяц ответил ей хмурым взглядом, чем несколько её не огорчил.

— Замечательно! — выдохнул Заяц, и ещё раз, мысленно, проклял сестру, которая умудрилась вовремя скрыться, и не с пустыми лапами — это что ж вышло, с чем мы начали, с тем и закончили? — уныло спросил он.

Все молчали, каждый по своему обдумывал слова Зайца, когда Король, наконец, сказал:

— Да нет, кое что, всё же, у меня осталось, — он сунул два пальца за откормленную щеку и вынул из — за неё маленький многогранный хрусталик, который заиграл тысячами разноцветных лучиков исходявшего из него тёплого света.

— Что это? — удивилась диковинке Принцесса.

— Стекляшка какая — то, — предположила Королева.

— Может быть и стекляшка, — просопел Король — но с помощью этой штуки, я могу видеть истинную суть вещей, правду.

— Видеть правду — это опасно, — заметила Королева — от такой вещи лучше поскорее избавиться.

— Чем же она может мне навредить? — Король неотрывно глядел на переливание света в хрусталике, даже претерпевая лёгкое жжение в глазах.

— Не она, — Королева взглянула на балкон, где притаился меценат и благодетель Амтих Амтихович — а те кто узнают об её существовании.

Король внял предупреждению тёщи и быстро спрятал хрусталик за щеку.

— Я просто буду осторожен, — сказал он — эта волшебная вещица ещё может сослужить мне службу.

— И в чём же? — пессимистично поинтересовалась Королева — мать.

— В восстановлении на законном престоле! — уверенно ответил Его Величество и гордо вскинул голову...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

И сверкали звезды,
И благоухала земля,
И скрипнула калитка в саду,
И шаги ее ласкали песок.
Пуччини. Ария Каварадосси «E lucevan le stelle» («Тоска»)

Невідомий автор.